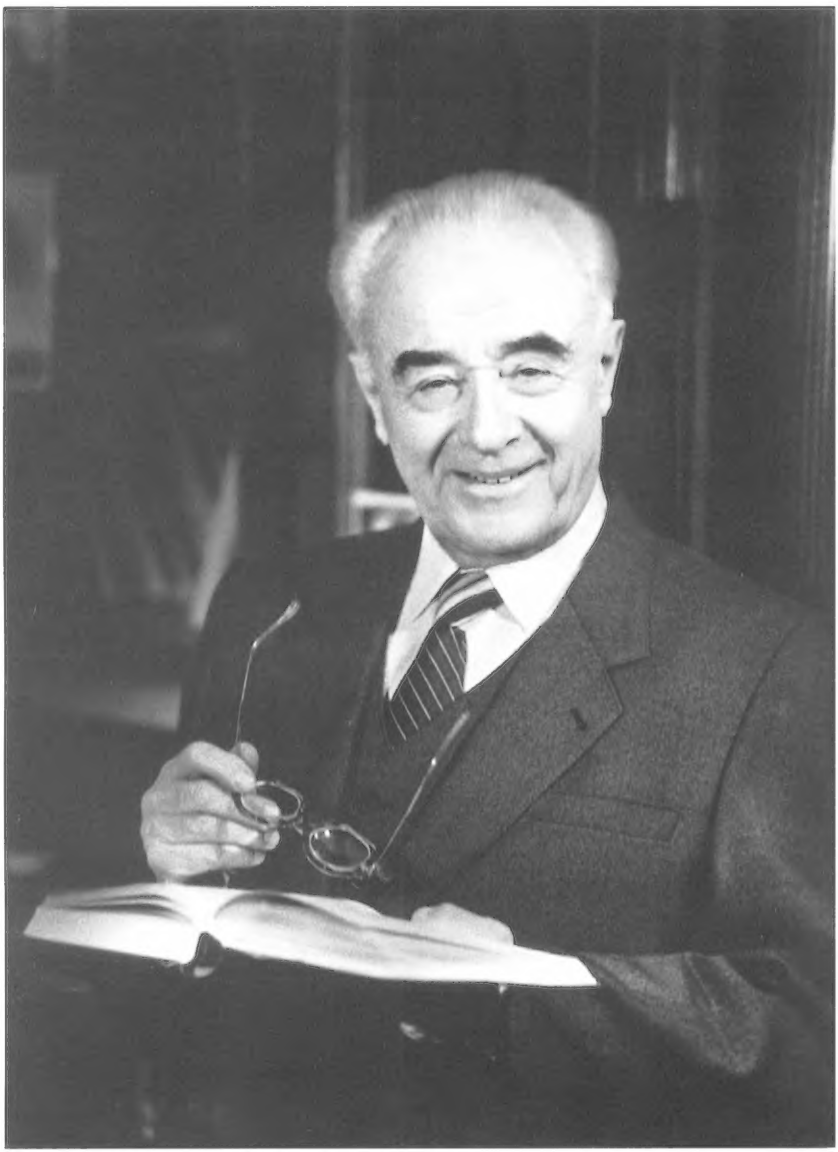
Солтан ДЗАРАСОВ
Станислав МЕНЬШИКОВ
Гавриил ПОПОВ

СУДЬБА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

АЛЬПИНА
БИЗНЕС
БУКС



Николай Александрович Цаголов (1904–1985)

К 100-летию
со дня рождения
Н. А. Цаголова

S. Dzarasov
S. Menshikov
G. Popov

The Destiny of Political Economy and Its Soviet Classic Scholar

A Centenary Tribute to Nikolai Tsagolov (1904-1985)

Moscow
2004

Солтан Дзарасов
Станислав Меньшиков
Гавриил Попов

Судьба политической экономии
и ее советского классика

Москва
2004

УДК 330
ББК 65.01
Д43

Авторы глав:

I–III — С. С. Дзарасов
IV — С. М. Меньшиков
V — Г. Х. Попов
VI — С. С. Дзарасов, С. М. Меньшиков, Г. Х. Попов

Редактор П. Суворова

Дзарасов С. С., Меньшиков С. М., Попов Г. Х.
Д43 Судьба политической экономии и ее советского классика./Дзарасов С., Меньшиков С., Попов Г. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. — 454 с.

ISBN 5-9614-0049-2

В книге увлекательно рассказывается об экономической науке в лице одного из ее наиболее ярких и выдающихся представителей — Н. А. Цаголова (1904–1985), тернистый жизненный путь и творчество которого колоритно отражают характерные черты ушедшей эпохи. В сложнейших условиях тоталитарного режима мятежный теоретик отважился пойти против господствующего тогда в нашей политической экономии догматического течения. Между ученым-исполином и изворотливыми «придворными авторитетами» развертываются острые баталии. Авторы показывают актуальность классического теоретического наследия, особенно планово-рыночной модели Цаголова, и то, как с их помощью можно не только выкарабкаться из ловушки скособоченного олигархического капитализма, но и выйти на траекторию устойчивого роста.

Драматична и судьба политико-экономической науки, прежде страдавшей идеологической зашоренностью, а теперь оказавшейся изгоем и замененной наспех позаимствованным на Западе и малопригодным для России «экономикс», с его рыночным фундаментализмом и оскопленным социальным аспектом. Подлинная теория чаще всего не востребуется властями. Но только она, непредвзято создаваемая учеными типа Цаголова, способствует прогрессу общества и приближает лучшее будущее.

Глубокая и доходчивая книга представляет интерес не только для ученых-экономистов, но и самой широкой аудитории.

УДК 330
ББК 65.01

© Дзарасов С. С., 2004
© Меньшиков С. М., 2004
© Попов Г. Х., 2004
© Альпина Бизнес Букс, оформление, 2004

ISBN 5-9614-0049-2

Chapters are written:

I–III — by S. Dzarasov
IV — by S. Menshikov
V — by G. Popov
VI — by S. Dzarasov, S. Menshikov, G. Popov

Contributors

Soltan S. Dzarasov, born in 1927, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of Economic Theory and Entrepreneurship Department of the Russian Academy of Sciences. In 1988 Dzarasov coheaded The Moscow Tribune, an organization founded on the initiative of academician A.Sakharov, a democratic reforms action committee. In 1990 was awarded a prestigious international prize by a jury headed by the Nobel winner V.Leontieff for the best project of turning the ruble convertible. Author of more than 100 scientific papers. Among his works are the textbook "Political Economy" (1988), books "The Russian Road – Liberalism or Social Democracy" (1999), "The Theory of Capitalism and Economic Growth" (2004). Many of his books are translated and published abroad.

Stanislav M. Menshikov, born in 1927, Doctor of Sciences (Economics), Professor. Deputy director of the Institute of the World Economy and International Relations of the USSR Academy of Sciences (1960-70), Director of a UN Secretariat Department (1974-80), New York. Professor of Rotterdam University (1991-97), The Netherlands. Cochairman of the Russian Association of Economists for Arms Reduction (ECAAR-Russia) since 1997. Author of books: Millionaires and Managers (1965), Inflation and Regulation Crisis (1979), Capitalism, Socialism, Coexistence (with J.K. Galbraith – 1987), Long Waves in Economies (with L.Klimenko – 1989), Catastrophe or Catharsis (1991), New Economics (2000), Anatomy of Russian Capitalism (2004).

Gavriil K. Popov, born 1936, Doctor of Sciences (Economics), Professor. Headed the Department of Organization and Management Methods of the Moscow State University Economic Faculty, Dean of the faculty in 1977-80. Editor-in-chief of the journal Problems of Economics (1988-91). USSR People's Deputy (1989-91), co-chaired the Interregional deputies group. Chairman of the Moscow City Soviet (1990-91), Mayor of Moscow (1991-92). President of the Moscow International University, President of the Free Russian Economic Society, President of the International Union of Economists.

Contents

Authors' notes 10

Chapter I. THE SOURCES

1. A Talk in Cambridge 15
2. The Tsagolovs' Family Tree 21
3. Family ties and home, school and the Revolution 37
4. The elder brother's blood 50
5. Green years and Soviet horrors 64
6. Early works 71

Chapter II. LIFE MILESTONES

1. His friends and their destiny 79
2. The Galileo phenomenon 98
3. In the State Planning Committee under Stalin 112
4. The first marriage 126
5. Tourning towards History 130
6. Doctor's thesis and Party Card 142
7. Miracle survivor 147
8. Personality scale and format 172

Chapter III. FIGHTING AGAINST THE MAINSTREAM

1. Is it easy to be a theoretician? 195
2. Soviet political economy before Tsagolov 198
3. Spreading wings 201
4. Political economy and economics 207
5. How important is methodology? 214
6. Moving from the abstract to the concrete 219
7. Hierarchy in the system of economic relations 225
8. What does Socialism begin with? 230
9. Was he our Keynes? 247

Оглавление

От авторов 11

Глава I. ИСТОКИ

1. Разговор в Кембридже 15
2. Род Цаголовых 21
3. Семья, дом, школа и революция 37
4. Кровь старшего брата 50
5. Пора юности и гримасы Советской власти 64
6. Ранние труды 71

Глава II. ВЕХИ СУДЬБЫ

1. Участь друзей 79
2. Феномен Галилея 98
3. В сталинском Госплане 112
4. Первый брак 126
5. Поворот к истории 130
6. Диссертация и партбилет 142
7. Уцелевший чудом 147
8. Формат личности 172

Глава III. ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

1. Легко ли быть теоретиком? 195
2. Советская политэкономия до Цаголова 198
3. Сохранивший крылья 201
4. Политическая экономия и экономикс 207
5. Сколь важна методология? 214
6. Восхождение от абстрактного к конкретному 219
7. Иерархия в системе экономических отношений 225
8. С чего начинается социализм? 230
9. Был ли он нашим Кейнсом? 247

10. His finest hour 261
11. The rise and fall of Tsagolov's school 269
12. What kind of political economy do we need? 275

Chapter IV. TSAGOLOV'S MODEL

1. Unique view on Socialism 287
2. Other models 296
3. Prophecy on the prospects of market Socialism 309
4. Uncertainty of planned targets 315
5. Rebellion of shadow economy 327
6. The System's fragility and instability 334
7. Capitalistic coup d'etat 349
8. Groundless criticism 356

Chapter V. BRINGING CLOSE THE FUTURE

1. In search of a niche 363
2. First opposition concept 367
3. Heading the Department at the University 372
4. At the University Faculty 376
5. Victory over the Institute of Economics 380
6. University carousel 386
7. Bringing close the future 391

Chapter VI. THROUGH THE PRISM OF TIME (Authors' Dialogue)

1. Situation in Russia 395
2. Unwanted science 401
3. The imperative of a renewed plan-market model 407
4. About Tsagolov's influence 414
5. What and how is to be built or the intricacies of a mixed economy 423
6. The contours of things to come 433
7. Political economy: comeback 439

10. Звездный час 261
11. Школа Цаголова: подъем и упадок 269
12. Какая политическая экономия нам нужна? 275

Глава IV. МОДЕЛЬ ЦАГОЛОВА

1. Уникальный взгляд на социализм 287
2. Другие модели 296
3. Пророчество о перспективе рыночного социализма .. 309
4. Условность планомерных целей 315
5. Мятеж теневой экономики 327
6. Хрупкость и неустойчивость системы 334
7. Капиталистический переворот 349
8. Безосновательные упреки 356

Глава V. ПРИБЛИЖАЯ БУДУЩЕЕ

1. Поиск ниши 363
2. Первая оппозиционная концепция 367
3. Во главе кафедры 372
4. На факультете 376
5. Победа над Институтом экономики 380
6. Университетская карусель 386
7. Приближая будущее 391

Глава VI. СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПЕРЕМЕН (авторский диалог)

1. Российская ситуация 395
2. Невостребованная наука 401
3. Императив обновленной планово-рыночной модели . 407
4. О цаголовском влиянии 414
5. Что и как строить: премудрости смешанной экономики 423
6. Контуры грядущего 433
7. Возвращение политической экономии 439

Authors' notes

This book is dedicated to Nikolai Tsagolov's 100th anniversary, an outstanding Soviet economist, prominent theoretician, and thinker of the 20th century (1904-1985).

Many things fade and disappear in an increasingly fast-paced kaleidoscope of public events and private lives. Memory is selective, but his personality and legacy lingers on. Nikolai Tsagolov is both a bright example of scientific, pedagogical and civic culture, as well as a powerful inspiration, a source of reason and spirit. He has influenced quite a few, especially those who, like ourselves, knew him well.

This has undoubtedly greatly helped us to tell the story of this distinguished, energetic and freedom-loving man of integrity. However, Nikolai Tsagolov's rich inner world never made his living any easier, as he survived an extremely turbulent, cruel, and confused period.

So, how can we write his **conceptual biography**? It should be shown how the struggle for one's convictions vis-a-vis historical challenges has shaped and determined the individual's road in life. It should therefore explain his existential choice under given circumstances.

Thus Nikolai Tsagolov's life, destiny, and creative work have vividly reflected the main features and contradictions, virtues and vices, hopes and failures of the by-gone times.

And though our understanding of the Soviet period itself and what Tsagolov represented in it does not fully coincide, we agree on the main thing. Facing the difficulties of the Soviet totalitarian-bureaucratic regime, Nikolai Tsagolov went **against the mainstream**, opposing the vulgar, descriptive and dogmatic trend, prevailing in the then Soviet political economy. His truly **classic works** visibly broadened the framework of the science. In his research of the post-capitalist society he consistently applied "Das Kapital" methodological principles and achieved a brand-new and exclusive system-based attitude towards Socialism.

Thus it is not surprising, that **Tsagolov's school** at the Moscow State University had numerous opponents in the jealous academic milieu. At the same time it faced antagonists among official scientists-"courtiers". They tried to tame and even discredit rebellious scholars using connections with the top Communist Party and government officials.

Some criticized the "Tsagolovites" for revisionism, others for high-brow weirdness and scholastics. There were people saying that they had gone "too far from practical needs of real-life Socialist construction". Certain were unhappy about their "concessions to bourgeois ideology".

От авторов

Предлагаемая Вашему вниманию книга посвящена 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного ученого-экономиста XX века, крупнейшего теоретика и мыслителя Николая Александровича Цаголова (1904–1985).

В быстро меняющемся калейдоскопе общественной и личной жизни многое уходит и забывается. Память избирательна. Образ Н. А. Цаголова держится в ней весьма прочно. Это и ориентир высокой научной, педагогической и гражданской культуры, и мощный источник разума и духа, оказавший сильное влияние на многих, особенно тех, кто, как и мы, его хорошо знал.

Данное обстоятельство, несомненно, облегчало задачу повествования об этой удивительно яркой, свободолюбивой, активной и цельной личности. Вместе с тем богатство внутреннего мира Н. А. Цаголова обусловливает сложность его жизни, протекавшей к тому же в исключительно бурный, жестокий и запутанный период. Суметь показать, как борьба за свои убеждения перед лицом исторического вызова определила жизненный путь человека — значит создать его ***концептуальную биографию***. Она должна, стало быть, объяснить экзистенциальный выбор, сделанный им в контексте своего времени. В судьбе, жизни и творчестве Н. А. Цаголова колоритно отражаются основные черты и противоречия, достоинства и пороки, надежды и провалы ушедшей эпохи.

И хотя понимание самой эпохи и того, какое место в ней занимала личность Н. А. Цаголова, у нас не во всем совпадает, в главном мы едины: в сложнейших условиях советского тоталитарно-бюрократического режима он пошел против основного тогда в нашей политической экономии вульгарно-описательного и догматического течения и создал поистине ***классические*** труды, заметно раздвинувшие рамки этой науки в широком смысле слова. Последовательно примененные Н. А. Цаголовым методологические принципы «Капитала» Маркса к исследованию посткапиталистической формации представили совершенно новый и уникальный системный взгляд на социализм.

Неудивительно, что университетская ***школа Цаголова*** нашла немало врагов в ревнивой академической среде. Особым нападкам она подвергалась со стороны «придворных авторитетов», пытавшихся с помощью своих разветвленных связей в партийно-государственной верхушке приструнить и всячески дискредитировать возмутителей спокойствия.

Meanwhile the Head of the Department of Political Economy of the Economic Faculty of the Moscow State University was developing Marxist theory, never treading on dangerous ground (not due to opportunism, but out of conviction that the theory was correct).

Nonetheless, it does not imply that the book avoids any critique of the author of the two-volume "Course of Political Economy" and his ideas and solutions of fundamental theoretical issues. It contains a comprehensive analysis of strong and weak sides of **Tsagolov's model** and the related problem of vitality of Socialist economy.

What is correct and what is controversial in Nikolai Tsagolov's views on planned economy, market relations and their subordination in different situations? Can we say that developed Western economies are purely market-oriented or do they likewise include elements of planned management and regulation? Should one treat a plan as a rigid directive (command administration) or is it a method of market-compatible indicative planning?

Each of us has expressed the views which he considers necessary and important. We have covered all these and numerous other issues linked with Nikolai Tsagolov's contribution to science. Time and readers will judge whether we are right or wrong.

While working on the book, we decided to get together and discuss "live" a number of the issues outlined by the book and put the results in the final chapter "Through the Prism of Time (Authors' Dialogue)". There we evaluate the relevance of Tsagolov's theoretical heritage and express our own views on the current situation, ways of addressing the most acute problems of today's Russia in light of the capitalistic coup of several past years.

The book title shows that the contributors also touched upon **the fate of political economy**, a science which has become a pariah in post-Soviet times. This 400 year-old science has been axed from the list of compulsory theoretical subjects in Russian universities. The book poses the question point-blank: what kind of political economy do we need (if at all)? Thus the main message is the following: provided it is revamped, seriously renewed and supplemented, political economy should be brought back as a fundamental economic science and a theoretical subject for University syllabus.

Одни упрекали «цаголовцев» в ревизионизме, другие — в заумном чудачестве, схоластике и «оторванности от практики и нужд реального социалистического строительства», третьи — в «уступках буржуазной идеологии». Между тем руководитель кафедры политической экономии экономического факультета МГУ развивал марксову теорию, никогда при этом не заступая за «красные флажки», что делал, впрочем, не конъюнктурно, а в силу уверенности в ее правоте.

Сказанное не означает, что книга исключает какое-либо критическое отношение к тем идеям и решениям, которых придерживался автор двухтомного «Курса политической экономии», в том числе и по коренным теоретическим вопросам. Так, читатель найдет развернутый анализ сильных и слабых сторон ***модели Цаголова*** и связанной с ней проблемы жизнеспособности социалистической экономики.

В чем же верны, а в чем спорны цаголовские воззрения на планомерность, рыночные отношения и их субординацию в различных условиях? Можно ли считать экономику развитых стран Запада чисто рыночной или в ней не в меньшей мере практикуются плановые формы управления и регулирования? Надо ли понимать план как жесткую директиву (командное администрирование) или как практику совместимого с рынком индикативного планирования?

По всем этим и многим другим вопросам, связанным с вкладом Н. А. Цаголова в науку, каждый из нас изложил то, что считал нужным и важным. Правы ли мы или нет — судить читателю и времени.

В ходе работы авторы сочли целесообразным встретиться и провести живую дискуссию по ряду затрагиваемых проблем. Ее результаты легли в основу VI главы — «Сквозь призму перемен (авторская дискуссия)», где в свете капиталистического переворота, произошедшего в нашей стране, оценивается степень актуальности цаголовского теоретического наследия, высказываются собственные точки зрения о нынешней ситуации, путях решения наиболее острых проблем современного российского общества.

По названию книги видно, что авторы не обошли обсуждаемый ныне в экономической литературе вопрос о ***судьбе политической экономии***, ставшей наукой-изгоем в постсоветский период. Насчитывающая без малого 400 лет, политическая экономия ныне исключена из числа обязательных общетеоретических вузовских дисциплин, преподаваемых в России. В работе прямо ставится вопрос — нужна ли нам политическая экономия и какая? Основной тезис: при условии ее переработки, т. е. серьезного обновления и дополнения, она должна быть возвращена в качестве фундаментальной экономической науки и общетеоретической дисциплины в высшей школе.

Глава I

ИСТОКИ

Времена не выбирают, в них живут и умирают.
Александр Кушнер

1. Разговор в Кембридже

На рубеже веков мне довелось провести несколько месяцев в Англии в качестве гостевого профессора Стаффордширского университета (г. Сток он-Трент). Появились новые знакомые — коллеги-экономисты, в том числе ученые из знаменитого Кембриджского университета.

Кембридж. Как много в этом слове... Этот удивительный город вот уже в течение нескольких столетий является наиболее полным воплощением великой, хотя и утопической мечты немецкого философа Иммануила Канта о создании «республики ученых». Дело не только в том, что этот мировой центр интеллектуальной культуры не может не интересовать любого, кто имеет хотя бы косвенное отношение к науке, и не только в том, что отечественная традиция экономической теории через Маркса уходит корнями именно в английскую школу политической экономии. Надо побывать здесь, чтобы уловить царствующий повсюду дух благоговейного отношения к науке.

Университет сформировался на основе колледжей средневековых монастырей, в которых готовили богословов. Постепенно светские науки вытеснили церковные, но старые традиции, архитектура и предметы искусства бережно сохраняются. Кабинеты ученых и аудитории размещаются в древних, но не ветхих монастырских постройках. В монашеских кельях, где когда-то приобщались к духовной жизни суровые аскеты, теперь звучат научные дискуссии и студенты «напрягают» Интернет. Во дворе каждого колледжа — непременный английский газон, раскинувшийся, как роскошный зеленый ковер. Здания опоясывают крытые галереи. Можно легко представить, как по ним бродили монахи, перебирая четки и сотворяя дневную молитву. На экскурсии вас непременно подведут к живописной старой яблоне, под сенью которой,

согласно известной легенде, великий Ньютон сделал свое открытие, покажут и место в библиотеке, где он работал; аллею, по которой лорд Байрон — этот «мятежный аристократ» — выгуливал своего медвежонка*; прокатят на плоскодонном ялике по реке Кэм под восемью живописными мостами и вдоль берегов, увитых плакучими ивами.

Невольно думаешь об обитателях этих старинных зданий — о тех, кто дышал этим воздухом, шагал по этим каменистым улочкам и бился над разгадками тайн Вселенной, общества и человеческой души. Любого причастного к науке здесь охватывает мистическое чувство мусульманина, совершающего хадж в Мекку. Кажется, что, подобно духу пророка, академический Дух невидимо почиет на стенах древних строений, витает над устремленными вверх готическими храмами, придает особое звучание величественной органной музыке, заставляющей трепетать душу.

Под его незримым покровом здесь царствуют ученые. Каждый колледж находится в собственности профессоров**, а администрация не имеет права вмешиваться в его внутренний уклад. Например, ректор не может даже посетить частный клуб преподавателей — этот непременный атрибут каждого здешнего колледжа — без специального приглашения. Когда кто-то выходит на пенсию, коллеги общим голосованием принимают нового педагога в свою среду. Главный критерий — высокий уровень квалификации, ведь преподавание ведется один на один, т. е. занятия проводит один профессор с одним студентом. Прибавьте сюда еще и тщательный отбор поступающих, и вы поймете, почему в мире столь высок авторитет этой «республики».

Но такое особое положение ученых, которого они, пожалуй, не имеют более нигде в мире, вовсе не предполагает догматического почитания взглядов даже самых выдающихся из них. И здесь, наверное, проявляется самая глубокая черта Кембриджа как духовного (а не только культурного) явления, позволившая некоторым исследователям говорить о «кембриджской цивилизации» (Skydelsky, 1983, pp. 26–50).

Дело в том, что в далеком XIII веке Кембриджский университет был основан диссидентами, отколовшимися от Оксфорда. Поводом для раскола стало убийство одного из студентов, но более глубокая причина была в стремлении части монахов заниматься естественными науками,

---

* В университете было запрещено держать кошек и собак, и Байрон — враг всяких ограничений личной свободы — затеял гулять с медвежонком, ссылаясь на то, что устав этого не запрещает.

** Слово «профессор» в английском языке означает не только научное звание, но имеет и другой смысл — преподаватель.

что встречало сопротивление со стороны богословов-схоластов. В результате Кембридж стал знаменит, прежде всего, своими естественными науками. Люди нашей профессии знают его, главным образом, как центр одной из самых значительных школ экономической науки. Это неудивительно — под сенью естествознания здесь зрела светская, рациональная культура.

Дух нонконформизма и объективного служения истине вопреки всем догматам, религиозным и светским, проходит через всю историю этого города. Здесь было поднято знамя многих новых направлений в науке, работал великий Ньютон, бросил свой вызов неоклассической ортодоксии Дж. М. Кейнс; тут в роковые для Европы 30-е годы распространил свое влияние марксизм; отсюда десятки студентов уехали в Испанию в составе английского батальона интербригады; наконец, именно здесь находится, пожалуй, главный центр современной неортодоксальной экономики.

С одним из ее наиболее видных представителей — профессором Джефом Харкортом мы идем в его родной «Колледж Иисуса». Человек кипучей энергии и искрометного юмора, с необыкновенно живыми и ясными глазами, он в свои 70 лет продолжает активно работать. Дж. Харкорт объясняет, что профессора университета живут тут же, в зданиях колледжа, в котором работают. Время слишком дорого, чтобы тратить его на длинные переезды.

— А если преподаватель уходит на пенсию?

Харкорт показывает на ряд аккуратных домиков, которые колледж строит для отставных профессоров, с неизменным английским двориком перед каждым из них. Жест сопровождается многозначительной шуткой:

— Jesus Christ saves all over the world, but invests only in Cambridge. («Иисус Христос спасает во всем мире, но инвестирует только в Кембридже». Игра слов — в английском языке *to save* имеет два значения: спасать и делать денежные сбережения.)

Стоит пояснить уже вполне серьезно, что особое положение Кембриджа объясняется тем, что это питомник английской аристократии. Правящий класс страны всегда отчетливо понимал, что способность властвовать над миром в значительной мере зависит от квалификации его представителей. Именно поэтому английский истеблишмент не поскупился на то, чтобы создать здешним профессорам наилучшие условия.

Между тем мы подходим к воротам колледжа и затем попадаем в небольшой, но удобный кабинет хозяина. Стены заставлены шкафами с книгами и рукописями. Профессор любезно предлагает традиционный

английский чай, и, устроившись в столь же обязательных удобных креслах, мы начинаем разговор.

Харкорт почти мой ровесник, а люди одного возраста лучше понимают друг друга. У нас много общего: мы оба стремились попасть в лучшие учебные заведения и к научной карьере; оба прибыли в крупные культурные центры из провинции; оба сохранили тесную связь с малой родиной. (Профессор Дж. Харкорт является настоящим патриотом Австралии, откуда он родом, с гордостью называет себя профессором не только Кембриджского, но и Аделаидского (Австралия) университета и всегда работал как в одном, так и в другом. Но между нами существует и значительная разница. Когда он изучал «эффект Викселя», я штудировал «шесть условий товарища Сталина».

Меня интересует развитие альтернативной экономики и то, какое место она занимает в мире. Вряд ли кто-нибудь может рассказать об этом лучше, чем мой собеседник — живой классик посткейнсианства, стоявший у его истоков, учившийся у первого поколения учеников Дж. М. Кейнса и сам обучавший многих виднейших представителей этого направления экономической науки. Он говорит о мировом размахе драматической борьбы, которую представители посткейнсианства ведут с ортодоксией. Дж. Харкорт называет фамилии экономистов из самых разных стран и показывает их работы. Поистине кембриджская школа охватила своим влиянием весь мир — теперь ее представители высочайшей квалификации появились в Италии, Индии, Мексике, Турции, США, Канаде и многих других странах.

Но не в России. Может, кто-то скажет: «Невелика потеря. Мы, мол, сами с усами». Провинциальная самоуверенность. Когда разыгралась знаменитая кембриджская дискуссия о капитале (60–70-е годы), то оппоненты посткейнсианцев (Самуэльсон) удрученно констатировали, что последователи этой школы появились «даже в Индии» (О. Бадури), но им не довелось отметить ни одного участника из России. Их просто не могло быть, т. к. мы не имели возможности вести полемику на языке этой дискуссии. Такова плата за нашу изоляцию от мира и догматизм советского времени. Харкорт вдохновенно говорит о коллегах-соратниках, и чувствуется, что он гордится интеллектуальными достижениями школы, ярким представителем которой является.

Затем беседа перемещается в плоскость российской проблематики. Поразмышляв о дефолте, политике Горбачева, Ельцина и Путина, Дж. Харкорт, помню, спросил:

— А кто у вас был наиболее значительной фигурой в экономической науке в советский период?

— Это как смотреть, — ответил я. — Формально главными считались те, кого на эту «должность» рекомендовали наши прежние вожди, Политбюро. Пришедшиеся ко двору, они обычно уже до назначения либо же сразу после становились академиками, возглавляли ведущие научные учреждения страны. В основном это были далеко неглупые, весьма ловкие люди, на кого партийно-государственная номенклатура считала возможным положиться в качестве надежных проводников своей политики. И эти функционеры, точнее, дельцы от науки, уже, в свою очередь, определяли «расстановку сил» в ученой среде. Зачастую это были даже не экономисты, например, Н. Иноземцев, бывший директор престижного Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Но зато он был членом, как это принято теперь говорить, «брежневской семьи».

— Ну, это формально, а по существу? — допытывался собеседник.

— По существу, конечно, были иные критерии и авторитеты. Среди тех, кто внес наиболее значимый реальный вклад в экономическую теорию советских времен, чаще всего и не без оснований упоминают имя Николая Александровича Цаголова.

— Вы знали его лично?

— Очень хорошо, более того, долго работал вместе с ним, — заметил я не без гордости.

— Чем же он обогатил науку?

— Цаголов был подлинным классиком советской политической экономии, он глубже всех разработал теорию социализма, создал целое новое направление в этой области. Но не только. Он также внес серьезный вклад в историю русской экономической мысли, создание политической экономии в широком смысле слова. Написанный под его руководством оригинальный и фундаментальный учебник в двух томах — «Курс политической экономии» — стал настольной книгой для значительной части по крайней мере ряда поколений учащейся молодежи и экономистов в СССР. Понятие «школа Цаголова» стало у нас синонимом научной мысли самой высокой пробы.

— Наверное, сложно складывалась судьба теоретика-экономиста и его работ в эпоху тоталитаризма?

— Весьма непросто. Но несмотря на многие табу, им были созданы классические труды, безусловно, имеющие пропуск в настоящее и будущее. Конечно, Николая Александровича Цаголова не могли не признавать и тогда. Но он никогда не был сильно обласкан советскими властями и теми, кто по воле партии вершил тогда судьбами экономической науки. Весьма характерно, что ему — поистине мэтру политэкономии

той эпохи, — не присвоили не только звание академика, но даже и члена-корреспондента...

Этот давний разговор я вспоминаю теперь, когда совместно с двумя другими авторами решился наконец-то написать книгу о Н. А. Цаголове, которого считаю и своим учителем, и старшим другом.

Для меня этот труд — и честь, и радость, и долг, и ответственность.

Николай Александрович Цаголов — не только выдающийся экономист, но и удивительная личность. Как сказал Брюсов, «есть тонкие властительные связи меж контуром и запахом цветка». Это был на редкость красивый, глубокий, честный и разносторонне одаренный человек. Его отличали кипучий темперамент и остроумие, щедрость и культура, простота в общении и благородство. Он был также умелым организатором и оратором-трибуном. Артистичные по форме и богатые по содержанию лекции Н. А. Цаголова буквально завораживали слушателей, производя неизгладимый эффект.

Академик НАН Украины, директор Института мировой экономики и международных отношений Ю. Н. Пахомов в разговоре со мной както заметил: «В Цаголове прежде всего в глаза бросалась порода, похоже, что он вырос из какого-то особо доброкачественного семени (зерна), и все его неординарные качества и ипостаси исходят из этой здоровой основы. Уверен, что восприятие обществом и реализация на практике цаголовских замыслов обеспечили бы успешную трансформацию советской экономики, и крах страны был бы предотвращен».

Избравший в юности профессию экономиста и посвятивший науке без малого шесть десятилетий, Н. А. Цаголов не только возвел политическую экономию на качественно новый уровень, но и придал ей дополнительный блеск и лоск. Вышедшие в конце его жизни «Избранные произведения» в трех томах и упомянутый «Курс», а также монография по истории русской экономической мысли украшают российскую экономическую науку второй половины XX века так же, как сияющие вершины Эльбруса и Казбека — горные гряды Кавказа, откуда, кстати, родом этот замечательный сын осетинского народа.

Часто недоумевают: как такому яркому человеку, активно и добросовестно занимавшемуся общественной наукой в тот жестокий век, удалось не только уцелеть, но и прожить долгую, плодотворную и, в общем-то, счастливую жизнь? Как тоталитарный строй не сломал свободолюбивую личность Цаголова, придерживавшегося девиза: «Не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше он прогнется под нас»?

Ниже я постараюсь ответить на эти вопросы.

Его не стало летом 1985 года. Многое с тех пор изменилось. Советский Союз распался. Вектор развития общества повернулся на 180 градусов. «Демократизация» и «рыночные реформы» привели не только к краху тоталитарного режима, но и к ликвидации социализма. На его обломках вырос олигархический капитализм, с соответствующей экономикой, политической и идеологической надстройкой.

Что и говорить, появилось немало новых возможностей и свобод, которые нам раньше и не снились. Надо ценить их. Но так ли уж приблизилось российское общество к искомому идеалу? Да, засверкали витрины магазинов, на прилавках которых появилось изобилие всякой заморской утвари. Но скольким десяткам миллионов наших граждан она не по карману? Колоссально выросли преступность и смертность населения. Не слишком ли велики социальные контрасты и плата в целом?

Трагикомические явления наблюдаются в сфере общественных наук. Один из тургеневских персонажей как-то сказал: «И я сжег все, чему поклонялся, поклонился тому, что сжигал». Действительно, все достижения советской политической экономии буквально без разбора были отброшены как ненужный, устаревший хлам, а на пьедестал вознесен наспех позаимствованный на Западе и малопригодный для России «экономикс».

Пришли иные времена, взошли другие имена. Однако, несмотря на истекшие годы и крутые перемены, образ Н. А. Цаголова не стирается, не тускнет, по крайней мере, в памяти тех, кто его хорошо знал. Даже наоборот. Чем дальше, тем очевиднее, как недостает нам людей такого уровня и масштаба для осмысления и определения путей решения острых проблем современного российского общества.

Ясно и другое. Для меня лично он был не просто великим ученым-экономистом, но и духовным наставником, жизненным ориентиром, человеком, с которым я никогда не перестаю сверять свои мысли и поступки, тем, на кого всегда пытаюсь равняться. И твердо знаю — в этих желаниях я далеко не одинок...

2. Род Цаголовых

Истоки личности, корни ее взглядов и убеждений не поддаются полному выявлению сторонним наблюдателем, но некоторую общую траекторию развития человека можно восстановить, исследуя его семейную историю. Важно, однако, чтобы она не замыкалась на внутрисемейных событиях, а воспроизводила их в более широком историческом контек-

сте. Именно так можно понять глубинные мотивы, определившие выбор интеллектуала.

Касаясь этого сложного вопроса, выдающийся английский историк Э. Карр писал: «Фрейд, подкрепляя Маркса, побудил историка изучать самого себя и свою собственную позицию в исторической науке, мотивы — подчас скрытые мотивы, которые направили его выбор темы или периода, и его отбор и интерпретацию фактов, национальную и социальную среду, которая определила его угол зрения, концепцию будущего, которая очерчивает его концепцию прошлого. Со времен работ Маркса и Фрейда историку непростительно думать о себе как об обособленном индивиде, стоящем вне общества и вне истории. Эта эпоха — эпоха самосознания: историк может и должен знать, что он творит» (Carr, 1961, p. 139).

Комментируя эту мысль, Дж. Харкорт предлагает заменить слово «историк» на слово «экономист» и отнести ее к людям своей профессии. Размышляя о позиции разных участников т.н. Кембриджской дискуссии о капитале, ставшей одним из главных событий в западной экономической науке 60–70-х годов, Дж. Харкорт отмечает роль подсознательных мотивов: «У меня сложилось сильное впечатление, что если бы кому-то сказали, питает ли некий экономист глубокое сочувствие или враждебность к капиталистическим институтам, особенно частной собственности или связанным с ними правом на доход, или является он ястребом или голубем по своим взглядам на войну во Вьетнаме, можно было бы со значительной степенью точности предсказать как его общий подход к экономической теории, так и то, чью сторону он принял бы в настоящей дискуссии. И наоборот: знание последнего превосходно позволяет предсказать первое...» (Harcourt, 1972, p. 13). Социальные убеждения, воспринятые с молоком матери еще в семье, побуждают интеллектуала занять ту или иную общественную позицию. Вот почему нам необходимо начать с семейной истории того, о ком пойдет речь в этой книге.

Николай Александрович Цаголов родился 17 июля 1904 года в селении Христиановское (ныне г. Дигора), которое по существовавшему тогда в России административному делению входило в состав Владикавказского округа Терской губернии (Северный Кавказ). Его отец, Александр Харитонович, принадлежал к славному роду, представители которого издавна отличались острым умом и силой характера, благодаря которым они всегда выдвигались в первые ряды в любой среде.

Бросим короткий взгляд на происхождение Н. А. Цаголова, ибо оно во многом определило выбор им жизненного пути, характер его научной и педагогической деятельности, его нравственный и интеллектуаль-

ный облик. Его дед Харитон (Хуасдзау, что в переводе с осетинского означает «косарь»), по преданию, был типичным горцем — неграмотным, как все горцы того времени, но человеком трудолюбивым и мужественным, острым на слово и находчивым в любой ситуации. Об этом следует сказать, потому что, как будет видно ниже, эти качества были унаследованы его потомками во многих поколениях.

Посмотрите на фотографию Харитона, сделанную в конце XIX века, когда он был уже глубоким стариком. Это типичный горец того времени — в бараньей шапке, черкеске, подпоясанный ремнем, к которому прикреплен кинжал. Прямой взгляд и ясные, устремленные вперед глаза говорят о твердости характера, не знающего колебаний, а прямая осанка — о привычке с детства сидеть в седле. Руки твердо держат рукоятку кинжала, как раньше держали поводья или плуг. Такой без крайней надобности не вынет кинжал из ножен, а уж если вынул, так без чести не вложит обратно. Видно, что он умел постоять за себя и за дело. И есть еще в лице человека в черкеске особенное выражение, которое вряд ли сыграет даже талантливый актер: чувство уверенности и собственного достоинства, выработанное жизнью, проведенной в трудах и заботах, плоды которой пожинает этот крепкий еще старик.

Когда в середине XIX в. укрепившаяся на Кавказе русская администрация разрешила горцам переселиться с гор на равнину, то не всем сразу хватило решимости это сделать. В их памяти были живы жестокие и разорительные набеги, которым они подвергались со стороны рыскавших на равнинной части Кавказа насильников и грабителей. Горцы столетиями жили в условиях родовых порядков и не понимали, каким образом вековые традиции могут быть заменены государством и его институтами, поэтому первоначально многие восприняли русских как очередных разбойников и угнетателей. Не сразу пришло понимание того, что русские отличаются от прежних захватчиков и что в данном случае новые завоеватели несут с собой и новую цивилизацию, прежде всего, систему государственного устройства и определенного правопорядка.

Цаголовский род, как остальные осетинские фамилии, до того жил в горах как единая военно-хозяйственная организация. В списке жителей Христиановского он значится во втором эшелоне относящихся к 1859 г. первых переселенцев (История, 1992, с. 7.)

Несомненно, что основной причиной переселения была возможность получения плодородной равнинной земли. Для горца, жившего в условиях острого безземелья, этого было достаточно, чтобы пойти навстречу судьбе. Но переселение было связано еще и с другим мотивом, так

как сопровождалось миссионерской деятельностью — переходом желающих из мусульманства в христианство. Ниже мы покажем, как по-разному сложилась судьба тех, кто принял или не принял христианство. Однако, вне независимости от этого факта, само переселение горцев на равнину было колоссальным шагом по пути к новой цивилизации. Ситуацию в Осетии того времени можно сравнить с той, что сложилась в Америке, когда в поисках лучшей доли люди потянулись на освоение незанятых земель на диком Западе страны. Разница в том, что в США люди по собственной инициативе осваивали новые территории, насаждая там более высокий уровень общественного развития и государственный правопорядок, а в Осетии, наоборот, люди покидали дикие горы и шли на равнину в поисках земли и более высокой цивилизации, которая пришла на Кавказ вместе с русским завоеванием.

Переселенческая политика царского правительства, разумеется, не была бескорыстной. Переселяя горцев на равнину, царская администрация создавала себе политическую опору, поэтому за принятие христианской веры предлагались льготы, которых не имели сохранявшие верность исламу. В результате общество раскололось на две части по религиозному признаку. Одни решили сохранить свою верность исламу, а другие предпочли принять христианство. Для последних на равнине были выделены лучшие земли. Распоряжением наместника края графа Воронцова от 25 августа 1852 года на принявших христианство 60 семей, составляющих, в общей сложности, 654 человека мужского пола, выходцам из Дигорского горного ущелья было выделено 4870 десятин на плодородном черноземе предгорной равнины, а место их поселения было названо Вольно-Христиановское (впоследствии Ново-Христиановское, ныне г. Дигора) (История, 1987, с. 282). В 18 километрах от этого места тем же распоряжением выходцам из того же ущелья, сохранившим верность исламу, на 619 душ мужского пола было выделено 3764 десятин земли в менее плодородной и болотистой местности, а место поселения было названо Вольно-Магометановским (ныне Чикола).

Затерянное в долине малоизвестных речек — Астаудон (что означает «средняя река», поскольку протекала по середине села), Дур-Дур и Орсдон, в стороне от основных магистралей, соединяющих Кавказ с Россией и Закавказьем, село Христиановское с населением в начале XX в. в пять с лишним тысяч человек (позднее около 10 тыс.) вызывает интерес в связи с одним загадочным обстоятельством: оно выдвинуло на авансцену российской жизни несоразмерное его населению количество талантов, оставивших заметный след в истории, науке и культуре страны. Забегая далеко вперед, замечу, что в мои студенческие годы (1945–

1950) в Московском университете работали четыре родившихся здесь в начале прошлого века профессора, и каких: Г. А. Кокиев (история СССР), Н. А. Цаголов (политическая экономия), В. М. Гарданов (этнография), Г. М. Кесаев (латинский язык). Студенты всегда говорили о них с восторгом. Высококлассные специалисты, они пользовались глубоким уважением своих беспристрастных коллег. С иголочки одетые, все, как на подбор, статные красавцы, с благородной манерой поведения, выходцы из села Христиановского привлекали всеобщее внимание.

Можно привести в пример еще немало людей, родившихся именно в этом селе в конце XIX и начале XX веков, которые ярко проявили себя во многих сферах хозяйственной, государственной и культурной жизни страны, не говоря об авторитетных фигурах республиканского масштаба. Думаю, что немного найдется — если вообще найдется — в СССР сел и городов с менее чем десятитысячным населением, которые могли бы похвастать таким обилием талантов.

Этот своеобразный социально-культурный феномен заслуживает тем большего внимания, что в основанном поблизости в том же году селе Магометановском с приблизительно с таким же количественным и этническим составом населения ничего подобного не наблюдалось. Сравнение представляет особый интерес тем, что не только в этническом, но даже в родственном отношении села были однородными. Один брат, принявший христианство, селился в одном селе, а сохранивший верность исламу — в другом. Так было в очень многих случаях. В Осетии фамилии образовывались от одного родового корня, и все однофамильцы, как правило, имели общего предка. Например, согласно преданию, все Цаголовы происходят от Цагола, и по этой причине обычай предписывал им сохранять родственные отношения во всех поколениях. И в прошлом никто не смел нарушить это требование. Так, принявший христианство Хуасдзау поселился в Христиановском, а его брат Баса, оставшийся мусульманином, — в Магометановском. Несмотря на различия в вере и прошедшие полторы сотни лет, какие-то формы личных отношений, правда, сильные ослабленные, сохранились до наших дней, по крайней мере, внешне.

Сравнительный анализ развития сел Христиановского и Магометановского (после революции Дигоры и Чиколы) дает в микромасштабе такой интересный срез цивилизационных различий и их последствий, что на этом следует остановиться. Явления такого рода привлекли внимание выдающегося советского этнографа Л. Н. Гумилева, который подверг их обстоятельному анализу. Он утверждал, что этнос является не монолитным, а дискретным образованием, состоящим из некоторых

субэтнических групп. Этот тип внутреннего подразделения этноса не совпадает с классовым или каким-либо другим общественным делением, а скорее связан с особым стереотипом поведения, который и является «основным принципом этнической обособленности».

Часто такие субэтнические образования, по словам Л. Гумилева, возникали по религиозному признаку. Ученый приводит два ярких примера из истории: раскол французов на «папистов» и «гугенотов» в XVI в., и выделение старообрядцев в России XVII в. Гумилев отмечает, что большинство столкнувшихся в жестокой религиозной войне французов едва ли разбирались в богословских тонкостях. «Если же они отдавали жизнь за мессу и Библию, то, значит, то и другое оказалось символом их самоутверждения и противопоставления друг другу, а тем самым — индикатором глубинных противоречий. Эти противоречия не были классовыми, так как на обеих сторонах сражались дворяне, крестьяне и буржуазия» (Гумилев, 1989, с. 83). Если бы гугеноты сумели отвоевать для себя кусок самостоятельной территории, то, возможно, «их следовало бы рассматривать как особый этнос, возникший вследствие зигзага исторической судьбы, потому что у них были бы особый быт, культура, психический склад и, может быть язык...». Этот процесс складывающегося субэтноса характерен для русского старообрядчества. Если их первое поколение не отличалось по своему образу жизни от основной массы русских, то «к концу XVIII в. у них появились, а отчасти сохранились обычаи, обряды, одежды, резко отличные от тех, которые стали общепринятыми... В новообразовавшуюся внутриэтническую целостность входили и купцы-миллионеры, и казаки, и полунищие крестьяне из Заволжья» (там же, с. 84–85).

Подобные группы, образующие внутреннюю структуру этноса, придают ему устойчивость в условиях изменяющейся исторической среды. Наличие внутри единого этноса групп с различающимися стереотипами поведения обеспечивает возможность развития, приспособления к исторической динамике, ответа на вызов времени. Так, присоединение к России означало для осетинского народа выход из средневековой замкнутости и включение в мировой исторический процесс. Это порождало, с одной стороны, охранительные тенденции (сохранение обычаев и традиционного образа жизни как способа поддержания своей идентичности), так и стремление к модернизации и обновлению, с другой. Как и во многих аналогичных случаях в истории, этот экзистенциальный по своему существу выбор принял религиозную форму. Выбор религии означал выбор культуры, образа жизни, системы ценностей. То, что этот выбор оказался и географически локализован, привело к обособлению

двух различных стереотипов поведения в рамках этнографически единого образа жизни. К счастью, культурные различия выходцев из одного ущелья не породили столь острой и непримиримой вражды, как между «папистами» и «гугенотами» и между старообрядцами и обновленцами в России. Однако возникшие определенные различия в образе жизни заслуживают внимания.

Жители села Магометановского были известны более строгим соблюдением «ахдау» — обычаев и норм традиционного осетинского общества. На своих соседей и родственников из села Христиановского они смотрели как на людей, отличающихся недопустимой свободой (фривольностью) поведения. Жители Христиановского, в свою очередь, расценивали своих соседей как людей непрактичных, отсталых в культурном отношении, ленивых. Последнее не было справедливо, т. к. жители Магометановского не гнушались тяжелого крестьянского труда, но верно то, что они не отличались предприимчивостью, которую в избытке проявляли христиановцы.

Таким образом, в двух селах мы видим извечное для человеческого общества противостояние двух жизненных начал: верности традиции и устремленности к будущему. Вовсе не всегда они противостоят друг другу как прогресс и реакция — для выживания этноса в изменчивой исторической среде необходимо и приспособление к новым условиям, и поддержание своей идентичности. Но с точки зрения рассматриваемой нами биографии нас интересуют те специфические условия и жизненные ценности, которые сложились в одном из этих сел.

Поистине судьбоносная роль появления Христиановского не просто как нового села, а как субэтнического образования, выражавшего особую жизненную ориентацию, состоит, на наш взгляд, в том, что это событие подготавливало модернизацию осетинского общества, создавало условия для его превращения из средневекового в современное, определяло исторические судьбы целых народов. Под исторической судьбой мы вслед за Л. Гумилевым будем понимать «цепочки событий, каузально связанные их внутренней логикой» (там же, с. 79). Именно сюда, в Христиановское, тянутся нити исторической судьбы, которая определила жизненный путь Цаголова за годы до его рождения.

При кровном и психологическом родстве два села разительно отличались в культурном отношении. У Чарльза Диккенса есть роман «Два города», в котором он очень ярко описывает, насколько разными были Лондон и Париж в годы Великой французской революции. Различие этих городов — своего рода иллюстрация того, что собой представляет рациональная эволюция и иррациональная революция. Но если бы на два

рядом находящихся села с однородным населением нашелся свой Диккенс или Гумилев, то он с той же убедительностью показал, каким образом на судьбы людей влияет разность цивилизаций. На примере двух сел, так сказать, в микромасштабе, история предоставила нам уникальный материал для суждений о двух мирах, сходных в одном и различных в другом.

На рубеже веков жители Христиановского активно вступали в рыночные и капиталистические отношения, налаживали деловые связи с остальными регионами страны, молодежь приобщалась к культуре и образованию. Здесь раньше, чем в других селах Осетии, поняли не только значение частного предпринимательства, но и роль народного просвещения. Поэтому в 1863 году, через десять лет после основания села, здесь появилась первая школа, где обучалось около 40 детей. В дальнейшем количество учащихся все время возрастало, и, по данным местного исследователя того времени, к 1900 году их число достигло 680 детей разного возраста (Гарданов, 1925, с. 195). В результате росла грамотность населения. Согласно переписи 1897 года, в селе насчитывалось 982 грамотных жителя, из которых 150 составляли лица женского пола.

В результате к концу XIX в. в Христиановском появились преуспевающие предприниматели, писатели, журналисты, адвокаты, офицеры, врачи, инженеры. Они получали образование во Владикавказе, Баку, Тифлисе, Ставрополе, Ростове, Москве, Петербурге и других российских городах. Воспитанная на русской культуре и традициях, такая интеллигенция вместе с получением знаний восприняла также идеи революционного преобразования общества.

В соседнем Магометановском ничего подобного не было.

Если жизненное кредо жителей Христиановского можно определить как «На Бога надейся, а сам не плошай», то кредо жителей соседнего Магометановского состояло в другом: «Сохраняй верность аллаху и адату, и все достойное свершится по его воле». Поэтому жители Магометановского предпочитали оставаться в стороне от основного потока российского развития. Пуще всего они опасались прервать привычный образ жизни, нарушить святость родовых отношений вторжением чуждой цивилизации, но тем самым сохраняли свою темноту и отсталость. Лишь двое-трое промышляли мелкой торговлей. Склонности к предпринимательской деятельности не проявлял никто. Здесь грамотных не было вообще, поскольку не строились школы. Грамотные считались рассадниками заразы неверности. Первая школа появилась с полувековым опозданием уже в условиях Со-

ветской власти. Только в этот период произошел подъем села, когда его жители по своему культурно-образовательному уровню сравнялись с теми, кто ушел вперед, как Дигора. Да и тогда первыми организаторами и учителями по преимуществу были выходцы из Христиановского (Дигоры). В дореволюционное время в одном месте деловая и интеллектуальная жизнь била ключом, а в другом люди до поры до времени оставались под властью ислама и родовых традиций и пребывали в глубокой спячке.

Как и почему единый в этническом отношении народ в какой-то момент своего развития дал столь различные всходы? Ответив на этот вопрос, мы, на наш взгляд, получим ключ к объяснению характера и судьбы Цаголова, а потому на это тоже следует обратить внимание.

О. Шпенглер как-то заметил, что до поры до времени история народа напоминает зеркально-гладкую поверхность озера, и кажется, что ничего примечательного под его поверхностью не происходит. Пока жизнь течет в рамках традиционного выбора, природные различия между людьми, конечно же, проявляют себя, но в таких мелочах, которые не нарушают ровное течение будничной жизни. Но в какой-то момент вдруг все меняется, жизнь вскипает, подобно бурному внутреннему потоку, и в корне меняет русло своего развития.

Такое устремленное по новому руслу течение народной жизни Л. Гумилев и называет *этногенезом*. Решающее значение в этом процессе он придавал особому классу людей, названных им *пассионариями*. Это те, кто отличается повышенной социальной активностью и волевыми качествами, необходимыми для достижения стоящей перед ними цели. Пока такие люди единицами рассеяны среди всего населения, они не способны оказывать заметного влияния на ход событий, и жизнь течет по привычному руслу. Но при особом стечении обстоятельств людивожаки начинают концентрироваться в каком-то особом месте, и из них формируется некая критическая масса, как говорит Л. Гумилев, «субэтническая целостность» (таковой может быть какая-то профессиональная или территориальная целостность). Вот тогда-то и рождается тот внутренний поток, благодаря активности которого вскипает гладкая поверхность озера. Индивидуальный выбор активных людей взаимно усиливает их действия и кладет начало цепной реакции социального подъема, сопровождающегося войнами, революциями в различных областях, экономическими и культурными достижениями.

Нам представляется, что семейная история Цаголовых дает уникальную возможность заглянуть в центр «вихря циклона» и подсмотреть, как История стряпает на кухне.

Средневековая спячка осетинского общества, замкнутого в горах до завоевания Кавказа, была похожа на гладь спокойного озера. Разумеется, жизнь была несладкой — войны, голод, эпидемии снимали обильную жатву и периодически испытывали мужество и стойкость маленького горного народа. Но образ жизни определялся круговым движением по одной и той же колее устоявшихся традиций. Запершись в своих каменных башнях, осетины спокойно взирали, как:

...Народы тешились войною,
Стремясь пробиться на Кавказ.

(Хетагуров, 1999, т. 3, с. 172)

С появлением русской администрации на территории Осетии рутинное течение местной истории столкнулось с бурным потоком мировой истории, что имело такие огромные последствия для жизни всего народа и отдельных семьей, о которых в прошлом было трудно даже вообразить. Об этом — последствиях завоевания Кавказа — написано немало интересного и верного. Тем не менее, на мой взгляд, по достоинству еще не оценен тот факт, что присоединение к России, положившее начало переселению многих семей с гор на равнинную часть Кавказа, создало для них ситуацию поистине судьбоносного выбора. Дигорская* часть осетинского общества была поставлена перед выбором не только места жительства, но и всей системы жизненных ценностей, тем, что приходилось выбирать между двумя религиями — существовавшим здесь исламом и пришедшим с севера христианством. Последствия этого выбора двух разных систем ценностей и образов жизни, нам кажется, еще не осмыслены до конца.

Ни в коей мере не пытаясь утверждать превосходство той или другой веры, хотели бы обратить внимание на их существенные различия. Христианство в большей мере обращает внимание на внешний, социальный мир. Именно иудейско-христианской традиции человечество обязано представлением о линейности времени и связанной с этим идеей поступательного движения, прогресса. Исламская культура, напротив, связана с циклическим представлением о времени, когда жизнь повторяет традицию, и предполагает большее погружение в духовную работу над собой. Человеческая культура требует и того, и другого, но выбор из двух альтернатив ведет к существенно разным последствиям. Принятие христианства означало для горцев присоединение к русской культуре, в то время как сохранение приверженности к исламу свидетельствовало о верности традиционной культуре.

---

* Жители Дигорского ущелья, из которого вышел и род Цаголовых.

Из сказанного видно, что религиозный выбор был поистине судьбоносным для жителя Дигорского ущелья, где проживал рассматриваемый этнос. Выбор христианства означал выход на более широкий культурный горизонт, на новые возможности, которые открывало российское общество, стоявшее на более высокой ступени развития. Основание села Христиановского, по существу, было экспериментом этногенеза, когда социально активные люди концентрировались вместе, образуя субэтническую целостность. На примере этого села мы имеем уникальную возможность увидеть своеобразный «толчок этногенеза», зарождение внутреннего потока, оказавшегося способным взбудоражить ровное течение прежней жизни.

Принявшие христианство осетины активно включились в связанный с развитием капитализма общероссийский поток культурного и экономического прогресса. Мы не будем здесь отклоняться от темы и рассматривать ту механику капитализма, по которой одним достаются пышки, а другим шишки. Подавляющее большинство горцев не могло приспособиться к требованиям нового, капиталистического образа жизни и отбрасывалось на обочину исторической дороги. В комедии осетинского драматурга Е. Бритаева «Побывавший в России» показан образ молодого осетина с исковерканной судьбой, брошенного волею случая в российскую капиталистическую стихию. Не найдя себе лучшего применения, чем работа стражником, он вместо русской культуры воспринял лишь дурные манеры, которые по возвращении домой ставили его в смешное положение в любой ситуации. Неспособность горцев с их самобытным укладом жизни и менталитетом приспособиться к условиям капиталистического развития не ускользнула от внимательного взгляда В. И. Ленина. «В пореформенную эпоху, — писал он, — происходила, с одной стороны, сильная колонизация Кавказа, широкая распашка земли колонистами (особенно на Северном Кавказе), производившими на продажу пшеницу, табак и пр. и привлекавшими массы сельских наемных рабочих из России. С другой стороны, шло вытеснение туземных вековых «кустарных» промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикантов... Русский капитализм втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности... Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табака, и господин Купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтичного национального костюма в костюм европейского лакея (Гл. Успенский)». (Ленин, т. 3, с. 594–595).

Цаголовский род принадлежал к тем немногим, которые были исключением из этого правила. Всем детям Хуасдзау (у него было семеро сыновей и одна дочь) на волне капиталистического развития Кавказа удалось подняться на значительную в Осетии высоту, одним — в материальной сфере, а другим — в области интеллектуального развития. Пятеро старших стали заметными в Северной Осетии предпринимателями, владевшими землями, небольшими фабриками, мельницами, доходными домами, акциями компаний, ссудным капиталом и т. д. И это при том, что они были людьми малограмотными и едва объяснялись по-русски. Двое же младших, Александр и Амурхан, получили образование, стали известными далеко за пределами своего края адвокатами.

Втягивание кавказских народов в орбиту общероссийского экономического и культурного пространства, разумеется, не было однозначным. С развитием капитализма и делового предпринимательства обострялись также социально-экономические противоречия и поднималось народное недовольство, следствием чего явилось революционизирование молодежи. Уже в 70-х годах мы видим выходцев из этого края в числе революционных народовольцев. (Ардасенов, 1989).

Цаголовский род шел в авангарде этого процесса. Его представители были в числе первопроходцев как в сфере капиталистического предпринимательства, так и в развитии народного образования, политическом просвещении населения и организации его революционных выступлений, но, прежде всего, выделились на ниве народного образования. Так, учителями в христиановской школе вначале работали приглашенные из других мест русские, грузины и осетины. Но вскоре среди них появились и новые имена. Из первых семи учителей, которые были выдвинуты из жителей села до 80-х гг. XIX в., трое были Цаголовы (Дзандар, Слангерий и Михаил) (Гарданов, 1925, с. 195). Значение этого обстоятельства надо оценивать в свете той особой роли, которую учитель играл в то время, и в особенности на селе. Он был носителем не только знаний, но и общественного идеала, выступал в роли самого признанного социального авторитета.

С развитием капитализма социально-классовая дифференциация общества усиливалась, и противоположность интересов бедных и богатых становилась все более очевидной. В таких условиях не могло быть иначе, чтобы просвещенная интеллигенция не искала выхода из этого положения. Известный деятель народного просвещения М. Гарданов, вспоминая Христиановское того времени, писал: «Культурная работа в селении подготовила граждан к 80 гг., и они до и после 80-х гг. ведут активную борьбу с административным гнетом, обезличившим селение.

Лично мне приходилось слушать шумные речи Цаголова Сл., полные революционного энтузиазма. На тайных собраниях, которые устраивались у нас дома (с 80-х гг.), Цаголов Сл. всегда занимал председательское место при секретаре Гарданове С. Они составляли планы улучшения бесправного положения населения» (Гарданов, 1925, с. 196).

О настроениях сельской интеллигенции и проводимой ею работе в народной глубинке тот же очевидец событий писал: «Еще в 1896 году тайный кружок христиановской интеллигенции провозгласил девиз: долой административный произвол; земля — трудящимся на ней, активная борьба с капиталом, поработившим трудящихся (освобождение труда от капитала). Лозунг этот выбросил организатор первой тайной тройки Собиев Инал Тотрукович, тогда студент Московского технического училища. В состав организованной им тройки входили марксисты: Георгий Михайлович Цаголов (сын того Цаголова, о котором говорилось выше), пишущий эти строки и сам Собиев. (Они работали тайно под названием «кружка любителей самообразования». В их библиотеке были только книги по политической экономии и материалистическому пониманию истории.) Тройка Собиева имела оживленную связь с Москвой через местных студентов. Цель общества — подготовить население села Христиановского к политическому и социальному перевороту... За период времени с 1893 по 1900 год в состав этой тайной тройки, или тайного общества входили все сознательные бедняки и середняки с. Христиановского; 4/5 села было распропагандировано, и христиановское тайное общество охватывало почти всех жителей села и объединило их в один революционно настроенный трудовой народ, который заговорил в один голос: долой административный гнет, произвол чиновников; смерть буржуям и кулакам, арендаторам земель. Да здравствует уравнительное землепользование, выборное начало и освобождение труда от ига капитала. Да здравствует учредительное собрание и социалистическая республика!» (Гарданов, 1925, с. 197).

Самое интересное в таком размахе революционных настроений состоит в том, что христиановцы чувствовали себя не жителями далекого захолустья, какими их можно было считать, судя по географическому местоположению, а эпицентром всего происходящего в России. Они были недалеки от истины, полагая, что, несмотря на отсутствие развитой промышленности и рабочего класса, именно здесь, на Кавказе, где аграрный вопрос (безземелье) тесно переплетается с национальным (бесправием национальных меньшинств), острее всего ощущается вековая боль России. В то же время интеллигенция села со всей ясностью сознавала зависимость решения местных проблем от условий обще-

российского развития. Поэтому она с особым вниманием следила за тем, какие политические силы предлагают те или иные способы решения российских проблем. В связи с этим значительный интерес вызывала здесь социал-демократическая литература. Об этом свидетельствует тот факт, что 1902–1903 годах под руководством местного революционера Симона Такоева здесь был организован социал-демократический кружок, который явился своеобразной местной политической школой, откуда затем вышли многие видные деятели революции, партизанского движения и культурно-хозяйственного строительства Осетии (Тотоев, 1968, с. 240).

В тот период отец семейства — Александр Харитонович Цаголов, будучи священником в сельской церкви, стоял в стороне от протекавших в краю бурных политических дискуссий и революционных событий. Его религиозные убеждения и положение были несовместимы с такой формой протеста против режима. Получив духовное образование сперва в соседнем селе Ардоне в 1893 г., а позднее в Тифлисской духовной семинарии, Александр Харитонович начал свою церковную карьеру старшим учителем в Джавской (Южная Осетия) церковно-приходской школе общества восстановления православного христианства на Кавказе. (Музей Цаголова, фонд 1, папка 5.) Совмещая положение священника с учительской деятельностью, он прожил здесь два года. Здесь же встретил красавицу Пелагею Зурабовну Джиоеву, которая стала его женой. Вскоре после этого молодая семья переехала в родное село мужа Христиановское в Северной Осетии, где Александр Харитонович благодаря своему усердию на ниве духовного просвещения и служения приобрел высокое положение в обществе и уважение духовной и светской властей. Жена родила ему пятерых детей, из которых третьим по счету (после Георгия и Надежды) был Николай, а после него еще появились Анна и Урусби (Борис).

В книге представлен их семейный снимок почти столетней давности. Есть что-то необыкновенно притягательное в этих старых фотографиях. Всматриваясь в лица давно ушедших людей, как будто встречаешься с ними взглядом, как с живыми. При внимательном рассмотрении такой снимок может о многом рассказать. Семейная фотография Цаголовых говорит о вполне благополучном положении этой семьи в тогдашнем обществе. В центре, с выражением уверенности в своей силе и значимости, величественно восседает патриарх семьи отец Александр в рясе. Рядом его жена Пелагея Зурабовна, а по обеим сторонам и у ног его расположились дети, соответственно их возрасту. Слева примостился шестилетний Коля. Видно, что глава семьи высоко ценит свою се-

мью, гордится ею. Такой не оставит свое чадо без забот и хорошего образования. Его жизнь действительно была посвящена благополучию и преуспеванию своих потомков и тогда, когда был учителем и священником, и тогда, когда сбросил рясу и стал адвокатом.

В то время, о котором здесь идет речь, то есть в годы, предшествовавшие революции 1905 года, в отличие от некоторых упомянутых нами Цаголовых, отец Александр скорее был ее противником, чем сторонником. Это подтверждается тем, что в подробном описании фактов и событий, в том числе изгнания старшины села восставшими, составленном уже упоминавшимся выше очевидцем М. Гардановым, Александр Харитонович назван в числе бежавших от народного гнева (с. 199). Очевидно, этот конфликт имел определенные последствия, поскольку через два месяца отец Александр попросил перевести его в другое место церковной службы (ныне г. Алагир) (Музей Цаголова, фонд 1, папка 5). Любопытно, что здесь он занял иную позицию. В другом источнике утверждается, что «в 1905 г. за выступление на митинге в с. Алагир с требованием экспроприации помещичьих земель и передачи их крестьянам Александр Цаголов был приговорен к ссылке в Кизлярский монастырь» («История СССР», 1967, с. 57).

В удаленной от мира Кизлярской степи у Александра Харитоновича было достаточно времени и возможностей подумать о причинах произошедшего, о том, что будет дальше и каково настоящее место человека в сегодняшней жизни. Мы не знаем, как он формулировал для себя эти вопросы и какие ответы на них давал. Но известно, что через некоторое время отец Александр переехал в город Пятигорск. (Музей Цаголова, фонд 1, папка 5). Здесь он некоторое время продолжал церковную и учительскую деятельность с большим упором на последнюю. Но, видимо, в его сознании произошел существенный перелом.

Сейчас принято карикатурно изображать революцию, в том числе события 1905 г., как результат некой подстрекательской деятельности различного рода террористов, маргиналов и экстремистов, в роли которых чаще всего выступают большевики. Но, во-первых, о большевиках во время революции 1905 г. мало кто слышал, и никакой особой роли они не играли, во-вторых, никакие подстрекатели, если на то нет серьезных причин, не способны вызвать такую могучую бурю, в какую выливается всякая революция. Конечно, общественных действий не бывает без «подстрекателей» и «вожаков». Появились они и в период революции 1905 г. Но таких людей скорее можно сравнить с видимыми ветвями революции, чем с ее питающими корнями, которые уходят в реальные условия жизни основной массы недовольных сво-

им положением людей. Лишь тогда, когда народное недовольство достигает критической точки, общество взрывается, и происходит революционный бунт. Так произошло и в данном случае. Революция 1905–1907 гг. была стихийным проявлением накопившегося в народе гнева. Страна была крестьянской, и капитализм, принеся определенный прогресс, только усилил процесс массового обнищания (пауперизации). Крестьянство страдало от острого безземелья, поскольку основная и лучшая часть земли находилась в частном владении помещиков. У рабочих тоже была своя причина для недовольства. Она состояла в жестокой эксплуатации и мизерной оплате труда, которая не позволяла им свести концы с концами.

В Осетии существовали эти же причины для недовольства. Хотя время от времени на предприятиях проходили забастовки, рабочих в Осетии все-таки было мало, и их действия не могли оказывать решающего влияния на происходившие события. Основную роль сыграли крестьянские волнения, поскольку край был крестьянским.

Унаследованный от прошлого аграрно-крестьянский вопрос тяжелой занозой торчал из тела российского общества и провоцировал крестьян на разбойные нападения на помещичьи усадьбы и владения. В конфликте между властью и крестьянством подавляющая часть российской интеллигенции была на стороне последнего. Она признавала за крестьянством право бороться за землю, которая должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает, а не помещичьему классу, который только наживается на ней. Поэтому лучшая часть интеллигенции резко осуждала карательные действия властей против восставших крестьян. Эти настроения ярче всего выразил Л. Н. Толстой в своем известном эссе «Не могу молчать». По поводу казни в Херсоне двенадцати крестьян, обвиненных в разбойном нападении на усадьбу землевладельца в Елизаветградском уезде, он писал: «Двенадцать человек из тех самых людей, трудами которых мы живем, тех самых, которых мы всеми силами развращали и развращаем, начиная от яда водки и до той ужасной лжи веры, в которую мы не верим, но которую стремимся всеми силами внушить им, — двенадцать таких людей задушены веревками теми самыми людьми, которых они кормят, и одевают, и обстраивают и которые развращали и развращают их. Двенадцать мужей, отцов, сыновей, тех людей, на доброте, трудолюбии, простоте которых только и держится русская жизнь, схватили, посадили в тюрьмы, заковали в ножные кандалы. Потом связали им за спиной руки, чтобы они не могли хвататься за веревку, на которой их будут вешать, и привели под виселицы. Несколько таких же крестьян, как и те, которых будут

вешать, только вооруженные и одетые в хорошие сапоги и чистые мундиры, с ружьями в руках, сопровождают приговоренных...» (Толстой, т. 37, с. 83–84).

В Осетии не было таких публичных казней. Но жестокостей хватало, и реакция гневного недовольства была всеобщей. Здесь так же, как и везде, революция проявлялась в активных выступлениях крестьян против помещичьего землевладения. Они выразились, в частности, в самовольной рубке леса, который местные помещики без всякого на то права объявили своей собственностью. На усмирение бунтовщиков посылались карательные отряды с пушками, из которых они палили то по одному, то по другому селу, совершенно не заботясь о том, кто станет жертвой. Народная память до сих пор хранит имя кровавого полковника Ляхова, руководившего жестокой расправой над крестьянским населением.

Трагические события 1905 г. не могли не оставить свой след в сознании тех, кому были не чужды интересы и воля народа. В их числе был и Александр Харитонович Цаголов. Его прежняя вера во всеисцеляющее значение слова Божьего была поколеблена. После глубоких раздумий он в 1909 г. подал прошение об увольнении с церковной службы и снял с себя рясу. После 1910 г. семья переезжает на постоянное место жительства в г. Владикавказ.

3. Семья, дом, школа и революция

Когда разразилась революция 1905–1907 гг., Николаю Александровичу Цаголову было всего год или два, и он не мог услышать гром, который гремел над его колыбелью. Но раскат этого грома сопровождал его отрочество и юность и перерос во все смывающий поток двух революций 1917 г. и последовавшей за ними гражданской войны. Эти потрясения ни для кого не прошли бесследно, а тем более для восприимчивого мальчика, волей судьбы оказавшегося в гуще событий и ставшего свидетелем их трагических поворотов.

В 1912 г., восьми лет отроду, Николай пошел в первый класс начальной школы при немецкой кирхе во Владикавказе, а после четырех лет обучения в ней был переведен в классическую гимназию. Основанная в 1880 г. прогимназия (через пять лет гимназия) создавалась по образцу лучших учебных заведений тогдашней России и вскоре, по существу, превратилась в нечто вроде местного Итона (привилегированного среднего учебного заведения для детей английской аристократии). Н. А. Цаголов был определен в гимназию в 1916 г. и окончил ее в 1920 г. Впос-

ледствии она была преобразована в школу №5. После посещения в 1926 г. А. В. Луначарским школе было присвоено имя первого советского наркома просвещения, и вот уже более 100 лет она удерживает марку первоклассного среднего учебного заведения в Осетии. (В. Бязырова. 1980, с. 5–7.) Из стен этой гимназии-школы вышло множество прославленных людей, оставивших свой след в истории и культуре страны и края. Среди них такие известные деятели революции и советской культуры, как Георгий Цаголов, Чермен Баев, Николай (Колка) Кесаев, Евгений Вахтангов и Павел Лисициан, и множество других воспитанников, проявивших себя в самых различных областях.

В большом ряду выпускников гимназии-школы, ставших известными учеными, достойное место занимает и выдающийся советский экономист-теоретик Николай Александрович Цаголов. Он вспоминал годы учебы в гимназии не только как самый счастливый период своей жизни, что можно объяснить возрастом, но и как время наиболее интенсивного и полного усвоения разносторонних знаний. В годы учебы он больше всего увлекался историей и литературой, и этот факт наложил неизгладимый отпечаток на стиль его жизни.

По воспоминаниям Николая Александровича, помимо того, что в гимназии было великолепно поставлено преподавание русского языка, воспитанники изучали еще и немецкий, французский, английский и латинский языки. Для того чтобы сделать свою мысль более ясной, он иногда использовал крылатые латинские выражения, что также было явным наследием его гимназического образования. При этом часто забывал их переводить, и они оставались непонятными для слушателей, но это его совершенно не смущало. Вообще гимназические воспоминания Николая Александровича касались двух направлений. С одной стороны, он восхищался своими наставниками, чей уровень преподавания оценивал не ниже, чем степень квалификации преподавателей современных вузов, а с другой — рассказывал о мальчишеских шалостях, свойственных детям школьного возраста.

Так, Цаголов рассказывал, как после занятий несколько ребят группой отправлялись на базар, где они любили покупать жареные семечки, орехи, каштаны, арахис и т. д. у одного колоритного грека. Громко расхваливая свои товары, грек уверял, что они у него самой лучшей жарки. И тогда ребята спрашивали: «А есть у тебя жареные логарифмы?» Тот на секунду задумывался, соображая, что это значит, а затем поднимал указательный палец и уверенно обещал: «Сегодня нет, а завтра будут».

Разумеется, школа ни для кого не бывает единственным источником знания и восприятия. Не менее важна и остальная среда, в особенности

семья. Поэтому нам также следует остановиться на семейной обстановке, в которой рос будущий экономист.

Самой влиятельной фигурой в доме был отец, который для детей во всех отношениях был образцом, до конца жизни пользовался их полным признанием и сохранял на них решающее влияние. К моменту переезда во Владикавказ, когда дети стали сознательно воспринимать отца, Александру Харитоновичу перевалило за сорок. За его плечами уже был значительный жизненный опыт, и он решил, что единственной гарантией обеспечения своим детям устойчивого положения в их предстоящей жизни является высокое образование, которое сельский учитель дать не сможет.

Идти по пути старших братьев он не захотел. Известный уровень дохода и благосостояния, конечно же, был необходим, но жизнь ради накопления богатства ни прежде, ни теперь его не привлекала. Но если раньше Александра Харитоновича занимала духовная, то теперь стала больше привлекать общественная деятельность. Высшей ценностью для него было завоевание авторитета среди своего народа. Он потому и отказался от духовного сана, что священник стал восприниматься людьми не как представитель Бога, а как не пользовавшийся их признанием представитель власти. И принял кардинальное решение: в возрасте 41 года отец большого семейства последовал примеру младшего брата Амурхана, который по его же совету поступил и в 1908 г. окончил юридический факультет Московского императорского университета.

В 1910 г. Александр Харитонович подал заявление с просьбой принять его на экстернат того же факультета, который он блестяще окончил в 1912 г. С тех пор и до конца жизни (умер в 1941 г.) он работал адвокатом. Пятью годами позже, в 1915 г. на юридический факультет Московского университета поступил его старший 18-летний сын Георгий.

Подобный «наплыв» одной семьи на юридический факультет Московского университета объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, тем, что юридическое образование давало наиболее надежную основу для квалифицированной и активной общественной деятельности, к которой стремилось тогдашнее поколение Цаголовых; во-вторых, признанием Московского университета самым первоклассным учебным заведением России, а правило цаголовской семьи всегда состояло в том, чтобы быть *лучшими из лучших*; в-третьих, исстари сохранившейся традицией семьи, по которой все важные решения, чего бы они ни касались (учебы, работы, женитьбы, общественной позиции и поведения и т. д.), принимались не индивидуально, а на общем семейном совете, после тщательного взвешивания и долгих обсуждений, а при жизни Алексан-

дра Харитоновича, как мы увидим и дальше, окончательное слово всегда принадлежало ему. В выборе детьми учебного заведения и специальности явно видна его направляющая рука.

В последующие годы связь Цаголовых с Московским университетом укрепилась еще больше. Судьба вознесла Николая Александровича на должность заведующего кафедрой политической экономии экономического факультета. Его женой стала заведующая кафедрой английского языка Руфь Сергеевна Шемонаева (Цаголова). Цаголов много сделал для улучшения учебного процесса, обеспечения высшего стандарта качества подготовки.

Понятно, что высокое мнение о факультете с доверием воспринималось и в его собственной семье. Поэтому трое из его потомков: сын (Георгий), дочь (Наташа) и внук (Александр) выбрали для своей учебы экономический факультет Московского университета. Новое поколение Цаголовых, конечно же, принадлежит своему времени и отличается от прежнего. Но в одном отношении традиция семьи осталась неизменной: никаких поблажек и послаблений! Работать и учиться так, чтобы всегда быть среди первых. Однокашники Цаголовых в беседах со мной полностью подтверждали верность потомков этому правилу предков.

Однако вернемся к обстановке, формировавшей сознание того мальчика, которому в будущем предстояло стать ведущей фигурой в развитии политико-экономической мысли в Советском Союзе. Для России это был период нового экономического подъема. В то время быстро развивались промышленность и торговля, возникали новые хозяйственные связи, поэтому перед юристом с богатым жизненным опытом, за плечами которого было теперь блестящее образование, открывалось широкое поле деятельности. Переехав во Владикавказ в 1910 г., Александр Харитонович снял здесь просторную квартиру для своей семьи и частной адвокатской практики в самом аристократическом районе, каковым в экологически чистое время был центр города. Пятеро младших детей были определены в гимназию, о которой говорилось выше.

За короткое время гостеприимный дом Цаголовых приобрел высокую репутацию. Его интеллектуальному авторитету немало способствовало то, что многие деловые люди и представители интеллигенции города были выходцами из Христиановского, с малолетства знали друг друга и часто собирались вместе. Цаголовский дом стал одним из тех, где такие встречи происходили чаще всего. В бурное время первых десятилетий XX в. в ходе обсуждения множества различных проблем между социально активными людьми, естественно, возникали споры и обнаруживались разногласия. В последующие годы, когда поднялась новая

революционная буря и все пошло кувырком, казавшееся тогда безобидным различие во мнениях развело их далеко друг от друга. Но в то время, когда люди жили в едином порыве борьбы за свободу, существовавшие разногласия не нарушали их личных отношений. Активными свидетелями, ловившими каждое слово и запоминавшими все, что они видели и узнали в этой домашней «академии», стали дети Александра Харитоновича.

Среди людей, приходивших в дом Цаголовых, были как старые, так и новые друзья, но особое место, можно сказать, на правах второго хозяина, занимал здесь младший брат отца — Амурхан. Александр Харитонович с детства взял над ним опеку, и духовная близость между братьями сохранилась вплоть до трагической смерти Амурхана в 1937 г. Он быстро завоевал авторитет как один из ведущих юристов края и был приглашен грозненскими и бакинскими нефтяными компаниями в качестве юрисконсульта с правом ведения дел.

Из других бывавших в доме гостей особого внимания заслуживает более дальний родственник — писатель, поэт и публицист Георгий Михайлович Цаголов (1870–1939), стихами и публицистикой которого зачитывалась вся осетинская интеллигенция. Он бывал в доме Александра Харитоновича, когда они еще жили в Христиановском. Каким-то чудом обойдя цензуру, ему в 1912 г. удалось издать книгу под названием «Край беспросветной нужды». В ней он дал детальный анализ земельных отношений на Северном Кавказе и со свойственным ему поэтическим даром ярко обрисовал безрадостную судьбу горцев. Книга сразу стала бестселлером, а вокруг поставленных в ней проблем шли острые дискуссии. В те годы ею зачитывалась вся северокавказская общественность.

После революции у Г. М. Цаголова, как у всех других революционеров, с Советской властью возникли еще более сложные проблемы, чем с царской администрацией. Но об этом речь пойдет впереди.

В годы царизма и капитализма народ был недоволен своим положением и искал выход из него. Если бы в такой ситуации господствующие классы разделяли страдания своего народа и пытались на деле облегчить его участь, то сделали бы революционные призывы и действия излишними и подорвали доверие к сторонникам крайних мер. Но обычно господствующие классы поступают прямо противоположным образом, нещадно эксплуатируют население и тем самым лишь усиливают его недовольство. И тогда единственными выразителями интересов и воли народа становятся те, кто неравнодушен к его несчастной судьбе. В такой ситуации всегда находится группа людей, тем или

иным путем пришедших к выводу, что нет другого выхода из кризиса, кроме революционного преобразования общества. То, что сторонники и участники революции не способны заглянуть в будущее и не могут знать, что их ждет, нельзя ставить им в вину. Будущее неизвестно никому, а вот на события, происходящие в настоящем, люди реагируют по-разному. Так было и тогда.

В свете трагической судьбы, которая постигла деятелей революции в годы сталинского террора, теперь их часто высокомерно поучают, что они не должны были делать то, что делали. Богатые задним умом критики особенно резко отзываются о тех представителях имущей интеллигенции, которые встали на сторону революции. Если бы эти упреки были верны, то они относились ко многим, чьи имена называются здесь, а тем более к семье Цаголовых, которые сами жили в благополучии и, казалось, не были обязаны заботиться о других. Но собственным благоденствием обычно довольствуются лишь те, кто замыкается в своем узком мирке. Им недоступно понимание того, что бывает новая эпоха, в которой преобладают иные ценности и формируется другой тип людей.

Феномен эпохи созревания революции лучше всего объяснил известный английский социолог Теодор Шанин. Он писал: «В самой сердцевине революции лежит эмоциональный взрыв морального негодования, отвращения и ярости такой мощи, когда невозможно продолжать молчать, какой бы ни была плата. Охваченные его жаром люди на время превосходят себя, разбивая оковы инстинкта самосохранения, обычаев, каждодневного удобства и заведенного порядка. И тогда лишь меньшинство готово бросить свою жизнь на весы, но это меньшинство должно быть достаточно крупным для того, чтобы чаши весов пришли в движение. Среди них различные социальные группы и отдельные люди будут реагировать по-разному, но, когда приходит решающий час, общность эмоций станет тем звеном, которое сомкнет линию революционного фронта. Это также неодолимо будет привлекать наиболее чувствительных и честных представителей господствующего класса, его молодежь, его интеллектуалов и моралистов, заставляя их повернуть против собственной среды» (Шанин, 1997, с. 70).

Сами Цаголовы и некоторые из тех, которые собирались в их доме и вели интеллектуальные беседы о судьбах страны и народа, по выражению Т. Шанина, были «наиболее чувствительными и честными представителями господствующего класса». Конечно, вокруг были и другие, и они, наверное, даже составляли большинство, — которые жили только для себя. Часть представителей того класса, к которому принадлежали Цаголовы, даже сделала неплохие для тех условий состояние и карь-

еру. Но уважением людей тогдашнего общества пользовались не они, а те, которые жили для других и пытались сделать что-то не только для себя, а для всех. Таковы были условия и требования того времени, а время не выбирают, в нем живут.

По своему возрасту Н. А. Цаголов принадлежал к другому поколению. Он не участвовал в революции. Его зрелость пришлась на период, когда подъем революции сменился ее упадком. Но Николай Александрович видел, как созревала революция, как она развивалась и к каким последствиям в конце концов привела. Он непосредственно общался с теми, кто делал революцию, защищал ее в гражданской войне, и эти люди оставили в его душе неизгладимый след. Николай Александрович не только дышал воздухом революции, но и испытал ее вдохновляющую силу. Он рос в условиях всеобщего духовного подъема, среди людей, глубоко веривших в возможность искоренения зла и утверждения добра, человеческой свободы и социальной справедливости.

В его семье и среди множества родных и близких, сохранивших между собой самые тесные отношения, человек ценился по его социальной сущности. Николай Александрович знал и тех, кто жил для себя и имел личный успех. Но он видел, что окружающие их недолюбливали, а превыше всего ставили людей общественного призвания. За такими примерами юному Цаголову не надо было далеко ходить. Прежде всего, это были его отец, дядя, старший брат, а также множество других бывавших в доме людей. Он ощущал их влияние до конца своей жизни. За 35 лет моих тесных отношений с Николаем Александровичем я много раз слышал его восторженные рассказы, причем он каждый раз подчеркивал именно эту сторону их жизни и деятельности.

В старости память не раз возвращала его к тому, что̀ представляли собой встречи в далекие времена его юности. Обычно, когда раздавался звонок, кто-то из детей бежал, чтобы открыть дверь и помочь пришедшему раздеться, пройти и расположиться в гостиной. В доме держали прислугу, но обычай гласил, что гостя обязан встречать кто-то из хозяев дома, и дети охотно пользовались предоставленной им возможностью. В Осетии родители с малолетства приучают детей соблюдать правила гостеприимства. Так было и в этой семье. Младшие во всем брали пример со старшего брата. Не по возрасту взрослый и начитанный Георгий, отличник в гимназии, был гордостью семьи и всех родных.

Дети — это зеркало семьи, они, как губка, впитывают и плохое, и хорошее. Поэтому та радость, с которой цаголовские дети встречали гостей, говорила о царящей в доме доброжелательной атмосфере. Естественно, они лишь с возрастом начали понимать смысл тех разговоров, которые

вели гости и хозяева дома, но в любом случае относились к этим встречам с большим интересом. Имена бывавших в цаголовском доме гостей российскому читателю, конечно, неизвестны, но в Осетии они уже в те годы, а тем более после победы революции как ее видные деятели стали известны всему взрослому населению. Помимо уже упомянутого Георгия Михайловича Цаголова это Симон Такоев, Шамиль Абаев, Георгий Малиев, Михаил Гарданов, Даниил Тогоев, Николай (Колка) Кесаев. Все они были выходцами из Христиановского. К сожалению, за давностью лет не удалось установить имена всех бывавших в этом доме людей.

Их всех объединяла четко выраженная *левая* ориентация, которая проявлялась во время обсуждений по общественно-политическим и литературным вопросам. В Осетии, так же, как и везде, конечно же, была интеллигенция монархического (например, городской глава Баев, генерал Хоранов и др.), либерально-кадетского толка, но большого авторитета в народе приверженцы этих взглядов не имели. Местные поэты сочиняли о них разного рода уничижительные эпиграммы, художники рисовали шаржи; меткие эпитеты и запоминающиеся образы быстро распространялись и надолго «прилипали» к предмету высмеивания. Царизм и капитализм в сознании народа были злом, поэтому большим уважением пользовались авторы, которые в своих произведениях и выступлениях обличали пороки существующего строя.

Это были годы бурного развития капитализма в России. Нужно отметить, что сегодня многие имеют о нем далекое от реальности, чисто умозрительное представление. Такие фантазеры однозначно считают, что рынок и капитализм того времени якобы несли одни лишь блага цивилизации и элементы зажиточной жизни. Но есть множество работ серьезных ученых не только марксистского, но и других, далеких от него направлений общественной мысли, в которых с полной достоверностью доказано, что развитие капитализма оказало разрушительное воздействие на традиционный образ жизни народа и имело трагические последствия для судеб миллионов людей в самых различных частях мира.

Одной из них была упомянутая выше книга Г. М. Цаголова «Край беспросветной нужды». Преподнесенные в яркой литературной форме, эти социально-экономические очерки воссоздавали впечатляющую картину невыносимо тяжелых условий жизни горской бедноты, ее безжалостной эксплуатации торгово-предпринимательским капиталом. Да, рынок и капитализм действительно несли блага, но только лишь очень немногим, а основная масса крестьянского населения разорялась, выбрасывалась на обочину дороги, обрекалась на разорение и нищету. В ряду важнейших была проблема острого безземелья. Многие были

вынуждены арендовать землю или брать ее внаем на кабальных условиях. Полученного таким путем мизерного дохода едва хватало на полуголодное существование. А на какие деньги купить и содержать лошадь и другие средства производства? Народные промыслы, относительно развитые в условиях натурального хозяйства и приносившие хоть какой-то доход, были полностью разорены в результате промышленной конкуренции.

Все эти вопросы с описанием множества не дошедших до нас фактов и подробностей обсуждались в интеллигентских кругах Владикавказа, в том числе в доме Цаголовых. 10–12 летний Николай хорошо их запомнил. Мальчик не мог в полной мере понимать все, о чем говорили взрослые, но несомненно, что эти обсуждения возбудили в нем тот глубокий и всесторонний интерес к общественной жизни, который был ему свойствен на протяжении всех последующих лет.

В гимназические годы Коля Цаголов, как отмечалось, увлекался литературой, выучил и запомнил на всю жизнь множество стихотворений классиков мировой и русской литературы. У него была хорошая дикция, и, судя по тому, как оригинально и артистично впоследствии читал Николай Александрович свои лекции, немалый актерский дар. Эти немаловажные качества существенно дополнялись его необыкновенной эрудицией в разных областях знания. Серьезные теоретические суждения по различным экономическим вопросам чередовались с остротами и шутками, которым приводимые им литературные образы и поэтические сравнения придавали особое очарование. Когда у него бывало хорошее настроение, Николай Александрович любил в приватной компании «с чувством, с толком, с расстановкой» декламировать стихи для собственного удовольствия. Особое место в его богатом поэтическом репертуаре занимали Пушкин и Лермонтов.

Любовь к литературе и поэзии, как и ко всему прекрасному, как видно, была привита ему классической гимназией и домашним воспитанием, ведь в дом к Цаголовым приходили талантливые представители местной интеллигенции.

Из множества встреч, пришедшихся на его гимназические годы, Николай Александрович почему-то чаще всего вспоминал вечер, посвященный десятилетию со дня смерти классика осетинской литературы Коста Хетагурова. Накануне к ним в дом пришел находившийся тогда в расцвете творческих сил поэт Георгий Малиев. Он одинаково легко и музыкально писал на русском и осетинском языках, причем на родном для Цаголова дигорском наречии, и был особенно любим Николаем. Тогда, в кругу друзей, Малиев прочитал написанное на русском языке стихот-

ворение. На мальчика оно произвело такое впечатление, что он запомнил его на всю жизнь. Даже в старости, в хорошем настроении, очевидно, подражая автору, Николай Александрович любил с пафосом громко декламировать стихи, посвященные Коста Хетагурову.

Он пел, что правда и любовь
И звезд сияние — свобода
Живут не там, где льется кровь,
Что в царство высшего сознанья
Нас может весть не грубый меч,
А мысли творческой созданье,
Живая творческая речь.
Как облик мощного титана,
Сверкая льдами, как алмаз,
Внимал ему из-под тумана
Седой таинственный Кавказ.
Умолк, — но стих его певучий
В сердцах людей еще звенит,
И миру темному сквозь тучи
О солнце вечном говорит.

(Малити, 1996, с. 127)

Неслучайно Цаголов запомнил эти слова. Тогда действительно поэт в России был больше, чем поэт, по меткому выражению Евгения Евтушенко, и в приведенных словах заложен более глубокий смысл, нежели отношение одного поэта к творчеству другого. В поэтической форме здесь выражена сохранившаяся в обществе надежда, что «солнце вечно» и стремление к свободе не может быть погашено никогда. Этой верой и надеждой жили тогда лучшие люди России, которые не переставали размышлять о сложных проблемах своего времени. Разумеется, то, что мы называем обсуждением общероссийских и кавказских проблем, носило неформальный характер и представляло собой форму интеллектуальных бесед людей, хорошо знавших друг друга и испытывающих потребность в таком общении. Эти дружеские встречи были наследием народнической традиции российской разночинной интеллигенции и до революции были не чем-то особенным, а общепринятым образом жизни уважающего себя и общество интеллигентного человека.

К началу XX в. народничество в своем традиционном виде сошло со сцены, и ему на смену пришло движение революционной демократии. Тем не менее у представителей осетинской интеллигенции еще в значительной степени сохранились народнические черты. У любого осетинского интеллигента, какое бы высокое положение в обществе он ни зани-

мал, как правило, сохранялись обширные связи с его многочисленными родственниками, знакомыми или просто земляками, которые были вправе обращаться к нему со своими проблемами, а тот считал себя обязанным ими заниматься. Конечно, в любом случае человек реагируют на проблему другого в зависимости от собственных нравственных качеств. Одни стараются оказать реальную помощь, а другие только создают видимость поддержки. Но круг осетинской интеллигенции довольно узок, и грубый отказ в просьбе бывал редким исключением, поскольку такой факт быстро становился достоянием общественности и подвергался осуждению со стороны соплеменников.Что касается Цаголовых, то здесь на этот счет не было никаких формальностей. Участие в делах всякого, кто с той или иной просьбой постучал в дверь дома, считалось естественной нормой отношения к людям. И далеко не всегда визитер ограничивался изложением своей проблемы. Как правило, это был какой-то близкий или дальний родственник или знакомый, и тогда на день-другой он располагался в доме. Мало того, поскольку пришедший из далекого аула, как правило, не знал русского языка, на котором велось все делопроизводство, не был знаком с городом и его порядками, то кому-то из хозяев выпадала обязанность сопровождать гостя в его походах по учреждениям, судам, врачам, в общем, куда угодно. Нередко эту роль отводили гимназисту Коле. Именно в те годы это уменьшительное имя закрепилось за ним навсегда, и даже в старости никто из родственников не называл его иначе.

Этот довольно распространенный тогда, но утраченный ныне стиль жизни, когда один непременно принимает участие в делах другого, был наследием двух традиций: патриархального горского быта и русской народнической интеллигенции. Как уже отмечалось, осетинская интеллигенция воспитывалась на русской культуре, вместе с которой восприняла не только язык, но и господствовавшие в ней идеи и образ мышления, в том числе тот комплекс вины перед народом, который отразил П. Лавров в своих знаменитых «Исторических письмах». В то время интеллигенция не влачила нищенское существование, как при нынешнем режиме. Наоборот, она была в некотором привилегированном положении по сравнению с основной массой населения, но этот дар судьбы воспринимала как «неоплатный долг» перед своим народом, который она сможет вернуть только беззаветным служением. Именно этим чувством было проникнуто народническое движение в России, которое охватило также заметную часть осетинской интеллигенции.

Основной чертой тогдашнего образа жизни и господствовавшим в обществе критерием ценности человека считалась его верность своему

долгу. В той среде, в которой рос Николай Цаголов, этот постулат был не абстрактным принципом, а правилом повседневной жизни. Отец обычно внимательно выслушивал каждого пришедшего и не только давал совет, куда обратиться, но часто поручал кому-то из детей сопровождать просителя и помогать ему толком объяснить суть проблемы. Если же возникала необходимость обратиться в суд, то либо брался за дело сам, либо направлял к кому-то другому, как правило, своему родному брату Амурхану. Материально тот был более состоятельным, поскольку, как отмечалось, часто вел дела бакинских и грозненских нефтяных компаний. Его небольшая контора, располагавшаяся на соседней улице, также в центре города, состояла из 3–5 сотрудников. При знакомстве с клиентами они делили их на состоятельных и несостоятельных; дела первых велись за плату, а вторым помогали безвозмездно. Чаще всего это были крестьяне из различных местностей и деятели революционных партий: эсеры, большевики и меньшевики. Сам Амурхан, несмотря на то, что никогда не состоял ни в какой политической организации, оказывал финансовую помощь революционным партиям и нередко как адвокат защищал их в суде.

Почти все Цаголовы вели активную общественную и благотворительную деятельность. Но справедливости ради стоит сказать, что эта семья не была исключением. Тогда многие интеллигентные и состоятельные люди с большим или меньшим успехом делали то же самое. В качестве примера можно привести известных в свое время врачей, двух братьев Газдановых, которые оказывали бесплатную медицинскую помощь множеству обращавшихся к ним малоимущих людей края. В такой среде, где участие в делах другого было нормой жизни, у людей формировалась особая психология. Естественно, что дети, выросшие в таких семьях, тоже проникались подобным духом.

Разумеется, стремление людей к личному благополучию является естественным качеством, свойственным им от природы. Отличие того времени от нашего состоит в том, что в тогдашней интеллигентской среде жить только для себя считалось признаком духовной никчемности. Высший смысл жизни виделся в борьбе конкретного человека за достижение общего блага, от чего, как тогда считалось, зависит благо каждого из нас. Именно эту философию восприняли цаголовские дети от своих родителей и той социальной среды, в которой они жили. Многие годы спустя после трагической гибели Георгия, о чем речь пойдет впереди, была найдена его фотография, которую он, будучи студентом, прислал любимой девушке. Надпись на ее обороте гласила: «Будь счастлива счастьем других». Люди, принадлежащие среде, в ко-

торой рос и воспитывался Николай Цаголов, верили в то, что не может быть пира во время чумы, личного счастья там, где несчастны другие. Великий осетинский поэт Коста Хетагуров, имевший огромное влияние на тогдашнюю молодежь, под ее бурные аплодисменты с презрением отвергал корыстное счастье господствующих классов:

Мне вашего счастья не нужно, —
В нем счастья народного нет...
В блестящих хоромах мне душно,
Меня ослепляет их свет...
Их строило рабство веками,
Сгорают в них стоны сирот,
В них вина мешают с слезами...
Нет, будьте вы счастливы сами,
Где так обездолен народ!

(Хетагуров, 1999, т. 2, с. 193)

Философию всеобщего счастья воспринял и Николай Цаголов. Она была для него не отвлеченным принципом, а смыслом его творческой деятельности, правилом повседневного поведения и отношений с теми людьми, с которыми он жил, дружил, работал и общался. Ниже, там, где речь пойдет об особенностях его характера, мы расскажем об этом подробнее. Пока же просто хотели бы отметить, что жизненные обстоятельства складывались так, что чувство долга укреплялось в нем все больше и больше, чему очень способствовал пример старшего брата — Георгия, который был образцом для младших. Он уже был студентом Московского университета, когда пришла весть об отречении царя.

Это эпохальное событие, потрясшее все взрослое население Российской империи, не могло не поразить воображение тринадцатилетнего гимназиста. Менее года назад, в мае 1916 г., Коля Цаголов стоял в стройных рядах своих одноклассников на Александровском проспекте Владикавказа, по которому на автомобиле, приветствуемый восторженными криками и рукоплесканиями встречающих, проезжал царь в окружении блестящей свиты. Тогда казалось, что на свете нет ничего величественнее и непоколебимее власти императора.

Чуть позднее в семью Цаголовых пришло не менее потрясающее известие. Оказывается, его старший брат Георгий, студент Московского университета, принимал непосредственное участие в революционных событиях, последовавших за отречением царя и провозглашением в Москве Советской, т. е., как это тогда воспринималось, народной власти. Вскоре Георгий приехал сам с рассказом, изобилующим инте-

реснейшими подробностями о том, что тогда произошло в Москве и Петрограде. Однако еще большую пищу для размышлений тринадцатилетнему гимназисту дали события, развернувшиеся в его родном городе, с участием родных и знакомых. Волей судьбы Николай оказался в самой гуще революционных дел, и его цепкая память сохранила их на всю жизнь.

В свои 13–15 лет, он, разумеется, не принимал самостоятельного участия ни в революции, ни в гражданской войне, но через брата и его друзей был так или иначе втянут в них и видел, на какие героические поступки способны люди, движимые чувством долга перед обществом. Николай отчетливо помнил воодушевление, которым все были охвачены в первые дни Февральской революции, а затем их разочарование к лету и осени того же года, вызванное неспособностью новой власти покончить с бессмысленной войной и решить земельный вопрос.

4. Кровь старшего брата

Летом 1917 г. в Осетии сформировалась местная революционно-демократическая партия «Кермен». Она состояла из крестьян и одной из своих главных целей провозглашала решение земельного вопроса, что следовало как из ее программы, так и из того, что в качестве названия было использовано имя легендарного вождя осетинских безземельных крестьян в их борьбе против владевших землей феодалов. Большевики сразу поняли значение национальной организации крестьян, и Георгий Цаголов стал председателем ЦК этой партии, что придало ему исключительный вес и принесло популярность в народе.

В те дни дом Цаголовых превратился в центр не только интеллектуальной, но теперь и политической жизни, где горячо обсуждались стратегические и тактические проблемы развития революции. Среди приходивших в дом появились новые лица. Был ли среди них С. М. Киров, неизвестно, но Тамара Михайловна Резакова, работавшая в качестве его секретаря с тех времен и до самой гибели, приходила часто, и эти встречи и диспуты годы спустя Николай Александрович часто вспоминал со своей сестрой Надеждой. Что касается С. М. Кирова, то до Февральской революции как большевик он ни в чем себя не проявил. Был ведущим сотрудником вполне легальной газеты «Северный Кавказ», с достаточно прогрессивных позиций много писал на различные темы о жизни страны и края. Лишь после Февральской революции Сергей Миронович примкнул к большевикам и, правда, быстро приобрел популярность в

революционном движении на Тереке. Тогда-то одним из его ближайших соратников стал вернувшийся из Москвы студент-юрист, двадцатилетний большевик Георгий Цаголов. Среди новых знакомых особое место заняли Николай Гостиев, Николай (Колка) Кесаев, Шамиль Абаев и некоторые другие. Часть этих людей запечатлена на одном из снимков, иллюстрирующих нашу книгу.

Если внимательно всмотреться в эту недавно обнаруженную в архиве групповую фотографию, снятую предположительно в декабре 1917 г., то она способна о многом нам рассказать, потому что воспроизводит не только внешность изображенных на ней людей, а нечто большее: то, что принято называть *Zeitgeist* — «дух времени». Николай Цаголов хорошо знал их. Он был в самом восприимчивом возрасте, когда эти молодые люди приходили к ним в дом и бурно обсуждали волновавшие их проблемы. Николай дышал с ними одним воздухом и всю жизнь находился под влиянием их обаяния, а потому, конечно, следует сказать о том, кто они были. Это в основном выходцы из Христиановского, слева направо: Андрей Гостиев, Николай (Колка) Кесаев, неустановленное лицо, Тарас Созаев, Георгий Цаголов, неустановленное лицо, Шамиль Абаев.

В ходе революции и гражданской войны судьба отвела им особую роль, которая оказалась одновременно и героической, и трагической. Сегодня, когда «дух времени» так резко изменился и в обществе возобладали другие ценности, нам пытаются внушить мысль о бессмысленности прошлой борьбы народа за свое лучшее будущее. Но вряд ли когда-нибудь такая оценка реального хода истории может быть признана верной.

Каждому поколению история отводит свой уникальный и неповторимый период. Это тот самый «хронотоп», о котором говорит К. Ясперс, — единственная точка Вселенной, в которой пересекаются пространство и время, чтобы завязать узел чьей-то уникальной судьбы. Семеро молодых людей, запечатленных на этой фотографии, подобно всем другим, не выбирали ни время, ни место своего рождения. Но как лучшие представители своего поколения, они, повинуясь велению «духа времени», выбрали стезю борцов за народное счастье, подчинив свою жизнь достижению этой сверхличной цели, как они ее понимали. Это был, как сказал бы философ, *экзистенциальный*, т. е. судьбоносный выбор, сделав который человек открыто заявляет о том, что он в жизни отвергает, а что принимает. В этом выборе проявляются самые глубинные, до конца не поддающиеся рациональному пониманию истоки человеческой личности.

Как активные деятели революции и гражданской войны, они наиболее полно воплощали в себе и боль, и волю народа к свободе и социальной справедливости. Их гибель в огне революции — не вина, а общая беда народа, оказавшегося неспособным отстоять и воплотить в реальность принесенные революцией плоды свободы и демократии. Что бы их не ждало в будущем, лучшие люди того времени могли выбрать только такую, а не другую, более спокойную судьбу.

В памяти осетинского народа они сохранились как выдающиеся личности, которые может выдвинуть только революция. Они были бескорыстно преданы идее освобождения человека от рабства и угнетения, которое, по их мнению, не могло произойти иначе, как путем революционного преобразования общества. Как утверждал Цаголов, им совершенно не была свойственна жажда мести или насилия. Если им все-таки пришлось участвовать в принудительных акциях, то только потому, что это было навязано обстоятельствами гражданской войны.

Хотя Николай Цаголов знал многих выдающихся личностей, он с особым расположением и восхищением относился к брату Георгию, звезда которого так ярко взошла в это необыкновенное время. В годы революционных перемен ничто так быстро не меняется, как популярность идей и личностей. В революционном порыве люди безжалостно отбрасывают то, чему они еще вчера самозабвенно поклонялись, а вместе со старыми идеями сбрасывают с пьедесталов вчерашних кумиров и ставят на их место новых. Такой изменчивостью народного настроения можно объяснить трудный для сегодняшнего понимания феномен исключительной популярности в то время двадцатилетнего парня Георгия Цаголова не только в Осетии, но на всем Кавказе. Правда, он был блестящим оратором, а в годы революции это имеет решающее значение. По свидетельству очевидцев, когда он поднимался на трибуну, то словно загорался таким ярким пламенем, что его невозможно было не слушать, ему нельзя было не верить. Георгий умел подбирать такие слова и произносить их так, что они проникали в сердце и овладевали умом. Как и почему ему это удавалось? Одного природного дара тут недостаточно. Для того, чтобы влиять на людей, нужен еще жизненный опыт, которого у двадцатилетнего парня, вроде бы, быть не могло. Но, тем не менее, всеми качествами лидера и трибуна Георгий обладал в полной мере. Мы склонны думать, что их истоки — в том образе жизни, который он вел с детства.

Игравшие с ним сверстницы вспоминали, что Георгий отличался от других детей особой добротой. Когда мать звала его домой обедать, он старался прихватить с собой товарища по играм, зная, что он из

бедной семьи и наверняка голоден (Музей Цаголова, фонд 1, папка 5). Став взрослым, он тоже отличался от других молодых людей. Со слов его дяди Саввы (Дафа), их общий знакомый записал любопытный случай. Однажды дядя взял Георгия в какую-то деловую поездку в качестве переводчика, поскольку сам не владел русским языком, а тот, «вместо того чтобы ехать с ними в отдельном купе, уходил в общий вагон и всю дорогу проводил в горячих разговорах с солдатами» (Музей Цаголова, фонд 1, папка 4). Судя по всему, деловая сторона поездки Георгия не интересовала, поэтому справедливости ради стоит отметить, что больше в такие вояжи его не брали.

Мы не знаем, из скольких подобных случаев складывался жизненный опыт Георгия. О многих из них мог знать только он сам, а другие обстоятельства, если даже были кому-то известны, не сохранились или не были зафиксированы. Но ключ к пониманию его характера, так же, как и его деятельности (как и Николая Александровича), дает тот образ жизни семьи, о котором говорилось выше. Все ее члены постоянно общались с окружавшими их людьми, не только разделяя их беды и заботы, но и по мере сил старались им помочь, а это дало Георгию понимание того, как и чем живут другие. Постоянно сопровождая приезжавших к ним людей в их хождениях по судам, учреждениям, врачам, обсуждая с ними проблемы, видя реакцию чиновников и исход дел, он вникал в народную жизнь, а для неравнодушного и мыслящего человека это бесценный опыт.

Поэтому, когда Георгий Цаголов говорил с людьми, то понимал их, а они понимали его. В своих речах он использовал не только книжно-теоретические знания, но и факты, почерпнутые из жизни, обращался к опыту людей, с которыми общался, в делах которых принимал участие, а потому находил с ними контакт. В этом, мне кажется, был секрет его необыкновенного успеха.

Любопытно, что когда в декабре 1917 г. Георгий как делегат Кавказского съезда Советов в Тифлисе познакомился с тогдашним чрезвычайным комиссаром Юга России С. Шаумяном, то произвел на многоопытного руководителя кавказских большевиков такое впечатление, что Степан стал просить именно его поехать на русско-турецкий фронт для организации братания солдат воюющих стран. («Комсомольская правда», 16 июля 1967 г.) В течение двух недель Георгий сумел так поставить дело, развернул такую организационную и политическую работу, показал такое бесстрашие, выступая перед солдатами обеих стран, что фронт был ликвидирован.

Тем временем в стране началась гражданская война, и ситуация на Северном Кавказе обострилась. С севера на юг началось наступление

образованной тогда Деникиным с помощью стран Антанты Добровольческой белой армии. К середине 1918 г. она приблизилась к Владикавказу. Георгий был одним из тех, кто возглавлял оборону города. В ситуации, когда захват города белыми стал вероятным, семья Цаголовых решила эвакуироваться в Христиановское в надежде, что там будет безопаснее переждать сложные времена. Благо дом, в котором они раньше жили (теперь там музей), оставался в ее собственности и в полной сохранности.

Но это решение оказалось роковым. Семья Цаголовых, как говорится, попала из огня да в полымя. Они не знали, что Христиановское было отмечено на оперативных картах белой армии особым значком. Дело в том, что революционно-демократическая партия «Кермен», о которой говорилось выше, после принятия Декрета о земле вторым съездом Советов окончательно перешла на сторону большевиков и Октябрьской революции и стала основной военно-политической силой в Осетии по защите ее завоеваний. Мало того, что партия была создана по инициативе выходцев из этого села, но и ее руководство состояло из них (Н. Кесаев, Д. Гибизов, Г. Цаголов, Ш. Абаев, А. Гостиев, Т. Созаев). Жителями Христиановского были большинство руководителей ее боевых организаций (Д. Тогоев, К. Кесаев, С. Тавасиев), а также преобладающая часть членов партии и рядовой состав ее боевых подразделений. Крестьянские массы встали на защиту завоеваний революции, названной пролетарской, а по сути крестьянской. Осуществление ленинского Декрета о земле, который росчерком пера перевел многомиллионное российское крестьянство на сторону Советской власти, ярче всего проявилось на примере села Христиановского.

Командование белой армии, ставившее своей целью восстановление монархической власти и помещичьего землевладения, не могло простить христиановцам их массовый переход на сторону большевиков. Во-первых, здесь раньше, чем в других местах, начался передел помещичьих и частнособственнических земель в пользу безземельных и малоземельных крестьян; во-вторых, своими активными вооруженными выступлениями христиановцы в ряде сражений нанесли деникинской армии значительный урон. Село стало центром «большевистской заразы», бельмом на глазу для белой армии, и ее командование решило с ним покончить. В представленном Деникину докладе «Об оперативных соображениях по вопросу очищения Терской области от Красной Армии» предлагалось: «Для морального воздействия на осетин необходимо покончить с ядром большевизма в Осетии — сел. Ново-Христиановским, которое надлежит сжечь и уничтожить до основания» (История, 1992, с. 60).

Ни жители села, ни поселившиеся там в целях большей безопасности Цаголовы, конечно, не могли об этом знать. Но когда деникинцы заняли Пятигорск, а затем Нальчик и стали приближаться к границам Осетии, то керменистское руководство забеспокоилось. Оно немедленно начало готовиться к отпору врагу, наращивать вооруженные отряды, усиливать их подготовку. Когда же в конце января 1919 г. части генерала Шкуро появились в 20 километрах от Христиановского в станице Змейской, то жителям стали ясны их планы. Сельчане забили тревогу. Отец и мать Цаголовы, сильно озабоченные судьбой неизвестно где находящегося в эти суровые дни старшего сына, теперь ни на шаг не отпускали от себя пятнадцатилетнего Николая. Но он не мог не видеть того, что происходило вокруг. Встревоженные люди в состоянии крайнего возбуждения, с оружием в руках, пешком и верхом сновали взад и вперед. Легендарная старуха Кяба Гоконаева, сняв платок с головы и накинув его на плечи, шла по улицам и в стиле плакальщицы берущими за душу словами призывала мужчин не щадить жизни во имя защиты женщин и детей от наступающего на них белого казачества. Такое обращение со стороны хранительницы домашнего очага исстари считалось у горцев той крайней формой призыва, на который обязан был откликнуться всякий уважающий себя мужчина.

Три дня продолжался неравный бой. И хотя потери противника намного превышали число погибших защитников села, психологически белоказаки были подготовлены значительно лучше. Ведущие войну войска привыкают к потерям. Кроме того, павшие солдаты бывают не родными для отдающих приказ офицерам, а лишь их подчиненными. В ситуациях, подобных описываемой, дело обстоит иначе. Человек погибает на глазах своих родных, его тело привозится в дом и омывается слезами матерей, отцов, детей, сестер и братьев, а это влияет на моральное состояние всего населения. Поэтому после трех дней ожесточенных боев и чувствительных потерь жители села запросили мира.

Его условия оказались чрезвычайно суровыми. Вот как их описывает очевидец событий М. Гарданов: «Колков, командир волчьих сотен (так назывались казачьи войска за то, что носили папахи из волчьих шкур — *С. Дз.*) заявил христиановцам, чтобы они забыли о завоеваниях революции и беспрекословно восстановили старый порядок, чтобы для этой цели, для восстановления старого порядка на Руси, они (христиановцы) дали войско с полным обмундированием и готовой провизией. А за вооруженное сопротивление, оказанное казакам, христиановцы должны уплатить контрибуцию в сто миллионов рублей общегосударственными деньгами (николаевскими деньгами), сто вагонов кукурузы и, кроме

того, 1500 бурок, шуб и пар белья для обмундирования Добрармии» (Гарданов, 1925, с. 214).

В советское время много писали о зверствах белых, а о жестокости красных упоминать было не позволено. Сейчас, наоборот, в картинах гражданской войны принято рисовать красных дьяволами, а белых ангелами. На самом деле любая гражданская война, каковы бы ни были ее цели и последствия, представляет собой узаконенное братоубийство, и святых в ней не бывает. И если здесь речь идет только о зверствах белых, то не потому, что красные были добрыми, а потому, что эти события видел своими глазами и испытал на примере собственной жизни Николай Александрович Цаголов.

Красное село на три дня было отдано на разграбление занявшим его частям. Озлобленные и уверенные в полной безнаказанности, солдаты и офицеры не только беспощадно грабили, но и безжалостно убивали людей, оказывавших малейшее сопротивление. Экзекуция мало коснулась семьи Александра Харитоновича. Как временно живущие в селе горожане, они не имели ни скотины, ни запасов хлеба, на которые так зарились оккупанты. Правда, у них были дорогая в то время европейская одежда, утварь и другие вещи, но их удалось своевременно спрятать. Какую-то сумму денег пришлось пожертвовать в фонд контрибуции, но это было сущим пустяком по сравнению с тем, что ожидало Цаголовых.

Что касается судьбы других жителей села, то события, анологичные происходящим с ними, достаточно объективно и ярко показаны в романе М. Шолохова «Тихий Дон». Среди жертв было огромное количество стариков, женщин и детей, которых убивали только за то, что они были родителями или родственниками тех, кого белоказаки считали своими врагами. Причина массовых убийств простых сельчан порой состояла только в том, что человек не хотел отдавать мешок зерна, лошадь или корову. Конечно же, все это вызвало сильнейший психологический шок. Это не были абстрактные жертвы, которым можно сочувствовать из гуманизма или простого человеческого сострадания. Погибших лично знали большинство жителей села, они жили здесь из поколения в поколение и были чьими-то родственниками, соседями или просто знакомыми. Поэтому участь жертв белого террора оставила в памяти свидетелей глубокий шрам, который сохранился в их сердцах навсегда.

Но, к счастью, все плохое тоже когда-нибудь кончается. Время брало свое. Вскоре части генерала Шкуро перебросили в другое место, и петлю на шее Христиановского им пришлось ослабить. В селе было введено военно-гражданское правление — вместо старосты учреждена должность

коменданта, обязанного беспрекословно выполнять распоряжения белогвардейского командования. Подпольный комитет керменистов, который продолжал действовать в оккупированном Христиановском, сумел устроить так, что в марте 1919 г. на эту должность был выдвинут и назначен дядя Георгия и Николая — Амурхан Харитонович Цаголов, о котором говорилось выше. Став комендантом села, тот постарался ввести жизнь людей в нормальное русло и оказывал посильную помощь попавшим в беду, спасал людей от ареста и даже расстрела. Но командованию белых вскоре стало понятно, что он ведет двойную игру. После двух месяцев работы Амурхан был отстранен от должности и арестован, но затем освобожден за неимением прямых доказательств вины. (Советская власть поступила с ним совсем иначе. Мы ниже вернемся к тому, как в августе 1937 г. он был арестован, обвинен в контрреволюционной деятельности и по решению «тройки» расстрелян.)

Николай Александрович хорошо запомнил дождливое апрельское утро 1919 г. В ворота кто-то постучал. Занятая у плиты мать сказала, чтобы он посмотрел, кто пришел. Коля увидел двоих насквозь промокших бородатых мужчин, видно, проведших ночь не в доме, а под дождем. Они требовали отца. Александр Харитонович наспех оделся и вышел к ним. Вскоре из соседней комнаты, где отец обычно работал и принимал посетителей, раздались шаги и голоса, а еще через несколько минут он с очень озабоченным видом вошел в общую комнату, где были другие члены семьи, и решительным тоном приказал Коле быстро сходить за Амурханом и Хаджиметом. Первый приходился родным, а второй двоюродным братом отца, и они были его наиболее близкими друзьями. Стало понятно, что случилось что-то серьезное. В то время часто возникали экстренные ситуации, и люди откликались немедленно. Вскоре посланный возвратился в сопровождении двух дядей, которые прошли в кабинет отца, а Коля пошел в общую комнату, где крайне расстроенная мать сообщила сыну, что Георгий тяжело заболел тифом и в таком состоянии в Куртатинском ущелье захвачен какими-то бандитами, которые требуют большой выкуп за его освобождение. С этим-то требованием и явились мужчины, находящиеся в соседнем помещении.

Никто не входил в комнату, где велись долгие и, как видно, трудные переговоры. Через какое-то время в гостиную, где остальные члены семьи в тревоге ожидали результата, вышел Амурхан и сказал Пело, чтобы подали еду на всех пятерых в кабинет, а Колю послал к начальнику милиции (его имя по истечении времени никто потом не мог вспомнить), чтобы тот явился с двумя милиционерами. Стало ясно, какое принято решение. Один из посланцев будет задержан и останет-

ся в доме в качестве заложника, а с другим Амурхан и Хаджимет в тачанке и в сопровождении нескольких всадников-милиционеров поедут в аул Какадур, где в какой-то пещере содержится Георгий, и заплатят за его освобождение большой (сумму не удалось установить) выкуп. Прошли два дня и две ночи в мучительных ожиданиях. Охваченные тревогой родители успокаивали детей, а сами ночами не могли сомкнуть глаз. Днем же надо было делать огромное насилие над собой, чтобы поддерживать разговор с теми, кто приходил по каким-то делам, и ничем не выдать свою тревогу.

На третий день, дождавшись темноты, посланцы незаметно въехали во двор. Тяжелобольного Георгия, с температурой под сорок, разместили в одной из комнат. Мать и сестры принялись ухаживать за ним, а Хаджимет и Амурхан рассказали подробности того, как и что с ним произошло. В феврале защитникам Владикавказа, в числе которых был Георгий, под натиском превосходящих сил белых пришлось оставить город и отступить на юг в сторону гор. Чтобы не привлекать к себе внимание, разбились на мелкие отряды и стали пробираться к засевшим в горах партизанам. Но в Куртатинском ущелье группа Цаголова в составе четырех человек попала в засаду, устроенную местными бандитами, которые, пользуясь царившим безвластьем и произволом, рыскали в горах в поисках возможной добычи. У мужчин отобрали обувь и одежду, а потом бросили в какой-то погреб. У Георгия поднялась температура, потому что он еще раньше заразился тифом. Бандиты стали держать совет относительно дальнейшей судьбы своих жертв и склонились к тому, что лучше всего их расстрелять и на этом поставить точку. Но среди них обнаружился человек, который был знаком с одним из захваченных — Даниилом Тогоевым. Знакомый Даниила уговорил своих сообщников, и они освободили его старого друга. Тогда Даниил подвел бандитов к погребу, где с высокой температурой, в бессознательном состоянии лежал Георгий, и, указав на него, сказал: «Это большой человек, и если вы его расстреляете, то ничего не получите, но если поедете по адресу, который я вам дам, то его богатые дяди дадут вам много денег за его освобождение». Так посланцы ранним апрельским утром появились у ворот Цаголовых, когда на их стук вышел Коля.

Непросто было соблюсти необходимую осторожность и сохранить в тайне пребывание Георгия в доме. Хотя все знавшие о нем были предупреждены, полностью держать эту информацию в секрете вряд ли удалось. В деревне, где все люди знают друг друга и запросто общаются между собой, сделать это гораздо труднее, чем в городе, где люди живут более изолированно. В первую очередь, Георгию была необходима меди-

цинская помощь. Кто-то из врачей его осмотрел и сделал назначения, но кто именно, установить не удалось.

Тем временем события развивались своим чередом. Казалось, село вернулось к мирной жизни. Керменисты начали выходить из подполья и открыто появляться на улицах. Мобилизованная в дни оккупации в белую армию молодежь дезертировала и возвращалась к родным очагам. Такого рода явления вновь стали раздражать командование белой армии, и оно предприняло два крутых шага. Во-первых, сместило коменданта села А. Х. Цаголова и арестовало его. Во-вторых, для поддержания порядка направило в село Апшеронский полк. Разведав, что солдаты полка — из трудовых казаков, керменисты обошли все дома, в которых они были расквартированы, и попросили хозяев отнестись к ним по всем правилам гостеприимства, не жалеть для них угощения и постараться расположить к себе.

Потом к ним направили агитаторов, которые во время застолья или в обычной обстановке объясняли солдатам, что означает революция для простого народа, убеждали их, что трудовые люди — это братья по классу, и в общих интересах быть вместе против царя, капиталистов и помещиков, которые их эксплуатируют. Эта агитация сильно подействовала на солдат, и они перешли на сторону революционных сельчан, отказываясь от карательных действий против мирного населения и вступая в конфликты со своими офицерами. В результате столкновений несколько офицеров были убиты. Получив такое сообщение, командование белой армии пришло в ярость и решило предпринять против непокорного села еще более жесткие действия. В ночь с 28 на 29 апреля 1919 г. части генерала Вадьбольского тесным кольцом окружили село и предъявили новые требования: сдать один миллион пудов хлеба, тысячу голов крупного рогатого скота, 500 лошадей с седлами и бурками и т. д. (История, 1992, с. 66).

Ввиду невыполнимости этих условий жители села на сходе выбрали делегацию для переговоров с карателями. В нее вошли наиболее авторитетные люди, в том числе Александр Харитонович Цаголов. Христиановцы попытались договориться с командованием белой армии о капитуляции села на более реалистичных условиях. (Музей Цаголова, фонд 1, папка 5). Но генерал Вадьбольский и правитель Осетии полковник Хабаев отказались вести переговоры. Вместо этого они арестовали посланцев, а жителям под угрозой немедленного расстрела предложили в считанные часы покинуть село и выехать в поле между Дигорой и Ардоном, известное в тех местах под названием кургана Ермолова.

После ареста отца старшим мужчиной в семье, которому теперь пришлось решать чрезвычайно сложные и рискованные задачи, оказался

пятнадцатилетний Николай. За считанные часы надо было собрать все минимально необходимое для жизни в чистом поле и покинуть село. У городской семьи, естественно, не было ни лошадей, ни волов, ни подвод, вообще никакой тягловой силы, но с помощью родственников и друзей все это каким-то образом удалось раздобыть. Но как поступить с больным Георгием, над которым теперь нависла смертельная угроза? Чтобы скрыть его местопребывание, пришлось за пару дней до описываемых событий перевезти его в другое место (дом Тобоевых).

Но дом находился в центре, на видном месте, и мать опасалась, что он станет объектом особого внимания карателей. Терзаемая сомнениями, она в последний момент предложила перевезти Георгия в более неприметное место (дом Корнаевых). Поскольку в те суматошные часы по улицам перевозили много разного скарба, Цаголовы надеялись, что никто не станет искать человека, спрятанного под матрацами и одеялами, в одной из множества двигавшихся по улицам бричек. Так тяжело больного тифом Георгия перевезли в новое место. Там его подняли на чердак высокого сарая, какие здесь строят для разных хозяйственных нужд, и, как казалось, надежно спрятали под домашним хламом и скарбом. Сами же вернулись на той же подводе (бричка с двумя лошадьми) в дом, покидали туда самое необходимое и влились в общий поток изгнанников.

Весна в 1919 г. была поздней. Снег повсюду растаял, но солнце так и не вышло из-под облаков, и воздух оставался холодным. Кроме того, часто шли дожди. Большое количество пришедших в движение повозок, лошадей и другой скотины превратили улицы и дороги в сплошное месиво непролазной грязи, по которой люди еле передвигались. Весь день прошел в пути. Лишь к вечеру голодные, промокшие и продрогшие от холода женщины, мужчины, дети, старики, одни раньше, другие позже, стали прибывать к назначенному месту. Вместе с другими сюда наконец добралась и нагруженная домашним скарбом подвода, которой правил Николай. Пелагея Зурабовна и дети (Надежда, Аня и Борис), как и все другие односельчане, шли пешком за бричкой. Но, какие бы трудности они не переживали, самую большую тревогу вызывали у них два вопроса: что будет с Георгием и где отец? В окружении стольких людей, многие из которых были готовы им помочь, Цаголовы не чувствовали себя одинокими, но их мучила неизвестность о судьбе самых дорогих им людей.

В пятнадцатилетнем возрасте физические неудобства переносятся сравнительно легко, но нравственные страдания бывают особенно мучительными и оставляют в душе глубокий след. Николай своими глазами видел то, о чем идет речь, и многое воспроизводится здесь с его

слов. Он хорошо запомнил даже лица вооруженных охранников, которые сопровождали колонны в пути, чтобы никто не мог отклониться в сторону. Моросящий дождь продолжался, но укрыться от него было негде. Место было выбрано с расчетом: чистое поле, ни единого деревца. Люди с еще большей ясностью поняли иезуитский характер принятого решения.

На сравнительно небольшой участок поля, охраняемый тесным кольцом часовых, согнали почти десятитысячное население села. Мало того, что негде и не на чем было приготовить пищу. При таком скоплении народа кто-то умирает, а кто-то рождается, и это требует определенных действий, совершать которые здесь не было никаких возможностей. Десять тысяч человек ежедневно должны отправлять свои естественные надобности, а как это делать при такой скученности людей, когда нет никаких туалетов? Ведь при этом надо соблюдать гигиену и сохранять хоть какие-то приличия, особенно при здешней строгости нравов.

В считанные часы жизнь этих людей превратилась в ад. На третий день, сполна испив горькую чашу страданий и унижений, группа пожилых женщин решила прибегнуть к свято соблюдавшемуся до тех пор древнему обычаю: если женщина пошла на такую крайнюю меру, что обратилась к мужчине со снятым платком, то такую просьбу не выполнить нельзя, чем бы это не грозило исполнителю. Они отправились к кургану, где размещался штаб белых и восседал «правитель Осетии» полковник Хабаев. Женщины в соответствии с адатом сбросили свои платки и бросились к его ногам. Хабаев, конечно, знал, что это значит. Но в братоубийственной войне законы адата не действуют. По рассказам женщин, он презрительно на них посмотрел и процедил сквозь зубы: «Не надо было рожать разбойников-керменистов!», отвернулся и ушел.

Адская жизнь на поле продолжалось пять мучительных дней, после чего людям наконец разрешили идти в находящуюся рядом станицу Ардонскую, жители которой, как могли, гостеприимно приняли страдальцев. В тот же день из-под ареста был освобожден и Александр Харитонович, который разыскал семью и воссоединился с ней. Тут он узнал о судьбе Георгия и крайне обеспокоился. В Христиановское все еще никого не пропускали. Но мать решила любой ценой пробираться к сыну. Каким-то обходным путем ей удалось пройти в село, на краю которого она встретила незнакомую женщину и спросила, есть ли там кто-нибудь. Та ответила, что кое-кто все-таки оставался. Чуя материнским сердцем что-то недоброе, Пелагея Зурабовна осторожно поинтересовалась, не слышала ли женщина о чем-нибудь значительном, произошедшем за последние дни.

— Нет, – сказала та, — ни о чем, кроме того, что казаки расстреляли сына священника Цаголова (так христиановцы по-прежнему продолжали называть Александра Харитоновича, хотя он уже почти уже десять лет как снял рясу).

Люди настолько привыкли к беде, что смерть одного человека уже не считалась событием. Но, услышав эти слова, несчастная мать зарыдала и, уже не считаясь ни с какой опасностью, побежала к месту, где она оставила сына.

После того как село опустело, захватчики начали в нем хозяйничать. Помимо грабежа оставшегося имущества и скотины оккупанты вместе с местными помощниками обходили дома и дегтем отмечали буквой «К» те из них, что принадлежали керменистам. Вслед за ними шли группы казаков-карателей. Так было сожжено до 200 домов и разграблено и уничтожено много имущества.

Дом, в котором укрывался Георгий, не был керменистским и не должен был привлечь внимание. Но там, где есть Моцарт, есть и Сальери. Кто-то узнал и указал карателям место его пребывания. Взвод численностью 19 человек направился к сараю и открыл по нему огонь.

Когда Пело подошла к дому Корнаевых, вокруг никого не было. Потом, услышав ее плач, вышла соседка и рассказала о том, что произошло. Она находилась в доме, когда услышала голоса, а затем увидела солдат около дома Корнаевых, побежала в погреб и спряталась там. Женщина слышала выстрелы, но не знала наверняка, куда стреляли. Она видела, как кто-то снял черепицу с крыши корнаевского сарая, вылез через обрешетку наружу, встал на крышу и оттуда обратился с речью к солдатам, и они перестали стрелять, а слушали его. Тогда офицер начал что-то кричать, затем стрелять. Больше ничего соседка не видела, потому что боялась подойти ближе. Но этого кажется достаточным, чтобы восстановить картину.

Годы спустя известный советский писатель Николай Тихонов описывал произошедшее следующим образом: «Цаголов скрылся в сарай, и сарай указали казакам предатели, и казаки стреляли по сараю и пробили его пулями, а Цаголов был невредим, потому что он лежал на полу. И когда пули пробили сарай, он встал и поднялся на крышу и увидел казаков. И они перестали стрелять, и он соскочил с крыши и стал перед ними. Ему было двадцать один год и девять месяцев, а казаки верили, что большевики — чудовища с рогами, и не хотели его слушать, но он им сказал:

— Да, я большевик, я Георгий Цаголов. Да, я — свободный осетин. Что вы идете с оружием против трудящихся? Я сам жил, как барин, я

сам рос на жирных цыплятах, я рос на сливках, а теперь погибаю за равенство народов и за вас в том числе, трудовые казаки. За что же вы боретесь, слепые люди? Вы ослеплены мироедами, капиталистами и вашими офицерами-белопогонниками, и они хотят поработить вас, быков сделать из вас, лошадей сделать из вас, рабов сделать!» (Тихонов, 1955, с. 176–177).

Писатели любят по-своему переделывать реальные факты, а потому неизвестно, именно эти или другие слова бросил Георгий в лицо своим палачам. Но мать сама насчитала на теле своего сына 19 штыковых ран. Очевидно, возмущенный неповиновением офицер принудил своих непокорных солдат таким образом оставить свою «подпись» на теле мятежного врага.

Убитая горем Пелагея Зурабовна неустанно плакала навзрыд. Показались каким-то чудом оставшиеся в селе люди. Вначале они были в таком страхе, что боялись выйти из дома или погреба, где прятались, но затем осмелели и перенесли тело в дом. Тем временем слух о гибели Георгия, видимо, распространился далеко, потому что на следующий день появился старый друг семьи из станицы Ардонской есаул Ткаченко, который взял на себя все заботы по организации похорон и даже разузнал имена убийц (Музей Цаголова, фонд 1, папка 5) .

Весь 1919-й год и в начале 1920-го Владикавказ оставался в руках белых, и поглощенные безутешным горем Цаголовы жили в Христиановском. Но вскоре под натиском Красной армии белые стали отступать, и семья вернулась домой, во Владикавказ. Николай возобновил свои занятия в последнем классе гимназии. Как бывает в таких случаях, Пелагея Зурабовна тысячу раз казнила себя за то, что оставила Георгия одного. Ей казалось, что если бы она осталась с ним или не перевезла сына на другое место, то предатель не узнал бы о нем, и каратели его не нашли. Муж и дети, страдая не меньше, старались успокаивать мать.

Старшему брату Н. Цаголова — Георгию судьба отвела неполных 22 года жизни. Но он взошел над своей родиной такой яркой звездой, которая продолжает гореть до сих пор, и никакие пропагандистские наветы на революцию не могут ее затмить. В Большой советской энциклопедии Георгий Цаголов отмечен как «один из организаторов борьбы за Советскую власть на Кавказе» (БСЭ, т. 28, 1978, с. 1288). В Дигоре есть музей, посвященный его жизни и деятельности, земляки бережно оберегают памятник, возведенный на его могиле, именем героя назван совхоз, а также одна из улиц во Владикавказе. При всей трагичности его ранней гибели, может, именно благодаря ей семья избежала репрессий. Если бы Георгий уцелел в гражданскую войну, то все равно скорее всего

его настигла бы гильотина сталинских репрессий, а родным пришлось бы разделить судьбу множества других членов семей «врагов народа». Так что слабым утешением для них могла быть мысль, что ценою жизни он оградил их от жестокой кары, которая в конце 30-х годов обрушилась на семьи его, казалось бы, более счастливых товарищей.

Конечно, время лечит душевные раны, но боль утраты никогда бесследно не исчезает. Как говорил Тиль Уленшпигель, «пепел Клааса (сожженного на костре инквизиции отца) стучит в мое сердце». Так было и здесь. Как и в семье Ульяновых, в семье Цаголовых трагическая гибель старшего сына и брата на всю жизнь осталась незаживающей раной для всех родных.

Кровь Георгия, пролитая во имя светлого будущего, всегда напоминала Николаю Цаголову о принесенных жертвах и поддерживала в нем чувство долга в борьбе за достижение этой высокой цели.

5. Пора юности и гримасы Советской власти

Тем временем жизнь входила в нормальную колею. Во время учебы в последнем классе гимназии Николай стал свидетелем события, о котором стоит рассказать. В годы революции и гражданской войны он никогда не слышал имени Сталина. Подобно миллионам других, знал имена Ленина и Троцкого как вождей революции и Красной армии. В положительном или отрицательном контексте упоминались имена и других руководителей большевистской партии и Советского государства. Николай иногда декламировал часто встречавшийся в белогвардейской печати шутливый стишок с критикой большевистской склонности к замене слов и названий, часть которого привожу по памяти.

И заменят все названия:
Вместо неба — надсовдепия,
Вместо солнца — центрожар,
Не Луна, а луначар.
И планеты все над нами
Назовутся именами
Ленин, Троцкий, Коллонтай...

В белогвардейских изданиях, которые Цаголов читал с мальчишеским любопытством, было полно критических статей, издевательских эпиграмм, шаржей и карикатур, высмеивающих многих руководителей революции. В советской печати те же имена упоминались уже со знаком

плюс и величались выдающимися защитниками угнетенного человечества. В этом ряду встречались имена Зиновьева, Каменева, Бухарина, Преображенского и других. Из военных ему больше всего запомнились Фрунзе и Буденный.

Многие годы спустя, когда Цаголов стал известным ученым, его както пригласили прочитать несколько лекций высшему командному руководству партии и армии, и в числе слушателей оказался Семен Михайлович. После каждой прочитанной лекции он считал своим долгом подходить к Цаголову и лично благодарить. В порядке взаимности Николай Александрович однажды сказал, что встреча с Буденным была его мечтой со времени гражданской войны, когда все мальчишки его возраста с восхищением следили за его героическими походами. Семен Михайлович был весьма тронут.

В то далекое время появилось много известных людей, о которых писали и говорили. Но ни в советской, ни в белогвардейской печати, ни в выступлениях и разговорах людей, принадлежавших к обоим лагерям, никто никогда не упоминал имени Сталина.

Поэтому, когда на съезде народов Терской области, проходившем 19 ноября 1920 г. в помещении русского драматического театра Владикавказа, председательствующий объявил, что от имени Совета народных комиссаров Российской республики слово предоставляется товарищу Сталину, то это имя ни Николаю, ни большинству из 500 делегатов съезда ничего не сказало. Лишь немногие, например, С. Орджоникидзе и С. Киров, знали влиятельного в партии и государстве наркома по делам национальностей.

В то время порядки были другие. Никто не препятствовал шестнадцатилетнему мальчику, если он того желает, пройти на балкон и оттуда наблюдать за происходящим на съезде. Цаголов так и сделал. Было уже холодно, а в театре не топили, поэтому все сидели в верхней одежде, освещение тоже было слабоватым. После слов председателя, как хорошо запомнил Николай, из президиума вышел человек небольшого роста в длинной, до самого пола, шинели и буденновке с опущенными ушами. Лицо было трудно разглядеть, бросались в глаза лишь густые черные усы. Сталин не подошел к трибуне, с которой выступали другие ораторы, а, засунув правую руку между пуговицами шинели и расхаживая по сцене, обратился к залу:

— Товарищи горцы! Советская власть дарует вам свободу. Но вам следует иметь в виду, что это не свобода для разбоев и грабежей, не свобода от законов и порядков Советской власти, а свобода в рамках этих законов и порядков, в рамках даруемой вам автономии.

По реакции зала было видно, что слова о «дарованной» свободе не понравились собранию. В зале сидели не разбойники и грабители, а активные борцы за власть народа, которые не хуже Сталина знали, за какую свободу боролись. Кроме того, слово «дарует», по их мнению, никак не подходило к данному случаю. Сидевшие в зале считали, что свободу они завоевали сами своей борьбой и победой и никто не вправе говорить, что их «одарили». Впоследствии это выступление Сталина преподносилось советской пропагандой как акт величайшего торжества интернациональной политики, и описывалась та радость, которую якобы проявили сидевшие в зале представители горских народов. Лишь заключительную часть выступления, где оратор отвечал на вопросы, съезд выслушал с интересом, а на самом деле это была одна из серых, бесцветных речей. Оратор, то ли сам почувствовал это, или на что-то ему намекнули, но в опубликованном тексте его первые слова даны в совершенно другой редакции. Там написано: «Товарищи! Сегодняшний съезд созван для того, чтобы объявить волю Советского правительства об устроении жизни терских народов и об их отношениях к казакам» (Сталин, т. 4, с. 399). Об отношении к казакам он действительно говорил, но вскользь, в то время как нотации о том, каким следует быть и не быть горцам, занимавшие основную часть устного выступления, в опубликованном тексте уже отсутствовали. Это был явно непродуманный экспромт, замененный позднее более тщательно составленным текстом для печати.

Однако сейчас куда важнее отметить другое. К сожалению, не сохранилось (во всяком случае, мне не удалось найти) ни фотографий, ни даже списка участников этого съезда, а потому мы лишены возможности проследить постигшую их судьбу. В будущем Николаю Александровичу не раз пришлось задуматься о том, с помощью какого тайного механизма мало кому до того известный человек смог подняться до самых вершин политической власти, заменить с такими жертвами завоеванную свободу личной диктатурой и безжалостно скосить не только революционное поколение, но и весь цвет народа. К этим размышлениям Цаголов будет возвращаться при анализе проблем политико-экономической теории социализма. Но это потом, а сейчас все увиденное и услышанное воспринимается им, впрочем, так же, как и другими, как одно из будничных событий той бурной эпохи. Сейчас Николаю предстоит окончить гимназию и определиться с дальнейшей учебой. Пока идет война, далеко уехать из дома невозможно. Окончив гимназию в 1920 г., он поступает на экономический факультет недавно открывшегося во Владикавказе политехнического института.

Проучившись там два года, Цаголов в 1922 г. переводится в Москву и поступает в Институт народного хозяйства (бывший Коммерческий, а впоследствии названный именем Г. В. Плеханова). Получив диплом экономиста, он возвращается во Владикавказ и в течение 1924–1926 гг. работает преподавателем в Северо-Кавказском педагогическом институте.

Это было начало его самостоятельной трудовой деятельности. Оно отмечено двумя важными обстоятельствами. С одной стороны, личным успехом, а с другой — сомнениями в верности реализации идеалов революции. В то время специалистов по политической экономии такого уровня на периферии было мало, и Владикавказ не был исключением. Здесь после революции были основаны первые на Северном Кавказе вузы — политехнический и педагогический. В результате возникла острая потребность в преподавателях политической экономии, и двадцатилетний хорошо подготовленный специалист оказался очень востребованным.

Молодому дебютанту нравилась его работа — как сам предмет политической экономии, так и процесс преподавания. Он также опубликовал в местной печати ряд статей по злободневному для экономики края вопросу — динамики цен на кукурузу, что еще больше повысило его авторитет в глазах местной общественности. Конечно, как и всякому другому, успех и признание доставляли двадцатилетнему парню удовольствие, но не до такой степени, чтобы вскружить ему голову. Жизнерадостного Николая всегда окружали многочисленные друзья, он был душой всех компаний, и люди тянулись к нему, ведь с ним можно было и поговорить на серьезные темы, и от души посмеяться. Его неистощимому острословию не было конца.

В те годы ему с друзьями нравилось захаживать в привокзальное кафе, где буфетчиком работал парень их возраста по фамилии Карапетян, а они звали его Карапет. Тот принимал их как друзей, хорошо обслуживал, а часто и подсаживался к ним, чтобы составить компанию. Как-то раз Карапет пожаловался, что ему нравится одна девушка, а та почему-то не обращает на него должного внимания, и парень не знает, чем ее привлечь. Друзья тут же выдали совет: «Девушки любят стихи, напиши ей признание в любви в стихах, и она обязательно откликнется». В этом совете скрывался коварный смысл. Малообразованный Карапет плохо говорил по-русски, а любимая не знала другого языка, и друзья полагали, что тот не сможет написать стихи. Но любовь всесильна, и они немало были удивлены и хохотали, когда через некоторое время буфетчик показал (или прочитал) им стихи, написанные в весьма

своеобразной манере. Один куплет этого «шедевра» Николай Александрович любил повторять, когда хотел кого-нибудь рассмешить.

На вокзале есть буфет,
На буфете есть конфет.
Хочешь кушай, хочешь нет,
Тебе любит Карапет!

Не знаю, помогло ли бедному Карапету его поэтическое произведение, но оно дало Николаю Александровичу великолепный материал для юмористического рассказа, который он впоследствии безжалостно эксплуатировал, когда хотел развлечь своих собеседников.

Тем временем отец старался охладить опьяненного успехом и другими радостями жизни сына. Александр Харитонович постоянно напоминал Николаю, что его успех можно объяснить отсутствием настоящих соперников. Он часто говорил: «На безрыбье и рак рыба, а потому не следует довольствоваться достигнутым».

На удовлетворенность работой накладывались неприятные впечатления от того, что многие, в особенности авторитетные в глазах Николая интеллектуалы, были разочарованы Советской властью. В Москве он этого не чувствовал, потому что жил в общежитии и общался с учащейся молодежью, в подавляющем большинстве выходцами из рабоче-крестьянской среды, которые были довольны новой властью, открывшей перед ними путь к образованию. Но дома, во Владикавказе, Николай увидел нечто другое. Здесь он общался с более широким и разнообразным кругом людей. Некоторые были состоятельными в прошлом и сильно пострадали от национализации и продразверстки. Правда, во время НЭПа им были сделаны значительные послабления, но они, как люди делового склада ума, понимали неустойчивость своего положения, и это вселяло в них тревогу.

Такого рода настроения были вполне понятны экономисту, занимающемуся марксистской теорией капитализма, революции и социализма. Но его ставила в тупик разочарованность многих людей результатами революции. Недовольными были не только его отец и дядя Амурхан, которые сами не принимали активного участия в происходящих событиях, а если и помогали революционерам, то больше из сочувствия и уважения, чем руководствуясь своими общественно-политическими взглядами. Разуверились в идеалах революции и такие активные ее борцы, как поэты и писатели Георгий Михайлович Цаголов и Георгий Гадоевич Малиев. Последний был одним из основателей партии «Кермен», сыгравшей столь значительную роль в гражданской войне и установлении Советской власти.

Упомянутые четыре человека были для Николая Цаголова очень авторитетными личностями, и каждый из них по-своему оказал на него определенное влияние. Это особенно относилось к отцу и дяде, великолепное юридическое образование которых базировалось на европейской культуре и ценностях, и насильственные действия властей вызывали у них большую тревогу. В гуманитарных науках и в смысле общекультурного развития они были весьма сведущими, и молодой еще Николай очень внимательно к ним прислушивался. По современным понятиям, Александр Харитонович и Амурхан Харитонович считались бы правозащитниками, с той лишь разницей, что, насмотревшись на ужасы гражданской войны, они решили держаться в стороне от политических баталий и рекомендовали так же поступать своим детям. Наверное, этим можно объяснить тот любопытнейший факт, что никто из их детей, выросших в революционной среде, не вступил не только в партию, но даже в комсомол.

К тому времени, о котором здесь идет речь, репрессивный характер Советской власти обнаружился со всей очевидностью. Были не только запрещены другие политические организации, в том числе партии эсеров и меньшевиков, которые вместе с большевиками боролись против царизма, капитализма и за власть Советов, но шла лишенная каких-либо идейных принципов и нравственных норм внутрипартийная борьба за власть в партии и стране. Как считали люди, моральный авторитет которых был для Николая непререкаем, Троцкий не мог «вдруг» превратиться из общепризнанного вождя революции в контрреволюционера, которого всем было необходимо осудить, как того требовало вставшее у руля после Ленина партийное руководство (Зиновьев, Каменев, Сталин). Вскоре и эта тройка раскололась. Прошедший в декабре 1925 г. XIV съезд ВКП(б) вызвал новую волну разочарований.

Как воспринимала эти события окружавшая Цаголова беспартийная, но демократически настроенная владикавказская интеллигенция? Еще вчера она была сторонницей революции, а теперь встревожена карательным характером Советской власти. В первые годы все коммунистические руководители безапелляционно утверждали, что на российской земле совершилась международная пролетарская революция, которая под знаменем социализма принесет мир и счастье всем народам. Теперь, когда стало понятно, что мировую революцию сделать не удастся, а впереди замаячили огни сладостной власти, они перерождались на глазах. Прежние идеалы пошли насмарку. Ловко изменившие точку зрения на ход революции, пролетарские вожди, для того чтобы занять теплые места, объявляют себя самыми достойными, а своих вчерашних

учителей и соратников устраняют с дороги при помощи искусственных обвинений во всех грехах как отступников от революции и марксизма.

На местном уровне пока не наблюдалось такой ожесточенной борьбы за власть, но обстановка наверху не могла не отражаться на делах внизу. Победа была невозможна без поддержки местных кадров, и центр ввел широкую практику их подкупа, поддерживая и выдвигая лояльных и притесняя и отстраняя неугодных. Это вызывало отторжение людей от Советской власти, в особенности беспартийной интеллигенции. Вместе с тем картина не была одноцветной. Нельзя было не оценить колоссальные позитивные изменения, произошедшие в послереволюционной России. Самые главные преобразования заключались в ликвидации помещичьей собственности и раздаче земли крестьянам. НЭП создала для страны условия небывалого экономического подъема. Отступил голод, перед молодежью открылись дороги к образованию и культуре. Начатый тогда экономический и культурный подъем страны в известной степени заслонял негативные черты однопартийного режима.

Тем не менее сущность Советской власти не ускользала от внимания тех, кто многие годы возлагал свои надежды на революцию и теперь внимательно следил за ее развитием. Для них «советское» означало не что иное, как «народное», и однажды они уже были шокированы тем, что другие политические партии, кроме большевистской, были отстранены от управления во всех органах Советской власти. Этот факт однозначно оценивался как свертывание советской демократии. Теперь наблюдалось дальнейшее сужение народной власти. И без того усеченная, она подменялась партийной властью. На этом основании отец и дядя Николая Цаголова прогнозировали, что она будет меняться, принимая все более насильственный и репрессивный характер. Но никто не предполагал, что неблагоприятная эволюция зайдет так далеко и примет форму тоталитарной диктатуры. Наоборот, ожидалось, что в партии и стране найдутся силы, которые воспрепятствуют этой катастрофической тенденции и смогут повернуть развитие на путь восстановления советской демократии.

Пытаясь разобраться в происходящем, разочарованный в одном, с надеждами на другое и непониманием третьего, молодой Цаголов решил снова ехать в Москву и продолжить свое образование. Перед лицом подступивших проблем он чувствовал недостаток знаний. С одной стороны, он осознавал, что старый строй не мог оставаться таким, каким он был, и революция была неизбежна, а с другой, возникал вопрос: оправдывают ли реальные результаты революции те неисчисли-

мые жертвы и страдания, которые были во имя нее принесены? И если нет, то в чем состоит решение вставших перед страной социально-экономических проблем?

6. Ранние труды

В раздумьях над нелегкими вопросами Николай Цаголов в 1926 г. уезжает в Москву и поступает в аспирантуру Института экономики Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Свое пребывание в аспирантуре (1926–1929) он всегда вспоминал как время самой интенсивной работы над собой и наиболее полного профессионального и общего интеллектуального развития.

Аспиранты РАНИОН рассматривали марксизм не как «сектантство» в смысле какого-то замкнутого, закостенелого учения, возникшего в стороне от столбовой дороги развития мировой цивилизации. Вслед за Лениным они считали, что марксизм — законный преемник всего лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии и французского социализма. Немало аспирантских шпаг было сломано в бурных дискуссиях, пока молодые ученые наконец пришли к выводу, что и в дальнейшем развитие марксизма будет связано с его способностью вбирать в себя и творчески развивать лучшие достижения мировой общественной мысли.

Аспиранты, проходившие теоретическое обучение в рамках указанной ассоциации, углубленно изучали общественные науки, исходя из этих марксистско-ленинских принципов. Экономисты с особым усердием штудировали труды основоположников *трудовой теории стоимости* (Смит, Рикардо, Маркс), но достаточно полно осваивали также работы представителей *исторической* школы (Лист, Рошер, Шмоллер и др.), *теории предельной полезности* (Вальрас, Менгер, Визер, Бем-Баверк, Джевонс). Произведения представителей русской экономической мысли еще не изучались достаточно широко, так сказать, не вошли в моду, зато очень высоко ценились труды западных ученых, и изучение их работ признавалось абсолютно необходимым для всякого, кто стремится стать серьезным экономистом. Соответственно и знание капиталистической экономики считалось такой же необходимостью, поскольку давало ключ к пониманию того, как надо или как не надо строить новую социалистическую экономику.

Первые серьезные публикации, подготовленные Н. А. Цаголовым еще в аспирантские годы, посвящены капиталистической экономике,

объяснению циклических спадов производства (кризисов) и проблем мирового хозяйства. Они были опубликованы в 1929 и 1930 гг. в журнале «Под знаменем марксизма», который тогда пытался стать трибуной самой передовой общественной мысли. Уже в первой работе прослеживается целевая установка автора: показать причины циклических колебаний капиталистического воспроизводства с тем, чтобы не допускать их в условиях планового хозяйства. Однако наибольший научный интерес представляет его вторая статья. В ней молодой Н. А. Цаголов вступил в полемику с маститыми учеными того времени по вопросу о том, рассматривать ли учение о мировом хозяйстве как самостоятельную область знаний со своими специфическими законами или как составную часть общей экономической теории — политической экономии.

Обосновывая вторую точку зрения, Н. А. Цаголов еще в то время сформулировал тот методологический подход, который он в последующем развил и применил в подготовленном под его руководством «Курсе политической экономии». В числе других он подвергал критике положение немецкого экономиста Бинштока, который сводил учение о мировом хозяйстве к «хозяйственной географии», изучающей свойства «отдельных хозяйственных областей». Отстаивая в связи с этим собственный взгляд, Н. А. Цаголов писал: «Те проблемы, которые включены в круг проблем мирового хозяйства, суть проблемы, возникающие из имманентных законов капитализма и его динамики, и, представляя лишь моменты в процессе восхождения от абстрактного к конкретному, они должны показать *закономерность* мирохозяйственных отношений. Необходимость развития и качество этих отношений должны быть выведены из общих законов капитала, а не из особенностей данной хозяйственной области, как думает, например, Бинштоk. В противном случае дело сведется к описанию, а не к установлению теоретических закономерностей» (Цаголов, 1982, с. 33).

Как в первой, так и во второй работе Н. А. Цаголов обнаруживает свое особое понимание методологии анализа капитализма. Вслед за Марксом он рассматривает категории капитализма не как отдельные, изолированные друг о друга, а как находящиеся в определенной *системной* связи друг с другом. О характере этой связи мы подробнее будем говорить позднее, когда подойдем к тому, как под руководством Н. А. Цаголова создавалась научная система законов и категорий социализма. Здесь же важно отметить, когда и как был намечен методологический путь к этому. Как кризисы, так и мировое хозяйство в целом уже тогда рассматривались им как *конкретные* формы проявления *общих* законов капитализма.

В первой из названных работ Цаголов ставит вопрос таким образом: является ли кризисный спад случайным или закономерным? По его мнению, для получения ответа на этот вопрос надо брать капитализм не в его конкретной форме, где действует множество различных факторов, в том числе и случайных и даже некапиталистических, а абстракцию чистого капитализма, включающего лишь его типичные, т. е. всегда ему присущие свойства. Противопоставляя свой подход тому, как это делала Р. Люксембург, которая объясняла кризисы нехваткой некапиталистической среды (третьих лиц) для реализации прибавочной стоимости, Цаголов писал: «Поскольку мы исходим из марксовой теории рынка, мы считаем методологически правомерной абстракцию «чистого капитализма», т. е. капитализма без «третьих лиц». Следовательно, и анализ капиталистического цикла методологически правильно будет дать в условиях «чистого капитализма», без включения не имманентных, хотя и сопутствующих ему и подчас сильно изменяющих его характер, факторов» (Цаголов, 1982, с. 6).

Поставив вопрос о необходимости выделения, прежде всего, общих, абстрактных основ капитализма, образующих его несущий каркас и потому названных «чистым капитализмом», Цаголов отнюдь не пренебрегает изучением его конкретных свойств. Совсем наоборот, он полагает, что конкретное становится понятным только путем подхода к его пониманию с позиций имманентно присущих капитализму свойств, а не отдельно и независимо от них. Если речь идет о собирании конкретных фактов и явлений, их обобщении и включении в предмет науки о мировом хозяйстве, то против этого, как пишет Цаголов, трудно найти возражения. «Но в том-то и дело, — продолжает он, — что авторы новой науки хотят создать новую теорию, новую науку, открывающую новую закономерность «*в противовес*» теории политической экономии, новую науку, в которой находят преломление конкретно-исторические закономерности в противоположность абстрактно-теоретическим законам политической экономии» (Цаголов, 1982, с. 42).

Цаголов считал, что судьба политической экономии предопределена тем, что она является для конкретных экономических дисциплин тем же самым, чем физика для технических, а биология, например, для медицинских или сельскохозяйственных наук, т. е. их теоретической основой. По его утверждению, от того, что технические науки черпают теоретические истоки в физике, эти науки отнюдь не теряют специфику своего предмета. Наоборот, от того, что они базируют свои положения на общих закономерностях физического мира, решения технических наук приобретают фундаментальное обоснование. Подобным же обра-

зом, по его мнению, надо рассматривать и международные экономические отношения. «Отношения эти, — писал он, — являясь по природе своей капиталистическими, обязаны своему возникновению капиталистическому способу производства, и именно потому, что они суть отношения международного порядка, представляют новый ряд в процессе восхождения от абстрактного к конкретному и, следовательно, хотя и вытекают из общих закономерностей капитализма, тем не менее, не растворяются без остатка в них» (Цаголов, 1982, с. 46).

В той же работе Цаголов вступает в полемику с Р. Люксембург и Н. Бухариным по методологическим вопросам, к которым он уже тогда проявлял повышенный интерес. Бухарина он упрекает в том, что в его работе отсутствует *исходное* звено анализа, а Р. Люксембург — в том, что в ее концепции нет *промежуточного* звена (Цаголов, 1982, с. 47). Но эти упреки, состоящие в том, что названные авторы берут проблемы одного и того же уровня вместо их анализа на разных уровнях, можно отнести к любому автору. Очевидно, для Цаголова такие замечания скорее были поводом высказать собственную мысль. Позднее мы увидим, что три десятилетия спустя эта мысль оформится в нечто более серьезное, в важнейшее требование научной методологии анализа экономических отношений: выделения из всей совокупности экономических отношений, прежде всего, исходной категории («экономической клеточки»), лежащей в основе всех остальных.

Обосновывая преимущества марксовой методологии анализа экономических отношений, Цаголов противопоставлял ее двум другим подходам. С одной стороны, подходу субъективной школы, которая основным предметом экономического анализа объявляет потребности и поведение отдельного обособленного хозяйства, а с другой, подходу теории автономности мирового хозяйства, рассматривающей мирохозяйственные связи на определенной территории независимо от природы самого капитализма. «Учение об единичном хозяйстве как объекте политической экономии, — писал он, — есть фикция. Единичное хозяйство с точки зрения субъективной школы — подлинное поле исследования, для всякого же объективистического направления существует *только система* (курсив наш — *С. Дз.*), совокупность единичных хозяйств в их взаимодействии как предмет исследования. Вне связи, вне взаимодействия они не существуют как предмет политической экономии» (Цаголов, 1982, с. 45).

Разумеется, вопрос о системе политической экономии ставился не впервые. Цаголов часто цитировал Ленина, который в своей известной рецензии на книгу А. А. Богданова говорил именно о *системе* полити-

ческой экономии. Цаголов с первых шагов своей научной деятельности оценил глубокий смысл подобного подхода. «Система политической экономии, — писал он в той же работе, — имеет своим основанием не известную территорию, а определенное экономическое отношение и рассматривает все категории как его производные. Это не значит, конечно, что сложная и простая равны по своему содержанию, а лишь то, что они из нее развиваются, и к ним нужно подходить как к изменяющимся формам производственных отношений, базирующимся на этой элементарной основе, как модифицированным формам последней... Внутренняя логика процесса должна проявляться на всех ступенях анализа» (Цаголов, 1982, с. 49).

Если статьи 1925 г., опубликованные во владикавказской газете «Власть труда», были скорее ученическими, то работы Цаголова аспирантского периода, опубликованные в солидном столичном журнале, уже были трудами хотя еще молодого, но вполне зрелого ученого. В профессиональном отношении аспирантура, можно сказать, вывела его на совершенно другой уровень. Сейчас три года учебы в аспирантуре отводятся на сдачу кандидатского экзамена и написание диссертации, причем основное время уходит на последнее. В то время это условие не было обязательным, более важным считалось глубокое изучение теоретического курса по своей специальности, чем Цаголов, так же, как и другие, занимался целых три года. В качестве научной работы рассматривались публикации, поэтому, по современной терминологии, опубликованные им в 1929 и 1930 гг. статьи можно считать его кандидатской диссертацией, которую он не защищал. Но зато они принесли Цаголову определенную известность и признание научной общественности.

Тем не менее публикации были лишь видимой частью айсберга, большая часть которого находилась под водой и состояла из глубоких и обширных знаний по политической экономии и истории экономической мысли. Эти предметы он стал преподавать, когда после аспирантуры был направлен в Воронежский государственный университет и занял там должность исполняющего обязанности профессора. Преподавание было его призванием. Его лекции и семинары, богатые по содержанию и эмоциональные по форме, пользовались большой популярностью у студентов, которые высоко ценили глубокое знание Цаголовым своего предмета и пользовались любым поводом, чтобы обсудить с ним интересующие их вопросы. Статный красавец, всегда изящно одетый, живой и остроумный, с яркой речью и хорошими манерами, Николай Александрович вызывал восхищение у любой аудитории, особенно у женской ее части, и со време-

нем стал для студенток некой культовой фигурой. Вскоре слух о блестящем молодом профессоре разнесся по всему Воронежу. Не прошло и года, как он был приглашен на должность заведующего кафедрой политической экономии Планового института. Здесь он не только преподавал свой предмет, но и живо интересовался тем, что изучают и преподают его коллеги на соседних кафедрах: народнохозяйственного планирования, экономики промышленности, сельского хозяйства и других. Планирование было тогда делом совсем новым, и пока мало кто в нем знал толк, хотя многие молодые специалисты с большим усердием пытались овладеть предметом.

Однако профессиональный успех был лишь одной, внешней стороной жизни Н. А. Цаголова. Несмотря на все достижения, Николай переживал глубокий духовный кризис, разлад между тем, каким, в соответствии с марксистскими представлениями, должно было быть общество после революции, и каким он его видел в действительности. Этот кризис, как мы отмечали, начался давно и, можно сказать, продолжался вплоть до занятия им должности заведующего кафедрой в Московском университете в 1957 г. Подняв его в профессиональном отношении на новую высоту, годы учебы в аспирантуре не ослабили, а, быть может, даже усилили эти настроения. Они часто возникают у человека с тонкой душевной организацией, и поэтому, чтобы понять истоки такого кризиса, необходимо внимательнее присмотреться к тому, что эта личность собой представляет.

Цаголов никогда ничего не любил делать формально. Тем более ничего формального не могло быть в его приверженности к марксистскому учению. Хотя марксизм после революции стал в СССР своеобразной модой, Цаголов никогда не пошел бы у нее на поводу, если бы внутренне не был убежден в верности этого учения. Если бы он сомневался, то мог бы избрать для себя другую специальность или, в крайнем случае, другое направление экономической мысли. Но именно в марксистско-ленинской теории Николай Александрович нашел то, что он долго искал, — фундаментальное научное объяснение зол капитализма и той борьбы широких народных масс против недостатков этого общественного устройства, свидетелем которой он был в течение всего XX века.

В студенческие и аспирантские годы Цаголов упорно изучал это учение, а теперь с тем же интересом его преподавал. Как и для многих других в то время, марксизм для него представлял нечто большее, чем просто средство заработка: великую освободительную идею, содержащую научно обоснованную разработку путей избавления людей от системы угнетения и эксплуатации одного человека другим и движения челове-

чества к лучшему будущему. Как он многократно убеждал своих слушателей, никакая другая теория не дает более аргументированного и фундаментального объяснения трагических судеб угнетенной части человечества и не указывает способы избавления от этой судьбы, как это делает марксизм. Эта убежденность лежала в основе его концептуального выбора.

Разумеется, он признавал научную ценность проводимых западными учеными конкретных исследований, часто говорил о необходимости их изучения и сам внимательно относился ко многим полученным ими результатам. Однако, как показали последующие годы, Цаголов, подобно остальным советским экономистам, совершал грубую ошибку, когда стриг всех западных экономистов под одну гребенку. Конечно, господствующая на Западе и безоговорочно принятая нами сейчас неоклассическая концепция действительно подпадает под определение Цаголова как вульгарно-апологетическая. Но, как мы покажем ниже, такая оценка никак не подходит к целому ряду альтернативных концепций. Их авторы в своих теоретических разработках значительно превзошли как западную неоклассическую ортодоксию, так и советскую марксистскую догматику, от которой никто из нас, в том числе Цаголов, не остался свободным.

Однако здесь хотелось бы пока остановиться на том, как его убежденность в правоте марксистского экономического учения отравлялась наблюдениями за советской практикой.

ЛИТЕРАТУРА

Ардасенов Н. М. (1989). Революционно-народническое движение на Тереке. Орджоникидзе.

БСЭ. (1978). Т. 28.

Бязырова В. (1980). Ты в нашей судьбе. 100 лет средней школе им. Луначарского. Орджоникидзе.

Гарданов М. (1925). Селение Христиановское в фактах жизни. В книге «Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения». Вып. 1. Владикавказ.

Малити Геуарги (1996). Ираф. Дзауагигъау.

Гумилев Л. Н. (1989). Этногенез и биосфера Земли. 2-е изд., испр. и доп. – Л.: Издательство Ленинградского университета.

Журнал «История СССР», 1967, №3.

История города Дигоры. Владикавказ. (1992). «Ир».

История Северо-Осетинской АССР. (1987). Т. 1. Орджоникидзе.

Ленин В. И. ПСС, т. 3.

Сталин И. В. Собр. соч., т. 4.

Тихонов Н. (1995). Избранные произведения, т. 2. М.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 37.

Тотоев М. С. (1968). Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в начале XX века. Орджоникидзе.

Хетагуров Коста. (1999). Полн. собр. соч. в 5 томах, т. 2. Владикавказ.

Цаголов Н. А. (1982). К проблеме мирового хозяйства. В книге «Вопросы методологии и система политической экономии», изд. МГУ.

Шанин Т. (1997). Революция как момент истины. 1905–1922. М., «Весь мир».

Carr E. H. (1961). What is History? Pengium Books Ltd, Harmoldsworth, Middlesex, England.

Harcourt G. C. (1972). Some Cambridge controversies in the theory of capital Cambridge Unisrcity Press, Cambridge.

Skydelsky, R. (1983). John Maynard Keynes. Vol. One. Hopes Betrayed, 1883–1920 (London: Macmillan).

Глава II

ВЕХИ СУДЬБЫ

1. Участь друзей

Немаловажное значение для интеллектуального и политического развития молодых ученых имели развернувшиеся тогда в рядах Коммунистической партии острые идейные дискуссии о возможности победы социализма в СССР и путях его строительства. Итоги этой идеологической борьбы пока было трудно предсказать, но в обществе тогда еще царил дух свободы и творческого дерзания, рожденный великой революцией. В этот относительно либеральный период советской истории жадная до знаний молодежь растущими потоками устремилась в культурные центры страны, и, как было принято тогда говорить, ненасытно грызла гранит науки и штурмовала ее высоты. Тот период отмечен также выдающимися достижениями советской экономической мысли, такими, как теории первоначального накопления капитала Преображенского, длинных волн Кондратьева, межотраслевого планирования Громана — Базарова, баланса народного хозяйства Попова — Литошенко, экономического роста Фельдмана.

Предложенные в работах этих авторов подходы и решения коренных проблем экономической теории признавались мировой наукой того времени новаторскими и поныне занимают достойное место в ряду ее достижений. Но целый каскад открытий не мог возникнуть на пустом месте, он был сделан на путях поиска альтернативного капитализму *планового* пути развития экономики. Активное участие в этом поиске принимала и молодежь, посвятившая себя экономической науке. Одним из ее представителей был будущий лауреат Нобелевской премии В. Леонтьев, в то время принимавший участие в разработке межотраслевого баланса народного хозяйства. Он достиг больших успе-

хов благодаря тому, что уехал вначале в Германию, а затем в США и в условиях американской свободы смог продолжить свои исследования. Его же сверстникам в СССР была предназначена другая судьба. Живя в тоталитарном государстве, они подчинили свои таланты его жестким нормам, что, в лучшем случае, обрекало их на ограниченный успех. Но даже если они это осознали, то лишь гораздо позднее. Пока же полные энтузиазма молодые ранионовцы с присущей их возрасту тягой ко всему новому активно включались в обсуждение научных проблем либо наряду с маститыми учеными, либо в своем кругу.

В тот период как-то само собой получилось, что аспиранты, находившиеся в возрасте, так сказать, зрелой молодости, образовали некий неформальный кружок, сформировавшийся в соответствии с внутренней потребностью молодых интеллектуалов в повседневном общении. Никто в него людей не отбирал, никто не помышлял ни о каких формальных правилах. Отбор «членов кружка» произошел по принципу душевной и духовной близости. Молодые ученые сконцентрировались вокруг трех человек, которые были душой их небольшого коллектива. Ранионовцы Афанасий Саввич, Николай Александрович Цаголовы и слушатель Института красной профессуры Георгий Владимирович Гостиев были двоюродными братьями, но у каждого из них были свои друзья и знакомые, из числа которых постепенно выделились те, кто оказался интересен для всех остальных. Так, Афанасий Саввич, или Афай, как его звали в своем кругу, дружил с Энохом Яковлевичем Брегелем, а Николай Александрович — с Александром Ильичом Ноткиным, Петром Афанасьевичем Шарией из философского отделения и Михаилом Борисовичем Храпченко из литературного отделения. (В кружок входили еще два-три человека, но их имена за давностью лет установить не удалось.)

Разумеется, встречи носили не регулярный, а эпизодический характер, а поводом могло послужить что угодно, скажем, день рождения кого-то из друзей, или, например, если кто-то уезжал в отпуск, и его надо было проводить, или, наоборот, «достойно встретить». А если, допустим, Петя Шария приехал из Грузии и привез бурдюк вина, то, естественно, приходилось совместно решать, что же с ним делать. Конечно, здоровые и полные задора молодые люди бывали не прочь посидеть за столом, и такие «посиделки», как правило, принимали характер кавказского застолья с тамадой и обилием тостов, шуток, острот и смеха. Каждый раз находился или придумывался какой-нибудь повод для первой шутки, а затем неиссякаемая фантазия и юмор друзей доводили ее порой до невообразимых форм. Чем невероятнее, тем смешней. Каждый пытался

превзойти другого в острословии, и человек, незнакомый с нравами «кружка», оказавшись там, мог подумать, что случайно попал на какой-то турнир юмористов.

Однако «гастрономический» фон таких неформальных встреч не должен заслонять главного — потребности молодых ученых в интеллектуальном общении, когда даже тосты и шутки сопровождались различного рода экскурсами в те или иные области знаний, которыми члены кружка упорно овладевали. Надо думать, что такие вечеринки едва ли обходились без женского общества, тем более, что многие аспиранты не только сами проявляли повышенный интерес к представительницам прекрасного пола, но и пользовались их благосклонностью. Но сведения об этой стороне их жизни оказались куда более скудными, а потому сообщить что-либо более интересное не представляется возможным.

К сожалению, не сохранилось сколько-нибудь подробных воспоминаний об этом периоде жизни молодых ученых, но, судя по тому, как ярко каждый из них проявил себя в будущем (одни оставили заметный след в экономической науке, а другие — в общественно-политической жизни страны), их тяга друг к другу в молодые годы была неслучайной, каждый ценил талант другого.

Наиболее трагически сложилась судьба особо близких к Николаю Александровичу людей, его двоюродных братьев — Георгия Владимировича Гостиева (1903–1937) и Афанасия Саввича Цаголова (1901–1969).

С Георгием, сыном старшей сестры отца, Николай был особенно близок, потому что в годы учебы в гимназии тот некоторое время жил у Цаголовых, и именно тогда началась их дружба. Вместе они приехали в Москву. Но Николай как беспартийный был направлен в РАНИОН, а политически более активный сначала комсомолец, затем член ВКП(б) Гостиев командирован в Институт красной профессуры. Эта кузница партийных кадров была самым привилегированным учебным заведением Советской России, куда принимали не только имевших высшее образование, но и проявивших себя на общественно-политической работе и преданных делу партии. Солидный уровень подготовки, полученный в престижном институте, открывал перед человеком прямую дорогу к высшим должностям в партии и государстве. Если он будет следовать генеральной линии партии, то удачная карьера ему гарантирована.

Как преданный делу коммунизма молодой член ВКП(б), Георгий Владимирович полностью разделял политику партии по строительству счастливого социалистического общества в своей стране. Сам из крестьян, он решил посвятить свои усилия и талант делу организации кресть-

янских масс. Полученное образование сформировало у него твердое убеждение, что окончательное решение аграрной проблемы может быть найдено лишь путем культурно-технического подъема крестьянства, к чему призывал Ленин в своей знаменитой работе «О кооперации». Именно в таком свете ему первоначально представлялась сталинская политика коллективизации, и он не собирался отклоняться от этой якобы замечательной линии.

Во время учебы и неформального общения в цаголовском кружке Георгий Гостиев не испытывал никаких колебаний относительно правильности политики партии. Наоборот, всегда пытался рассеять сомнения других. Поскольку все остальные были из интеллигентской среды, то крестьянское происхождение и знание аграрной проблематики создавали Георгию особый авторитет. Тем более, что человеком он был чрезвычайно доброжелательным, готовым всегда прийти на помощь другим, чем очень располагал к себе людей. Карьера его тоже поначалу складывалась самым благоприятным образом. По окончании учебы он был избран профессором вновь организованного Иститута колхозов, а вскоре назначен его директором. В этом качестве Георгий стал основным источником информации участников неформального «кружка» о том, что в эти переломные годы конца 20-х и начала 30-х происходило в советской деревне, потому что его высокая должность давала ему возможность входить в высшие инстанции власти, где принимались важнейшие политические решения по вопросам сельского хозяйства, и мог видеть, кто и что собой представляет.

К практической политике Георгий относился неоднозначно: одно его привлекало, а другое отталкивало. Поэтому или в силу каких-то других обстоятельств, когда после двух с половиной лет работы директором института ему предложили поехать на родину секретарем Северо-Осетинского обкома ВКП(б) по сельскому хозяйству, он принял это предложение, тем более, что иначе поступить просто не мог. В то время в республиках еще не существовало практики назначения нескольких секретарей, а были только два — первый и второй, причем последний обычно ведал вопросами сельского хозяйства. Здесь Георгий Гостиев столкнулся с еще более неприглядной картиной практического осуществления коллективизации, которая сопровождалась насилием и жестокостью. Кооперирование крестьян не было подготовлено ни технически, ни психологически. За небольшим исключением крестьяне не хотели добровольно идти в колхозы. Центр же требовал высоких темпов коллективизации, «закручивания гаек», поэтому те, кто сопротивлялся, подвергались наказанию.

Массовые репрессии вызывали массовое недовольство. Толпы крестьян осаждали обком партии и другие республиканские органы со своими жалобами. Очевидно, желая создать у населения иллюзию в виновности местных органов, ЦК партии часто менял первых секретарей с последующим их обвинением во всех грехах. После того как Гостиеву пришлось испытать власть двух первых секретарей, прибыл третий — известный в то время советский экономист, бывший главный редактор журнала «Проблемы экономики» Казбек Бутаев. Активный участник революции, он был также хорошо известен Цаголову еще со времен его революционной деятельности в Осетии. Именно он под псевдонимом «Арцу Тохов» («Приди, победа») в 1920 г. опубликовал в бакинской газете «Молот» по свежим следам статью о революции и гражданской войне в Осетии, и она стала известна всей стране. В ней он, в частности, впервые подробно описал смерть Георгия Цаголова, с которым Бутаев был связан общей борьбой.

Как молодой Гостиев, так и ветеран Бутаев были незаурядными личностями, каждый со своими амбициями. Такие обычно не уживаются. Через некоторое время Гостиев обратился в ЦК с просьбой перевести его на какое-нибудь другое место работы, и его просьба была уважена. В начале 1935 г. он был рекомендован и избран на аналогичную должность в Киргизской АССР, и в итоге оказался вдали от родных мест. Однако вскоре была принята новая конституция СССР, по которой в числе других перемен Киргизии был придан статус союзной республики. Но основной смысл «самой демократической в мире» конституции состоял не в тех формальных изменениях, которые она вносила в систему советского государства, а в том, чтобы прикрыть Варфоломеевскую ночь расправы над всеми реально и потенциально недовольными результатами социалистического строительства, в особенности осуществления насильственной коллективизации сельского хозяйства.

В числе сотен тысяч других в это число попали Бутаев и Гостиев. Последний был освобожден от занимаемой должности под предлогом того, что теперь на этот пост надо избрать кого-то из лиц киргизской национальности. В 1937 г. он был отозван в распоряжение ЦК ВКП(б) и, пока ждал назначения, жил у Николая Цаголова в Москве.

Однако через некоторое время Гостиев был приглашен к тогдашнему зав. организационным отделом ЦК Маленкову, которого он знал еще в период учебы и работы в Москве. Тот принял его как старого друга и заверил, что у ЦК ВКП(б) к нему никаких претензий нет, а наоборот, ему подбирают подходящую работу. Состоялись еще две-три встречи, в результате которых было принято решение, что пока он займет долж-

ность заведующего сельхозотделом Одесско-Николаевского обкома КП Украины, а потом будет видно.

Николай Александрович хорошо запомнил последний разговор с Маленковым, который его двоюродный брат вел по телефону из цаголовской квартиры в Георгиевском переулке, что напротив нынешней Государственной Думы. Маленков давал ему последние инструкции и советы. Речь шла о таких деталях, при которых у Георгия не могло возникнуть ни малейших подозрений. Между тем, как потом узнал Николай Цаголов, участь Георгия была решена еще перед освобождением его от должности в Киргизии. Через короткое время после прибытия в Одессу Георгий Гостиев был арестован, перевезен во Владикавказ, обвинен во всех смертных грехах и в декабре 1937 г. расстрелян.

Мы с Николаем Александровичем не раз говорили о репрессиях. Они коснулись также другого близкого ему человека — его дяди Амурхана Харитоновича, который не состоял в партии, но большевикам, как и множеству людей других убеждений, оказал массу услуг. По настойчивой просьбе керменистов-большевиков, как мы уже рассказывали выше, он стал комендантом Дигоры в тяжелые дни ее оккупации белыми и многих спас от верной гибели. Правда, некоторые из спасенных теперь сами сидели в соседних камерах, и их показания могли быть истолкованы только против Амурхана Харитоновича. Но не помогли и свидетельства тех, кто остался на свободе и готов был выступить в его защиту.

Амурхан Харитонович Цаголов был арестован 5 августа 1937 г. Именно на этот день, согласно оперативному приказу народного комиссара внутренних дел СССР от 30 июня, было назначено начало новой, самой большой волны массовых арестов и расстрелов (Е. Альбац, 1992, приложение к гл. 3). Как и сотни тысяч других советских граждан, Амурхан бесследно исчез, уведенный в ночь оперотрядом НКВД. Ни писем, ни даже краткой весточки, ни какой-либо другой информации о нем ни к кому не поступило. На все обращения к властям прояснить судьбу Амурхана Харитоновича не приходило никакого ответа. Поэтому неудивительно, что когда в 1938 г. Петр Афанасьевич Шария вслед за Берией переехал из Тбилиси в Москву, то Цаголов обратился к нему с просьбой что-нибудь разузнать о судьбе своего дяди, пропавшего в лабиринтах НКВД. Но тот остался каким-то безучастным к просьбе, и это покоробило Николая Александровича.

На самом деле никто ничего и не мог узнать, а тем более сделать. Все жили в диком страхе. Помощь «врагу народа» рассматривалась как вызов системе с риском самому оказаться на его месте. Лишь годы спустя,

после разоблачения Хрущевым сталинских преступлений, в особенности в эпоху горбаческой гласности, стало известно, что к тому времени, когда Николай Цаголов пытался что-то узнать о своем дяде, его давно уже не было в живых. Со дня своего ареста по 9 октября 1937 г. от него под жестокими пытками требовали признаний в том, что он якобы с 1920 г. был главой контрреволюционной, фашистской (!?), буржуазно-националистической, антисоветской повстанческой организации. Он с презрением отвергал все обвинения и на документах его личного дела в архиве КГБ, содержащих подобные обвинения, вместо подписи крупными буквами на всю страницу начертано: «ложь», «клевета», «измышления», «идиотские выдумки», «провокация» и т. д. Нечего и говорить, что, кроме голословных обвинений, никаких улик в деле не содержится. Тем не менее 9 октября того же трагического 1937 г. решением «тройки» Амурхан Цаголов был осужден на расстрел вместе с семнадцатью другими арестантами, против которых выдвигались столь же нелепые обвинения. 29 октября того же года приговор был приведен в исполнение.

На множестве документов, содержащихся в делах несчастных людей, остались небрежные подписи печально знаменитого палача осетинского народа В. А. Боярского. Его же подписью скреплены документы по осуждению и расстрелу Георгия Владимировича Гостиева. Сам же Боярский благополучно пережил все перипетии времени, пока наконец судьба не поселила его под одну крышу со мной, в соседнем подъезде моего дома. Я узнал об этом факте лишь после появления упомянутой книги Евгении Альбац, хотя давно был наслышан о его палаческих «подвигах». Так как Цаголов многократно бывал у меня, то не исключаю, что Николай Александрович мог сталкиваться с этим человеком, с которым заочно был давно знаком, но едва ли представлял, что он еще жив. Между тем Боярский пережил не только жертвы репрессий и многих их родственников, но и трех или четырех своих жен, и в проклятом одиночестве своей дряхлой старости продолжает ковылять по жизни. Интересно было бы знать, слышит ли он бессонными ночами плач и стоны, видит ли лица своих жертв, которых так легко лишил когда-то и жизни, и доброго имени.

Возвращаясь к оценке событий того времени, следует сказать, что странность репрессий состояла в том, что основная масса тех, кто стал их жертвами, ни в каких оппозициях не участвовала и проявляла полную лояльность к сталинскому режиму. Поэтому эти чудовищные факты рассматривались многими, в том числе Цаголовым, как проявление бессмысленной, маниакальной подозрительности Сталина, навязавшего свой кровожадный стиль советскому аппарату.

Это утверждение мне кажется верным лишь отчасти. Цаголов считал, что ошибки и преступления Сталина не могли изменить и не изменили наше победное шествие к социализму. Реальный социализм, как говорил он, не превзошел капитализм во всех отношениях, что предполагалось, но стал ему реальной альтернативой. Для меня же провал сталинской политики построения социализма в одной стране, и в особенности политики коллективизации, был историческим фактом и доказательством того, что цель не была достигнута и кадры партии не могли быть удовлетворены. Репрессированных в 30-е годы коммунистов Цаголов знал, характеризовал как честных и преданных делу людей и расправу над ними считал кощунством. «Это с нашей с вами точки зрения, — возражал я, — но с точки зрения сталинской фракции расправа стала необходимым условием сохранения власти за собой». После пережитого страной голода 1933 г. провал политики партии стал ясен, и тогда такие, как Гостиев, превратились из сторонников Сталина в его врагов, что и показал XVII съезд партии, где почти треть делегатов проголосовали против избрания Сталина в ЦК. Сталин, конечно, понимал и провал своей политики, и настроенность руководящих кадров против себя и рассудил так: либо я их сокрушу, либо они свергнут меня, притом чем честнее и преданнее делу коммунизма человек, тем более он опасен для моей власти. Таким образом, судьба честных коммунистов типа Георгия Гостиева была давно предопределена победой сталинской фракции над оппозицией и установлением ее бесконтрольной власти над партией и страной.

По-особому сложилась судьба и другого участника кружка — профессора Афанасия Саввича Цаголова. До Второй мировой войны он был известным профессором политической экономии. Вместе с Энохом Яковлевичем Брегелем написал ряд работ, в том числе учебное пособие для высших финансово-экономических учебных заведений «Капиталистический кредит» объемом более 50 п. л. В мое студенческое время (1945–1950) мы по нему учились. Однако во время войны с Афанасием Саввичем случилась беда, которая могла иметь трагические последствия только в условиях тоталитарного государства.

В конце 1941 г. он с семьей эвакуировался из Москвы на свою родину, в Христиановское (Дигора), где проживали его брат и сестра. Когда в 1942 г. туда стал приближаться фронт, началась эвакуация, но вскоре немцы были остановлены, и начались сомнения в том, уходить или нет. Некоторые даже стали возвращаться обратно из эвакуации. Страх о возможном приходе немцев стал рассеиваться, и, видимо, Афанасий Саввич, подобно многим другим, успокоился. Нет никаких оснований по-

лагать, что он хотел попасть к немцам. Для профессора марксистской политической экономии в этом не было, да и не могло быть никакого смысла. Но подобно многим другим, Афанасий Саввич тоже питал надежду, что немцы застряли у непроходимых Эльхотовских ворот и теперь не смогут прорвать нашу оборону. Но пока гражданское население и армейское командование рассуждало о том, пройдут немцы или нет, они прошли, но по другой, казавшейся непроходимой, горной дороге и неожиданно появились в Дигоре.

Так или иначе, Афанасий Саввич оказался на оккупированной немцами территории, что по советским понятиям считалось предательством. По фашистским же понятиям профессор марксистской политической экономии приравнивался к комиссару, который подлежал немедленному расстрелу. Оказавшийся меж двух огней человек считался виновным как в одном, так и в другом случае. Но поскольку в Дигоре знали, кто он такой, то, очевидно, спасаясь от немецких властей, он счел более благоразумным перебраться в другое село, Чикола, где его, кроме родственников, у которых он поселился, никто не знал. Тут Афанасий Саввич прожил некоторое время, никому себя не раскрывая.

Однако через некоторое время стало ясно, что немцы собираются отступать. Встал вопрос: что ему делать? Он знал, что, когда придут свои, пощады ему не будет. Афанасий Саввич уже однажды сталкивался с НКВД и знал, как там обращаются с теми, кто попадает в их руки. И он принял единственное спасительное для себя решение: уйти с немцами. В таком случае они его не расстреляют, а там будет видно. Так, отступая вместе с немцами, он в итоге оказался в зоне, оккупированной американскими войсками. Там, видимо, как-то объяснил свое положение, и американцы дали ему разрешение на въезд в свою страну.

Десятилетия спустя стало известно, что в одно время Афанасий Саввич работал в Калифорнийском университете, но не поладил с администрацией и вскоре оттуда ушел. Причина этого разлада неизвестна, но у него явно были какие-то глубокие переживания, потому что вдобавок ко всем неприятностям он разошелся с женой, от которой к тому времени уже имел троих детей. В последние годы много пил и умер в неизвестности, фактически заживо похоронив себя задолго до физической смерти.

Из истории советской экономической мысли Афанасий Саввич Цаголов был исключен и до сих пор отмечен клеймом предателя родины. На самом деле ни одного акта не только предательства, но даже нелояльности к своей стране он не проявил. С немцами отступил, это

правда. Но они едва ли знали, кто он такой. Профессора марксистской политической экономии никак не оставили бы в живых, тем более, что на сотрудничество с ними он не пошел. Можно было ожидать, что, попав к американцам, в годы холодной войны, хотя бы из чувства благодарности к своим спасителям, Афанасий Саввич включится в антисоветский хор. Советская система объективно обладала такими пороками, что их критика со стороны такого компетентного человека была бы вполне нормальным делом. Но он даже этого не сделал, очевидно, щадя своих родных.

Тем не менее его родные и близкие считались виновными за его «предательство». Обвинение в родстве с «предателем» испортило много крови Николаю Александровичу. Согласно советским понятиям, если человек был признан врагом, то таковым он считался еще в утробе матери, и всем знавшим его надлежало быть «бдительными» и заблаговременно разгадать его вражескую сущность. Поэтому от Николая Александровича постоянно требовали объяснений в том, почему он этого не сделал. Его подробно расспрашивали о поведении Афанасия, о чем он говорил, не вел ли антисоветских разговоров, каковы его настроения и т. д.

Николая Александровича вынуждали давать на эти вопросы устные и письменные объяснения. Да, росли вместе, отношения всегда были нормальные, в том числе во время учебы, в общежитии тоже жили вместе и, естественно, имели общих друзей. Тем не менее, в более узком смысле, у каждого из братьев был собственный круг людей, с которыми они работали и взаимодействовали. Так, например, объяснял Николай Александрович, Афанасий сотрудничал и писал вместе с Брегелем, поскольку у них были общие научные интересы. Таким же образом, по причине общности научных интересов, объяснял далее Цаголов, он сотрудничал и писал с А. И. Ноткиным. Ничего враждебного во взглядах и поведении Афанасия никто не замечал. Это повторяли все, кто знал Афанасия Саввича и кого теперь с пристрастием допрашивали органы безопасности.

Однако эти объяснения не удовлетворяли представителей власти, страдавших болезненной подозрительностью. Недоверие усиливалось тем, что все допрашиваемые были известными профессорами политической экономии, но почему-то никто из них не состоял в Коммунистической партии, а это было очень странно. Поэтому всем многократно задавали один и тот же вопрос о том, согласны ли они с политикой и практической деятельностью Коммунистической партии Советского Союза. Конечно, говорил каждый, полностью согласен с политикой

партии и целиком поддерживаю всю ее практическую деятельность. Но затем следовал другой вопрос: если это так, то почему же вы, сознательный человек, знаток марксистской теории, так и не вступили в ряды КПСС? Не знаю, как другие отвечали на этот вопрос, а Цаголов признавал это самой большой своей ошибкой. Чтобы снять с себя всякие подозрения, он в феврале1949 г. подал заявление с просьбой о принятии его в ряды КПСС. Это было связано еще с одним обстоятельством, о чем речь пойдет впереди.

Все, что говорил Николай Александрович об Афанасии, было сущей правдой, и даже сейчас, после стольких лет, в его показаниях нет необходимости что-то менять. Об отсутствии какой-либо конъюнктурщины и приспособленчества в личных отношениях свидетельствует дружба Николая Александровича с П. А. Шарией. Она началась в 20-х гг. и продолжалась до конца их жизни. Когда в 1978 г. Шария умер, то уже немолодого и перенесшего инфаркт Цаголова не удалось отговорить от того, чтобы полететь на похороны своего старого друга в Тбилиси и сказать там свое последнее прощальное слово. Их отношения отличались особой теплотой и оставались ровными всю жизнь, несмотря на то, что судьба Шарии была весьма изменчивой. Цаголов и Шария в одном были похожи, а в другом совершенно разные, и, может быть, поэтому всегда тянулись друг к другу. Это были люди энциклопедических знаний, разнообразных интересов и какой-то необыкновенной культуры в общении между собой и с окружающими. Юмор был едва ли не основной их чертой, и жаль, что мне никогда не приходило в голову записать эти блиставшие остротами словесные дуэли, в особенности когда они играли в шахматы. Поскольку сам не играю, то по расположению фигур я никогда не мог отличить соотношение сторон или победу от поражения. По настроению же игроков это тем более невозможно было сделать, поскольку у каждого оно было победным независимо от исхода партии. Сама же игра сопровождалась преувеличенными шутливыми угрозами и нападками нанести другому сокрушительное поражение и требованием немедленной капитуляции с первого хода. Не исход игры, а сам процесс, видимо, доставлял им удовольствие, давая повод к забавлявшим их шуткам и смеху.

В другом отношении они были очень разными. Оба, конечно, очень интересовались социально-экономической и политической жизнью в мире и стране. Но в то время как Николай Александрович старался держаться в стороне от личного участия в политической жизни, Петр Афанасьевич всегда был в ее эпицентре.

Как выходец из менгрельской местности, Шария очень сблизился со своим земляком Берией, насколько это было возможно в тех условиях и

в той среде. Очевидно, через Берию Шария попал в окружение Сталина, который то приближал его к себе, то отдалял настолько, что в 1951 г. посадил в тюрьму как одного из лидеров менгрельской группы контрреволюционеров, которые якобы хотят отделить Грузию от СССР и присоединить к Турции. С этим нелепым обвинением Шария ждал своей судьбы в Лефортовской тюрьме. В 20-х числах марта 1953 г. он был доставлен на Лубянку прямо в кабинет Л. П. Берии. Еще через месяц, в 20-х числах апреля, Шария в квартире Цаголовых по ул. Горького (ныне Тверская) рассказывал Николаю Александровичу, его брату Борису Александровичу и мне, как это было. В тюрьме Петр Афанасьевич ничего не знал о смерти Сталина, поэтому, когда охранник ввел его к Берии, был ошарашен словами, которые хозяин кабинета произнес вместо обычного приветствия:

— Вот ты все время кричал: «отец», «отец»! А если бы я тебя сейчас не вытащил из тюрьмы, то «отец» сгноил тебя там, и от тебя не осталось бы и мокрого места!

Слово «отец» в лексиконе советской номенклатуры могло относиться только к Сталину, поэтому Шария вначале не мог сообразить, почему оно употреблено в таком неслыханном контексте. Через некоторое время хозяин кабинета разъяснил, что Сталин мертв, а все «менгрельское дело» было по его указанию сфабриковано Абакумовым и Рюминым, и теперь все арестованные по этому делу освобождаются.

Теперь уже мы были ошарашены не меньше, чем Шария. Радио, газеты и телевидение еще сохраняли траурный тон, в средствах массовой информации еще перечисляли названия многочисленных организаций и предприятий социалистических и капиталистических стран, приславших свои соболезнования по поводу смерти великого вождя, еще была свежа всенародная скорбь по поводу невосполнимой утраты, а ближайший сподвижник Сталина не скрывает от своих друзей радость и облегчение.

Приблизительно через неделю, в конце апреля, Шария пригласил нас в ресторан «Арагви» отпраздновать свое освобождение. По этому поводу мне следует сделать одну оговорку. Я не был настолько близок к Петру Афанасьевичу, чтобы он приглашал меня, и все произошло случайно. Незадолго перед этим у Цаголова умерла мать, и я часто бывал у него, а потому Шария, который неоднократно встречал меня у своего друга, застал меня там и на этот раз. Николай Александрович очень любил мать, еще не оправился от траура и отказывался идти в ресторан. Шария его уговаривал. В ходе разговора зазвонил телефон, и Николай Александрович стал с кем-то разговаривать. В это время Шария сделал

нам с Борисом знак, и мы вышли в другую комнату, где он стал нас просить согласиться на его предложение и уговорить Николая Александровича пойти с ним. Услышав по характерному щелчку, что телефон освободился, Шария взял трубку и стал кому-то звонить и говорить по-грузински. Мы оставили его и вернулись в комнату Николая Александровича. Я не считал себя вправе что-либо говорить, а Борис действительно стал уговаривать брата пойти. «Раз Петр пришел к нам и так настаивает, — сказал он, — то, значит, это для него важно. Что бы мы сказали, если бы, будучи на свободе, он не пришел к нам, узнав о смерти мамы? Теперь то же самое может сказать он».

В итоге все четверо отправились в «Арагви», который находился с другой стороны того же дома. Там к нам присоединились еще двое грузин, которых я ни раньше, ни позже никогда больше не видел. Не было обычных пререканий между Цаголовым и Шарией, когда каждый старался усадить другого на место тамады. Петр Афанасьевич начал с того, что произнес поминальный тост в память Пелагеи Зурабовны, которая была матерью не только для своих детей, но и их друзей, и дарила им много тепла и добра. Он говорил о ней довольно долго и настолько хорошо, что вначале застолье больше напоминало поминальный обед, и постепенно неловкость от посещения ресторана прошла.

Слово за слово разговор перешел к проблеме, которая, видимо, для Шарии была главной, чего я в то время, конечно, не понимал. Речь шла о социалистической демократии в ее ленинском понимании. «Когда я сидел в тюрьме, — говорил Петр Афанасьевич, — то просыпался и засыпал с одной и той же мыслью: "За что я здесь сижу?" И не находил ответа, потому что никогда ничего предосудительного в своей жизни не совершил». В то время я слушал его разинув рот и полностью с ним соглашался. Теперь я думаю иначе. Шария, разумеется, как и многие другие, пусть бессознательно, но объективно совершил-таки много предосудительного, превозносил Сталина и всячески способствовал утверждению его тоталитарной диктатуры, жертвой которой до Шарии стали миллионы других. Но только тогда, когда сам в результате нелепых обвинений оказался в тюремной камере, он наконец понял, сколь беззащитен человек в условиях так воспетого им сталинского социализма.

Наверняка вопрос о социалистической демократии исходил не только от него, но и от Берии. Но было ли это со стороны последнего тактическим маневром или стратегией совершенствования социализма? На этот вопрос можно ответить, если знать, насколько далеко Берия был готов пойти по пути демократических преобразований, а этого теперь узнать не дано. Что касается Шарии, то неудивительно, что,

испив полную чашу сталинского произвола, он теперь, несомненно, был искренним в своем стремлении к подлинной демократии. Он и пришел сюда, чтобы в разговоре с Николаем Александровичем понять, насколько верны его представления.

Шария утверждал, что буржуазная демократия нам не подходит, потому что она является формальной, подходящей для господствующего класса, для цензовых слоев, а нам нужна демократия для всех. Цаголов отвечал, что «формальное» в данном случае нельзя понимать как некий пустяк. Во имя формального равенства людей перед законом были совершены буржуазные революции, которые и открыли путь к демократии. Маркс и Энгельс оценивали буржуазные революции как локомотивы исторического прогресса. «Социалистическая демократия, — развивал он далее свою мысль, — не может быть утверждена путем отрицания формальных свобод, провозглашенных буржуазными революциями, а, наоборот, должна взять их в свой арсенал, но дополнить новым содержанием. Это предполагает превращение формальных свобод в реальные путем обеспечения социального и экономического равенства людей».

Любопытно, что когда ученые говорили о необходимости демократии, то аргументировали это только двумя событиями — «делом врачей» и «менгрельским делом», как будто в советской истории не было других нарушений законности. На обсуждение всего остального существовал запрет. В тот вечер (я лично не принимал в их разговоре активного участия, а только внимательно слушал) Николай Александрович и Петр Афанасьевич подробно комментировали опубликованные накануне в «Заре Востока», органе ЦК Компартии Грузии, материалы и передовую статью о пленуме ЦК, который сместил прежнее руководство Компартии и избрал новое, причем там не только резко осуждались «нарушения революционной законности», но, по существу, содержался призыв к демократической перестройке общества, установлению контроля масс над руководством партии и государства.

Как мне позднее объяснил Николай Александрович, все эти документы были написаны Шарией. Если это так, то выходит, что Берия, так сказать, запустил в Грузии пробный шар, апеллируя к демократическим нормам, и хотел посмотреть, как это будет восприниматься, а Шария с помощью Цаголова хотел вооружиться дополнительной аргументацией на этот счет. Что все это значило? Не надо забывать, что, за исключением Прибалтики, Грузия была единственной советской республикой, которая в 1918–1922 гг. имела опыт демократического правления при меньшевистском правительстве, и многие знали и помнили об этом.

Сидели и говорили долго. Пришли около восьми вечера, а ушли около трех часов ночи. Была теплая апрельская ночь. По улицам Москвы куда-то спешили редкие прохожие. Они привлекли внимание Шарии. Он остановился, долго на них смотрел и немного отстал от нас. Другие замедлили шаг, а я вернулся, чтобы составить ему компанию.

Петр Афанасьевич посмотрел на меня, как-то фамильярно взял за плечо, чего никогда до этого не делал, и спросил:

— А знаешь ли ты, что такое счастье?

Намного старше меня, он, тем не менее, всегда обращался ко мне на «вы», и только в этот раз у него вырвалось «ты». Я пожал плечами и сказал, что счастье — такое емкое понятие, что, наверное, имеет много определений.

— Нет, — настаивал он, — счастье — совершенно конкретное состояние: это когда ты в любое время можешь встать со своего места и пойти туда, куда хочешь! Вот эти люди, которые куда-то спешат в этот поздний час, не знают, что они самые счастливые, ведь в любое время могут пойти куда душе угодно.

Подобное определение счастья понятно в устах человека, ни за что упрятанного на два года в застенки. Через два месяца, по нелепым обвинениям, ему снова пришлось сесть в тюрьму, теперь на долгие десять лет.

Когда в 1963 г. П. А. Шария вышел из мест заключения, то уехал в Тбилиси и устроился научным сотрудником в институт философии, чтобы продолжать работу над начатым еще в тюрьме пятитомным исследованием «Философия и наука». В связи с этим раз в году он приезжал в Москву и в течение месяца работал в Ленинской библиотеке. Останавливался у одних и тех же родственников. В каждый приезд раз или два Цаголов приглашал его к себе в гости, а заодно и меня. Причем соблюдался один и тот же ритуал: Цаголов заезжал за ним на своем автомобиле, забирал его, беседы, ужин или игра в шахматы затягивались допоздна, его начинали уговаривать остаться, Шария никогда не оставался, и тогда, несмотря на протесты и уверения, что он спокойно доедет на метро, Николай Александрович каждый раз отвозил его домой.

Во время наших встреч Шария, на мой взгляд, рассказал много интересного.

Насчет своего ареста он утверждал, что связь с Берией носила чисто личный и консультативный характер, Петр Афанасьевич помогал ему в подготовке некоторых бумаг, докладов, в ряде случаев советовался с ним по политическим и международным вопросам. Но по сравнению с тем, в чем обвиняли других, это не так уж серьезно. Едва ли

Хрущев находил такое его участие настолько предосудительным, полагал Шария, чтобы сажать на десять лет в тюрьму, а вот Суслов — да. «Пару раз, — продолжал он, — мне пришлось осадить его за некомпетентность, и он заимел зуб на меня». Я его спросил об этих случаях, и он рассказал об одном из них.

В аппарате ЦК под руководством М. А. Суслова в свое время был подготовлен проект постановления с осуждением книги Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», и Сталин запросил мнение Шарии об этом. По его словам, он высказался против и доказал Сталину несостоятельность многих содержащихся в проекте формулировок. В результате ЦК отказался от принятия решения и ограничился одним обсуждением. Это был провал Суслова, и он об этом не забыл. «Мое присутствие, — говорил Шария, — всегда сильно его сковывало, а мое отсутствие создавало комфорт. В этом все дело». Не знаю, правдив ли такой рассказ Шарии или нет, но передаю то, что слышал.

Думаю, что с точки зрения существовавших в то время в нашей стране нравов не лишен интереса и его рассказ о том, как он был исключен из состава редколлегии по подготовке собрания сочинений Сталина. При жизни вождя, помимо множества его выступлений и статей, успели еще издать 13 томов его собрания сочинений, охватывающих период до начала 1934 г., после чего издание было прекращено. Все тома выходили под грифом института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК КПСС. Имена же конкретных исполнителей никогда не сообщались. Шария рассказал, что в состав редколлегии, утвержденной самим Сталиным, входили семь человек (Г. Ф. Александров, М. Р. Галактионов, В. С. Кружков, М. Б. Митин, В. Д. Мочалов, П. Н. Поспелов, П. А. Шария). Помимо участия в общей работе на Шарию еще была возложена обязанность разыскать, разобрать и перевести на русский язык произведения, написанные Сталиным на грузинском языке в ранний период его жизни, и подготовить их к печати.

Однако в ходе знакомства с документами Шария обнаружил в них такие места и положения, которые не вполне соответствуют тому, что теперь называется марксизмом, в том числе в сталинской интерпретации полвека спустя. Поэтому в редколлегии он поставил вопрос: как с этим быть? При издании ранних произведений такая ситуация возникает всегда, и она разрешается при помощи комментария или предисловия. Но Сталин давно уже считался безгрешным пророком, и нельзя было признаться, что когда-либо в чем-либо он мог ошибаться.

Поэтому никто не решался вмешиваться в этот деликатный вопрос. Он долго висел в воздухе. «Но когда-то же надо было что-то с этим де-

лать, — рассказывал Шария, — и я решил позвонить помощнику Сталина Поскребышеву, объяснил ему ситуацию и попросил его либо мне устроить встречу со Сталиным, либо ему самому посоветоваться с ним и сообщить нам решение.

Поскребышев ответил, что по этому поводу он со Сталиным разговаривать не будет, и вопрос снова повис. Но месяца через два мне позвонил сам Поскребышев и пригласил к себе. Когда я пришел, то он указал на коридор и сказал: "Через пятнадцать минут здесь пройдет товарищ Сталин, и вы сами можете обратиться к нему по интересующему вас вопросу". Вскоре Сталин действительно появился, и я попросил его принять меня. Он сухо ответил: «Пожалуйста, проходите». Пропустил меня вперед и пригласил сесть, а сам тем временем снял и повесил свой плащ. Я коротко объяснил суть дела и спросил совета. Он сказал:

— Хорошо оставьте эти материалы у меня, я их посмотрю».

На этом все кончилось, Шарию к этой работе больше не привлекали. Таковы были нравы тоталитарного режима. Нельзя было показывать, что у верховного правителя мог быть какой бы то ни было изъян, хотя бы в ранней молодости.

Из других рассказов этого сведущего человека, на мой взгляд, наибольшего внимания заслуживает его информация о начале холодной войны. Как-то в разговоре о наших внутренних проблемах я осудил советскую политику начала холодной войны, в которой усматривал причину многих испытываемых нами трудностей. Шария возразил мне и стал утверждать, что холодную войну начали не мы, а Запад. В подтверждение он рассказал следующее. В начале 1946 г., после Фултонской речи Черчилля, его вызвал Сталин и сказал:

— Во время войны главы трех великих держав твердо договорились о необходимости послевоенного сотрудничества. Теперь, похоже, эта договоренность нарушается. Рузвельт умер, а к власти в Англии пришли лейбористы во главе с Эттли. Недавно приезжал Гарри Гопкинс и уверял нас, что прежние договоренности останутся в силе, если СССР будет их соблюдать. Но я сомневаюсь в этом. Гопкис был человеком Рузвельта, а для Трумэна он никто.

— Кроме того, — продолжал Сталин, — есть такой вопрос: почему Черчилль поехал произносить речь в Америку, а не сделал это в родной Англии? Надо в этом разобраться.

По словам Шарии, Сталин был чрезвычайно озабочен способностью Советского Союза восстановить разрушенную войной экономику и рассчитывал на западную помощь, поэтому он никак не был заинтересован в холодной войне. Наоборот, в интересах Сталина было сохранить

дружественные отношения в целях: а) списания долгов военного времени, судьба которых тогда еще не была определена; б) получения западных кредитов для восстановления экономики. Сталин предложил Шарии поехать в Англию в качестве его личного эмиссара с тем, чтобы разведать, чего хочет Запад, насколько Великобритания привязана к колеснице американской политики, могут ли сложиться какие-то особые отношения между СССР и Великобританией?

Шария поехал в Англию и находился там один или два месяца, читал прессу, встречался с общественными и политическими деятелями и вел с ними беседы, выясняя интересующие его вопросы. Вывод, к которому он пришел и который доложил Сталину, был неутешительным: нормальным отношениям с Западом мешает закрытый характер нашего общества. Запад считает, что у нас нет демократии, правительство не находится под контролем общественности, делает свои дела за спиной народа, и нам нельзя доверять. Думаю, что Сталину было неприятно слушать эти слова, и Шарии надо было на этом остановиться. Вместо этого он продолжал раздражать вождя, с поразительной наивностью пытаясь ему объяснить, что надо делать.

— Чтобы найти контакт с Западом, — поучал он его, — нам тоже надо ввести какие-то элементы демократии.

Сталин насторожился и спросил:

— Что Вы имеете в виду?

Даже после такого грозного вопроса Шария не понял, по какому тонкому льду шагает, и пытался объяснить Сталину полезность демократических перемен.

— Западная демократия, — говорил он ему, — во многом является формальной. Например, в «Таймс» я прочитал большую статью с критикой внешней политики Англии, и когда в очередной раз встретился с заместителем министра иностранных дел А. Кадоганом, спросил его мнение об этой публикации. Но оказалось, что он ее даже не читал. На мой недоуменный вопрос он ответил, что если будет читать все статьи о внешней политике, то у него не будет времени работать. Английская внешняя политика осуществляется независимо от того, кто и как ее критикует.

Сталин спросил:

— Ну и что из этого?

— Мы могли бы поступать таким же образом, — ответил Шария.

— То есть?

— То есть, не будет ничего плохого, если некоторые депутаты в Верховном Совете выскажут критические замечания, например, в адрес Молотова. По этой причине не обязательно менять нашу внешнюю политику.

Разговор происходил на кунцевской даче Сталина во время обеда, когда оба собеседника по существующему здесь правилу налили каждый себе по тарелке супа. Сталин держал в руке ложку и собирался есть, но, насторожившись, очевидно, желал дослушать до конца. Но когда услышал то, что предлагает Шария, бросил ложку на стол, вспыхнул и резко сказал:

— Я думал, что Вы что-то понимаете в политике, а Вы, оказывается, ни черта в ней не понимаете!

Так грубо и сказал: «Ни черта». Настроение у обоих было испорчено. К еде уже никто не притрагивался. Сталин встал, молча походил по комнате, а затем, очевидно, желая разрядить обстановку, предложил:

— Пойдемте лучше поиграем в бильярд.

Но игра не получалась, видимо, каждый думал о своем. Сталин положил кий на стол и сказал: «Давайте на этом закончим».

Распрощались, и Шария уехал. Больше Сталин его не приглашал и никаких поручений не давал.

В числе наиболее близких друзей Н. А. Цаголова в предвоенные годы был также известный советский экономист А. И. Ноткин. Они познакомились в 20-е годы, однако близко сошлись в аспирантуре РАНИОНа. Их тесное научное сотрудничество относится к периоду их совместной работы в Институте экономических исследований Госплана СССР, о чем речь пойдет ниже. Надо сказать, что Цаголов был достаточно разборчивым в выборе друзей. Наверное, то же самое можно сказать о Ноткине. И совместные проекты, которое они осуществляли в течение 30-х годов, можно рассматривать как свидетельство того, как высоко они ценили друг друга. Друзья были совершенно разными по характеру. Цаголов, обладающий горячим южным темпераментом, яркий, жизнерадостный и остроумный, обычно становился душой любой компании. Ноткин, наоборот, всегда был спокойным, уравновешенным, не стремился к внешним эффектам и в коллективе предпочитал оставаться в тени. Но Цаголов высоко ценил в друге аналитический склад ума, умение подмечать детали и делать основательные выводы. Когда однажды во время их работы в Госплане в разговоре один на один высокий начальник рассыпался в комплиментах Цаголову и высказал весьма критические суждения в адрес Ноткина, Николай Александрович решительно возразил и дал самую высокую оценку научным и личным достоинствам Ноткина. После этого начальственное лицо больше никогда не заводило разговор на подобные темы. В совместном научном творчестве они плодотворно дополняли друг друга. Цаголов, как человек разносторонних интересов, отличался более богатым воображением, был смелым и даже

рискованным новатором. Зато более осторожный и вдумчивый Ноткин мог довести замысел до совершенства. В общих работах Цаголову чаще всего принадлежала идея, а Ноткину — тщательная проработка эмпирического и статистического материала, которая нередко уточняла первоначальную идею и придавала ей фундаментальность и основательность.

Мы располагаем лишь малой, да и то отрывочной информацией о том, как проходили упомянутые неформальные встречи, на которых Ноткин был одной из главных фигур. Но, судя по отдельным высказываниям Цаголова, в их кружке ценились такие качества Ноткина, как наблюдательность и способность вникать в суть вещей, которые проявлялись при обсуждении событий, происходящих в стране. По сравнению с другими участниками встреч аспирантской поры в его биографии не было эффектных фактов, которыми, как оказалось, к несчастью, были отмечены судьбы его друзей, но зато не происходило и трагических событий.

Единственным достойным упоминания случаем было письмо А. И. Ноткина к И. В. Сталину и ответ последнего, который составил часть нашумевшей в свое время работы вождя «Экономические проблемы социализма в СССР». Письмо Ноткина к Сталину с просьбой уточнить некоторые положения ранее сделанных им замечаний по учебнику политической экономии, наверное, было самым незначительным из научных работ Ноткина. Но его фундаментальные труды по советской экономике не принесли ему такую широкую известность, как это маленькое письмо самому влиятельному в то время в стране человеку и раздраженный ответ на него.

2. Феномен Галилея

Времени окончания учебы в аспирантуре и получения назначения на работу предшествовали события, оставившие в душе Цаголова тяжелый осадок. В партийно-государственных кругах шла острая идейная борьба вокруг путей строительства социализма, в которой верх одерживала сталинская группировка, сделавшая ставку на насилие и репрессии. Троцкий и его сторонники, игравшие решающую роль в годы революции и гражданской войны, подвергались остракизму.

Поначалу дело выглядело так, что идет чисто идейное единоборство, в котором возглавляемое Сталиным и Бухариным крыло партии отстаивает умеренные темпы строительства новой экономики в борь-

бе против предлагаемых группой Троцкого — Зиновьева высоких темпов индустриализации и невиданной скорости накопления капитала. Так казалось большинству в партии и стране, в том числе аспирантам РАНИОН. Значительная их часть, в том числе и Цаголов, сочувствовала умеренному курсу Сталина— Бухарина и в спорах между собой выступала в его защиту.

Но пока они штудировали «Капитал» Маркса и вели жаркие споры о том, кто прав или не прав, состоялся XV съезд партии (декабрь 1927 г.). Молодые аспиранты внимательно следили за его ходом и вели жаркие споры о том, идет ли речь о возможности или невозможности строительства социализма или идейное противостояние представляет собой лишь ширму для прикрытия борьбы за власть. Троцкий и другие вожди революции — ближайшие сподвижники Ленина были исключены из партии, сняты со всех постов и высланы в Сибирь. После годичной ссылки в Среднюю Азию Троцкий затем был выслан за границу. Десятки тысяч его сторонников, заслуженные революционеры и деятели государства, были заключены в тюрьмы или выдворены в отдаленные районы страны якобы за то, что они были против «генеральной линии партии».

Все, что происходило после того съезда, было предвестником конца свободы творческого мышления. Если заранее предопределено, что можно говорить, а что нельзя, это означает идейную катастрофу, и вскоре она наступила. Изолировав левую оппозицию, Сталин отделил своих сторонников по принципу личной преданности и сформированную таким образом собственную фракцию выдавал за партию, повернув ее огонь против всех, в ком он усматривал препятствие установлению своей личной власти. В контролируемых сталинским аппаратом органах печати развернулась кампания против так называемых правых, под которыми подразумевали вчерашних сторонников Сталина и того политического курса, за который они совсем недавно выступали вместе. Сталинская фракция на сто восемьдесят градусов поменяла свои политические убеждения и заняла сверхлевые позиции. Теперь она обрушилась на то, что еще вчера отстаивала. «Генеральной», то бишь правильной, теперь была объявлена политика, которая еще вчера считалась «левой» и неправильной. А та, что вчера признавалась правильной и была зафиксирована в решениях XV съезда партии, теперь считалась «правой» и достойной лишь осуждения.

Борьба в партии перекинулась и в аспирантскую среду: здесь шли те же дискуссии. Вчера все казалось более или менее ясным, а теперь стали наводить тень на плетень. Осуждалась политика умеренных темпов кол-

лективизации, т. е. ее осуществления по мере создания необходимых технических и экономических условий и при непременном соблюдении принципа добровольности вступления крестьян в кооперативные хозяйства. Теперь этот курс, одобренный съездом партии и с пониманием встреченный населением, сталинское руководство стало отвергать и проводить противоположную политику сверхвысоких темпов принудительной коллективизации, что, по существу, означало насильственную экспроприацию крестьянства.

Изучавшая общественные науки аспирантская молодежь в большинстве своем прежде поддерживала тот политический курс, который теперь квалифицировался как «правый». Большое влияние на них оказали новаторские работы таких выдающихся советских экономистов, как Преображенский, Базаров, Громан, Кондратьев, Юровский, Чаянов, Попов, Литошенко, Фельдман, которые они с воодушевлением обсуждали. Немалый интерес у аспирантов вызывали труды талантливых молодых ученых «Бухаринской школы», усилия которых были направлены на разработку актуальных проблем развития советской экономики.

Самые печальные последствия для экономической науки имело выступление Сталина в декабре 1929 г. на так называемой конференции аграрников-марксистов. Сталин объявил о конце НЭПа и переходе к политике раскулачивания крестьянства. Это означало отказ от последних остатков частной собственности и рыночных отношений и переход к печально известной «административно-командной системе».

Как обычно, не затрудняя себя никакими доказательствами и произвольно жонглируя цитатами классиков марксизма, полностью извращая мысли своих оппонентов, Сталин направо и налево раздал пинки выдающимся ученым, приклеивая им самые бранные ярлыки. Объектом его критики стал, в частности, составленный тогда по инициативе Базарова, Громана, Попова и Литошенко межотраслевой баланс народного хозяйства, разработанный на основе марксовых уравнений расширенного воспроизводства. Сталин особенно ополчился против теории равновесия (пропорциональности), которая лежала в его основе, объявив ее буржуазной. Он безапелляционно объявил, что «...стоит только извлечь из сокровищницы марксизма теорию воспроизводства и противопоставить ее теории равновесия секторов, чтобы от этой последней не осталось следа». «В самом деле, — продолжал он, — марксистская теория воспроизводства учит, что современное общество не может развиваться, не накопляя из года в год, а накоплять невозможно без расширенного воспроизводства из года в год» (Сталин, т. 12, с. 144). Что современное об-

щество не может развиваться, не расширяясь из года в год, — столь же верно, сколь элементарно. Но марксистская теория воспроизводства не в меньшей мере утверждает то, что Сталин прямо отрицал: расширенное воспроизводство невозможно без соблюдения определенного равновесия (пропорциональности) между различными частями экономики. Именно оно создает условия для простого и расширенного воспроизводства.

Это необходимое требование было положено в основу разработанного тогда межотраслевого баланса, который встал поперек горла авантюрной политике сталинского руководства. То же самое можно сказать в отношении теории Чаянова о семейном крестьянском хозяйстве, взглядах Громана, раскрывающих грабеж крестьян путем установления высоких цен на покупаемые ими товары. Зато утверждалось, что простое сложение примитивных средств производства крестьян (искусственные колхозы) якобы создает новые социалистические отношения и более высокую производительность труда. На самом деле ничего подобного не происходило, и через два месяца, делая хорошую мину при плохой игре, в статье «Головокружение от успехов» Сталину под давлением критики снизу пришлось дезавуировать свои победные реляции относительно успехов в колхозном строительстве, по крайней мере, на время.

Но дело было сделано, талантливые ученые подвергнуты остракизму и похоронены лучшие достижения советской экономической мысли. Абсолютно не разбираясь в проблеме, но имея в виду пионерскую разработку межотраслевого баланса, впоследствии улучшенного В. Леонтьевым и принесшего ему мировое признание, Сталин заявил: «То, что опубликовало ЦСУ в 1926 г. в виде баланса народного хозяйства, есть не баланс, а игра в цифири. Не подходит также к делу трактовка Базарова и Громана проблемы баланса народного хозяйства. Схему баланса народного хозяйства должны выработать революционные марксисты, если они вообще хотят заниматься разработкой вопросов экономики переходного периода» (Сталин, т. 12, с. 171–172).

В ходе острейшей идейной борьбы 20-х годов друг другу противостояли не только разные партийные фракции, но и модели социализма, мировоззренческие системы ценностей. Однако с каждым новым поворотом этой судьбоносной драмы становилось ясно, что одерживающая верх правящая группировка руководствуется голым стремлением к безраздельной власти. Как всегда, было немало конформистов, которые без обиняков принимали то, что им говорили, и сразу, как говорится, превращались из Савлов в Павлов. Но были люди, которые превыше всего ценили личную и творческую свободу. Вот им-то приходилось труднее

всего. Насколько их привлекала марксистская теория, настолько отталкивали порядки и нравы партии, называвшей себя рабочей и марксистской. Многие из них на всю жизнь решили остаться вне этой партии.

Беспартийным до времени оставался и Цаголов. В 1930 г. он прибыл на работу в Воронеж не только с чемоданом личных вещей, но и с грузом тяжелых раздумий о многих сложных явлениях окружающей действительности. Здесь занял должность профессора, а еще через три года, уже работая в Москве, был утвержден в этом звании. И хотя успех, которым пользовались его лекции, приятно щекотал самолюбие, полного удовлетворения Николаю Александровичу он не давал. Цаголов стремился к чему-то большему, чем роль ординарного профессора, он хотел не только преподавать, но и заниматься исследовательской работой.

В то время более или менее устоявшимся был написанный А. А. Богдановым на основе работ Смита, Рикардо и Маркса учебник политической экономии капитализма, и к этому она вся и сводилась. О политической экономии в широком смысле, как теории пяти общественно-экономических формаций (первобытной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и социалистической систем) еще не было и речи. Предполагалось, что политическая экономия нужна там, где общественные отношения принимают вещный характер и скрыты за этой внешне обманчивой формой, как это имеет место при капитализме.

Что касается социализма, то здесь все будет прозрачно и ясно, сущность будет совпадать с явлением и якобы нужда в теоретической науке отпадет. Поэтому в то время предметом изучения была «Теория советского хозяйства» — предшественница политической экономии социализма. Именно ее преподавал Цаголов наряду с политической экономией капитализма.

Однако чем дальше, тем яснее становилось, что победная поступь социализма внушает не только энтузиазм, но и серьезную тревогу. Творческой личности свобода нужна как воздух, а последние погромы показали, что ликвидированы даже ее последние остатки. В дальнейшем мрачные мысли Николая Александровича еще больше усилились, когда на скамье подсудимых он увидел Громана, Базарова, Суханова, против которых были выдвинуты такие обвинения, которые его опытный в юридических делах отец называл «чистой липой». Цаголов тысячи раз задавал себе один и тот же вопрос: кому и зачем нужна такая «липа»?

Ясного ответа на него тогда не существовало. Выдвинутая еще в 20-е годы Л. Д. Троцким формула о «термидорианском перерождении» революции была понята и принята очень тонким слоем старых революционеров и молодых энтузиастов. Лишь позднее, находясь в изгнании,

Лев Давидович проанализировал происходившие в СССР процессы с достаточной полнотой и определил их как процесс формирования *тоталитарного* государства. Но тогда картина была еще не ясна. С одной стороны, режим становился все более репрессивным. Но с другой — страна находилась на подъеме. Создавались новые отрасли экономики, закладывались и вырастали новые города, вводилась широкая система бесплатных или льготных социальных услуг населению, молодежь заполняла аудитории рабфаков, техникумов и вузов, во всю ширь развертывались научные исследования в самых различных областях.

В то время как на Западе разразился тяжелейший экономический кризис, советская экономика развивалась высокими темпами, что рассматривалось как наглядное доказательство преимуществ плановой социалистической экономики. Картина советской действительности не была одноцветной, а потому объективно оценить зреющие в ее недрах проблемы становилось все более сложно. В Воронеже Цаголов с увлечением работал, много читал, собирал материал для новых статей, размышлял над ними и обсуждал актуальные проблемы страны и экономической теории с приехавшими так же, как и он, из Москвы старыми и новыми местными друзьями, но решил пока ничего не публиковать.

Тем временем в Москве оставались его брат и две сестры. Вначале они были студентами, а по окончании учебы устроились там работать. Вскоре в столицу, ближе к детям, на постоянное местожительство из Владикавказа переехали отец и мать. Теперь вся семья собралась в Москве, и Николай все чаще приезжал к ним. Он стал размышлять о том, чтобы вернуться в Москву, ибо только здесь мог найти для себя наиболее интересное поле деятельности. Через друзей наводил справки и был в курсе, какое ведомство чем занимается. Из всех имевшихся в Москве возможностей самым подходящим местом Цаголов считал научно-исследовательский институт Госплана, поскольку последний в условиях советского строя был основным экономическим центром страны. Но его интересовала не аппаратно-чиновничья, а исследовательская работа по конкретным экономическим проблемам, поскольку это давало максимальную в наших условиях свободу для анализа процессов, происходящих в советской экономике. Николай начал уговаривать находившегося в Минске Ноткина переехать в Москву и начать работу в институте Госплана. Вскоре Александр Ильич тоже переехал в столицу, и они начали свою совместную деятельность.

Превыше всего оба ценили творческую свободу. Однако в условиях тоталитарного государства она ограничена такими пределами, в которых талант ученого полностью развернуться не может. Изменить же или

расширить границы своей свободы он бывает не в состоянии. Поэтому творческая личность становится перед выбором: **либо** ничего не предпринимать и обречь себя на бездействие и бесплодие, **либо** идти на уступки режиму и этой ценой купить тот минимум свободы, который необходим для творческой деятельности. Эта проблема в разные времена и в разных ракурсах вставала перед многими учеными. Бертольд Брехт рассмотрел ее в своей знаменитой пьесе «Жизнь Галилея».

Чтобы продолжать свои исследования, Галилей, как известно, был вынужден пойти на уступки святой инквизиции вплоть до открытого признания своих идей ошибочными. В изображении Б. Брехта свою уступчивость Галилей объясняет своим коллегам следующим образом: «Глубиной моего раскаяния я заслужил благорасположение моих руководителей настолько, что мне разрешено в известной мере вести научные работы под духовным надзором» (Б. Брехт, 1972, с. 772). В пьесе маленький монах сомневается в правильности поступка Галилея, так как верит не столько в Бога, сколько во всепобеждающую силу истины и разума и спрашивает его: «А не думаете ли вы, что истина — если это истина — выйдет наружу и без нас?» На это Галилей отвечает: «Нет, нет и нет! Наружу выходит ровно столько истины, сколько мы выводим. Победа разума может быть только победой разумных» (там же, с. 743).

В пьесе Б. Брехта молодые ученики Галилея были разочарованы покаянием своего учителя и отреклись от него. Но через девять лет один из них, повзрослевший Андреа Сарти, приходит к нему и сообщает, что уезжает в Голландию в поисках свободы, чтобы иметь возможность продолжить свои исследования. (Здесь явно напрашивается параллель с молодым Василием Леонтьевым, который в поисках свободы для работы над межотраслевым балансом уехал в Америку и там смог завершить начатое.) В завязавшейся беседе Галилей отдает Андреа для вывоза за границу рукопись. Ознакомившись с ней, Андреа оценивает ее как основы новой физики, и тогда до изумленного ученика доходит тайный смысл покаяния учителя во имя победы над теми, кто преследовал истину. И он объяснил свое просветление: «Мы рассуждали так же, как люди толпы: «Он умрет, но не отречется». Но вместо этого вы вышли из тюрьмы: «Я отрекся, но буду жить». Мы сказали: «Ваши руки замараны». Вы ответили: «Лучше замараны, чем пусты»... Вы обрели время, чтобы создать научный труд, который могли создать только вы. Если бы вы погибли в огненной славе костра, то победителями были они» (там же, с. 774–775).

Феномен Галилея помогает понять ситуацию в условиях тоталитарной диктатуры, но полной аналогии здесь нет. Сталинская инквизиция

была намного более жестокой, чем средневековая. Искатели истины и правды погибли не «в огненной славе костра», а либо у позорного столба всеобщего осуждения, либо исчезли во мраке ночи без суда и следствия, не оставив следа, и даже места их захоронения остались неизвестными.

Но было еще и другое осложняющее обстоятельство. Церковь ни в какой мере не проводила идеи новой физики и астрономии, а сталинизм, извратив одни идеалы, воплощал в жизнь другие. Он лишил людей свободы, но обеспечил социальное равенство, устойчивый рост экономики, развитие культуры и материальное благополучие тем, кто в условиях капитализма не получил бы их никогда. Ценой отказа от свободы народ приобрел рост культуры и благосостояния. Это чрезвычайно осложняло понимание ситуации. В наших конкретных условиях быть на стороне одного означало быть против другого. А когда люди становятся перед выбором между хлебом и свободой, то в выборе большинства не всегда можно быть заранее уверенным.

Не испытывал уверенности и Цаголов, когда в 1932 г. переехал в Москву и был принят на должность ученого секретаря Института экономических исследований Госплана СССР.

Переход на эту работу не был ни случайным, ни внезапным. Еще когда Николай Александрович был заведующим кафедрой в Воронежском плановом институте, его приглашал директор института Ковалевский и имел с ним обстоятельную беседу, в которой развернул перед талантливым профессором привлекательную программу исследований по широкому кругу экономических проблем. Ковалевский критически высказался в адрес первого пятилетнего плана. Именно в нем он видел причины возникших диспропорций и невыполнения важнейших проектов по целому ряду показателей. В дальнейшем, считал он, в соответствии с требованием нового руководства Госплана планирование надо поставить на более солидную научную основу. «Но что это значит? — ставил вопрос директор и отвечал на него: — Ввести плановую работу на основе более широких теоретических обобщений особенностей нашей переходной экономики. Мы не оторваны от мировой капиталистической экономики, а тесно с ней связаны, следовательно, нам надо лучше знать происходящие там процессы, чтобы избегать негативных тенденций и в то же время воспринимать то лучшее, что создано капитализмом в смысле техники, организации и управления». Поэтому кандидатура Цаголова, занимающегося проблемами мировой экономики, по словам Ковалевского, им очень подходит.

В словах директора института для Николая Александровича не было ничего нового, но, тем не менее, такая оценка ему импонировала. Кова-

левский предложил ему должность ученого секретаря как координатора научных исследований. По его мнению, это должен быть человек с широким теоретическим кругозором, способный понимать место и значение каждой проблемы в проекте хозяйственного плана и исследованиях института. Такая перспектива тоже устраивала Цаголова, поскольку позволяла быть в курсе как научных дел в институте, так и происходящего в экономической науке в целом. Сам же Николай Александрович решил пока продолжить заниматься тем, что и раньше, — исследованием западной экономики. Еще в Воронеже, в разгар коллективизации, Цаголов стал изучать различные западные, главным образом американские и немецкие источники о состоянии и перспективах развития сельского хозяйства США. Теперь он включил эту тему в план своих исследований и вскоре представил довольно фундаментальную работу по теме: «Послевоенное развитие земледелия и обострение противоположности между сельским хозяйством и промышленностью в САСШ» («Плановое хозяйство», №№ 5–6, 1933 г.).

В то время не только советское, но и американское сельское хозяйство переживало не лучшие времена. Но с марксистской точки зрения американский кризис был более понятным — он был проявлением Великой депрессии в области сельского хозяйства. Что касается советского кризиса, то как раз эта точка зрения его никак не объясняла. Почему социалистические преобразования аграрных отношений в период НЭПа привели к резкому подъему этой отрасли народного хозяйства, а после проведенной сверху «новой аграрной революции» произошел резкий спад сельскохозяйственного производства?

Советских людей, естественно, занимал главным образом последний, а не первый вопрос, но в уже сложившемся к тому времени тоталитарно-репрессивном государстве можно было писать лишь про американский кризис. Правда, с научной точки зрения и в этом был смысл, потому что такой анализ мог дать ключ к пониманию наших проблем, а кроме того, на американском примере было безопаснее говорить о том, что надо и не надо делать для роста сельскохозяйственного производства.

О ситуации в нашей собственной стране правду нельзя было писать именно потому, что причины ее возникновения были видны невооруженным глазом, тем более интеллектуалам типа Цаголова, которые профессионально занимались изучением экономических проблем. Советское сельское хозяйство после бурного подъема в период НЭПа вступило в полосу кризиса вследствие отказа от политики нормальных экономических отношений с крестьянством и перехода к курсу насильственной

коллективизации крестьянских хозяйств, подорвавшей стимулы к труду, приведшей к обезличиванию ответственности за результаты хозяйственной деятельности, большому падежу скота и полному разорению крестьянства.

Так называемая «правая оппозиция», состоявшая из наиболее трезвомыслящей части Коммунистической партии и советской интеллигенции, давно предсказывала такой исход, но теперь об этом запретили даже упоминать, как раз потому, что это была правда, бьющая прямо в лицо партийного руководства.

Пока те, кто знал эту правду во всех деталях, находились рядом. Одним из них был двоюродный брат и самый близкий друг Николая Александровича — Г. В. Гостиев, о котором мы уже рассказывали. Для Цаголова Георгий Владимирович был не только незаменимым и неисчерпаемым источником информации, но и умным собеседником, с которым можно было обсуждать, что происходит в высших эшелонах власти, и не только в сельском хозяйстве, но и в других областях.

На основе огромного официального и неофициального материала, из своих наблюдений и путем теоретических размышлений Цаголов сделал вывод, что крутой поворот партии на форсированную коллективизацию был обусловлен не столько трудностями хлебозаготовительной кампании 1928–1929 гг., сколько желанием дискредитировать противников установления личной власти Сталина и представить их обществу как идеологов зажиточного крестьянства — кулачества.

Конечно, трудности тоже были. Но как раз группа Бухарина — Рыкова предложила способы их преодоления путем увеличения в обмен на хлеб поставки крестьянству тех промышленных товаров, в которых оно остро нуждалось. Но эта экономически разумная мера была отвергнута сталинским руководством. Вместо этого оно предложило и осуществляло политику насильственного включения в искусственные колхозы всех крестьян с одновременным раскулачиванием и последующим выселением в отдаленные районы страны наиболее трудоспособной части крестьянства. Результатом такой авантюристической политики было разорение сельского хозяйства и массовый голод 1932–1933 гг.

Размышляя над причинами кризиса советского сельского хозяйства, Цаголов пришел к выводу, что они не сводятся только к сомнительной политике партийного руководства, а коренятся также в технико-экономической отсталости страны в целом и в особенности этой самой жизненно важной отрасли. Выход из кризиса, в котором по этим двум причинам оказалось советское сельское хозяйство, рассуждал он далее, можно преодолеть путем его технической реконструкции. Но для осуществ-

ления этой политики надо знать и учитывать опыт других стран. С этой точки зрения опыт американского сельского хозяйства представлял для нас первостепенный, причем не только теоретический, но и практический интерес.

На основе собранного им значительного статистического материала Цаголов в духе марксистской критики капитализма дает обстоятельный анализ коренных проблем американского сельского хозяйства. Конечно, это сделано так, чтобы прежде всего отметить и показать негативные черты капитализма, зависимость деревни от города, фермеров и арендаторов от капиталистических монополий, отставание уровня заработной платы в сельском хозяйстве по сравнению с промышленностью, рост финансовой задолженности фермеров и арендаторов банкам и т. д. Но весьма любопытно, что треть работы посвящена техническому прогрессу и достигнутому на этой основе уровню производительности труда. Очевидно, что это было ее основной целью. В дальнейшем Цаголов продолжил это направление своих исследований. В ходе работы над проектом второго пятилетнего плана на 1932–1937 гг. он подготовил сравнительный анализ текущего уровня и роста производительности труда в сельском хозяйстве СССР и капиталистических стран. Но поскольку в ней показывалась неблагоприятная для нас ситуация, то она была засекречена, осталась неопубликованной и, надо думать, хранится в архивных материалах института.

В основном все, что было сделано Цаголовым в 30-е годы во время работы в институте Госплана, осуществлялось в тесном сотрудничестве и постоянном соавторстве с А. И. Ноткиным. Как отмечалось, их дружба началась еще в аспирантские годы. Впоследствии, видимо, какая-то кошка пробежала между ними, и друзья охладели друг к другу, что проявилось в том, что Ноткин не принял участие в написании двухтомного фундаментального «Курса политической экономии», который в 60-е годы готовился под руководством Н. А. Цаголова. Но в 30-е они много времени проводили вместе, причем не только в процессе совместных занятий и многочисленных обсуждений. Они жили в одной квартире, писали совместные работы и на каникулах ездили отдыхать на Кавказ. Поэтому формирование их мировоззрения и отношение к текущим событиям страны надо рассматривать как единый процесс. У обоих был не только глубокий интерес к общественной жизни и гуманитарным наукам, но также общие или близкие взгляды по коренным вопросам философии, экономики, истории и политики.

Будучи марксистскими теоретиками и верными поборниками социализма и коммунизма, Ноткин и Цаголов оставались вне рядов Коммуни-

стической партии, чтобы сохранить, насколько это возможно в условиях тоталитарного государства, свою интеллектуальную свободу и независимость. В определенной мере им это удалось. Но подобно множеству других, они также были захвачены порывом всеобщего энтузиазма и веры в то, что только путем строительства социализма могут быть осуществлены лучшие идеалы человечества, и гордились тем, что принимали в этом посильное участие. При такой глубокой погруженности в дела, живя жизнью советского общества, нельзя было обойтись без принятия его ценностей, включая и расхожие клише советского мышления и лексики.

Объясняя идейные мотивы жизни и деятельности Кейнса, его биографы обращали внимание на их обусловленность, с одной стороны, *духом времени*, а с другой — *семейным воспитанием*. Те же принципы можно применить к объяснению идейных мотивов жизни и деятельности Цаголова с учетом разницы во времени и исторических условий двух стран.

«Неизбежной головоломкой написания биографии, — пишет Р. Скидельский, — является то, какую поправку надо сделать на "*дух времени*" (Zeitgeist), рассматривая чьи-то мысли и жизнь. Люди бывают людьми своего времени, так же, как и своих родителей; их труды одновременно и выражают идиосинкразию, и являются репрезентативными; они отражают свое время и воздействуют на него. Повсюду социальное вторгается в личное, помогая очертить предпочтения, вкусы, жизненный выбор, идеалы. Но неявное биографическое допущение состоит в том, что для целей объяснения в большинстве случаев "*дух времени*" можно считать постоянным; что он изменяется медленнее, чем жизнь индивида; и что, в силу этого, семья, образование и класс являются главными систематическими внешними факторами, которые биограф должен рассмотреть. Постоянное обращение Роя Харрода к «предпосылкам Харвей Роуд, номер 6»* для объяснения некоторых характерных черт позиции Кейнса — его чувства долга, например, — является характерным для использования этой известной биографической техники. Здесь предполагается, что субъекты биографий гораздо чаще являются продуктом *воспитания*, чем своего *времени*. Этот метод во многих случаях срабатывает безотказно. Но он делает осечку, когда *времена* становятся бурными, когда ментальность или чувствительность общества — используя эти термины как приблизительное обозначение более точных концепций — испытывает сдвиг» (Skydelsky, op. cit, p. 406).

---

* Харвей Роуд, 6 — это адрес родительского дома Дж. Кейнса, в котором он появился на свет и получил воспитание. Под «предпосылками Харвей Роуд, 6» Р. Харрод понимал викторианские ценности, как они воплотились в быте, мышлении и образе жизни этой семьи.

То, чем для Кейнса были ценности викторианской Англии, поставленные под угрозу эпохой *laissez faire,* для Цаголова представляли собой идеалы социализма, которым угрожало термидорианское перерождение революции. Домашнее воспитание в определенной среде предопределило для каждого из них набор ценностей, которому никто не хотел изменять. Вместе с тем ни одну конкретную судьбу нельзя рассматривать в отрыве от своего времени, а оно диктовало свои императивы.

Для Кейнса этот императив состоял в том, чтобы путем модернизации системы свободного частного предпринимательства сохранить основные ценности своего класса и времени, материальную обеспеченность, личную и интеллектуальную свободу.

Положение Цаголова, а следовательно, и его задача были более сложными. Те ценности, за которые выступали люди его окружения, во имя которых они совершили революцию, а многие отдали свои жизни, — социальное равенство, доступ к материальным и культурным благам, личная свобода и участие в управлении государством, в одной части осуществлялись, а в другой — грубо попирались.

В такой ситуации смысл деятельности ученого состоял не только в том, чтобы отразить свое время, но и в том, чтобы воздействовать на него. Но как? Прямое противостояние негативным последствиям революции утратило смысл. На глазах Цаголова молох революции безжалостно пожирал всех, кто оказывался от него в опасной близости. В такой ситуации разумнее всего было отойти в сторону и дождаться своего часа, который не может не наступить в этом изменчивом мире. Такая позиция представлялась необходимой и разумной не только с точки зрения самосохранения, но и была обусловлена целым рядом внутренних и международных обстоятельств. О событиях внутри страны уже говорилось. Что касается международных, то они были связаны с приходом нацистов к власти в Германии в начале 1933 г. Люди сразу ощутили реальность нависшей над ними угрозы, перед лицом которой абсолютной необходимостью стало объединение.

Власть использовала угрозу фашизма в собственных целях — как повод для расправы над всяким инакомыслием. Но тем труднее стало отличить одно от другого, тем более, что несравненно усилились зарубежные голоса в поддержку антифашисткой позиции советского правительства. В то время, когда правящие классы западных стран помогали Гитлеру прийти к власти и укрепить ее, взоры значительной части мира обратились к Москве как к единственной силе, способной спасти мир от наступления фашистского варварства. Поэтому в Москву, как в Мекку, потянулись все антифашисты — от коммунистов до монархистов.

После посещения Советского Союза супруги Вебб в 1935 г. выпустили книгу «Советский коммунизм — новая цивилизация?», и в английской печати началась дискуссия на эту тему. На поставленный вопрос очень многие, в особенности молодежь, давали положительный ответ. Марксистские и коммунистические идеи начали приобретать широчайшее признание.

Один из кембриджских апостолов*, добровольно ставший впоследствии работать на советскую разведку, Антони Блант, вернувшись из Рима в Кембридж после годичного отсутствия, в октябре 1934 г. обнаружил, что за это время «все мои друзья... Почти все интеллектуалы и блестящие молодые студенты Кембриджа вдруг стали марксистами под влиянием прихода Гитлера к власти» (Skidelsky. Op. cit, p. 514). Марксизм захватил значительную часть интеллектуалов Кембриджа, о чем свидетельствует тот факт, что 15 из 31 апостолов, избранных в течение 1927–1939 гг., считали себя марксистами (Там же, p. 516). Блестящие и перспективные воспитанники Кембриджа, выходцы из знатных аристократических английских фамилий переходили на службу советской разведке. Все больше людей на Западе, в том числе в администрации президента Рузвельта, возлагали надежды на выход из кризиса путем использования советского опыта планирования экономики. Таков был тогда «дух времени».

Короче говоря, при всем критическом отношении к одной стороне советской действительности Цаголов с интересом и даже воодушевлением принимал другую ее сторону. Поэтому к нему «феномен Галилея» применим, можно сказать, лишь отчасти.

Цаголов стал свидетелем того, как создавались и разрушались авторитеты, как люди, высоко чтимые еще вчера, через некоторое время безжалостно поносились со всех трибун и страниц печати. Поэтому как самостоятельно мыслящий человек он не мог полностью принять на веру официальные клише вроде «контрреволюционные элементы», «левые или правые уклонисты» и другие, которые в то время были в ходу. Николай Александрович не прибегал к ним в личных разговорах на эти темы, но в печатных работах, так же, как и другие, порой их применял. Иногда же он публично говорил, что время для объективной оценки всего того, что было в прошлом, еще не наступило, тем самым показывая, что прекрасно знал цену этим ярлыкам.

Почему же тогда он их принял? Очевидно, по логике Галилея, хотя, разумеется, ни о чем подобном никогда не было и речи. Но подсознатель-

* «Общество апостолов» — неформальный дискуссионный клуб выдающихся интеллектуалов Кембриджского университета, созданный для выяснения мировоззренческих вопросов.

но Цаголов наверняка понимал, что принимает такую терминологию, чтобы иметь легальную возможность выступать в защиту того, что он считал верным или нужным для социалистической системы, а в советской реальности верное и нужное неизбежно сливалось с ложным. Если даже сейчас, когда прошло столько времени и многое прояснилось, мало кто сохраняет объективность в оценке баланса присущего тому времени позитивного и негативного, то соблюдать такой баланс в те годы было куда труднее. При всех пороках советского режима страна была охвачена порывом всенародного энтузиазма, а ее экономика и культура развивались небывалыми темпами. Этот мощный поток захватывал всех. Цаголов был сделан из того же материала, из которого эпоха ковала остальных. Он принадлежал к поколению людей, которые были подростками, когда произошла Октябрьская революция. Теперь его ровесникам было под тридцать, и они, полные энергии и энтузиазма, находились в расцвете физических и духовных сил. В их системе ценностей, привитой советским строем, в качестве основного постулата выдвигалась мысль о том, что прочным и достойным является лишь то будущее, которое создается для всех.

3. В сталинском Госплане

Работа над пятилетними планами сильно увлекала А. И. Ноткина и Н. А. Цаголова. Они считали, что нашли по-настоящему достойную сферу деятельности, где их теоретические знания могут найти практическое применение в столь значительных масштабах. Друзья полностью погрузились в эту работу. Проекты планов и отчеты об их выполнении, в разработке и обсуждении которых они участвовали, были для них не грудой скучных цифр, а настоящей гармонией разнообразных форм хозяйственной деятельности во имя достижения наибольшего конечного эффекта. Они знали, что каждая цифра плана появилась не вдруг, а хорошо им известным образом, в результате многочисленных обсуждений и споров и часто менялась несколько раз, прежде чем обрести свое окончательное значение. Также было и с отчетными данными. Сопоставление проекта и факта было одним из увлекательных занятий, открывавшим новую серию дискуссий относительно причин того, почему факт не совпадает с планом.

Конечно, абсолютно идеальных планов не существовало никогда. Они отражали достоинства и недостатки составлявших их людей, включая их глупости и ошибки, поэтому не могли быть свободны от адми-

нистративного произвола и необоснованного прожектерства. Тем не менее за каждым проектом плана стоял титанический труд проникнутого лучшими побуждениями творческого коллектива, состоявшего из очень большого количества квалифицированных специалистов в самых различных областях техники, экономики и культуры. При такой сопричастности к делу, естественно, их радовали успехи страны, в которых они видели и результаты своего труда и стараний. Но вместе с этой радостью, незаметно для себя, они принимали определенные ложные ценности окружающей среды. Основной из них была формула «победы социализма в СССР».

В этом отношении весьма показательна совместная статья Цаголова и Ноткина «Семнадцать лет советской системы хозяйства», написанная в 1934 г. в качестве передовой для ноябрьского номера журнала «Плановое хозяйство». Она вышла без подписи и, по сложившейся в СССР традиции, как бы выражала официальную позицию Госплана. Разумеется, ни о какой отличной от партийного руководства точки зрения ни Госплана, ни какого-либо другого органа государства в тех условиях речи быть не могло. Все были обязаны придерживаться единой, принятой наверху позиции. Но каждый орган реализовывал ее по-своему, и статья полностью соответствовала канонам того времени. В ней содержались достигнутые за годы Советской власти показатели развития народного хозяйства и отмечались значительные структурные изменения, которые произошли за эти годы. В этом смысле она была вполне объективной. Но вместе с тем передовица повторяла те оценки качественного состояния советского общества, которые содержались в докладе Сталина на прошедшем в начале года XVII съезде Коммунистической партии относительно победы социализма в СССР.

Данная тогда Сталиным и затем повторявшаяся в каждом издании и в речи любого оратора формула «победы социализма в СССР» завершала проходившую в партии в течение всех предыдущих лет борьбу относительно возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране. Она была введена в оборот в 1925 г. вставшей тогда у руля сталинской группой вместо существовавшей до этого формулы первоначальной победы революции и социализма в развитых странах, выдвинутой Марксом, Энгельсом, Лениным и другими социалистами. Ею руководствовались и российские коммунисты во главе с Лениным и Троцким в осуществлении революции 1917 г. Они решились на это в надежде, что мировая пролетарская революция вполне созрела, и стоит зажечь пожар в одном месте, например, в России, как он охватит весь мир и, конечно, прежде всего, развитые страны. И хотя революция действитель-

но произошла в одних странах (Германия, Венгрия), а другие (Франция, Италия, Англия) были близки к ней, но мирового пожара не получилось. Более того, в Германии и Венгрии революции потерпели поражение, и тогда возникшему после революции Советскому Союзу в одиночестве пришлось определять свою судьбу.

После смерти Ленина борьба в партии вокруг дальнейшей судьбы революции крайне обострилась. Ее старые кадры, совершившие революцию, по-прежнему связывали ее судьбу с ситуацией в развитых странах, положением и настроением международного рабочего класса и других социалистических сил. Естественно, что победившая революция, утверждали они, может развиваться только в направлении строительства социализма. Но это не значит, что отсталая Россия может построить социализм без помощи европейского пролетариата и передовой капиталистической техники, экономики и культуры.

В сознании пролетарских революционеров крепко сидели критерии *марксистского социализма*, который означал для них единство трех составных элементов. Во-первых, это самый высокий в мире уровень производительных сил и производительности труда, благодаря чему, как было сказано Марксом в «Критике Готской программы», «все источники общественного богатства польются полным потоком». Во вторых, это ликвидация классового и социального неравенства, отмирание государства и превращение его в систему гражданского самоуправления (гражданское общество), как это было предусмотрено Марксом в «Критике Готской программы» и Лениным в «Государстве и революции». В-третьих, это обеспечение широких, невозможных при капитализме прав и свобод граждан, как это провозглашалось Марксом и Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии» на основе принципа «свобода каждого является условием свободы всех».

Теперь эти критерии социализма были подменены тремя другими критериями *сталинского социализма*, на которых все больше акцентируется внимание советской общественности: а) вместо создания гражданского общества — укрепление государства пролетарской диктатуры; б) ликвидация классов; в) повышение уровня обобществления производства. На практике все это означало усиление репрессивного аппарата государства и создание привилегированного слоя руководителей во всех сферах жизни общества. Нетрудно видеть, что такой социализм является прямой противоположностью того, что под этим понималось раньше. Тем не менее молодые кадры партии и государства, не имевшие за плечами выработанного в ходе революции идейного багажа, но нацеленные на заманчивые должности в новой системе, скептически отно-

сились к перспективе мировой революции. Им больше импонировала выдвинутая Сталиным формула возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране, чем необходимость связывать этот процесс с мировым развитием. Журавлю мировой революции они предпочитали синицу псевдосоциализма в одной стране.

В официальной истории КПСС деятельность сталинской фракции в борьбе с оппозицией всегда изображалась как якобы принципиальная борьба за ленинизм, в то время как в действительности она была безыдейной расправой над инакомыслием. Взгляды так называемой левой оппозиции, отрицавшей возможность построения социализма в одной стране, никогда объективно не излагались, выдвинутые ею аргументы в открытой печати не приводились и не становились известными широкой общественности. Между тем отрицание идеи изолированного социализма базировалось на том фундаментальном доказательстве, что *отсталая страна в одиночку, в капиталистическом окружении не может достичь уровня, необходимого для победы социализма: превзойти уровень развития производительных сил развитых стран и обеспечить высшую в мире производительность труда.* Без этого, доказывала левая оппозиция в полном соответствии с положениями основателей коммунизма, нельзя сделать общество более богатым, обеспечить невозможный при капитализме уровень народного благосостояния и тем самым на деле доказать преимущество социализма над капитализмом. Ввиду этого, утверждала она, в одной, да еще отсталой стране можно построить *не социализм, а карикатуру на него.*

Эти утверждения опирались на глубокое переосмысление важнейших представлений о путях построения социализма, которое происходило в мыслящих кругах партии под влиянием перерождения революции. Во многих своих работах конца 20-х — 30-х годов и, прежде всего, в своем выдающемся труде «Преданная революция» Троцкий подошел к объяснению феномена советского общества с позиций марксистской теории общественно-экономических формаций. Он утверждал, что советский строй не является ни капиталистическим, ни социалистическим, а *переходным* между двумя формациями.

Игнорирование этой истины оказывает самое пагубное влияние на судьбы только нарождающегося нового общественного строя. Поистине роковой ошибкой сталинского режима является подход к СССР как к обществу уже победившего социализма. Такое ложное понимание побуждает стремиться к стопроцентной централизации планирования и полному исключению рынка из жизни страны. Между тем, как считал Троцкий, условия для этого сложатся лишь в будущем социалистичес-

ком обществе. Пока же продолжается переходный период, и в обществе естественным образом соседствуют и уживаются рыночные и плановые отношения.

Насилие над этой реальной природой советского строя ведет к извращению основных экономических институтов, когда цены не содержат рыночных оценок труда, из-за этого деньги перестают быть реальными деньгами, а в итоге зарплата теряет свое свойство материально стимулировать труд. В результате, как отмечал Троцкий, в советских условиях «чем дальше, тем больше хозяйство упирается в проблему качества, которое ускользает от бюрократии, как тень» (Троцкий, 1991, с. 228). Вот почему, утверждал он, сталинская политика насилия над реальностью обрекает советское общество на поражение в соревновании с капитализмом.

В свете того, что этот прогноз оправдался, следует подробнее остановиться на характере и исторической судьбе советского социализма.

В начавшейся в среде американских троцкистов дискуссии о природе советской бюрократии Лев Давидович оспаривал мнение тех, кто считал ее таким же эксплуататорским классом, как буржуазию или феодалов. Эти последние классы, подчеркивал мыслитель оппозиции, возглавляли общественные системы, занимавшие самостоятельное место в мировой истории. Советское же общество подобного места не имеет, оно, как уже сказано, является промежуточной ступенью между капитализмом и социализмом. А вся специфика подобного общества, доказывал он, состоит в том, что оно может перейти, а может и не перейти к более высокой стадии развития. В связи с этим, утверждал он далее, господство бюрократии, которая пытается остановить ход истории к собственной выгоде, не является прочным. Она или будет сметена новым восстанием трудящихся во имя продолжения борьбы за социализм, либо выродится в «обычную» буржуазию. «Привилегии, — писал он, — имеют небольшую цену, если их нельзя передать детям по наследству. Поэтому привилегированная бюрократия рано или поздно захочет завладеть управляемыми предприятиями, превратить их в свою частную собственность» (там же, с. 210).

Разумеется, Троцкий — неистовый и искренний революционер — всеми силами души желал первого исхода, обращая свои взоры к мировому революционному процессу, могущему дать новые формы несталинского социализма и способному вдохновить трудящихся СССР на новый порыв борьбы. Но трезвый ум ученого заставил его бесстрастно рассмотреть и другой прогноз, трагический для всего того, во что он так верил. Только сегодня мы в состоянии оценить всю глубину и силу этих

тяжело давшихся, безжалостных оценок, что трудно было сделать современникам Троцкого.

Стоит отметить, что этот прогноз делает честь доктрине марксизма, показывая ее эвристическую силу гораздо больше, чем тонны чернил, пролитых на бумагу гонителями оппозиций, наемными писаками сталинско-сусловского «научного коммунизма». Справедливости ради стоит отметить, что взгляды Троцкого, озвученные им в изгнании в 30-е годы, вероятно, принадлежат не только ему, но могут считаться квинтэссенцией лучших достижений неортодоксального большевизма. Троцкому, как когда-то Герцену, принадлежит высокая честь «вольного русского слова», выстраданного в тюрьмах и ссылках.

Теперь нам ясно, что наша судьба зависела от того, подкрепится ли общественная собственность на средства и продукты производства социалистической демократией, обеспечивающей контроль народных масс над бюрократией. Тогда бы владеющие общественными богатствами трудящиеся никому не позволили отобрать у них то, что им реально принадлежало, лишить их прав на свою собственность. К сожалению, не только власть, но и оппозиция игнорировала основополагающую идею прав и свобод человека и заменила ее идеей так называемой диктатуры пролетариата, в которой заложена тенденция превращения в диктатуру личной власти и попрания прав и свобод человека. Тем самым не только власть, но и оппозиция игнорировала другой, не менее важный аргумент в пользу социализма, который также в полном соответствии со взглядами Маркса и Энгельса сохранялся и был главным в арсенале европейской социал-демократии, — превращение *формальных* прав и свобод человека в буржуазном обществе в *реальные* в социалистическом обществе.

Во время проходивших в 20-е и 30-е годы дискуссий о возможности или невозможности построения социализма в СССР никто даже говорить не смел об основном требовании революции — о политических правах и свободах граждан. Центр тяжести был перемещен на экономическую сторону, на вопрос о том, сможет или не сможет СССР без поддержки мировой революции преодолеть свою технико-экономическую отсталость. Эта сторона строительства социализма полностью завладела сознанием людей, в том числе А. И. Ноткина и Н. А. Цаголова. В их глазах идеи левой оппозиции утратили свой кредит. Мировая революция, на которую она делала свою ставку, не произошла и когда произойдет, неизвестно, а страна и народ должны жить сегодня. Что делать в этой ситуации? Ответ один: модернизировать теорию строительства социализма в соответствии с реально сложившейся исторической ситуацией. Коль скоро революция не стала ждать того времени, когда произ-

водительные силы в рамках капитализма поднимутся до уровня развитых стран, то тем самым выбор уже сделан, и не остается ничего другого, как двигаться по пути социалистического строительства.

Поскольку идея мировой революции не реализовалась, рассуждали Ноткин и Цаголов, то собственными силами надо строить такой социализм, который реально возможен. Такой вывод отдалял их от Троцкого и сближал со Сталиным, который связывал строительство социализма не с независящей от нас мировой ситуацией, а с зависящей от нас самих способностью решать посильные задачи. Из этого выходило, что советский социализм будет не посткапиталистическим, а *исторической альтернативой капитализму*. Одно дело, если бы социализм строился на достигнутой развитыми странами материально-технической базе, и совсем другое — когда такую базу надо создавать самим путем использования имеющихся ресурсов и возможностей. В нашей ситуации создание материально-технической базы социализма надо рассматривать как предпосылку достижения высшей производительности труда, сначала догнать развитые страны по этому показателю, а затем превзойти их. У нас нет адекватной социализму материально-технической базы, рассуждали они, но зато мы обладаем такими преимуществами планового ведения хозяйства, которые позволяют решать наши задачи.

Сегодня такой ход рассуждений можно считать верным или неверным, но при этом надо учитывать, что именно в рамках планового хозяйства Советский Союз одержал такие успехи, которых иным путем было невозможно достичь и раньше, и сейчас.

В результате такого смещения сути понимания социализма изменились и критерии его победы. Критериями победы социализма были объявлены *уровень обобществления производства и ликвидация эксплуататорских классов*. Такое изменение взглядов означало очень многое. Оно создавало теоретическую основу для насильственной коллективизации крестьянства и репрессивных мер в отношении тех, кого объявили эксплуататорами. На этом основании такие действия рассматривались как революционные шаги в направлении «строительства социализма». Результатом такого «движения к социализму» было дальнейшее закручивание гаек репрессивного аппарата и тотальный контроль над всяким инакомыслием.

Формула «строительства социализма», таким образом, постепенно обросла новым смыслом и превратилась в эвфемизм строительства тоталитарного государства, а выражение «в одной отдельно взятой стране» — в легальное обозначение практики возведения «железного занавеса» и самоизоляции Советского государства от остального мира.

Подобное извращение сущности социализма, конечно же, встретило яростное противодействие, в особенности со стороны революционных борцов за социализм в СССР и в мире. Левая оппозиция в партии во главе с Троцким оценила сталинское извращение социализма как контрреволюционный переворот. В ответ на обвинения в отказе от социализма власть обрушила на оппозиционеров сверхинквизиторские кары.

Идейных оппонентов вначале заключали в тюрьмы, отправляли в сибирскую ссылку, а затем стали подвергать массовым казням. Тоталитарная власть каленым железом выжигала всякое упоминание об альтернативной идее и модели социализма. В довершение всего по образцу средневековой инквизиции устраивались показательные судебные процессы, где «грешники» каялись в совершенных «преступлениях», главным из которых было отрицание возможности построения социализма в одной стране и якобы связанных с этим успехов в социально-экономическом развитии. Ставился знак равенства между отрицанием возможности построения социализма и теми бесспорными результатами, которые достигались на пути социалистического развития. В результате картина полностью запутывалась. Людям и впрямь стало представляться, что отрицание возможности построения социализма есть зло, закрывающее перспективу развития страны, а утверждение такой возможности, наоборот, есть добро, открывающее такую перспективу, которая является единственным способом спасения страны от реставрации капитализма и закабаления империалистическими странами.

Тот социализм, о котором говорили оппозиционеры, нигде не существовал, кроме их собственного воображения, а сталинский социализм, каким бы он ни был, существовал в той реальности, в которой люди жили. Поэтому даже одаренные ученые типа А. И. Ноткина и Н. А. Цаголова, непосредственно вовлеченные в решение практических проблем развития народного хозяйства, в одном случае сознательно, а в другом бессознательно воспринимали социально-экономическую поступь страны как торжество социализма.

Советская реальность выступала перед ними как единственная в наших условиях возможность развития по пути социально-экономического прогресса, и она имела над ними, как и над всеми остальными, большую власть, чем отдаленные представления об альтернативном варианте социализма. Не принимать реальный социализм мог тот, кто одновременно с этим исключал себя из общественной жизни, а тот, кто хотел принимать в ней участие, должен был, так или иначе, в полный голос или вполголоса, присоединиться к общему хору осуждения альтер-

нативного социализма как контрреволюционного вымысла вредоносного троцкизма. Выступление в защиту такого социализма было бы равнозначно самоубийству.

Безоговорочное признание безальтернативности советского социализма было очерчено как граница между легальностью и нелегальностью. С непризнанием советского социализма человек оказывался по ту сторону границы, где люди не только исключались из общества, но и отправлялись в небытие. Только путем принятия сталинской модели социализма они сохраняли себе место в жизни советского общества.

Ничьи представления не создаются в безвоздушном пространстве. Одни мы формируем из собственного опыта, переживаний и размышлений, а другие воспринимаем из окружающей среды, причем соотношение между этими частями у людей бывает разным в зависимости от их творческого потенциала.

Мы не можем сказать, какая часть имевшихся у Ноткина и Цаголова представлений о социализме сформировалась на основе их собственных размышлений и суждений, а какая была воспринята ими от окружающей среды. Наверное, присутствовало как одно, так и другое, ведь они были не только свидетелями, но и экспертами по оценке происходивших в советском обществе глубоких социально-экономических перемен, которые не могли быть объяснены мерками и категориями капиталистической экономики.

Вместо частной собственности на средства и продукты производства утверждалась общественная собственность в ее двух формах — государственной и кооперативно-колхозной. Частная собственность сохранялась лишь на предметы потребления. Рынок, хотя и сохранился, но утратил свое былое значение. Хозяйственные связи между предприятиями и трестами устанавливались теперь не через рынок, а через прямые плановые задания. Основная номенклатура производимой продукции определялась в централизованном порядке, так же определялся ее сбыт, включая конкретных поставщиков и потребителей. Рыночная конкуренция была заменена социалистическим соревнованием. Основная часть инвестиций накапливалась в руках государства и распределялась в централизованном порядке в соответствии с перспективами развития каждой отрасли экономики. И такая экономика не только не разорялась, но была единственной в мире, которая поднималась в гору. В то время, когда экономика западных стран была поражена Великой депрессией и отброшена назад, советская плановая экономика, по выражению Сталина, стояла, как утес, не подверженный бурям мирового капиталистического океана.

Такую экономику уже нельзя было назвать капиталистической. Ее плановый и социалистический характер сливались в одно понятие, и иные соображения о социализме, если даже они возникали, отступали на задний план. Формула победы социализма была в такой ситуации единственной методологической и теоретической основой оценки и понимания процессов, происходивших в советской экономике. Поэтому сложившийся у нас общественный строй Ноткиным и Цаголовым, как и многими другими, квалифицировался как социалистический со всеми логическими последствиями, которые вытекали из этой оценки.

Плановое ведение хозяйства, по их мнению, было для этой экономики таким же системообразующим обстоятельством, каким рыночное ведение хозяйства является для капиталистической. Реальность состояла в том, что при всех своих недостатках советская экономика характеризовалась такой глубокой спецификой, которая, конечно, не укладывалась в понятия капиталистической экономики. Самое яркое и бесспорное отличие социалистической экономики состояло в *планомерном* характере развития, а квинтэссенцией народнохозяйственного планирования являлся сводный (межотраслевой) баланс народного хозяйства, разработка которого на вторую (1933–1937 гг.) и третью пятилетки (1938–1942 гг.) легла на плечи большой группы экономистов, среди которых А. И. Ноткин и Н. А. Цаголов, очевидно, занимали ведущее место.

Однако их теоретическая попытка разработки модели баланса народного хозяйства потерпела полную неудачу. В свете блестящего успеха В. Леонтьева она весьма показательна. Покинув СССР, Леонтьев, как известно, продолжил работу, начала которой были заложены в составленном центральным статистическим управлением межотраслевом балансе народного хозяйства СССР на 1923/1924 гг. Используя данные американской статистики и применив математические методы их обработки, он в условиях западной свободы разработал свою знаменитую модель Input-output, которая явилась новым словом в науке. Ноткин и Цаголов же, закованные в кандалы сталинских формулировок, не могли выйти за пределы идеологических трафаретов и банальных положений. Поэтому их постигла неудача. Опубликованные ими две статьи («Плановое хозяйство» №7, 1936 и №4, 1937) о разработке баланса народного хозяйства ничего интересного не содержат.

На подлинно научную разработку проблем баланса народного хозяйства был наложен запрет несостоятельными сталинскими утверждениями. Содержавшаяся в их статьях полемика с С. Г. Струмилиным носила не столько научный, сколько конъюнктурно-идеологический характер, а

потому в научном отношении была, по существу, бессодержательной. Правда, практическая работа Ноткина и Цаголова по составлению балансов третьей пятилетки увенчалась большим успехом, но полностью претворить их в жизнь не удалось. Выполнение третьей пятилетки было прервано начавшейся в 1941 г. Отечественной войной. К этому времени советская экономика достигла значительных успехов, к которым все работавшие над разработкой планов, а том числе Ноткин с Цаголовым, с полным на то основанием считали себя прямо причастными.

Например, в годы третьей пятилетки был сделан значительный шаг вперед по пути укрепления экономической мощи страны и технической реконструкции народного хозяйства. За исключением сельского хозяйства, которое продолжало испытывать последствия насильственной коллективизации, в экономике страны происходил ускоренный рост. Так, объем национального дохода за 5 лет увеличился в два с лишним раза, валовой продукции промышленности — в 2,2 раза, капитальные вложения выросли в 2,7 раза и т. д. (Итоги, 1939, с. 13, 70, 73, 92.)

Однако 1937 год был не только завершающим годом второй пятилетки. Он вошел в советскую историю как нечто большее и трагическое — год апогея сталинского террора. Видные деятели и специалисты Госплана один за другим исчезали в его пучине. Оскудел и Институт экономических исследований Госплана, и его пришлось закрыть. Из уцелевших сотрудников института, в числе которых были Л. Я. Берри, А. И. Ноткин, Н. А. Цаголов и некоторые другие, переведенных в центральный аппарат Госплана, была сформирована группа экономических советников при председателе Госплана.

Это произошло еще тогда, когда председателем был В. И. Межлаук (1893–1938), который занимал этот пост лишь с февраля по октябрь 1937 г., после чего был арестован и расстрелян. Сменивший его в 1938 г. Н. А. Вознесенский (1903–1950) не только сохранил, но и повысил статус советников. Их должность по-прежнему скромно называлась «старший консультант Госплана СССР», но теперь группа экономистов составляла особое подразделение при председателе. В их обязанности входили экспертная оценка важнейших народнохозяйственных решений и подготовка предложений по ним председателю Госплана.

Само по себе такое повышение статуса и роль советника Цаголова вполне устраивали. Но, как говорит немецкая пословица, дьявол кроется в деталях. Для вольнолюбивого Цаголова прямое подчинение советников председателю таило в себе угрозу. Со времени своего основания ближайшим сподвижником Ленина и ученым-энергетиком Г. М. Кржижановским (1872–1959) Госплан стал основным центром советской экономичес-

кой мысли и носителем ее новаторского духа. В 20-е годы в его недрах были разработаны первый межотраслевой баланс народного хозяйства на 1923/1924 гг., ставший прообразом знаменитой леонтьевской модели input-output. Здесь же позднее Г. А. Фельдманом была разработана теория экономического роста, а Е. А. Преображенским — теория социалистического накопления и многое другое (Spulber, 1967).

Однако ко времени прихода в Госплан Вознесенского от рожденного революцией духа новаторства и творческой свободы ничего не осталось. Новый председатель не только не пытался, но и был не в состоянии восстановить его, и стал утверждать и практиковать сталинский дух беспрекословной покорности подчиненного начальнику.

Лично Цаголова Вознесенский высоко ценил и относился к нему с подчеркнутым уважением. Но потомка вольнолюбивых горцев, превыше всего ставящего личное достоинство, часто коробило то унижение, которому новый председатель подвергал своих подчиненных. Каждый раз, наблюдая такие сцены, он задавал себе вопрос: а что если когда-нибудь такое произойдет со мной? Во всех случаях ответ был неутешительный. Он знал, что покорности вынести унижение у него явно не хватит, и может произойти нечто непоправимое. Поэтому Цаголов решил уйти от греха подальше. Но как это сделать? 34-летний молодой человек, ввиду особого расположения председателя, был по существу первым среди советников, хотя формально все они считались равными, и беспричинный отказ от такого высокого положения в советской иерархии никто бы не понял.

Пока Цаголов размышлял над тем, какой повод найти для ухода, произошло событие, которое еще более подтолкнуло его решимость.

В марте 1939 г. состоялся XVIII съезд Коммунистической партии, на котором в качестве *основной экономической задачи СССР* было поставлено достижение такого уровня производства, чтобы к 1950–1955 гг. выйти на уровень развитых стран по производству важнейших видов промышленной продукции (сталь, чугун, нефть, электроэнергия и т. д.). в расчете на душу населения. После этого Госплан приступил к конкретным разработкам, необходимым для достижения этой цели. Тщательная подготовка материалов заняла несколько месяцев. Обычно итоги такой работы заслушивались на коллегии Госплана, состоявшей из высшего руководства, однако на этот раз ввиду особой важности и трудности задачи решили не спешить и предварительно обсудить подготовленные предложения на более узком рабочем совещании председателя и его советников.

Его особое значение подчеркивалось тем, что в нем обещал принять участие председатель Совнаркома В. М. Молотов. Наконец совещание в

присутствии второго человека в государстве началось. Об итогах проделанной работы докладывал Вознесенский. Но не прошло и 7–8 минут, как раздался телефонный звонок по тому аппарату, который связывал председателя Госплана с секретариатом Сталина. Его помощник Поскребышев сказал, что Хозяин немедленно требует Молотова.

Цаголов впоследствии рассказывал, как его поразило, когда всесильный председатель Совнаркома, который величественно смотрел с портретов на людных площадях всех городов страны, вдруг бросил все бумаги и, ни с кем не простившись и ничего не объяснив, бросился прочь, как «нашкодивший школьник, которого вызвали к директору». Совещание пришлось закрыть, поскольку весь его смысл состоял в докладе Молотову. Председатель Совнаркома больше не приезжал, и совещение уже не созывали. Работа, конечно, продолжалась, но в своем обычном режиме.

Однако сцена лакейской покорности главы правительства гигантской державы по отношению к своему неконституционному Хозяину, невольным свидетелем которой Николай Александрович стал на этом совещании, открыла ему глаза на многое. Сталин наверняка знал, где и по какому поводу находится Молотов, и только полным самодурством и пренебрежением к людям и делу, которым они занимаются, можно было объяснить то, что произошло. Все это оставило в душе Цаголова глубокий и очень неприятный осадок.

Если соображения, которые в течение нескольких месяцев готовились самыми признанными в стране специалистами по проблеме, с помпой поставленной на высшем партийном форуме (на XVIII съезде) и названной «основной», так мало стоят в глазах первых лиц государства, то значит, что-то основательно «прогнило в Датском королевстве». Это было еще одним свидетельством отсутствия революционного идеала как раз у тех, кто представлял власть и творил произвол, прикрываясь высокими лозунгами.

Цаголов решил, что там, где беспрекословное подчинение нижестоящих вышестоящим является условием жизни и высокого положения, ему не место, и оттуда, где царствуют такие нравы, ему следует уйти как можно дальше. Он подал заявление об уходе, мотивируя свою просьбу желанием полностью сосредоточиться на научной работе. Добровольно отказываться от столь высокого положения было не принято, и о желании Цаголова сразу же стало известно, даже за пределами Госплана.

Вскоре раздался телефонный звонок, и тогдашний ученый секретарь Института экономики Академии наук СССР А. А. Громыко, который в будущем в течение многих лет был министром иностранных дел СССР, спросил:

— Верно ли, что Вы подали заявление об уходе из Госплана?

— Да, верно, — ответил Николай Александрович.

— И куда, если не секрет, Вы собираетесь переходить? — поставил он новый вопрос.

— Пока не знаю.

— В таком случае я уполномочен сообщить Вам, что Институт экономики АН СССР будет рад видеть Вас в качестве старшего научного сотрудника. Просим Вас иметь это в виду.

Однако на деле все оказалось гораздо сложнее. Н. А. Вознесенский по-своему понял мотив ухода и, не желая отпускать ценного работника, вдвое повысил ему заработную плату. Однако вскоре получил повторное заявление Цаголова, на которое председатель Госплана прореагировал таким же образом — заработная плата еще раз была повышена в два раза. Поскольку такое положение продолжалось некоторое время и стало достоянием гласности, многим Цаголов казался свихнувшимся чудаком. Кто другой добровольно смог бы уйти, имея такое положение и необыкновенно высокую зарплату?

Но Николай Александрович знал и другое: жизнь дороже, а при существующих здесь нравах она ставится под угрозу. Поэтому он написал третье заявление. Теперь, прежде чем наложить очередную резолюцию, председатель вызвал его на разговор и поинтересовался подлинной причиной ухода. Цаголов сказал, что она заключена в том, что написано: он хочет сосредоточиться на научной работе. Трудный и долгий разговор кончился обоюдным неудовлетворением, хотя заявление об уходе председатель подписал.

Инцидент имел скучное продолжение, подробным изложением которого мы не хотели бы утомлять читателя. Но все-таки для характеристики нравов того времени отметим лишь основные моменты этой истории. Очевидно, после ухода Цаголова из кабинета председателя последний вызвал своего заместителя по административно-хозяйственной части и приказал ему потребовать от первого советника освободить полученную по ведомственной линии квартиру. Согласно советскому законодательству, ведомство могло предоставить своему работнику жилье без очереди, но не имело право ее лишить. Поэтому требование хозчасти Госплана об освобождении занимаемой им жилплощади для Цаголова было полной неожиданностью. Пришлось подать в суд, который отменил решение хозчасти Госплана. Но коса нашла на камень, и председатель Госплана использовал свое влияние не только для отмены решения, но для снятия судьи с работы и лишения Цаголова занимаемой квартиры.

4. Первый брак

Тяжба вокруг госплановской квартиры продолжалась не один год. Тем временем Цаголов перешел работать в Институт экономики АН СССР на должность старшего научного сотрудника по приглашению директора института Л. Б. Маркуса и при поддержке ученого секретаря института А. А. Громыко. (Более четверти века спустя судьба вновь свела их вместе, когда министр иностранных дел СССР А. Громыко представил свою докторскую диссертацию на кафедру, возглавляемую Цаголовым, и последний стал официальным оппонентом на ее защите.) Здесь он вошел в группу специалистов, которые занимались разработкой путей решения основной экономической задачи СССР, подготовил и опубликовал ряд работ на эту тему*.

Вскоре в жизни Цаголова произошло другое важное событие. После отдыха в Кисловодске летом 1939 г. он заехал во Владикавказ повидаться со своими родными и в доме жены своего дяди Нины Васильевны Караевой-Цаголовой встретил ее семнадцатилетнюю племянницу, только что окончившую среднюю школу. Звали ее Нина. Девочка была такой необыкновенной красоты, с большими черными глазами, длинными косами и нежным цветом кожи, что казалось, она сошла с полотен мастеров эпохи Возрождения. Давно думавший о женитьбе, но не находивший женщину, с которой хотел бы связать свою жизнь, 35-летний Николай решил, что эта девушка и есть воплощение его мечты, которую он давно искал.

Поскольку девочка никогда раньше даже не слышала его имени и не имела о нем ни малейшего представления, то выросший в этом городе и знавший все его закоулки немолодой Ромео прикинулся гостем, впервые попавшим во Владикавказ и остро нуждающимся в гиде. Ничего не подозревавшая девушка взяла на себя эти функции, и началось их совместное странствие по городу, его музеям, театрам, кино, проспекту и другим достопримечательностям. В результате встречи и культпоходы приняли регулярный характер, а обсуждения по поводу увиденного и сказанного становились все более интересными для обоих. Красавец Цаголов, обладающий широкими познаниями, живой и ост-

---

* Новые книги об основной экономической задаче СССР. «Проблемы экономики», 1939, №6. Некоторые вопросы структуры народного хозяйства СССР в свете основной экономической задачи СССР. «Проблемы экономики», 1940, №9. «Экономические таблицы» Маркса и схема баланса народного хозяйства СССР. «Проблемы экономики», 1941, №2. Что значит перегнать главные капиталистические страны в экономическом отношении? «Молодой большевик», 1941, №10.)

роумный собеседник, к тому же знавший толк в женщинах, произвел на молодую девушку большое впечатление, и неудивительно, что чем дальше, тем больше Нина проникалась потребностью быть рядом с этим, хотя и не очень молодым в ее глазах, но в высшей степени интересным человеком.

Роман затянулся. Время отпуска уже давно закончилось, с работы его родным стали звонить недоумевающие сотрудники и спрашивать, куда запропастился Николай, а воспитанная в патриархальной семье с господствующими здесь обычаями и традициями девушка с порога отвергала не то что прямой разговор, а малейший намек на конечную цель знакомства. Она чувствовала себя еще ребенком, не склонным к расставанию с детством, и о замужестве не помышляла. Цаголов же, как раз наоборот, не хотел тянуть. С одной стороны, поджимал возраст, а с другой — он знал, что такая птичка долго не усидит в клетке, и ее нельзя упускать. Поэтому он решил пустить в ход последний резерв, воздействовать на девушку с помощью других людей и убедить ее в том, что семнадцать лет — самая подходящая пора для начала супружеской жизни. С этой целью в соответствии с древней осетинской традицией делегация в составе самых почтенных цаголовских аксакалов направилась в дом невесты и нижайше попросила у ее родителей и других уважаемых старцев фамилии руки их дочери и племянницы для своего племянника Николая. Церемонию пришлось повторять несколько раз, и в конце концов настойчивость была вознаграждена согласием родителей на брак, что благовоспитанные девицы того времени обычно ставили непременным условием их собственного согласия. После долгих мытарств со стороны жениха и его покровителей согласие было получено, и счастливая пара, справив часть свадебного обряда с родными невесты во Владикавказе, торжественно отправилась справлять другую часть свадьбы с родителями жениха. В доме родителей в Москве в октябре 1939 г. церемония прошла с большой помпой, и новобрачные поселилась в отдельной квартире, споры по которой еще только начинались. Но, к счастью, они не омрачали медовый месяц Николая и Нины.

Немного времени спустя большая цаголовская семья, довольная тем, что пополнилась обаятельной молодой невесткой, зафиксировала свой новый состав на приводимой в книге памятной фотографии. Достаточно рассмотреть этот снимок, чтобы понять, что это за семья и какие здесь царят отношения. Как всегда, в центре сидит уже немолодой Александр Харитонович рядом со своей женой. Видно, что они составляют центр семьи, ее нравственное и управляющее начало. Вокруг них великовозрастные дети и новобрачная рядом со своим мужем. Нина Иосифовна,

видимо, не была фотогеничной женщиной, потому что на фотографиях она получалась не такой прелестной, как в жизни. Тем не менее она достаточна привлекательна, чтобы представить, как в действительности могла выглядеть молодая пара.

Что касается других Цаголовых, запечатленных на фотографии, то Борису в то время было под тридцать, сестрам — за тридцать лет. Каждый из них находится в таком возрасте, что пора иметь собственную семью. Но собираются ли они это сделать? Как показали последующие события — нет. У Цаголовых были не только достоинства, но и свои пороки. Они страдали чрезмерным самомнением, и достойных пар себе не находили. Ни тогда, ни позже никто из изображенных на фотографии холостяков семью не создал. Как мы потом увидим, это отрицательно повлияло на судьбу единственной в этой большой семье невестки.

Поначалу казалось, что ничто не может омрачить так романтично начатую и такую блестящую жизнь двух красивых молодых людей. Всегда со вкусом одетые, заметные не только в любом обществе, но даже в уличной толпе, они привлекали внимание и вызывали всеобщее восхищение. Родные, друзья и знакомые, в обществе которых чаще всего бывали Нина и Николай, не могли на них наглядеться. Сидя в ложе театра, молодые Цаголовы соперничали со сценой: значительная часть зрителей то и дело переводила свои бинокли на ложу и предпочитала подолгу любоваться сидящей там парой.

В этом до поры счастливом союзе в 1940 г. родился цаголовский первенец. В честь любимого старшего брата Николай Александрович назвал его Георгием. Смышленому мальчику, как копия, похожему на своего отца, сполна достались таланты, свойственные этому роду. Из него вырос доктор наук, известный экономист-международник. Но подлинный цаголовский характер он проявил, когда рухнул советский строй, и немолодой уже Георгий Николаевич, как и многие коллеги, делавшие чисто академическую карьеру, оказался у разбитого корыта. Тут Георгий Николаевич проявил волю и целеустремленность, сумев собственными силами, не прибегая к «прихватизации» и подобным приемам, наладить вполне доброкачественный и цивилизованный бизнес. Он подарил Николаю Александровичу двух прекрасных внуков и одну внучку. В этом отношении супружество Николая Александровича и Нины Иосифовны оказалось очень удачным.

Но все хорошо никогда не бывает. Кто знает, как сложилась бы жизнь Ромео и Джульетты, если бы она пошла по рутинной колее семейных испытаний? Со временем голубое небо над головами нашей молодой пары стали заволакивать тучи, и в отношениях мужа и жены появились

первые трещины. Начали сказываться различия характеров и интересов. Николай Александрович — публичный человек, общество было для него естественной средой обитания, вне которой он не мог жить и развиваться. Нина Иосифовна была другой не только по воспитанию, полученному в патриархальной семье с ее традиционными ценностями, но и по своей природе, и свою роль видела прежде всего в выполнении скромных женских обязанностей в доме. Когда через год после свадьбы у Нины Иосифовны родился сын, молодая мать все больше уходила в заботы о нем.

Домашние обязанности занимали ее гораздо больше, чем светские. Она не была феминисткой, а скорее вариантом толстовской женщины. Быть королевой бала нисколько не льстило ее честолюбию. Ее не трогали комплименты, которые обычно так нравятся другим женщинам. Она не любила шума, не переносила яркого света и направленного на нее внимания. Николай Александрович часто бывал расстроен ее отказом от хороших билетов в театр, она предпочитала такие, чтобы сидеть в незаметных местах — подальше от праздного внимания публики. Он же, наоборот, любил сидеть в лучшем месте, чтобы все хорошо видеть, замечать, а потом анализировать. В этом вопросе Нина Иосифовна тоже не тянула на достойную собеседницу. Ему нужен был либо оппонент, который разжигал бы его фантазию, либо активный комментатор, восхвалявший его аналитический ум и тщеславие. Ни тем, ни другим она не была.

Возникали и другие семейные неурядицы. Одни сложности возникали от того, что жена с трудом осваивала роль великосветской дамы, обремененной такими общественными обязанностями, как бывать в гостях и принимать их у себя на традиционном для этого дома высоком уровне. Когда куда-то надо было идти или кого-то приглашать, то между мужем и женой до и дело возникали трения, которые у обоих оставляли неприятный осадок.

Другой источник напряженности создавали родные мужа, в особенности его сестры. Их бессемейность создавала неблагоприятную атмосферу для молодой жены, к тому же неопытной в житейских делах. Хотя молодая пара жила отдельно, но, тем не менее, незамужние сестры не отделяли себя от семьи и жизни брата и даже после его женитьбы пытались хозяйничать в его доме на том основании, что они старше, опытнее, раньше здесь были и лучше знают, что надо и не надо. Возможно, они многое знали лучше, но никакой жене их вмешательство не могло нравиться. Не знаю деталей — они, может быть, не столь интересны, а скорее банальны, — но отношения мужа и жены они существенно отравляли. Николаю

Александровичу приходилось брать на себя деликатные функции третейского судьи, оставляя недовольной как одну, так и другую сторону.

Разъедала отношения молодой пары и вечная спутница семейной жизни — ревность. Несмотря на всю свою красоту и обаяние, Нине Иосифовне не удалось оградить Николая Александровича от внимания посторонних женщин. Если его это забавляло, то ее расстраивало, и сцены ревности стали все более частым явлением.

Надо думать, что были и более глубокие причины, которые осложняли жизнь. Самой большой бедой стала начавшаяся в июне 1941 г. Отечественная война. Борис сразу же ушел на фронт, а вскоре отец тяжело заболел, и все заботы по эвакуации большой семьи (больной отец, мать, две сестры, жена, двухгодовалый ребенок) легли на плечи Николая Александровича. Как профессор, занимающийся важными и в период войны народнохозяйственными проблемами, он не подлежал мобилизации в армию. Большинство сотрудников Института экономики были эвакуированы на Урал. Но кто-то должен был заниматься южным регионом, и Николай Александрович, исходя из семейных обстоятельств, попросился туда. Его направили в Грузию, где ему была поручена разработка темы использования местных ресурсов на нужды войны.

С большим трудом ему удалось эвакуировать родных во Владикавказ, где отец вскоре умер. Оставив остальных здесь, Николай Александрович уехал в Тбилиси. Однако когда в 1942 г. немцы стали приближаться к Владикавказу, он потребовал, чтобы все родные покинули город и переехали в Южную Осетию, где родилась его мать и у них оставалось еще много родственников. Очевидно, между мужем и женой к тому времени накопились обиды и противоречия, которые гасили пламя прежней любви. Двухлетняя разлука (1942–1944 гг.), когда Цаголов работал в Тбилиси, подвела окончательную черту под их отношениями. Весной 1944 г. по вызову возобновившего работу в Москве Института экономики АН СССР Цаголов возвратился из эвакуации один, без жены. В его жизни началась другая пора, не только холостяцкая, но и полная новых событий и испытаний.

5. Поворот к истории

Первое послевоенное десятилетие в жизни Цаголова представляет особый период, когда, несмотря на выбор сравнительно нейтральной области научной деятельности — истории экономических учений, он еле удержался на ногах. Тучи над его головой сгустились так, что молния

вполне могла его поразить, но — слава Богу! — она его обошла. Прежде чем перейти к трагической стороне тогдашних событий, рассмотрим их академическую сторону — поворот Цаголова к истории русской экономической мысли.

Как отмечалось выше, в середине 1944 г. Николай Александрович вернулся из эвакуации и с присущим ему оптимизмом приступил к своей привычной научной работе в Институте экономики АН СССР и чтению курса политической экономии в Финансовом институте (ныне Финансовая академия). Тогдашний ректор института Цветков высоко ценил Цаголова и давно приглашал его, как он шутя говорил, «на любую должность, кроме своей собственной». Но не расположенный занимать административные должности Цаголов ни на что не претендовал, кроме должности ведущего лектора, и то по совместительству.

Первые два года после окончания Второй мировой войны Институт экономики никак не находил колею направления своих научных исследований. Во всяком случае, это касалось ряда секторов, в том числе политической экономии, где вначале работал Цаголов. Военная тематика исчерпала себя, а новая на первых порах еще не могла определиться. В годы войны объем производства в Соединенных Штатах намного вырос, а в СССР, наоборот, резко упал. Разрыв между нами стал столь значительным, что вопрос о соревновании с США был снят с повестки дня. Страна переживала послевоенную разруху, и о возобновлении прежней тематики уже не могло быть речи.

Неопределенность в направлении исследовательских работ во многом вызывалась также неопределенностью в международных отношениях. Во время войны с общим врагом наши контакты с демократическими государствами Запада стали достаточно тесными. Советский Союз сотрудничал с Соединенными Штатами не только в военной и политической, но и экономической области. СССР был одним из учредителей МВФ и Бреттон-Вудской системы, и это вкупе с другими формами международного сотрудничества порождало надежду, что теперь мир станет иным, и противостояние между нами и Западом уйдет в прошлое. Под возросшим влиянием Запада у определенной части советской интеллигенции зародились также надежды на демократизацию самого советского общества.

Однако вскоре на разгоряченные головы интеллектуалов пролился холодный душ. Осенью 1946 г. советские люди прочитали в газетах постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», где резко осуждались даже самые незначительные проявления свободомыслия, без которых сколько-нибудь стоящее литературное творчество вообще невозможно. В таком же духе были выдержаны многие другие передо-

вицы «Правды» и других изданий. От театральных критиков требовали более жесткого идеологического контроля. Это были тревожные сигналы. Всякое обращение к тематике негатива и любой критический штрих в описании советской действительности осуждались как недопустимая ересь.

«Если таково положение даже в художественном творчестве, — спрашивал себя Цаголов, — то что может быть в научной литературе, которая имеет дело не с образами, а с более прямолинейными формулировками и понятиями?» Это и определило его выбор. Он заявил Цветкову, что предпочитает читать студентам Финансового института курс истории экономической мысли. Николай Александрович всегда говорил, что история мысли является не менее важным источником экономических знаний, чем, например, общая экономическая теория, представленная в политической экономии. Еще в 1939 г. он с этих позиций в журнале «Проблемы экономики» №5 подверг критическому разбору существовавшую тогда программу по истории политической экономии.

С тех пор мало что изменилось. История мысли была включена во все учебные планы, и сдача экзамена по ней была обязательна. Тем не менее она оставалась на задворках экономического образования, и на ее содержание обращалось мало внимания. Цаголова это устраивало. Чем меньше этот предмет привлекает внимание начальства, рассуждал он, тем меньше оно будет вмешиваться в его содержание и тем лучше можно поставить дело. Получив карт-бланш от Цветкова, он в одном семестре читал политическую экономию капитализма, а в другом — историю экономической мысли, по-новому поставив преподавание этой дисциплины в Финансовом институте. То, что он был не основным работником, а только совместителем, не очень ограничивало его возможности. Цаголов обладал высоким авторитетом, который позволял ему решающим образом влиять на постановку дела. Здесь он приступил к разработке *систематизированного курса истории экономической мысли,* с одной стороны, в соответствии с существовавшей программой, а с другой, внося в нее существенные коррективы.

До поры до времени работа над курсом утоляла творческие потребности Цаголова, но так продолжалось первые два года. Когда эта работа была завершена, то перед ним встал вопрос о дальнейшей сфере приложения своих сил. Экономика СССР, которой он раньше занимался, все менее его теперь привлекала. Усилившийся после войны пресс политического контроля и цензурных ограничений, не оставляя поле творческой деятельности, ставил человека в положение попугая, который лишь выкрикивает чужие лозунги.

Но чем менее устраивала подобная роль Цаголова, тем большее удовлетворение он находил в литературном общении с выдающимися мыслителями прошлого. Именно тогда предметом его особого внимания стали произведения французского экономиста Франсуа Кенэ, английского экономиста Давида Рикардо и представителей немецкой исторической школы. Но вскоре и здесь наступил тот предел насыщения, который, согласно теории предельной полезности, со временем перестает удовлетворять человека.

Сетка учебных часов ограничена определенным их количеством. Как сторонник трудовой теории стоимости, Цаголов постоянно критиковал маржиналистов и объяснял студентам несостоятельность субъективистской трактовки стоимости, а его собственная неудовлетворенность повторением одного и того же учебного материала может быть известным подтверждением верности того, что он на лекциях отвергал. Конечно, для студентов материал каждый раз был новым, и они с жадностью слушали профессора. Но для него самого содержание лекций уже устаревало.

Несомненно, свой интерес можно было удовлетворять путем углубленной проработки идей представителей различных научных школ и направлений, но каких? Общеполитическую ситуацию в стране Цаголов оценивал как крайне неблагоприятную для объективного научного исследования. Знаменитая «доктрина Трумэна» перевела экономические отношения Запада и СССР на другую основу, и Советский Союз поднял брошенную ему перчатку. Надежды на послевоенное сотрудничество с Западом полностью рассеялись. Здесь не место отклоняться на вопрос о том, кто положил начало холодной войне — Запад или Восток, — но при всех условиях она была трагической и расточительной для народов по обе стороны «железного занавеса». У нас она была на руку советской бюрократии и давала ей моральное оправдание политики ужесточения режима.

В идеологической сфере происходило явное закручивание гаек. По инициативе Сталина в 1947 г. ЦК ВКП (б) организовал обсуждение книги Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», в ходе которого она была подвергнута полному идейному разгрому. Для всеобщего обозрения стенограмма обсуждения была опубликована в журнале «Вопросы философии», №1. Всегда интересовавшийся философией Цаголов внимательно изучил итоги дискуссии и сопровождавшие ее в литературе статьи и пришел к выводу, что никаких научных оснований для негативной оценки книги Г. Ф. Александрова не существовало. Она была написана в духе традиционного марксизма в полном соответствии с тем, как Маркс, Энгельс и Ленин рассматривали и оценивали

западноевропейскую философию. В нормальных условиях по книге можно было сделать какие-то замечания, но столь широкого и громкого осуждения она не заслуживала.

Значит, дело в чем-то другом. Сталин, конечно, не терпел, чтобы на горизонте маячила какая-либо отвлекающая внимание фигура, а Александров, как человек высокого интеллектуального уровня и занимавший высокий пост главы идеологического отдела ЦК, приобрел чрезмерно большой авторитет, и его надо было поставить на место. Но существовала еще другая, более значительная причина.

До этого времени западное влияние на историю России рассматривалось как благоприятное. На Западе раньше других совершился переход от феодализма к более высокому общественному строю — капитализму, раньше произошли буржуазно-демократические революции, с Запада пришел к нам марксизм и т. д. Несмотря на ее идеалистический характер, положительно оценивалась и немецкая классическая философия как важнейший источник марксизма. Однако теперь времена переменились, и в условиях развернувшейся холодной войны акцент переносился на то, чем плох Запад.

Проанализировав ситуацию, Цаголов понял, что объективное освещение истории западноевропейской экономической мысли в тех условиях стало так же невозможно, как и философской. После долгих и мучительных размышлений он пришел к выводу, что ему следует сосредоточить свои творческие усилия на разработке проблем истории русской экономической мысли. Во-первых, потому что тогда эта сфера считалась мало кому интересной, и она не находилась в центре внимания бдительных служб идеологического контроля. Во-вторых, это была «неподнятая целина», и здесь можно было собрать богатый интеллектуальный урожай.

Как мы увидим ниже, в начале 50-х гг. и эта область стала ареной острой идейной борьбы, в которой Цаголов едва не сломал себе шею. Но в середине 40-х, когда он решил сосредоточиться на российской проблематике, это было трудно предвидеть. История русской экономической мысли представлялась чисто академической, а потому нейтральной ареной научных изысканий, поэтому Цаголов решил уйти в эту сферу как в своеобразную внутреннюю эмиграцию, если использовать расхожую фразу того времени.

Повод нашелся самый благоприятный. В 1946 г. изменился существовавший до этого порядок присуждения ученых степеней и званий. До Второй мировой войны в СССР, так же, как во всем мире, звание профессора присваивалось в соответствии с квалификацией, научными тру-

дами и занимаемой должностью. На основе этих требований Цаголов получил звание профессора в начале 30-х гг. Теперь условия менялись, и существовавшая до этого двухступенчатая система квалификации ученых: кандидат наук — доктор наук приводилась в соответствие с двухступенчатой системой ученых званий: доцент — профессор. Короче говоря, была введена такая система, при которой подлинным профессором признается лишь тот, чье звание подкреплено присуждением ему ученой степени доктора наук. От этого стала зависеть и заработная плата, и Цаголов заявил о своем намерении подкрепить свое профессорское звание написанием докторской диссертации.

Для окружающих такой выбор был вполне естественным, как и для самого Николая Александровича. Пережитая им драма русской революции, о которой говорилось выше, своими корнями уходила в русскую историю, и с этой точки зрения общественно-экономическая мысль XIX в. представляла для него первостепенный интерес. В отличие от многих нынешних «интеллектуалов», кругозор которых ограничен телевизионными стереотипами, Цаголов знал, что русские революционеры никогда не были жаждущими крови террористами. Они не возникли ниоткуда, а выросли на национальной почве и таили в себе загадку русской истории и русской души. Почему Россия так долго несла ярмо крепостнического рабства, а сбросив его, в отличие от Запада, не приняла капиталистический путь развития, со свойственной ей решительностью устремясь на путь социалистических преобразований?

Для Цаголова российский выбор социализма не был случайным. Дело не в том, что неизвестно откуда появились большевики, обманули народ своими обещаниями и повели его за собой. Все гораздо сложнее. Он признавал верным следующее утверждение Ленина: «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятности энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы» (Ленин, ПСС, т. 31, с. 9).

Сейчас такие слова мало кто адекватно принимает. Но Цаголов знал, что они являются чистой правдой. Через всю русскую историю, в особенности XIX и XX вв., красной нитью проходит бесконечная цепь мучений и страданий представителей различных слоев общества, бескорыстно отдававших свои физические и духовные силы делу освобождения народа от крепостничества и капитализма и постоянно находившихся в жадном поиске освободительной идеи. Вот почему первый перевод

«Капитала» Маркса на иностранный язык был сделан именно на русский, и в России этот фундаментальный труд получил такое широкое распространение, что положил прочное начало марксизму.

Мало того, социалистическая идея зародилась и получила на русской почве своеобразное обоснование независимо от марксизма в трудах выдающихся представителей ее общественно-экономической мысли. Цаголов полагал, что в них должен быть заключен ответ на загадку неприятия капитализма и выбора социализма.

Таким образом, интерес к загадке российского выбора предопределил тему исследования. Наибольший интерес у него вызывал Н. Г. Чернышевский, который был широко известен как писатель, но мало кому — как экономист. Между тем Н. Г. Чернышевский — один из немногих российских экономистов, чьи экономические воззрения по уровню не уступали тогдашним европейским, а в некотором отношении были даже выше. Скупой на похвалы Маркс оценил его работы настолько высоко, что ради знакомства с ними начал изучать русский язык. Более того, данная Чернышевским оценка русской общины побудила Маркса пересмотреть свой прежний взгляд на линейность исторического процесса*.

Непосредственной работе над подготовкой докторской диссертации на тему «Дворянская и буржуазная экономическая мысль в период "крестьянской реформы"» Цаголов посвятил два года (1947–1948), при этом он пользовался обширным материалом, собранным за предыдущие годы. Защита состоялась в апреле 1949 г. в Институте экономики АН СССР. Эта фундаментальная работа объемом около 30 п. л. появилась в печати лишь в 1956 г. — семь лет спустя после защиты — под названием «Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права». В последующие годы было опубликовано много других трудов, в том числе трехтомная «История русской экономической мысли» в шести книгах, в создании которой принимал участие большой авторский коллектив, но докторское исследование Цаголова остается одной из самых значительных в серии работ этого рода.

Думается, что на всех поворотах своего богатого и сложного интеллектуального развития Н. А. Цаголов следовал исследовательской программе, заложенной той эпохой и средой, которые сформировали его личность. Выходец из крестьянских слоев, он проявил глубокий инте-

---

* Согласно некоторым оценкам, под влиянием знакомства с русской революционной мыслью (прежде всего с работами Н. Г. Чернышевского) он стал размышлять над многовариантностью исторического процесса, не учтенной в жесткой схеме формационных стадий истории (Theodor Shanin, 1983, Late Marx and the Russian Road. Marx and 'the peripheries of capitalism', London, Melbourne and Henley: Routledge & Kegan Paul).

рес к историческим судьбам именно этого класса. Выше уже указывалось, что население Осетии занималось в основном земледелием, а его трудящийся класс — крестьянство — страдал от гнета помещиков, но не вполне вписывался и в капитализм. Модернизация осетинского общества связывалась его передовой интеллигенцией именно с социалистическими преобразованиями. Именно этот менталитет, воспринятый в юности, предопределил путь научных исканий Цаголова-историка, исследователя общественной мысли. Совершенно естественно, что самым близким ему по духу оказался именно Н. Г. Чернышевский.

Первоначально Цаголов был намерен ограничить свое исследование анализом теоретических воззрений этого мыслителя в их связи с тогдашней российской ситуацией, а точнее говоря, с условиями осуществления крестьянской реформы 1861 г. Но, как говорится, чем дальше в лес, тем больше дров, и в ходе работы круг изучаемых авторов и проблем все время расширялся. В результате исследованием оказались охвачены, по существу, все основные представители русской экономической мысли XIX в.

Книга состоит из двух частей. Первая содержит три главы, посвященные экономическим проблемам периода падения крепостного права. Они включают содержательный анализ как системы феодальных отношений, так и основных позиций идеологов революционного крестьянства, прежде всего Н. Г. Чернышевского. В шести главах второй части анализируются взгляды различных представителей основных направлений общественно-экономической мысли тогдашней России: славянофилов (А. Д. Желтухин, «Журнал землевладельцев»); дворянского либерализма (Б. Н. Чичерин и К. Д. Каверин); буржуазного либерализма (Д. Н. Струков, И. В. Вернадский), а в седьмой подводятся итоги проведенного исследования.

Фундаментальный характер работы состоит в том, что проблемы рассматриваются на широком фоне российского и мирового опыта земельных отношений и оцениваются с точки зрения передовых экономических идей. На этой основе показывается сходство и различие российской ситуации по сравнению с положением в других странах. «Английские условия разложения феодализма и развития капитализма, — пишет Цаголов, — не ставили перед Смитом вопроса о судьбе крестьянского хозяйства, ибо в результате того преобразования аграрного строя, которое происходило в Англии на протяжении ряда веков, фигура крестьянина была оттеснена фигурой фермера, а продолжавшиеся в XVIII в. огораживания завершили процесс ликвидации крестьянского хозяйства и становления типичного фермерско-капиталистического земледелия». (Цаголов, 1956,

с. 143). По этой причине Смит не рассматривает проблему перехода от помещичьего к капиталистическому хозяйству.

Для России же эта проблема в XIX в. была главной, поэтому она находилась в центре внимания Н. Г. Чернышевского. Имея в виду английскую политическую экономию, он писал: «Господствующая экономическая теория возникла и развилась... в таком обществе, которое не знало о существовании поселян-собственников. Французские и немецкие политико-экономы знали этот быт, и многие из них высоко ценили его. Но не было из них ни одного человека, равнявшегося умом Адаму Смиту, Мальтусу и Рикардо; все они оказывались бессильны проникнуть до самых оснований теории, чтобы восполнить, на основании знакомого им факта, пробел, вкравшийся в нее у Адама Смита и не пополненный ни Мальтусом, ни Рикардо» (Чернышевский, с. 460).

Западная политическая экономия не имела решения той проблемы, которая приобрела первостепенное значение в российской ситуации середины и второй половины XIX в. — судьбы самостоятельного крестьянского хозяйства. Цаголов проанализировал, как она решалась различными представителями российской экономической мысли в тот период. Под угрозой распространения крестьянских бунтов класс помещиков пошел на освобождение крестьян от крепостной зависимости и проведение реформы 1861 г. Но это, конечно, несравнимо с тем, что сделала, например, революция 1789 г., принесшая свободу французским крестьянам и открывшая перед ними путь свободного устройства или предпринимательства. Так называемое освобождение крестьян в России в 1861 г. было весьма условным и далеко не полным. Оно означало не создание свободного и самостоятельного земледельца, а прикрепление крестьян к земле кабальными условиями аренды, которые были разработаны и выполнялись к выгоде прежних собственников земли.

Такая аренда не могла привести к созданию свободного класса фермеров. В России же крестьянская аренда стала формой сохранения полукрепостнических отношений, по той же причине у нас не приживались экономические отношения, выражаемые трехчленной формулой классов и распределения доходов. Борьба шла вокруг судьбы *свободного крестьянского хозяйства,* встанет оно на путь капиталистического или иного развития. Хотя в России были и дворянские, и буржуазные либералы, но в отличие от западного либерализма они предлагали освобождение крестьян не по западной, а по российской модели, т. е. при первоочередном соблюдении интересов помещичьего класса.

В отличие от многих своих предшественников в советской экономической литературе, которые сводили аграрно-крестьянскую проблему к

выбору между «за» или «против» сохранения общины, Цаголов рассматривал роль общины под иным углом зрения: «Действительным центральным вопросом, вокруг которого развертывалась классовая борьба в период падения крепостного права, был вопрос не о форме крестьянского землевладения, а об отношениях по земле между двумя основными классами — помещиками и крестьянами» (Цаголов, 1956, с. 142).

Совершенно иным по сравнению с либеральным был подход к решению аграрно-крестьянского вопроса российской революционной демократией во главе с Н. Г. Чернышевским. Последняя считала, что капитализм не приносит крестьянству избавление от «язв пролетариатства», а потому единственно приемлемым для крестьянства является прямой переход от феодализма к социализму, минуя капитализм. В этой связи вставал вопрос о роли русской *общины* в преобразовании крестьянства: обречена она на разложение в ходе развития капитализма или может быть использована как основа перехода к социализму. По этому вопросу в описываемый Цаголовым период происходили бурные дискуссии. В 1881 г. В. И. Засулич обращалась к Марксу с этим вопросом в своем известном письме, и в ответе на него тот допустил такую вероятность при условии соединения русской революции с европейской.

Рассматривать же общину независимо от европейской революции в качестве самодостаточного зародыша социализма, а тем более формы социалистического преобразования крестьянства, как это делали революционные демократы, было утопией. Несмотря на это, по утверждению Цаголова, именно они внесли самый большой вклад в разработку проблемы. «Но если социализм в крестьянской революции был утопией, — пишет он, — то демократические, антифеодальные задачи были схвачены в концепции Чернышевского с предельным реализмом. Именно революционная демократия, исповедовавшая социализм, оказалась способной последовательно развить теорию и программу антифеодальной революции, обеспечивающей наиболее чистые условия буржуазного развития» (Цаголов, 1956, с. 148). Иначе говоря, русские революционные демократы выступали в качестве двойников западных идеологов третьего сословия, чьими лозунгами были свобода, равенство и братство (теперь это называлось социализмом), открывая тем самым дорогу капиталистическому развитию.

Интерес Цаголова к роли и месту крестьянства в российском революционном процессе сильно подогревался его личными впечатлениями. Русская революция называлась пролетарской, а Цаголов своими глазами видел, что в основном она была крестьянской. Когда в дождливый и холодный апрельский день 1919 г. он, сидя на козлах нагруженной до-

машним скарбом повозки, вместе с другими выгнанными из своих домов и промокшими сельчанами тащился по вязкой грязи неизвестно куда, то видел своими глазами трагедию российского крестьянства и, вероятно, вместе со всеми остальными испытывал чувство ненависти к насильникам.

Это сегодня, пользуясь доставшимся в наследство от сталинизма провалом в исторической памяти, идеологи нового режима могут утверждать, что белые якобы потерпели поражение в гражданской войне ввиду своего благородства, а красные одержали победу вследствие своего коварства. Действительная разгадка этих событий — как видел Цаголов собственными глазами, — в том, что гражданская война в крестьянской стране велась за землю. Разумеется, не тогда, а много позднее он ясно понял классовую подоплеку тех насильственных мер, которые были применены к семье Цаголовых и их односельчанам. Единственная вина шагавших тогда рядом с ним крестьян состояла в том, что они охотно приняли Декрет Советской власти о земле и разделили помещичью землю между собой. Когда же белые решили восстановить прежнюю власть и вернуть землю прежним собственникам, то крестьяне взяли в руки оружие и выступили против реставраторов старых порядков. Победа крестьянства означала в тот период и победу Советской власти.

Все это Цаголову было понятно давно, но как теоретика его не могла не интересовать историческая и теоретическая подоплека этого процесса. Что идеологи крепостников и помещиков отстаивали такую систему земельных отношений, при которой сохранялась бы власть помещика над крестьянами, было ясно. Такая позиция не выбивалась из логики исторического процесса, который можно проследить на примере западных стран. На Западе аграрные преобразования осуществила буржуазия и благодаря этому завоевала крестьянство на свою сторону. Но вот российский либерализм, как дворянский, так и буржуазный, не подчинялся этой логике. В отличие от западного, он не добивался полного освобождения крестьян и осуществления радикальной аграрно-крестьянской реформы.

Цаголов показал идейные истоки того, почему в русской революции 1917 г. крестьянство оказалось на стороне большевиков. Пресмыкаясь перед царизмом, русский либерализм не решался выступить против помещичьей собственности в пользу самостоятельного крестьянского хозяйствования. «Идея дворянских либералов, — писал Цаголов, — заключалась в том, чтобы по уничтожении личной крепостной зависимости сохранить деление земли как *объекта хозяйства* между помещиком и крестьянином, обеспечив при этом *господство помещичьего* хозяйства

над крестьянским путем сохранения монополии помещичьей земельной собственности» (Цаголов, 1956, с. 439).

Немногим лучше них были и буржуазные либералы. «Буржуазный либерализм своей критикой помещичьего хозяйства, — писал далее Цаголов, — способствовал разоблачению дворянской легенды о преимуществах помещичьего хозяйства над крестьянским, но он был далек от покушения на помещичью земельную собственность. Между тем только революционная ломка последней, выдвинутая в требованиях революционной демократии, могла обеспечить быструю замену помещичьего хозяйства крестьянским» (Цаголов, 1956, с. 451).

Если бы российская либеральная буржуазия XIX в. осуществила аграрные преобразования, передачу земли от неэффективно хозяйствующих помещиков к способному более эффективно хозяйствовать многомиллионному крестьянству, то судьба России сложилась совсем иначе. Тогда, скорее всего, не понадобились бы три революции XX в. со всей их героикой, жертвами, страданиями и трагическими событиями. Но история не имеет сослагательного наклонения. Российская буржуазия оказалась неспособной осуществить аграрную революцию и передать землю крестьянам. Если в среде правящих классов в течение всего XIX в. не нашлось политической силы, способной удовлетворить самую насущную потребность многомиллионного российского крестьянства, то свято место пусто не бывает, и рано или поздно должна была найтись, и действительно нашлась такая политическая сила, которая приняла эстафету революционной демократии XIX в. Этой силой стал большевизм.

Верно, что в дальнейшем произошло его перерождение, приведшее к новой трагедии российского крестьянства — насильственной коллективизации. Но и это событие, при всей его грандиозности, является лишь следствием того непреложного исторического факта, что правящие классы царской России не оставили русскому крестьянству никакого иного пути борьбы за свои исконные права, кроме насильственного. Ничего специфически социалистического в акте отчуждения помещичьих земель не было, буржуазные революции в Европе сделали то же самое задолго до нашей революции. Специфика состояла в том, что в России никакая другая политическая сила, кроме социалистической (в последующем коммунистической) партии, не оказалась на это способной. Вот в чем подлинная причина успеха большевистской революции.

В трудах Цаголова по истории русской экономической мысли, как и в работах ряда других авторов, исследована идейная подоплека этого феномена русской революции. Аграрная революция в течение всего XIX в. буквально стучалась в двери русского общества, и история была

готова широко отворить их тому, кто осуществит чаяния народа. Но по разным причинам, блестяще показанным в работе Цаголова, ни одна группировка в среде правящих кругов страны не захотела на это пойти. Вот почему история повернулась к ним спиной.

6. Диссертация и партбилет

Защита докторской диссертации в наше время стала чуть ли не заурядным явлением. Кто только не прошел через эту процедуру и не получил диплом, который порой быстро становится простым украшением, атрибутом статуса банкира, высокопоставленного чиновника или известного политического деятеля. Но в те годы, о которых здесь идет речь, ситуация была совершенно иной. К докторской диссертации предъявлялись такие высокие требования, которым могла соответствовать только выдающаяся работа, внесшая заметный вклад в науку. На право обладания столь высокой научной степенью могли претендовать лишь люди, которые создали нечто весьма весомое в интеллектуальной сфере, поэтому защита докторской диссертации была редким, но зато значительным событием в научной жизни страны. На двести пятьдесят миллионов населения СССР в то время было всего 100 докторов экономических наук, причем больше половины из них работали в Москве и Ленинграде. В год происходило три-четыре докторских защиты.

Непростой была и сама процедура. Помимо множества предварительных рассмотрений и рекомендаций практиковалась широкая гласность оповещения и обсуждения. За месяц до дня открытой защиты объявление об этом обязательно должно было быть опубликовано в печати с формулировкой темы диссертации, фамилиями и регалиями официальных оппонентов, места защиты и места нахождения экземпляра диссертации для ознакомления с ним всех желающих. Краткий автореферат так же, как и сейчас, не менее чем за месяц рассылался по соответствующим организациям по профилю темы диссертации. Процедура защиты была очень демократичной. Регламент устанавливался только для вступительного слова соискателя, после этого никому, в том числе соискателю, уже не устанавливалось никаких ограничений. В сложных и спорных ситуациях защита растягивалась на несколько дней. В случае с Цаголовым она заняла один день, с 10 до 18 часов, но прошла сравнительно спокойно.

Но заседанию ученого совета, об итогах которого скажем ниже, предшествовали прошедшие за три месяца до этого два бурных партийных

собрания, где рассматривалось заявление Цаголова о приеме его в Коммунистическую партию. В статусе беспартийного Цаголов не решился защищать диссертацию. Беспартийный марксист за рубежом — обычное явление, а в СССР это было большой редкостью и вызывало подозрение в нелояльности к режиму. Это сходило с рук, если человек не занимал особо высокого должностного положения и не было других причин для подозрений на его счет. Но если таковые возникали, то беспартийность могла стать отягчающим обстоятельством.

В этом смысле положение Цаголова, даже при том, что он оставался рядовым сотрудником НИИ, было довольно сложным. Над его головой все эти годы висел дамоклов меч ответственности за своего двоюродного брата Афанасия Саввича Цаголова, о котором говорилось выше. Николай Александрович все время должен был открещиваться от него и заверять власти, что не имеет отношение к судьбе брата. Связанные с этим подозрения в сочетании с его беспартийностью делали его уязвимым не только для критики, но и для недоброй памяти 58-й статьи Уголовного кодекса. (Именно по этой зловещей статье, сформулированной чрезвычайно расширительно, давали сроки по политическим делам.)

Понимая, что докторская защита привлекает к нему повышенное внимание, Н. Цаголов подал заявление с просьбой принять его в ряды Коммунистической партии. Как полагалось по уставу, заявление, письменно поддержанное рекомендациями трех достойных доверия коммунистов, вначале рассматривалось на заседании партбюро и в случае положительного решения выносилось на общее собрание членов парторганизации, где оно повторно обсуждалось. В случае отрицательного решения дело этим и ограничивалось, а положительное предполагало передачу дела на рассмотрение в районный комитет партии, который был окончательной инстанцией. Причем всю эту процедуру каждому приходилось проходить дважды: первый раз, когда его принимали в кандидаты для прохождения годичного испытательного срока, и второй раз, когда его переводили из кандидатов в члены как выдержавшего испытательный срок.

Все эти многочисленные этапы Цаголов проходил с большим трудом. Прием в партию представлял собой некое подобие публичного отчета о своей политической лояльности, и если в биографии человека не было ничего сомнительного, а в зале не присутствовали люди, желающие отравить ему жизнь, то оставались большие шансы, что процедура пройдет по обычному сценарию.

У Цаголова же присутствовали оба вышеназванных неблагоприятных фактора. Его запоздалое решение присоединиться к партии вызы-

вало много вопросов. Как образованный марксист мог так долго оставаться вне партии, если у него не было сомнений в правильности ее политики? Если же у него есть такие сомнения, то зачем его принимать?

Плюс ко всему в зале находилось известное число соперников, недоброжелателей, затаивших обиду по отношению к человеку, который обладал достоинствами, которыми их самих природа почему-то не одарила. Такие, как я всегда замечал, обычно надевали мантию особой святости и брали на себя функции блюстителей чистоты партийных рядов. На бурно проходившем партийном собрании сторонники кандидата говорили, что хотя и с опозданием, но Цаголов принял правильное решение, и это главное, потому что по своим качествам он давно достоин быть в рядах Коммунистической партии. Его противники резко оспаривали подобное утверждение.

Особенно рьяно против приема Цаголова выступал профессор И. Гладков, его давний недоброжелатель. С блеском идейного фанатика в глазах он заявил, что в партию отбирают лучших из лучших, а Цаголов, по его мнению, к таковым не относится, а потому его принимать нельзя. Желающих высказаться было так много, что собрание пришлось перенести, и оно возобновилось через неделю.

Тем временем сторонники Цаголова, оценив реальность угрозы провала и его возможные опасные последствия, решили изменить тактику и перенести акцент на то, что речь идет не об окончательном решении, а только об испытательном сроке. Секретарь партбюро И. А. Анчишкин, уважаемый член партии с дореволюционным стажем, выступил первым на повторном собрании и задал тон. Он сказал, что не видит никаких оснований отказать такому выдающемуся ученому, как Цаголов, в том, чтобы проходить годичный кандидатский стаж для окончательного решения вопроса о его партийной судьбе. Отвечая Гладкову, Анчишкин согласился, что партия сильна тем, что не допускает в свои ряды «негодные элементы», но отметил, что она станет еще сильнее, если будет привлекать в свои ряды самых достойных из народа, каковым он считает Цаголова. Второй день обсуждения прошел для Николая Александровича в более благоприятной обстановке, и в феврале 1949 г. подавляющим большинство голосов он был принят кандидатом в члены ВКП(б).

Трудно сказать, как сложилась бы судьба Цаголова и вообще состоялась ли защита, если бы он не был принят кандидатом в члены партии. Конечно, ученый совет не стал бы обсуждать партийное дело, но мимолетное упоминание об этом во время защиты вполне могло негативно сказаться на результатах голосования. Но теперь, как бы то ни было,

подводный камень был устранен с дороги и риск снижен до минимума. Диссертант опасался неблагоприятных политических обстоятельств, а научная дискуссия его не пугала, наоборот, она была интересна и желательна. К счастью, так и произошло. Все выступавшие высоко оценили вклад диссертанта, и даже никто из завистников и недоброжелателей не решился поднять «скользкие» вопросы.

По обсуждавшимся научным проблемам высказывались разные мнения, полемика с диссертантом и между самими выступавшими порой принимала острый характер, но все было корректно и в рамках допустимого. Научный вклад соискателя никто не подвергал сомнению. В итоге, при двух голосах против и одном воздержавшемся из 21 члена совета, Цаголову Н. А. была присуждена ученая степень доктора экономических наук.

Ее следовало рассматривать как новую, «принятую к ношению» регалию ученого, который уже с 1930 г. был профессором. По новым законам она давала известную прибавку к зарплате, что, конечно, всегда имело значение, но в должностном отношении не меняла статус Цаголова. Он как был, так и оставался рядовым научным сотрудником сектора истории экономической мысли Института экономики АН СССР, и только благодаря своим работам и личным качествам считался выдающимся специалистом в своей области.

Но неординарным людям не дано жить безмятежно, и судьба устраивает им одно испытание за другим. Так случилось и с Цаголовым. Параллельно с только что описанными событиями имел место, казалось бы, самый обычный, можно сказать, рутинный в нашей практике факт, который едва не привел к самым трагическим для него последствиям.

В 1948 г. в Московском финансовом институте, где Цаголов работал по совместительству и был членом ученого совета, защитил докторскую диссертацию земляк Цаголова, директор Северо-Осетинского научно- исследовательского института К. Х. Дзокаев. Работа была посвящена проблеме пореформенного развития осетинского крестьянства. Цаголов представил ему свои рекомендации и замечания, которые тот не мог или не счел нужным реализовать, но, тем не менее, представил работу к защите. Считая работу слабой и не отвечающей требованиям докторской диссертации, Цаголов занял нейтральную позицию и уклонился от участия в ее обсуждении на ученом совете. Защита прошла успешно, и работа, как положено, вместе с решением ученого совета была направлена в Высшую аттестационную комиссию (ВАК) на рассмотрение и утверждение. Цаголов же был там членом экспертного совета, и от

него стали требовать заключения. После долгих перипетий он дал на работу отрицательный отзыв.

Надо знать Цаголова, чтобы понимать, что иначе он поступить не мог. На слабую с его точки зрения работу он не мог дать положительный отзыв, кто бы ни был ее автором.

В ответ на это мстительный Дзокаев закусил удила и стал собирать компрометирующий материал на своего «обидчика». Первым делом обратился к бывшей жене Цаголова, но та наотрез отказалась с ним разговаривать; пробовал подбить на это еще кое-кого, но когда фактического материала найти не удалось, стал сочинять сам. И, как говорится, пошла писать губерния. В духе времени он стал наводнять партбюро Института экономики и Московский комитет партии письмами, где разоблачал Цаголова как человека с контрреволюционным прошлым и антисоветскими взглядами.

В свое время, по крайней мере, некоторые из них мне приходилось читать. Дзокаев писал, что Цаголов происходит из крупных кулаков, которые якобы в свое время выступали против Советской власти, а его родители-контрреволюционеры сами выдали своего сына Георгия на расстрел белым. Цаголов, продолжал он, также является замаскированным врагом Советской власти, каким был его брат Афанасий Саввич, с которым он жил вместе, дружил и имел одинаковые антисоветские взгляды. В одном из писем утверждалось, что долгое время Цаголов оставался вне партии потому, что якобы все время ожидал падения Советской власти, а теперь, когда он убедился в ее прочности, решил все-таки вступить в партию, но лишь затем, чтобы вредить ей изнутри. Поэтому Дзокаев призывал Московский комитет партии проявить бдительность и не пропускать в партию ее скрытого врага.

Конечно, и тогда было немало людей, которые находили такие тексты полным бредом, но прямо говорить об этом было не принято. В таком случае человек показал бы, что у него нет политической бдительности, что считалось опасным «ротозейством». Поэтому одни принимали, а другие делали вид, что принимают все это всерьез. Невозможно даже перечислить количество инстанций и обсуждений, которые проводились в городском, районном и институтском комитетах партии с участием множества людей, с целью выяснения того, что в нападках Дзокаева было правдой, а что ложью.

В ходе этих затянувшихся на несколько лет обсуждений институтская парторганизация раскололась на две группы: одни считали выдвинутые против Цаголова обвинения ничем не обоснованными, а другие находили все эти материалы достойными внимания и проверки.

Вопрос о приеме Цаголова в члены партии откладывался из года в год, но и в такой ситуации находились люди, имевшие смелость занять принципиальную позицию. Таким, например, был тогдашний секретарь партбюро института И. А. Анчишкин, который с самого начала утверждал, что все выдвигаемые против Цаголова обвинения не имеют под собой никаких оснований, и он заслуживает полного политического доверия. «Более того, — говорил Иван Александрович, — партия должна дорожить такими, как Цаголов, он достоин быть в партии скорее, чем многие из тех, кто выступает против него».

Анчишкин был редким человеком по своей честности и прямоте, а такие долго не держатся на высоких постах. Вскоре вместо него на должность секретаря партбюро института райком партии рекомендовал примитивного, но зато более угодного начальству Ф. В. Самохвалова, который и был «избран». Он занял в отношении Цаголова прямо противоположную позицию, о причинах которой мы расскажем ниже. Пока же судьба Цаголова — кандидата в члены партии продолжала висеть на волоске.

7. Уцелевший чудом

Тем временем тучи стали сгущаться не только над Цаголовым, но и над всей страной. В октябре 1952 г., после 13-летнего перерыва, наконец собрался XIX съезд Коммунистической партии. После шока, полученного на XVII (1934 г.) съезде, когда почти треть делегатов проголосовала против избрания Сталина в ЦК, он прибегнул к такой массовой чистке, в результате которой полностью изменился состав как партии, так и ее руководящих органов, и только после этого Хозяин назначил созыв безоговорочно послушного и как нужно голосующего XVIII съезда (1939 г.). После этого в жизни страны произошли исторические перемены: война, победа, послевоенное восстановление и т. д. Но съезды не проводились, они стали ненужными, решения принимались узким составом партийного руководства.

Никто открыто никак не реагировал на это грубое нарушение устава партии. Уставные нормы Сталина давно уже не интересовали. Почему же в таком случае «вождю всех народов» понадобился очередной съезд? Анализ работы XIX съезда и всего, что последовало за ним, приводит к мысли, что он был созван для придания широкомасштабного характера скрытно начатой до этого новой волне репрессий. Уже прошли «ленинградское» (1950) и «менгрельское» (1951) дела, по которым тысячи ни в

чем не повинных людей были брошены в тюрьмы и сосланы в отдаленные районы, продолжала набирать обороты антисемитская кампания, а у арестованных врачей жестокими средствами выбивали признания в их якобы вредительской деятельности. В тюрьме по «менгрельскому делу» уже сидел друг Цаголова — Шария.

По почерку сталинских преступлений видно, что все эти действия носили подготовительный характер, о них пока не было никаких сообщений в печати. Широким массам населения до поры до времени не полагалось знать, что делается за их спиной, но затем наступал момент, когда народ надо было включить в активные действия по разоблачению врагов. Очевидно, такая тактика применялась и на этот раз. За год до съезда в ЦК ВКП(б) прошла закрытая дискуссия (см. об этом в гл. 3) по политической экономии, по итогам которой Сталин сделал замечания, а также ответил на ряд поступивших к нему писем с вопросами. Теперь эти замечания и ответы вышли отдельной брошюрой под названием «Экономические проблемы социализма в СССР», которая была призвана лечь в основу работы съезда как выдающееся произведение творческого марксизма, обосновавшее пути перехода советского общества к коммунизму. Таков сталинский почерк. В свое время массовые репрессии были осуществлены под прикрытием принятия «самой демократической» Конституции 1936 г. Теперь нечто подобное Сталин, как видно, решил осуществить под шумок программы строительства «самого счастливого» общества.

Какая-то до конца не разгаданная тайна скрывалась за тем фактом, что впервые за 27 лет (1925–1952) с отчетным докладом о работе партии на трибуну вышел не сам Сталин, а всегда занимавший в партийной иерархии неустойчивые вторые позиции Г. М. Маленков. Плюс к этому на первом после съезда организационном Пленуме ЦК Сталин объявил об упразднении должности Генсека и своей отставке с этого поста, оставаясь в то же время верховным и единоличным правителем партии и страны. Маленков же в своем докладе, в частности, заявил: «Известные дискуссии по философии, биологии, физиологии, языкознанию, политической экономии вскрыли серьезные идеологические прорехи в различных областях науки, дали толчок к развертыванию критики и борьбы мнений, сыграли важную роль в развитии науки» («Правда», 6.10.52).

Дискуссия по политической экономии была организована со свойственной Сталину фундаментальностью и бюрократичностью. Первоначально по его поручению наиболее видные и признанные экономисты в составе шести человек, занимавшие тогда, так сказать, маршальское положение в этой науке, написали макет учебника. После этого для обсуж-

дения представленного макета был отобран более ее широкий, генеральский состав в количестве около 300 человек. Каждому из них под грифом совершенно «секретно» заблаговременно был доставлен экземпляр для предварительного ознакомления. В ноябре 1951 г. ученых позвали в ЦК ВКП(б) на Всесоюзное совещание экономистов по политической экономии. В высшем партийно-политическом органе секретарь ЦК Г. М. Маленков за закрытыми дверями объяснил им значение учебника политической экономии в экономическом образовании и идеологическом воспитании советского народа, а затем сказал: «ЦК считает, что в макете дан более или менее систематизированный материал, но он еще страдает серьезными недостатками и требованиям учебника пока не отвечает. Потому его необходимо подвергнуть обстоятельному обсуждению, свободной критике и таким путем наметить направления его улучшения».

Начавшееся с этого момента обсуждение действительно, в пределах советской догматики, было свободным и продолжалось около месяца. Первая половина времени была отведена для пленарных обсуждений теоретических проблем, где каждый мог высказаться по любому из интересующих его вопросов, а вторая — посвящена работе в секциях. Их было четыре: 1. Докапиталистические формации; 2. Капитализм совершенной конкуренции; 3. Капитализм монополистической (несовершен-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ

СЕКРЕТНО

Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

ОСОБЫЙ СЕКТОР

№ П4 7 февраля 1952 г.

Экз. № 334 ✻

Членам и кандидатам ЦК ВКП(б).

Членам секций дискуссионного совещания, приславшим товарищу И. В. Сталину „Предложения по улучшению проекта учебника политической экономии", „Предложения по устранению ошибок и неточностей" и „Справку о спорных вопросах".

Тов. Чагослову

Рассылаются согласно решению Политбюро ЦК ВКП(б) „Замечания" товарища И. В. Сталина по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской экономической дискуссией 1951 года, как ответ на вопросы, выдвинутые на дискуссии.

Зав. Особым сектором ЦК А. ПОСКРЁБЫШЕВ

ной) конкуренции — империализм; 4. Социализм. На секционных заседаниях формулировались основные идеи, а также фиксировались имеющиеся разногласия. Сталин на заседаниях не присутствовал, но стенографический отчет о них почти ежедневно доставлялся ему самолетом в Сочи, где он в то время пребывал.

По итогам работы было подготовлено три документа: а) предложения по улучшению проекта учебника политической экономии; б) предложения по устранению ошибок и неточностей; в) справка о спорных вопросах. Переданные Сталину, они наряду со стенограммой совещания легли в основу его «Замечаний», о которых подробнее речь пойдет ниже.

Пока же следует отметить крайнюю идеологическую зацикленность участников совещания, их угодливость по отношению к своему правителю. В подготовленных документах достойная внимания экономическая теория XX в. сводилась к тому, что сказали Ленин и Сталин. Получалось, других мыслителей с позитивным вкладом в политическую экономию в XX в. как бы не существовало, даже Кейнс ни разу не был упомянут. Зато документы призывали авторов учебника полнее раскрыть реакционную сущность и служебную роль буржуазных и оппортунистических «теорий».

Вместо изучения реальных изменений в механизме капиталистической экономики Предложения рекомендовали авторам руководствоваться следующими революционными фантазиями: «Следует усилить политическую направленность раздела, полнее раскрыв положение Ленина и Сталина о том, что империализм есть та стадия развития капитализма, когда пролетарская революция стала вопросом непосредственной практики, когда старый период подготовки рабочего класса к революции уперся и перерос в новый период прямого штурма капитализма. Необходимо во всех главах раздела усилить освещение классовой борьбы пролетариата, особенно в период развития и углубления общего кризиса капитализма, подчеркнуть руководящую роль коммунистических партий, а также разоблачить предательскую роль правосоциалистической агентуры в рядах рабочего движения. В конце главы XVI «Историческое место империализма» следует сильнее подчеркнуть историческую обреченность капитализма, показав, что «социалистический строй с такой же неизбежностью последует за капиталистическим, как за ночью день» (Сталин, Соч., т. 1, стр. 340).

Годы спустя Цаголову придется пойти против сформировавшегося тогда основного течения политической экономии, чтобы хотя бы ослабить такого рода идеологические рекомендации и клише. Но пока в меру необходимости он подчиняется правилам игры и участвует в работе совещания, стараясь не выходить в первые ряды. Его главное внимание

было сосредоточено на малоактуальных вопросах докапиталистических формаций. Правда, как покажем ниже, позднее это не избавило его от разносной критики.

Причина этого, на наш взгляд, в том, что на проходившую дискуссию по политической экономии нельзя смотреть как на чисто научное мероприятие. Если бы это было так, то она неизбежно вышла бы далеко за те пределы, в которые была поставлена. Как ни были изолированы советские экономисты от своих западных коллег, они знали, что есть кейнсианство и многое другое, достойное внимания. Но еще лучше они осознавали, что обстановка не позволяет говорить об этом в позитивном плане, и все плыли по заданному руслу. Сталин же, как показали последующие события, задумал нечто более зловещее, чем просто научное обсуждение. Он решил использовать эту дискуссию как составную часть своего плана очередной расправы над неугодными кадрами в партии и государстве. Но острая, как лезвие бритвы, коса сталинских репрессий направлялась искусной рукой так, что уничтожала самых достойных интеллектуалов и даже целые перспективные направления творческой научной мысли. К этому времени уже были разгромлены генетика, кибернетика, Институт мирового хозяйства и мировой политики и т. д. Кто следующий? Вскоре стало ясно, что в качестве очередных жертв — разумеется, наряду с другими, — явно были намечены представители политической экономии.

О готовящемся новом широкомасштабном избиении партийных и идеологических работников можно судить по осуществленным съездом сдвигам в партийной структуре. Наряду с ничего не значащим изменением названия партии (вместо ВКП(б) она теперь будет называться КПСС) было произведено существенно важное преобразование — Политбюро заменено на *Президиум ЦК*. В его состав из 25 человек включалось значительное число новых, более молодых членов. Сталинский стиль руководства предполагал, что будущий преемник должен дышать в спину предшественнику, тогда легче управлять и тем, и другим. В расширении состава Президиума ЦК старый и опытный партийный ареопаг ясно увидел нависшую над ним угрозу. Подобно тому, как в свое время Сталин привел их самих на смену предшествующему поколению руководителей, так и теперь готов заменить их другими. Именно тогда страна впервые узнала Л. И. Брежнева, увидев это имя в списке большого числа новых секретарей ЦК КПСС.

Но особое отношение к теме нашего разговора имеют изменения на идеологическом Олимпе. Наряду с восседавшими и до этого на вершине М. Сусловым, П. Поспеловым и П. Юдиным появились новые фаво-

риты вождя — Д. Чесноков и А. Румянцев. Они стали не только полноправными членами ЦК, но первый, наряду с Сусловым, вошел и в состав его всесильного Президиума.

Что думали новые выдвиженцы о своем необыкновенном взлете? Как обычно бывает в таких случаях, наверное, полагали, что это признание их особых заслуг, которых в действительности не было. Вряд ли сознавали, что того, кто их выдвигал, меньше всего интересовали чьи бы то ни было заслуги. Сталина всегда занимало нечто более приземленное — роль, которую он отводил выдвиженцам в своей дьявольской игре.

Неожиданная смерть вождя 5 марта 1953 г. не позволила ему довести эту игру до конца и спасла названных лиц от исполнения предназначенных им ролей. Тем не менее происшедшее в стране в период с октября 1952 г. до начала марта 1953 г. не оставляет сомнений в намерениях правителя. С помощью своих выдвиженцев он хотел устроить новый политический погром, чтобы вывести из строя и лишить жизни тех, кто ему больше не был нужен, тех, в ком стареющий и теряющий контроль над событиями вождь видел реальную или мнимую угрозу.

Но еще одной чертой сталинского стиля было то, что отстрел своих соратников он предпочитал не производить поодиночке. Если тот или иной лидер партии, которого еще вчера превозносили до небес как ближайшего соратника «великого вождя, товарища Сталина», будет просто ни с того ни с сего объявлен врагом, то это вызовет шок у населения страны. Процедуру смены руководителей необходимо готовить. Их «предательство» должно быть представлено как результат того или иного уклона в партии (левого, правого или какого-то еще — это дело техники), который закономерно привел к таким преступлениям, как работа на иностранные разведки, стремление реставрировать капитализм и т.д. Убедительность этой картине может придать лишь массовый характер очередного кровопускания, призванный убедить людей, что черные планы вынашивались целой организацией.

Идеологические проработки происходили и до этого. В первые послевоенные годы они имели в основном антисемитскую направленность. Объектом критики чаще всего становились «безродные космополиты», что на тогдашнем лексиконе обозначало иное название евреев. Теперь предстояло выйти за антисемитские рамки и придать проработкам более массовый, так сказать, интернациональный характер.

Сигнал к этому был дан публикацией М. А. Суслова в эти дни в «Правде» под названием «По поводу статьи П. Федосеева». Незадолго до того бывший редактор политического и теоретического ежемесячника ЦК

«Большевик» П. Федосеев выступил в той же газете с кратким, в несколько строк, признанием своих ошибок в связи с тем, что печатал статьи, которые тогда не вызывали подозрений, но теперь, в свете новых сталинских идей, квалифицировались как волюнтаристские и субъективистские. Автор выражал сожаление, что не разглядел ошибочности этих идей потому, что они шли «под флагом выяснения мобилизующей и организующей роли Советского государства».

В статье Суслова давалась резко негативная оценка такой попытке уклониться от ответственности и не признавать свои ошибки. В ней также впервые объявлялась вредной и антимарксистской вышедшая в 1948 г. книга бывшего члена Политбюро и председателя Госплана СССР Н. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны», получившая в свое время Сталинскую премию первой степени. При этом никаких убедительных доказательств вредности книги не приводилось, но этого в те времена никто и не требовал.

Хотя статья была подписана одним из секретарей ЦК, всем было понятно, что по собственной инициативе никто у нас таких статей не пишет, а тем более не публикует, и не где-нибудь, а в «Правде». Такое можно было сделать только по указанию одного человека в СССР — Сталина. Но в таком случае дело никогда не ограничивалось статьями. Указания о необходимости выявления и разоблачения тех, кто придерживается неправильных взглядов и упорствует в их непризнании, по линиям партийно-государственного аппарата полетели во все стороны. Был дан старт кампании идеологических чисток и приведен в движение маховик массовой критики, «самокритики» и пересмотра всех прежних представлений «в свете новых гениальных положений товарища Сталина».

Цаголов стал одной из первых мишеней развернувшейся кампании. Этому способствовали вполне невинные, на первый взгляд, обстоятельства. Задолго до описываемых событий в секторе истории обсуждалась идея создания многотомного труда по истории русской экономической мысли. Цаголов предложил созвать широкое совещание с приглашением вузовских специалистов, на котором можно было бы обсудить основные идеи и направления работы, посмотреть, кто над чем работает и что может написать. Он выразил также готовность подготовить такой доклад со своими соображениями. Тогда некоторые сотрудники сектора, очевидно, опасаясь, как бы обсуждение не выявило более подходящих авторов, чем они сами, решительно выступили против такого обсуждения, и предложение было провалено. Теперь ситуация изменилась, и роли поменялись. Почуяв запах крови, идеологические волки во главе с сотрудником того же сектора Ф. М. Морозовым стали настаивать, что-

бы Цаголов сделал обещанный доклад. Он же, понимая подоплеку происходящего, уже не хотел этого делать.

Перемена позиций объяснялась просто. Из чувства ревности и зависти к более яркому и удачливому коллеге противники Цаголова по сектору занимали при обсуждении его персонального дела на партсобрании исключительно бдительную позицию и доказывали недопустимость засорения святых рядов Коммунистической партии такой сорной травой, как Николай Александрович. Немало людей, которые по этим же причинам недолюбливали Цаголова, было и в парторганизации. Этим завистникам и недоброжелателям в течение четырех лет удавалось блокировать прием в члены партии, но они стремились полностью выбить его из седла. Теперь они решили, что публичная порка хорошо дополнит персональное дело и в корне изменит ситуацию во вред Цаголову. Это открывало реальный шанс наконец избавиться от этого «заносчивого» человека. Пусть знает наших!

Морозов стал ходить в партбюро и изображать дело так, что он давно добивается публичного обсуждения доклада Цаголова, а тот будто бы во избежание критики все время уклоняется. В результате дирекция и партбюро решили, что доклад об основных течениях идейной борьбы вокруг осуществления крестьянской реформы 1861 г. стал настолько актуален, что следует его сделать. Цаголову пришлось согласиться, и обсуждение было назначено на 2 ноября 1952 г.

Об этом событии, представлявшем интерес только для узкого круга специалистов, я узнал только потому, что накануне стал случайным свидетелем разговора Морозова на кафедре политической экономии Экономического института, где я тогда учился в аспирантуре. Незнакомый мне тогда человек горячо уговаривал сотрудников кафедры принять участие в предстоящем обсуждении и подвергнуть критике «антиленинские» взгляды Цаголова. Несколько оказавшихся здесь сотрудников кафедры с деланой заинтересованностью слушали непрошеного гостя, сокрушенно качали головами по поводу имеющихся у Цаголова опасных представлений, поднимая глаза к небу, восклицали «Не может быть!», «Да неужели?», «Прямо так и говорит?» и обещали непременно прийти. Но когда в назначенный день я явился на обсуждение и занял свой наблюдательный пункт в самом незаметном месте в заднем ряду, то никого из них не увидел. Они внутренне сочувствовали Цаголову и, понимая подоплеку этого грязного дела, не захотели в нем участвовать и игнорировали приглашение.

В небольшом зале Института экономики собралось 40–50 человек из числа сотрудников института, вузовских специалистов по истории экономической мысли, докторантов и аспирантов, работающих в этой об-

ласти. Зав. сектором А. И. Пашкова почему-то не было. Заседание открывалось вступительным словом зам. директора института В. П. Дьяченко. Специалист по ценообразованию, он вряд ли хорошо разбирался в идейных течениях российской экономической мысли XIX в., но сказал, что это важный вопрос, на который последняя работа тов. Сталина проливает очень много света, и теперь, мол, благодаря этому мы имеем возможность подвергнуть критическому пересмотру свои прежние представления и встать наконец на правильный путь. Он призвал участников обсуждения к беспощадной, невзирая на лица, критике и самокритике и выявлению истины с помощью того научного компаса, которым нас одарил теперь тов. Сталин. Предоставив слово Цаголову, он извинился за то, что по вызову ЦК вынужден покинуть собрание, и передал бразды правления А. Д. Гусакову, замещавшему отсутствовавшего зав. сектором истории мысли Пашкова. Это была большая удача для Николая Александровича. Дьяченко его не любил, а Гусаков, наоборот, высоко ценил и всячески поддерживал.

Доклад Цаголова продолжался час пятнадцать минут. По реакции зала было видно, что я здесь единственный профан, для которого все происходящее — только зрелище. Все остальные были специалистами и понимали, о чем идет речь. Мои же научные интересы находились в другой области, и я мог фиксировать только внешнюю сторону происходящего. С этой точки зрения доклад производил впечатление. Слушали его с исключительным вниманием. Речь Цаголова была четкой, образной, живой и не утомляла слушателя. Хотя я, честно говоря, понимал лишь отдельные фрагменты, но, тем не менее, меня, как, наверное, и большинство других, захватила необыкновенная культура изложения материала. Но едва доклад окончился, стало ясно, что некоторых он не удовлетворил.

Первый вопрос задал Ф. М. Морозов.

— Разве Ваша задача состояла в том, чтобы прочитать нам лекцию, а не в том, чтобы подвергнуть критике имеющиеся у вас и других ошибочные взгляды по затронутым Вами вопросам? Почему в докладе не было названо ни одного имени из числа советских исследователей?

В ответ на это Цаголов на изложенном материале вначале разъяснил Морозову разницу между лекцией и докладом, а потом заключил:

— Что касается имен, то моя точка зрения состоит в том, что у нас должно быть обсуждение идей, а не людей. Нам следует вначале объективно оценивать проведенную научную работу и лишь на этой основе давать оценку тому или иному лицу, а не наоборот.

При этих словах по залу прошло некоторое оживление как свидетельство понимания сделанного намека, который дошел до меня гораз-

до позднее. В таком же духе было еще несколько вопросов и ответов, а затем перешли к прениям.

Первым слово взял С. А. Покровский, о котором надо сказать несколько предварительных слов. Юрист по профессии, он приобрел широкую известность главным образом тем, что в 20-е годы, когда Сталин еще не был всесильным и единоличным вождем, вступил с ним в критическую переписку, пытаясь объяснить генсеку его ошибки в толковании проблем русской революции. В 1927 г. Сталин в двух письмах резко ответил ему, приравняв его взгляды ко взглядам Каменева и, тем самым, к взглядам зиновьевской оппозиции (Сталин. Соч., т. 9, с. 269–281).

Когда четверть века спустя ответные письма Сталина появились в собрании его сочинений, то Покровский получил широкую известность как человек, который, по крайней мере когда-то, смел полемизировать со Сталиным. Но вставал такой вопрос: как и почему мог спастись человек, которого сам Сталин клеймил как оппозиционера, в то время когда людей беспощадно стирали в лагерную пыль за куда менее громкие «преступления»? Тем более было известно, что его несколько раз арестовывали, а затем выпускали и восстанавливали на работе.

За какие заслуги ему делалось такое исключение? Ответ на этот вопрос никто точно не знал, но догадки строились разные. Самая распространенная состояла в том, что он был завербован в качестве агента-провокатора органов безопасности и выполняет их задания. На основе своих наблюдений некоторые люди вывели заключение, что он озвучивает политические обвинения, которые затем органы используют для своих репрессивных действий.

Все это я узнал гораздо позднее. Но когда в холодный ноябрьский вечер 1952 г. С. Покровский вышел на трибуну и стал говорить о произнесенном докладе, я слушал его с огромным вниманием. Говорил он великолепно, под стать самому Цаголову. Видно, организаторы позаботились о том, чтобы найти эквивалентную фигуру. Среди экономистов ее не было, а среди юристов нашлась. Желающих получить слово оказалось больше, чем ожидалось, а потому заседание пришлось возобновить 11 ноября. За два дня на трибуну поднимались, наверное, человек десять, но наиболее заметным было выступление выдающегося (хотя еще не оцененного до конца) историка Б. Поршнева. Остальные речи были мало впечатляющими, а некоторые, как, например, сотрудника института Н. К. Каратаева, невыносимо скучными и непонятными даже для посвященных.

Что касается содержания по-ораторски блестящей речи С. Покровского, то я мало что в ней понял, запомнил только зловещее утвержде-

ние, что Цаголов необыкновенно талантливый и одновременно исключительно опасный человек. Он придерживается таких вредных антиленинских взглядов, по сравнению с которыми холера и чума — сущие пустяки, а оказываемое им влияние (заметим, что никакого особого влияния Цаголов в качестве рядового сотрудника мало кому известного сектора истории мысли одного из множества научно-исследовательских центров в то время не имел) представляет величайшую угрозу стране и народу. Поэтому Покровский сказал буквально следующее: «Нужен полный — я не побоюсь этого слова — идейный разгром антинаучных, антиленинских взглядов Николая Александровича Цаголова, если мы хотим оздоровить обстановку в области общественной мысли».

В таком же духе вслед за ним выступил Морозов. Его речь была бледной по сравнению с речью Покровского, но выдержана в таком же враждебном духе по отношению к Цаголову. В своей основной и наиболее понятной мне части выступления он противопоставлял ошибочной оценке Цаголовым феодальных отношений верную, разумеется, трактовку, данную тов. Сталиным в его последней работе. Из нее Морозов цитировал следующее место: «Конечно, — писал Сталин, — внеэкономическое принуждение играло роль в деле укрепления экономической власти помещиков-крепостников, но не оно являлось основой феодализма, а феодальная собственность на землю» (Сталин, 1953, с. 98). Одним словом, Сталин versus Цаголов. Ошибочность позиции Цаголова состояла в том, утверждал Морозов, что он не понимал значения феодальной собственности на землю, и это распространилось на трактовку им всех остальных проблем. Неприязнь к Николаю Александровичу чувствовалась в каждом его слове. И таковы были эти трагические времена, что за «ошибочную» трактовку феодальной собственности (как, впрочем, и любого другого чисто академического вопроса) можно было поплатиться свободой, а то и жизнью.

Однако все рекорды политической бдительности побила какая-то неизвестная мне женщина, чью фамилию я не запомнил. Ее истеричное выступление сохранилось в моей памяти как цепь всех расхожих в то время идеологических обвинений, не скрепленных какой-либо логикой или хотя бы последовательностью мысли. От ее речи в зале повеяло духом подвалов Лубянки и холодным дыханием северных лагерей. На меня, не понимавшего толком, что происходит, это произвело особенно тягостное и какое-то гнетущее впечатление.

Последним в тот день выступил докторант из Грузии Г. И. Мегрелешвили, который существенно нарушил взятый обвинительный тон. Он

вступил в полемику с Морозовым и, как мне показалось, со знанием дела уличал его в недобросовестном цитировании Ленина и Цаголова и искусственном противопоставлении их друг другу. Видимо, это ему удалось, потому что реакция зала на слова Мегрелешвили была явно одобрительной. Это взорвало Морозова, и он с места грубо бросил в лицо оратору:

— Вы известный апологет Цаголова!

В ответ Мегрелешвили сказал что-то резкое, чего я не разобрал. Видимо, реплика попала в цель, потому что началась перепалка, и от председателя потребовались усилия, чтобы восстановить порядок в зале. Когда все немного успокоились, Мегрелешвили сказал то, что пролило некоторый свет на механику происходящего обсуждения:

— Вы назвали меня сегодня апологетом Цаголова, но почему-то не называли меня *своим* апологетом в ряде других случаев, когда я поддерживал *вашу* позицию, когда считал ее правильной. Но сегодня я считаю вашу позицию стопроцентно неверной, продиктованной отнюдь не научными соображениями, в то время как позицию Цаголова считаю не только стопроцентно верной, но и высоконравственной. Вам нужно во что бы то ни стало очернить Цаголова, в то время как он считает своим долгом непременно отстоять научную истину. В такой ситуации я признаю себя апологетом Цаголова и горжусь этим.

Сказанные с большой силой внутреннего убеждения, эти слова произвели впечатление, и в затихшем зале, провожаемый десятками глаз, Мегрелешвили сошел с кафедры и сел на место. Воцарилась секундная тишина, которая означала, что вслух произнесено то, что никто не решался сказать. Я начал понимать, что присутствую скорее не на научном обсуждении, а на некой инсценировке, ставящей целью опорочить неугодного человека. Лишь через годы, возвращаясь к этим событиям, я понял, что речь Мегрелешвили была не только высококомпетентной, но и представляла собой акт настоящего гражданского мужества, свидетельство большой нравственной высоты.

На следующем заседании, 11 ноября, обстановка изменилась в пользу Цаголова. Первым слово взял известный историк и специалист по российскому средневековью Б. Поршнев, который высоко оценил вклад Цаголова не только в историю российской экономической мысли, но и понимание специфики российского феодализма. Он деликатно отвел выдвинутые на прошлом заседании обвинения и показал, что они носят надуманный характер. Взявший после него слово Каратаев критиковал Цаголова, но настолько путано и непонятно, что вызывал лишь недоумение и сочувствие к Николаю Александровичу. В защиту позиции Цаголова по форме мягко, но по существу твердо и, как мне казалось,

логически неопровержимо выступал Ф. Я. Полянский из Московского университета. Короче говоря, во второй день, за исключением одного Каратаева, все выступали в защиту Цаголова, и обстановка в корне изменилась в его пользу.

Однако апофеозом полного торжества Цаголова над оппонентами стала его заключительная речь. Впоследствии я слушал много лекций, докладов и выступлений Николая Александровича, и все они по-своему были для меня интересны, но такого блеска, меткости, сарказма, разоблачительного пафоса и артистизма, свидетелем которых я стал тогда, ни видеть, ни слышать мне больше никогда не довелось. Это обсуждение было уникальным в своем роде событием. В те страшные времена выдвинутые публично политические обвинения обычно означали, что перст сталинской Фемиды уже указал на очередную жертву, и она сразу ломалась морально, не в силах защищаться. Вот и в этом случае было видно, что в обстановке начатых проработок заинтересованные люди сделали все возможное, чтобы тщательно подготовить и организовать идейные похороны Цаголова. Но в конечном счете дело обернулось его полным торжеством и позорным провалом недоброжелателей. Конечно, Поршнев, Полянский, Мегрелешвили и некоторые другие сыграли свою роль. Они сделали очевидным факт, что это скорее искусственная инсценировка, чем подлинно научное обсуждение, и что для обвинений Цаголова никаких оснований нет. Но его собственное заключительное слово сделало такой вывод прозрачно ясным даже для тех, у кого еще оставались сомнения.

По тому вниманию, с которым присутствующие слушали эту речь, было видно, что аудитория восхищена эрудицией, глубиной мысли, ясной логикой оратора, которые он с блеском применял, чтобы продемонстрировать несостоятельность голословных утверждений и обвинений оппонентов. По мере того, как Цаголов разворачивал свою аргументацию, нельзя было не почувствовать, что симпатии аудитории полностью переходят на его сторону. Это остро осознали его враги, что заставило их нервничать.

Морозов вдруг стал в раздражении кричать, что надо установить регламент, иначе Цаголов никогда их не отпустит. Но председатель опять проявил лояльность к оратору и сказал, что регламент ни для кого не устанавливали, а для заключительного слова его тем более быть не может.

— А если оратор будет говорить до ночи, мы что, должны сидеть здесь?

— А он не будет говорить до ночи, — сказал Гусаков и обратился к Цаголову: — Сколько вам еще нужно времени?

— Минут двадцать-тридцать, — спокойно ответил Николай Александрович.

— Хорошо, продолжайте, — сказал председатель.

Как сейчас вижу на трибуне статную фигуру Цаголова в дорогом, прекрасно сидящем костюме, взъерошенную прядь волос, горящие негодованием глаза, звонкий громкий голос и резкие, но органичные жесты. Его темперамент бойца развернулся в полную силу. В этот момент весь мир для Николая Александровича сузился до размеров этого зала, и он не чувствовал ни страха, ни робости, ни сомнений. Это была минута вдохновения и силы духа, когда мысль работает с необыкновенной ясностью и точные слова сами срываются с губ. Такое высокое состояние духа называют харизмой, и оно на моих глазах подчиняло аудиторию, а некоторых, наверное, против их собственной воли.

Помнится, одним из доводов Морозова было то, что Цаголов, дескать, неверно трактует взгляды русского либерального экономиста Вернадского, явно подпадая под вредное влияние «реакционного» мыслителя. Взглядам Цаголова противопоставлялась ссылка на Большую Советскую Энциклопедию, где воззрения Вернадского якобы отражены правильно. Цаголов как бы нехотя перешел к этой теме, словно раздумывая, стоит ли вообще тревожить тень давно усопшего мыслителя по столь надуманному поводу. Но вот он начал разбор аргументов противника, и в его голосе зазвучали металлические нотки. Один за другим Николай Александрович уверенно и твердо разбил их, как старые глиняные горшки. Казалось, что вопрос исчерпан, но это была только прелюдия.

Теперь Цаголов переходит к злополучной энциклопедии. Повторив цитату Морозова, он громко, как человек, сознающий свою правоту, ставит вопрос: «Верно ли сказано?» и обводит взглядом аудиторию. Не каждый сегодня поймет, какая тишина сгустилась в этот момент в институтской аудитории, ведь энциклопедия имела особый статус в тоталитарном государстве — она выражала официальное, т. е. идеологически *непререкаемое* мнение по всем вопросам. Известно, что выписывавшим первую советскую энциклопедию людям иногда присылали в конверте бритву с настойчивой рекомендацией *вырезать* те или иные статьи и *вклеить* новые! (Как тут не вспомнить «1984» Дж. Оруэлла, в котором Большой Брат регулярно переиздавал старые газеты.)

Верность энциклопедии против мнения Цаголова означала приговор последнему. Вот почему в зале повисла мертвая тишина, и все, как завороженные, затаив дыхание, со страхом и сомнением смотрели на человека, словно решившего погубить себя. «Верно!» — как залп расстрельного

взвода, прозвучало из уст Цаголова. Но прежде чем по залу пронесся возглас изумления и ужаса, он взял себя пальцами обеих рук за лацканы пиджака, сделал шаг вперед от трибуны к залу, давая понять, что это еще не все. «Но я открою вам один маленький секрет, — его голос неожиданно прозвучал доверительно, а немигающий взор выхватил Морозова из толпы и как бы сделал его видимым для всех. Мне показалось, что тот как-то даже поежился. — Дело все в том, — он сделал небольшую паузу, — что автором статьи в энциклопедии являюсь я». Если бы Цаголов выстрелил в своего противника из пистолета, он не мог бы уничтожить его окончательнее. Бросив последнюю фразу, оратор опустил голову и вернулся на трибуну, оставляя зал волноваться и переживать.

В итоге обсуждение закончилось благополучно для Цаголова и плачевно для его проработчиков. Но это был лишь локальный успех. Кто выиграл битву, еще не выиграл войну. Тогда мало кто знал, какая волна нового террора готова накрыть страну. Многие в Институте экономики, со стороны безучастно смотревшие на искусственно устроенную проработку Цаголова, как мы увидим ниже, буквально через два месяца сами оказались в его положении.

Молох сталинских репрессий требовал массового жертвоприношения, и маховик проработок раскручивался дальше. Как отмечалось выше, таков был закон чисток. Прежде чем вырвать растения, объявленные сорняками, надо было создать обстановку массового психоза. На 7–10 января 1953 г. была назначена научная сессия Академии наук СССР, посвященная выходу в свет «гениального» труда тов. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Она открылась в 10 часов утра в конференц-зале Академии на ул. Волхонка, 14.

Внешне все было организовано благопристойно и даже вполне демократично. Каждому из 12 докладчиков по коренным проблемам мировой и отечественной экономики давался час времени, для выступления в прениях — 15 минут, для повторного — 5 минут, для справок — 1 минута в конце каждого дня заседания. Для заключительных слов докладчиков и желающих сделать какие-либо заявления отводился последний день работы научной сессии с 10 до 14 часов. В самом начале было объявлено, что все желающие получат слово, и это обещание, наверное, было выполнено.

Основное назначение научной сессии, очевидно, состояло в том, чтобы превознести Сталина до небес, а советских экономистов низвести до объекта критики с последующей расправой «за ошибки» в ходе планируемого террора. Поэтому был задан такой тон работы, чтобы безудержно восхвалять Сталина и ругать себя и друг друга за то, что когда-то

сказали нечто отличное от того, что теперь есть в этом, как говорилось, «бессмертном» труде.

Цаголов не был предметом внимания и критики на сессии, поскольку в свое время, как отмечалось, благоразумно ушел от политической экономии социализма и не высказывался по этим вопросам. Правда, Сталин поистине «доходил» до каждого и нашел повод, как помнит читатель, обвинить Цаголова в подмене понятия феодальной собственности на землю внеэкономическим принуждением. Но в основном здесь внимание было приковано к более острым проблемам, объявленным решающими для перехода к коммунизму, поэтому Цаголов никого не интересовал. Сам он тоже никуда не лез, не делал доклада, не выступал в прениях, не всегда даже присутствовал в зале заседания. Последнее, как показали события, было весьма опрометчиво с его стороны. Но прежде чем сказать, почему и как это обнаружилось, следует осветить ход обсуждения, чтобы дать читателю хотя бы приблизительное представление о царившей в зале и обществе атмосфере.

К тому времени в различных органах печати появилось множество комментариев ученых и публицистов о различных идеях, содержавшихся в работе Сталина. Каждый спешил показать свое восхищение и зафиксировать себя в сознании других как верного системе человека, а нечего и говорить, что это определялось степенью преданности Сталину. В условиях такого всеобщего соревнования привязанности ко всеми любимому «советбаши» невозможно было отличить одного выступающего от другого и выделить тех, по кому наносить удар. Но для организаторов террора, которые дирижировали работой из-за кулис, было неважно, кто в чем клянется, важно, чтобы один разоблачал другого так, чтобы убедить общественность в необходимости избавления общества от закравшихся в его ряды хорошо замаскированных злодеев.

В дни, когда проходила описываемая научная сессия, в такой роли выступали самые видные советские экономисты. Если бы доклады и выступления не пестрили такими идеологическими штампами, как «антимарксизм», «субъективизм», «политически вредные взгляды» и т. д., для которых не было никаких оснований, то полемика была бы нормальной, вполне подходящей для научной дискуссии, но эти ярлыки переводили ее в плоскость взаимных обвинений.

Во вступительном докладе директора института, академика К. В. Островитянова было названо такое количество имен ошибавшихся людей, что выходило, что не ошибающихся не было вообще. В частности, упоминались И. А. Анчишкин, В. Г. Венжер, Е. С. Варга, А. И. Ноткин, Н. Маслова, И. Гладков, Г. А. Козлов, Я. А. Кронрод, которые совершали «субъек-

тивистские» или другие ошибки, а попросту говоря, утверждали то, что тогда было принято. Другие докладчики также находили своих козлов отпущения. При этом самому Островитянову доставалось не меньше других. Каждый кого-нибудь обязательно критиковал, а часто и не одного. Так, неизвестно чем обогативший науку академик Л. Д. Иванов критиковал широко признанного академика Е. С. Варгу за «антимарксистские ошибки» в освещении коренных проблем современного капитализма, в частности роли государства в экономике.

Кроме того, как в докладах, так и в прениях было принято выступать с самокритикой, признавать и разоблачать свои «ошибки», словно их совершил кто-то другой. Никто не смел вступить в спор с докладчиком или другим критиком в свою защиту и отстоять собственную точку зрения. Нечто подобное в очень мягкой и деликатной форме содержалось лишь в очень тепло встреченном по этой причине выступлении академика Варги.

Отвечая Иванову на критику в свой адрес, он сказал следующее (цитирую по памяти): «Как вы слышали, Иванов критиковал меня здесь так, как будто изложенная им позиция принадлежит ему, а не товарищу Сталину. Если бы это было так, то я был бы весьма благодарен Иванову за это. Но в данном случае я все-таки хочу благодарить Сталина, а не Иванова еще и потому, что именно я, а не Иванов входил в комиссию во время дискуссии 1951 г., которая сформулировала вопросы, переданные товарищу Сталину для получения ответов на них. Сталин на то и Сталин, — продолжал Варга, — что дал исчерпывающие ответы на наши вопросы. Но при чем тут Иванов? Я его видел сидящим в зале, но не видел в работе. И если он думает, что одни должны критиковать, а другие — работать, то я, хотя и не очень молод и здоров, все равно хочу быть среди тех, кто хочет работать». С этими словами он сошел с трибуны под бурные аплодисменты зала. Никто из других ораторов не был награжден такой овацией, и это, наверное, свидетельствовало о том, что видимость и сущность происходящего в данном случае (как и во многих других) не во всем совпадали.

Должен сказать, что в то время я в этом не разбирался и все происходившее и сказанное принимал за чистую монету. Я находился в положении персонажей сказки Андерсена, которые решительно отбрасывали все сомнения относительно одеяний короля и верили в то, что говорят другие. Все утверждали, что труд Сталина является гениальным, и я не смел в этом сомневаться. Впрочем, у меня возникли трудности с тем, что работа Вознесенского чуть ли не в каждом выступлении называлась антимарксистской, а я ничего подобного в ней не находил. Эта в целом

посредственная работа вышла в 1948 г. и получила широкую известность в основном потому, что на безрыбье и рак рыба, и в условиях тотальных запретов и голода на научную литературу хилое в теоретическом отношении произведение получило незаслуженно высокую оценку. Многие опубликовали положительные отзывы. Тогда никто не предполагал близкого падения автора этого труда. Теперь логика борьбы за власть в высших сферах привела его к гибели, и надо было объявить Вознесенского врагом, а его книгу антимарксистской. Будучи аспирантом кафедры политической экономии, я полагал, что некоторым образом разбираюсь в том, что такое антимарксизм, но ничего зловредного в этой работе не находил. Это и беспокоило меня.

Поскольку каждый говорил об этом как о чем-то понятном всем, то я стал сомневаться в качестве своих знаний и стыдиться своего невежества. Никому не открывая свое непонимание, я все-таки решил разузнать, в чем же состоят ошибки, содержащиеся в книге Вознесенского.

Казалось, вскоре для этого представился удобный случай. На трибуну поднялся Я. А. Кронрод и после принятых восхвалений в адрес Сталина перешел к самокритике за то, что «написал положительный отзыв на глубоко ошибочную и антимарксистскую книжку Вознесенского». Я тут же написал ему записку следующего содержания: «Скажите, пожалуйста, какие конкретно идеи в книге Вознесенского являются антимарксистскими?» и, пока он говорил, сам положил ее на трибуну. Тем временем у оратора истекло время, и он стал просить еще дополнительно минут пять-десять, так как не исчерпал содержательную тему своих прегрешений. Председатель поставил вопрос на голосование, и я вместе с большинством собравшихся проголосовал «за». Тут рядом со мной произошел эпизод, удививший меня своей необычностью. Когда из числа недалеко от меня сидевших женщин одна проголосовала «против», а другие стали ее упрекать, та сказала:

— А что, покаялся и хватит!

Эти слова меня поразили. Я принимал все происходящее здесь как величайшее событие в борьбе за истину, а в ее словах чувствовалось неприятие происходящего как какого-то фарса. Но ведь в этом действе участвовали крупнейшие ученые нашей страны! Однако главная неожиданность ожидала меня впереди. Мое смутное, но неприятное чувство переросло в смятение, когда Кронрод, закончив свою речь, развернул мою записку, прочитал про себя и сказал:

— Тут спрашивают об ошибках Вознесенского. И это после того, как товарищ Сталин раздвинул границы нашего понимания, — при этом он показал своими длинными руками, как широко они теперь

раздвинуты, — и мы обогатились новым сокровищем марксистско-ленинской теории.

Затем он вновь стал воздавать новую хвалу товарищу Сталину. Как образованный теоретик, Кронрод прекрасно понимал (как, впрочем, наверное, и другие), что в книге Вознесенского никаких антимарксистских ошибок нет и никто, кроме меня, несмышленыша, к нему с таким вопросом не приставал. Но я-то действительно думал, что они есть, но по причине своей плохой подготовки их не понимаю. Ему же ничего не оставалось, как вознести очередную хвалу в адрес товарища Сталина, а я слегка перепугался и подумал: «Черт меня дернул задать этот дурацкий вопрос, теперь начнут искать того, кто сомневается в гениальности товарища Сталина».

Так все ведущие научные сотрудники института вереницей прошли «чистилище», покаялись в грехах и поклялись в верности божеству. Как директор института, несущий ответственность не только за себя, но и за весь возглавляемый им коллектив, Островитянов стал прикидывать, все ли хорошо сыграли полагающиеся роли, и решил поправить допущенные погрешности.

Сидя в третьем ряду справа и наблюдая за всем происходящим, я вдруг заметил, как он делает кому-то знаки. Вслед за этим к нему в президиум поднялась одна сотрудница сектора истории мысли. Островитянов ей что-то сказал, и она, спустившись в зал, направилась в мою сторону и спросила у моих соседей, не видели ли они Цаголова. Те сказали, что не видели, и она пошла дальше. Минут через пятнадцать она привела Цаголова и повела его в президиум.

Там Островитянов и секретарь партбюро Самохвалов, как можно было судить по их хмурым лицам, сказали ему что-то неприятное, затем дали какую-то бумагу, с которой он удалился за кулисы. Как я узнал потом, вместо того, чтобы сидеть в зале и, если не каешься, то хотя бы аплодировать, когда нужно, он сидел в библиотеке с какими-то толстыми фолиантами, откуда его неожиданно и вытащила посланная на поиски сотрудница.

Заседание научной сессии подошло к концу, и Островитянов вышел к трибуне с заключительным словом. Снова прозвучало, как товарищ Сталин обогатил нас, с каким интересом и благодарностью сотрудники института приняли и изучают написанный для них бессмертный труд. Работа научной сессии, углубившей понимание каждым из нас поставленных Сталиным проблем и задач нашего развития, получила высокую оценку. Вдруг директор института обрушился на тех, кто не понимает ситуацию, критикует других, но недостаточно критикует себя, в то

время как каждый должен начинать с самого себя. В этой связи он упрекнул жену В. Г. Венжера — Санину, которая вместе с мужем писала письмо тов. Сталину, а здесь промолчала. В вошедшем в книгу ответе Сталин великодушно указал им на их ошибки, но Санина своего отношения к ним не выразила. Далее Островитянов говорил о том, как институт будет перестраивать свою работу в соответствии с гениальным трудом, как далеко теперь все продвинутся в своих исследованиях и какие замечательные результаты это даст делу коммунистического строительства в СССР.

Как только Санина услышала свою фамилию в заключительной речи, она послала в президиум записку с просьбой предоставить ей пять минут для краткого заявления. После того, как Островитянов покинул трибуну, председательствовавший Самохвалов объявил:

— Слово для краткого заявления предоставляется тов. Саниной.

На трибуну вышла стройная красавица с моложавым лицом и аккуратно причесанными черными волосами. Одетая в строгий темный костюм, она сразу привлекла всеобщее внимание и расположение еще до того, как произнесла первые слова. Затем сказала:

— Вы все слышали то, что здесь вчера говорил Владимир Григорьевич (это был ее муж — В. Г. Венжер). Так вот я подписываюсь под каждым сказанным им словом. И если я не выступала, то только потому, что считала, что этого достаточно. Но поскольку Константин Васильевич счел необходимым обратиться еще и ко мне, то хочу сказать следующее. Мы вместе писали письмо товарищу Сталину и формулировали свои вопросы, и он нам ответил обоим. У нас были одни и те же сомнения и, как показали ответы товарища Сталина, у нас оказались одни и те же ошибки. Мы оба бесконечно благодарны товарищу Сталину за то, что он нам на них указал. Мы полностью принимаем их к сведению и будем руководствоваться указаниями тов. Сталина в своей дальнейшей работе.

После этих слов раздались одобрительные аплодисменты, и она села на место, а взявший снова бразды правления Островитянов объявил:

— Дорогие товарищи! Научная сессия Академии наук, посвященная гениальному труду товарища Сталина, подошла к концу.

А затем, стараясь придать как можно большую торжественность своему голосу и словам, произнес:

— Поступило предложение послать приветствие товарищу Сталину!

То, что произошло вслед за этими словами, не поддается описанию. Зал просто взорвался громом аплодисментов, и казалось, что от поднявшейся волны радости и одобрения обвалится потолок. В конце кон-

цов все успокоились в ожидании того, что будет дальше, а председательствующий объявил:

— Слово для оглашения текста приветственного письма предоставляется Цаголову Николаю Александровичу.

Вот для чего, оказывается, он был нужен. В прениях не выступал, свою преданность ничем не проявил, а еще хочет вступать в члены партии. Островитянову, конечно, не хотелось показывать, что в возглавляемом им коллективе есть такие люди. Вот почему он вытащил на трибуну Санину, а что касается Цаголова — пусть хотя бы зачитает письмо товарищу Сталину. Это считалось особо почетным делом. Теперь, когда все до единого сыграли свои роли, не будет оснований упрекнуть директора института в том, что в возглавляемом им коллективе кто-то себя ведет нелояльно.

Под заметно более жидкие аплодисменты Цаголов вышел на трибуну, положил текст перед собой, окинул взглядом зал и торжественным голосом произнес:

— Великому зодчему коммунизма, гениальному корифею науки товарищу Сталину Иосифу Виссарионовичу! Мы, ученые Академии наук СССР, собравшись на научную сессию, посвященную Вашему гениальному труду...

Тысячи пар глаз были устремлены на трибуну, и натянутое до предела внимание к звучавшим оттуда словам придавало происходящему в зале какую-то особую торжественность и значимость. Чтец был хорош, но и авторы текста, мастера своего дела, вложили душу в каждое слово письма. Разумеется, такое послание не обошлось без принятых в таких случаях стереотипов, но было облечено в великолепную форму, какую могут придать только ученые, которым доступна вся глубина мыслей и величие идей, открытых теперь перед ними гениальным вождем.

Но было бы абсолютной неправдой, если бы сейчас, через годы, создалось впечатление, что речь идет только о некоем ритуальном фарсе, лишенном реального смысла. У всякого научного обсуждения есть своя логика, поэтому привыкшие к ней ученые и здесь пытались соблюдать соответствующую ей процедуру, не замечая меча, занесенного над их головами. На самом деле все было гораздо сложнее. Внешне Сталин придерживался принципа равноправного участия в дискуссии, как это было в партии во времена Ленина. Поэтому его первое действие имело форму «Замечаний» по обсуждавшемуся макету учебника политической экономии, а второе сводилось к ответам на поступившие к нему вопросы. Если бы этим дело и ограничилось и Сталин действительно был одним из участников дискуссии, пусть даже «первым

среди равных», то поставленные вопросы и данные им трактовки имели бы несомненный смысл.

Даже его идея «суженного воспроизводства» не была лишена известных оснований, поскольку с образованием мировой социалистической системы арена мирового капитализма действительно сократилась на одну треть. Но следовало бы учитывать, что сохранившийся капитализм приобретал второе дыхание и как раз тогда вступал в «золотой век» своего ускоренного роста. Тем больше оснований было для постановки ряда проблем по теории социализма. Так, утверждение Сталина об объективном характере экономических законов социализма было направлено против волюнтаристской трактовки всемогущей роли государства. Логически от этого утверждения оставался один шаг до осуждения практики сверхцентрализованного планирования. Но Сталин этого шага не сделал.

Весьма запутанным был и вопрос о роли товарных (рыночных) отношений при социализме. С одной стороны, вместо множества частных собственников средств и продуктов производства при социализме возник один собственник — государство. Между тем со времен А. Смита было известно, что в основе товарного производства лежат две причины: общественное разделение труда и частная собственность. Есть ли тогда при советском строе товар? Смитовская (она была и марксовой) логика вынуждала Сталина отвечать: нет. Но тогда, с другой стороны, как объяснить существование у нас таких стоимостных категорий, как деньги, цена, себестоимость, зарплата, прибыль, кредит, процент и т. д.? Имеют они действительно рыночное содержание или это формально? В какой мере эти категории являются проявлением рыночных отношений, а в какой — инструментами планового ведения хозяйства?

Эти и другие подобные вопросы имели глубокий научный смысл. Как уже отмечалось в предыдущей главе, в свое время Троцкий отвечал на них, признавая рыночный характер этих категорий на том логическом основании, что советское общество считал переходным, еще не достигшим социалистической стадии. Но в трактовке Сталина эти, по крайней мере, по форме рыночные отношения, существовали не только при социализме, а даже в период его перехода к коммунизму, что никакой логикой объяснить было невозможно.

Таким образом, Сталин в мистифицированной форме ставил реальные проблемы советской экономики. Однако он не мог их адекватно разрешить, поскольку не был способен отбросить догматическое утверждение о том, что под его мудрым руководством в СССР построено социалистическое общество. Именно в этом насквозь фальшивом «все-

мирно-историческом достижении» советский диктатор и черпал легитимность своей неограниченной власти. Троцкий же был свободен от этой идеологемы, поэтому он и мог ставить и решать коренные проблемы советского общества реалистично и по существу.

Лицемерно принимая позу (в соответствии со старой, давно им ликвидированной партийной традицией) равноправного участника дискуссии, Сталин обычно пускал пыль в глаза, как бы говоря: «Я-то принимаю принцип равноправия и ни на что не претендую, но если высказанные мною соображения принимают характер Нагорной проповеди Христа, то это происходит не по моей воле, а несмотря на мою скромность». При этом он твердо знал, что машина налажена так, что другие придадут его мыслям значение божественного откровения. Поэтому вместо того, чтобы быть этапом в научной разработке проблем — что само по себе уже немало, — его слово становилось конечным решением. В таком качестве идеи вождя легли в основу вышедшего в следующем году учебника политической экономии под редакцией К. В. Островитянова, о чем речь пойдет в следующей главе. Более того, несоответствие его слову и букве становилось угрожающей ересью, осуждение которой в переломные моменты становилось для Сталина важнее всего.

Едва ли вождь читал шедшие к нему постоянным потоком приветственные письма вроде того, которое ему направила наша конференция. Но если даже он прочитает сегодняшнее письмо, оно его не удовлетворит. Ни литературное изящество, ни выраженная там благодарность за высказанные идеи его не занимают. Сталину нужно совершенно другое, и письмо удовлетворило бы его лишь в одном случае — если бы оно содержало требование расправы с распространившейся в ученой среде опасной ересью.

Как известно, всякая власть портит, а абсолютная власть развращает абсолютно, и в развращенном сознании Сталина естественный процесс его старения и ослабления физических и душевных сил приобретал характер чьей-то вины. «Козлами отпущения» в этот раз стали кремлевские врачи, которые не могли остановить процесс его старения. Его жажда крови всегда была неутолимой, а теперь, в связи с приближением старости и желанием смены окружения, Сталин стал испытывать новый приступ жестокости. Вождь настолько отличался от остальных, что в моменты крутых поворотов и массовых кровопролитий никто даже из близкого окружения до конца не мог понять, что он задумал. И тогда за дело брался он сам. Так было и на этот раз. Сталин сам написал нужный ему текст, который через три дня, в роковое 13 января 1953 г. без подписи было опубликовано в «Правде».

В сообщении газеты под названием «Хроника. Арест группы врачей-вредителей» говорилось, что раскрыта террористическая группа врачей, которые ставили своей целью сократить жизнь активным деятелям Советского государства. Но в качестве жертв очередного «вредительства» назывались не те, кто был избран на свои высокие должности на недавно состоявшемся съезде партии, а некоторые из маршалов и военных высокого ранга. В качестве же врачей-вредителей были названы известные медики Главного управления санитарно-лечебной службы Кремля, которые наблюдали за здоровьем высших руководителей партии и государства. Антисемитская подоплека выдвинутых обвинений просматривалась не только в том, что шестеро из девяти обвиненных были евреями, но и в том, что их вредительская деятельность связывалась с израильскими спецслужбами.

Однако антисемитский произвол всегда используется только как предлог для более массовых расправ и редко остается изолированным явлением. Так мыслилось и в данном случае. Редакционная статья «Правды» от 13 января не оставляла сомнений на этот счет. В ней утверждалось, что «некоторые люди делают вид, что теперь уже снята опасность вредительства, диверсий, шпионажа, что заправилы капиталистического мира могут отказаться от своих попыток вести подрывную деятельность против СССР. Но так думать и рассуждать могут только правые оппортунисты, люди, стоящие на антимарксистской точке зрения «затухания» классовой борьбы. Они не понимают, или не хотят понять, что наши успехи ведут не к затуханию, а к обострению борьбы, что чем успешнее будет наше продвижение вперед, тем острее будет борьба врагов народа, обреченных на гибель, доведенных до отчаяния. Так учит бессмертный Ленин, так учит товарищ Сталин» («Правда» от 13.01. 53).

Ленин, правда, в данном случае был ни при чем, а вот Сталин действительно поставил вопрос широко. Он повел речь уже не об одних только евреях, а обо всех тех, в сознании которых «морально-политическое единство советского народа» (другое сталинское положение) не совмещалось с приведенным здесь положением об обострении классовой борьбы.

Но под это определение подходили буквально все. Для изучавших марксизм не как осколочный набор постулатов, а как единую систему логически взаимосвязанных идей, приведенные два положения Сталина были несовместимы. Либо одно, либо другое. Поэтому, читая эту статью, мы были в полнейшей растерянности. Но дальше было еще менее понятно. В статье говорилось, что в стране «сохранились носители буржуазных взглядов и буржуазной морали — **живые люди**, — скрытые враги нашего народа. Именно эти скрытые враги, поддерживаемые им-

периалистическим миром, будут вредить и впредь... Тот факт, что группа презренных выродков из «людей науки» в течение некоторого времени могла безнаказанно орудовать, показывает, что некоторые наши советские органы и их руководители потеряли бдительность, заразились ротозейством» (там же).

Авторство статьи не подлежит сомнению как по литературному стилю, так и категорическому тону. Никто другой, кроме Сталина, в таком стиле и тоне не писал и не мог писать. Кроме того, его авторство подтвердил также Н. С. Хрущев в беседе с Я. Я. Этингером (Этингер, 2001, с. 61). Если даже такие палачи, как Берия и Абакумов, видите ли, «заразились ротозейством» и перестали устраивать Сталина, то трудно представить, какую массовую кровавую бойню он собирался устроить. Тем более никто ничего подобного не мог себе представить в дни прохождения описанной сессии и даже после нее. Враги партии и народа, если они даже были, рассуждал каждый из нас, то были давно, и в живых их больше нет. А газета утверждала, что они есть.

Так кто они? Наряду с объявленными врачами, конечно, и те, кто в свете «бессмертного труда Сталина» только что был подвергнут порке. В их адрес не раз звучало обвинение в антимарксизме, что в тех условиях было равносильно приговору суда. Все обозначенные антимарксистским «брэндом» подлежали физическому уничтожению, а таких по мере развертывания проработок становилось все больше и больше. Люди сами помогали втаскивать друг друга в раскрытую пасть чудовища.

Но, наверное, мало над кем так непосредственно нависла угроза расправы, как над Цаголовым. В его «уголовном деле» фигурировали материалы, заведенные в партбюро. Стоит добавить выдвинутые против него на недавнем обсуждении обвинения в антиленинских взглядах и то, что его друг Шария уже более года сидит в тюрьме в связи с контрреволюционным «менгрельским» делом, и пиши пропало. Если КГБ (тогда МГБ) получит эти материалы, то и расследовать уже ничего не нужно. По стандартам того времени ясно, что это враг, подлежащий уничтожению.

Но, видно, на этот раз само Провидение пришло на помощь людям. Смерть настигла Хозяина внезапно, и 5 марта 1953 г. дьявольский маховик остановился навсегда. Наступило чудо спасения для десятков, сотен тысяч людей. Цаголов был одним из них. Не знаю, что делал в это время Николай Александрович, но многие люди слепо оплакивали смерть тирана, даже не подозревая, что им больше подошло бы плакать от радости собственного спасения. Все обвинения и подозрения как рукой сняло. Страна повернула на новые пути. Хотя и спотыкаясь об интриги и заговоры, она стала нащупывать новое русло для своего развития.

С позиций и ценностей одного времени трудно понять другое. Поэтому, боюсь, сегодняшнему читателю непросто постичь, как люди могли мириться с такими порядками, при которых судьба человека, его жизнь и смерть так неотвратимо зависели от наклеенного кем-то ярлыка. Да, сегодня это трудно понять. Но не спешите осудить «слепцов». Ведь тем, кто жил тогдашними ценностями и представлениями, еще труднее было бы понять тех, кто сегодня согласился отдать свое право собственности и социальных гарантий в чужие руки, позволил им вытряхнуть из карманов свои сбережения, урезать зарплату и пенсии, вывезти за рубеж трудом всего народа накопленные капиталы, перейти на оплату коммунальных услуг не из суммы накопленных за многие годы взносов, а из урезанных доходов, и без того едва хватающих на то, чтобы сводить концы с концами.

Короче говоря, жившим тогда было бы сейчас еще труднее понять, как массовый грабеж под лозунгами рынка и демократии может привести народ к лучшей жизни. Зато, наверное, нынешнему поколению трудно осознать убежденность предков в том, что они нашли дорогу, ведущую сквозь тернии к звездам. А что мы знаем сегодня о том, куда нас приведет выбранная нами дорога? Прежде чем осуждать ту или иную эпоху, надо постараться ее понять, и тогда, скорее всего, окажется, что у каждого времени свои пороки и свои иллюзии. Вот уж поистине: «Не судите, да не судимы будете».

8. Формат личности

Если меня спросят о том, какова была самая характерная черта личности Цаголова, которая отличала его от окружающих и придавала ему особый колорит, то долго размышлять не придется, она выступает вполне отчетливо: чрезвычайная самобытность в сочетании с развитым чувством долга. Трудно сказать, в какой мере это чувство было родовым наследием, сознанием своего особого предназначения, а в какой было привито той необыкновенной эпохой, в которой он жил и воспитывался.

На предыдущих страницах я пытался показать то, что сегодня многим трудно представить: было время, когда стремление к достижению собственного блага вне блага других считалось уделом никчемных людей, а достоинство человека определялось высотой мотивов его общественного служения. Годы спустя после гибели брата Николай Александрович обнаружил фотографию, которую тот, будучи студентом Московского университета, послал любимой девушке. На обороте было на-

писано: «Будь счастлива счастьем других». Кто-то скажет, что это, мол, утопизм. Однако стоит напомнить слова Оскара Уайльда о том, что «географическая карта, на которой не обозначена страна Утопия, является неточной». Это значит, что высота человеческого общества определяется его стремлением к идеалу, который предполагает элементы утопии.

Конечно, тот, кому ничего, кроме хлеба, не нужно, не может понять мотивы общественного служения, но Цаголову они были понятны. У него была другая философия: тот, кто печется лишь о собственном благополучии, не вправе рассчитывать на уважение других, и лишь забота об общем благе вознаграждается всеобщим признанием. Такую мораль он унаследовал от той эпохи, в которой вырос, и ее воплощение видел в тех, кем так восхищался в свои отроческие годы.

Здесь мне придется вновь привести слова Хетагурова, которые Николай Александрович так часто любил декламировать:

Мне вашего счастья не нужно,
В нем счастья народного нет.

В основе его интереса к общественной жизни и деятельности лежало не желание сделать карьеру, как это часто бывало, и тем более не страсть к обогащению, которая движет многими теперь, а бескорыстное служение обществу. Поразительной чертой характера Николая Александровича было то, что он всегда твердо защищал интересы простых людей, к нуждам которых относился с трогательным вниманием. Когда он видел чью-то нужду или горе, то расстраивался так, будто сам в этом виноват, и обязательно говорил что-то сочувственное. Если же видел перемены к лучшему, то, наоборот, приходил в восторг. Помнится мне, например, как радовался Николай Александрович появлению жилых новостроек в московских Черемушках. Каждый раз начинал рассказывать, какие здесь раньше были заброшенные деревни, на месте которых теперь выросли многоэтажные благоустроенные дома. Люди, получившие здесь квартиры, раньше жили в ужасной тесноте, в подвалах, бараках, вагонах, временных постройках, а теперь их положение коренным образом улучшилось. Цаголов воздавал должное Хрущеву, который решительно повернул руль партийной политики и взял курс на повышение народного благосостояния. В этом Цаголов находил подтверждение своей трактовки социализма.

Такое отношение к нуждам людей вызывало уважение, тем более, что сам Николай Александрович всегда жил хорошо. Даже в голодные годы он не испытывал особой нужды, а в мирные и спокойные времена как ценный специалист получал достаточно высокую по советским

меркам заработную плату. К этому надо еще добавить его особое умение пользоваться всеми материальными и духовными благами жизни. Он был гурманом, любившим вкусно поесть, пить самые выдержанные коньяки и ароматные вина, слушать классическую музыку, посещать лучшие постановки московских театров, путешествовать в той мере, в какой позволяли обстоятельства, ездить всегда в курьерских вагонах, отдыхать в лучших санаториях Кисловодска и Сочи, останавливаться в лучших номерах первоклассных гостиниц. В 1946 г. в Москве было всего 200 частных автомобилей, один из которых, трофейный «Опель», принадлежал Цаголову. Он шил свои костюмы у самых признанных мастеров, которые ценили его вкус и считались с его высокими требованиями.

Слова Чехова о том, что все в человеке должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли, наверное, ни к кому не относились в полной мере, как к Цаголову. Никто его никогда не видел небритым, нестриженым, непричесанным или неряшливо одетым. Не только содержанию, но и форме он придавал значение. Не зря любил повторять слова Пушкина о том, что:

> Быть можно дельным человеком
> И думать о красе ногтей.

Конечно, были люди, чья зарплата была значительно больше, чем его, но едва ли кто жил лучше, чем Николай Александрович, ведь уровень жизни и степень наслаждения ею напрямую не зависят от того, сколько денег человек имеет. Вопрос еще в том, какую власть они имеют над ним — как мы знаем, деньги способны превращать людей в своих рабов. Безудержной жаждой накопительства, когда деньги — цель (love of money — любовь к деньгам, по Кейнсу), а не средство, Цаголов никогда не отличался. Можно сказать, что в своей жизни он следовал тем ценностям, на которых покоилась его теория. Концепция планомерности не знала «фундаментальной неопределенности», о которой говорил Кейнс (о слабости этой стороны теории Цаголова говорится ниже), в связи с чем не предполагалось, что деньги необходимо откладывать на случай нужды (это не значит, что не может быть других мотивов накопления, например, для покупки товаров длительного пользования). Гарантии будущего, которые — как был убежден Цаголов — должна была давать плановая экономика, исключали для него эту необходимость. В соответствии с этим Николай Александрович и строил свою жизнь. Трудно представить себе человека, более свободного от денежного фетишизма, чем он. Бальзак мог бы списать с него

портрет антигобсека. Деньги не только не имели власти над ним, а, наоборот, покорно служили ему, подчиняясь удовлетворению его интересов и вкусов. Свою свободу он ни в какой мере им не уступал, легко их зарабатывал и легко с ними расставался.

В советское время возможности приобретения недвижимости были ограничены предметами потребления. Но кое-какие блага в этом роде, требовавшие солидных накоплений, например, дача, были доступны людям, занимавшим аналогичное с Цаголовым социальное положение. Для еще большего числа людей дача представляла собой предмет вожделения, для получения которого прикладывались огромные усилия и приносились большие жертвы. Но у Цаголова и мыслей не было скопить сколько-нибудь существенную сумму и вложить ее в нечто капитальное. Как-то я спросил у Николая Александровича, почему он не приобрел дачный участок, что в его положении было нетрудно сделать. Его ответ заслуживает внимания: «Потому, — сказал он, — что это привязывает меня к одному и тому же месту, в то время как я люблю проводить летнее время в разных местах». Так оно и было. В Подмосковье нет такого живописного уголка, где бы он не пожил. Его выбор внушал мне такое доверие, что иногда я просил его помочь мне снять участок рядом. Так, например, одно лето мы сказочно провели вместе в выбранном им лесистом Витинево, рядом с водохранилищем и каналом имени Москвы.

Отрицание частной собственности на основные средства производства было для него не теоретической догмой, а вытекало из убеждения в том, что чрезмерное богатство дает непозволительную власть одному человеку над другими, и здоровое общество этого позволять не должно. В его жизнелюбии не было ни на гран эгоизма. Николай Александрович хотел, чтобы то, чем наслаждается он, имели и другие. Неравнодушие к людям и участие в делах других было общей цаголовской чертой, которая, например, его сестре Надежде и брату Борису была присуща в еще большей степени. То же самое я слышал про их отца от людей старшего поколения, знавших его. Вечно они тратили массу времени и хлопотали о ком-то из родных и знакомых или знакомых их знакомых, обращавшихся к ним по своим делам.

Это накладывало неизгладимый отпечаток и на социальные убеждения Цаголова-ученого. То, что все больше превращалось всего лишь в ритуал официальной политики, было частью его мироощущения. Глубокое сочувствие к рядовому человеку, гарантия его права на жизнь, безопасность, труд и получение соответствующего вознаграждения как основное содержание социальной справедливости были для Цаголова и основной целью плановой экономики, и моральным кредо.

В этом отношении тоже интересно сравнить личности Кейнса и Цаголова. Чтобы разобраться в сходстве и различиях между ними, надо обратиться к философским корням их экономических воззрений. К сожалению, у нас на это не принято обращать внимание, а между тем именно морально-философский подтекст проливает наиболее яркий свет на взгляды крупных экономистов.

Любопытно отметить здесь параллель между жизнеощущением Цаголова и круга интеллектуалов, к которому принадлежал Кейнс (Блумсберская группа). Я бы назвал это чувство здоровым гедонизмом, который состоит в наслаждении комфортом и культурными благами жизни, но отвергает как роскошь, так и страсть к накопительству.

Члены Блумсберской группы воспитывались в условиях строгой пуританской морали викторианской Англии, с ее многочисленными запретами на спонтанное проявление чувств, наслаждение жизнью, мелочной регламентацией поведения. Этому соответствовали и строгая бережливость и экономия, считавшиеся одними из главных добродетелей, что и привело членов группы к протесту против патриархальных ограничений свободы личности и, в частности, к тому, чтобы отвергнуть буржуазную добродетель бережливости. Не случайно для теории Кейнса так характерен взгляд на воздержание от потребления как один из главных источников экономического кризиса, т. е. этому акту придается негативный смысл. В то же время члены группы отрицательно относились и к роскоши.

Ярким примером подобного поведения стала жизнь самого Кейнса. Став очень богатым человеком — великий экономист преуспел в игре на бирже — он продолжал вести образ жизни обычного кембриджского профессора. Это значит, что он оставался жить в благоустроенном, но не роскошном доме, с удобными креслами у камина и небольшой прислугой. В то же время Кейнс стал широко пользоваться дорогостоящими культурными благами. В частности, купил себе постоянную ложу в самом дорогом театре Лондона, где шли лучшие в стране представления балета, который он страстно любил; стал частным коллекционером дорогих и редких картин; не считаясь с ценой книг, собрал уникальную библиотеку в пять тысяч томов; построил сельскохозяйственную ферму для проведения досуга и т. д. При этом он щедро делился своим богатством с другими: был многолетним казначеем своего Кингс-колледжа, который обогатил; выгодно разместил средства театрального общества, что принесло последнему немыслимые доходы; бесплатно приглашал в свою театральную ложу друзей; уникальную библиоте-

ку завещал родному университету и т. д. В скрытой, деликатной форме Кейнс оказывал значительную помощь близким людям — например, купил дом формально в совместное владение, но фактически для друга. (Harrod, op. cit.)

Интересно отметить, что сходное мироощущение, находящее свое выражение и в теоретическом наследии двух интеллектуалов, сформировалось у Кейнса и Цаголова на основе совершенно разных культур и исторических традиций.

Разным было также их понимание хода и перспектив исторического прогресса. Кейнс, конечно, был высокоодаренным и образованным человеком и помимо экономики обладал еще разнообразными знаниями в области математики, философии и искусств, но его духовный мир в основном ограничивался английской традицией. Знание других стран, их культур и теоретической мысли очень слабо прослеживается в его работах. Не случайно, имея в виду известное место из *Общей теории* Кейнса, И. Шумпетер писал: «Я не марксист, и тем не менее достаточно признаю величие Маркса, чтобы быть шокированным, увидев его имя рядом с Силвио Гезелем и майором Дугласом». (Цитировано по Dillard, 1948, p. 323.) А дело в том, что Шумпетер знал Маркса, а Кейнс просто не удосужился его изучить. Поэтому все его замечания в адрес Маркса, как, впрочем, и советской экономики, носят до обидного поверхностный для столь значительной фигуры характер. Он стал жертвой обычного английского высокомерия и предвзятости.

Цаголов в этом отношении был другим. К кому-то из окружающих он мог относиться с высокомерием, чем наживал себе немало врагов, и будем считать это его отрицательной чертой. Но зато ко всякой другой культуре, к ее малейшим оттенкам проявлял величайший интерес, благодаря чему накопил немалый запас разносторонних знаний в гуманитарной сфере. Правда, ему не хватало математических знаний, и это отрицательно сказывалось на его профессиональной деятельности. Но за этим исключением, в чисто гуманитарной сфере, Николай Александрович обладал энциклопедическими познаниями. Именно поэтому он больше, чем кто-либо другой, оказался способным заниматься политической экономией в широком смысле слова и больше, чем кто-либо другой, действительно был классиком советской политической экономии.

Богатое творческое наследие Цаголова включает работы по докапиталистическим формациям, капитализму, империализму, социализму, истории экономической мысли. В этом смысле равного ему нет. В отличие от западных авторов, для которых политическая экономия была только экономической теорией капитализма, для Цаголова, в соответ-

ствии с марксистской концепцией, она была также исторической наукой, обобщавшей опыт человеческого прогресса. Благодаря энциклопедичности знаний в этой области он обладал особой силой исторического обобщения не только в экономике, но и в других областях культуры.

Широта интересов и знаний Цаголова были беспримерными. Они не ограничивались пределами его профессиональной сферы. Во время одной декады осетинского искусства в Москве мы с ним были на заключительном концерте, после которого нас пригласили на прием, устроенный московской театральной общественностью. С приветствием и короткой профессиональной оценкой всего, что было показано, выступали известные в то время деятели и звезды советского театра и кино. Вдруг министр культуры Ю. Мелентьев обратился к Цаголову с просьбой сказать о своих впечатлениях. Министр знал, что делал. Николай Александрович как-то нехотя встал и медленно, видимо, обдумывая, что сказать, направился к помосту в конце зала и тихо начал говорить. Вначале с трудом подбирал слова, но через минуту вошел в роль, полностью овладел аудиторией и стал говорить о театре с таким знанием дела, что люди стали спрашивать друг друга, кто это такой. Когда я им сказал, что это заведующий кафедрой политической экономии Московского университета, то мне не поверили, и расспросы продолжались. Слушавшие его полагали, что он какой-то неизвестный им театральный критик.

Правда, театр был особенно любимой им сферой. Он смотрел почти все, что шло на московской сцене, а с участием любимых актеров — по несколько раз, и мог детально анализировать игру каждого их них. Но Николай Александрович был таким же заядлым болельщиком футбола, хоккея, фигурного катания, борьбы, шахмат и т. д. Когда он играл в бильярд, то многие приходили смотреть его искусную игру. Осетины с древних времен отличались успехами в вольной борьбе, и он не только знал имена чемпионов, но и то, кто, где и как одержал свои победы и чем борцы отличаются друг от друга. Однажды Николай Александрович приехал ко мне смотреть соревнования по фигурному катанию, так как его собственный телевизор неожиданно вышел из строя. Я тоже люблю фигурное катание, но если бы во время трансляции испортился мой телевизор, то я бы, конечно, расстроился, но, наверное, тем и ограничился. Цаголов был другой, он обладал сильным темпераментом и непреклонной волей, что проявлялось в стремлении к своей цели даже в мелочах.

Такая разносторонность знаний и способность смотреть на экономические явления как на продукт культуры и истории придавали его изложению характер живой картины. На обычную лекцию, например, Цаголов смотрел не как на рутинную работу, которую выполняешь просто по

необходимости, а как на событие особого значения. Она была для него неким священнодействием, на котором происходило таинство приобщения слушателей к секретам профессии. Поэтому послушать его, помимо студентов, многие приходили из чистого любопытства. Я попросил одного из его бывших студентов описать, как знаменитый оратор читал лекцию и как она воспринималась из аудитории. Вот что он написал:

«Цаголов не спеша входил в аудиторию. Все уже бывали на месте, зная, что он не терпит опозданий. Он начинал говорить медленно, как бы нехотя, глядя перед собой. Тема — очередная категория политической экономии. Он говорил о ее месте в науке и ее роли в познании, постепенно воодушевляясь. При этом его голос начинал звучать громче и более звонко, а речь становилась яркой и образной. Казалось, что его язык не может выговаривать казенные, затертые, наукообразные слова.

Тысячи преподавателей политэкономии по всей стране рутинно бубнили скучающим студентам, что «товар — это продукт труда, произведенный для обмена». Казалось бы, такие банальности неизбежны в преподавании, ибо без них не начнешь разговор о рыночном капиталистическом хозяйстве. Но Н. А. Цаголов не мог допустить, чтобы важнейшая идея, из которой, как из бутона, распустится вся система взглядов, осталась для студента чем-то вроде высушенного цветка из «гербария» научных понятий. Нет, он должен был заставить слушателя представить себе то, о чем идет речь, передать ему живой образ, со всеми его яркими красками.

Объясняя природу товара, который создается производителем не ради его собственного потребления, а ради получения денег взамен, Николай Александрович говорил: «Товар принадлежит своему создателю, но он рвется из его рук, буквально жжет ему руки!» Такой яркий образ впечатывается в сознание и остается на всю жизнь.

Умение придать драматический оборот темам, казалось бы, обреченным на скучное изложение, была отличительной чертой Цаголова-лектора. Его курс приоткрывал источники этого стиля мышления — они состояли в глубоком знании истории политической экономии. По всем главным темам в его учебнике и лекционном курсе обязательно освещались основные точки зрения, высказанные по этим вопросам крупными мыслителями-предшественниками. Слушатель узнавал, какая напряженная борьба мысли сопровождала рождение тех или иных понятий, например, теории стоимости или ренты. Оказывается, в этой борьбе сталкивались дорогие кому-то ценности и социальные интересы. Доставшиеся нам в наследство идеи представали как продукт бурной и трагической истории, сухим остатком духовных исканий ушед-

ших поколений. Своим мастерским экскурсом в наследие Смита, Чернышевского или Маркса он как бы вкладывал в руки живую нить, связывавшую тебя с геологическими пластами, на которых покоится современная культура. И то, что раньше равнодушно разучивалось к экзамену, становилось намного ближе и понятней.

Н. А. держался на кафедре по-особому, как мало кто умеет, я бы сказал, как-то величественно. Это не значит начальственно, хотя в нем чувствовалась привычка к ораторской власти над аудиторией. В том, как он не спеша начинал свою речь, как соизмерял строгость логики с вереницей образов из истории и литературы, чувствовалось искусное владение богатым культурным материалом и большой опыт изложения затронутых вопросов.

Особенно следует сказать о его голосе. Ценитель оперы, он обладал приятным баритоном с богатым тембром. Видимо, зная свое преимущество, а может быть, и не давая себе ясного отчета в нем, Н. А. играл на лекциях голосом, начиная с его мягких тонов, но затем переходя к звонким и громким нотам. В его речи всегда была кульминация, главная мысль, ради которой и выстраивался весь материал, излагались противоречивые суждения, ставились недоуменные вопросы. Это главное выделялось особо и подчеркивалось не только местом, отведенным в структуре речи, но и ударением, которое делалось высоким, чистым голосом, как это делает актер. Это была часть его незаурядного ораторского дара, который я отнес бы к ярко выраженному драматическому типу. Поэтому в его речи никогда не звучали нотки вкрадчивости. Порою он излучал сарказм, но не презрение. Впрочем, он никогда не упивался красотой своего голоса. Это было невозможно для него, так как он всегда был всецело поглощен темой своей лекции, ее материал развертывался как бы сам собой и увлекал оратора, не оставляя места для самолюбования.

Его жесты, органичные и естественные, как движения дирижера, всегда соответствовали темпу речи. Они не были слишком размашистыми, хотя порою были резкими; не пытались восполнить недостаток слов, которого он никогда не испытывал, скорее, они усиливали богатый тембр его голоса.

Он заканчивал рассмотрение темы на высокой ноте и как бы нехотя спускался откуда-то из мира абстрактных идей и ярких образов сюда, обратно в аудиторию. Голос его начинал вновь звучать спокойно, произнося заключительные фразы, но взгляд бывал направлен куда-то внутрь, на что-то видное только ему. В нем не чувствовалось усталости, он, наверное, мог бы продолжать еще на той ноте, на которой его застал звонок. Но лекция закончена, и спавшее вдруг напряжение переходило

в задумчивость. Он медленно собирал свои бумаги, кивком головы прощался с аудиторией и так же медленно поворачивал к двери.

Я тоже не спешил вставать и идти, находясь еще под впечатлением услышанного. Потом выходил в коридор — суетливый, шумящий, куда-то спешащий, и у меня еще некоторое время сохранялось ощущение того, что я был участником неординарного события, выводящего куда-то за пределы обыденного»*.

Таким он был на лекции. Несколько другим — при обсуждении методологических и теоретических проблем политической экономии. Поскольку нельзя не быть самим собой, то его ощущение своего особого предназначения так или иначе проявлялось и внешне.

Пока Николай Александрович стоял рядом с человеком и разговаривал с ним, то был просто обаятельным собеседником, и, казалось, он занят только тем, чтобы забавлять его шутками и остротами. Но стоило ему подняться на кафедру, как он преображался. В эти минуты Цаголов как бы сбрасывал свой внешний, привычный всем облик и ярко проявлял то, что выше я назвал его естественной самобытностью. Он говорил с высоты той ответственности, которую всегда чувствовал на своих плечах. Не теряя юмора, его речь становилась острой, нередко резкой, она выдавала глубокую уверенность в себе, что, в соединении с его эрудицией, позволяло ему полностью завладевать вниманием коллег. Этим он сильно раздражал многих, в особенности тех, кто считал себя равным ему, а тем более выше него и часто безуспешно претендовал на такое же внимание публики.

Таким же Николай Александрович был и в повседневной будничной жизни, обсуждал ли проект новой учебной программы или задуманной коллективной монографии, вопросы организации практики студентов или приемных экзаменов в аспирантуру. Для Цаголова не было мелочей, и на все в нашей работе он требовал смотреть с высоты, как он любил говорить, «шпиля Московского университета». Непосвященным разъяснял, что качество наших усилий должно возвышаться так же, как этот шпиль — над всем остальным на Воробьевых горах. Таким он был во всем, не только в работе, но и в жизни. В этом была отличительная цельность его темпераментной, волевой натуры, ни в чем не терпящей посредственности, непременно требующей доведения начатого дела до конца, преодолевая все встречающиеся на пути препятствия.

Доказательством твердости и несокрушимости воли Николая Александровича могут служить обстоятельства его второй женитьбы.

---

* Воспоминания Р. С. Дзарасова.

Со времени развода с первой женой прошло 17 лет, в течение которых Цаголов встречал множество женщин, но не чувствовал желания соединить свою жизнь ни с одной из них. И вдруг, как часто бывает в таких случаях, совершенно неожиданно он встретил ту, что искал. Это было во время воскресной загородной прогулки на катере, которые профсоюз факультета каждый год устраивал для своих сотрудников перед летними отпусками. По палубе прошла группа женщин в том непринужденном настроении, в каком бывают люди, уже освободившиеся от своих трудовых тягот и наслаждающиеся первыми днями отпуска. Одна из них выделялась миловидной внешностью и своей искрящейся улыбкой, на которую нельзя было не обратить внимание. Цаголов сразу заметил ее, и навел справки. Руфь Сергеевна Панченко оказалась преподавателем английского языка, она недавно начала работать на факультете и, очевидно, по этой причине не была им замечена раньше. Знакомство состоялось, и завязались скрытые от посторонних глаз отношения.

Сделанное вскоре Николаем Александровичем объявление о том, что он собирается жениться, своим родным, сестре, брату и сыну от первого брака, с которыми он жил на улице Горького (ныне Тверская), произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Никто этого не ожидал, все привыкли к давно устоявшейся, размеренной жизни. В цаголовской семье мы встречаемся с нередкой в жизни ситуацией, когда люди, одаренные в интеллектуальном отношении, оказываются неспособными к устройству своей личной и семейной жизни. Одна сестра Николая Александровича, Анна, умерла в 1949 г. в возрасте 40 лет, приобретя известность и признание оригинальными работами по истории осетинской литературы, но не создала собственной семьи и не имела детей. Другая сестра, Надежда, тоже не выходила замуж, брат Борис не был женат, а Николай Александрович уже много лет ходил в холостяках. После смерти матери — мудрой, заботливой Пело — в 1953 г., хотя в доме почти все время бывали домработницы, все хозяйство держалось на Надежде Александровне. Талантливый, но не умевший устраивать свои дела Борис Александрович занимался малодоходной литературной деятельностью, и семья содержалась, в основном, на средства Николая Александровича.

Перспектива появления новой хозяйки в доме не обрадовала его старых обитателей. Дело не сводилось к потере права на доход основного кормильца, как в таком случае можно подумать на опыте многих других семей. В цаголовском доме никогда не было проблемы дележа денег, и этого никто не опасался. В этом отношении Николай Александрович всегда был, и конечно, остался бы на высоте положения. Да и

невестка, наверное, не собиралась морить родных мужа голодом. Но более важными были два других обстоятельства. К тому времени Надежде Александровне было за 60, а Борису Александровичу — за 50, и они смирились со своим холостяцким положением и образом жизни, который не хотели или уже не могли изменить. Их не очень счастливая судьба была предопределена фамильной чертой, а может быть, пороком — преувеличенным преставлением о себе, когда человек не находит достойную пару. Николаю Александровичу этот недостаток был присущ в меньшей степени, и он второй раз решил попытать свое счастье. Его сестра и брат не пытались создать семью, потому что никогда не были готовы подчиниться принципу, на котором строится семейная жизнь, — находить компромисс с близким человеком и мириться с его недостатками.

Зато они настолько идеализировали образ брата (как, впрочем, и свой), что рядом с ним не смотрелась ни одна женщина. Все родные и множество других близких к цаголовской семье людей создали своеобразный культ Коли. Он считался человеком необыкновенным, и его ненормальная холостяцкая жизнь с братом и сестрой, по сложившейся привычке, казалась более нормальной, чем заведение собственной семьи. Поэтому, когда все узнали о сделанном выборе, то всполошились: неужели наш Коля, принц высших кровей, снизойдет до того, чтобы соединить свою жизнь с рядовой советской женщиной?

Между тем Руфь Сергеевна была далеко не рядовой: являясь кандидатом филологических наук, она считалась одним из лучших специалистов по английскому языку в Московском университете.

Но, при всем преклонении перед своим кумиром, родственное окружение Николая Александровича недостаточно его знало. Как выяснилось, даже близкие люди не ожидали, что в свои 57 лет он способен с юношеским пылом влюбиться в женщину, которую так долго искал, и остановить его теперь невозможно. Все аргументы против он отверг с порога. Неважно, что у нее есть муж (отношения с ним к тому времени разладились и были на грани разрыва) и ребенок, важно только то, что она нужна ему и только с ней он может чувствовать себя комфортно. Но что хорошо одному, почему-то оказывается плохо другому. Когда Руфь Сергеевна переехала к новому мужу, жизнь с его родными никак не налаживалась. Обычные в таких случаях неприятности отравляли существование. Николай Александрович решительно встал на сторону жены, и разрыв с родными стал фактом. Вскоре он добился получения отдельной квартиры в одной из жилых башен Московского университета, переехал туда и окончательно отделился от родственников.

Мне пришлось быть свидетелем этой семейной драмы. Теперь, когда неумолимый поток времени унес в прошлое все эти события и почти всех их участников, остается только горько пожалеть о том, как взаимное непонимание смогло разлучить людей, так глубоко и искренне любивших друг друга. Я бывал и на Ленинских горах (так тогда назывались Воробьевы горы), и на Тверской. Николай Александрович горячился и бранил меня за то, что я нахожу оправдания для «противоположной» стороны. «Я настаивал, чтобы Борис женился», — объяснял мне он. Было известно, что у Бориса Александровича — привлекательного мужчины — был продолжительный роман с известной писательницей. «Я говорил ему, — продолжал Николай Александрович, — раз встречаетесь несколько лет, значит, нравитесь друг другу. Надо жениться. Он не пожелал. Что же, я тоже должен был остаться бобылем?» Что я мог ответить на это? Что в этом он был прав, но мне все равно жаль, что произошел разрыв между близкими мне людьми? Было видно, что своей горячностью он только пытался заглушить свои переживания. «Как и на что они живут?» — спрашивал он Георгия, своего сына от первого брака, который остался на Тверской. Тот давал понять, что живут они не очень хорошо. Николай Александрович пытался передать брату и сестре деньги, но те отказались принять какую-либо помощь.

Надо знать Бориса и Надежду, чтобы понимать, что эти гордые люди не попросили бы о помощи никого, даже если бы умирали с голоду. Наде была оформлена персональная пенсия в связи с ее участием в революционном движении. Вместе с литературными приработками Бориса это и был их основной доход. Бывая у них, я с горечью замечал признаки бедности по их годами не менявшейся обстановке и старой, изношенной одежде. Когда я рассказывал им какие-нибудь новости о брате, они ничего не говорили, только морщины поверх их нахмуренных бровей, казалось, становились глубже. Лишь к концу жизни Надя стала приходить к брату. К чести Руфи Сергеевны, надо сказать, что она всегда радушно принимала гостью, ведя себя так, что посторонний человек, не посвященный в тайны этой семьи, не мог бы заподозрить ничего неладного в их отношениях. Но так сильна была власть обиды и самолюбия, что не позволила брату и сестре достичь окончательного примирения.

Этот раскол тяжело переживался всеми близкими цаголовскому дому людьми. «Как так можно, — с сильным кавказским акцентом возмущался Валико Датукишвили, наш друг из солнечной Грузии, — чтобы родной брат с родной сестрой не разговаривали?» И он застывал, всплеснув руками, вскинув брови, всей своей позой выражая протест, недоумение,

отказ принять это. Никто не мог ответить на горький вопрос. Члены оказавшегося в Москве владикавказского кружка друзей этой семьи раскололись и годами не разговаривали друг с другом, приняв ту или иную сторону в конфликте. А ведь их тесные личные связи тянулись еще от поколений отцов и были продолжением в XX веке традиций и ценностей прошлого. Еще недавно казалось, что это крепость, которая неподвластна никаким житейским бурям. И вот трещина отчуждения пролегла по самой сердцевине некогда тесного кружка.

Вспоминаю своего дядю Магомета Цараевича Газдарова, специалиста-аграрника, сторонника генетики, открывшего мне глаза на сущность лысенковщины в сталинские годы. Он тесно дружил с Цаголовыми с 1914 г. В этом конфликте он сразу и твердо принял сторону Бориса и Нади, порвав свое общение с Николаем Александровичем. Когда стариком он тяжко заболел и умирал, то принял приближающийся конец так же стойко, как и жил, спокойно и ясно принимая правду. Единственной его заботой стало достойное завершение своего земного пути. Он продумал свои похороны и оставил нам деньги на их организацию и поминки. Сам (!) написал список тех, кого надо пригласить. «Остальным сообщишь после того, как меня похороните. Пусть приходят на могилу», — распорядился он, вручая мне бумагу. Я пробежал глазами по списку. Так и есть — Николай Александрович из него исключен. Как я мог выполнить *такую* последнюю волю дяди? Каюсь, я сделал все, как он велел, за исключением этого пункта. Николай Александрович пришел, и как положено, проводил в последний путь своего близкого друга, сказав о нем несколько теплых, памятных слов. Бориса не было, так как он сам уже тяжело болел, и Надежда неотлучно находилась при нем.

Годы спустя после разрыва, когда жизнь сестры и двух братьев подходила к концу и все оказались у могильной черты, все жалели о происшедшем. В словах Бориса и Нади так или иначе проскальзывало, что надо было принять выбор брата. Николай Александрович тоже подолгу уходил в себя и о чем-то сосредоточенно думал. Не о том ли, что не стоило так круто прерывать отношения? Но время необратимо, теперь все уже ушло в прошлое и ничего нельзя было вернуть назад. Примирение родственников все-таки состоялось, но при печальных обстоятельствах.

Когда в 1973 г. у Бориса произошел инсульт, то Николай Александрович постоянно приезжал к нему в больницу, подробно говорил с врачами, подолгу сидел у койки больного. Мы — остальные посетители — старались оставить их наедине, чтобы сберечь для братьев последние крупицы общения в этом мире. Надя не вылезала из больницы, трогательно заботясь о Борисе. Она не допускала и мысли о самом худшем — вся ее

жизнь в последние годы была связана с братом, и его уход был бы для этой женщины просто катастрофой. Неизбежная беда, которой все ожидали, все же произошла неожиданно, однажды ночью. В первую очередь врачи в шесть часов утра сообщили об этом Николаю Александровичу.

Около 9 часов утра мы с Николаем Александровичем и несколькими его близкими друзьями встретились у подъезда дома на Тверской, чтобы сообщить Наде о несчастье. Она уже приготовила еду для больного и собиралась ехать в больницу, когда раздался звонок в дверь. «Кто там?» — спросила женщина, ничего не подозревая. «Это я», — ответил по-осетински Казбек Гостиев, близкий друг этой семьи. Она открыла дверь и отпрянула, широко раскрыв глаза: «Почему все?!» — воскликнула Надя, но мы молчали. «Что случилось?» — спрашивала она, переводя глаза с одного из нас на другого и, видимо, не желая принимать правду. «Нет, — она замотала головой, — этого не может быть». Но Николай Александрович кивнул, подтверждая худшее, и прошел внутрь. Надя вдруг зарыдала и начала биться в истерике. Брат обнял ее, стал удерживать, пытался успокоить, и у него самого горячие слезы потоком полились из глаз. Его горе было столь глубоким, и он разделял горе сестры столь искренне, что Надя постепенно успокоилась. Так состоялось их примирение.

Мне иногда кажется, что эта трагедия знаменовала нечто большее, чем просто поворот семейной судьбы. Уходила в прошлое целая эпоха с ее достоинствами и иллюзиями. Прервалась вековая семейная традиция, когда все потомки Хуасдзау (Харитона) были не только дружны, но и крепко сплочены верностью друг другу. Теперь будет расти новое поколение Цаголовых, которым уже не у кого будет воспринять те ценности, которые считались такими дорогими в прошлом и передавались от старших к младшим. Традиционные ценности утратят свою привлекательность, и во многом каждый теперь будет устраивать свою жизнь сам по себе.

Но это все будет потом, а пока, получив другую квартиру, Николай Александрович зажил с женой новой, счастливой жизнью. Его женитьба после столь большого перерыва и в таком зрелом возрасте, при широкой известности этого человека, естественно, привлекла внимание не только родных, но и всего большого круга друзей, знакомых и сослуживцев. Не могло быть исключения и тому правилу, согласно которому жена известного человека становится предметом пристального внимания и разбирательства и, как всегда бывает в таких случаях, различных пересудов. Оценки и суждения были неоднозначными. Одни находили Руфь Сергеевну очаровательной и вполне достойной, а другие считали слишком субъективной в подходе к делам, а ее суждения о людях излишне категоричными и резкими.

Сам же Цаголов был доволен и женой, и своей новой жизнью. Замечательной чертой характера Руфи Сергеевны было то, что она полностью приняла ценности и весь уклад жизни своего мужа. При всех своих достоинствах Николай Александрович обладал нелегким характером, которому были свойственны некоторые авторитарные черты. Сильная увлеченность одними людьми и жизненными ценностями имела своим противовесом столь же резкое неприятие других, что не могло не сказываться на множестве мелочей, из которых состоит проза жизни. Руфь Сергеевна не пыталась ни улучшить мужа, ни тем более перечить ему, как делала бы менее умная жена. Она обладала редким даром женщины, не создающей для мужа раздражающих его проблем. Знала, что есть ситуации, в которых надо с ним соглашаться, и тогда в других он будет идти ей навстречу. Этот союз принес супругам еще одну большую радость — в 1962 г. у них родилась замечательная дочь Наташа (которая теперь сама является мамой внучки и трех внуков Николая Александровича). Чужая семья, конечно, потемки, но заметную посторонним сторону жизни четы Цаголовых все находили завидно счастливой.

Так же, как и бывало прежде, новый дом Цаголовых на Воробьевых горах быстро стал центром тяготения множества друзей и коллег. Руфь Сергеевна радушно принимала всех, и друзья и знакомые бывали рады попасть в этот гостеприимный дом. Пока хозяин занимал гостей разговорами и шутками, его жена, автор множества научных работ по филологии, превращалась в заботливую хозяйку и, надев фартук, хлопотала на кухне. Вскоре стол, как по волшебству, покрывался изысканными яствами и напитками, и начиналось пиршество, полное радости и веселья. Это был традиционный цаголовский стиль жизни: собирать в доме тех, кому дополнительную радость доставляет общение друг с другом. Некоторые старые друзья отошли от Николая Александровича, но вместо них появилось много новых.

Зажив счастливой личной жизнью, Цаголов полностью отдавался любимой работе и относился к ней с ответственностью человека, который знает, что никто другой не создаст то, что способен сделать он. Как и все другие люди, Николай Александрович постоянно оказывался перед выбором между выгодой и долгом, но, в отличие от множества других, всегда выбирал последний.

Приведем лишь два из большого числа подобных примеров. В начале 60-х гг., когда был опубликован созданный под руководством Цаголова «Курс политической экономии», его шансы быть избранным в академики были достаточно высокими. Нужно было только соблюсти самую малость: смириться с тем, что программы преподавания политической экономии

в вузах построены на старом учебнике, написанном влиятельными в науке людьми, и не предлагать никаких изменений в соответствии с новым «Курсом», созданным под его руководством. Тем более не вступать в полемику с Академией наук и не обнажать слабости существовавшей программы и курса политэкономии. Многие из нас, его учеников, настойчиво советовали ему воздержаться от полемики с главной в те годы фигурой в экономической науке — академиком К. В. Островитяновым.

В ответ на это Николай Александрович, имевший за плечами богатый и противоречивый опыт жизни, к нашему изумлению, наивно заявил, что «не надо путать Божий дар с яичницей», т. е. науку с карьерой. В итоге на выборах он получил два голоса (С. Г. Струмилин и В. С. Немчинов), а остальные академики, глядя на дирижерскую палочку К. В. Островитянова, проголосовали против. В последующем Московский университет при каждых новых выборах в Академию настойчиво (около 10 раз) выдвигал Цаголова в члены-корреспонденты и академики, но его кандидатура каждый раз отклонялась. Причем случилось так, что после того, как не стало Струмилина и Немчинова, за него вообще никто не голосовал. Пусть довольствуется своими идеями. В то же время в немалом количестве случаев выбирались люди, о научных заслугах которых по экономике никто ничего не знал. Зато было известно, что они близки к руководящим верхам и выступают в роли спичрайтеров по текущим политическим и экономическим вопросам. Присвоенные им высокие академические звания являлись платой за такие услуги.

Представить Цаголова в роли такого услужливого дельца было невозможно. Свои творческие силы Николай Александрович отдавал разработке альтернативного курса политической экономии. Это было делом всей его жизни, и никакие соображения карьерного характера не могли поколебать его решимость выполнять свой долг, как он его понимал. Было бы, конечно, неверно полагать, что Цаголов не дорожил высоким научным званием или не желал быть избранным в Академию. Хотел. Но ему уже приходилось в сталинское время платить достаточно высокую цену за молчание, и теперь он больше не хотел покупать какое бы то ни было звание ценой отказа от своих принципов и убеждений или даже их смягчения. Завистники смогли не пропустить Цаголова в академики, но, к счастью, путь в историю уже не в их власти.

Другой пример выбора между долгом и выгодой имел место в 1970 г., когда в связи со столетием со дня рождения В. И. Ленина кафедра выпустила сборник работ под редакцией Н. А. Цаголова о вкладе классика марксизма в экономическую теорию. В частности, в статье В. П. Шкредова доказывалась обоснованность одного из теоретических положений

учебника. Оно состояло в том, что в недрах капитализма зарождаются не только материально-технические предпосылки социализма (что было общепринято), но и определенные формы социалистического хозяйства в виде планов корпораций и государственного регулирования экономики (что не принадлежало к числу общепринятых трактовок). Незадолго до выхода сборника бывший доцент нашей кафедры В. Н. Ягодкин, хороший методист, но посредственный теоретик, стал секретарем парткома МГУ. Он решил показать себя хранителем чистоты марксизма-ленинизма и счел, что для этого подвернулся подходящий случай. Обходя имя Цаголова, Ягодкин обрушил огонь своей критики на статью Шкредова, идеологически бдительным, партийным оком узрев в ней ревизионизм.

В своем в амбициозном докладе, составленном в категорических тонах, В. Н. Ягодкин, кроме В. П. Шкредова, называл еще ряд других отступников от ленинизма из числа философов, историков, юристов и т. д. Не упоминая имя Цаголова, он давал ему возможность сделать вид, что все сказанное его не касается. Многие советовали Николаю Александровичу воспользоваться лазейкой и уйти от столкновения по этому острому, как лезвие бритвы, идеологическому вопросу. Но Цаголов опять их не послушался. Он разъяснял, что если бы спор носил чисто научный характер, то критику следовало бы воспринимать как вполне нормальную полемику, на которую можно реагировать или нет. Но в данном случае, как говорил он, научной проблеме придан политический, идеологический характер. Нам хотят указать, как надо и не надо трактовать современный капитализм. С таким стилем руководства наукой и способом решения научной проблемы мириться не следует.

Полемика вышла далеко за пределы научного обсуждения и приобрела характер чрезвычайно нервозного столкновения. Научные проблемы смешались с политическими и идеологическими обвинениями, и порой было неясно, чем все это закончится. Некоторые качали головой и говорили, что было неразумно ввязываться в спор, а теперь, мол, последствия могут быть плачевными. Но, к счастью, время было уже другое. Люди несколько оправились от страха, который владел ими в сталинское время. Многим даже в самом партийном аппарате не нравилось слишком грубое вмешательство функционера в решение научных проблем. Очевидно, желая придать вопросу особую остроту, партком вынес его на рассмотрение расширенного пленума всего университета.

Цаголов, когда до него дошел черед, выступил там вполне спокойно (это у него не всегда получалось) и кратко — по регламенту ему было предоставлено лишь 10 минут.

— В докладе секретаря парткома МГУ, — начал он, — подвергнуты критике ошибочные позиции доцента кафедры политической экономии экономического факультета В. П. Шкредова, но почему-то не говорится о том, что они же присутствуют и в работах руководителя той же кафедры.

Далее Цаголов процитировал ряд аналогичных высказываний на сей счет, имевшихся в его известных трудах.

— Мне не совсем ясно, — продолжал он, — почему Владимир Николаевич не упоминает об этом? Разве это менее важно?

Все, кто находился в просторном зале парткома университета, слушали Николая Александровича со всевозрастающим вниманием. А присутствовала там вся партийно-административная верхушка МГУ.

«Между прочим, — заметил далее Цаголов, — схожие позиции встречались и раньше в научной литературе». И он привел несколько цитат, в которых критикуемые Ягодкиным положения были изложены самым явным образом. «Как вы думаете, — спросил Цаголов, — кому принадлежат эти слова?»

В зале воцарилась гробовая тишина, и наконец раздался громкий, как раскат грома, голос Николая Александровича: «Ленин, том такой-то, страницы такие-то».

«Мне кажется, — заключил Цаголов, — что секретарю парткома МГУ следовало бы более внимательно и обстоятельно готовить свои критические замечания».

Это был действительно пушечный выстрел в упор в могущественного секретаря парткома МГУ. Никто из присутствовавших не посмел аплодировать, хотя по залу пронеслось характерное перешептывание... Лицо же Ягодкина посерело, как он ни пытался сделать хорошую мину при плохой игре.

Составлявшим большинство на пленуме представителям естественно-технических наук едва ли были понятны (скорее, даже скучны) теоретические и методологические тонкости того, как надо понимать капитализм и социализм. Но им явно импонировал сам Цаголов как коллега, за которым они признавали право заниматься своим делом так, как он считает нужным. В итоге он, а не партком получил поддержку большинства выступавших. Заключительное слово В. Н. Ягодкина уже носило примирительный характер и состояло из одних благодарностей всем выступавшим, каждый из которых внес вклад в прояснение вопроса, а потому, мол, «обсуждение было чрезвычайно полезным».

Такой финал устраивал всех. Имевший место за 15 лет до горбачевской перестройки случай можно рассматривать как предвестник надвигавшейся эпохи. Результатом партийного обсуждения были уже не зу-

бодробительные решения и зловещие «организационные выводы», как это бывало раньше, а нормальный обмен мнениями. Страх стал отступать перед принципом, и это готовило общество к переходу в новое качественное состояние.

Хотя, впрочем, все было гораздо сложнее, а риск — действительно велик. Ягодкин, конечно, затаил обиду и при случае не преминул бы отомстить, что могло оказаться крайне опасным. На цаголовской кафедре он многому научился и в среде партийных функционеров был теперь, несомненно, яркой фигурой, которую рано или поздно заметил Л. И. Брежнев. В результате Ягодкин позже стал секретарем МГК КПСС по идеологии. Ему это окончательно вскружило голову, но он метил еще выше — на пост идеолога КПСС №1, а там, кто знает, рукой подать и до Генерального секретаря.

Пытаясь всячески выслужиться перед очередным Хозяином, Ягодкин бесцеремонно осекает вольнодумцев, развертывает борьбу против Чингиза Айтматова и некоторых других выдающихся деятелей нашей культуры. До поры до времени все это сходит ему с рук, но в конце концов, перестаравшись, он ломает себе шею.

Члены Политбюро Гришин, Кириленко и Суслов, ревниво относившиеся к бонапартистским устремлениям «нового выскочки», сговорившись между собой, сделали все, чтобы убедить Брежнева в необходимости снять его с занимаемой должности. Выбитый из седла Ягодкин становится «демократичным», а исходящая от него угроза для Цаголова и его коллег канула в Лету.

Надо сказать, что вообще в конфликтных ситуациях Цаголов вел себя с каким-то особым, только ему присущим достоинством, никогда не опускаясь до непристойных сцен. Вспоминается не очень приятный, но характерный эпизод. Во время публичной полемики один из коллег косвенно обозвал своего оппонента, сказав, что, мол, «только дураки могут не понимать» то-то и то-то. Но все знали, что его оппонентом был Н. А. Цаголов. Другой человек сходного темперамента в ответ вспылил и, пожалуй, стал бы отвечать в таком же духе. Цаголов же в ответ только горько усмехнулся, и, наверное, единственный раз на его лице промелькнула презрительная усмешка. Дело было в большой поточной аудитории для лекций, где висел умывальник, которым пользовались преподаватели, чтобы сполоснуть тряпку или смыть с рук мел. Не прерывая разбушевавшегося оратора, Николай Александрович медленно встал, подошел к раковине и тщательно сполоснул руки, как бы смывая с себя невольно налипшую грязь. Затем он спокойно направился к двери и, не оглядываясь на зал, вышел. Кажется,

все почувствовали нравственное превосходство этого человека, не опускающегося до низменных сцен. Ощутил это и оратор, его голос сразу поник, и ему пришлось закончить свое выступление при напряженном и неодобрительном молчании аудитории.

Принцип верности долгу был для Цаголова святым не только в большом, но и в малом, не только в науке, но и в личном поведении. Если с кем-либо из числа его широчайшего круга родных и знакомых случалась беда, то он непременно проявлял к человеку участие. Когда Николай Александрович, например, узнавал о болезни кого-либо из них, то не ограничивался выражением простого сожаления, а находил время, чтобы его навестить, расспросить о болезни не только его (ее) самого, но лечащих врачей и детально обсудить способы лечения. Как-то я лежал в больнице, и они с Руфью Сергеевной навестили меня. Всегда дотошный во всем, Цаголов стал расспрашивать о таких деталях моей болезни, о которых я ничего не знал. Он обозвал меня «шляпой» и попросил сестру позвать лечащего врача. Когда тот пришел, то, указав на меня, Цаголов в своей обычной шутливой манере обратился к нему:

— Чего вы держите такого симулянта в больнице за государственный счет?

Врач рассмеялся и ответил, что я не симулянт, а больной.

— Какой же он больной, когда даже сам ничего не знает о своей болезни?

Врач сказал, что это не так важно, важнее, чтобы доктора об этом знали. После этого Цаголов стал расспрашивать о таких деталях и способах лечения моей болезни, что после его ухода врач крайне удивился, узнав от меня, что тот не врач, а экономист. Николай Александрович настолько часто посещал больных и вникал в их дела, что приобрел определенные сведения об основных болезнях.

Таким он был во всем: ко всему относился с жадным интересом и все делал на основе чрезвычайно развитого у него чувства долга. Когда умирал кто-то из близких, а таковыми он считал достаточно широкий круг людей, то Цаголов далеко не всегда ограничивался телеграммой, как это делали обычно другие люди его положения и возраста, а чаще брал билет и летел в другой город, чтобы отдать последний долг тому, с кем так или иначе был связан.

Как всякая увлекающаяся натура, Николай Александрович не был очень организованным человеком. Он часто опаздывал на встречи, хотя никогда не позволял себе прийти позже на лекцию или другое публичное выступление. Но определенный порядок у него все-таки был: утром работа, вечером прогулки или активные развлечения.

Когда я мысленным взором окидываю все то, что сохранила моя память о Николае Александровиче, то остро чувствую необратимость времени, поток которого уносит все. В нем реален только «хронотоп» Ясперса, с которого мы начали наш рассказ, его «здесь и сейчас». Мы всегда находимся на гребне истории, в которой будущее стремится превратиться в прошлое. Это превращение вечно и неостановимо, и только память сохраняет ту удивительную координацию пространства и времени, в которой оживают образы прошлого. Эти образы не равны прошлому — память избирательна, она отсеивает мелкое и преходящее, оставляет ценное и вечное.

Вспоминая Н. А. Цаголова — Учителя, друга, близкого человека — я вижу настоящего ученого, искрометного жизнелюба, яркого борца, умевшего отстаивать свои убеждения. Его мысль с ее взлетами и падениями неповторимо отразила триумф и трагедию эпохи, в которую он жил. Она воплотилась в оставшихся после него книгах, как уникальный памятник интеллектуальных обретений и потерь. Его жизнелюбие отражало его неукротимый оптимизм, веру в жизнь, которые он пронес через все невзгоды. Его культ дружбы и родных отражал веру в людей и их предназначение быть счастливыми. Эта сторона его бурной натуры придала неповторимый поворот судьбам его учеников и близких, во многом повлияла на траекторию их жизни, по которой они идут и сейчас. Таким путем — через книги и наши судьбы — Николай Цаголов, рожденный эпохой Великой Революции, остается с нами всегда, «здесь и сейчас».

ЛИТЕРАТУРА

Альбац Е. (1992). Мина замедленного действия. Политический портрет КГБ СССР. М.: Русслит.

Брехт Б. (1972). Стихотворения. Рассказы. Пьесы. М.

Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. (1939). М., Госпланиздат.

Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. ПСС, т. 31.

Сталин И. В. Собр. соч., т. 12.

Сталин И. В. (1953). Экономические проблемы социализма в СССР. М.

Троцкий Л. (1991). Преданная революция. М., НИИ культуры.

Цаголов Н. А. (1956). Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права. М., Политиздат.

Чернышевский Н. Г. Очерки из политической экономии (по Миллю). Полн. собр. соч., т. IX.

Этингер Я. Я. (2001). Это невозможно забыть... М., изд. «Весь мир».

Dillard D. (1948). The Economic of John Maynard Keynes. London, Crosby Lockwood & Son LTD.

Skidelsky R. (1992). John Maynard Keynes. Vol. 2. M. Papermac.

Spulber N. (1967). Soviet Strategy for Economic Growth. Indiana university Press. Bloomington & London.

Глава III

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

Всегда выбирайте самый трудный
путь, там вы не встретите соперников.
Шарль де Голль

1. Легко ли быть теоретиком?

Как человек больших страстей, Цаголов всей силой своего убеждения и темперамента отдавался любимому делу. Он не любил половинчатых действий и недосказанности. Хотя Николай Александрович не вступал в прямой конфликт с властью, но в рамках существовавшей легальности проявлял такую неконформистскую смелость и решительность, которые нередко шокировали окружающих. Университетское начальство постоянно ожидало, что он может выкинуть какой-нибудь номер. Но его научный авторитет был столь значительным, а бескорыстная преданность делу столь подкупающей, что даже строгое начальство таяло перед ним, и ему прощали то, что не простили бы другому.

Основной страстью Николая Александровича, разумеется, была его профессия. Он был самозабвенно влюблен в политическую экономию и считал ее способной объяснить скрытые от глаз экономические процессы, протекающие, так сказать, в анатомии и физиологии человеческого общества, но при условии обладания адекватной научной методологией, основы которой находил в «Капитале» К. Маркса. Правда, должного понимания и признания эта методология не имела не только в западной, но и в советской литературе. Как там, так и здесь чаще пользовались *описательным* методом (в работах Цаголова он называется методом «систематизации фактов»), сводящим изучение экономических процессов к более или менее систематизированному отображению наблюдаемых явлений. На Западе этот метод (descriptivism) был обоснован П. Самуэльсоном и связывался с его именем, а у нас он применялся как нечто само собой разумеющееся. Что касается метода *инструментализма* (instrumentalism) Фридмена, ставящего целью пред-

сказать основные параметры экономического роста с целью принятия рациональных решений, то он широкого применения не имел и особого внимания не привлекал.

С точки зрения аналитических целей Цаголова ни тот, ни другой метод не могли рассматриваться как достаточно надежные способы теоретического объяснения происходящих процессов. Цаголов считал, что путем использования метода систематизации фактов и явлений советская политическая экономия может рисовать лишь поверхностную картину экономической действительности, доказательством чему послужил первый учебник по этой научной дисциплине. Инструментализм с его претензией предсказывать ход экономического развития также не мог служить цели проникновения в глубинные процессы экономики, поскольку неоклассической теории это удавалось как раз меньше всего.

Вообще же, когда на рубеже 50-х и 60-х годов Цаголов заговорил о необходимости более строгого методологического подхода к составлению учебника политической экономии, эта тема мало кого интересовала не только из числа советских, но и западных авторов. Некоторые работы на эту тему были в западной литературе (Robbins, L., 1932, Samuelson, P., 1947), но они не привлекали сколько-нибудь заметного внимания экономистов. Более серьезные методологические работы на Западе появились через полтора-два десятилетия после выхода «Курса политической экономии» под редакцией Н. А. Цаголова (Blaug M., 1980, p. XI).

Разумеется, значение методологии, называемой эпистемологией (теории познания), полностью признается на Западе. «Единственное, что характеризует научный подход, — пишет А. Эйхнер, — так это надежная эпистемология, или способ обоснования своих идей» (Eichner, 1983, p. 206–207). Однако как ранние, так и более поздние западные работы по методологии в основном посвящены анализу и оценке научных школ и отдельных исследований. Что касается затронутых ими общих вопросов познавательной методологии (Cognitive methodology), то при знакомстве с работами Маркса и Цаголова западные авторы нашли бы в них более полные ответы на многие из поднимаемых ими вопросов. Нам же остается с сожалением констатировать, что разделявшие ученых барьеры исключали плодотворный обмен идеями. Как видно, жертвой отсутствия должных контактов были не только мы, но и наши западные коллеги.

Они исходят из того, что методология науки как сфера утонченных ученых изысканий доступна лишь избранным и не может быть понятной учащейся молодежи, поэтому единственный «методологический материал», который обычно включается в учебники, состоит из простой

констатации во вводной части того, что есть позитивный и нормативный подход в понимании экономических проблем.

Цаголов на этот счет придерживался другого мнения. С его точки зрения, такая ссылка носит скорее формальный и отвлеченный, чем познавательный характер, поскольку не вооружает студента инструментом углубленного теоретического анализа. Поэтому он решил изменить эту традицию. Николай Александрович настаивал на том, чтобы путем методологического вооружения профессиональный экономист вводился в лабораторию теоретического анализа, и считал, что уровень его знаний значительно повышается, если весь круг проблем, входящих в предмет политической экономии, он(а) будет представлять в виде определенной и *единой системы взаимосвязей и взаимозависимостей.* Только системное знание экономических проблем (категорий), утверждал Цаголов, является подлинно научным.

Такую систему знаний, по его мнению, можно разработать на основе методологии, заложенной в «Капитале» К. Маркса. Преследуя задачу создания учебника, он организовал серию широких дискуссий по вопросу о том, как методология «Капитала» может быть использована для изучения социалистической экономики. Таким образом, Цаголов одним ударом убивал двух зайцев. Во-первых, пытался найти объяснение глубинной сущности социализма, многие аспекты которого в научном отношении оставались неясными. Во-вторых, путем перевода анализа социализма на примененную Марксом методологию освободить авторов нового учебника от сложившихся идеологических стереотипов и значительно расширить их творческую свободу для новых подходов и решений. Если есть методологические принципы, которых надо придерживаться при научном анализе, то можно отказываться от того, «что принято», и утверждать то, что из этих принципов вытекает. По существу, речь шла о замене идеологического подхода научным.

Разработка такой методологии, как мы намерены показать в настоящей главе, представляет собой непреходящий и фундаментальный вклад Цаголова в теоретическую науку, и это характеризует его как несомненного классика советской политической экономии. Тот факт, что при этом он опирался на методологию «Капитала» Маркса, не умаляет, а, наоборот, подчеркивает его собственный вклад. Во-первых, тем, что он дал оригинальную трактовку этой методологии; во-вторых, развил ее дальше и обогатил новыми положениями; в-третьих, творчески применил к созданию нового учебного курса.

Новаторство Цаголова в этом вопросе состоит в том, что он логически связал в учебном процессе сущность (внешне невидимое) изучае-

мых экономических явлений с их формой (видимым) и с помощью первого объяснил последнее. Там, где такую цель не преследуют, а считают внешнюю видимость явлений достаточной для понимания экономической действительности (экономикс), в такой методологии не нуждаются. Она требуется там, где не ограничиваются внешней видимостью картины, а пытаются найти скрытую за нею сущность и с ее помощью объяснить наблюдаемые явления жизни (политическая экономия). Поэтому в предлагаемой главе речь пойдет именно о ней.

Однако, чтобы по достоинству оценить вклад Цаголова, следует остановиться на том, что собой представляла советская политическая экономия до того, как он в 1957 г. занял должность заведующего кафедрой на экономическом факультете Московского университета и начал играть свою роль в этой области науки.

2. Советская политэкономия до Цаголова

В биографической части нашей книги уже говорилось о перерождении Советского государства в тоталитарное под флагом строительства «социализма в одной стране», в котором господствующее положение заняла бюрократия. Такая реальность находилась в вопиющем противоречии с первоначальным марксистским проектом создания системы широкого народовластия и обеспечения гражданам политических прав и свобод. Поэтому бюрократии требовалось и постепенно происходило преобразование марксизма-ленинизма в духе потребностей нового господствующего класса. В соответствии с такой необходимостью были разработаны и преподавались курсы истории советского общества (история КПСС) и философии.

В советских условиях политическая экономия, наряду с историей КПСС и философией (впоследствии к ним прибавился еще так называемый «научный коммунизм»), рассматривались, прежде всего, как инструменты идеологического воспитания людей, в особенности молодежи. Эти предметы как общеобразовательные входили в учебные программы всех высших учебных заведений независимо от их профиля и были обязательными для изучения и сдачи по ним экзаменов. Поэтому ЦК КПСС строго контролировал как содержание этих курсов, так и надлежащее их преподавание. В центральном аппарате ЦК для контроля над преподаванием каждой из этих дисциплин в отделе науки существовал свой сектор из 7–10 ответственных сотрудников. Необходимые со-

трудники были и Министерстве высшего и специального образования СССР, а также в местных органах власти. Их обязанность состояла в том, чтобы контролировать соответствие преподавания официально принятым программам, требованиям которых отвечали и утвержденные учебники по этим дисциплинам.

Было бы непростительным упрощением полагать, что содержание этих дисциплин состояло из одной идеологической «бурды». По каждому из этих предметов давался определенный объем значительно расширявших кругозор учащихся полезных сведений и знаний, причем коэффициент полезности знаний по философии или политической экономии был намного выше, чем по истории КПСС и научному коммунизму. Это объяснялось тем, что философия и политическая экономия существовали до и за пределами советской системы и имели независимый от нее богатый материал, и полностью отказаться от него было невозможно, в отличие от таких дисциплин, как история КПСС и научный коммунизм, первая из которых была изобретена и фальсифицирована Сталиным, а вторая — Хрущевым. Несмотря на такие различия и определенное позитивное содержание, разработка и преподавание указанных общественных наук в СССР во многом были подчинены идеологическим целям режима, доказательству превосходства социализма над капитализмом.

Чтобы снять существовавшие препятствия на этом пути, в годы формирования тоталитарного государства многие авторитетные историки, философы, экономисты были подвергнуты не только проработке и осуждению, но и арестам, а некоторые казнены за реальную или потенциальную неугодность режиму. Занимавшаяся общественными науками интеллектуальная площадка была полностью очищена от соперников, и на ней Сталин возвел три величественных монумента: Маркса, Энгельса и Ленина, чтобы рядом с ними по нумерации четвертым, а в действительности первым поставить себя. В результате при жизни он превратился в единственного и безгрешного толкователя марксистско-ленинского учения, в котором усматривалась теоретическая основа не только общественных, но и всех гуманитарных наук. При этом Сталин находил время и возможность вмешиваться (насколько компетентно, другой вопрос) в дела каждой из этих наук и определять их развитие.

Со временем такая задача встала и в области политической экономии. В связи с этим, как было показано в предыдущей главе, по инициативе Сталина Центральным Комитетом КПСС была организована дискуссия по политической экономии. По ее итогам Сталин вначале напи-

сал и разослал участникам дискуссии свои «Замечания», а затем дал ответы на поступившие к нему отдельные вопросы, которые он объединил и в 1952 г. выпустил в виде книжки под названием «Экономические проблемы социализма в СССР». В ней были подведены итоги дискуссии и расставлены все точки над i. На основе этого «бесценного» труда группе ученых, состоявшей в основном из сотрудников Академии наук СССР, было предложено написать популярный учебник политэкономии. Авторский коллектив был сформирован ЦК КПСС в составе лучших тогда экономистов страны — К. В. Островитянова, Д. Т. Шепилова, Л. А. Леонтьева, И. Д. Лаптева, И. И. Кузьминова, Л. М. Гатовского, П. Ф. Юдина, А. И. Пашкова, В. И. Переслегина. Им были созданы необходимые условия для работы, они были освобождены от всяких других обязанностей и поселены на время работы на отдельной правительственной даче. Работа завершилась выходом в 1954 г. учебника, значительную часть которого составила долгожданная политическая экономия социализма.

Необходимо учитывать, что в советских условиях официально принятый учебник по политической экономии был больше, чем учебник. Он становился (и стал) настольной библией для миллионов людей, которым по нему предстояло знакомиться с экономической теорией. Ввиду такой особой значимости им занималась вся советская элита, включая Сталина. Но этим были предопределены и идеологический характер, и отдаленность от научного содержания экономической теории, в особенности в той части учебника, которая была посвящена социалистической системе.

Если о неоклассической теории можно сказать, что она является утонченным и математически элегантным выражением самосознания буржуазии, то политическая экономия социализма представляла собой упрощенно-примитивное самосознание советской бюрократии. Поэтому она далеко не полностью отвечала требованиям научного анализа экономики и строилась по принципу противопоставления капитализму: там частная, а у нас общественная собственность; там стихийное, а у нас плановое хозяйство; там эксплуатация труда, а у нас свобода от эксплуатации и т. д. Во многом теория сводилась к такого рода декларативным противопоставлениям без особых доказательств.

Тем не менее, когда после того, как в 1956 г. Сталин был подвергнут критике, мантия его непогрешимости была отброшена и началась эра «хрущевской оттепели», открылась, хотя и ограниченная, но все-таки возможность изложить свой взгляд на политэкономию. Но оказалось, что привыкшим к неволе советским экономистам в теоретическом пла-

не сказать нечего. Начали выходить новые учебники с новыми авторами, но структурно и идейно они повторяли первый.

3. Сохранивший крылья

Исключением из этого правила стал вышедший в 1963 г. первым изданием (было еще два других) и переведенный на многие иностранные языки «Курс политической экономии», подготовленный в основном группой молодых тогда ученых экономического факультета Московского университета под руководством профессора Н. А. Цаголова. Их впоследствии стали называть «школой Московского университета» (или «школой Цаголова»).

Н. А. Цаголов, как отмечалось, был едва ли не самой яркой фигурой на тусклом небосклоне советской экономической мысли во второй половине XX века. Но только в период «хрущевской оттепели» он смог выйти из тени рядового сотрудника сектора истории экономической мысли Института экономики АН СССР, и с 1957 г. до конца жизни заведовал кафедрой политической экономии экономического факультета Московского университета. Новая обстановка и положение открывали новые возможности, и он решился заняться созданием альтернативного курса политической экономии.

Свой особый методологический подход к изучению экономических явлений, как было показано выше, Цаголов хотя и фрагментарно, но все-таки изложил в журнале «Под знаменем марксизма» еще в 1930 г. Но в то время такой подход, очевидно, не встретил понимания, а тем более не было возможности его реализовать. Около 30 лет идея была не востребована, пока «хрущевская оттепель» не вытащила Цаголова на авансцену экономической науки. Когда в 1958 г. заместитель министра высшего и среднего специального образования СССР Н. И. Мохов пригласил Н. А. Цаголова на разговор и предложил ему силами своей кафедры и всех других лиц, кого он пожелает привлечь, написать собственный вариант учебника политической экономии, то это было как раз то, о чем Николай Александрович всегда мечтал. Мохов также сообщил, что подобные же предложения делаются кафедрам Финансового и существовавшего тогда Экономического институтов с тем, чтобы общими усилиями добиться существенного прогресса в этой области.

Это была немыслимая в прошлом постановка вопроса. «Если мы хотим добиться прогресса в этой области, — в ответ заметил Цаголов, — то должно быть ясно, что в пределах существующих стереотипов до-

биться этого невозможно, а следовательно, рамки творческой свободы должны быть расширены». Заместитель министра охотно согласился с этим и заверил, что таково же мнение Центрального Комитета партии. «Учебник, — уточнил замминистра, — разумеется, должен быть марксистским, но в пределах марксизма вам предоставляется полная свобода». Эти условия устраивали Цаголова, который и не собирался писать его иначе, но как раз для этого нужна была такая свобода, пределы которой он хотел определять сам.

Окрыленный сделанным предложением Цаголов приступил к формированию авторского коллектива. Первая трудность состояла в отборе людей. Быть автором нового учебника в то время в СССР было большой привилегией. Каждый считал это за честь. Изложение накатанного набора догм, не представляя большой трудности (как сейчас — набора неоклассических постулатов), в то же время выделяло человека из общей массы преподавателей и давало ему более широкое общественное признание, поэтому очень многие считали себя достойными этой роли. Но Цаголов знал, что найдется очень мало людей, способных выполнить работу на задуманном им уровне. Он полагал, что на это скорее будут способны молодые сотрудники кафедры, сознание которых еще не обременено укоренившимися трафаретами, от которых — он это знал — придется отступить.

Когда осенью 1958 г. Н. А. Цаголов собрал первоначально намеченный им коллектив авторов нового учебника, то решил внести ясность в этот вопрос. Он сделал доклад о методологических принципах создания совершенно нового, альтернативного курса политической экономии. «Если мы не сможем это сделать, а напишем новый текст со старым содержанием, — говорил он, — то ради этого не стоит и огород городить. Многие другие в состоянии изложить не хуже нас известные вещи. Нам есть смысл писать учебник только в том случае, если мы способны сделать прорыв, который не могут осуществить другие. Есть ли у нас такая воля и способны ли мы на это? На этот вопрос можно ответить положительно при условии, что мы готовы работать засучив рукава и найдем новые подходы, привлечем новые материалы».

Пока сказанное звучало, как пафос, все соглашались. Тогда никто еще не представлял, что Цаголов задумал осуществить далеко идущий поход против основного течения (мейнстрима) советской политической экономии, возглавлявшегося тогда самыми признанными в то время учеными-экономистами Академии наук. Лишь позднее, когда коллектив ощутил, как нелегко грести против течения, он осознал смысл мно-

гократных предупреждений Николая Александровича о предстоящих трудностях.

Как сам учебник политической экономии, так и работу над ним Цаголов представлял совершенно иначе, чем было принято не только в СССР, но и за рубежом. О нашей традиции частично уже говорилось. Привыкшие к неволе советские экономисты не были способны думать иначе, как в рамках укоренившихся трафаретов. Они были похожи на птиц с отрезанными крыльями. Двери клетки приоткрылись перед ними, но единственное, что они смогли, это выползти оттуда. Летать они не умели и боялись, поэтому вышедшие вскоре новые учебники мало чем отличались от старого. Если в разделе о капитализме они еще содержали хотя и догматически изложенный (от догматизма никто из нас не был свободен), но все-таки научно добротный материал из «Капитала» К. Маркса, то раздел о социализме, который для нас был важнее всего, состоял из укоренившихся в сознании людей сталинских трафаретов и декларативных положений. Не было попыток осмыслить, что собой представляет построенное нами общество, каковы его противоречия и место в исторической перспективе.

В устных выступлениях в узкой среде существовавшую неудовлетворенность состоянием политической экономии Цаголов обычно отмечал в резких и ярко негативных выражениях, однако в печатном издании он это сделал в очень мягкой форме. «Голоса неудовлетворенности по поводу существующей системы политической экономии социализма, — писал он, — раздаются все чаще. Вновь и вновь поступают предложения по пересмотру схемы курса и программы политической экономии социализма... (Курс, 1963, т. 1, с. XVIII).

В то время никто не говорил о кризисе советского хозяйства, но после критики сталинской концепции социализма возникли теоретический вакуум, неясность относительно путей и форм нашего дальнейшего развития. Цаголов объяснял это тем, что наши знания о социализме являются фрагментарными, сложившимися под влиянием конъюнктурных обстоятельств и навязанных сверху субъективных представлений. Для того чтобы ответить на возникшие вопросы, утверждал он, прежде всего надо найти научное объяснение внутренних взаимосвязей между экономическими явлениями социализма, подобно тому, как это сделал Маркс в отношении капитализма.

Сложившееся к тому времени представление о социализме нашло свое выражение в существовавшем учебнике политической экономии, который, как отмечалось, был написан ведущими тогда учеными-экономистами Академии наук СССР. Проделанная ими работа по дос-

тоинству оценивалась Цаголовым. В этом учебнике, — писал он, — «по сути дела, осуществлен первый опыт создания системы политической экономии социализма, намечены ее границы, дана характеристика важнейших экономических законов социализма» (Курс, 1963, т. 1, с. VII). Тем не менее преподавание политической экономии на основе этого учебника, в особенности в части, посвященной социализму, оставляло чувство большой неудовлетворенности. Догматизм и декларативность, отсутствие в ней логики и аргументации, чем дальше, тем больше становились очевидными. Но такова была сила авторитета, который давил на всех, что никто не смел поднимать на него руку.

Единственным, кто это сделал, был Цаголов. На собрании сформированного им авторского коллектива он обстоятельно показал, что существующий учебник, составленный на основе расхожих и конъюнктурно сложившихся представлений о советском обществе, не обладает научной методологической основой, а потому и внутренней логикой, а следовательно, не воссоздает объективную картину системы реальных экономических отношений нашего общества. На страницах выпущенного под руководством Цаголова учебника эта мысль изложена в более принятой тогда редакции: «Основные недостатки существующей системы политической экономии, — говорится там, — обусловлены недостаточной связью теории с практикой социалистического и коммунистического строительства, сохранением элементов эмпирически-описательного подхода вместо поисков и вскрытия внутренних связей явлений. В значительной мере эти недостатки представляют собой наследие культа личности в политической экономии» (Курс, 1963, т. 1, с. XIX). В переводе на более простой язык это означало, что существовавшая тогда политическая экономия написана на основе сталинских и иных догматических представлений и не способна показать «внутренние связи» экономических явлений, а потому не может претендовать на нужную нам «систему научных знаний». По этой причине, утверждал он, учебник не отвечает требованиям качественного учебного курса. Заметим в скобках, что таким недостатком не в меньшей степени страдают современные учебники экономикс, на переписывание и издание которых набросились теперь многие ученые-экономисты. Они тоже составлены на основе односторонних представлений о капитализме одного миллиарда, игнорируя условия жизни остальных пяти миллиардов населения планеты. Мы уже не говорим о методологической основе доказательств при таком одностороннем подходе.

С уверенностью в своих интеллектуальных силах Цаголов приступил к работе над созданием нового учебника политической экономии.

Это должен был сделать коллектив кафедры политической экономии экономического факультета Московского университета. По советской традиции только высокое положение Цаголова в научном мире давало ему право в глазах властей и общественности руководить такой работой. В начальный период проходила общая дискуссия о том, каким должен быть учебник. Все должны были высказать все, что накопилось, и вдосталь наговориться и поспорить друг с другом. Цаголов не только никого не ограничивал, а, наоборот, провоцировал дискуссию. Сам же Николай Александрович, конечно, говорил больше всех. Он вообще не умел говорить коротко, ненавидел регламент и свое отношение к нему проявлял тем, что демонстрировал готовность любого слушать до конца. В оправдание этой своей позиции приводил слова Маяковского, что надо переработать тонну руды, чтобы извлечь один грамм радия.

Полученный в результате многочисленных дискуссий продукт составил «Курс политической экономии», состоящий из двух толстых томов, первый из которых посвящен капитализму и докапиталистическим формациям, а второй — социализму. Но это видимая часть айсберга, а ее невидимая часть, к сожалению, никем не была зафиксирована и лишь в какой-то мере сохранилась в памяти людей, из которых теперь мало кто остался в живых.

Между тем в свете прошедших лет и того, что произошло с нашей страной и наукой, вся эта, как нам казалось, лабораторная рутина, а вернее, все происходившее на творческой кухне под руководством выдающегося мастера наполнилось особым смыслом и значением. Сегодня, конечно, ясно, что во многом мы ошибались, потому что до конца не смогли освободиться от власти укоренившихся в нашем сознании догматических представлений. Очень жаль упущенного времени и того, что многие достижения западной экономической мысли не были нам доступны и не могли быть использованы в нашей работе. Тем более непростительно, что они не используются сейчас. Прежняя традиция конформизма, состоящая в движении по накатанной дороге, полностью сохранилась. Основная масса российских экономистов, работающих в области экономической теории, сегодня оказалась способной лишь на трансляцию того, что предписано извне и сверху, что теперь, впрочем, одно и то же. Сегодняшние теоретики, как две капли воды, похожи на своих двойников советского времени, они могут мыслить и писать только так, «как принято». Как тогда, так и сейчас большинство экономистов предпочитает плыть по течению, полагая, что принадлежность к большинству само по себе есть доказательство правоты.

Цаголов же был другим. Его неудовлетворенность состоянием политической экономии относилась не только к науке, но и к обществу, в котором отсутствовали элементарные предпосылки свободной и творческой работы. В соответствии с существовавшим тогда стереотипом он называет эти пороки «наследием культа личности». В то время — на рубеже 50-х и 60-х гг. — еще не говорили о «развитом социализме», а потому Цаголов воспринимал его недостатки как наследие неразвитости социализма, как он уточнял, его «латентного характера». «Тот факт, — говорил он, — что социализм победил в отсталой стране, не мог не наложить своего отпечатка на его физиономию. Тем более, что и буржуазные революции также прошли через диктатуру (Кромвеля в Англии, Бонапарта во Франции), и лишь позднее была установлена демократия». По такой же аналогии он рассматривал будущее социализма.

При всех недостатках советского режима Цаголов считал построенное в СССР общество эпохальным достижением мировой цивилизации. Если бы он был жив сегодня, то никак не согласился бы с расхожими теперь утверждениями, что многие страны последовали нашему примеру только под нажимом или же потому, что сошли с ума. Нет, утверждал бы Цаголов, социализм, даже в том порочном виде, в каком он существовал у нас, был и остается исторически необходимой альтернативой капитализму. Капитализм ввиду присущих ему глубоких пороков не может оставаться единственной и всеохватывающей системой общественно-экономического устройства. С этим убеждением Цаголова даже сегодня трудно не согласиться.

Если бы капитализм был таким совершенным, каким рисуют его апологеты, то он не вызвал бы две мировые войны с бесчисленными жертвами и страданиями народов, Великую депрессию и последующие спады в экономике, тяжесть которых переложена на плечи обреченных на вечное отставание народов. Видя нашу сегодняшнюю действительность, Николай Александрович, наверное, утверждал бы, что бездумный отказ от социализма вместо его совершенствования, отсутствие механизмов подлинной демократии обрекают нас на отставание, нищету и вымирание; социализм является для нас единственным шансом социального и экономического прогресса, выхода на уровень развитых стран.

Был бы в этом прав Цаголов или нет, пока сказать нельзя. Словесные споры на этот счет бессмысленны, на эти вопросы может ответить только история, а опыт Китая и результаты проведенных у нас рыночных реформ пока говорят в пользу правоты Николая Александровича. В ответ могут сказать, что «еще не вечер» и «цыплят по осени считают». Но когда-нибудь это время наступит, и станет ясно, ведет ли отказ от социализма к храму или, наоборот, еще дальше от него. Пока же про-

должим рассмотрение разработанной под руководством Цаголова методологии, тем более, что, как мы намерены показать, она имеет непреходящую научную ценность, поскольку пригодна для комплексного изучения любой общественно-экономической системы.

4. Политическая экономия и экономикс

Представления и требования Цаголова к написанию нового учебника разительно отличались не только от тех, которые сложились в СССР, но и тех, которые имелись на Западе. Р. Харрод в написанной им биографии Кейнса вспоминает, каким ограниченным представлял себе выдающийся английский ученый багаж экономических знаний, с которым, по его мнению, способный человек может легко справиться. Главное, наставлял Кейнс своих учеников, это применение экономических знаний на практике, а для этого «он рекомендовал молодым экономистам глубоко и хорошо знать Маршалла и ежедневно внимательно читать «Таймс», не слишком сильно обременяя себя большой массой современных публикаций в книжной форме» (Harrod, 1982, p. 324).

В Англии тогда были уверены, что основные, по крайней мере, теоретические решения содержатся у Маршалла. Э. Баумоль пишет, что «прибыв в 1946 г. в Лондонскую школу экономики в качестве начинающего студента, я вскоре обнаружил, что в Великобритании новые идеи зачастую наталкиваются на «кембриджский ответ»: «Но ведь все это есть у Маршалла» (Баумоль, 2001, с. 73). Всеобщая убежденность, что *некто* в состоянии дать ответы на все вопросы науки, не должна нас удивлять. Мы сами до недавнего времени страдали таким же догматизмом, были уверены, что такие ответы содержатся в работах Маркса. Удивительно другое. Каким обедненным представлял себе Кейнс теоретический арсенал экономической науки, если для овладения им считал достаточным знание Маршалла с комментариями Пигу.

Взгляды Цаголова на этот счет были совершенно иными. Он был поклонником классической традиции и развивал такое же широкое понимание предмета политической экономии, как отцы-основатели. Считал, что *политическая экономия изучает законы, управляющие производством, распределением, обменом и потреблением созданных трудом материальных и духовных благ.* При этом центральной для Цаголова, так же, как для отцов-основателей, была проблема создания и распределения *прибавочного продукта.* Политической экономией является та на-

ука, утверждал он, которая занимается, прежде всего, именно этим. Подобный подход он унаследовал от Смита, Рикардо, Маркса и Милля, без которых политическую экономию себе не представлял. Из числа русских экономистов Цаголов выше всех ставил Н. Г. Чернышевского, даже посвятил ему свою докторскую диссертацию, при том, что творчество Маркса, бесспорно, считал ни с чем не сравнимой вершиной достижений политической экономии.

К сожалению, в советский период мы все были мало знакомы с достижениями современной западной экономической мысли, а потому не могли пользоваться ее плодами. Но если бы Цаголов был знаком с теорией Сраффы, то обнаружил бы в ней подтверждение своих представлений. Возрождение классической традиции, как известно, нашло свое выражение в этой теории, в данном в ней анализе производства и распределения прибавочного продукта, взаимоотношений труда и капитала, обратной зависимости между прибылью и заработной платой. Для Цаголова эта было основной линией тех экономических (производственных) отношений между людьми, без которых он себе политическую экономию не представлял.

Отсюда его отношение к Маршаллу. Ему Цаголов не отводил такого высокого места, которое тот занимал в западной экономической мысли. Изменив угол зрения на экономические проблемы, Маршалл, по мнению Цаголова, совершил тяжкое грехопадение. Отказавшись от принятого отцами политической экономии названия науки, он, по существу, изменил также ее предмет. Вместо анализа экономических отношений между людьми Маршалл выдвинул в центр внимания науки функциональные зависимости технико-экономического характера, которые имеют значение, но которые до конца не объяснимы вне своей социальной сущности. Поэтому к маршаллианской режиссуре и выходящим с тех пор экономикс больше всего применимы слова Шумпетера, что они равноценны таким постановкам «Гамлета», в которых нет самого Принца Датского. В них отсутствует то главное, для изучения чего была создана политическая экономия, — *анализ экономических отношений по поводу производства и распределения общественного продукта.* И это потому, что с изменением названия свет прожектора экономикс охватывает не всю изучаемую площадь, не весь комплекс отношений между людьми, а только ту ее часть, где мы можем видеть лишь безличные вещественно-функциональные связи.

В соответствии с таким антиклассическим подходом исходной категорией экономической теории, а тем самым, по существу, предметом ее изучения Л. Роббинс предложил считать редкость. Саму дисциплину он

определил как науку об исследовании человеческого поведения в условиях ограниченности ресурсов и альтернативных возможностей их использования. Под редкостью же понимается ситуация постоянной нехватки доступных к использованию ресурсов, необходимых для удовлетворения имеющихся потребностей. В таком виде, т. е. как наука о рациональных способах использования ресурсов, с легкой руки Маршалла и Роббинса экономическая теория под названием неоклассической сформировалась в конце XIX и начале XX в. почти во всех капиталистических государствах.

Разницу между двумя направлениями экономической мысли Джоан Роббинсон формулировала следующим образом: «Главным занятием (предметом анализа — *С. Дз.*) экономистов-классиков, — писала она, — был процесс накопления капитала в капиталистической экономике и его отношение к распределению продукта отрасли между классами общества, в то время как неоклассики были сосредоточены на условиях равновесия в стационарном состоянии» (Joan Robinson. 1979, p. 48). Основные усилия неоклассической теории всегда были направлены на доказательство того, что стремление к равновесию есть внутреннее, по природе присущее ей свойство капиталистической экономики и, если не вмешиваться в нее, оставлять все, как есть, то все будет идти наилучшим образом. Само равновесие определялось как состояние полной гармонии и удовлетворения, когда отсутствуют причины к каким-либо изменениям. П. Самуэльсон и В. Нордхаус определяют равновесие как «состояние, когда экономический объект пребывает в покое, или когда силы, действующие на этот объект, уравновешивают друг друга, и поэтому какая-либо тенденция к изменению отсутствует» (Самуэльсон, Нордхаус, 1997, с. 792).

Цаголов считал, что утверждения о стремлении капитализма к равновесию не имеют под собой доказательной основы. Они исходят из двух ложных предпосылок. Во-первых, полной определенности будущего и точного знания агентами рынка всех процессов. Во-вторых, неизменно рационального характера всех принимаемых агентами рынка решений, исключающих иррациональность действий. Ни того, ни другого в реальности не бывает. Тем не менее Цаголов вместе с другими марксистами придерживался того мнения, что известное равновесие при капитализме достигается, но в той мере и тогда, когда соблюдаются *условия воспроизводства.* Соблюдение условий воспроизводства, или *пропорциональность,* есть марксистское название *равновесия.* Поэтому Цаголов признавал за капитализмом способность к достижению пропорциональности (равновесия), но только не постоянно, а время от времени. Более

того, он критиковал Сисмонди, который отрицал всякую возможность равновесия при капитализме ввиду бедности людей, а также Р. Люксембург, которая условием расширенного воспроизводства (равновесия), а следовательно, и реализации сверхстоимости (прибавочной стоимости) считала наличие «третьей силы», некапиталистической среды. (См. Курс, 1963, т. 1, с. 498). Имея в виду кризисный спад в экономике, Цаголов писал: «Кризис не делает невозможным капиталистическое расширенное воспроизводство, он есть необходимая форма его осуществления» (там же, с. 507).

Однако в соответствии с марксистской, но в противоположность неоклассической логике Цаголов доказывал, что капитализм по своей природе как раз стремится к нарушению равновесия (пропорциональности), и лишь кризисный спад вынуждает экономику восстановить равновесие (пропорциональность) и сделать возможным подъем, который по той же причине (стремления к нарушению равновесия) заканчивается новым спадом. Именно в силу чередования равновесия и неравновесия капиталистическое воспроизводство, утверждал он, носит цикличеcкий характер. По марксистской логике, если бы состояние было однообразным, то развитие было бы ровным и цикличности быть не могло.

К этой реальности капитализма, по его мнению, ближе всего подходили Кейнс и Гэлбрейт. Их-то Цаголов ставил выше остальных. Правда, его оценка так же, как и других советских экономистов, не была свободна от марксистской скованности. Имея в виду Кейнса и Гэлбрейта, он писал: «Как ни значительны их труды, как ни способствуют они *научному* пониманию *отдельных,* хотя и очень важных, процессов современного капитализма, но в них обходится коренной вопрос любого общественного способа производства — вопрос о способах соединения непосредственного производителя со средствами производства» (Цаголов, 1982, с. 153). В данном случае Цаголов изменял самому себе. В самой разной связи, шла ли речь о крупном ученом, например, о Рикардо, или скромной диссертации аспиранта, он тысячи раз говорил, что ученого надо ценить не по тому, чего он *не* сделал, а по тому, что он *сделал.*

Но когда дело касалось современных буржуазных экономистов, то Цаголов упрощал вопрос до утверждения, что апологетичность делает их теории ненаучными и вульгарными. «Большой круг явлений, подмеченных Дж. М. Кейнсом и Дж. К. Гэлбрейтом, — писал он, — систематизирован и обобщен с поразительной проницательностью. Несомненно, они оба выдающиеся деятели буржуазной науки эпохи государственно-монополистического капитализма. Но чем талантливее буржуазный ученый, чем смелее поворачивается лицом к фактам, тем более беспомощ-

ной становится система его политико-экономических воззрений, тем меньше он может увязать свое буржуазное мировоззрение с им самим обобщенными фактами, тем непосильнее для него задача создания *системы политической экономии*» (там же, с. 144).

В соответствии с марксистской догмой Цаголов слишком прямолинейно связывал научные взгляды ученого-экономиста с его классовой позицией. Воздавая должное, например, Кейнсу, за проницательный анализ механизма капиталистического воспроизводства, он в то же время писал, что «поставив под сомнение исходный символ веры буржуазной политической экономии, Дж. Кейнс считал, тем не менее, систему частного предпринимательства необходимой и обязательной основой экономической жизни общества» (там же, с. 145). С точки зрения Цаголова, система, связанная с эксплуатацией труда капиталом, есть такое зло, которое объективно мыслящий ученый не может не осуждать, а потому меру научности он определял степенью критического отношения к капитализму. Кейнс и Гэлбрейт выделены им в качестве лучших по этому критерию, они признавали внутреннюю неустойчивость капитализма. Но такой подход носит явно субъективный характер, и если его применить к самому Цаголову, то он сам оказывается за бортом науки. Ведь с точки зрения многих западных экономистов, включая Кейнса, советский социализм был не меньшим злом, и тогда Цаголов как сторонник социализма и плановой экономики не должен получать научного признания.

Здесь мне придется отступить от основной линии рассуждений и коснуться возможности адекватного понимания других концепций. Чисто литературный метод их изучения никогда не может быть достаточным. Цаголов был уверен, что знает *Общую теорию* Кейнса. Нередко аспиранты под его руководством писали диссертации по различным проблемам кейнсианства, тем не менее эта теория понималась им в рамках неоклассического синтеза Самуэльсона. Альтернативная сторона кейнсианства и калецкианства в отношении неоклассической теории не была ему известна. Это была не его вина, а общая наша беда. Мы жили в условиях изоляции от мира, и отсутствие живого контакта с коллегами и людьми своего масштаба никакими отрывочными литературными сведениями, да еще с плохим знанием языка, компенсировать было невозможно. Это в равной мере относится и к нашим западным коллегам, не знающим русского языка, не знакомым с нашей прошлой и настоящей экономикой и литературой, но, тем не менее, нередко берущимся нас поучать. По отмеченной причине сегодня досадно читать несостоятельную в основном критику Цаголовым Кейнса.

В этом отношении некоторым, хотя и слабым утешением для нас может служить то, что западная экономическая мысль по отмеченной причине и вследствие некритического отношения к капитализму не имеет особых достижений в теоретической области. Это признает даже такой бард капитализма, как Э. Баумоль. Подводя в конце XX в. итоги столетнему развитию экономической науки на маршаллианской основе, он писал, «что наибольший научный прогресс по сравнению с началом века можно обнаружить не в теоретических новациях, а в развитии эмпирических исследований и применении теоретических концепций к решению конкретных практических задач» (Баумоль, 2001, с. 80).

Разумеется, отмеченный Э. Баумолем ряд достижений в области эмпирических исследований имеет немаловажное значение и должен быть отнесен к активу экономической науки. Но не объясняется ли отсутствие решений по фундаментальным теоретическим проблемам тем, о чем говорилось выше, — переключением внимания науки от их социальной сущности к прикладной технико-экономической стороне? Весьма любопытно, в чем Э. Баумоль упрекает западных теоретиков экономического роста. Они, мол, не объясняют «необычайно высокие показатели экономического роста именно в тех странах, где существует капитализм» (там же, с. 83). То же самое советские власти требовали от нас — показа высоких темпов экономического роста вместо анализа и объяснения кризисных явлений советской экономики.

В связи с таким пониманием роли экономической науки возникает вопрос: состоит ли она в восхвалении режима и расписывании его достижений или ее предназначение в критической оценке и показе противоречий и кризисных явлений существующего строя в целях их устранения? Конечно, медицинская наука, например, может и, наверное, должна показывать преимущества здорового образа жизни и способы его достижения. Но велика ли будет ее ценность, если она ограничится лишь этим и не будет изучать болезни, рекомендуя способы их лечения? Между тем, по существу, именно это нам предлагают, когда вместо даваемого политической экономией анализа социальной сущности экономических явлений навязывают рассмотрение их технико-экономической стороны. Почему Маршалл, которого так увлекали потребительский излишек, квазирента и другие безобидные для капитализма вопросы, совершенно не уделял внимание проблеме безработицы? Неужели она меньше значима для людей?

Невнимание к проблеме занятости, во весь рост поднятой Кейнсом, надо рассматривать как плату за перенос центра внимания экономической теории от изучения социально-экономической к технико-экономи-

ческой стороне жизни общества. При сохранении прежнего названия — политической экономии — этого быть не могло, отношения труда и капитала не могли остаться без внимания. Разумеется, сохранение традиционного названия само по себе не могло быть гарантией научности дисциплины. Однако, настаивал Цаголов, оно является известной гарантией неразрывности связи с традицией классической политической экономии и верной ориентации аспекта изучения экономических проблем. Ниже речь пойдет о том, насколько это было верно или неверно. Пока же ответим на вопрос: почему экономисты социалистических стран держались за классическую традицию в то время, когда большинство их западных коллег (майнстрим) с такой легкостью от нее отказались?

Причина, на мой взгляд, в том, что неоклассическая ортодоксия считает капиталистическое общество совершенным, соответствующим неизменной природе человека. Она не видит в нем противоречий и конфликтов, которые бы угрожали его развитию и потому заслуживали бы изучения и преодоления. Наоборот, в соответствии с ней социальные отношения в капиталистическом обществе характеризуются гармоничностью, а экономика спонтанно стремится к равновесию и к траектории устойчивого роста. Если это так и все желанное достигается само собой, то анализ социальных отношений не представляет особого интереса. Если все благополучие общества зависит от рационального использования ресурсов, то логично, что задача науки состоит в изучении и разработке именно этой проблемы.

Что касается социалистических стран, то здесь не было такой успокоительной теории. Даже самые бездумные апологеты социализма не считали созданное общество совершенным, не говоря о тех, кто критически оценивал имевшийся опыт. Мы полагали, что пройден лишь самый трудный период нашего становления, а самое лучшее еще впереди, и для достижения лучшего будущего нужна политическая экономия в качестве научного средства анализа нашей действительности.

Но сделать политическую экономию социализма таким средством нам не удалось. В ней так же, как в современной неоклассической теории, преобладал восхваляющий стиль без должной критической оценки опыта развития. Увлеченные критикой капитализма, мы не замечали собственных упущений. Тем не менее политэкономия социализма исходила из того, что благополучие людей не может быть достигнуто, если развитие предоставить естественному ходу вещей. В таком случае одни люди неизбежно выступают в роли волков, а другие — овец. Все прошлое Цаголова, его мировосприятие было против принятия такой классовой и социальной противоположности в качестве естественного зако-

на жизни общества. Он был убежден, что мир можно и нужно изменить к лучшему, и политико-экономический анализ является одним из надежных интеллектуальных средств достижения этой цели.

5. Сколь важна методология?

Короткий ответ на вопрос о том, в чем состоит методология Цаголова, звучит, с одной стороны, банально, а с другой — довольно необычно: в *системном* подходе к изучению экономических явлений методом восхождения от абстрактного к конкретному. «Только в системе, — доказывал он, — по-настоящему познаются сущность, место, роль и тенденции развития каждого производственного отношения и создается научная основа сознательного воздействия на него» (Цаголов, 1982, с. 165).

Научный характер политической экономии, утверждал Цаголов, достигается путем *системного* изложения курса. «Даже в том случае, — писал он, — если все элементы системы уже имеются в науке, создание системы само по себе представляет значительный шаг вперед: не может быть подлинной науки без системы» (Цаголов, 1982, с. 164). «В чем сила интеллектуального обаяния К. Маркса, о котором говорил И. Шумпетер? — спрашивал он и отвечал: — В созданной им в «Капитале» *системе законов и категорий*, обладающей силой научного доказательства».

Маркса всегда высоко чтили в России. Неслучайно первый перевод «Капитала» был сделан на русский язык. Идеи этого произведения глубоко импонировали русскому интеллигенту, недовольному своей политической системой и жаждущему понять истинные причины тяжелой судьбы своего народа. После революции авторитет Маркса вырос до обожествления, чем он сам едва ли был бы доволен. Преподавание политической экономии, в особенности капитализма, целиком базировалось на «Капитале». Это имело достоинства и недостатки. Благодаря «Капиталу» советская школа давала самые глубокие теоретические знания свойств капитализма, но проигрывала по части современных и прикладных знаний. Что касается социализма, то здесь ситуация была намного хуже. Политическая экономия скользила по поверхности. Она не обладала адекватным методологическим инструментом, с помощью которого могла бы анализировать не только видимые, но и невидимые на поверхности свойства социализма.

Цаголов считал, что этого можно добиться путем применения к социализму методологии «Капитала». Методология с ее способностью представить все экономические явления и категории в виде определен-

ной системы была для Цаголова тем же, что и телескоп для Галилея. В изображении Б. Брехта Галилей подводил к своей трубе не верящих в его объяснение Вселенной и просил через нее посмотреть на небо и самим убедиться в верности его слов. Подобным же образом Цаголов предлагал не верящим в его теорию посмотреть на экономические явления сквозь призму его методологических принципов, чтобы убедиться, что они действительно находятся в системной зависимости друг от друга.

Опираясь на свой методологический подход, Цаголов занимал особую позицию в проходивших тогда в советской литературе дискуссиях о предмете политической экономии. Многие полагали, что причина отрыва политической экономии от нужд нашего практического развития состоит в неточном, слишком расплывчатом определении ее предмета. На этом основании одни предлагали уточнить существующее определение за счет включения в предмет производительных сил, а другие — экономической политики государства. В отношении первой группы оппонентов Цаголов говорил, что они ломятся в открытую дверь, так как экономические (производственные) отношения как предмет политической экономии являются не чем иным, как социальной формой производительных сил, и в этом качестве входят в предмет политической экономии. По этому поводу он писал: «Производственные отношения — *форма* развития производительных сил. Поэтому их анализ невозможен вне связи с развитием производительных сил. Анализ же самих производительных сил не может ни предшествовать анализу производственных отношений, ни следовать за ним. Экономические законы являются законами развития производительных сил, и именно в этом смысле политическая экономия изучает исторически меняющиеся способы производства как определенные единства формы и содержания» (Курс, 1963, т. 1, с. XIX).

Применительно к экономикс отличие усматривалось не в том, что экономикс изучает, а политическая экономия якобы не изучает технико-экономические взаимозависимости, а в том, что первый абстрагируется от их социальной формы и игнорирует ее, а вторая рассматривает технико-экономические связи в неразрывном единстве с их социальной формой. Что касается политики, то Цаголов всегда предпочитал держаться от нее подальше. Свою позицию публично мотивировал тем, что политическая экономия изучает устойчивые, непреходящие взаимосвязи между экономическими явлениями (экономические законы), в то время как политика изменчива, и ее включение в предмет запутывает картину и затрудняет проникновение в суть вещей. В частном порядке он говорил, что включение политики в предмет политической экономии обяжет нас оправдывать каждый чих наших правителей.

Под прожектором, направляющим свет теоретической мысли, Цаголов понимал не предмет, а метод. Имея в виду дискуссии о предмете политической экономии в советской литературе, он утверждал, что важно не то, как определен предмет, — при любом определении он остается одним и тем же, — а то, какая применяется методология для раскрытия предмета науки. «Вопрос о предмете политической экономии, — писал он в этой связи, — по существу, никакого отношения не имеет к вопросу о том, вскрывает данная школа сущность производственных отношений или она ограничивается систематизацией явлений. В обоих случаях предметом их изучения являются производственные отношения. Различие пролегает здесь не по линии предмета, а по линии метода и соответствующих результатов исследований. Нет разных предметов политической экономии. Есть разные истолкования явлений, которые связаны с отношениями людей по поводу процесса производства и воспроизводства их жизненных условий» (Цаголов, 1982, с. 143).

Мы потому по-разному истолковываем экономические явления, утверждал Цаголов, что пользуемся разными методами их изучения. Научный метод обязывает к соблюдению таких правил изучения и обобщения, который гарантирует получение более или менее верного результата. Но если результат предопределен заранее, то мало сказать, что метод не нужен, он просто мешает. Поэтому апологетическая цель несовместима с признанием независимого научного метода изучения экономических явлений.

Неоклассическую операцию по расчленению политической экономии и удалению ее социального компонента из предмета науки Цаголов рассматривал в свете такого подхода. «Разве можно сомневаться в том, — писал он, — что Самуэльсон, пожалуй, наиболее популярный политэконом современной Америки, создал безусловно апологетическую «Экономику»? Разве случайна замена термина «политическая экономия» так называемой «экономикс»? Это открытый отказ от задачи раскрытия сущности экономических явлений. В «экономикс» не должно быть внутренних связей между ее отдельными элементами. Это неприкрытый отказ от научных политико-экономических изысканий» (Цаголов, 1982, с. 453).

Та часть классического наследия, которая заключает социальный (политико-экономический) аспект изучаемых явлений, была выброшена из экономической теории не потому, что она не представляет научного интереса — еще как представляет! — но потому, что такой научный анализ смертельно опасен для безраздельного господства капитала как в

каждой отдельной стране, так и на мировой арене. Если бы это было не так, не раз высказывал он свою уверенность, то экономикс не понадобилось бы кастрировать классическую теорию, которая не случайно сложилась в восходящий период буржуазии, когда она была знаменоносцем прогресса и демократии.

Мы на собственном опыте также знали, как советский правящий класс предал забвению те марксистско-ленинские положения, которые представляли опасность для его господства. В этом смысле капиталистическая буржуазия ничем не лучше социалистической бюрократии. Каждому из них собственный интерес куда ближе и роднее, чем научная ценность абстрактной истины. Вот почему не отвечавшая интересам правящего класса капиталистических стран часть экономической теории была исключена, а осталась приемлемая с точки зрения его интересов технико-экономическая аксиоматика, узаконенная под названием «экономической теории» (экономикс).

В предисловии ко второму русскому изданию «Экономика» (Самуэльсон, Нордхаус, 1997, с. 31.) П. Самуэльсон сильно преувеличивает значение первого издания своей книги на русском языке (Самуэльсон, 1964), называя ее троянским конем, который якобы способствовал «падению командной экономики». На самом деле ничего подобного не было. Дело обстояло как раз обратно тому, как полагает знаменитый экономист. В популярном учебнике капитализм не столько объясняется, сколько оправдывается и восхваляется. К сожалению, этот в первую очередь бросающийся в глаза недостаток заслонил от нас несомненные методические и экономико-математические достоинства учебника, которые нам следовало принять.

Для Цаголова отказ от названия политической экономии и замена ее каким-либо другим названием были равносильны ее похоронам, что означало осиротить экономический строй в научно-теоретическом отношении. Место политической экономии среди экономических наук он определял точно так же, как место биологии среди сельскохозяйственных и медицинских, или физики среди технических наук, т. е. как фундаментальную теоретическую базу прикладных исследований. По поводу нередко высказывавшихся и тогда претензий, что каждая экономическая дисциплина сама разрабатывает свою теорию, Цаголов разъяснял, что в какой-то мере это верно. Однако, продолжал он, все экономические науки имеют некую фундаментальную основу, которая коренится в таких общих законах и зависимостях экономического строя, до которых может подниматься лишь такая теория, для которой материально-вещественные и функциональные зависимости являются выражени-

ем человеческих отношений. С этих позиций, полагал он, рассматриваемые отдельными экономическими науками проблемы получают более глубокую интерпретацию.

Отход неоклассической теории от традиции классической школы Цаголов считал отступлением от научности политической экономии. Трудовая теория стоимости (обмен товаров в соответствии с заключенным в нем общественно необходимым трудом) и эксплуатация труда капиталом (закон прибавочной стоимости) были для него основополагающими положениями, на которых держится все здание научной политической экономии. Если нет этой основы, то нет самого здания. Как уже отмечалось, научной он признавал лишь ту теорию, которая признает эксплуатацию труда капиталом. Для него это было такой же истиной, как вращение Земли вокруг Солнца или закон всемирного тяготения. Те, кто не признавал таких истин, по этой классификации попадали в разряд вульгарных экономистов, не объясняющих реалии экономической жизни, а наводящих туман на экономическую действительность в целях апологетики капитализма.

Развивая свою мысль в этом направлении, Цаголов утверждал, что в отличие, например, от меркантилистов и физиократов классическая школа смогла объяснить неизвестные до того стороны общественно-экономической жизни общества потому, что, во-первых, указала на производство как на сферу создания общественного продукта; во-вторых, рассматривала производство и распределение продукта как вещественное выражение общественно-экономических отношений между людьми. Реальность этого анализа классической школой, утверждал он, превратила политическую экономию в науку. Если бы этот анализ и сделанные на его основе выводы «Капитала» не были истинами особой ценности, открывающими невидимые до того стороны общественно-экономической жизни общества, то они бы никого не задевали и не вызывали бы особых страстей. Но положения классической, прежде всего марксистской политической экономии, стали заразительными потому, что пролили свет на реальные отношения между людьми, на то, как одни безжалостно эксплуатируют других, и тем самым задели социальные страсти различных классов и слоев. Если бы эти положения были не истинами, а заблуждениями, то заинтересовали бы очень немногих, они же захватили умы и сердца целых пластов различных поколений интеллектуалов высшего порядка, не говоря о миллионных массах населения во всех странах и частях мира. По этим причинам рано или поздно интеллектуальные защитники господствующих классов должны были ополчиться против вредоносной, с их точки зрения, теории. Вот почему

политическая экономия должна была стать и стала ареной острой идейной борьбы интеллектуальных школ и направлений.

Хотя Цаголов и проводил разницу между Маршаллом и Кейнсом, но она сглаживалась трафаретной марксистской оценкой их позиции по классовому критерию. Это не делает нам честь, но правду надо признавать. Хотя бывало и другое. Цаголов нередко в узком кругу допускал себе непозволительные у нас утверждения, чем немало смущал коллег. Иногда такое прорывалось у него и публично. Так, однажды на лекции, посвященной кейнсианской теории, он сказал студентам, что «восхищается тонкостью анализа Кейнса», чем немало смутил коллег. Буржуазных экономистов было принято только критиковать как идеологических наймитов капитала, и «восхищаться» ими по какому бы ни было поводу было нельзя. Но на счет Маршалла он никогда бы не сделал такой «ошибки». Что касается Кейнса, то Цаголов ставил его выше всех остальных, но также критиковал за апологетику капитализма.

6. Восхождение от абстрактного к конкретному

Образцом системного изложения отражающих экономическую реальность категорий Н. А. Цаголов, как отмечалось, считал «Капитал» К. Маркса. Во множестве устных и печатных выступлений он еще в 1930 г. дал неизвестную до этого интерпретацию методологии «Капитала», на которую тогда мало кто обратил внимания. Из «Науки логики» Гегеля, разъяснял Цаголов уже позднее, Маркс взял *метод восхождения от абстрактного к конкретному* и блестяще применил его в «Капитале» к анализу капитализма и созданию научной системы его экономических законов и категорий. Суть метода состоит в предварительном расчленении целого на части (разложения на элементы) с тем, чтобы затем, синтезируя свойства экономических явлений, логически последовательно двигаться от одной ступени анализа к другой.

Для понимания этого метода, наверное, следует прежде всего привести прямое высказывание самого Маркса. «Кажется правильным, — писал Маркс, — начинать с реального и конкретного, с действительных предпосылок, следовательно, например в политической экономии, с населения, которое есть основа и субъект всего общественного процесса производства. Между тем при ближайшем рассмотрении это оказывается ошибочным. Население — это абстракция, если я оставлю в стороне, например, классы, из которых оно состоит. Эти классы опять-таки пустой звук, если

я не знаю основ, на которых они покоятся, например, наемного труда, капитала и т. д. Эти последние предполагают обмен, разделение труда, цены и т. д. Капитал, например, — ничто без наемного труда, без стоимости, денег, цены и т. д. Таким образом, если бы я начал с населения, то это было бы хаотическое представление о целом, и только путем более близких определений я аналитически подходил бы ко все более простым понятиям: от конкретного, данного в представлении, ко все более тощим абстракциям, пока не пришел бы к простейшим определениям. Отсюда пришлось бы пуститься в обратный путь, пока я не пришел бы, наконец, снова к населению, но на этот раз не как к хаотическому представлению о целом, а как к богатой совокупности, с многочисленными определениями и отношениями» (Маркс и Энгельс. Соч., т. 12, с. 726).

«Обратный путь», на который Маркс предложил становиться исследователю после того, как он разложил изучаемое целое на его составные элементы, есть процесс последовательного восхождения от одной, более абстрактной ступени анализа к другой, более конкретной. Так Маркс представлял себе процесс познания и, как по лестнице, двигался по ее ступеням. Подобный «кружной путь», когда от непосредственно наблюдаемой действительности приходится отступать к чему-то самому простому и бедному содержанием, а оттуда начать обратное движение к тому, что более конкретно и очевидно, непосвященному может показаться искусственным осложнением, когда левое ухо пытаются достать через правое плечо. На самом деле, как показал Маркс, такой замысловатый путь к истине, оказывается, связан со сложностью изучаемого предмета.

Каждый из нас знает, что в течение многих тысяч лет, наблюдая восход и заход Солнца, люди думали, что Земля стоит на месте, а Солнце ежедневно проделывает путь с востока на запад. Такова видимая картина. Однако в действительности оказалось совсем наоборот. Почему? Потому что видимость и действительность не совпадают. Более того, чаще всего видимость настолько бывает непохожей на действительность, что вводит наблюдателя в заблуждение. Кажется одно, в то время как в действительности, как видно из только что приведенного примера, дело обстоит совсем иначе. Поэтому Маркс и говорил, что если бы сущность (невидимое) и явление (видимое) совпадали, то наука была бы излишней. Все было ясно само собой. В самом деле, если бы движение Земли вокруг Солнца можно было прямо наблюдать, то Коперник был бы не нужен, каждый сам себе был бы Коперником.

Экономическая действительность в этом отношении является самой сложной и противоречивой. К ней вполне применимо сравнение

с айсбергом, семь восьмых которого находится под водой. То, что мы прямо наблюдаем в экономической жизни, — это лишь видимая, надводная часть экономического айсберга, остальное скрыто под водой, причем для научного понимания картины именно эта часть важнее всего. Возьмем самый простой пример покупки товара. Если ограничиваться видимой стороной дела, то никаких загадок здесь нет. Между тем в научном отношении за актом продажи и покупки товара скрывается целый мир сложных проблем. Кто, на каких условиях произвел данный товар, каких усилий и труда стоило его производство, насколько цена соответствует этим усилиям и потребительским свойствам вещи, кому какая часть цены досталась по длинной цепочке от производителя до потребителя и т. д. Покупателя все это занимает мало, но науку интересует именно это.

Так, анализ капитализма Маркс начинает с анализа товара, потому что в этом самом распространенном и наблюдаемом явлении заключена внешне невидимая сущность, скрытая пружина товарного обмена, в рамках которого вырастает и функционирует капитализм. Но как туда заглянуть? Для этого Маркс использовал метод *теоретической абстракции,* с помощью которого выделил товар в качестве *исходной* категории, или, как он говорит, «экономической клеточки» капитализма, абстрагируясь на той ступени от осложняющих анализ конкретных обстоятельств. В предисловии к первому тому «Капитала» он объясняет свой метод таким образом, что «...при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции. Но товарная форма продукта труда, или форма стоимости товара, есть форма экономической клеточки буржуазного общества. Для непосвященного анализ ее покажется просто мудрствованием вокруг мелочей. И это действительно мелочи, но мелочи такого рода, с какими имеет дело, например, микроанатомия» (Маркс и Энгельс. Соч., т. 23, с. 6). Не только до того, как Цаголов предложил свою интерпретацию этой проблемы, но даже после того, как разработанная им методология получила воплощение в двух томах «Курса политической экономии», многие продолжали считать методологические рассуждения «мудрствованием вокруг мелочей» и не переставали хихикать по поводу поиска Цаголовым такой же «экономической клеточки» социализма как исходного пункта анализа его экономики (об этом ниже).

Справедливости ради надо отметить, что метод абстракции в политической экономии применялся как до Маркса, так и после него. Самой любимой абстракцией для теоретиков всегда было хозяйство Робинзона Крузо. Такой же абстракцией является и деревенская ярмарка

Вальраса. Но все они существенно отличаются от марксовой абстракции тем, что являются чисто умозрительными логическими конструкциями, только формами мысли, в то время как у Маркса она является определенным слепком объективной реальности (См. Ильенков, 1960. Вазюлин, 1968, с. 293).

Ближе других из западных экономистов к такому пониманию абстракции подошел Н. Кальдор (1908–1986) (Kaldor, 1963), введя понятие «стилизованных фактов». Этот подход выдающийся английский посткейнсианец противопоставляет неоклассическим теоретическим моделям, в которых считается, что предпосылки не важны, если на их основе достигается успешное предсказание. Кальдор считал, что главная задача науки — объяснение. В основе теоретической модели должны лежать не искусственные предпосылки, а факты реальности. Но последние не могут быть взяты в виде накопленных статистических данных, которые всегда фрагментарны и неполны. Кальдор полагает, что в основе теоретической модели должны лежать устойчиво повторяющиеся факты. «Стилизация» означает абстрагирование от случайностей и выделение более или менее постоянных черт процессов. Таким образом, в основе модели обычно лежит очищенный от искажающей и деформирующей конкретности слепок действительности.

Но полезность «стилизованных фактов» Кальдора ограничивается тем, что они способны лишь приблизить теоретическую модель к действительности, в то время как взятая из действительности абстракция Маркса содержит в себе генетический код развития и воспроизведения *всей экономической системы* путем движения от одной ступени анализа к другой, более конкретной. Достойно внимания и то, что знаменитый стандартный товар* П. Сраффы оказался такой же, как у Маркса, абстракцией, т. е. содержащей в себе в снятом виде явления более высокого порядка. Профессор Кембриджского университета Дж. Итуэлл пишет, что «...будучи абстракцией, стандартный товар представляет все существенные характеристики реальной организации производства и обладает тем преимуществом, что позволяет установить прямую связь меж-

* По мнению профессора Кембриджского университета Пьеро Сраффы (Сраффа, 1999), стандартный товар представляет собой «неизменную меру стоимости», не зависящую от изменений распределения. Сраффа показал, что при единой ставке зарплаты и нормы прибыли изменения в распределении между трудом и капиталом ведут к падению или росту цены в зависимости от пропорций труда и капитала в разных отраслях. Стандартный товар состоит из таких количеств продукции отраслей народного хозяйства, что получившиеся пропорции труда и капитала обеспечивают неизменность его стоимости при изменении распределения. Стоимостные величины, выраженные через данный товар как стандартную единицу измерения, не меняются с изменением соотношения ставки зарплаты и нормы прибыли.

ду прибавочным продуктом, берущим свое начало в производстве, и нормой прибыли» (Eatwell, 1974, p. 303).

Познавательное значение использованного в «Капитале» метода теоретической абстракции во всем его богатстве впервые раскрыл Цаголов. Он первым обратил наше вниманием на то, что метод Маркса состоит *в разработке системы понятий, которые выстраиваются в соответствии с определенной логикой, а именно по принципу движения от более общих и бедных содержанием (абстрактное) к более конкретным и богатым определениям.* Вслед за товаром — на следующей ступени анализа — Маркс рассматривает деньги, к которым относятся все изложенные до этого характеристики, но плюс к этому, говорит он, деньги обладают особым качеством — обмениваться на все другие товары. Именно в силу этого качества — способности обмениваться на все другие товары, быть всеобщим эквивалентом — какой-то из товаров становится деньгами. На следующей ступени анализируется капитал, к которому относится все сказанное до этого в отношении товара и денег, но плюс к ним капитал обладает еще другим свойством — приносить добавочные деньги. Именно это особое качество, по мнению Маркса, делает известную сумму денег капиталом.

Таким образом, начав с анализа товара как «экономической клеточки» капитализма, в которой заложен (запрограммирован) его генетический код, Маркс логически перешел к деньгам, а оттуда к капиталу, а точнее говоря, к проблеме отношения труда и капитала как *основному* отношению капитализма, выражаемому законом прибавочной стоимости. Все остальные отношения рассматриваются как более конкретные проявления этого основного.

Познавательное значение такого движения от одной логической ступени анализа к другой как в нашей, так и зарубежной экономической теории до Цаголова никем не было замечено и раскрыто в полной мере. Более того, такой путь движения к научному выводу многими считается «мудрствованием» вокруг излишних и осложняющих обстоятельств. Так, сравнивая данное К. Марксом решение проблемы цены и стоимости с тем, как оно сделано у П. Сраффы, Самуэльсон видит преимущество последнего в том, что из стоимости сразу выводится цена, в то время как Маркс проделывает длинный путь ступенчатого движения от стоимости к прибавочной стоимости, от нее к алгоритму трансформации и лишь затем выходит к объяснению цены производства и нормы прибыли. Самуэльсон назвал такой «длинный путь» излишним «осложняющим обходом» (Complicating Detour). Он полагает, что гораздо «экономнее» сразу перейти от стоимости к цене. С точки зрения Маркса, как раз,

наоборот, надо двигаться строго по логическим ступеням. По Марксу, именно стоимость и только она составляет основу прибавочной стоимости, которая должна быть логически выделена в качестве основной категории до и независимо от формы прибыли, которую она приобретает на более конкретном уровне хозяйствования, а потому ее и надо рассматривать на более конкретной ступени анализа. Маркс не «спешит» к тому выводу, к которому торопит его Самуэльсон, а подробно останавливается на анализе прибавочной стоимости, чтобы выяснить ее природу и происхождение, и лишь после этого показывает, как путем распределения прибавочной стоимости в конкурентной борьбе образуются прибыль и цена производства.

Приведенный пример является иллюстрацией отмеченного выше подхода Маркса. Желая объяснить прибыль и цену как видимые категории, он не сразу берется за них, как это делает вульгарная, с его точки зрения, теория, а предварительно выясняет их истоки — труд и стоимость, таким образом освобождаясь от искажающей суть дела видимости, что прибыль порождается капиталом, а цена формируется спросом и предложением. Если ограничиваться этой обманчивой видимостью, то для этого методология не нужна, это очевидно само по себе. Методология необходима для логически последовательного объяснения превращения одного экономического явления в другое и выхода на уровень конкретной действительности.

Как видно, более конкретная категория получается из более абстрактной путем обогащения дополнительными чертами. Понятия денег, рабочей силы и капитала, цены производства, прибыли, кредита и т. д. содержат черты товарного (рыночного) отношения, являются модификациями последнего, но к нему не сводятся. Каждая последующая категория оказывается богаче предыдущей. Мы, таким образом, получаем как бы лестницу понятий, каждая ступенька которой «шире» предшествующей. Добавляются они отнюдь не произвольно — каждое новое понятие формулируется в такой форме, в которой разрешается противоречие, заключенное в предыдущей категории.

Вся система научных понятий выстраивается в многоступенчатую лестницу восхождения от абстрактного к конкретному, от простого к сложному, от исходного к производному. Именно введение иерархии, субординации понятий позволяет содержательно, в рамках единой системы объяснять, как сущность явления связана с теми его проявлениями, которые находятся на поверхности экономических процессов.

7. Иерархия в системе экономических отношений

Марксовый метод логического синтеза, когда от одной ступени анализа поднимаются до другой и таким образом воссоздается система экономических отношений (категорий), Цаголов существенно дополнил обоснованием определенной субординации между ними, имея в виду использовать такой же подход для объяснения зависимости между экономическими отношениями и категориями социализма. Только субординация между экономическими явлениями, утверждал он, способна вскрыть внутренние связи, которые существуют в каждой экономической системе. «Вскрытие внутренних связей и явлений, — писал он, — и есть способ раскрытия сущности, открытие законов экономической жизни. Решение этой задачи требует выяснения соподчинения явлений, определения исходных и производных отношений, глубинных и поверхностных категорий» (Курс, 1963, т. 1, с. XVIII). Мы ниже покажем, как этот подход применялся к социализму. Здесь же пока отметим его применение к капитализму, где разграничились три группы экономических отношений и категорий.

Исходное отношение — товар и заключенная в нем стоимость, представляющее собой логическую и историческую предпосылку последующего анализа.

Основное отношение — капитал и заключенные в нем отношения труда и капитала, выражаемые законом прибавочной стоимости как основным мотивом хозяйственной деятельности.

Производные отношения, представляющие собой многообразные конкретные формы проявления основного отношения. То обстоятельство, что известная группа отношений является формой проявления основного, не делает их менее значимыми, как не исключает их обратного воздействия на то, что признается в качестве основного, или друг на друга. В частности, большая группа отношений, названных производными, сама «размещается» по этажам теоретического анализа по тем же правилам логической зависимости, т. е. движения от более абстрактных проблем к более конкретным. Например, в таблицах воспроизводства были заложены принципиальные решения предполагавшейся в последующем теории экономического роста, разработать которую, как и многое другое, Маркс не успел.

Мы, разумеется, не можем знать весь круг конкретных вопросов, которые Маркс рассмотрел бы, и какие решения по ним предложил, если бы ему удалось завершить свой бессмертный труд. Но если мы призна-

ем, что он пользовался плодотворной научной методологией, то она может быть использована также для изучения социализма, и мы можем понять еще и этот общественный строй так же адекватно, как мы понимаем капитализм с помощью марксовой методологии.

Однако, при всей логичности такого подхода, понимание Цаголова натолкнулось на большие трудности. Коса сталинских репрессий 30-х годов не обошла отечественную экономическую науку. Ее лучшие силы были ликвидированы во время трагических чисток, а оставшиеся подчинялись идущим сверху догматическим установкам, которые со временем приняли непререкаемый характер. Поэтому, когда было предложено что-то новое, идущее не сверху, то основная масса работников нашего цеха была шокирована, и не зная, чем все это кончится, одни заняли выжидательную, а другие позицию прямо-таки враждебного неприятия. Наш коллектив во главе с Цаголовым оказался в общем-то одиноким в своем желании найти надежный методологический инструмент научного анализа социализма.

На нашем пути встал, прежде всего, предрассудок об общественной собственности как якобы самой главной, сущностной характеристике, автоматически определяющей непременно благоприятную природу всех экономических категорий социализма и не оставлявшей место для независимых и объективных суждений о них. Цаголов предложил отказаться от такого господствовавшего тогда представления. Чтобы снять эту искусственно возведенную на пути объективного анализа преграду, мы с помощью марксовой методологии доказывали, что природа собственности определяется не названием, а ее экономическим содержанием, которое находит свое выражение во всей системе экономических отношений (проблем), а потому ее нельзя свести к чему-то раз и навсегда данному. Если так, то мы не могли, как это было принято, начинать рассмотрение экономики социализма с общественной собственности и использовать ее в качестве подходящего ко всем случаям ключа для объяснения всех остальных вопросов. В соответствии с марксовой методологией мы предложили разложить систему социалистической собственности на ее составные элементы (отдельные проблемы), установить между ними определенную субординацию и изучать их по показанной выше системной логике.

При этом весьма любопытно отметить одно обстоятельство. Методология Маркса не была понятна не только сталинскому поколению советских экономистов, но и не подвергшимся никакой политической чистке западным экономистам. Мимо этого не следует проходить. В то время как различные поколения русских исследователей в прошлом,

подобно нам, рассматривали примененную Марксом методологию экономического анализа в качестве его основного научного достижения, наши западные коллеги этого либо вообще не замечали (Blaug, 1982), либо ограничивались на этот счет поверхностным рассуждениями.

В этом отношении весьма показателен Шумпетер, написавший объемистый труд, специально посвященный истории экономического анализа. Отметив, что Маркс является «настоящим источником интеллектуального очарования» (Шумпетер, 2001, с. 504), он на 1200 страницах сказал о нем немало похвального и критического, относительно же методологии Маркса ограничился поверхностными замечаниями, весьма далекими от ее подлинного смысла. Это в особенности относится к имеющему гегельянские корни философскому подтексту марксовой методологии. Подобно другим западным авторам, Шумпетер не увидел в этом ничего другого, кроме того, что Марксу «доставляли удовольствие те формальные аналогии, которые можно было обнаружить между его аргументацией и гегельянской. Ему нравилось подтверждать и использовать гегельянскую фразеологию. Но это, в общем-то, и все. Нигде не изменил он позитивной науке ради метафизики. Именно об этом он говорит сам в предисловии ко второму изданию первого тома «Капитала». (Шумпетер, 1995, с. 40.) Между тем, если внимательно прочитать указанное предисловие, то можно заметить, что Маркс отказывается лишь от идеалистического понимания философских категорий. Соглашаясь с трактовкой своего метода русским издателем «Капитала», он полностью подтверждает свою верность гегельянскому диалектическому методу.

Мы склонны усматривать причину таких разночтений в отношении марксовой методологии западными и русскими авторами в различиях мировоззренческого восприятия действительности. Очевидно, западное прагматическое мышление склонно сводить познание экономической действительности к установлению количественных, функциональных зависимостей и отдает предпочтение позитивной стороне марксовой теории, а его методологию оценивает как лишенную смысла метафизику. А склонное к целостному восприятию мира русское сознание превыше всего оценило именно такой подход Маркса к экономическому анализу. Едва ли случайно, что ни с кем Маркс так единодушно не соглашался, как с Зибером, первым русским издателем и толкователем своего метода. Приведя длинную цитату с его разъяснением, он в указанном предисловии пишет: «Автор, описав так удачно то, что он называет моим действительным методом, и отнесшись так благосклонно к моим личным приемам применения этого метода,

тем самым описал не что иное, как диалектический метод» (Маркс и Энгельс, Соч., т. 23, с. 21). Далее он сам разъясняет отличие своего метода от гегелевского, подчеркивая, что для него (Маркса) идеальное, т. е. отраженное в науке есть не что иное, как материальное, т. е. существующее в действительности, но «пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» (там же). Методология «Капитала», как ее восприняли различные поколения русских экономистов, представляет собой, таким образом, способ преобразования экономической реальности в человеческом сознании в соответствии с законами логического мышления, представляющий ее в виде определенной системы взаимосвязанных элементов.

Здесь можно провести аналогию, сравнив работу фотографа и живописца. Первый несравненно точнее и полнее передает конкретные детали предмета или человека, точно фиксируя все их многообразие в какой-то определенной точке пространства и времени. Однако даже художественная фотография не достигает выразительности хорошего портрета. Неотразимая сила притягательности художественного полотна состоит в том, что под пером талантливого живописца оживает внутренняя сущность предмета или человека. Незаметная поверхностному наблюдателю, она является не выдумкой, а реальностью, просто более глубокой внутренней, а не внешней характеристикой. В этом смысле работа художника сродни научному анализу, он опускает одни черты реальности, подчеркивает другие, едва намечает третьи, и нас вдруг завораживает неожиданная гармония красок, игра теней, соотношение форм, заставляя увидеть в казалось бы привычном то, чего мы раньше не замечали. Если живопись называют «умозрением в красках», то подлинная система научных понятий — это своеобразный логический рисунок. В нем опущены случайные детали реальности, но лишь для того, чтобы лучше оттенить ее значимые черты, которые образуют ступени восхождения от простого к сложному. В результате под пером талантливого мыслителя появляется логическая картина мира, воссоздающая скрытую сущность окружающей повседневности.

В чем видел Цаголов преимущество такой методологии? В том, что она позволяет увязать в единую систему невидимые (абстрактные) и видимые (конкретные) стороны экономической действительности. Немарксистские концепции таким инструментом не располагают. Используемый ими метод сводится к соединению трех стадий сбора и обработки данных. На первой собираются факты и данные, на второй выдвигается рабочая гипотеза, а на третьей она тестируется с помощью эксперимента (Boland, 1998, p. 455–458).

Несмотря на кажущуюся логичность этого метода, нетрудно заметить, что он исходит из прямой связи теории (гипотезы) и непосредственно наблюдаемых фактов, в то время как метод Маркса — Цаголова, как отмечалось, исходит из того, что непосредственно наблюдаемые явления обманчивы, и прежде чем делать окончательный вывод, надо докапываться до их корней. Не было, например, большего числа фактов, чем ежедневные восходы и заходы Солнца, а выдвинутая на их основе гипотеза Птолемея оказалась неверной. Почему? Потому что верное положение прямо не вытекает из количества фактов, оно бывает результатом логического осмысления изучаемого явления. То же самое мы видим и в экономике. Так, покупателя прежде всего интересуют полезные свойства товара. На этом основании неоклассическая теория выдвигает гипотезу, что его цена определяется полезностью. А как быть с затратами, которые должна возмещать цена? Ведь при продаже товара они не видны и покупатель ими не интересуется, а производитель без них обойтись не может. Выходит, что цену необходимо соотносить не только с полезностью товара, но и с затратами, необходимыми для его производства. Видимость одна, а действительность другая. Экономика вся состоит из таких переплетений видимого с невидимым.

Поэтому марксова методология считает, что не все стадии анализа одинаково подтверждаются опытом (верификацией), если под этим понимать экспериментальное подтверждение. Критерием истины, несомненно, служит практика, но такой истиной является конечный вывод, сделанный на уровне конкретного анализа. Так, например, более высокие темпы экономического роста и сближение уровня производства ВВП на душу населения в СССР с развитыми странами рассматривались нами в прошлом как доказательство преимуществ планового ведения хозяйства. По той же логике наше растущее отставание от развитых стран сегодня может рассматриваться как порочность рыночного ведения хозяйства в наших условиях. Но такой практический критерий применим к выводам, которые делаются на конкретном уровне. Что касается положений, которые выдвигаются на абстрактном уровне, то в прошлом они делались скорее по интуиции, чем методом строгого доказательства. Однако широкое использование математики в экономике открыло перед теоретической наукой новые возможности, и экономико-математическое моделирование теперь активно служит также целям анализа на абстрактном уровне.

Несомненно, что экспериментальное подтверждение научного вывода является показателем его верности. Но это относится к выводу, сделанному на конкретном уровне. Что касается абстрактных положений,

то их едва ли можно подтвердить или опровергнуть экспериментально. Только логически последовательное движение может привести к тому конкретному выводу, который поддается экспериментальной проверке. Между видимостью и действительностью есть ряд промежуточных ступеней, мосты между которыми могут быть установлены лишь логическим путем.

8. С чего начинается социализм?

В соответствии с методологией Маркса — Цаголова особое значение для анализа социализма имела проблема его исходного отношения (исходного пункта). Если социализм является такой же закономерно функционирующей системой, как капитализм, утверждал Цаголов, то у него также должна быть своя внутренняя логика. В чем она состоит и каким образом развертывается именно в социалистическую, а не в какую-либо иную систему? Политическая экономия, по мнению Цаголова, может быть признана научной теорией, если она в состоянии ответить на этот и другие подобные вопросы.

Такой подход был тогда совершенно новым. Он означал, что экономику социализма надо рассматривать не в соответствии с устоявшими партийными догмами в виде определенного набора постулатов, а в соответствии с мало кому понятной до тех пор логикой. Непререкаемым постулатом, стоявшим на пути логически выдержанного анализа, было такое понимание общественной собственности, когда ее рассматривали как нечто отдельное от других категорий и автоматически определявшее все остальное.

Поэтому с вопроса о собственности начинались все учебники. Того же требовали все существовавшие программы по политической экономии. Цаголов пошел против этого укоренившегося представления. Он утверждал, что форма собственности (частная или общественная) является выражением ее юридической стороны, а экономическое содержание собственности заключено во всей гамме реальных экономических отношений. Понятия же политической экономии отвечают на вопрос о том, что собой представляет данная форма собственности, только взятые во всей своей совокупности. Если пользоваться известным понятием Коуза относительно «пучка собственности», то, по Цаголову, экономические категории являются их реальным выражением. Поэтому для их изучения, говорил он, надо отыскать то исходное, которое связывает их в единую систему.

Общая характеристика общественной собственности не может выступать в этом качестве, поскольку она является собирательной, а потому сразу приходится касаться многого вместо того, чтобы говорить о чем-то определенном. Конечно, говорил Цаголов, по педагогическим соображениям возможны любые приемы, в том числе такой, когда изложение предмета начинается с какой-то общей характеристики. Другое дело, когда речь идет о создании научной *системы*. В таком случае, продолжал он, надо придерживаться строгих правил логического мышления, согласно которым общая характеристика социализма ничего не объясняет. Научный анализ социализма, по его утверждению, предполагает разложение собственности на составные элементы, выделение среди них исходного, основного и производного, и этот последовательный анализ должен показать, что собой представляет тот общественный строй, в котором господствует общественная собственность.

Такой подход, с одной стороны, многим казался неприемлемым, поскольку противоречил сложившимся канонам, а, с другой, против него было трудно возражать, поскольку Цаголов опирался на главное произведение марксизма, каковым считался «Капитал» К. Маркса. Поэтому основной аргумент, который выдвигался против цаголовской концепции, состоял в механическом характере применения метода Маркса к социализму. Утверждалось, что социализм настолько глубоко отличается от капитализма, что метод «Капитала» к нему неприменим.

Этот аргумент, говорил Цаголов, был бы верным в том случае, если бы речь шла о слепом копировании логики Маркса, и мы, так же, как он, вначале рассматривали товарное отношение, оттуда выводили деньги, а оттуда капитал и т. д. Но ведь ничего подобного нет. Мы берем не конкретную логику Маркса, а его метод, который на то и метод, что годится не только для одного, но для всех других случаев системно-логического анализа общественно-экономического строя.

Как определить ту внутреннюю логику, спрашивал Цаголов, по которой функционирует социалистическая система? На этот вопрос он отвечал следующим образом: путем вычленения из всей гаммы отношений той специфической черты или свойства социализма, которое, будучи отличным от других, имеет такое *особое* содержание, благодаря которому связывает все остальные в единую систему и дает ключ к пониманию функционирования ее общественно-экономического механизма. Такой исходной чертой, или свойством, накладывающим свою печать на функционирование всех остальных отношений и категорий социализма, по мнению Цаголова, выступал *планомерный характер его экономического развития*. Метод на то и метод, продолжал он, что позволяет определить взаимо-

связь экономических отношений и категорий, а для этого прежде всего надо определить его исходное свойство и на этой основе начать его логически последовательный анализ. Метод позволил Марксу в таком качестве определить товарные (рыночные) отношения, на базе и в рамках которых возникает и существует то, что мы называем *основным*, — закон прибавочной стоимости. Итак, рыночные отношения являются предпосылкой (исходным), а возникающие на их основе отношения эксплуатации, выражаемые законом прибавочной стоимости, являются основными.

Такая же логика, по мнению Цаголова, применима к объяснению социализма. В отличие от капитализма социализм вырастает не из рыночных отношений, а из крупного капиталистического производства, практикующего сознательное (т. е. планомерное) регулирование экономики вначале в рамках корпораций, а затем даже в общегосударственном масштабе. Социализм, утверждал Цаголов, начинается с того, чего достигает капитализм, т. е. с зарождающейся в недрах капитализма планомерной формы как антитезы капитализма. Социализм только принимает эту эстафету и кладет планомерность в основу ведения общественного хозяйства в общенациональном масштабе с единым центром управления экономикой. В таком качестве она возникает как предпосылка, позволяющая подчинить всю экономику цели прямого удовлетворения потребностей человека. Таким образом, мы здесь также сталкиваемся с тем, что является предпосылкой (исходным) для того, что мы называем основным, или целью экономики — удовлетворением потребностей человека. В данном случае мы не отвлекаемся на то, насколько полно эти потребности удовлетворялись в нашем обществе, а только рассматриваем логическую связь между исходным (планомерность) и основным (цель производства), подчеркивая, что последнее возможно лишь на базе первого.

Итак, применение методологии «Капитала» к социализму, по мнению Цаголова, позволяет определить *планомерность* как его исходное, цементирующее начало всех экономических отношений и позволяющее двигаться по строгой логике от исходного к основному и от него ко всем остальным. По его мнению, как рынок характеризует специфику капитализма, так и планомерность характеризует специфику социализма.

Подобное решение Цаголова чрезвычайно обострило всегда дискутировавшийся в советской литературе вопрос о роли товарно-денежных отношений (марксистский эвфемизм рыночных механизмов) при социализме. Вслед за Марксом и донэповским Лениным (после НЭПа Ленин изменил свою точку зрения), целый ряд советских экономистов (Н. Хессин, И. Малышев, А. Кудрявцев, В. Соболь, А. Кац, М. Осадько, И. Козодоев и др.) стоял на позиции несовместимости социализма с рынком и

полную его замену планом считал благом. Еще более значительный по количеству и весу в науке ряд экономистов (К. Островитянов, Л. Леонтьев, Я. Кронрод, А. Бирман, Е. Либерман, Г. Лисичкин и др.) не только считал социализм совместимым с рынком, но принял выдвинутый Сталиным тезис о том, что у нас есть «товарное производство особого рода», которое в силу своего планового характера превосходит капиталистическую рыночную экономку. Они считали рынок благом и выступали за широкое использование его механизмов под флагом того, что социализм создает для этого лучшие возможности, чем капитализм.

Положение Цаголова в этом споре было довольно сложным, поскольку среди 30 профессоров, доцентов и ассистентов кафедры (не говоря о входивших в ее полный состав стажеров, соискателей и аспирантов в количестве 120 человек) были люди, которые придерживались как отмеченных, так и других позиций. Работники кафедры придерживались трех различных точек зрения. Первую группу составляли так называемые «антитоварники» (Н. Хессин, М. Осадько, И. Козодоев, Ю. Толыпин и др.), которые утверждали, что рынок несовместим с социализмом, и предлагали полностью ориентироваться на плановые методы ведения хозяйства. Вторую группу составляли так называемые «товарники» (Ф. Волков, Е. Городецкий, С. Дзарасов, Э. Дунаев, В. Черковец, В. Шкредов, В. Ягодкин и др.), которые считали социализм совместимым с рынком и признавали необходимость использования рыночных механизмов в целях повышения эффективности хозяйственных решений. Цаголов принадлежал ко второй группе, но вполне терпимо относился также и к первой. Он умел создавать такую обстановку, чтобы представители различных точек зрения не только мирно уживались в рамках одного коллектива, но и вели интересные для обеих сторон и плодотворные творческие дискуссии. Единственное, чего он не переносил и пресекал, это переход на личные нападки и интриги друг против друг друга.

Что касается продуктивной научной дискуссии, то такую форму обсуждения он всячески поощрял и сам принимал в ней деятельное участие. В ходе инициированных им диспутов на тему о роли плана и рынка, не говоря о множестве других, материалы которых были опубликованы в виде отдельных работ* или даже остались неопубликованными, Цаголов отстаивал свою точку зрения.

---

* См. Закон стоимости и его роль при социализме, 1959. Земельная рента в социалистическом сельском хозяйстве, 1959. Развитие колхозной собственности в период развернутого строительства коммунизма, 1961. Товарно-денежные отношения в системе планомерно организованного социалистического производства, 1971. Научные основы управления социалистическим производством, 1972. Экономика. «Капитал» К. Маркса и проблемы современного капитализма», 1968. Метод «Капитала» и вопросы политической экономии социализма, 1968.

Отнюдь не своей властью, а силой убеждения и доказательств Цаголов в конечном счете добился признания своей точки зрения и включения ее в учебник. Коротко она состояла в следующем. Социализм не может обходится как без плана, так и без рынка. У нас есть как одно, так и другое. Поэтому спор о совместимости лишен смысла, его решила сама история. Что касается их соотношения, то его надо решать в зависимости от того, что мы считаем сущностью социализма. Если она товарная (рыночная), как говорят «товарники», то оттуда прямая дорога к капитализму, ибо самая глубокая сущность капитализма заключена в товарных (рыночных) отношениях, из которых капитализм возникает как исторически, так и логически. Если же сущность социализма состоит в планомерности, — а двух сущностей не бывает, — то основным для совершенствования социализма надо признать наиболее полную опору на планомерность и укрепление этого начала путем нахождения оптимального соотношения между планом и рынком. При этом, указывал Цаголов, сущностное начало социализма (планомерность) является главным, а унаследованная от прошлого форма ведения хозяйства (рынок) — подчиненным фактором. Отсюда название книги, где подведены итоги состоявшейся на эту тему дискуссии *«Товарно-денежные отношения в системе планомерно организованного социалистического производства»*. Благом для социализма Цаголов считал не отказ от рынка, а его подчиненность плану там, где он (план) без помощи рыночных механизмов обойтись не может.

Такой считалась сфера предприятий как товаропроизводителей, стимулирования труда и хозяйственной деятельности, или, как сказали бы сегодня, микроэкономики. Разграничение двух сфер ведения хозяйства — централизованного планирования и хозяйственной самостоятельности предприятий (фирм) и нахождение оптимального сочетания между ними занимает центральное место в цаголовской модели социализма. Моя собственная докторская диссертация на эту тему была защищена на ученом совете экономического факультета Московского университета в 1969 г. В полном соответствии с этой концепцией я рассматривал социалистическое предприятие как товаропроизводителя, у которого есть особый, отличный от общества интерес, заключающийся в получении прибыли. На этом основании я обосновывал необходимость расширения самостоятельности предприятий и более широкого принятия и использования рыночных механизмов и категорий, прежде всего прибыли. Озабоченный необходимостью демократизации общества и управления экономикой, я, так же, как Цаголов и другие мои коллеги, в то время не мог допустить и мысли, что несметные богатства страны, о более эффективном использовании которых мы пеклись, во мраке ре-

форм будут переданы криминальным элементам, а создавший их народ покорно пойдет по пути своего обнищания и вымирания.

Хотя постигшую нас судьбу не предвидел никто, всю серьезность вопроса, обусловленную глубоким кризисом нашей системы, в той или иной степени чувствовали и понимали многие. Проблема преодоления кризиса фокусировалась для нас на соотношении плана и рынка, поэтому на эту тему развернулись довольно острые дискуссии. Точка зрения «антитоварников» не имела особого шанса на успех, а стеснять их творческую свободу Цаголов не хотел, а потому его замечания в их адрес скорее были остроумными, чем строгими. Что касается «рыночников», то к ним он относился более серьезно. Несмотря на внешне академический характер спора, речь шла о судьбе социализма, что для Цаголова было проблемой первостепенной важности. Для него суть дискуссии заключалась в главной линии совершенствования социализма: идет ли оно по пути принятия рыночных механизмов (рыночный социализм) или таких изменений в плановом ведении хозяйства, которые укрепляют собственную основу социализма и исключают его перерождение в капитализм. Наиболее серьезным оппонентом из числа сторонников этой концепции для Цаголова был Я. А. Кронрод (1912–1984), который долгое время возглавлял отдел политической экономии Института экономики АН СССР и был ведущим ученым.

Н. А. Цаголов и Я. А. Кронрод были наиболее яркими и значительными фигурами в области фундаментальной экономической теории в Советском Союзе. Оба были людьми неординарными и колоритными, имевшими множество сторонников в вузах, структурах власти и научно-исследовательских центрах страны. Разные в одном, они были схожи в другом.

Различия касались образа жизни и мышления. Яков Абрамович был скорее аскетом, целиком отдававшим науке свое время и труд. Николай Александрович был большим жизнелюбом и любимцем женщин, которые всегда тянулись за ним нескончаемым шлейфом. Утонченный гурман, он любил вкусно поесть и выпить, особенно в компании множества всегда окружавших его друзей, которых покорял своим неистощимым остроумием, шутками и чувством юмора. Яков Абрамович всегда был серьезным, никогда не забывал о своей значительности и сохранял дистанцию между собой и окружающими.

Но у них было много общего, и поначалу складывались довольно дружественные отношения. Когда у Якова Абрамовича возникли трудности с защитой докторской диссертации вследствие еще не стихшего в 1954 г. в СССР антисемитизма, Цаголов встал на его сторону и активно

поддержал. Кронрод, наверное, это ценил и, в свою очередь, не раз восторженно отзывался о Цаголове. Оба были статными красавцами, импозантными мужчинами, обладали необыкновенной эрудицией и горячим темпераментом, даром блестящих ораторов, беспредельной и бескорыстной преданностью своей профессии. Им следовало, как минимум, быть в союзе и поддерживать друг друга. Но насколько силен, настолько и слаб человек, и разъедающая душу ревность со временем стала отравлять их отношения. Наверное, никто из них в этом не признавался даже себе, но в подтексте их дискуссий угадывался вечный спор о том, какая из гор выше и краше, потому что, образно говоря, они были Эльбрусом и Казбеком в политической экономии, один в Московском университете, а другой — в Академии наук.

Тем не менее психологический аспект дискуссии не должен заслонять существование фундаментальных различий в традициях и концепциях. Советская система базировалась на монопольном господстве, и это касалось не только власти одной партии, но и множества других институтов, которым были отведены соответствующие участки. Так, на Академию наук была возложена задача разработки научных проблем и координации научно-исследовательских работ, в том числе в вузах. Поэтому, когда на полках магазинов появился подготовленный учеными Московского университета под руководством Н. А. Цаголова альтернативный «Курс политической экономии», а среди преподавателей и студентов начались споры о том, какой учебник лучше и кто прав, то Академия наук посчитала себя задетой. До сих пор за ней сохранялось последнее слово, и она его произносила, а вузам отводилась роль ретрансляторов сказанного. Ситуация была приблизительно такой же, как сейчас: достойное внимания слово принадлежит западным центрам, а российским вузам остается лишь его воспринимать. Но когда этой традиции был брошен вызов, то Академия наук зашевелилась и в ноябре 1964 г. объявила о большой конференции по проблеме, о которой до этого никто не вспоминал, — методологии политической экономии.

Мы с повышенным интересом восприняли приглашение на конференцию, поскольку было интересно обсудить с коллегами волнующие нас вопросы. Правда, программу конференции мы не получили, но это объясняли тем, что пригласительные билеты не успели напечатать. В телефонном разговоре Цаголову было сказано, что для выступления ему будет предоставлено столько же времени, что и для доклада.

Когда мы пришли на конференцию, то увидели, что она созвана не для обсуждения, а для проработки и критики всего того, что делается

вне Академии наук. В такой ситуации единственным, кто был готов к обсуждению такой высокой материи, как методология науки, и мог противостоять Цаголову, являлся Кронрод, и его выдвинули на эту роль.

Как всегда, Яков Абрамович сделал обстоятельный и блестящий доклад. Изданный нами учебник он охарактеризовал как полную неудачу. Причину провала усматривал в механическом применении к социализму метода «Капитала» и предлагал его изучение осуществлять по фазам воспроизводства: производство, обмен, распределение, потребление. «Не надо ломиться в открытую дверь, — обращался он к Цаголову, — формула Маркса о примате производства есть решение того, что вы ищете. Исходным для социализма является *производство*, с чего следует начинать изучение курса». Тем самым он отмежевывался как от цаголовского, так и от островитяновского учебника, где изучение социализма начиналось с общественной собственности. Скрытый смысл доклада состоял в том, что все лучшее в этой области делается им и сотрудниками его отдела, а творчество других подвергалось сомнению. Остальные работники Академии наук говорили в том же духе, и стало ясно, что это не деловое обсуждение, а демонстрация реванша Академии наук над Московским университетом на поприще методологии политической экономии.

В вопросах высокой теории Цаголов и Кронрод считались обитающими на Олимпе титанами, а остальные, включая академиков, в основном наблюдали за их схваткой. Данный случай также многим представлялся как зрелище боя гладиаторов. Но вскоре стала видна режиссерская рука. Процедура была разработана так, чтобы поставить оппонента в невыгодные условия. Цаголов сидел в президиуме собрания слева от председательствующего, а Кронрод — справа от него, и тем самым как бы подчеркивалось их равное положение.

Ничто не предвещало, что за этой видимостью скрывается подвох, и Цаголов рассчитывал, что ему будет дано такое же время, как Кронроду, для объяснения своей позиции. Он был избалован вниманием аудитории, которая всегда любила его слушать, и не предполагал, что здесь, где речь идет о поставленных им проблемах, его беспардонно могут лишить слова. Николай Александрович, наверное, и мысли не мог допустить, что его не сделали докладчиком, как обещали, а включили в общий список ораторов, которым отводили не более 15 минут. Слово ему предоставили перед обеденным перерывом. Пока он высказывал какие-то вводные соображения относительно того, о чем не будет говорить, его время истекло. Тогда председательствовавший директор Института экономики, член-корреспондент АН СССР К. Н. Плотников, не спрашивая аудиторию, объявил перерыв на обед. Цаголов, ничего подобного не ожидавший, еще сто-

ял на трибуне, когда публика стала подниматься со своих мест. Так его методология капитулировала в конференц-зале Академии наук перед проголодавшейся и устремившейся в буфет аудиторией.

Выступая в ходе обсуждения, мы (Хессин, Черковец и автор этих строк) пытались восполнить то, что не дали сделать Цаголову, но не смогли даже сравнять счет. Мы не были достаточно авторитетны в глазах научной общественности, в особенности в этой академической аудитории, смотревшей на нас с высоты своего почтенного возраста и положения. Люди пришли послушать Кронрода и Цаголова, но последнему не дали сказать, а с нами Кронрод в продолжавшемся больше часа заключительном слове расправлялся, как повар с картошкой. Он говорил о «молодых доцентах МГУ» (старшим младшие всегда кажутся молодыми) с такой насмешкой, будто ничего позорнее нет, чем быть «молодым», да еще «доцентом». Цаголова же уничтожал с присущим ему сарказмом, называя его методологию «никчемным изобретением» и «ржавым оружием». Имея в виду нас, учеников Цаголова, Кронрод острил, что как, мол, ни старались здесь «его верные оруженосцы подносить ему копья и стрелы, но ржавое оружие Цаголова не могло стрелять».

Дискуссия мало походила на деловое научное обсуждение, которое преследует цель выяснения истины. Скорее она напоминала некий турнир, основная цель которого состоит в том, чтобы сарказмом и остроумием сразить противника наповал. Справедливости ради требуется признать, что Цаголов на трибуне тоже не всегда соблюдал меру. Не по злобе, как часто воспринимали, а в силу своего южного темперамента Николай Александрович чрезмерно увлекался полемикой и забывал, что надо щадить самолюбие оппонента. К сожалению, оба дискутанта страдали одним и тем же пороком и наносили друг другу тяжелые раны, к вящей радости более приземленных ценителей высоких академических званий с их материальными и моральными благами. Своими яркими талантами и знаниями, колоритностью фигур, верностью науке и независимостью характеров Кронрод и Цаголов только пугали академиков, а потому их многоразовые выдвижения в Академию наук каждый раз кончались провалом. Только чувствовавшие себя вне конкуренции академики В. С. Немчинов и С. Г. Струмилин обычно голосовали за них. Другие же — К. В. Островитянов, А. М. Румянцев, Н. П. Федоренко, Н. Н. Иноземцев, Г. А. Арбатов и другие, делавшие в то время погоду в академических кругах, насмерть стояли, чтобы не пропустить в свои ряды никого, кто мог бы испортить созданную ими атмосферу собственной значимости.

Неудовлетворенный этой конференцией Цаголов решил провести дискуссию по тем же вопросам в Московском университете. Она про-

шла пару месяцев спустя под его руководством и отличалась двумя важными особенностями. Во-первых, составом участников. В отличие от конференции в Академии наук, в которой принимали участие только преподаватели политической экономии экономических вузов Москвы, Цаголов пригласил (разумеется, с согласия Министерства высшего образования) преподавателей политической экономии вузов всей страны. Во-вторых, иной была и процедура проведения. При открытии конференции Цаголов сказал: «Мы не будем ограничивать во времени докладчиков и выступающих, но просим каждого оратора не забывать, что слово должны получить все желающие и все выступающие должны быть выслушаны самым внимательным образом».

С одной стороны, эта была демонстрация университетского демократизма по сравнению с кастовой замкнутостью Академии наук, а с другой — продолжением той традиции, которая сложилась на экономическом факультете МГУ с приходом Цаголова. Николай Александрович не умел говорить коротко и не любил регламент. Он хотел, чтобы его внимательно слушали, и во время научных обсуждений сам тоже демонстрировал готовность проявлять терпение, за исключением деловых совещаний, где требовал «выступать телеграфно».

Вообще при Цаголове экономический факультет превратился в некий теоретический Гайд-Парк, куда мог приходить каждый и говорить, что хотел, на многочисленных обсуждениях, участие в которых отнимало почти половину нашего рабочего времени. Многие из нас от этого уставали, но Цаголов твердо держался своей линии. В условиях жесткой цензуры на печатное слово свобода устного слова была величайшей ценностью для людей, которых ни в каком другом месте не хотели слушать и печатать. Наиболее интересные и ценные материалы этих обсуждений, правда, уже подправленные в соответствии с требованиями цензуры, выходили из печати. О существовании у нас недопустимой свободы особо правоверные коммунисты нередко жаловались в ЦК КПСС. Но Цаголов отбивался тем, что устно человек имеет право выражаться свободно, а в печатных изданиях у нас все в порядке. Неудивительно, что благодаря этим качествам и своим новаторским идеям Цаголов приобрел такое признание среди вузовских политэкономов, которое вызывало только зависть его амбициозных коллег.

На созванную Цаголовым научную конференцию из большого числа приглашенных работников Академии наук пришел только один человек — академик К. В. Островитянов. Игнорирование университетской конференции со стороны Академии наук было явным проявлением пренебрежения тем, что делается за ее собственными пределами. К. В. Острови-

тянов не мог себе этого позволить по мотивам личного порядка. Как было отмечено, он не хотел продвижения Цаголова в академики, как и никого другого, кто бы его затмевал. По той же причине не мог признать лучшим учебник, написанный не под его руковод-ством. Во всем остальном его отношения с Цаголовым были вполне хорошими.

К. В. Островитянов (1892–1969) был одним из последних могикан славной плеяды революционной интеллигенции. Член большевистской партии с 1914 г., он к 60-м годам прошел все испытания той бурной эпохи и имел за спиной колоссальный политический и идейный опыт. Судьбе было угодно, чтобы в дни Октябрьской революции в 1917 г. Константин Васильевич участвовал в тех же событиях по установлению Советской власти в Москве, что и брат Николая Александровича — Георгий, тогда студент Московского университета. Не могу сказать, знали ли они друг друга и наложило ли это какой-нибудь отпечаток на отношения Островитянова и Цаголова, но Николай Александрович всегда чувствовал с его стороны благожелательное к себе отношение.

Константин Васильевич все годы Советской власти был известным и признанным теоретиком. Написанный им в соавторстве с Лапидусом и вышедший в 30-е гг. учебник по политической экономии принес ему широкую известность и признание. Его высоко ценил Сталин, и, наверное, благодаря этому он благополучно пережил чистки 30-х гг. В работе «Экономические проблемы социализма в СССР» скупой на похвалы и не склонный признавать чужие достоинства Сталин положительно отметил роль К. В. Островитянова в трактовке проблем политической экономии. Это стало решающим обстоятельством в его избрании в академики, а затем вице-президенты Академии наук СССР, что было, пожалуй, самой большой вершиной, до которой мог добраться ученый-обществовед в советской иерархии.

Несмотря на такие успехи и занятое им высокое положение, у К. В. Островитянова никогда не кружилась от них голова. В научном отношении он звезд с неба не хватал и оригинальных достижений не имел, потому что не выходил за пределы партийных стереотипов, а если бы выходил, то не выжил. Но в человеческом плане он был доброжелательным и здравомыслящим, лишенным позы и необоснованных амбиций. Цаголов о нем говорил, что его научное мышление сводится к здравому смыслу, и там, где научная истина совпадает со здравым смыслом, Константин Васильевич силен, а когда не совпадает, то не понимает, о чем идет речь. Надо думать, что Островитянов тоже мог что-то подобное говорить о Цаголове. Тем не менее их отношения были вполне доброжелательными. Оба были жизнелюбами и не против вкусно

поесть и насладиться грузинским вином. Нередко приглашали друг друга в гости и устраивали застолья как в своих московских квартирах, так и на даче.

На конференции в Академии наук выступление К. В. Островитянова было наиболее мягким и терпимым. Цаголова он не затрагивал, тем более, что тот ничего не успел сказать, а Хессина, Черковца и меня с высоты своего положения похлопал по плечу. Вместо разбора наших аргументов рассказал анекдот. «Недавно, — говорил он, — советские железнодорожники выступили с новой инициативой социалистического соревнования под лозунгом: "Каждому пассажиру по мягкому месту". Во время выступлений доцентов МГУ мне показалось, что они здесь руководствовались именно этим лозунгом». Все весело смеялись, и никто других аргументов у него не спрашивал.

На конференции в МГУ он был более серьезным и возражал Цаголову относительно применимости метода «Капитала» к изучению социализма. Исходной для социализма, по его мнению, является не планомерность, а общественная собственность, потому что исторически социализм начинается с национализации средств производства. Потому и логически его изучение должно начинаться с характеристики этого основополагающего института. Что касается планомерности, как исходной категории социализма, то эта идея не выдерживает критики. Маркс начинает анализ капитализма с товара. Но товар является конкретной вещью, которую можно взять в руки и пощупать. В доказательство он вытащил свою авторучку из кармана и стал ее вертеть. Планомерность же, продолжал он свою аргументацию, не является чем-то конкретным, что можно пощупать. У товара есть две стороны: потребительная стоимость и стоимость, в нем заключен абстрактный и конкретный труд и т. д. Планомерность не обладает такой определенностью и под ней можно понимать все что угодно.

Но и Цаголов не остался в долгу. Маркс начинает анализ капитализма с товара, но не как вещи, доказывал он, а как с *товарного отношения*, отношения продавца и покупателя, которые тоже пощупать нельзя. «Так что этот Ваш довод, дорогой Константин Васильевич, — обратился Цаголов к нему, — не работает. Следует иметь в виду, что отношения между людьми в обществе осуществляются через отношение вещей, и политическая экономия изучает это *единство* вещных и общественных отношений. Так что есть вещная (ощутимая) и невещная, общественная, а потому материально неощутимая сторона того, чем мы занимаемся в политической экономии». «В отличие от Константина Васильевича, который показал вам свою ручку как товар, — обратился Цаголов

к аудитории, — я не могу вытащить из своего кармана, например, национальный продукт и показать вам его физический размер. Тем не менее он существует как вполне ощутимая вещь в нашей повседневной жизни. Но мы занимаемся не только его физическим объемом, а прежде всего, теми отношениями, которые складываются между людьми нашего общества по поводу его производства, распределения и использования. Вещественную сторону этого процесса можно измерить, а общественную — только объяснить. Но если наша задача не ограничивается изучением физической формы продукта, а предполагает — притом главным образом — изучение и объяснение общественных мотивов его движения, то надо ответить на вопрос: какова общественная форма движения создаваемого продукта? Что при капитализме это *товарная* форма, никто не оспаривает. А при социализме? Наш ответ состоит в том, что это *планомерная* форма». «Вот почему мы считаем, — подводил он итог своим рассуждениям, — что *планомерность для социализма является таким же ключевым понятием и характеристикой, как товарность (рынок) для капитализма*».

Из моего рассказа не должно складываться впечатление о Цаголове как о неком оракуле, изрекавшем истины в последней инстанции, которые слепо подхватывались его учениками. Хотя он был основным мотором нашей творческой жизни, его ученики ни в коей мере не были его простыми «оруженосцами», как нас охарактеризовал Кронрод. Более того, Цаголов не любил тех, кто неосмысленно ловил чужие идеи, даже если они были его собственными. Он любил творческий процесс как таковой, и спор являлся для него средством наслаждения. Николай Александрович скорее был руководителем творческой лаборатории, где он сам засучив рукава работал с пробирками и реактивами, относясь с полным уважением к самостоятельной роли каждого из своих учеников.

Важной особенностью Цаголова было то, что он не только учил чему-то других, но и сам многое воспринимал от окружающих. Состав кафедры и авторский коллектив учебника он в основном сформировал из своих наиболее способных студентов и аспирантов. Лично я готов согласиться с отсутствием у меня особых достоинств, но несомненно, что все остальные обладали такими незаурядными талантами, без которых столь оригинальный труд не мог быть выполнен, какой бы гениальной ни была сама задумка.

Среди множества авторов учебника, ставших впоследствии известными учеными в области теоретической мысли, с самого начала особо выделялись Н. В. Хессин и В. Н. Черковец. На их плечи легла значительная работа не только по написанию отдельных частей объемистого двух-

томника, но и по разработке его методологических и теоретических основ. Идея планомерности как исходного отношения (категории), охватывающей и характеризующей всю систему экономических отношений социализма, не пришла Цаголову в голову как готовый продукт внезапного озарения, а подверглась всестороннему изучению и обоснованию путем обстоятельного анализа эволюции капитализма и опыта реального социализма. Планомерность рассматривалась нами не просто как желательное для социализма явление, а как нечто, вытекающее из логики развития капитализма и его превращения в социализм.

Так, Н. В. Хессин (1922–1992) в своей фундаментальной работе (Хессин, 1968) показал, что собой представляет капиталистическая рыночная экономика. В изображении Хессина это система свободной (совершенной) конкуренции при полном соблюдении принципа *laissez faire, laissez passer*. Отказ современного капитализма от этого принципа и замена совершенной конкуренции несовершенной (монополистической), как показал Ленин в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», означает «подрыв товарного производства», т. е. основ классической рыночной экономики. Н. В. Хессин дал такую фундаментальную разработку этой идеи, которая, насколько можно судить, остается непревзойденной в нашей литературе. Нарисованная им картина капитализма в некоторых отношениях полностью совпадает с тем, как ее изображают Мизес, Хайек и Фридмен.

Так же, как они, Хессин определяет рынок как систему свободного предпринимательства, где работа ведется на *неизвестный рынок*, а потому над ним нет иной власти, кроме власти конкуренции. Всякое вмешательство в этот процесс и ограничение существующей свободы властью корпораций или государства, утверждал он, есть подмена рынка чем-то таким, что по существу не только отлично, но и противоположно системе свободного предпринимательства. По логике Хессина, широко практикуемая теперь при капитализме, например, контрактная система, как и другие формы работы на заказ, являются проявлением не рыночных, а планомерных отношений. С этим полностью согласились бы и упомянутые выше классики рыночной экономики. Разница была в том, что те не ставили вопрос так, как ставил его Хессин: почему эволюция капитализма привела его к самоотрицанию? Потому, говорит он, что рыночные отношения уже не отвечают требованиям производительных сил, мешают нормальному функционированию корпоративной экономики, и капиталисты заменяют рынок планом в той мере и форме, в которой он возможен при сохранении частной формы присвоения. Планомерность, таким образом, не выдумка Цаголова, а объективная необходи-

мость, вытекающая из самой эволюции капитализма, из развития его производительных сил.

Логику этой необходимости, уже применительно к социализму, обстоятельно разработал В. Н. Черковец (1924) в своей монографии о планомерности социалистического производства (Черковец, 1965). При капитализме всегда, доказывал Черковец, существовал двойной механизм регулирования экономики: планомерная организация в рамках отдельной фирмы наталкивалась на анархию в масштабе всего общества. В связи с этим он писал: «До определенных границ двойственный механизм регулирования процессов макро- и микроэкономики в общем удовлетворяет потребности общественного процесса производства. Но по мере дальнейшего развития производительных сил, приведшего к гигантской концентрации производства и усложнению технических связей между предприятиями, требование сознательного, планомерного регулирования производства все больше приходит в конфликт с узкими границами его применения в рамках предприятий. Система капиталистических производственных отношений вынуждена реагировать на это противоречие и видоизменяться. Она расширяет границы планомерной организации производства на основе монополистических объединений и огосударствления некоторой части экономики» (там же, с. 21).

Даже в этом масштабе, утверждал Черковец, существует определенное регулирование экономики, узаконенное кейнсианским признанием этой необходимости. Если эту мысль выражать в марксистской терминологии, то она звучит следующим образом: необходимость планомерного ведения хозяйства вытекает из достигнутого при капитализме уровня обобществления производства, которое с переходом к социализму достигает нового качества и распространяется на все общество. В выяснении этого качества состоял весь пафос книги. Вначале планомерность рассматривалась в своем, так сказать, чистом виде, раскрывалось, что она собой представляет. Затем была показана ее связь с товарно-денежными (рыночными) отношениями, без которых она в наших условиях не могла осуществляться. С учетом сегодняшнего опыта в эту трактовку можно внести немало корректив, но ее фундаментальность едва ли кто в состоянии поколебать. Подобно тому, утверждал Черковец, как имеющиеся в рамках капитализма элементы планомерности не меняют природы этого общественного строя, также имеющиеся в рамках социализма элементы рыночных отношений не меняют сути социализма. Использование внутренне не имманентных данному строю форм хозяйства, получалось таким образом, есть выражение его несовершенства (капитализм) или неразвитости (социализм).

Идея планомерности как исходной и всеобщей формы социалистического хозяйства была выдвинута Цаголовым, но Черковец дал ей такую всестороннюю разработку в книге и соответствующей главе учебника, которую сам учитель не сделал. Его нельзя назвать лишь «оруженосцем» Цаголова, хотя в то время он был «всего-навсего» доцентом, что в глазах обладателей почетных академических мантий, наверное, было ничтожно скудным одеянием. Куда более важно, что Виктор Никитович обладал таким оригинальным мышлением, благодаря которому он внес непреходящий вклад в разработку тех проблем, которыми занимался.

Однако помимо весьма заметной тенденции все большего отхода современного капитализма от рыночных начал и принятия плановых, *неизмеримо большее значение для нас имели те преимущества и бесспорные достижения, которые ярко и выпукло выступали на примере нашей и других стран.* Иначе как в рамках планового хозяйства у отсталой России не было никаких шансов превратиться во вторую сверхдержаву мира, резко снизить свое отставание и приблизиться к развитым странам по производству ВВП на душу населения, уменьшить смертность и увеличить продолжительность жизни, обеспечить невиданный до того скачок в образовательном и культурном развитии, социальной обеспеченности граждан. Невосполнимые после перехода к рынку потери в этих областях явились еще одним подтверждением нашей правоты относительно преимуществ плана над рынком. При всех своих несомненных недостатках (тотальность, директивность и календарность) планомерность показала себя как способ наиболее эффективного ведения хозяйства, если под этим понимать не частную наживу, а удовлетворение потребностей рядовых граждан, трудом и энергией которых создаются материальные и духовные богатства страны.

Вот почему положение о товарной природе социализма было неприемлемо для Цаголова. За ним логически следовало бы признание неограниченной свободы предпринимательской деятельности, а это открывало дорогу к превращению денег в капитал со всей вытекающей отсюда системой эксплуатации и угнетения одного другим. Что касается Кронрода, то он тоже едва ли преследовал цель реставрации капитализма. Скорее всего, ему казалось, что признание товарной природы социализма открывает путь к более полному использованию рыночных механизмов в целях повышения эффективности нашей экономики.

Проведенные у нас радикальные реформы подтвердили верность диагноза Цаголова советской экономики как планомерной. Хорошо это или плохо, оставим на суд истории, но, если бы наша экономика была

товарной (рыночной), как утверждали некоторые, то нам не понадобились бы реформы перехода к рынку. А ведь задача науки как раз в том, чтобы дать адекватный диагноз тому, что есть. Наша практика, как видно из сказанного, подтвердила верность базовых принципов разработанной Цаголовым и его школой методологии как научного средства познания и диагностики экономической действительности.

Однако помимо нашего опыта был и есть другой, который вносит существенные коррективы в цаголовскую модель, исходящую из того, что планомерность реализуется только в условиях государственной собственности и концентрации в руках экономического центра основной части инвестиционного фонда. Опыт ряда развитых стран, в частности Японии, опровергает этот постулат и свидетельствует о верности утверждения Гэлбрейта о возможности «планового капитализма». Впрочем, вопрос о том, является ли Япония типичной капиталистической страной или нет, мною многократно обсуждался с Цаголовым. Николай Александрович испытывал повышенный интерес к этой стране, и ему отвечали взаимностью. Некоторые его работы переводились на японский язык. Цаголова чаще других приглашали в Японию, где он читал лекции и, надо думать, оставлял положительное о себе впечатление. По возвращении он много и с восхищением рассказывал об этой стране. Было видно, что японский опыт противоречит его представлениям о капитализме. Как-то, будучи у него в гостях после одной из его поездок, я встретил там Юрия Ивановича Смирнова, работавшего в Доме дружбы с зарубежными странами и возглавлявшего Общество советско-японской дружбы. Он хорошо знал японский язык, многократно бывал в этой стране и разбирался в ее проблемах. Мы много говорили о Японии, а я был единственным из трех присутствующих, кто никогда там не был, и, тем не менее, сказал: «Из того, что вы говорите, вытекает, что Япония не является типичной капиталистической страной» и попытался аргументировать это с помощью ими же изложенной информации.

Итогом этого обсуждения стало лестное для меня предложение Ю. И. Смирнова поехать в Японию с чтением лекций и заодно ознакомиться с ее опытом. Смирнов сдержал свое обещание, и в конце 1982 г. я в течение двух недель читал лекции и знакомился с жизнью этой страны. Перед этим, разумеется, читал о Японии все, что смог, но прочитанное бледнело в сравнении с тем, что увидел. По возвращении я прочитал множество лекций в разных местах, включая Институт востоковедения АН СССР и Госплан СССР, где доказывал, что в Японии не менее совершенная (не смел говорить: более совершенная) практика плани-

рования, чем в СССР, японское сельское хозяйство нельзя считать капиталистическим, потому что там нет наемного труда, а пожизненный наем является отрицанием капитализма, так как де-факто превращает частную собственность как минимум в коллективную, а может быть, в социалистическую. Тот факт, что планирование осуществляется не сверху, а снизу, никак не может рассматриваться как его отсутствие, а, наоборот, как иное, быть может, более высокое качество. Никто меня не обвинял, как это бывало раньше, в том, что я расхваливаю капиталистическую страну. Наоборот, все слушали с большим интересом, и после каждого выступления следовало новое приглашение. После моей лекции о японском опыте планирования журнал «Плановое хозяйство» даже предложил мне написать статью, которая несколько была подчищена по цензурным соображениям, но, тем не менее, сохранила свой основной смысл и была опубликована (Дзарасов, 1983).

В свете японского опыта я ставил перед Цаголовым вопрос таким образом: одно из двух, *либо* планомерность возможна при капитализме, и тогда мы должны пересмотреть свой взгляд на то, что она есть форма лишь социалистического ведения хозяйства, *либо* Япония не является типичной капиталистической страной, а по крайней мере, смешанной, с большей долей социализма, и тогда мы должны пересмотреть свое представление о способах перехода к социализму. Цаголов слушал, не спешил соглашаться, но и не отвергал, как он сделал бы, если бы зерна сомнения уже не зрели в его критическом уме. Тогда ни он, ни мы еще не знали, что дни его жизни уже отмерены всего лишь двумя оставшимися ему годами. Хотя его высокий интерес к жизни и ее проблемам никогда не угасал ни на йоту, но больницы, санатории и постельный режим оставляли Николаю Александровичу мало времени и сил на новые творческие порывы и решения.

9. Был ли он нашим Кейнсом?

Цаголов был таким же сторонником социализма, каким в отношении капитализма был Кейнс. На этом основании по советскому стандарту Кейнс считался апологетом капитализма, к каковым его и причисляли. Наверное, на таком же основании по западным стандартам Цаголов мог быть отнесен к апологетам тоталитарного социализма.

В большинстве случаев подобный подход к оценке научной позиции обществоведа имеет под собой определенные основания. С восприятием ценностей своей среды у человека складываются и предубежде-

ния против всего того, что не согласуется с ними. Очень редки случаи, когда один человек — и то лишь из числа исследователей-этнографов, внутренне воспринимает плоды другой системы воспитания, образования и менталитета настолько, чтобы приобретенные ценности были так же естественны для него, как и принятые с молоком матери. Ни Кейнс, ни Цаголов к этой категории людей не относились. Они, с их достоинствами, недостатками и даже предрассудками, были плодами своих систем, эпох и среды.

Так, кейнсианский разрыв с неоклассической ортодоксией, в частности с маршаллианством, не означал отказа от капитализма. Как раз наоборот, во имя более полной и фундаментальной защиты либеральных ценностей Кейнс считал необходимым пересмотреть устаревшие представления и вооружить либерализм новыми идеями, укрепляющими положение капитализма в мире. В этой связи интересно отметить, как происходило формирование новых идей у Кейнса. Оно началось под влиянием того, как выдающийся кембриджский философ начала XX в. Мур начал пересмотр философии утилитаризма Бентама.

Как известно, согласно этой философии наилучшие результаты в обществе достигаются путем преследования индивидами своей личной выгоды («принцип пользы»). Ей Мур противопоставил этическую концепцию интуитивизма, по которой поступки людей оцениваются в понятиях «добра» и «зла», а на этом основании он отвергал обе крайности — как крайнего утилитаризма и гедонизма, так и эгоизма и альтруизма. Оказавшийся неспособным соединить эти противоположности Маршалл встал на позиции позитивизма и на этой основе разработал свою широко известную теперь и у нас экономическую теорию. В итоге Маршалл вернулся к Бентаму: выгодное и есть полезное.

Такой подход не удовлетворял знаменитую литературно-философскую Блумсберскую группу, к которой в первой половине XX в. принадлежали самые именитые и утонченные английские интеллектуалы, включая Кейнса. Претендуя на продолжение лучших традиций английской гуманитарной мысли, эта группа пыталась в духе этой традиции совместить рациональный индивидуализм с политическим либерализмом викторианской эпохи и в этом больше всего опиралась на Джона Стюарта Милля. Исследователь идейного наследства этой группы С. Розенбаум пишет: «Для того, чтобы определить, какое течение либерализма повлияло на формирование политических убеждений Блумсбери, лучшим оселком вновь являются труды Джона Стюарта Милля. Блумсберская группа пришла к изменению либерализма Милля почти в такой же мере, как и к изменению унаследованных от викторианской эпохи ре-

лигиозных и философских взглядов. Направление этих изменений было, скорее, социалистическим, чем консервативным, хотя не марксистским» (Rosenbaum, 1987, p. 27).

Здесь отмечена очень любопытная сторона эволюция взглядов Блумсберской группы. Пытаясь перевести проблему либерализма на этическую основу и совместить его с социальной справедливостью, она вышла за его пределы, и де-факто вынуждена была принять социалистические, хотя и не марксистские ценности. Таким был и Кейнс, который неустанно клялся в том, что он либерал, а фактически его программа была социал-демократической, поскольку он не считал результаты стихийной рыночной конкуренции справедливыми и предлагал их корректировать методами государственного регулирования.

Тем не менее в своих воззрениях и предрассудках он оставался либералом. Вот что пишет хорошо знавший его биограф: «Уважение, которое он питал к среднему классу, людям искусства, ученым и работникам умственного труда всех видов, вызывало у него неприязнь к элементам классового самосознания в социализме. У него не было эгалитарных устремлений; если он и хотел улучшить долю бедных, и сделать это быстро, — а он верил, что в этом возможен гораздо больший прогресс, чем реально достигавшийся, — то это было не во имя равенства, а для того, чтобы сделать их жизнь более счастливой и достойной. Этически, первым требованием к национальному дивиденду является, чтобы он обеспечил тех немногих, кто способен на «страстное восприятие», условиями, которые современная цивилизация может предоставить в виде «хорошей жизни». Он часто объяснял, что они еще не могут быть предоставлены всем — хотя день, когда это станет возможно, может прийти быстрее, чем некоторые думают. Идея разрушения какого-либо блага самого по себе в интересах равенства была анафемой для него» (Harrod, 1982, p. 333).

Здесь ясно выражен исходный постулат либеральной этики Кейнса, согласно которому «хорошая жизнь» должна быть обеспечена, прежде всего, тем немногим, которые считаются способными на «страстное восприятие», так в тексте закамуфлировано название имущего класса. Что касается эгалитарных устремлений, связанных с елико возможным улучшением участи бедных, то это тоже в буржуазном обществе, как признается Кейнс, нужно не во имя равенства, а потому что оно, как попутный продукт, уже укладывается в возможности «современной цивилизации».

Такой остаточный подход к положению простого народа, конечно же, был принципиально неприемлем для Цаголова. Условия жизни основной массы населения, частью которой являются также люди науки,

искусства, литературы, благосостояние которых должно расти не отдельно, а на базе общего подъема уровня жизни, были для него приоритетными. Нельзя сказать, что являлось основным источником такого отношения к людям: врожденное чувство справедливости или марксистское убеждение, или и то и другое вместе.

Разумеется, Цаголов хорошо знал и тысячу раз разбирал ту аргументацию, которая оправдывала социальное неравенство природными различиями в способностях людей. «Не надо большого ума, — говорил он, — для понимания того, что не все могут одинаково сочинять музыку, исполнять роль Отелло, проектировать лайнер, организовывать и управлять деятельностью тысяч людей в разных сферах жизни и т. д. — Но, — продолжал Николай Александрович, обычно поднимая палец для подчеркивания своей мысли, — никакие способности и дарования никому не дают право эксплуатировать и угнетать другого к собственной выгоде. За счет собственных способностей ты можешь жить как угодно хорошо, но и другому тоже давай эту возможность». В основе его марксистского осуждения капитализма лежал этот этический принцип. Смысл социалистической альтернативы он видел в освобождении человека от эксплуатации и угнетения одного другим. Для Цаголова это основа социальной справедливости, которая в его этике связана с социализмом. У Кейнса нет такой социально-классовой определенности. Показывая эволюцию блумсберского либерализма, он сводит политические проблемы человечества к «сочетанию трех вещей: экономической эффективности, социальной справедливости и индивидуальной свободы» (Keynes, CW, IX, p. 311).

В такой абстрактной постановке Цаголов вполне согласился бы их принять, но для него главное состояло в том, каким образом эти три вещи могут быть обеспечены. По Кейнсу, они вытекают из английской традиции, а в российской традиции эти ценности, если и существуют, то в другом виде, и для их достижения он не находил иных способов, кроме преобразования социальных отношений. Опыт русской революции показал, что наиболее высокая эффективность достигается путем планомерной организации экономики, а проведенные у нас рыночные реформы в основном это подтвердили. Торговле и сфере услуг рынок действительно придал новые импульсы, но эффективность экономики в целом, как бы ее не измерять, резко упала, и когда повысится — и повысится ли — неизвестно.

Цаголов не закрывал глаза на пороки советского социализма, тем более, что некоторые из них ему пришлось испытать на собственной шкуре. Несмотря на это, он был убежден, что социализм достиг невоз-

можной при капитализме социальной справедливости тем, что было исключено превращение денег в капитал, а благополучие человека в основном было поставлено в зависимость от количества и качества труда. Самым бесспорным выражением социальной справедливости Цаголов считал обеспеченные у нас каждому право на труд, получение дохода и другие, не имеющиеся при капитализме социальные гарантии. Если бы сегодня рыночные преобразования сохранили эти гарантии и прибавили бы к ним другие, то это было бы опровержением теории социализма, между тем реформы только подтвердили ее верность. Возникла массовая безработица при снизившейся заработной плате, бесплатные услуги стали платными, здоровье население ухудшилось, его смертность возросла в полтора раза и приняла угрожающие масштабы. Пропасть между богатеющими и беднеющими стала такой вопиющей, что ни о какой справедливости в таком обществе не может быть и речи.

Что касается индивидуальных прав и свобод, то здесь реальный социализм, конечно, терпел полное поражение, чего Цаголов не мог не сознавать. По этому вопросу мы много с ним спорили. Я утверждал, что антидемократизм (мы обычно не употребляли «тоталитаризм») социализма является такой ложкой (иногда я говорил «ведром») дегтя, который делает нашу бочку меда несъедобной. Он соглашался, что деготь портит мед, но не настолько, ввиду отмеченных выше обстоятельств: преимуществ плановости и социальной справедливости.

Как отмечалось выше, у него была твердая надежда, что, как в свое время на смену диктатурам Кромвеля и Наполеона пришла буржуазная демократия, так и у нас со временем на смену диктатуре одной партии придет адекватная социализму форма демократии — социалистическое народовластие. Если бы он дожил до горбачевской перестройки, то так же, как мы все, скорее всего, первоначально принял бы ее в надежде, что она дополнит социализм адекватной ему надстройкой. Но горбачевская перестройка провалилась, и теперь наши оппоненты получили аргумент в пользу своего утверждения о несовместимости социализма с демократией, и нам пока на это нечем ответить.

Таким образом, коренное различие между Кейнсом и Цаголовым касается положения рядового человека — является ли он самоцелью или средством поддержания «хорошей жизни» элиты общества.

Возникает вопрос: можно ли на сказанном основании считать Кейнса и Цаголова простыми апологетами тех общественных систем, в которых они жили и служение которым считали высшим смыслом своей жизни и деятельности? Ответ на этот вопрос зависит от того, что доминировало в их сознании и подходе: господствующие в обществе идеоло-

гические стереотипы или результаты объективного научного анализа. Там, где наука подчинена идеологии, мы имеем апологетику. Там, где, наоборот, на основе научного анализа пересматриваются идеологические постулаты, мы имеем дело с **переворотом** в научном сознании. Так было и здесь, как в одном, так и в другом случае. Как Кейнс, так и Цаголов пересматривали идеологические постулаты прежней теории во имя новой, более объективной картины, один — капиталистической, а другой — социалистической действительности.

Если бы это было не так, то Кейнс не отказался бы от маршаллианской теории, которая была (и остается) подчиненной задаче защиты капитализма, не встал бы он на путь ее пересмотра и поиска рецептов спасения капитализма. Тот же самый подход применим и к оценке Цаголова. Если бы его цель состояла в защите сталинского социализма, то он не стал бы отказываться от островитяновской теории, изложенной в принятом тогда учебнике, не вступил бы в ущерб самому себе в конфликт с академическими боссами и не стал бы отстаивать курс сохранения и совершенствования социализма в соответствии с его планомерной природой. Чем было маршаллианство для Кейнса, тем для Цаголова — островитяновская теория.

Чтобы решать такие далеко идущие *научные*, а не просто апологетические задачи, мало быть преданным своей общественной системе. Надо еще быть способным на ее защиту *особой силой своего интеллекта и высотой своей нравственной ответственности*. Это нечто совершенно другое, чем апологетическое повторение устаревших идей и представлений. Силой интеллекта надо увидеть, в каких частях и каким образом старая система ценностей устарела и подлежит корректировке так, чтобы не только не утратить своей прежней притягательности, а приобрести второе дыхание и привлечь новых сторонников. Только из числа ученых, готовых на пересмотр старых ценностей, создается интеллектуальная школа, способная смотреть иными глазами на происходящие события и освещать их с альтернативных позиций. Но холодный, чисто рассудочный интеллект не способен совершить такой поворот. Только мыслитель, который переживает кризис дорогих ему ценностей как *личную трагедию*, может совершить то нравственное усилие, без которого нельзя вывести науку на новую тропу.

Цаголов создал такую школу в политической экономии, которая оставила свой заметный след в этой науке. Людям сегодняшнего поколения, не знакомым с ограничениями прошлой эпохи, трудно представить, каким необычайно смелым и рискованным шагом в то время была попытка выработать и предложить свой особый взгляд на процессы, про-

исходившие в нашем обществе. И это при том, что новый взгляд был направлен не против социализма, а, наоборот, на его более глубокое понимание и обоснование, что сохранявшее за собой монополию на власть партийное руководство никому не позволяло.

Со времен сталинщины у нас утвердился такой порядок, при котором исключалось создание самостоятельных и действующих по собственной логике школ и направлений в общественной мысли. Все должны были ориентироваться больше не на научные принципы, а на позицию последнего пленума ЦК КПСС. Такой порядок сложился в результате многолетней борьбы против любых форм свободомыслия. Все существовавшие школы (Михаила Покровского в исторической науке, Деборина в философии, Рубина в политической экономии, Марра в языкознании и др.) были ликвидированы с тем, чтобы не оставлять в обществоведении никаких других авторитетов, кроме фигуры Сталина. После его смерти и разоблачения многое изменилось, но над головой очередного генерального секретаря оставался ореол величия и непогрешимости.

В таких условиях нельзя было рассчитывать, что чей-либо особый голос может быть услышан через голову партийного руководства. Мало того, подобная претензия рассматривалась как опасная затея и всячески пресекалась. Поэтому тем немногим, которые отваживались иметь собственный взгляд, а тем более выражать его публично, приходилось камуфлировать его под голос партийных решений и подгонять под «генеральную линию» партии, которая сама испытывала постоянные и частые колебания. Поскольку выработка собственной традиции анализа экономических явлений была так сильно затруднена, большинство специалистов ограничивались простым комментированием принятых решений.

Цаголов бросил вызов этой традиции и решил утвердить другую, когда, по крайней мере в рамках достаточно широко им понимаемой марксистской доктрины, допускалось существование собственного взгляда на проблемы. Он вообще выступал за самостоятельное и творческое понимание и изучение экономической теории и всячески это поощрял. Так, например, Николай Александрович был решительным противником применения тестов в преподавании, так как полагал, что это отупляет студента, загромождая его память как правильными, так и неверными ответами. Но это относительно методики обучения, а что касается творческого процесса, то в этой области Цаголов позволял себе несвойственную другим свободу и самостоятельность в мышлении и суждениях. Хотя справедливости ради следует признать, что он так же, как и другие, не был свободен от марксистских догм. Наша привязанность к марксизму носила не только научный, но и религиозный характер.

Нельзя сказать, что Цаголов не замечал этого. В частных разговорах он критиковал крайности догматизма, но сам, конечно, тоже предерживался его умеренного варианта. К тому же открытое признание правды было опасно. В связи с этим вспоминается следующий эпизод. В 1961 г. Николай Александрович ездил в интересную ознакомительную поездку в США и Великобританию для изучения состояния экономической науки и ее преподавания. Среди множества ярких впечатлений о своих встречах и контактах с зарубежными коллегами он особенно выделял поездку в Кембриджский университет и продолжительную беседу с одним из самых блестящих его профессоров — Джоан Робинсон. В третьем томе своих избранных произведений она касается этой беседы, рассказывая следующий характерный эпизод: «Не так давно я приставала к очень доброжелательному профессору из-за бывшего* «железного занавеса». Я атаковала различные пункты, в которых, как мне казалось, анализ Маркса ошибочен, а он защищал их шаблонными аргументами. Наконец я спросила: «Вы рассматриваете Маркса как сверхъестественное существо или как хоть и очень гениального, но человека? — Разумеется, как человека. — Тогда он мог совершать ошибки? — Да. — Вы не могли бы упомянуть ошибку, которую он сделал? — Профессор не моргнул глазом, но изменил предмет разговора» (Robinson, 1965, с. 157).

Так оно, наверное, и было, но Цаголов передавал также некоторые другие подробности этого разговора. Г-жа Робинсон пожаловалась на советского экономиста Блюмина, который в своей книге обозвал ее «буржуазным экономистом», в ответ на что Цаголов, с его слов, сказал, что в этом само по себе ничего обидного быть не должно, ибо слово «буржуазный» характеризует классовую, а не научную сторону взгляда. Но против отнесения ее к «буржуазным» Робинсон как раз и возражала и утверждала: «Я не люблю расхожие ярлыки и поэтому не называю себя "марксистом", но не считаю себя хуже советских почитателей Маркса, воспринимающих его не как ученого, а как религиозного пророка, догмы которого не подлежат критической переоценке». За этим вступлением, очевидно, и последовал описанный ею диалог, который Цаголов излагал похоже, но добавляя, что Маркс обладал особой интеллектуальной мощью, которая дает основания относиться к нему с особым доверием. («Конечно, человек, но зато какой!» — ответил он на вопрос собеседницы.) Но это уточнение не меняло сути разговора. Мне даже показалось, что он внутренне соглашался с Дж. Робинсон, но не сделал это открыто по соображениям осторожнос-

* Бывшим Дж. Робинсон называет «железный занавес», очевидно, потому, что расценивала хрущевские реформы и новую внешнюю политику как начало конца холодной войны.

ти. Следует учесть, что разговор происходил с участием переводчика посольства, и было неизвестно, как согласие с критикой Маркса могло быть понято и истолковано в соответствующих инстанциях.

Однако этот разговор и написанная после него статья г-жи Робинсон о положении в советской политической экономии представляет интерес еще и с другой стороны. Не знаю, рассказывал ли Цаголов ей что-нибудь о завершавшейся нами как раз тогда подготовке нового учебника, но она высказывает еще одну мысль, удивительно верную в отношении проводившейся тогда под руководством Николая Александровича работы. Напомнив о том, что все священные писания со временем получают иные толкования, Робинсон писала: «Каждое новое поколение может читать его само, и, отвергая профильтрованные воды официального учения, пить из первоначального источника. Реформация возникла из чтения Библии. Освобождение произойдет от применения метода марксистского анализа к марксистской идеологии» (Robinson, op. cit, p. 157).

Цаголов как раз по-иному прочитал «Капитал» К. Маркса и увидел в нем то, что не заметили миллионы читателей и поклонников во всех других странах мира. Он считал, что в истории экономической мысли нет фигуры, равной автору бессмертного произведения. Никто не дал такого глубокого и всеохватывающего анализа физиономии и анатомии капиталистической экономики, как это сделал Маркс. Даже там, где данные им решения являются неполными, намечены пути дальнейших поисков. Однако, какими бы гениальными не были решения, данные Марксом по отдельным проблемам, утверждал Цаголов, его основной вклад в экономическую науку состоит в *разработанной и использованной им методологии системного анализа экономической действительности капитализма.* Только благодаря этому он совершил революционный переворот в экономической теории и обогатил ее уникальным вкладом, которому нет равного.

На Западе же даже марксистами «Капитал» воспринят как хотя и гениальное, но собрание моделей частных проблем капитализма по аналогии с тем, как это с большим или меньшим успехом делали и другие авторы. Разумеется, научное мышление несовместимо с обожествлением кого бы то ни было, и Маркс не может быть исключением из этого правила. Критическое отношение к его наследию вполне естественно. Но главное его научное достоинство, на мой взгляд, не столько в осуждении капитализма — на это были способны многие другие, а в разработке совершенно особой, не имеющей аналога в истории нашей науки методологии научного анализа.

Несмотря на свою привязанность к Марксу, Цаголов был наиболее самостоятельной личностью из всех, кто работал в области политической экономии. Поэтому в публичной деятельности ему приходилось искать золотую середину между Сциллой жесткого контроля сверху и Харибдой собственного взгляда, и это как-то удавалось без особого ущерба для последнего. Благодаря этому, как отмечалось, он совершил то, что было не под силу никому другому, — в пределах советской легальности создал свою особенную школу политической экономии.

Разумеется, на ниве этой науки было множество других заметных фигур, и каждая имела свои амбиции. Но Цаголов обладал двумя важными достоинствами, которые отличали его от всех других. Во-первых, необыкновенно богатым запасом знаний в самых разнообразных сферах, причем не только в области экономических наук, но и в смежных, прежде всего истории и философии. Благодаря этому он находился на недосягаемом для других уровне гуманитарной культуры. Во-вторых, как уже говорилось выше, его духовные корни уходят в революционную эпоху. Благодаря этому по своим ценностям и жизненным устремлениям он отличался от коллег, сформировавшихся в эпоху господства бюрократии. На мой взгляд, в нашем профессиональном кругу никто другой так благотворно не сочетал в себе редкие качества мыслителя широкого масштаба и борца, обладающего неукротимой волей.

Многие другие также в жестких рамках идеологической догматики развивали свои взгляды, писали учебники и книги и вносили свой посильный вклад в разработку экономических проблем, насколько было в их силах, стремились подготовить квалифицированных учеников. Эти усилия способствовали росту научного и культурного уровня экономической общественности и представляют собой определенную заслугу этих людей перед обществом. Но, на мой взгляд, никому не удавалось вопреки официальной ортодоксии внести в нашу теоретическую мысль свежую струю мысли с такой глубиной и с таким интеллектуальным блеском, как это делал Николай Александрович. Тем не менее он получил, так сказать, лишь половинчатое признание. С одной стороны, им восхищались, а с другой — жестко критиковали. Теперь, когда эти споры уже отшумели и ушли в прошлое, становится ясно, что суровость этой критики часто объяснялась простым непониманием нестандартного подхода к экономическому анализу, а зачастую тривиальной завистью к более талантливой и яркой личности.

Конечно, создание подлинной школы в экономической науке находит свое выражение в оригинальной системе понятий, т. е. является

проявлением Логоса. Однако школа вовсе не является продуктом чисто рассудочного, рационального мышления, отстраненного от мирских страстей своей позицией научной «объективности». В действительности, первоначальный импульс появлению новой парадигмы научного мышления дает история. Это происходит тогда, когда спокойное, линейное развитие социального процесса вдруг сменяется кризисом, разрывом непрерывности. Его главным свойством является угроза важнейшим ценностям, которыми руководствуется какая-то значимая социальная группа, претендующая на самостоятельную роль в истории.

Научная школа складывается как попытка осмысления исторической драмы. Интеллектуалы, которые стоят у истоков школы, не просто стремятся решить какую-то интересную логическую задачу, а ищут ответ на острый вызов времени, стремятся сделать мир лучше. Это последнее обстоятельство означает, что поиск новой парадигмы не представляет собой чисто логическую операцию, а включает оценочные суждения о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Сколько бы Маркс ни говорил, что руководствовался в своей деятельности чисто научными соображениями, но этическая подкладка его страстного обличения эксплуатации очевидна. Его учение о социализме является результатом морального негодования не в меньшей степени, чем продуктом рассудочных операций.

Не был чисто рассудочным также цаголовский подход к оценке социализма и проблемам его развития. Преступления сталинизма Цаголов считал чем-то гораздо большим, чем официально признавалось, не просто ошибками властвующей личности, а проявлением глубокого кризиса системы, ее отклонения от исторического курса. Вернуться к нему, полагал он, можно лишь путем соответствующих усилий как по линии демократизации общества, так и экономического прогресса. Только выполняя свою историческую миссию и обеспечивая рост культуры и благосостояния населения, социализм может вернуть себе силы, завоевать доверие граждан и победить капитализм. Но чтобы решить эту задачу, рассуждал он, надо ответить на вопрос: что собой представляет советский социализм, как и почему возник, в силу чего оказался в кризисе и в каких направлениях теперь может быть усовершенствован?

Ставя вопрос таким образом и пытаясь найти на него ответ, Цаголов выполнял роль, сходную с ролью Кейнса. Всеми обстоятельствами своей жизни, воспитания и образования Кейнс впитал ценности викторианской Англии, которым социалистическая революция в СССР и Великая

депрессия несли смертельную угрозу. Кейнс больше, чем кто-либо другой, ощутил опасность надвигающейся катастрофы и выступал за ее предотвращение. Когда в 30-х гг. по инициативе супругов Вебб в английской прессе развернулась дискуссия о том, является ли советский социализм новой цивилизацией, идущей на смену западной, то Кейнс решительно встал на сторону последней. После победы Рузвельта на президентских выборах Кейнс обратился к нему с открытым письмом, в котором уверял, что от успеха или провала политики американского президента зависит судьба западной цивилизации. Беспокойство об этом составляет скрытый подтекст его *Общей теории...* И хотя она изложена технически сложным языком экономической науки, но логический рисунок этой великой книги отражает именно «дух Харвей Роуд, 6», о котором говорилось выше.

Ценности, которые подвергаются суровому испытанию в период кризиса, обычно воспринимаются ученым еще из прежней жизни. Общественный кризис, означая разрыв непрерывности социального развития, не позволяет просто апеллировать к тем же ценностям в прежнем виде (к старой парадигме науки). Поэтому интеллектуал ставится перед необходимостью болезненного разрыва с традицией, парадоксальным образом именно ради... продолжения традиции. В этом, в защите ценного путем отказа от привычного и состоит специфическая творческая и нравственная мука интеллектуала в эпоху исторической катастрофы. Вот почему в формировании подлинной школы есть и сильный компонент воли, готовность пойти на болезненный пересмотр привычного, разрыв со вчерашними единомышленниками, возможное одиночество, часто непонимание.

В той или иной степени на это обречены все великие мыслители. Как отмечалось выше, чтобы найти путь к своей макроэкономике, Кейнсу пришлось порвать с маршаллианской традицией кембриджской школы, в которой он был воспитан. Утверждение его новых взглядов произошло далеко не сразу, но если бы он не порвал с ортодоксальной традицией, то либерализм не нашел бы в нем своего самого талантливого (и эффективного) сторонника. Однако необходимость защиты капитализма не превращала Кейнса в примитивного сикофанта, как обычно получалось по стереотипам советского мышления. Наоборот, эта необходимость придавала ему ту остроту взгляда, благодаря которой он сумел отделить устарелое, избавиться от него в сложившихся представлениях и увидеть и сказать то новое, что придавало второе дыхание старым ценностям.

Подход Цаголова к судьбам социализма был таким же. В отличие от маршаллианских идей, воспринятых добровольно, сталинские идеи

были навязаны тоталитарным режимом. Со временем они так были перемешаны с советской практикой и вбиты в сознание людей, что приобрели религиозный характер, и для отказа от них надо было обладать не только волей и мужеством, но и приемлемым для научной общественности альтернативным взглядом на события и процессы, происходящие в стране.

Никакой другой взгляд, кроме марксистского, социалистическое общество тогда не могло принять. В такой ситуации Цаголов оказался тем, кто сочетал в себе глубокие и всесторонние марксистские знания с неутихающей болью за трагическую судьбу русской революции.

Иначе говоря, ту же драму, что и Кейнс во время Великой депрессии, Цаголов переживал, наблюдая за перерождением революции и отклонением ее результатов от первоначальных целей. К середине 30-х гг. огромное количество людей, как непосредственных участников революции, так и ее более поздних последователей, увидели пропасть, отделявшую идеал революции от ее результатов. Они составили потенциал оппозиции, ждавшей момента для смены ответственного за это сталинского режима, но Сталин сумел предотвратить такой ход событий с помощью превентивных массовых чисток. Ко времени хрущевской оттепели мало кто сохранился из этого поколения, а те немногие, кто остался жив, как правило, давно уже превратились в простые винтики государственного механизма и полностью утратили способность к тому, чтобы сказать слово, отличное от официального. В политической экономии Цаголов оказался единственным способным на это интеллектуалом. В период хрущевской оттепели историческая драма революции поставила его перед необходимостью того самого экзистенциального (судьбоносного) выбора, о котором говорилось выше.

Этой судьбоносной необходимостью вдохновлялась вся творческая деятельность Цаголова. Он так же, как Кейнс в свое время, ощущал надвигающуюся угрозу и пытался спасти общество, в котором жил. Один предлагал это делать путем введения государственного регулирования экономики, а другой — с помощью более эффективного сочетания и взаимодополнения плановых и рыночных методов ведения хозяйства. И такая «классовость» задачи придала их суждениям ту особую критичность, которая была неприятна для власть имущих, но, тем не менее, принята западной буржуазией и отвергнута советской бюрократией.

При всем сходстве мотивов Кейнса и Цаголова их судьбы значительно различались. Конечно, если бы Кейнс родился в России, то его, скорее всего, постигла бы судьба Кондратьева, который был нашим тогдашним Кейнсом. Если бы Цаголов родился в Англии, то он, наверное,

достиг бы кейнсианских высот. Но не будем фантазировать на этот счет, а станем исходить из того, что было.

Кейнс в Англии не сразу получил признание. Своей первой нашумевшей книгой «Экономические последствия Версальского мира» он вызвал бурю негодования не только Ллойд-Джорджа, но и всего западного правящего класса, и ему надолго пришлось удалиться в родной Кембридж. Из известных государственных деятелей того времени только Ленин обратил внимание на это неизвестное до того имя и отметил, что в книге Кейнса дан самый умный анализ международной ситуации.

В течение 20-х гг. Кейнс тщетно пытался образумить английский правящий класс, убеждая его провести глубокие социальные реформы, но особого успеха не имел, пока не грянул гром Великой депрессии и капитализм не оказался в пучине мирового кризиса и перед угрозой фашизма. Но критическая ситуация тем и знаменательна, что обнажает сущность не только отдельных людей, но и социальных классов. Нежизнеспособные погибают, а жизнеспособные выживают. Если бы западная буржуазия была умирающим классом в истории, как утверждал догматический марксизм, то на рубеже 20-х и 30-х гг., ощутив дыхание наступающей угрозы, ее наиболее прозорливые деятели не обратились бы к поиску жизнеспособной альтернативы кризисной модели развития. Как раз потому, что буржуазия не утратила свои жизненные силы, лучшие представители западного капитала сохранили ту остроту зрения, благодаря которой им удалось распознать наиболее эффективных интеллектуалов.

Ярким доказательством этого утверждения можно считать деятельность созданного в 1929 г. в Великобритании «Комитета по финансам и промышленности» (он известен под названием «Комитета Макмиллана») под председательством Макмиллана, куда вошли представители правительства, бизнеса, профсоюзов и науки и на который была возложена задача выработки рекомендаций по выходу из кризиса. Став одним из его членов, Дж. М. Кейнс работал в нем в течение ряда лет. При его активном участии к 1931 г. комитет подготовил обстоятельный доклад, но, во-первых, докладов в таких случаях всегда готовится много, и, во-вторых, не только этим примечательна его деятельность.

Главное достоинство заключалось в том, с какой тщательностью велась работа. Члены комитета отличались не только своей высочайшей компетентностью, но и развитым чувством ответственности, исключавшем столь обычные у нас мелочные склоки, ревность в том, кто главнее, и подмену дела своим корыстным интересом. Ничего этого здесь не было. Высокопоставленные члены комитета обстоятельно изучали все теоре-

тические и практические соображения, которые могли оказаться полезными для решения искомой задачи. Только в такой обстановке талант Кейнса засиял во всем своем блеске. В другой ситуации его бы не заметили, и никто бы не оценил спасительный потенциал его интеллекта. Здесь же каждый пользовался повышенным вниманием, и Кейнс мог развернуться во всю свою мощь. Его доклад не просто был заслушан в рамках установленного заранее регламента, как это бывает у нас. Вместе с обсуждением он продолжался в течение всех пяти полных рабочих дней недели. За это время Кейнс, по существу, изложил предстоящую книгу в той мере, в какой она была готова, с дополнительными таблицами, формулами и графиками. Именно там он впервые с наибольшей полнотой обосновал идею государственного регулирования для обеспечения полной занятости. Никто не находил ничего зазорного в том, что заседания комитета фактически превратились в семинар, проводимый Кейнсом по своей книге, с детальными вопросами и дискуссией *pro et contra*. Разумеется, так было и со всеми другими имевшимися соображениями. В таком стиле был подготовлен упомянутый выше доклад. В результате множества подобных усилий не только в Англии, но и в США был найден выход из кризиса, в котором тогда оказался капитализм.

10. Звездный час

Теперь сравним это с поведением советского правящего класса в условиях кризиса системы. В 1961 г. на XXII съезде КПСС была принята амбициозная программа «строительства коммунизма», в которой предусматривалось достижение к 1970 г. американского уровня производства с тем, чтобы в будущем и вовсе его превзойти.

Однако первые же прошедшие после этого годы показали, что фактические темпы экономического роста СССР не способны обеспечить достижение поставленной цели. В нашей среде возникали различные соображения о том, что нужно сделать для ускорения темпов экономического роста страны. Этот вопрос приобрел еще большую актуальность в ходе описанных выше методологических дискуссий. Там многие критиковали нас за метафизическую неопределенность в вопросе о практическом значении предлагаемых нами теоретических и методологических решений. «Если ваша методология так хороша, то покажите, какие практические решения из нее вытекают?» — обращались к нам наши критики.

В связи с этими двумя обстоятельствами возглавляемая Цаголовым кафедра решила провести научную конференцию по вопросам совер-

шенствования управления социалистической экономикой, которая была намечена на май 1965 г. Вначале подготовка, которая велась силами рядовых сотрудников, шла довольно вяло. Затем вдруг что-то изменилось, и за дело активно взялся сам Цаголов. Когда мы явились к нему на совещание по подготовке конференции и увидели там Б. М. Сухаревского, то поняли, что речь пойдет о чем-то весьма серьезном. Борис Михайлович был одним из видных советских экономистов, близким другом Цаголова и сотрудничал с нами при написании учебника. Он занимал высокую должность первого заместителя председателя Комитета по труду и заработной плате и считался ближайшим советником председателя Правительства СССР А. Н. Косыгина. На обычное мероприятие он бы не пришел. Его сегодняшнее посещение и активное участие в определении программы конференции, рассудили мы, означают, что нашей работой заинтересовались в высших правительственных сферах. Так оно и было. Б. М. Сухаревский внимательно наблюдал за подготовкой предстоящего обсуждения, хотя прямого участия в делах не принимал.

Конференция была посвящена коренным проблемам совершенствования планомерной организации и управления социалистической экономикой. В течение четырех дней около 400 участников, приехавших из разных мест страны, заслушали и обсудили около 12 докладов по этим вопросам. Руководивший конференцией Цаголов во вступительном слове поставил коренные вопросы развития советской экономики на тогдашнем этапе и призвал к свободному их обсуждению. Означает ли совершенствование планирования более полный охват растущей номенклатуры и показателей средствами электронно-вычислительной техники, или, наоборот, сокращение этих показателей и сосредоточение внимания центральных органов на решении ограниченного круга вопросов? Каковы пределы расширения самостоятельности предприятий и объединений? Какое из звеньев управления: министерство — объединение — предприятие может быть основным двигателем технического прогресса? Какое из них должно обладать основным фондом инвестиций? Какую роль может играть прибыль в качестве: а) показателя хозяйственной деятельности предприятий и объединений; б) критерия эффективности их работы; в) источника финансирования технического прогресса и материального стимулирования?

Большое место на конференции занял разнообразный круг вопросов, связанных с соотношением плана и рынка. В чем состоит «особая роль» товарно-денежных отношений (рынка) при социализме? Насколько рынок и план совместимы или противоречат друг другу? Каковы пре-

делы использования рыночных отношений, в чем их позитивная и негативная роль?

Как всегда, высказывались самые различные, подчас противоположные точки зрения. Все дни обсуждение проходило весьма активно, временами принимая ожесточенный характер.

Непростые и сегодня, эти вопросы во многом были новыми тогда и бурно обсуждались. Ход обсуждения влиятельная французская газета «Либерасьон» сравнила с подлинными Генеральными штатами накануне Великой французской революции, и, наверное, в этом была доля истины. Мы делом ответили нашим критикам, показав, что от нашего методологического подхода есть прямая дорога к самым актуальным проблемам развития страны и что принятие наших рекомендаций способно повысить эффективность экономики.

После конференции в течение двух недель мы работали над подготовкой итогового документа, во время которой Цаголов все время консультировался с Б. М. Сухаревским, и уже это свидетельствовало, что его адресатом является Н. А. Косыгин. Позднее это стало еще яснее. Обычно такие документы направлялись в ЦК КПСС, поскольку все знали, что именно там принимается решение. Однако, в нарушение этой традиции, подготовленные рекомендации конференции мы решили адресовать в Совет Министров СССР.

Что стояло за этим изменением сложившегося порядка?

В биографической книге В. Андриянова, посвященной Н. А. Косыгину (Андриянов, 2003) очень скупо представлена его деятельность по подготовке и проведению сентябрьской (1965) хозяйственной реформы. Между тем не зря эту реформу прозвали «косыгинской». Хотя после «Пражской весны» и ввода советских войск в Чехословакию в 1968 г. руководство КПСС отказалось от курса реформ, но на сентябрьском (1965) пленуме ЦК этот курс был принят, и роль Н.А. Косыгина в этом была значительной. Его влияние чувствовалось и в ходе нашей конференции.

В соответствии с советской традицией, прямого покровительства нам никто не оказывал, но повышенное внимание к себе мы отчетливо ощущали. Так, когда уже были готовы наши Рекомендации, то перед отправкой по месту назначения Цаголов вдруг предложил адресовать их не Косыгину, как первоначально предполагалось, а безлично — в Совет Министров СССР. Оказывается, так посоветовал сам Алексей Николаевич. Поскольку он собирался показывать бумагу в президиуме ЦК, то лучше, чтобы его имя не фигурировало, вот, мол, прислали в Совет Министров, и я вам показываю. Очевидно, нравы были таковы, что пер-

сональное обращение к А. Н. Косыгину через голову Л. И. Брежнева могло раздражать генсека, ревниво оберегавшего свой авторитет, а Алексей Николаевич не хотел этого делать.

Особое значение конференции подтверждается и тем, что 30 июня 1965 г., дней через 10–12 после отправки наших Рекомендаций, в газете «Правда» появился большой отчет, где она характеризовалась в самых положительных тонах. Надо сказать, что четыре полосы газеты «Правда» — этого главного идейного рупора партии — были посвящены только важнейшим с точки зрения руководства страны темам и событиям. О многих авторитетных конференциях, имевших большое значение для науки, там обычно даже не упоминалось. Тем значительнее тот факт, что о нашей конференции не просто сообщалось, но и пересказывались ее основные идеи.

О нравах того времени говорит и то, что они излагались без упоминания имен. Не было названо имя даже Цаголова. Неслучайный смысл этого «упущения» до меня дошел позже, когда я стал работать в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Тогда мне, профессору, приходилось много раз принимать участие в подготовке партийно-правительственных документов, и там я уяснил сложившийся порядок. Существовала «трехэтажная» система их подготовки. На первом «этаже» составлялся черновой вариант («болванка») — так называемыми «рабочими лошадками», рядовыми сотрудниками аппарата ЦК и соответствующих научно-исследовательских учреждений, Академии общественных наук и Высшей партийной школы. Затем «болванка» поступала во второй «этаж», который состоял из работников среднего звена ЦК и приближенных к ним руководителей (их называли «белой костью»), имеющих доступ на самый верхний (третий) «этаж». Там, под пером узкого круга помощников и особо приближенных к генеральному секретарю лиц документ приобретал свой окончательный вид.

Достоинство такой постоянной и «поэтажной» переделки состояло в том, что авторство идей и текстов окончательно исчезало. Для партийного руководства было чрезвычайно важно показать, что оно только опирается на научные разработки (пусть ученые будут этим довольны), а *новаторская мудрость* принадлежит только им. Поэтому неупоминание имен в газетном отчете было признаком того, что наши идеи могут быть использованы руководством страны для принятия принципиально важного решения.

Об этом можно было судить по тому, как были расставлены акценты в изложении газетного материала. О необходимости отказа от детального планирования и сосредоточения внимания центральных плановых

органов на задачах обеспечения макроэкономических пропорций и полной занятости трудоспособного населения, на чем настаивал Цаголов, говорилось глухо. Зато его идея более широкого использования рыночных механизмов в рамках планово организованного хозяйства была изложена почти дословно. «Долгое время в экономической литературе утверждалось, — отмечала газета, — что никакой проблемы рынка при социализме не существует. Жизнь отвергла эту догматическую точку зрения. Нельзя решать вопросы структуры промышленности, организации производства, определять направление развития промышленности, не зная емкости и потребности рынка, закономерностей и перспектив его развития. Проблема рынка существует не только для потребительских товаров, но и для средств производства. В этой области непочатый край работы» («Правда» от 30.06.65, №174).

Обнародование идей нашей конференции в июне 1965 г. подготавливало важное событие в жизни страны, которое было намечено на сентябрь того же года. Конечно, доклад А. Н. Косыгина и остальные материалы состоявшегося тогда пленума ЦК готовили другие люди, и у них есть основания говорить о своей роли. Но проведенная под руководством Цаголова конференция имела принципиально важное значение. Наша инициатива совпала с желанием тех, кто думал и работал в том же направлении и хотел заручиться поддержкой такого авторитетного научного центра, как Московский университет.

Конференция подготавливала общественное мнение страны к принятию новых подходов и подкрепляла аргументацию тех сил в партийном руководстве, кто считал, что ограничение круга плановых заданий, расширение самостоятельности предприятий, принятие прибыли в качестве показателя их хозяйственной деятельности, более широкое использование рыночных механизмов не только не представляют опасности для социализма, а являются жизненно необходимыми для повышения эффективности экономики. Стоявшие за кулисами нашей конференции высокие руководители понимали это ее значение, а потому упомянутая статья заканчивалась так: «Хорошую инициативу проявили ученые-экономисты Московского университета. Рекомендации конференции представляют несомненный общественный интерес» («Правда» от 30.06.65).

Тогда мы очень гордились нашими результатами и надеялись, что и дальше будем работать в этом направлении. Мы поддерживали провозглашенный в сентябре 1965 г. на пленуме ЦК КПСС курс на ограничение централизма и расширение хозяйственной самостоятельности предприятий и объединений. Внешне это можно было воспринимать как общепринятую манеру одобрения курса партийного руководства. На

самом деле такая позиция вытекала из концепции школы Цаголова, научная ценность которой сегодня выступает гораздо более рельефно, чем это можно было предполагать тогда.

Выше уже говорилось о той концептуальной основе школы, которая в оценке современного капитализма в центр внимания ставила, по крайней мере, два мощнейших института, подрывающих и ограничивающих рыночные отношения, — господство крупных корпораций и государственное регулирование. Именно с их помощью обосновывался объективный характер планомерной организации производства при социализме. Таким образом, природа современного капитализма рассматривалась как сложная, внутренне противоречивая структура, для которой характерно дополнение механизмов спонтанного развития элементами планомерной организации.

С этой точки зрения мировоззренческая основа радикальных рыночных реформ начала 90-х выглядит как примитивный идеологический анахронизм. В их основе лежало представление о капитализме XIX в. как системе свободной конкуренции, не нуждающейся в подпорках государственного вмешательства. Даже учение Кейнса отвергалось идеологами этого направления как якобы устаревший подход. Вульгарное прочтение Хайека и Фридмена свелось к усвоению своеобразных рекламных «слоганов» неоконсерватизма, отводящих государству не более чем роль «ночного сторожа». Из этого выводилось нелепое требование, что «государство должно уйти из экономики».

Чтобы увидеть источник очередного «единственно верного учения» рыночных реформаторов, стоит прочитать показательную книжку «Адам Смит шагает по Москве» (Адамс, Брок, 1994). Задуманная как своеобразная «Азбука капитализма» для малограмотных, эта книга суммирует советы западных экспертов правительствам восточноевропейских стран, переходящих к рынку. Читатель может составить себе представление о характере этих рекомендаций по следующему совету: «А вы просто закройте глаза и дайте невидимой руке рынка самой распределить собственность». Через десять лет после проведения приватизации даже не очень экономически подкованный читатель может сам вполне адекватно оценить трагическую порочность возврата к устаревшей и отброшенной самим капитализмом модели рынка.

В ее основе лежат представления консервативных кругов на Западе, давно изжитые практикой самих развитых стран, которые восходят к опыту мелкотоварного производства XVIII — начала XIX вв. Воспринимать идею «невидимой руки рынка» (термин, введенный в оборот Адамом Смитом в XVIII в.) как некое откровение в современном мире, ко-

торый необратимо изменила трагедия Великой депрессии, значит проявлять безнадежную интеллектуальную и культурную провинциальность и нищету. Вульгарно усвоив эти идеи по вторичным, пропагандистским источникам, идеологи реформ, по существу, руководствовались *реакционной утопией*, зовущей общество назад, к уже перевернутым страницам истории.

Особый акцент на подрыве рыночных отношений, делавшийся цаголовской школой, предполагает более сбалансированный подход к реформам, если за образец берется современное развитое рыночное хозяйство. Но система Цаголова заключала в себе и еще один существенный элемент, дающий более надежный ключ к пониманию путей эффективных преобразований. Ею даже в рамках официального догматизма ставились такие коренные для нашего сегодняшнего развития проблемы, которые не ставятся и не могут быть поставлены в рамках господствующей сегодня неоклассической доктрины. *Планомерность трактовалась с точки зрения диалектики централизма и самостоятельности предприятий.*

Именно на эту тему автором этих строк была написана и защищена в конце 1969 г. докторская диссертация. Смысл данной нами и разделявшейся другими представителями школы постановки проблемы состоял в том, что планомерность обеспечивается оптимальным сочетанием, равновесием этих противоположных начал. Подчеркивалось, что чрезмерный централизм также способен порождать диспропорции и быть их стихийным источником, как и чрезмерная самостоятельность, а потому круг плановых заданий надо сократить, а самостоятельность предприятий расширить до такой степени, чтобы сделать их способными к расширенному воспроизводству. Более того, доказывалась необходимость преодоления бюрократического характера управления экономикой и принятия дальнейших мер по развитию политической демократии социалистического общества. Разумеется, эти положения, как было принято тогда, выдвигались в самом общем виде с опорой на подходящие партийные документы и ленинские положения, но смысл их был ясен: *сверхцентрализм препятствует нашему дальнейшему росту, и преодолеть его можно путем демократизации хозяйственного управления и политической системы.*

Более конкретная постановка этих вопросов в условиях цензуры, идеологического контроля и ограниченности статистических данных едва ли была возможна. Тем не менее само обращение к этим проблемам носило критический характер и было результатом осмысления несовершенства сложившейся системы хозяйства. Тем, кто воспринимал

эти идеи, было ясно, что централизм — это эвфемизм плана, а самостоятельность — рынка и что речь идет ни о чем другом, как о необходимости взаимодополнения плана и рынка. При этом, конечно же, планированию отводилась ведущая роль в этом симбиозе, а рынку — ведомая. В этом было принципиальное отличие не только официальной формулировки позиции школы, но, — не собираюсь это утаивать — и личных убеждений основных последователей школы.

Ценность этого подхода к экономике как к динамичному, внутренне противоречивому, исторически развивающемуся объекту становится особенно ясна сегодня. Выясняется, что в рамках официальной и догматической советской политической экономии была возможна постановка таких коренных для нашего современного развития проблем, которые нельзя поставить в условиях сегодняшней неоклассической ортодоксии. На страницах толстых томов по «экономикс» вы не найдете ничего о закономерном и необходимом характере вмешательства в спонтанное развитие рыночного хозяйства. В самом деле, почему же современный капитализм отказался от соблюдения фундаментального системообразующего принципа рынка — laissez faire? Сам строй мышления этой научной дисциплины исключает рассмотрение периодических кризисов рыночной экономики как закономерного явления, вытекающего из природы этого типа хозяйства. Есть лишь невнятная ссылка на провалы рынка, более-менее объясняемые внешними и случайными явлениями.

Это и понятно. Если исходить из гипотезы рационального «экономического человека», способного к достаточно точным вычислениям вероятностных процессов и предвидению будущего, то остается лишь постулировать, что экономика сама собой устремляется к равновесию, когда никто не вмешивается в решения индивида. Здесь рациональному индивиду догматически приписывается то же свойство всеведения, которое приписывалось нами так называемому «общественному центру». Однако наши представления, хоть и в догматической форме, но все же позволяли осмысливать некоторые коренные проблемы, в то время как неоклассическая ортодоксия имеет мало отношения к нынешней реальности вообще.

Сегодня понятно, что ставка на спонтанное становление эффективного рыночного хозяйства провалилась, а вместе с ней потерпели позорный провал и импортеры зарубежной догматики. Очевидно, что выход на траекторию устойчивого экономического роста лежит на путях нового поиска оптимума спонтанности и сознательного регулирования, рынка и плана. Всякие сомнения на этот счет должны исчез-

нуть после сопоставления российского и китайского опыта рыночных реформ (Nolan, 1995).

К сожалению, концепция школы Цаголова об оптимальном сочетании централизма и самостоятельности, плана и рынка не была реализована, а следовательно, не прошла тогда должную экспериментальную проверку. Через два с половиной года после сентябрьских решений 1965 г. наступила «Пражская весна», которая своими требованиями демократии напугала советское партийное руководство, и оно свернуло с пути реформ на путь дальнейшей бюрократизации управления обществом и экономикой. Но это не может менять научной ценности концепции Цаголова и его школы того времени.

Сам Цаголов оставался высокопочитаемой фигурой и даже был награжден орденом Ленина, но его влияние стало ослабевать. Главный труд его жизни, вначале считавшийся учебником, во втором и третьем улучшенных изданиях получил только гриф «учебного пособия», а в дальнейшем, несмотря на возраставший спрос, лишился этого статуса и вообще перестал переиздаваться. После 1968 г. указанный им спасительный путь совершенствования управления социалистической экономикой, оптимального сочетания плана и рынка молчаливо стал приниматься как опасный.

Старевшее и терявшее контроль над событиями советское партийно-государственное руководство ничего не хотело менять и ни во что вникать. Они хотели дожить свой век, и ни Маркс, ни Кейнс, ни Цаголов, и никто другой им больше не был нужен. Находившаяся под властью этого руководства двадцатимиллионная партия и двухсотвосьмидесятимиллионный народ безропотно дожидались неминуемой катастрофы.

11. Школа Цаголова: подъем и упадок

Несомненный успех Цаголова во многом был обусловлен тем, что он создал свою школу в политической экономии в то время, когда большинство его коллег стройно шагали в единых рядах сталинской ортодоксии, придерживаясь общепринятых канонов догматического мышления и партийных формул. Этой практике он противопоставил свой метод получения научных результатов путем применения к социализму методологии «Капитала». Те, кто принял эту методологию и построил на ней свою работу в Московском университете и других местах, составили особое направление в политической экономии, которое со временем стали называть «школой Цаголова».

Постепенно предложенный школой Цаголова подход к решению проблем политической экономии распространился далеко за пределами Московского университета. Помимо российских вузов ее последователи появились в различных бывших республиках СССР. Среди них были и есть такие известные имена, как акад. Ю. Н. Пахомов (Украина), акад. А. А. Аракелян (Армения), проф. М. С. Кунявский (Белоруссия), Р. Кулиев (Азербайджан), Г. И. Мегрелешвили, В. И. Датукишвили, Т. Дмитришвили (Грузия) и множество других видных экономистов в других городах бывшего СССР.

При жизни Цаголов поддерживал постоянный контакт со своими сторонниками и дорожил их мнением о своей научной и учебной работе. Систематически проводившиеся тогда под его руководством научные конференции были местом постоянных встреч как сторонников, так и оппонентов школы, и благодаря этому обсуждения всегда были плодотворными и интересными для всех участников, независимо от того, кто какой точки зрения придерживался.

При этом следует подчеркнуть, что школа Цаголова была именно «школой политической экономии», а не какой-либо иной отрасли знаний, например, экономической теории вообще. Цаголов никогда не соглашался с подменой политической экономии какой бы то ни было другой разновидностью экономической теории, поскольку считал, что это означало бы отказ от ее предмета. Так, он утверждал, что экономикс понадобился западной науке, чтобы отказаться от опасного для капитализма анализа общественно-экономических (производственных) отношений и переключить анализ на безопасную сферу чисто функциональных технико-экономических зависимостей. Марксистская политэкономия, в отличие от экономикс, заинтересована в анализе производства и распределения прибавочной стоимости, поэтому первая включает его в свой предмет, а второй исключает оттуда.

Цаголов твердо придерживался подхода классической политической экономии и на этой основе создавал свою школу. Человек высокой культуры и разносторонних знаний, он понимал, что принадлежность к школе позволяет интеллектуалу реализовать свой потенциал в гораздо большей мере, чем это можно сделать собственными усилиями, без опоры на достижения предшествующих поколений ученых. Тем более этого нельзя сделать кустарным способом, самонадеянно полагаясь на «здравый смысл» и расхожие стереотипы мышления.

Думается, пора признать, что только принадлежность к подлинной школе позволяет интеллектуалу реализовать свой потенциал и подняться на современный уровень науки. Это происходит потому, что школа,

обладая оригинальной методологией, во-первых, предоставляет специфические средства научного исследования, совершенно незнакомые даже самому что ни на есть «здравому смыслу»; а, во-вторых, создает грандиозную целостную картину мира, в перспективе которой даже сравнительно скромное научное исследование сразу приобретает характер чего-то гораздо более значимого и важного.

Замечательное свойство научной системы состоит в том, что она делает «целое больше простой суммы частей» благодаря тому, что является продуктом коллективного интеллектуального труда целых поколений исследователей. «Мы стоим на плечах своих Великих Предшественников», — любил повторять Цаголов, и тем, кто его знал, было ясно, что для него это были не просто слова. Решающее значение, как мы отмечали многократно, он придавал не понятию как таковому, а его системной связи с другими, при этом подчеркивая, что научное понятие не исчерпывается филологическим значением слов, с помощью которых оно сформулировано. Более того, в известном отношении оно приобретает подлинный смысл независимо от своего обычного семантического значения. Собственное содержание понятия выявляется через соотнесенность с остальными элементами системы. Узор его смысла образуется рисунком логических связей, а не жесткими дефинициями. Эти логические связи научной системы становятся важнейшим подспорьем ученого, многократно увеличивая творческую мощь его интеллекта. Именно этой решающей поддержки как раз и лишен кустарь-одиночка.

В продолжающейся традиции ушедшие поколения интеллектуалов как бы становятся современниками своего последователя, его нынешними соратниками и собеседниками, продолжают жить и мыслить в его индивидуальном усилии. Гегель обосновал свой знаменитый принцип единства исторического и логического, прочно вошедший в исследовательский арсенал цаголовской школы, создавая научную историю философии. Вся гениальность его новизны состояла в том, что история науки впервые была представлена как история формирования *системы* философского знания, когда новые мыслители не отвергали, а лишь преодолевали ограниченность предшественников. Имея в виду именно эту сторону научного мышления, Гегель полагал, что «история философии по своему существенному содержанию имеет дело не с прошедшим, а с вечным и вполне наличным...» (Гегель, 1977, т. 1, с. 218–219).

Философские предпосылки, задающие совершенно разную перспективу видения одних и тех же явлений, не вырабатываются самими экономистами, а представляют собой своеобразную квинтэссенцию культуры, спрессованный опыт ее развития. Точно также, как «Капитал»

Маркса нельзя понять без знания «Науки логики» Гегеля, так и *Общую теорию* Кейнса нельзя полностью понять без знания ее философских истоков, восходящих к индивидуализму Бентама и этике Мура. У любой серьезной научной школы есть созданный предшественниками мировоззренческий потенциал, на который явно или неявно она опирается, в то время как человек вне определенной школы может рассчитывать лишь на собственный ограниченный багаж. Поэтому только очень самодовольный человек может полагать, что, не овладев наработанным другими интеллектуальным богатством, можно заниматься наукой, полагаясь на свой «здравый смысл», даже если обладаешь способностями и богатым жизненным опытом.

В отличие от других советских экономистов, беззаботных в отношении познавательно-философских основ своих взглядов, Цаголов, как мы старались показать выше, первостепенное значение придавал тому, что было сделано предшественниками, и обогащал своих последователей разработанными Марксом методологическими средствами углубленного теоретического анализа. В этом была сила школы Цаголова. Опираясь на методологию «Капитала», она разработала теорию социализма, альтернативную по отношению к господствовавшему у нас тогда сталинско-островитяновскому мэйнстриму. Этим был предопределен взлет школы. Но с точки зрения будущего в этом состояла также ее слабость. Она была полностью сосредоточена на Марксе и игнорировала достижения мировой экономической мысли XX в. Это рано или поздно должно было обнажить ее ахиллесову пяту.

Характеризуя советскую политэкономию, В. Леонтьев в 1960 г. писал, что она «оставалась на протяжении более тридцати лет неподвижной и, по существу, бесплодной — громоздким, бесстрастным и непоколебимым памятником Марксу, который поддерживается множеством хранителей и у подножья которого время от времени обновляются свежие цветы и мимо которого проходят нескончаемым потоком вереницы людей, преисполненных чувством долга» (Леонтьев, 1990, с. 216).

В. Леонтьев, конечно, неправ, называя советскую политэкономию полностью бесплодной. Думается, основанием для этой оценки является то, что она стояла на позициях защиты социализма. Подобное утверждение сродни нашему пренебрежению научным значением западной экономической мысли на том основании, что она защищает капитализм. Оба утверждения друг друга стоят и являются результатом отрицания иной системы ценностей и слабого знания альтернативных обществ.

Тем не менее в словах Леонтьева есть большая доля истины. Не только «железный занавес» отгораживал нас от мировой науки, но и не-

оправданная с научной точки зрения канонизация Маркса закрывала нам глаза на достижения западной науки, и они оказывались вне поля нашего внимания. Если бы даже социализм сегодня продолжал свое существование, опирающаяся лишь на Маркса и не обогащаемая западными достижения цаголовская политическая экономия была бы обречена на отставание и провал. Другое дело, что будь Цаголов жив сегодня, он, с его неиссякаемым интересом к научной новизне, вряд ли сохранил бы свою оторванность от мировой науки. В условиях сегодняшней свободы он скорее обратил бы весь свой творческий дар на восприятие ее лучших достижений.

К сожалению, в этом отношении его ученики не оказались достойными продолжателями дела своего учителя. То, что случилось с его наследием, можно охарактеризовать словами, сказанными поэтом в отношении Наполеона и настолько любимыми Цаголовым, что он часто любил их декламировать.

И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.

(Лермонтов, 1957, т. 1, с. 50).

Конечно, почти за двадцать прошедших после его смерти лет не стало также многих его «маршалов», и они «зова не слышат». Но что случилось с немалым числом тех учеников и последователей, которые принадлежность к его школе в свое время считали за честь? Одни действительно сохранили верность учителю, но скорее личную, чем идейную. Они его почитают, но оказались неспособными выйти за пределы усвоенных при нем формул и стереотипов; растерявшись перед лицом новых проблем, не знают, как распорядиться доставшимся им наследством.

Один немецкий генерал как-то заметил, что «верность традиции — это не сохранение пепла, а поддержание пламени». Если это применить к заложенной Цаголовым творческой традиции в Московском университете, то здесь скорее сохраняется верность ее пеплу, чем поддерживается пламя. Вместо дальнейшего развития и применения к анализу современной российской экономики разработанной Цаголовым оригинальной методологии с использованием лучших достижений мировой экономической мысли, мы видим также другое. Многие его прежние последователи по конъюнктурным соображениям переменили свои взгляды («продали шпагу свою») и встали на путь ретрансляторов не отвечающей интересам страны неоклассической ортодоксии.

Разумеется, с социальным и научным прогрессом известный пересмотр устаревших представлений всегда необходим, и выше мы всячески подчеркивали эту необходимость. Однако в данном случае речь идет о другом. Негативные последствия осуществленных у нас реформ ставят вопрос о судьбе школы Цаголова следующим образом: для чего сегодня есть больше оснований — для ее сохранения или отказа от нее? Если неоклассическая теория открывает перед Россией перспективу выхода на уровень развитых стран, указывает пути сокращения из года в год разрыва между нами и ими по основным технико-экономическим показателям, прежде всего ВВП на душу населения, то надо наступить на горло собственной песне и принять к изучению и исполнению спасительную для нас неоклассическую теорию. А что если опять случится так, как однажды уже было: Н. Кондратьева и А. Чаянова осудили и отвергли, а дела в сельском хозяйстве СССР шли все хуже и хуже? А что если принятие рекомендуемых неоклассической теорией правил ведения хозяйства приведет к ухудшению нашего положения, разрыв между нами и развитыми странами будет возрастать и усиливать отставание страны? Но ведь итоги наших реформ как раз о том и говорят. Постулаты неоклассической теории не подтверждаются, а опровергаются исторической практикой, как российской, так и ряда других стран.

История не подтвердила вытекавший из неоклассической теории вывод о том, что единственной формой замены советской модели социализма является англо-саксонская модель капитализма XIX в., регулируемого «невидимой рукой рынка». Эта попытка потерпела полное поражение и отбросила нашу экономику на десятки лет назад. Приверженность этой модели и продолжение «курса реформ» в этом духе чревато дальнейшим превращением некогда великой державы в колониальную периферию и объект эксплуатации мирового капитала.

Академическая и вузовская среда крайне встревожена этой перспективой и указывает, что оправдывающая подобный путь развития импортированная теория отвечает нашим нуждам еще меньше, чем советская политическая экономия. Принятая сейчас к преподаванию в российских вузах неоклассическая теология представляет собой набор таких абстрактных аксиом, вера в которые оставляет нашу экономику во власти олигархического произвола и обрекает ее на превращение в обслуживающий сектор транснациональных корпораций.

Ничего хорошего от такой «теории» нам ожидать не следует. Она преследует не научные, а лишь идеологические и политические цели. Поэтому понятна озабоченность значительного числа авторитетов рос-

сийской экономической мысли, настаивающих *на возвращении политической экономии в наше преподавание.**

Само по себе такое требование представляется нам вполне обоснованным. Без анализа социальных отношений, на основе одних лишь технико-экономических зависимостей проблемы нашего (как и любого другого) развития решить невозможно. Отсюда необходимость восстановления политической экономии как единственной науки, содержащей методологию такого анализа. С этой точки зрения предлагаемое в российской литературе восстановление преподавания политической экономии в качестве основной дисциплины по экономической теории, на наш взгляд, имеет под собой все основания. Опыт преподавания экономикс в наших вузах показал, он не является достаточно надежным концептуально-теоретическим средством познания российской ситуации и не открывает перед нами необходимую нашей стране перспективу развития.

12. Какая политическая экономия нам нужна?

Однако возникает исключительной важности вопрос о том, какая политическая экономия нам нужна сегодня? Идет ли речь о восстановлении старой (советской) политической экономии или создании новой? Поскольку при этом никакой новой экономической парадигмы не выдвигается, а вставшие перед нами теоретические и практические проблемы не переводятся на язык современной экономической науки, то напрашивается вывод, что, по существу, речь ведется о восстановлении старой советской политической экономии. Едва ли такое сегодня возможно и целесообразно перед лицом вставших перед нами проблем.

На мой взгляд, нам надо решительно избавляться от груза старых представлений, препятствующих пониманию новых реальностей и но-

---

* *В. Черковец.* Политическая экономия как наука: историческая тенденция и социальная востребованность. (1966). Российский экономический журнал (РЭЖ), №3; *К. Хубиев.* «Экономикс»: о методолого-теоретическом содержании и возможности синтеза с политэкономической традицией. РЭЖ, 1997 №7; *Д. Земляков.* Дисциплина «национальная экономика»: методолого-теоретические и методические основы. РЭЖ, 2000, №9; *Его же,* Условие конкурентности — концептуально-содержательное многообразие учебников и учебных пособий. РЭЖ. 2003, №3; О статусе политической экономии в вузовском преподавании экономических дисциплин (по материалам расширенного заседания Научно-методического совета Минобразования России), РЭЖ, 2003, №4, 5–6; *Ю. Якутин.* Вузовский статус политической экономии: несколько мыслей по поводу прошедшего обсуждения. РЭЖ, 2003, №7; *Д. Валовой.* Блеск и нищета политэкономии. М., Изд. дом «Экономическая газета», 2003.

вых научных открытий. В свое время мы проглядели многие достижения экономической мысли XX в., потому что полностью зациклились на теории Маркса. Это относится ко всем, в том числе к школе Цаголова, включая его самого. Между тем, как верно пишет Джоан Робинсон, зацикливаться нельзя ни на ком. Принадлежность к школе не означает слепое следование дорогой учителя. «Школа мысли, — писала она, — процветает, когда ее последователи постоянно пересматривают и тщательно анализируют идеи основателя, проверяют его гипотезы, исправляют его ошибки, примиряют противоречия в его выводах и адаптируют его метод, чтобы применить его к свежему материалу. Требуется большая гениальность, чтобы положить начало развитию новой теории; ее сторонники могут восхищаться учителем, даже благоговеть перед ним, но они не должны подчиняться ему. Наоборот, они должны быть его ближайшими критиками» (Robinson, 1965, p. 156).

Но если во времена Цаголова такую зацикленность на Марксе еще можно было объяснить тем барьером, который «железный занавес» возвел на пути проникновения в нашу страну мировых достижений экономической мысли, то теперь их игнорирование ничем иным, кроме как ленью и постыдным бескультурьем, оправдать уже будет нельзя.

В сегодняшней ситуации России, когда страна отбрасывается на обочину мирового развития, у нее нет более насущной задачи, чем создание спасительной теории. Воспринятая правящим классом неоклассическая доктрина является гибельной для страны. Она промывает мозги молодежи сказками о том, будто на путях чисто рыночного развития мы достигнем уровня передовых стран. На самом деле этого не будет, и такая теория лишь обрекает нас на покорное ожидание нашей незавидной судьбы. Переживаемая страной драма с невиданной прежде остротой ставит нас перед необходимостью переоценки господствующей ортодоксии. В равной мере мы не можем, да и не нужно возвращаться к старой, не отвечающей современным требованиям политической экономии. Нам следует разрабатывать новую, необходимую для нашего выживания альтернативную экономическую теорию. Она должна открыть перед страной перспективу развития в соответствии с *планово-рыночной моделью*, показавшей свои преимущества в советский период (НЭП) и неоспоримо демонстрирующей их сегодня на примере высоких темпов экономического роста Китая.

Такой теории сегодня в готовом виде нет. Она может быть создана в результате обобщения современного мирового опыта на основе нашей собственной традиции путем критической переработки и творческого развития лучших достижений советской и мировой экономической науки.

Мы имеем в виду синтез классического наследия политической экономии с тем, что наработано современным посткейнсианством, институционализмом, неорикардианством и неомарксизмом, и системное осмысление всего этого средствами цаголовской методологии. На этом пути неоклассическому синтезу можно противопоставить альтернативный *постклассический синтез* более высокого уровня, способный адекватно объяснить происходящие в мире экономические процессы и позволяющий выработать для нашей страны обнадеживающую стратегию развития.

К счастью, в этом направлении значительная работа проделана западными коллегами, и нам есть на что опереться. Во множестве работ отмеченных выше направлений обстоятельно показаны, с одной стороны, несостоятельность основных неоклассических постулатов, а с другой, даны фундаментальные разработки большого ряда коренных теоретических проблем, имеющих первостепенное значение для понимания процессов как мирового, так и российского экономического развития. Примечательной особенностью этих разработок, как мы покажем ниже, является то, что они опираются на решения проблем стоимости, капитала и распределения, которые были даны классической школой политической экономии, и это роднит их с марксистской школой Цаголова. Более того, нам представляется, что только разработанная школой Цаголова методология политической экономии способна превратить новейшие достижения экономической мысли в альтернативное неоклассическому синтезу направление *постклассического синтеза.*

Но для этого нам необходимо сделать новый, почти что революционный шаг в своем развитии. Опираясь на теорию Маркса, мы в свое время пошли против господствовавшего тогда в политической экономии течения и представили альтернативную трактовку социализма. Теперь же мы имеем возможность наряду с Марксом опереться на Кейнса, Калецкого, Сраффу и множество других авторов посткейнсианского и институционального направлений, сделать новый шаг вперед в развитии политической экономии и представить альтернативную неоклассическому мэйнстриму трактовку проблем современного общества.

Разумеется, наработанный за XIX и XX вв. арсенал политической экономии является столь значительным, что здесь не место его подробно характеризовать. Но следует отметить те основные достижения истекшего столетия, которые, на наш взгляд, напрашиваются на определенные места в цаголовской системе законов и категорий, если бы мы стали писать учебник по разработанной им методологии.

По своим философским предпосылкам перечисленные выше западные школы, тяготеющие к классической традиции, близки отечественной

политэкономии и, наоборот, противостоят неоклассической ортодоксии. Это касается онтологии (структуры общественного бытия). Главный водораздел здесь проходит по вопросу о том, состоит ли общество из самодостаточных индивидов (неоклассическая теория) или из социальных классов и групп (классическая традиция). Эти предпосылки ведут к совершенно разным трактовкам важнейших экономических категорий. Так, например, в неоклассической теории считается, что сбережения определяются предельной полезностью, которую индивиды предписывают будущему и текущему потреблению. В классической традиции, наоборот, считается, что сбережения есть функция имущего класса*.

Другой важной предпосылкой экономической теории является эпистемология — теория познания. Неоклассическая школа полагает, что будущее предсказуемо для отдельного индивида. Советская политическая экономия, как раз напротив, считала, что собрать информацию об экономике и просчитать будущие пути ее развития индивид не способен, зато это вполне по силам «общественному центру», т. е. государству. Следует признать, что западное посткейнсианство здесь гораздо более реалистично, полагая, что будущее характеризуется фундаментальной неопределенностью, ограничивающей возможности его постижения**. На этой предпосылке во многом строится дискуссия о возможности и невозможности планирования. Первая позиция ведет к отрицанию возможности планирования вообще, вторая утверждает эффективность централизованного планирования в масштабах всего общества. Третья предполагает то или иное соединение плана и рынка в форме индикативного, или «децентрализованного», по выражению некоторых посткейнсианцев, планирования.

Наконец, существенные различия связаны с противоположной трактовкой антропологии — учения о природе человека. Неоклассика исходит из гипотезы «рационального экономического человека», наделенного выдающимися вычислительными способностями, позволяющими ему определить вероятностные распределения основных переменных экономики, что и дает ему возможность максимизировать ожидаемую полезность.

Марксисты исходят из учения о товарном фетишизме, мистифицирующем экономические отношения в буржуазном обществе и пре-

---

* Эмпирические данные свидетельствуют о том, что накопления рабочих имеют место, но они незначительны в сравнении с накоплениями капиталистического класса.

** Термин «фундаментальная неопределенность» введен Дж. М. Кейнсом и означает такие процессы, которым не может быть предписана количественно определенная вероятностная величина.

пятствующем их адекватному познанию рыночными агентами. Посткейнсианцы выработали концепцию «процедурной» рациональности, которая означает, что человек, сокращая область необходимых вычислений, в своих экономических решениях: имитирует поведение других членов своей социальной группы; полагается на традиции; использует приблизительные решения по «правилу большого пальца»* и т. д. Это ведет к другой теории потребительского выбора, в которой лишь малую роль играет понятие полезности, к иному пониманию функции спроса и т. п.

На этой основе альтернативные школы политической экономии разработали целый ряд теоретических проблем, позволяющих радикально обновить арсенал понятий цаголовского курса. Среди них:

1. *Теория стоимости П. Сраффы.* Она апеллирует к роли труда в образовании стоимостных пропорций; показывает, что стоимость формируется пропорциями народного хозяйства; проводит связь между чистым (прибавочным) продуктом и прибылью. Хотя данная теория вызывает бурные споры и противоречивые оценки, но многие тонкие ее толкователи считают, что в основе своей она содержит трудовую теорию стоимости. На основе взглядов Сраффы дана развернутая критика неоклассики в области теории цены, фирмы, роста. Ценность сраффианства (оно же неорикардианство) состоит в том, что оно позволяет оснастить новый курс полемикой, основанной на теории прибавочной стоимости, но переведенной на язык понятий современной экономической науки, тогда как в цаголовском курсе полемика ведется на основе понятий XIX в.

2. *Современная теория капитала.* В наше время она приобрела еще большую актуальность, чем прежде. Неслучайно в 60–70-е годы западный академический мир сотрясала «кембриджская дискуссия о капитале». Английский Кембридж (посткейнсианцы) выступал против американского (Массачусетский технологический институт также расположен в Кембридже) по вопросу о природе капитала. Дж. Робинсон показала противоречие в определении капитала, присущее неоклассической теории и делающее абсурдным агрегирование капитала для построения *интенсивной производственной функции.* Тем самым была поставлена под сомнение центральная в неоклассическом мировоззрении модель, постулирующая однозначную связь распределения и капиталовооруженности труда, когда каждому варианту первого соот-

* «Правило большого пальца» означает принятие решений на глазок, по неполной информации, когда объем необходимых вычислений превышает возможности человека.

ветствует единственный вариант второго. Таким образом, отвергалась теория распределения на основе предельной производительности. В ходе дальнейшей полемики посткейнсианцами была продемонстрирована возможность, т. н. «обратного переключения технологий», из которой вытекает наличие различных вариантов распределения при одном и том же уровне капиталовооруженности труда. Это положение несовместимо с неоклассическим убеждением в решающей роли технологических факторов в распределении в буржуазном обществе. В качестве альтернативы посткейнсианцами выдвигается теория распределения «степени монополизма» М. Калецкого, показывающая, что оно осуществляется по силе капитала.

3. *Теория фирмы.* Она развивалась целым рядом блестящих неортодоксальных экономистов, начиная с Дж. Робинсон. Ее суть состоит в анализе природы и роли крупных корпораций в современном капиталистическом хозяйстве. Основу этих концепций заложил М. Калецкий своей знаменитой теорией «степени монополизма», согласно которой цена в современном олигополистическом хозяйстве определяется крупными корпорациями по принципу начисления надбавки на издержки. Величина надбавки отражает власть корпорации над рынком, и в ее основе лежат такие факторы, как уровень концентрации производства и капитала, усилия по продвижению продаж и степень организованности рабочего класса.

В центре этих процессов лежит борьба социальных классов за относительную долю дохода. Альтернативная теория фирмы дает современное звучание основополагающему тезису курса о подрыве товарного производства при господстве монополий. Более того, альтернативные школы развивают последовательную картину корпоративной экономики, основанную на понятии несовершенной конкуренции. Это видение развитого капитализма противостоит неоклассическому.

4. *Альтернативная теория денег.* Она противостоит количественной теории денег неоклассической школы. Ведущим теоретиком монетарного направления посткейнсианства является П. Дэвидсон. Главный тезис этой школы состоит в эндогенной природе денег, которые создаются не государством, а банками в ответ на инвестиционные потребности фирм. Здесь делается упор на деньги как долговой институт в условиях неопределенности и риска. Теория инфляции этой школы видит главный источник неконтролируемого роста цен в корпоративной экономике в борьбе социальных классов за относительную долю дохода. Эта теория органично сочетается с теорией денег, как продукта развития отношений стоимости, которую развивал Маркс и которая отражена в

цаголовском курсе. Посткейнсианская теория денег позволяет изложить проблему на современном уровне, противопоставив развернутую аргументацию монетаристским представлениям о природе и, что еще важнее, о роли денег в процессах роста современной экономики.

5. *Современная теория экономического роста.* В марксистском (Г. А. Фельдман), кейнсианском (Р. Харрод, Е. Домар) и посткейнсианском (Дж. Робинсон, Н. Кальдор, А. Эйхнер, Х. Минский и др.) понимании она акцентирует роль социального конфликта и неустойчивость капиталистического хозяйства, которое отклоняется от траектории равновесного развития. В частности, А. Эйхнер на основе теории Сраффы формулирует стоимостное условие роста, состоящее в такой группе цен по отраслям народного хозяйства, которые обеспечивают покрытие издержек как текущего производства, так и расширения. Стоимостное условие нарушается в результате борьбы менеджмента фирм и рабочих за долю извлекаемого фирмой дохода, что порождает стагфляцию. Нетрудно заметить, что в основе этой теории роста лежит понятие пропорциональности народного хозяйства, подробно освещаемое в курсе Цаголова.

Х. Минский предложил инвестиционную теорию цикла, которая объясняет закономерный характер кризиса капиталистического хозяйства, вытекающий из самой природы накопления капитала. В центре анализа находится механизм нарушения стабильности финансовых рынков под влиянием провала ожиданий от инвестиций в реальные активы. Обосновывается гипотеза «финансовой нестабильности», т. н. «парадигма Уолл-Стрита». Эта теория представляет собой, по существу, современную версию теории кризисов, восходящую к Марксу и показывающую важнейшую роль в этом процессе современной финансовой системы.

Думается, что посткейнсианская теория цикла позволяет поднять парадигмальную для цаголовской системы проблему планомерности на новую высоту.

6. *Теория качественной неоднородности ресурсов* Ю. В. Яременко представляет собой уже отечественный резерв формирования нового курса. Введя разграничение экономических ресурсов на качественные (высокопродуктивные) и массовые (низкопродуктивные), мы можем интерпретировать экономический рост как определяющийся свойствами технологической структуры народного хозяйства. Если экономика развивается с опорой на массовые ресурсы, то они должны быть дешевы. Таким образом, есть жесткая связь между натурально-вещественной и стоимостной структурой экономики. Либерализация цен в структурно неготовой для этого экономике ведет к нарушению ее стоимостного условия роста и обвальному спаду.

Данная теория дает важнейший, технологический аспект пропорциональности экономики, позволяет наглядно отразить технологические свойства планомерности как экономического отношения.

7. *Проблема индикативного (децентрализованного) планирования.* Она является ценнейшим аспектом посткейнсианского наследия для цаголовской школы. В ее центре находится проблема связи народнохозяйственного и корпоративного планирования. Предлагаются инструменты социального контроля за крупными корпорациями, которые, не отменяя, но ограничивая рыночные свободы, обеспечивают *согласование цен, инвестиций и зарплаты.* Таким путем и достигается народнохозяйственная сбалансированность. Этот аспект теории особенно соответствует трактовке предприятия как, с одной стороны, товаропроизводителя, а с другой — элемента планомерного хозяйства.

Методология Цаголова выполняет важнейшую роль инструмента, позволяющего свести эти разноплановые идеи к непротиворечивому единству в рамках общего курса политической экономии. Это достигается благодаря методу ступенчатого восхождения от абстрактного к конкретному, от простого к сложному, от исходного к производному, характерному для цаголовской системы.

Так, например, указанная выше теория «степени монополизма» хорошо показывает неадекватность неоклассической теории распределения по предельной производительности факторов, но не доводит свою критику до логического конца. Показать, что распределение в корпоративной экономике происходит по силе капитала, значит опровергнуть тезис о прибыли как продукте капитала, но это еще не значит показать подлинный источник прибыли. Только тезис Маркса о прибавочной стоимости, как продукте неоплаченного труда рабочих, решает эту задачу. Эта первооснова любой формы прибавочного продукта в капиталистическом обществе представляет собой более глубокую абстракцию, чем и предпринимательская прибыль капитализма свободной конкуренции, и монополистическая прибыль корпоративной экономики. Прибавочная стоимость, в свою очередь, выводится из теории стоимости. Теория роста в сжатом виде содержит все основные понятия всей теоретической системы. Естественно, что подлинное ее обоснование не получится, если не воспроизвести последовательно все «слои» мысли, породившие ее основные элементы.

Для сохранения и продолжения цаголовской традиции сегодня недостаточно только проявлять верность тем или иным положениям, высказанным в других условиях для решения других задач, нужны та же любовь к свой стране и народу, та же воля и решимость вступать в идей-

ную схватку с разрушительными силами общества, какими обладал и какие проявлял Цаголов.

В условиях обретенной свободы Цаголова едва ли пришлось бы уговаривать принять конструктивные идеи современной мировой экономической науки. Он охотно принял бы многие западные разработки, но лишь после тщательного разбора, какая что собой представляет. Цаголов не мог, например, признать верной трактовку капитала, согласно которой он является результатом бережливости и из которой следует, что свои многомиллиардные состояния российские олигархи заработали в результате того, что голодали, ходили в лохмотьях и ночевали под мостами. Но Николай Александрович непременно заинтересовался бы сраффианской трактовкой стандартного товара, обратного переключения технологий, опровергающей неоклассическое объяснение капитала, как и многими другими неизвестными нам тогда, но доступными сегодня теоретическими решениями.

В очень многих случаях нам не надо будет изобретать велосипед, наши зарубежные коллеги проделали колоссальную работу по доказательству несостоятельности так некритически воспринятых значительной частью российских экономистов догм неоклассической ортодоксии. Только надо изучить этот материал и использовать его в соответствии с методологическими принципами Цаголова в рамках системного анализа экономических отношений. Но для этого нужны цаголовская неподкупность, воля, верность научной истине и мужество в борьбе за лучшее будущее своего народа и страны.

ЛИТЕРАТУРА

Адамс В., Брок Дж. В. (1994). Адам Смит шагает по Москве: диалог о радикальной реформе: Пер. с англ. — М.: «Дело ЛТД».

Андриянов В. (2003). Косыгин. М., «Молодая гвардия».

Баумоль У. (2001). «Чего *не* знал Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию». Вопросы экономики, №2, с. 73.

Вазюлин В. А. (1968). Логика «Капитала» К. Маркса. М.:, Изд-во МГУ.

Гегель Г. В. (1977). Энциклопедия философских наук: в 3 т. Послесловие Е. П. Ситковского и А. П. Огурцова. М., т. 1.

Дзарасов С. С. (1983). Японские контрасты. «Плановое хозяйство», №3.

Ильенков Э. В. (1960). Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М.

Леонтьев В. (1990). Экономические эссе. М.

Лермонтов М. (1957). Соч. в 4-х томах, т. 1, М., Из-во художественной литературы.

Маркс К. и Энгельс. Ф. Сочинения, т. 12, М.

Маркс К. и Энгельс. Ф. Сочинения, т. 23, М.

Самуэльсон Л., Нордхаус В. (1997). М., «Экономика», Бином-КноРус.

Сраффа П. (1999). Производство товаров посредством товаров, М.

Хессин Н.В. (1968). В. И. Ленин о сущности и основополагающих признаках товарного производства. Из-во МГУ.

Цаголов Н. А. (1982). Курс политической экономии в 2-х томах (1963). М., Экономика.

Цаголов Н. Н. (1982). Вопросы методологии и системы политической экономии. Изд-во Московского университета.

Черковец В. Н. (1965). Планомерность социалистического производства, М., «Экономика».

Шумпетер И. (1995). Капитализм, социализм, демократия. М., «Экономика».

Шумпетер И. (2001). История экономического анализа. С-Петербург.

Blaug M. (1980). The methodology of Economics: How Economists Explain. Cambridge: Cambridge University Press.

Boland L. (1998). Methodology. The new Palgrave a Dictionary of Economics. Vol. 3.

Caldwell B. (1982). Beyond Positivism: Economic Methodology in the Twentieth Century. London: George Allen & Unwin.

Eatwell J. (1974). Controversies in the theory of surplus value. Old and new. Science and Society. Vol. 38.

Eichner A. (1983). Why Economics is not yet a Science. Macmillan Press: London.

Harrod Roy. (1982). The Life of John Maynard Keynes. W.W. Norton & Company. New York — London.

Kaldor, N. (1963). Capital accumulation and economic growth. In the Theory of Capital, ed. F. Lutz, London: Macmillan.

Keynes J. M. CW, IX, 311.

Nolan P. (1995). China's Rise, Russia's Fall? New York: St. Martin's Press.

Robbins, L. (1932). An Essay on the Nature and Significance of the Economic Science. London: Macmillan.

Robinson Joan. (1965). Marxism: Religion and Science. Collected Economic Papers. Vol. 3. Oxford.

Robinson Joan. (1979). History Versus equilibrium, In «Collected Economic Papers», vol. 5, Basil Blackwell Published.

Rosenbaum, S.P. (1987). Victorian Bloomsbury. The Early History of the Bloomsbury Group. Vol. 1, The Macmillan Press Ltd.: London.

Samuelson, P. (1947). Foundations of Economic Analysis. Cambridge Mass: Harvard University Press.

Глава IV

МОДЕЛЬ ЦАГОЛОВА

1. Уникальный взгляд на социализм

Автор этих строк не учился в МГУ и потому в студенческие и аспирантские годы не сталкивался непосредственно с Н. А. Цаголовым как преподавателем. Но уже в то время — в конце 1940-х и начале 1950-х гг. — его имя как блестящего лектора и одного из оригинальных теоретиков политэкономии социализма было на слуху в среде молодых экономистов. При И. В. Сталине, было, правда, не принято и даже опасно выделяться в качестве родоначальников особых направлений в политической экономии социализма. Все ведущие политэкономы так или иначе следовали основным постулатам вождя, и специфика каждого выражалась в несколько особой позиции по какому-то конкретному аспекту.

Например, наиболее серьезные расхождения касались вопроса о природе товарно-денежных отношений и действия закона стоимости при социализме. Одни считали, что их надо выводить из двоякой формы социалистической собственности — государственной и кооперативно-колхозной, другие — из хозрасчетной самостоятельности предприятий, третьи — из принципа распределения по труду и т. д. Спорили и о том, какой экономический закон является основным — закон стоимости, закон планомерности или закон максимального удовлетворения потребностей. Но последнее слово оставалось за Сталиным, который выносил окончательное суждение, под которое — даже спустя немалое время после его смерти — подводили все прочие компоненты политэкономической теории.

На этом общем фоне Н. А. Цаголов в послесталинский период стал выделяться как сторонник построения логически стройной экономической концепции социализма, которая бы следовала методологическим

основам анализа, продемонстрированного К. Марксом в «Капитале». Хотя в то время все авторы так или иначе опирались на произведения классиков марксизма-ленинизма, сама манера следования этой догме была различной. При большом разнообразии высказываний классиков каждый автор чаще всего находил и выделял именно те, которые, как ему казалось, подтверждали и обосновывали именно его особенный подход и специфическую трактовку. В этом смысле все они оставались марксистами, хотя их подходы и в общей логике, и в последовательности изложения, и даже в трактовке ряда принципиальных вопросов сильно различались.

Надо сказать, что, хотя никто не решался оспаривать марксову логику при анализе домонополистического капитализма, мало кто имел смелость распространить ее принципы на анализ социализма. Причину нетрудно понять. Социализм, как преимущественно нетоварную систему, анализировать, начиная, как это делал Маркс применительно к капитализму, т. е. с товара, было невозможно. А раз так, то исходным пунктом политэкономии социализма, как правило, было описание основ самой системы, т. е. общественной собственности на средства производства, двух ее форм и вытекающих из этого факта новых производственных отношений. Затем следовал анализ других компонентов системы — планирования, принципов распределения, использования товарно-денежных отношений и закона стоимости, хозрасчета и т. д.

Н. А. Цаголов не отрицал возможности такого подхода, но считал его, во-первых, описательным и, во-вторых, незрелым. Полезность описательного подхода, по его мнению, заключалась в том, что она позволила выявить, «добыть», как он выражался, категории и законы социалистической экономики. Без такой описательной стадии, длившейся несколько десятилетий и пользовавшейся, как своим предметом, живой, чрезвычайно подвижной и постоянно меняющейся действительностью, открытие законов и категорий социализма было просто невозможно. Это был низший, но совершенно необходимый этап познания.

В этом отношении Н. А. Цаголов был абсолютно прав. Социализм в СССР не строился по готовой схеме, а структура планирования и управления экономикой, как и степень использования рыночных механизмов, постоянно менялись. Еще в 1920-х гг. преобладало мнение, что политэкономия может существовать только применительно к товарному производству и капитализму и что само строительство социализма есть отрицание политической экономии, т. к. действие стихийных законов сводилось к минимуму. Только позже появилось представление о политэкономии в узком (капитализм) и в широком (все формации) смысле

слова. Вплоть до конца 1930-х годов отрицалось существование при социализме закона стоимости, а его конкретное использование трактовалось рядом авторов как действие «закона трудовых затрат». Только благодаря вмешательству Сталина в эту дискуссию существование закона стоимости было наконец признано.

При таком разброде в понятиях систематическое описание существующего механизма экономики было уже немалой заслугой авторов тех лет. Но настало время, когда и общий механизм экономики более или менее устоялся, и основные закономерности и категории стали достаточно понятны. И тогда появилась необходимость в новом этапе политэкономической науки. Вот как пишет об этом сам Н. А. Цаголов:

«Можно... различать описательную, т. е. незрелую, политическую экономию, и зрелую, т. е. теоретически развитую политическую экономию... Строго говоря, оставаясь в рамках описания явлений, политическая экономия не есть еще экономическая наука, ибо задачей науки является проникновение в сущность явлений, открытие экономических законов движения способов производства... Недостаток политической экономии социализма не в том, что она, якобы, чурается теории, а в том, что теория не сведена в систему. Созданию системы экономических категорий и законов социализма мешает известная недооценка метода восхождения от простого к сложному, от абстрактного к конкретному» (Цаголов, 1983, с. 38).

Эти строки относятся к одной из дискуссий 1966 г., когда становление цаголовской школы в преподавании и создании учебника по политической экономии социализма уже определилось. Именно к этому времени относится и мое более близкое личное знакомство с Николаем Александровичем, который пригласил меня, как молодого тогда доктора экономических наук, преподавать спецкурс современного монополистического капитализма на его кафедре в МГУ.

Еще до этого я стал, по воле случая, руководить сначала дипломной работой, а затем и кандидатской диссертацией Георгия Николаевича Цаголова. Я тогда работал над исследованием структуры финансовой олигархии США, и Георгий по моей рекомендации взялся за сложное и трудоемкое исследование по первоисточникам сначала калифорнийской, а затем и техасской финансовой группировки. Это были оригинальные работы, которые лично мне сильно помогли во время пребывания в США в 1962–1963 гг., когда я непосредственно общался с банкирами и промышленными магнатами, взаимные связи которых мы вместе с Георгием распутывали еще в Москве до моей поездки в США. Помню, как удивлялись мои собеседники из клана банкира Джаннини в Сан-Фран-

циско, когда я, опираясь на наши разработки, проявлял знание таких деталей их деятельности, о которых, как они полагали, никто за пределами их группы — «Бэнк оф Америка» — знать не мог.

Впоследствии Георгий Николаевич вырос в большого самостоятельного ученого, стал — уже без моей помощи — доктором экономических наук и профессором. Судьба не раз нас сталкивала вместе. Какое-то время (уже в 1980-х гг.) мы работали в Праге в международном журнале «Проблемы мира и социализма».

И, конечно, дружба с Георгием положила начало и моим более частым неформальным встречам с Николаем Александровичем и его большой семьей. Наше многолетнее общение выходило далеко за рамки кафедральных и научных интересов. Почти до конца его дней мы встречались и обсуждали многие острые проблемы жизни нашей страны. Как сейчас, вижу его статную, несмотря на старость, фигуру, когда он вместе с нами бродил по лесным дорожкам в подмосковном Переделкине. Это был мудрый, многоопытный и очень добрый человек, который охотно делился с друзьями богатством своих идей и наблюдений.

До совместной работы с Н. А. Цаголовым на его кафедре я не был глубоко знаком с его специфическим подходом к проблемам политэкономии социализма и знал лишь, что он по-своему строит логику восхождения от простого к сложному, от абстрактного к конкретному. Если для Маркса в «Капитале» исходным пунктом анализа служит товар, то для Цаголова таким же отправным началом служила планомерность. Многим критикам такой подход казался искусственным. Ведь товар можно рассматривать, как элементарную клеточку капиталистического хозяйства, и из нее и ее противоречий, следовательно, можно выводить все прочие категории и законы капитализма. Планомерность же не может считаться подобной элементарной клеточкой социалистического хозяйства, это скорее одна из его обобщающих характеристик. Если переход от товара к капиталу — это действительно восхождение от простого к сложному, то переход от планомерности к другим аспектам социализма представляется скорее как движение от одной сложной категории к совокупности других.

Но знакомясь более пристально со взглядами Цаголова, я понял, что дело тут отнюдь не в формальном копировании метода Маркса, а в попытке выстроить стройную логическую модель функционирования социалистической экономики. Можно соглашаться или не соглашаться с логикой ее автора, а также с вытекающими из данной модели мировоззренческими выводами применительно к описываемой ею системе. Тем не менее она заслуживает тщательного изучения во всей своей сложно-

сти, т. к. выражает в достаточно законченной форме особый, уникальный взгляд на само понятие социализма.

Поэтому, прежде чем сопоставлять с другими существующими моделями, а тем более прежде чем подвергать ее критическому анализу, следует хотя бы в общем плане обрисовать саму «модель Цаголова».

Исходным пунктом анализа производственных отношений социализма в этой модели является не товар, как элементарная ячейка рыночной экономики, и не отдельные предприятия, как субъекты товарного производства, и их взаимоотношения на рынке, а общественное производство в целом, как единое хозяйство, ведущееся во имя общественного интереса и за общественный счет. Централизованное хозяйствование государства на уровне макроэкономики, вытекающее из факта огосударствления главных средств производства в обществе, заключается по своему содержанию в планомерной организации общественного производительного процесса. «Раскрытие основ коммунистического способа производства, — писал Н. А. Цаголов, — начинается с категории планомерности» (Курс, 1970, т. II, с. 106).

Исторически это исходный пункт потому, что без налаживания планомерной организации управления производством, распределением, обменом и потреблением в масштабах всего общества «национализированные фабрики и заводы не могут прийти в движение на новой основе и, следовательно, общенародная собственность экономически, как система производственных отношений, не реализуется» (Там же, с. 107).

Логически планомерность — исходный пункт анализа потому, что вне этой всеобщей формы движения социалистического производства «невозможно понять ни одной экономической категории социализма...» (Там же, с. 107).

Планомерность понимается двояко — как особая форма организации экономики и как ее планомерное функционирование. В своем первом смысле планомерность предполагает наличие единого субъекта хозяйствования (государства), который централизованно устанавливает объемы производства, соответствующие потребностям общества, а также пропорции распределения факторов производства, необходимых для выполнения поставленных целей.

Таким образом, в данной модели изначально постулируется принципиальная противоположность рыночной (товарно-капиталистической) экономике прежде всего в том, что необходимость каждого продукта (товара) для общества признается уже в силу того, что он произведен в соответствии с государственным планом. «Чтобы получить общественное признание, труду каждого отдельного работника и коллек-

тивному труду каждого предприятия нет нужды подвергаться предварительному учету на стихийном рынке. В результате труд отдельного работника и коллектива работников имеет *непосредственно общественный характер в масштабе всего народного хозяйства*, т. е. признается в качестве общественного и оценивается обществом по единым меркам заранее, a priori, а не a posteriori, задним числом, по указанию рынка, а продукт труда выступает как *непосредственно общественная потребительная стоимость*, т. е. как продукт, произведенный не для рынка, ради стоимости, а непосредственно для удовлетворения той или иной производительной или личной потребности» (Курс, 1970, т. II, с. 109).

Такой подход к анализу основ социализма интересен прежде всего тем, что за основу берется не столько отсутствие эксплуатации рабочей силы и частного присвоения прибавочного продукта, сколько факт гарантированного участия каждого работника и коллектива в трудовой деятельности. Раз их труд предусмотрен государственным планом, то отсюда автоматически вытекает и предусмотренное вознаграждение. Само по себе это не предполагает ни полной занятости, ни достаточно высокой оплаты труда, но создает материальные условия для того, чтобы предусмотреть и то, и другое. В реальной практике социализма полная занятость обеспечивалась, хотя вопрос об адекватной оплате труда оставался открытым. В развитых рыночных экономиках полная занятость, разумеется, не обеспечивается, но уровень оплаты труда в конечном счете оказывается достаточно высоким. Вопрос о том, что лучше — гарантия занятости и принадлежности к общему делу при сравнительно скромном уровне жизни или же довольно высокая оплата труда при негарантированной занятости, — так и остался нерешенным. Позже мы еще рассмотрим эту проблему.

Возвращаясь к категории планомерности, отметим ее вторую сторону, выделяемую Н. А. Цаголовым, — планомерное функционирование производства. В данном случае имеется в виду, что, обладая контролем над главными средствами и факторами производства, государство в состоянии их использовать так, чтобы обеспечить поступательное, бескризисное развитие, т. е. движение по траектории динамического макроэкономического равновесия, всеобщее соблюдение народнохозяйственных пропорций и условий экономического роста.

Теоретически возможность бескризисного развития вытекает из того факта, что решения о планах производства принимаются не разрозненно многими самостоятельными предприятиями и производителями, а централизованно и скоординированно в масштабе всей экономики. Если народнохозяйственный план составлен правильно, то не может возник-

нуть несоответствия между спросом и предложением, между производственными возможностями и потребностью в них. Частные же диспропорции не должны накапливаться и разрешаться задним числом через кризис, а могут оперативно корректироваться в ходе осуществления плана. Поскольку продукция создается как совокупность потребительных стоимостей, рассчитанных на конкретных потребителей, вопрос о невозможности сбыта не возникает. Идет всеобщая работа на заведомо известный рынок.

Таково, наряду с возможностью обеспечения полной занятости, второе принципиальное преимущество социалистической модели над рыночной экономикой. Н. А. Цаголов, конечно, понимал, что в реальной жизни народнохозяйственный план не может быть идеальным. «Всеобщность планомерности, — писал он, — не означает, что анархичность полностью исчезла». Это объясняется, с одной стороны, ошибками при планировании. «Элементы анархичности неизбежно возникают там, где в плановом управлении экономикой допускается субъективизм, отсутствует деловая оценка сложившейся ситуации». С другой стороны, объективно ограничены и возможности самого планового руководства. «Это объясняется относительной неполнотой развития самой планомерной организации по сравнению с ростом производительных сил, а также невозможностью предвидеть абсолютно все перипетии хозяйственной жизни в настоящем и особенно в будущем». Но Цаголов не считает эти объективные преграды непреодолимыми. «Преодоление таких явлений достигается совершенствованием планомерной организации, более полным познанием и полным использованием экономических законов в хозяйственной практике» (Курс, 1970, т. II, с. 118–119).

Рассматривая диспропорции, возникающие на стадиях составления и выполнения плана, он отмечает необходимость резервов, но также указывает на возможность сознательного использования государством прибавочного продукта для централизованной корректировки потенциальных диспропорций среднесрочного и долгосрочного развития.

Более серьезным ограничением полной планомерности является известная самостоятельность и относительная обособленность государственных предприятий, колхозов и кооперативов, а также допускаемая сфера товарно-денежных отношений вообще. В реальной практике социализма государственные предприятия функционировали как юридические лица, наделенные определенными факторами производства на правах владения и распоряжения, обменивались друг с другом продукцией на принципах возмездности и работали на началах самоокупаемости и получения прибыли. Такая форма организации неиз-

бежно порождает товарное производство не только по форме, но и по существу, т. к. предприятие, исходя из собственных интересов, может стремиться к выпуску иных объемов продукции, чем те, что предусмотрены планом. Если же планом установлено лишь задание по общей стоимости продукции, то решение о конкретных объемах выпуска остается за самим предприятием, которое практически выпадает из общей планомерности.

В связи с этим перед автором модели неизбежно возникал вопрос о том, что первично и что вторично — товарное производство или планомерность. Н. А. Цаголов решал эту дилемму в пользу планомерности. Логика этого решения достаточно абстрактна: производственные отношения социализма логически вытекают из планомерности, порождаемой огосударствлением главных средств производства, но они вовсе не обязательно следуют из товарного производства. Понять специфический характер социализма, исходя из планомерности, можно, а исходя из товарного производства — нельзя. Логическим завершением товарного производства является рыночная, капиталистическая экономика, а вовсе не социализм.

Следовательно, и хозрасчет автору модели также приходилось выводить из планомерности, рассматривая его как особую форму государственного хозяйствования на более низком, микроуровне. Получался довольно противоречивый симбиоз плана и рынка. «Планомерность и товарность производства суть прямо противоположные начала, но они реально сосуществуют в единой социалистической системе производства и находят свое противоречивое выражение в действительности социалистических предприятий. С одной стороны, предприятия представляют собой лишь органические части единого общественного социалистического производства, с другой стороны, они выступают как отдельные товаропроизводители» (Курс, 1970, т. II, 387).

Это противоречие в модели Цаголова разрешается тем, что государство не только планирует производство на предприятиях, но и устанавливает определенные жесткие нормы, регулирующие распределение его продукции и дохода. Без этого деятельность предприятия обособилась бы от планомерного общественного производства и была бы полностью подчинена законам рыночной экономики.

«Нормы хозрасчета являются своеобразным способом разрешения противоречия между планомерностью и товарностью производства социалистических предприятий. Их смысл заключается в том, чтобы, предоставив предприятию самостоятельность, вытекающую из того, что оно производит продукт как товар, и сохраняя ту форму его экономическо-

го стимулирования, которая связана с товарной формой продукта, обеспечить выполнение социалистическим предприятием его функциональной роли, как звена планомерно организованного производства» (Курс, 1970, т. II, с. 388).

Сфера действия товарно-денежных отношений, однако, значительно шире, чем регулирование возмездных (т. е. платных) отношений между предприятиями. Поскольку оплата труда производится в значительной мере в денежной форме, образуется реальный рынок потребительских товаров, составляющий, как минимум, половину всего конечного продукта общества. Конечно, это не рынок в полном смысле слова, т. к. значительная часть продукции, которая реализуется на нем, производится государственными предприятиями по централизованному плану, т. е. отнюдь не полностью ориентируется на потребительский спрос. Тем не менее, и этот рынок не полностью подконтролен государству и, следовательно, также служит объективным ограничением всеобщей планомерности.

В этих условиях закон стоимости не может служить господствующим стихийным регулятором общественного производства, распределения и обмена. Но он играет существенную роль в руках государства не только как для учета труда и прочих производственных затрат, но и для воздействия на экономические процессы. Фиксируя цены и размеры их отклонения от стоимости, в том числе и длительные отклонения, государство может стимулировать поддержание или изменение отраслевых и других пропорций в заданном направлении.

В этом изложении товарно-денежные отношения и закон стоимости играют заведомо подчиненную роль. И все же, судя по некоторым рассуждениям Н. А. Цаголова, он считал их намного более мощной силой. Об этом явно говорит следующая аллегория: «Если ветер несет лодку в определенном направлении, то использование руля уже вносит корректив в направление движения, использование парусов дает возможность внести еще большее изменение в направление движения. А использование механического двигателя в лодке, не отменяя силы ветра, может обеспечить движение лодке, прямо противоположное направлению ветра. Подобного рода изменения характерны для действия закона стоимости при социализме. Конечно, всякое сравнение относительно. Вместе с тем очевидно, что чем сильнее планомерные социалистические начала в экономике, тем более могут быть скорректированы действия закона стоимости» (Курс, 1970, т. II, с. 293).

В этом сравнении планомерность выступает как сила человеческая, оснащенная и многократно увеличенная прогрессом техники, тогда как

закон стоимости и товарно-денежные отношения уподобляются силам природы. Автор как бы признает, что государство в состоянии при определенных условиях управлять ходом событий вопреки силам природы, но покорить их полностью оно не может. Правда, Н. А. Цаголов не формулирует такой вывод столь четко. Но нарисованная им картина лодки, борющейся со стихией, говорит о многом. Непроизвольно автор модели как бы предсказал ее будущее: наступил момент, когда «природная» рыночная стихия оказалась сильнее планомерной организации, построенной человеком.

Почему так получилось? Оттого ли, что сама идея планомерности изначально неверна? Или потому, что слишком много ошибок было совершено в ходе ее осуществления? Жизнеспособна ли вообще система, в основе которой лежат отношения социализма?

Чтобы дать ответ на эти вопросы, надо сначала осознать, что модель Цаголова — отнюдь не единственная теоретическая модель социалистической экономики. В следующем разделе мы рассмотрим несколько таких моделей и посмотрим, чем они отличаются от только что описанной.

2. Другие модели

Первоначальную модель социалистической экономики, представленную в сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, можно характеризовать как абсолютную планомерность. Общественное производство управляется из одного центра, как если бы оно было единым производственным процессом, одной большой фабрикой или заводом. Товарные отношения между предприятиями исключены, продукция распределяется между ними в соответствии с общим планом и на безвозмездной основе. Работники получают потребительские продукты из государственных магазинов в соответствии со своим трудовым вкладом, измеряемым непосредственно в трудовых единицах. Наиболее полно это представление отражено в работе Ф. Энгельса «Анти-Дюринг».

Трудно понять, как классики марксизма представляли себе конкретно такую организацию макроэкономики. Дело в том, что во второй половине XIX в., на которую приходится главная часть их творчества, промышленное производство в Англии (она обычно бралась ими, как классический объект для анализа) было уже достаточно высоко развито и представляло собой сложное сочетание многих обособленных предприятий. Поскольку оба автора понимали социализм как «свободную ассо-

циацию производителей», надо думать, что они понимали переход к социализму не только как национализацию фабрик, заводов, железных дорог и т. д., но и как передачу их в управление трудовых коллективов. Вместе с тем, уже тогда, особенно при Энгельсе, стали появляться первые монополистические объединения, которые он рассматривал как шаг на пути развития планомерности в общественном масштабе. Управление такими комплексами предприятий рабочими коллективами вряд ли было возможно. Наконец, Маркс, показавший в «Критике Готской программы» принципиальные основы распределения национального продукта при социализме и специально выделивший при этом прибавочный продукт, которым централизованно распоряжается все общество, предусмотрел и высший уровень государственного хозяйствования, который с идеей свободной ассоциации производителей логически уживался лишь в самом абстрактном виде.

Уже в то время жизнеспособность такой схемы в отсутствие товарно-денежных отношений была поставлена под сомнение некоторыми авторами. В частности, Евгений Дюринг отмечал, что такая страна, как Англия, с ее развитыми внешнеторговыми связями, не сможет обойтись при социализме без торгового обмена, который обязательно распространит товарно-денежные отношения и на внутреннюю экономику. В полемике с ним Энгельс признавал, что товарно-денежные отношения могут при этом возникнуть формально, но считал, что, по существу, они все равно носили бы не стихийный, а планомерный характер. Однако никому вплоть до начала социалистического эксперимента в практике России не приходило в голову предполагать, что товарные отношения могут возникнуть в новом обществе как внутренняя необходимость управления экономикой, а не только как реакция на влияние внешнего рыночного окружения.

Именно такая, абсолютно бестоварная модель была первоначально положена в основу управления экономикой после взятия власти большевиками и реализована в системе т.н. «военного коммунизма». Она отражала и все несовершенство модели классиков, например, в ней отсутствовало центральное плановое начало, впервые появившееся лишь с окончанием гражданской войны (план ГОЭЛРО), но получившее свое более или менее полное развитие лишь в первом пятилетнем плане (1928–1932 гг.). Восстановление товарно-денежных отношений в период НЭПа рассматривалось тогда как вынужденное и временное отступление от непосредственного строительства социализма и объяснялось наличием многомиллионной крестьянской среды и необходимостью использования остатков частного капитала для восстановления разру-

шенной экономики. С переходом от децентрализованного управления экономикой при НЭПе к сталинской модели централизованного планирования и управления (в частности, через наркоматы и практически лишенные самостоятельности хозрасчетные предприятия) некоторые элементы товарно-денежных отношений были все же сохранены. Только тогда появилось подобие того, что через четверть века было осмыслено в виде цаголовской модели. Она была, таким образом, определенным усовершенствованием абстрактной модели классиков с учетом практической действительности.

Тем не менее именно нетоварная модель социализма, еще до ее появления в российской практике, стала предметом первой серьезной теоретической критики со стороны немарксистских авторов. Речь идет о статье австрийского ученого Людвига фон Мизеса «Экономические расчеты в социалистическом содружестве», опубликованной в 1920 году (Mises, 1935).* Интересно, что Мизес критиковал не реальную практику России, с которой не был знаком, а теоретические построения австромарксистов, в особенности Отто Бауэра, которые повторяли модель социализма в том виде, как ее представлял себе Энгельс.

Главным недостатком нетоварной модели Мизес считал отсутствие в ней рациональных начал для экономических расчетов, что лишает центральное планирование объективной основы и отдает все на волю субъективных решений планирующих инстанций. Например, решения о распределении доходов в обществе отделены от решений об условиях производства. В рыночной экономике такое распределение автоматически вытекает из вкладов соответствующих факторов производства. Труд, капитал, земля и т. д. получают долю дохода соответственно своему вкладу в производство. Это происходит потому, что каждый из факторов представлен своим частным владельцем — рабочим, капиталистом, собственником земли, который в условиях конкурентного механизма не соглашается на вклад, превышающий его доход, и не может рассчитывать на доход, больший его вклада. Но при государственной собственности и отсутствии рыночной конкуренции невозможно выявить истинное соотношение между затратами и доходом. Решение о распределении принимает государство, и нет никаких гарантий, что оно будет экономически рациональным.

В сущности, критику Мизеса можно отнести к определению любых пропорций в экономике, в частности, к пропорциям обмена между предприятиями, отраслями, к сопоставлению любых затрат с результатами

* Впервые опубликовано в Archiv fur Sozialwissenschaften, 1920.

производства. Раз нет рынка, то нет и объективного критерия для таких оценок и основанных на них решений.

Оговоримся, что не станем подвергать сомнению эффективность распределения в рыночной экономике, хотя можно было бы представить веские доказательства того, что строгая эквивалентность доходов вкладам факторов производства здесь отнюдь не обязательно соблюдается. Ограничимся лишь суждениями Мизеса в той части, в которой они касаются социализма.

После национализации двух главных производственных факторов из трех, а именно капитала (средств производства) и земли, вопрос о возмещении факторов несколько упрощается и ставится по-иному, чем в товарном хозяйстве. Возмещение затрат капитала практически сводится к восстановлению износа основных фондов и поддержанию производства промежуточной продукции на нужном уровне. Точно так же возмещение затрат вклада земли и возобновляемых природных ресурсов ограничивается затратами на их восстановление. Вопрос о возмещении владельцев капитала и земли не возникает в силу того, что таким владельцем во всех случаях является само государство. Следовательно, весь доход от капитала и земли за вычетом затрат на восстановление их износа принадлежит государству. Этот доход равен прибавочному продукту, т. е. чистому продукту за вычетом доли труда и затрат государства на общественные нужды.

Если выполняются требования применительно к восстановлению износа капитала и земли, а для выполнения этого требования вполне достаточно хорошо поставленного учета, а рынка и конкуренции вовсе и не требуется, то остаются три проблемы — правильное определение доли труда, общегосударственных потребностей и капитальных вложений в расширение экономики. Эти проблемы существуют как в абстрактной модели классиков, так и в цаголовской модели. От того, как они решались, зависела в немалой степени и судьба социалистической экономики. Мы еще вернемся к этому коренному вопросу. Теперь же выскажем лишь некоторые соображения о том, требуется ли рыночный механизм для правильного решения этих проблем.

Что касается определения общегосударственных потребностей (оборона, социальная сфера и т. п.), то и в современной рыночной экономике эта задача отнюдь не решается рынком или на основе рыночных критериев. В нормальных условиях эти потребности определяются финансовыми возможностями государства и политическими приоритетами его руководителей. Это же правило относится и к социализму. Что государственные расходы на военные нужды в СССР были чрезмерны, это —

факт, но никакой рынок не смог бы исправить этот перекос, определявшийся политическими факторами. Однако, допустим, что общегосударственные нужды не чрезмерны. Тогда главная макроэкономическая проблема сводится к определению пропорции между личным потреблением и накоплением.

Решение этой задачи зависит от исходных ограничений в рамках уравнений:

1) У = С + А + Н
2) Δ? = к Н/У,

где: У — чистый внутренний продукт; С — личное потребление; А — общегосударственное потребление; Н — чистые капитальные инвестиции; Δ? — темп прироста чистого внутреннего продукта; к — коэффициент капиталоотдачи.

Если исходная доля в чистом продукте личного потребления равна 60 процентам, а доля государственного потребления — 20 процентов, то при коэффициенте капиталоотдачи равном 0,25 ежегодный темп прироста экономики составит 5 процентов. Если исходные параметры остаются неизменными, то и личное потребление возрастает таким же темпом. Плановая задача состоит в том, чтобы обеспечить прирост производства потребительских товаров и услуг заданным темпом и обеспечить распределение дохода по труду так, чтобы спрос на предметы личного потребления при заданных ценах соответствовал их совокупной продукции. Никаких других специальных рыночных решений для этого не требуется, кроме наличия соответствующей инфраструктуры, которая доводит потребительскую продукцию до потребителя.

В данном случае планомерный механизм обеспечивает рост точно такими же темпами, какими его обеспечит рынок при тех же макроэкономических параметрах, но только поиск равновесного решения рынком осуществляется ощупью и в условиях неопределенности. Субъективные решения плановых органов будут прямой дорогой вести к тому, к чему в конечном счете, через циклические колебания и кризисные потрясения, придет и рынок. Негативные социальные издержки в условиях планомерности будут меньшими, а распределение личных доходов — более равномерным и справедливым. С точки зрения целей социалистического производства это будет достаточно эффективным решением.

Макроэкономические проблемы центрального планирования начинаются тогда, когда исходные параметры не столь благоприятны, как в приведенном примере, и когда выполнение конкретных пропорций невозможно по объективным причинам. В практике социалистического

планирования именно с такими трудностями и приходилось чаще всего сталкиваться. То нельзя было произвести достаточного количества потребительских товаров для покрытия платежеспособного спроса. То обнаруживалась тенденция к систематическому снижению капиталоотдачи. То вводимая в действие техника не обеспечивала нужного повышения производительности труда. То обнаруживались трудности с ростом трудовых ресурсов.

В принципе все эти проблемы на макроуровне разрешимы при достаточно четкой организации планирования, отказе от непомерно завышенных темпов роста, образовании достаточных резервов, необходимых для исправления ошибок, и при своевременной корректировке планов.

Однако обеспечить постоянное соблюдение равновесия на микроуровне центральное планирование не может, если оно не дополняется гибкой системой оперативного реагирования конкретных производителей и компонентов сети распределения на возникающие диспропорции. Иначе говоря, для планомерного управления экономикой необходимы, как минимум, два уровня государственного хозяйствования, из которых один определяет и поддерживает макроэкономическое равновесие, а другой делает то же самое на микроуровне. Нетрудно видеть, что этот второй уровень должен быть чем-то вроде системы хозяйственных единиц, пользующихся некоторой самостоятельностью в рамках центрального плана и ориентирующихся на подобие рынков отдельных видов продукции. По большому счету, это предполагает то самое сосуществование планомерности и товарно-денежных отношений, которое было предусмотрено социалистической практикой и цаголовской моделью.

Дополнительные сложности возникают при решении инвестиционных проблем на макроуровне. Поскольку решение этих проблем остается централизованным, то возникает вопрос о критериях выбора между множеством возможных проектов капитального строительства, обновления и модернизации основных фондов. Выработка таких рациональных критериев предполагает введение достаточно высокой платности капитальных ресурсов, т. к. в противном случае неизбежно возникает их хронический дефицит с вытекающим отсюда снижением эффективности капитальных вложений, долгостроем и т. д. И в этом случае возникает необходимость в дополнении планомерности подобием рынка капиталов.

Из сказанного видно, что выдвинутый фон Мизесом аргумент об отсутствии в нетоварной модели рациональной основы для адекватно-

го вознаграждения факторов производства является весьма спорным. Впрочем, австрийский экономист не ограничился этим соображением. «При социализме, — писал он, — обмену подлежат только предметы потребления, но не средства производства». Поскольку лишь в процессе обмена выявляется денежная стоимость товаров, а на средства производства приходится преобладающая часть валового совокупного (оборотного) продукта общества, то у планирующей инстанции нет возможности установить, является ли намеченное им производство наиболее эффективным. Все макроэкономические решения придется делать в стоимостных, а не в физических единицах, но не существует объективно основы для таких расчетов и сопоставлений, т. к. нет реального товарного обращения большей части продукции общества.

Марксист мог бы ответить Мизесу, что в распоряжении центрального планирующего органа имеется достаточно данных, чтобы правильно определить средние затраты на производство любых товаров, даже тех, что не проходят через реальное товарное обращение. Следовательно, есть возможность фиксировать через цены стоимостные соотношения между ними. Но для Мизеса, как и для всех, кто исповедует теорию предельной полезности, такое объяснение недостаточно. В их понимании каждый субъект рыночной экономики участвует в процессе формирования стоимости либо в качестве потребителя (стремясь максимизировать предельную полезность приобретаемых продуктов), либо как производитель (ищущий максимизации дохода в точке предельной производительности). Это автоматически ведет к объективной оценке денежной стоимости и установлению таких цен, которые правильно отражают относительную ценность факторов производства, потребительских продуктов и доходов. Они же соответствуют наилучшим из возможных, т. е. оптимальным решениям участников.

При социализме же можно правильно установить общие объемы спроса и предложения, но не те цены индивидуальных товаров, которые соответствуют максимальной полезности и максимальному доходу. Если это и возможно при простом воспроизводстве через процедуру проб и ошибок, то уж при расширенном воспроизводстве это невозможно, т. к. динамическая система никогда себя не повторяет.

Итак, центральный аргумент Мизеса сводится к тому, что государственное планирование никогда не сможет справиться с правильной системой ценообразования, обеспечивающей как равновесие, так и развитие.

Надо сказать, что Н. А. Цаголов в своих работах не дал ответа на эти аргументы. Он, конечно, видел все слабости централизованного цено-

образования, но, вместе с тем, и те несомненные его преимущества, которые игнорировали западные критики. Главное преимущество состояло в том, что можно было на достаточно длительное время фиксировать такие цены, которые стимулируют намеченное планом и желаемое обществом изменение макроэкономических пропорций. Например, фиксируя в определенный период времени относительно низкие цены на нефть, государство способствовало переходу советской экономики с угольных на нефтяные технологии, что сыграло большую роль в модернизации народного хозяйства.

Другим преимуществом централизованного ценообразования была возможность сохранять общую стабильность цен, а следовательно, и доходов населения. Когда этот рычаг общего контроля цен был утрачен в 1980-х гг. при Горбачеве, началась явная и скрытая инфляция, которая буквально опустошила прилавки магазинов и сыграла немалую роль в падении социализма, как системы.

Как бы в ответ на теоретические соображения Мизеса в 1930-х гг. за рубежом появились первые попытки построить модель планового социализма, ориентирующегося на рынок. Этим занялся, например, польский экономист Оскар Ланге, который прямо полемизировал с Мизесом в статье «Об экономической теории социализма», впервые опубликованной в 1936 г. (Lange, 1938, vol. 31).*

Ланге считал возможным использование гибких цен в практике центрального планирования социалистической экономикой. Для этого он предложил определенные правила, которыми должны руководствоваться как государственные предприятия, так и планирующие инстанции. Для предприятий правила устанавливаются в соответствии с принципами теории предельных издержек. Предприятия должны сводить к минимуму свои средние издержки, что достигается, когда уравнивается предельная производительность всех факторов производства в денежном выражении. Они же самостоятельно устанавливают объемы производства, при которых предельные издержки равны рыночной цене. При соблюдении этих условий предприятие обеспечивает себе как наиболее эффективное использование производственных ресурсов, так и получение максимальной прибыли.

Вторая группа правил касалась непосредственно процедуры установления цен. Ланге считал, что при социализме нельзя позволять предприятиям самим фиксировать цены, т. к. конкуренция между ними практически отсутствует, и они по большей части выступают как монополи-

* Первоначально опубликовано в Review of Economic Studies. — 1936–1937, vol. 3.

сты. Известно, что монопольное ценообразование никогда не дает наиболее эффективных экономических решений. Поэтому цены должен устанавливать планирующий орган, имитируя действие свободного рынка. Попробовав один набор цен и убедившись, что он не обеспечивает равновесие спроса и предложения, плановики тут же корректируют цены и так, итерируя (путем проб и ошибок), находят, наконец, равновесные цены. Знаменитой «невидимой рукой» Адама Смита водит в данном случае не рынок, а «независимый аукционер» в лице планирующего государства. Причем, как считал Ланге, государство будет действовать даже лучше рынка, т. к. в его распоряжении всегда больше информации, чем у любого отдельно взятого предприятия. Вследствие этого число итераций будет меньше, чем на обычном рынке, и равновесная цена будет достигаться быстрее.

Итак, Ланге фактически принимал аргументы Мизеса в том, что социализм не может рационально планировать без рынка, но считал, что центральное планирование вполне может заменить стихийный механизм рынка и успешно действовать вместо него.

Много позже — в 1960-х гг. — у идей Ланге в Советском Союзе оказалось немало фактических последователей, которые, правда, предлагали собственные методы определения цен, имитирующих рынок. Некоторые из них, поддержанные В. Леонтьевым, полагали, что в основу установления цен на товарные группы и их главных представителей следует положить расчеты по достаточно детализированному межотраслевому балансу. Л. Канторович предлагал ориентировать цены на «объективно обусловленные оценки», получаемые из решения оптимальной задачи народнохозяйственного планирования. Н. Федоренко и его сотрудники из ЦЭМИ на аналогичной основе развили «теорию оптимального функционирования социалистической экономики».

Надо сказать, что Н. А. Цаголов, подвергая критике некоторые положения этой теории, в целом относился к ее основному замыслу вполне сочувственно. «Экономисты-математики, — отмечал он, — исходят из того, что социалистическая экономика — это планомерная, сознательно оптимизируемая система». Считая недостаточно разработанными теоретические основы системы оптимального планирования, в частности, вопрос о целевой функции оптимального плана, Цаголов поддержал идею Федоренко об ориентировке плановых цен на замыкающие предприятия — в отличие от многих других экономистов, считавших такой подход уступкой теории предельной полезности. «Вопрос о существовании предприятий с высшими затратами (а это суть худшие предприятия) — не дело самих предприятий, — говорил Ца-

голов, — а дело самого общества. Если это необходимые обществу предприятия, которые не могут быть заменены предприятиями с более высокой производительностью труда, с более низкими издержками производства, нужно рассматривать их индивидуальную стоимость в качестве общественной стоимости... Видеть в конкретном положении Н. П. Федоренко об ориентировке цены на замыкающие предприятия какой-то подрыв закона стоимости — равносильно нежеланию понимать возможность особой формы действия закона стоимости в условиях планомерного хозяйства» (Цаголов, 1983, с. 37, 40–41).*

Тем не менее Н. А. Цаголов отнюдь не допускал, что центральное планирование должно имитировать рынок и что предприятия могут самостоятельно определять объемы продукции, исходя из устанавливаемых государством цен. Его отношение к идее рыночного социализма в любой форме было отрицательным.

Наиболее аргументированное возражение Оскару Ланге справа было опубликовано в 1940 г. будущим лауреатом Нобелевской премии Фридрихом фон Хайеком (Hayek, 1940). Он доказывал, что социалистическое государство в принципе не в состоянии создать систему, которая бы имитировала или заменила рынок. Схема Ланге может с некоторой натяжкой быть применима к статическим ситуациям, но не к динамическому состоянию экономического роста. Центральное планирование может дать адекватную ориентировку для долговременного равновесия, но для обеспечения равновесия в каждый данный момент времени централизованный плановый механизм слишком медлителен и неповоротлив.

«Допустим, — пишет Хайек, — что государство может установить более или менее приемлемые цены для массовых однородных товаров (уголь, нефть, газ, металлы и т. п.). Но для таких товаров, которые не поддаются стандартизации (сюда относится большое число индивидуализированных средств производства и предметов потребления), требуется определить такое огромное количество индивидуальных цен, которые государство не в состоянии правильно определять, а тем более гибко и оперативно менять. Ему придется штамповать цены, предлагаемые предприятиями, т. е. ценообразование выродится в неуклюжую бюрократическую процедуру».

Надо признать, что Хайек, вовсе не знакомый с практикой ценообразования в СССР, как в воду смотрел в том, что касается индивидуальных цен. Действительно, государственным органам (Госкомцен) прихо-

* Впервые опубликовано в книге «Дискуссия об оптимальном планировании». (1968). М., Экономика.

дилось чаще всего довольствоваться той информацией, которую ему сообщали предприятия или ведомства об издержках производства и прибыли, и на этой основе устанавливать цены. Иначе говоря, центральное планирование зачастую тянулось в хвосте у производителей и фиксировало те цены, которые они предлагали. При естественном стремлении предприятий к завышению цен на свою продукцию государство превращалось в беспомощного фиксатора ползучей инфляции.

Данное замечание Хайека, на наш взгляд, справедливо не только применительно к ценам, но и по отношению к физическим показателям плана. Очевидно, что государству сравнительно несложно планировать в масштабе всей экономики сбалансированное производство массовых однородных товаров, но оно вряд ли в состоянии предусмотреть из одного центра сбалансированное, соответствующее спросу производство многочисленных индивидуальных товаров, особенно продуктов потребления.

Здесь мы приходим к другому важному выводу. Центральное планирование легче всего наладить на сравнительно невысокой ступени развития экономики, когда круг общественных и личных потребностей сравнительно ограничен. Но чем сложнее становится экономика (по мере ее роста), тем многообразнее потребности и тем труднее, а чаще всего просто невозможно замкнуть руководство всей экономикой на одном плане. Центральное планирование всего и вся, вполне осуществимое при сравнительной неразвитости экономики, становится невозможным и превращается в оковы экономики на более высокой стадии развития.

Здесь необходимо сделать две существенных оговорки. Во-первых, по мере совершенствования методов планирования и статистического учета, развития современной вычислительной техники и средств связи, знаний о механизме макроэкономических процессов и их взаимодействия с микроэкономикой, науки и практики прогнозирования — возможности централизованного управления экономикой существенно расширяются. Используя цаголовский образ моторной лодки, смело противостоящей морской стихии, можно уподобить современные возможности планирования с огромным мощным кораблем, которому не страшны даже самые сильные бури и ледяные торосы. Поэтому вовсе отказываться от центрального планирования просто потому, что оно не всесильно, было бы неправильно и недальновидно.

Во-вторых, остается в силе положение, согласно которому применение центрального планирования к сфере производства основного круга массовой однородной продукции вполне оправдано, ибо оно создает устойчивую основу для функционирования экономики в целом. Нет

никаких разумных *экономических* доводов за то, чтобы отказываться от такого стабилизирующего фактора и заведомо исключать его из сферы, охватываемой макроэкономической планомерностью. К этому вопросу мы еще вернемся.

Хайек указывал и на другие недостатки централизованного планирования и ценообразования. Он считал, что при такой системе не будет заинтересованности производителей в использовании новой техники и создании новых, более совершенных видов продукции. Отсюда неизбежное торможение технического прогресса.

Первой причиной является, по его мнению, отсутствие ценовой конкуренции. Если цена продукции единственна (как у Ланге и в схемах оптимального планирования), то производитель не может по собственному усмотрению снизить свою цену и увеличить производство за счет других производителей, даже если он нашел способ удешевить свою продукцию. Не может он при единственной цене реализовать и свою индивидуальную сверхприбыль, т. к. при центральном планировании она у него изымается.

Разумеется, нетрудно дополнить схемы централизованного ценообразования правилами, которые бы стимулировали производителя в снижении издержек производства, например, правом на участие в образующейся сверхприбыли. Такие схемы в реальной практике применялись, хоть и в очень скромном виде. Что касается разрешения понижать продажные цены, то оно было бы равносильно созданию неравновесия на рынке (перепроизводства) и необходимости снижения государственной цены, делая часть предприятий отрасли малорентабельными или вовсе неприбыльными. Но и такую модификацию схемы Ланге можно было бы предусмотреть. Правда, в реальной жизни отказ от субсидирования или закрытие нерентабельных предприятий представляли большие сложности социального характера. Мы еще вернемся к этой проблеме при обсуждении тезиса Я. Корнаи о «мягких ограничениях» социалистических предприятий.

Другой фактор, на который указывает Хайек, — отсутствие заинтересованности производителей в создании новых, более совершенных видов продукции. Именно в таких поисках и проходит деятельность современных рыночных менеджеров, и именно такие продукты служат теми «нишами», которые приносят сверхприбыль. Это как раз и есть сфера индивидуальных товаров и индивидуальных цен, с которой центральное планирование справляется хуже всего. Даже в схеме Ланге, с ее гибким ценообразованием, трудно себе представить место для вновь появляющихся товаров. Товар появляется, а цены у него нет или ее надо ждать, заранее

«вносить в план». Бюрократические издержки, пусть и не обязательно очень большие, неизбежны, и это, конечно, — непроизводительные затраты.

В реальной практике, когда планированию подлежат не только цены, но и физические объемы новой продукции, помех для ее появления еще больше. Ни одно ведомство не заинтересовано в производстве того, что не входит в его установленный и утвержденный планом ассортимент. Еще хуже положение новых товаров, рожденных на границах между ведомствами, на «ничьей земле». Они и вовсе никому не нужны. А ведь как раз на такие «ничейные» товары приходится значительная часть наиболее важных изобретений последних десятилетий.

Еще один фактор, тормозящий при социализме технический прогресс, по Хайеку, это отсутствие рынка капитала. В схеме Ланге он отсутствует. Если его ввести, то появится нечто вроде централизованного манипулирования нормой ссудного процента по долгосрочным кредитам на нужды капитального строительства и модернизации оборудования и поиска равновесия между спросом на финансирование со стороны производителей и строительных организаций, с одной стороны, и предложением ресурсов, которые государство выделяет на капитальные инвестиции, с другой. Предприятиям пришлось бы сопоставлять свою внутреннюю расчетную норму минимальной эффективности капитальных проектов с нормой ссудного процента и отсекать те проекты, которые не соответствуют установленному критерию.

Таким образом, мы видим, что часть аргументов Хайека преодолевается усовершенствованием схемы Ланге, другая же часть существенна в том смысле, что ограничивает сферу эффективного централизованного хозяйствования сферой массовых однородных товаров и, по-видимому, также части сферы капитальных инвестиций.

Хайек ставит вопрос и о недостаточности информации, которой обладает государство по сравнению с информацией, которую имеет рынок в целом и которую он стихийно сводит воедино, находя правильные равновесные решения. Но представляется, что вопрос должен ставиться по-другому: обладает ли планирующее государство **достаточной** информацией для правильного и рационального выполнения своих функций?

Ответ очевиден. Такой информации достаточно для одних целей и недостаточно для других. Действительно, в сфере однородных товаров государство в состоянии устанавливать квоты производства, пропорции и цены не хуже, а, наверное, и лучше частных олигополий, которые всегда завышают цены, тогда как рационально планирующее государство часто может без этого обойтись. Также государство может претендовать

на успешный поиск равновесного ссудного процента. В конце концов, разве не этим постоянно занимаются центральные банки в странах с рыночной экономикой?

Но в сфере индивидуальных товаров автономный производитель знает свой рынок лучше государственного плановика и может выполнять свою функцию грамотнее последнего. Точно так же, устанавливая правильную учетную ставку процента центрального банка, государство все равно не может решить задачу поиска правильных цен для бесконечного множества инструментов современного рынка капиталов. Для этого требуется специализированная финансовая инфраструктура.

Следовательно, каждому — свое. Государство не может полностью заменить рынок, а рынок — государство. Кесарю (центральному планированию) — кесарево, а Богу (рынку, природе) — Богово.

Н. А. Цаголов не полемизировал непосредственно ни с Мизесом, ни с Хайеком. Он не согласился бы, наверное, и с нашими выводами в пользу разделения функций между государственным хозяйствованием на высшем уровне и на уровне предприятий. Он исключал возможность самостоятельного решения предприятиями вопроса об объемах производства или капитальных вложений. Такова была его модель, и этим она отличалась от моделей рыночного социализма.

3. Пророчество о перспективе рыночного социализма

Полемика между советскими политэкономами чаще всего состояла в спорах по двум вопросам: о мере самостоятельности предприятий и об основах ценообразования. «Рыночники» считали главным критерием деятельности предприятий достижение высокой рентабельности и полагали, что плановые цены должны как можно ближе ориентироваться на стоимость товаров. Их противники, к которым относился и Н. А. Цаголов, включали рентабельность в число необходимых показателей работы предприятия, но считали, что она должна быть подчинена главному, а именно выполнению централизованного планового задания по выпуску продукции. Стоимость должна учитываться в планировании, но государство должно обладать правом значительного отклонения от стоимости во имя осуществления общих плановых установок. Категория прибыли должна использоваться в системе факторов, стимулирующих выполнение плана, но ни в коем случае не противостоять ему и тем более противоречить.

В отличие от «рыночников» Н. А. Цаголов не имел сколько-нибудь разработанной особой теории ценообразования. В самой широкой постановке вопроса он признавал использование любых цен, которые отвечают целям центрального плана в данный период времени. С одной стороны, это позволяло ему в принципе соглашаться с «замыкающими» (т. е. предельными) ценами Н. Федоренко, с другой стороны, оправдывать фактическую практику ценообразования, за которой никакой рациональной теории не стояло.

Известно, что ни одна из предложенных теоретических схем ценообразования не применялась в практике централизованного хозяйствования. Руководящие инстанции отвергали их под разными предлогами, выдвигая иногда идеологические соображения (несоответствие гибкого ценообразования марксовой теории трудовой стоимости), а порой практические аргументы (невозможность частой смены огромного множества центрально-фиксируемых цен, ослабление плановой дисциплины). Выдвигались и политические доводы — отказ от принципа долгосрочной стабильности цен, допущение инфляционных тенденций. Огромную роль играли сугубо субъективные факторы, в частности, нежелание руководящих органов сковывать себя в экономической политике какими-либо дополнительными теоретическими ограничениями, кроме тех, что накладывались общими формальными рамками коммунистической идеологии.

На практике это означало, что цены совпадали с объективными условиями производства только в порядке исключения. Реально ставилась другая, более простая и ограниченная задача, а именно соблюдение соответствия между ценами и планом производства. Поскольку выполнение производственного плана считалось обязательным и приоритетным делом, следовало позаботиться о том, чтобы цены не создавали по возможности чрезмерного отклонения производства от спроса. В идеале такие цены далеко не всегда были балансирующими, т. к. производители вынуждены были руководствоваться планом производства, а не своими предельными издержками.

Наиболее частым случаем было установление цен на уровне ниже предельных издержек. Политическая логика заключалась в том, что относительно низкие цены желательны для большой группы базисных товаров личного потребления, прежде всего основных продуктов питания, т. к. это обеспечивает стабильный жизненный уровень для большинства населения. Аналогичные соображения в условиях экстенсивного роста касались средств производства, т. к. считалось, что низкие цены дополнительно стимулируют их использование, что способствует росту произ-

водительности труда. Поскольку полагали, что производство средств производства должно пользоваться приоритетом при определении плановых темпов роста, такая установка казалась закономерной.

Хотя занижение цен на большие категории товаров допустимо в течение коротких промежутков времени, превращение этой тенденции в общую практику неизбежно вело к возникновению хронических товарных дефицитов. Руководство предприятий предпочитало производить в рамках плана по стоимости продукции те ее виды, которые были наиболее выгодны, требовали меньше затрат и оплачивались лучше. Неизбежным результатом было невыполнение плана по более дешевым товарам и оттеснение последних более дорогостоящими, но не обязательно лучшими по качеству и потребительским свойствам. Это происходило вопреки плановым установкам и подрывало основы рационального центрального планирования.

Разумеется, государство не могло строить экономику только на дешевых и убыточных товарах и должно было компенсировать себя завышенными ценами на значительную группу других товаров, куда, как правило, входили потребительские товары не первой необходимости, такие, как приличная одежда, модельная обувь, не говоря уже об импортных товарах и предметах длительного пользования (автомобилях, телевизорах, холодильниках и т. д.). Например, цены на легковые автомобили в несколько раз превышали средние издержки на их изготовление.

Казалось бы, такая практика должна была стимулировать выпуск указанной группы товаров. Однако цель была иной: высокими ценами ограничить их потребление, а следовательно, и сдержать рост производства. Высокие цены в данном случае его не поощряли, т. к. разница между ценами и издержками изымалась государством посредством налога с оборота и другими способами. К тому же под развитие этих отраслей в плане выделялись лишь ограниченные ресурсы.

Такая практика планирования способствовала его дискредитации и тому, что за социалистическим хозяйствованием закрепилось клеймо «экономики дефицитов и очередей». Но было ли это предопределено? Н. А. Цаголов считал, что нет. Но в его произведениях мы не найдем последовательной критики такой практики. Он полагал, что эти недостатки преодолимы совершенствованием самой системы планомерного хозяйствования, а не отказом от некоторых его сложившихся правил.

В реальной жизни этот спор в конечном счете решился в пользу «рыночников», но только после очень длительных поисков путей совершенствования планомерности и продолжительных теоретических споров.

Тенденция в пользу децентрализации планирования и управления определилась вскоре после смерти И. Сталина. Но хотя еще в 1960-е гг. начались эксперименты по расширению самостоятельности предприятий, все они оставались до поры до времени в жестких рамках централизованного режима управления.

В связи с этим следует упомянуть известный тезис венгерского экономиста Яноша Корнаи — о «мягком бюджетном ограничении» применительно к социалистическим предприятиям (Kornai, 1992). Мягкий бюджет — это возможность тратить средства без учета рентабельности — возможность, которой якобы обладали руководители социалистических предприятий, в отличие от капиталистических, ограниченных жесткими бюджетными рамками, а потому вынужденных хозяйствовать более рачительно и экономно. Это утверждение, получившее широкое распространение в западной литературе о социализме, возможно, отвечало условиям венгерской экономики в период ее экспериментов с рыночным социализмом, но к советским предприятиям его можно было применить лишь в очень ограниченном виде.

В СССР практически на всех этапах т. н. хозрасчета предприятия не только не пользовались благами мягкого бюджета, но и не могли свободно распоряжаться даже большей частью собственных доходов, фондов и ресурсов по своему усмотрению, в том числе ради выполнения производственного плана. Их прибыль изымалась практически полностью. Амортизация расходовалась лишь частично и только по специальному разрешению. Средства на закупку сырья, материалов и прочих ресурсов тратились лишь в рамках централизованного распределения, фонд заработной платы был ограничен по объему и ставкам оплаты труда. Даже если бы директора предприятий хотели бы сорить деньгами и прочими ресурсами, они не стали бы так поступать, т. к. это противоречило бы законам теневой экономики (о чем дальше). Но все же их главные усилия уходили на то, чтобы с ограниченными ресурсами выполнить, как правило, завышенный план производства. Пользуясь терминологией Корнаи, они сидели в то время на «чрезмерно жестком бюджете», который не мог присниться в самом дурном сне капиталистическому предпринимателю и менеджеру.

Могут возразить, что Корнаи понимал «мягкий бюджет» в более широком смысле, а именно как свободу социалистического предприятия от забот о долгосрочном выживании. Каким бы малорентабельным, а то и вовсе убыточным оно ни было, его гарантировал от банкротства и закрытия факт включения продукции в государственный план. Но это вовсе не означало, что предприятие становилось убыточным по причи-

не неоправданно свободного расходования ресурсов. Бюджет таких предприятий вовсе не был мягким. Если они и продолжали поддерживаться государством, то на то были существенные причины, например, необходимость альтернативного расходования ресурсов на другие цели, желание избежать неблагоприятных социальных последствий закрытия убыточного предприятия и т. п. Одним словом, это не была идеальная практика, но «мягкий бюджет» был тут ни при чем.

Только при М. Горбачеве в СССР (и несколько ранее в странах Восточной Европы) начались решительное свертывание центрального планирования и переход к «полному хозрасчету», т. е. к практически самостоятельным государственным предприятиям. Иначе говоря, делалась попытка реализации модели рыночного социализма, при которой предприятия, оставаясь в собственности государства, руководствуются главным образом критерием своей рентабельности, а не централизованным планом.

Н. А. Цаголов не застал этого времени, во всяком случае, его последние опубликованные работы относятся к первой половине 1980-х гг., т. е. к периоду до «перестройки». Но представить себе его отношение к этой системе нетрудно по более ранним трудам Цаголова. В них совершенно отчетливо прослеживается мысль, что без центрального планирования «общенародная собственность, как система производственных отношений, не реализуется» (Курс, 1970, т. II, с. 107). Вне планомерности, повторял он не раз, «невозможно понять ни одной экономической категории социализма».

Но что это значит? Ведь отсутствие всеохватывающего центрального плана отнюдь не равносильно отказу от государственной собственности и введению частной собственности на средства производства. Государство реализует свои права собственника тем, что назначает руководителей предприятий и через налоговую систему отчуждает в свою пользу значительную часть их прибыли. Коллектив не работает на частного собственника. Частное присвоение прибавочной стоимости отсутствует. Нет отношений эксплуатации человека человеком. Утверждать, что при этом социализм, как система производственных отношений, не реализуется, — это слишком большое преувеличение.

Прав Н. А. Цаголов лишь в том, что не действует положение о непосредственно-общественном характере труда, т. к. продукт самостоятельных государственных предприятий получает общественное признание, лишь когда он продан другим предприятиям или потребителям. Таким образом, было бы правильнее утверждать, что при отсутствующей или ограниченной планомерности социалистические производственные отношения реализуются не полностью, а только частично.

Но Н. А. Цаголов пророчески видел в этом потенциальную угрозу превращения таких предприятий в капиталистические. Приведенные им при этом аргументы имели сугубо абстрактный, теоретический характер, но в свете последующего развития событий они заслуживают внимания. По его мнению, рыночный социализм — это разновидность товарного производства. «Если внутри этих предприятий нет отношений эксплуатации, то, естественно, это не капиталистические предприятия». Но и простое товарное производство само по себе также не является капиталистическим. Однако это не самостоятельный способ производства, способный воспроизводиться на собственной основе. «Подобно тому как простое товарное производство неизбежно разлагается на антагонистические полюсы, в структуре рыночного социализма также нельзя обнаружить никаких преград процессу разложения, дифференциации и перерождения этих социалистических предприятий в несоциалистические...

В отличие от подлинного социализма при рыночном социализме... все, что входит в обращение, обслуживается *только* товарными отношениями. Продукт, производимый предприятиями, которые функционируют на такой основе, несет с собой одну перспективу, которая заключается в постепенной дифференциации производителей и возрождении капиталистических отношений. Конкретные формы такого превращения могут быть очень сложными и завуалированными. Но другого пути у него нет» (Курс, 1970, т. II, с. 279).

Николай Александрович в этом отношении был пророком, хотя, строго логически, неизбежность перерождения рыночного социализма в капитализм из его рассуждений не вытекает. Это скорее догадка, плод интуиции, но не результат убедительного доказательства. Аналогия с простым товарным производством не вполне корректна. Там дифференциация производителей проявляется в том, что одни становятся богаче, тогда как другие разоряются и становятся наемными работниками у первых. Применительно к государственным предприятиям эта аналогия не работает, она не объясняет неизбежность перехода государственной собственности в частную.

Но на основе «модели Цаголова» объяснить это превращение нельзя и по существу, т. к. она изображает социализм идеализированно, игнорируя реально складывавшиеся отношения и структуры. К анализу этого расхождения между схемой и реальностью мы теперь и переходим.

4. Условность планомерных целей

И в «Курсе политической экономии», и в других своих работах Н. А. Цаголов исходит из автоматического отождествления целевой функции планомерности с ленинской формулой «обеспечения *полного* благосостояния и свободного *всестороннего* развития *всех* членов общества». По логике автора, «целевая функция определяется характером планомерности. Планомерность за счет всего общества порождает и вполне определенную целевую функцию... поскольку планомерная организация идет за счет всего общества, поскольку общество выступает и как направитель, как субъект, а его средства являются объектом планомерной организации, постольку неизбежно возникает специфическая целевая функция планомерной организации общественного процесса» (Цаголов, 1983, с. 65–66).

Итак, раз дана общенародная (государственная) собственность, и планомерность осуществляется за ее счет, то целевая функция не может быть иной, кроме как обеспечением полного благосостояния всех членов общества. Но это утверждение принадлежит к числу чрезмерных. Разумеется, верно, что факт государственной собственности создает *возможность* планомерных действий в интересах максимального благополучия, но *необходимости* из этого отнюдь не следует. Все зависит от того, кто реально стоит во главе государства и какие конкретные цели при этом преследуются.

В свое время на Западе появились теории, согласно которым огосударствление средств производства отнюдь не равносильно социализму, а лишь заменяет правящий класс в обществе — вместо частных собственников, капиталистов им становится государственный капитализм, представленный чиновнической бюрократией и менеджерами, возглавляющими государственные предприятия. Хотя средства производства им формально не принадлежат, но фактически находятся в их владении и распоряжении. Соответственно они присваивают часть полагающейся государству прибавочной стоимости. Доходы новой элиты во много раз превосходят оплату основной массы работников. Частное присвоение и капиталистическая по существу эксплуатация вполне уживаются с формальным отсутствием частной собственности на средства производства.

Американский политолог Джон Бернхэм называл этот новый общественный строй «менеджеризмом» (Burnham, 1940). Югославский политолог Милован Джилас, анализируя этот строй на примере собственной страны при И. Броз Тито и Советского Союза при И. Сталине, дал

его элите наименование «нового класса» (Djilas, 1957). Сходная концепция была положена в основу троцкистских идей о бюрократическом перерождении коммунистической верхушки в СССР и о неизбежности ее свержения в результате новой революции пролетарскими массами.

В реальной действительности, несмотря на определенные материальные привилегии, которыми обладали представители новой элиты в социалистических странах, распределение доходов там, как свидетельствует статистика, было намного более равномерным и справедливым, чем в странах с рыночной экономикой. Так, коэффициент Джини, характеризующий степень неравенства доходов (от нуля при полном равенстве до единицы при абсолютном неравенстве), в странах социализма колебался в пределах 0,20–0,27, в индустриально развитых капиталистических странах — в интервале 0,39–0,52, в развивающихся странах тяготел к 0,45–0,5 (Kornai, 1992, p. 318–319; Российский статистический ежегодник, 2000, с. 155). При всех недостатках государственного социализма обвинение его в эксплуататорском характере (если исключить теневую экономику) не находит подтверждения.

Тем не менее верно и то, что реальная экономическая политика, которую осуществляло социалистическое государство, отнюдь не всегда следовала ленинской целевой функции. Находить в этом чей-то злой умысел было бы неправильно. Высшее руководство, безусловно, стремилось к поддержанию и возможному повышению уровня жизни большинства, но чаще всего этому препятствовали его собственные представления о национальных приоритетах, среди которых на первом месте стояли потребности обороны и развития базовых отраслей — ресурсной основы и тяжелой индустрии. Так получалось в силу реально складывавшейся международной обстановки и изначального отставания социалистических стран по уровню индустриального развития. Это ставило на первый план поддержание высоких темпов экономического роста за счет преимущественного развития производства средств производства по сравнению с производством предметов потребления.

Теоретически это обосновывалось ссылками на Маркса и Ленина, которые в ряде работ доказывали необходимость более высоких темпов роста т. н. первого подразделения общественного производства. Строго говоря, эта закономерность может существовать лишь при росте органического строения капитала, т. е. в такие периоды экономического развития, когда стоимость массы средств производства, приходящейся на единицу стоимости занятой рабочей силы, увеличивается по мере роста производительности труда. Однако начиная с 1920-х гг. это соотношение стало уменьшаться вследствие роста эффектив-

ности средств производства, с одной стороны, и сокращения разрыва между ценой и стоимостью рабочей силы, с другой. В результате появилась объективная возможность развивать второе подразделение так же быстро и даже быстрее, чем первое. Но догматическая наука этого не признавала. Кроме того, из практических соображений в первое подразделение безосновательно включали военное производство — и все это для того, чтобы в центральном плане сохранить приоритет военной и тяжелой промышленности.

Надо отметить, что в работах Н. А. Цаголова мы не нашли повторения этого неверного тезиса. Учитывая остроту вопроса, он уходит от его подробного анализа, но не утверждает вслед за другими приоритет тяжелой индустрии и отмечает, что «увеличение массы средств производства и повышение их эффективности позволяет все большую долю их использовать на накопление предметов совместного потребления: строительство жилищ, детских учреждений, учреждений просвещения, здравоохранения, культуры и т. д. Все больший размах приобретают затраты на благоустройство городов, на коренное улучшение условий жизни. Все это существенным образом изменяет характер потребления, создает наиболее благоприятные условия жизни для всех членов общества» (Курс, 1970, т. II, с. 200).

Вместе с тем, автор избегает говорить о возможности выделения все больших ресурсов непосредственно на производство предметов личного потребления. Тем самым как бы отдается дань догме о приоритете средств производства, хотя она находится в вопиющем контрасте с декларированной целевой функцией социалистической планомерности.

Теоретически можно обосновать необходимость расходовать значительную часть ВВП на нужды накопления (т. е. на средства производства), уменьшая тем самым долю личного потребления, тем, что это обеспечивает более высокие темпы экономического роста и личного потребления в том числе. Иначе говоря, результат для уровня жизни получается более благоприятный, чем если расходуется меньше средств на накопление при более низких темпах общего роста.

Но в действительности более высокая норма накопления далеко не всегда гарантирует более высокие темпы роста. Например, в 1970 г. в СССР на накопление приходилось 29,5 процента национального дохода, а среднегодовой темп роста последнего в 1966–1975 гг. составлял 6,8 процента. В 1990–1988 гг. доля накопления уменьшилась до 25,1 процента, но средние темпы роста упали до 3,0 процента. Если в первый период на каждый процент доли накопления приходилось 0,23 процента среднегодового роста, то во втором периоде — лишь 0,12 процента

(Народное хозяйство СССР в 1988 г. Статистический ежегодник, М., 1989). Иначе говоря, приростная эффективность за это время упала вдвое. То, что теоретически считалось возможным, на практике не находило реализации.

Конечным итогом такого хозяйствования было существенное отставание сферы личного потребления. В 1980-х гг. на долю второго подразделения общественного производства приходилось только 25 процентов всей промышленной продукции, на тяжелую промышленность — 89 процентов всех промышленно-производственных фондов (там же, с. 335, 352). В 1991 г. личное потребление составляло лишь 41,4 процента ВВП (Российский статистический ежегодник, 2000, с. 265).

Для сравнения: доля личного потребления в ВВП США систематически держится на уровне 66–67 процентов. Доля второго подразделения в продукции и капиталовложениях американской промышленности была, как минимум, вдвое выше, чем в СССР. При средней доле накопления всего в 15 процентов от ВВП среднегодовой темп роста составлял 3,3 процента, а приростная эффективность накопления — 0,22, т. е. почти вдвое выше, чем у нас (Economic Report of the President of the US, 2000, с. 306–308). Итак, в последнее десятилетие своего существования советская плановая экономика отставала от США и других индустриальных капиталистических стран не только по абсолютному уровню и доле национального продукта, расходуемой на личное потребление, но и по общим темпам роста.

Это отставание можно было бы в какой-то мере терпеть, если бы при этом не ощущался систематический и даже нарастающий дефицит продукции, причем как потребительских товаров, так и средств производства. Центральное планирование явно не справлялось не только с поддержанием достаточно высоких темпов роста экономики и жизненного уровня, но и с более непосредственной задачей соблюдения пропорциональности.

Отчасти это было результатом рассмотренных выше неправильных общих установок центрального планирования, в частности, чрезмерной концентрации ресурсов на развитие военной и тяжелой индустрии, а также сдерживания роста сферы личного потребления. Дело было не только в ошибках планирования, но и в соответствующей отраслевой организации экономики. Например, военная индустрия была организационно изолирована от прочих отраслей экономики, подчинялась своему самостоятельному единому центру — Военно-промышленной комиссии и пользовалась привилегиями и приоритетом в обеспечении ресурсами. Существовавшие в этом закрытом секторе многочисленные

научно-исследовательские учреждения и конструкторские бюро работали преимущественно на военные цели и лишь в очень малой степени обслуживали гражданское производство. Значительная часть потребительских товаров длительного пользования выпускалась на оборонных предприятиях и была для них навязанной сверху «обузой», придатком к их основному производственному профилю. Традиционные потребительские отрасли — легкая и пищевая индустрия практически не пользовались достижениями НИОКР, работавших почти исключительно на оборону.

Тяжелая промышленность была в несколько лучшем положении, особенно топливно-энергетический комплекс, металлургия и химия. Это были «элитные» отрасли, на развитие которых обращалось особое внимание. При этом важнейшая часть тяжелой индустрии — машиностроение — развивалось крайне однобоко, обслуживая почти исключительно военные и «элитные» отрасли, но безнадежно отставая по технологии и выпуску новейшего оборудования для гражданских нужд. Например, провальным оказалось развитие в СССР компьютерной технологии, хотя, казалось бы, потребность в ней для нужд обороны была высока.

Мы уже не говорим о вопиющем отставании в производстве легковых автомобилей, строительстве современных шоссейных дорог, в массовой телефонизации и т. д.

В работах Н. А. Цаголова эти ошибки центрального планирования и управления затрагивались лишь в самой общей форме. Автор модели считал их результатом несовершенства планомерности, полагая, что они могли быть преодолены по мере совершенствования самой системы. Он не анализировал причин отхода от общей целевой функции социализма, считая, что иного назначения, кроме полного удовлетворения потребностей всех членов общества, быть не может. Но даже если предположить, что именно такова была конечная цель тех, кто стоял у руля реального социализма, их непосредственные приоритеты были иными.

Поддержание и некоторое повышение жизненного уровня по сравнению с достигнутым были максимальной задачей, которую руководство социалистических стран ставило перед собой при реальном планировании. На первом месте стояло выделение достаточных ресурсов на оборону и первоочередное развитие отраслей тяжелой промышленности, которые, как считалось, должны были гарантировать поступательное движение всей экономики вперед. Поддержание и повышение уровня жизни рассматривались скорее как ограничение, а не как целевая функция. На практике ресурсы на эти цели выделялись зачастую по остаточному принципу.

Можно ли было строить планомерность иначе, т. е. действительно ставить на первый план повышение жизненного уровня? Да, модель планомерности такую возможность создавала. Но только в идеальных условиях, когда социалистические страны существовали бы в благоприятном внешнем окружении, когда у власти стояли бы люди, которые действительно руководствовались повышением уровня жизни населения, как каждодневным приоритетом, а не абстрактной конечной целью, достижимой лишь в неопределенном будущем, «при коммунизме». Но таких идеальных условий в реальной жизни не было, и социалистическая планомерность подчинялась другим законам.

Говоря абстрактно, даже при многоцелевой функции, учитывающей все сложности и ограничения действительности, можно было достичь лучшей пропорциональности и практически обойтись без товарных дефицитов. Для этого требовался более высокий уровень компетентности и профессионализма в центральном планировании, чем тот, что реально существовал, и больше внимания к выводам и предложениям экономической науки. Между тем опыт общения планирующих инстанций с наукой был далеко не удовлетворительным.

Когда впервые создавался Госплан, В. Ленин настоял на том, чтобы его руководство было поделено между ученым (Г. Кржижановским) и администратором (Г. Пятаковым). Но Кржижановский был по профессии не экономистом, а специалистом в области электроэнергетики. В последующем Госпланом руководили, главным образом, хозяйственные менеджеры-отраслевики. Единственным исключением был Н. Вознесенский, но уровень его профессиональной подготовки, как экономиста, был явно недостаточен, если судить по его книге о военной экономике. Главное же заключалось в том, что все они лишь были исполнителями решений И. Сталина, который не считался с выводами экономической науки, если они противоречили его политическим установкам.

В 1920-х гг., когда централизованная плановая система только создавалась, в Советском Союзе возникла передовая школа экономистов, которая впервые в мировой науке разработала концепцию экономического роста применительно к социализму. Отличительной чертой этой концепции была идея соблюдения максимально возможной пропорциональности и сбалансированности народного хозяйства во всех его основных звеньях. Представители этой школы (в особенности работавший тогда в Госплане Г. А. Фельдман) разработали систему экономико-математических моделей, которые могли быть применены для расчета пропорций экономики при различных заданных общих темпах роста (Фельдман, 1928).

Но в 1931 г. Фельдман и другие сотрудники Госплана подверглись чистке как «предельщики» за то, что возражали против необоснованных расчетов пятилетнего плана, составленного по указаниям сверху в заведомо несбалансированном виде. Это были ложные обвинения. Внимательное изучение работ Фельдмана показывает, что его модель (составленная, кстати говоря, на основе двухсекторной схемы воспроизводства К. Маркса) допускала и весьма высокие общие темпы роста экономики, мало отличавшиеся от официальных. Но при этом он настаивал на необходимости поддержания сбалансированности между тяжелой и легкой индустрией, между промышленностью и сельским хозяйством, между производительностью труда и его оплатой. А это подрывало доверие к тем несбалансированным планам, которые принимались по указаниям свыше, заведомо не могли быть выполнены и к тому же серьезно усугубляли диспропорции и дефициты в экономике.

Этот опыт общения властей с экономической наукой надолго подорвал возможность более квалифицированного центрального планирования. Попытки возрождения научного подхода к планированию стали делаться после смерти И. Сталина, несмотря на сопротивление менеджеристской бюрократии. Независимо от теоретических воззрений советских экономистов того времени, многие из них, особенно в 1960–1970-х гг., правильно анализировали принципиальные недостатки системы планирования и предлагали вполне реализуемые пути их преодоления.

Именно в это время были сформулированы предложения о переходе от экстенсивного к интенсивному пути развития, разработаны дельные макроэкономические модели, сочетавшие многоотраслевой и оптимальный подходы и позволявшие более или менее правильно рассчитывать пропорции на перспективу. Разрабатывались и системы моделей, которые увязывали воедино макроэкономику с развитием отраслей и территорий. Существовали такие модели не только в институтах Академии наук СССР, его Сибирского отделения, но и в НИЭИ при Госплане СССР.

Но в практической деятельности правительства все эти достижения науки не находили применения. И не только потому, что уровень многих центральных руководителей был недостаточно высоким, но и потому, что сложившаяся система учреждений, руководивших экономикой, противоречила возможностям пропорционального развития. В теоретических работах экономистов того времени эта проблема практически не ставилась. Не писал о ней и Н. А. Цаголов. К анализу этого коренного противоречия мы сейчас и переходим.

В абстрактной модели планомерности процесс принятия решений о распределении ресурсов выглядит как последовательное движение сверху вниз — от центрального планирующего органа через отраслевые и территориальные управляющие структуры к предприятиям и другим производственным организациям. Разумеется, в модели предусмотрена и обратная связь — как на стадии подготовки плана, в ходе которой предложения снизу сводятся воедино и корректируются в соответствии с общими установками, так и на стадии выполнения плана в процессе необходимых поправок, вызванных расхождением плана с действительностью.

В этой схеме отсутствует одно важное звено, а именно конкуренция отраслевых и территориальных структур, а также предприятий за ресурсы. Речь не идет о рыночной конкуренции, ибо мы имеем дело с нетоварной организацией, а о конкуренции административной, или бюрократической. Это не система Ланге, где каждый субъект платит рыночную цену за получаемый им ресурс и получает взамен платеж за свою продукцию, определяемый рыночной равновесной ценой. При административной конкуренции назначаемая государством цена, как правило, ниже равновесной, и, следовательно, спрос на ресурсы существенно больше их предложения. Спрос ограничивается не ценой, а потребностями субъектов.

Результат такой конкуренции может быть двоякий: либо ресурсы распределяются приблизительно поровну, причем их количество явно недостаточно, чтобы быть эффективно использованным, либо в зависимости от силы и сравнительного влияния борющихся субъектов. Чаще всего в реальной жизни результат был некоторой смесью этих двух вариантов. Кто-то получал все или почти все, что требовал, другие же довольствовались малым. От распределения ресурсов зависели и результаты деятельности. Выполнение или невыполнение плана предопределялось исходом этой конкуренции. При такой системе центральный план не мог быть сбалансированным и пропорциональным по определению. Если в рыночной экономике сбалансированности противоречила стихия товарных отношений независимых производителей, то в реальном социализме планомерной пропорциональности противостоял могущественный враг в виде частных интересов административных структур, т. е. прежде всего отраслевых министерств. Центральный план в лучшем случае был простой регистрацией этих противоречий и слабой попыткой их как-то между собой примирить.

В теоретической модели планомерного социализма нет сколько-нибудь самостоятельного анализа отраслевых министерств, как промежу-

точных субъектов хозяйствования — между центральными планирующими и распределительными органами (Госплан, Госснаб и т. д.) и предприятиями. Их роль в этой модели трактуется как функция управления отраслью в координации с центральными плановыми органами. Это заведомо пассивная роль, между тем как в действительности министерства играли роль самостоятельных субъектов экономики, наделенных реальной властью распоряжения ресурсами отрасли и преследующих свои особые интересы, не обязательно совпадающие с интересами государства в целом или с интересами подчиненных предприятий.

В какой-то мере отраслевые министерства походили на крупные капиталистические корпорации. Это была надстройка над предприятиями, которая жила за счет части прибавочной стоимости, создаваемой ими; министерства ее присваивали и перераспределяли. Хотя в отличие от корпораций министерства формально не владели предприятиями, они фактически распоряжались значительной частью их ресурсов. Кроме того, в отличие от корпораций, они выступали в роли отраслевых монополистов, что исключало конкуренцию по качеству продукции, внедрению новой техники и новых видов товаров. Наличие отраслевых монополий заведомо тормозило технический прогресс и снижало экономическую эффективность.

Главной целевой функцией министерств была максимизация ресурсов, которыми отрасль могла распоряжаться. Этим определялась не только ее способность выполнять план производства продукции, но ее относительная сила в нерыночной борьбе за дальнейшее выделение ресурсов. От успеха в этой борьбе зависело и личное благополучие руководителей отрасли, и их продвижение по иерархической служебной лестнице.

В начале 1970-х гг., работая в новосибирском Институте экономики, мы с группой ученых построили три межотраслевые динамические модели — СССР, США и Японии. Кроме достаточно реалистических прогнозов сравнительных темпов развития, эти модели помогли также расширить понимание некоторых закономерностей советской экономики. Стало ясно, например, что капиталовложения в нашей стране определялись не только не так, как в рыночных экономиках, но и вовсе не так, как говорилось в большинстве наших теоретических работ. В капиталистических странах все зависело от нормы прибыли. Чем больше была текущая прибыль, тем больше отрасль имела ресурсов для инвестиций. Но чем больше был накопленный ею капитал, тем меньше требовалось новых капиталовложений и тем меньше вкладывалось.

В СССР все было иначе. Капиталовложения тоже зависели решающим образом не от воли центральных инстанций (хотя они и могли

внести некоторые коррективы), а главным образом от полученной величины продукции или массы прибыли. Динамика накопленного капитала отнюдь не сдерживала новых капиталовложений. Величина накопленного капитала либо не имела существенного значения, либо, наоборот, способствовала получению нового капитального финансирования. Если отрасль успешно росла в прошлом, то могла рассчитывать и на выделение достаточных ресурсов для роста в будущем. Чем больше отрасль накапливала основных фондов, тем больше капиталовложений ей давалось для будущего накопления (Межотраслевая динамическая модель СССР, описана нами в *С. Меньшиков* (ред.), 1972, с. 161–205).

Эти результаты означали, что в советской экономике преобладала инерция и практически отсутствовали механизмы автокорректировки. Ведь чтобы оставаться жизнеспособной, любая динамическая система должна быть саморегулируемой, т. е. скорость ее приспособления должна меняться в прямой зависимости от расстояния, отделяющего ее от точки равновесия. Чем дальше система находится от равновесия, тем больше должна быть скорость приближения к нему. Если сила реагирования при этом достаточно велика, то система постоянно стремится к равновесию, колеблется вблизи него.

В советской экономике все оказалось организованным так, что скорость приспособления либо была слишком мала и равновесие никогда не достигалось, либо она равнялась нулю, т. е. система совсем не реагировала на дисбалансы, либо же, что еще хуже, скорость приспособления была величиной отрицательной, и в этом случае несбалансированность и дефициты имели тенденцию систематически нарастать. Такая система рано или поздно неизбежно распадается, ибо размеры несбалансированности и неравновесия со временем переходят незримо существующие критические пределы и порождают необратимые процессы, превращающие социализм в свою противоположность.

Во-первых, хроническая несбалансированность, а следовательно, и постоянные товарные дефициты стали одной из главных причин, породивших и стимулировавших развитие теневой экономики, т. е. негласного частного сектора в порах социалистического хозяйства (об этом несколько позже).

Во-вторых, система распределения ресурсов по силе вела к консервации и усилению структурных диспропорций в экономике — особенно перекоса в сторону военной и тяжелой индустрии при хроническом отставании потребительской сферы. Например, в 1970 г. доля второго подразделения в общем объеме продукции промышленности достигала 26,6 процента, а к 1986 г., т. е. к началу горбачевского периода, сни-

зилась до 24,7 процента. За период с 1980 по 1988 г. продукция тяжелой промышленности увеличилась на 42 процента, легкой промышленности — только на 15 процентов, пищевой индустрии — на 25 процентов. С 1970 по 1988 г. доля легкой индустрии в промышленно-производственных основных фондах сократилась с 4,6 до 4,0 процентов, доля пищевой индустрии — с 7,5 до 6,3 процента (Народное хозяйство СССР в 1988 г., с. 335, 337, 351).

В-третьих, нетоварная конкуренция за ресурсы вела к чрезмерному перенакоплению основных фондов и снижению эффективности капитальных затрат. Так, за период 1980–1988 гг. объем основных фондов в промышленности вырос на 59 процентов, а общий объем продукции — только на 34 процента (там же). Таким образом, за это время средняя отдача основных фондов уменьшилась на 21 процент, причем снижение эффективности касалось как тяжелой, так и потребительской промышленности, т. е. было всеобщим явлением. Неизбежным результатом стало снижение общих темпов роста экономики, вплоть до ее стагнации в конце 1980-х гг.

Недостатки, свойственные системе управления через отраслевые монополии, были достаточно хорошо известны советским экономистам и практикам, даже если они и не вникали глубоко в механизм поведения этих структур и не осознавали его катастрофических последствий. Уже начиная с 1950-х гг. всеобщее признание получил тезис о необходимости децентрализации системы управления. Поиск альтернативных систем начался в 1957 г. с решения о создании территориальных структур — совнархозов — вместо отраслевых министерств. По идее, ликвидация отраслевых монополий и создание конкурирующих внутриотраслевых структур могла бы дать стимул к техническому прогрессу, приближению плана к локальным потребностям, большей сбалансированности в рамках крупных территориальных единиц.

Но этого не произошло, т. к. система распределения основных ресурсов оставалась централизованной. В результате уже через несколько лет — к середине 1960-х гг. — произошел возврат к отраслевой системе, несколько модифицированной расширением прав хозрасчетных предприятий (т. н. косыгинская реформа). Но в действительности самостоятельность предприятий увеличилась лишь ненамного, и вскоре отраслевые монополии были практически восстановлены. Они просуществовали еще два десятилетия — практически до начала горбачевских реформ.

Чем объясняется их живучесть? Обычно ее объясняют необходимостью сохранения единой технической политики в масштабе отрасли, экономией от ликвидации параллелизма в управленческих и сбытовых орга-

нах. В какой-то степени это правильно. Но, пожалуй, главной причиной был сам механизм конкуренции за ресурсы. Поскольку распоряжение ресурсами было сосредоточено в центре, постольку там же должны были располагаться и субъекты, борющиеся за их распределение. Совнархозы не могли одновременно управлять своими предприятиями, расположенными рядом, и драться за ресурсы в Москве. Эти функции было удобнее сочетать отраслевым структурам в ранге министерств, а ранг министра придавал больше силы в административной конкуренции на высших уровнях власти.

Хотя эта система явно содержала в себе семена собственного разрушения, она могла бы, наверное, просуществовать еще некоторое время, если бы ее реформирование пошло по правильной линии, например, по пути превращения отраслевых монополий в крупные и достаточно самостоятельные, конкурирующие между собой государственные концерны, которые дополнительно к самофинансированию капиталовложений, за счет значительной части собственной прибыли, обращались бы также к платным заемным ресурсам, распределяемым государством на рыночной основе. Иначе говоря, если бы была хоть частично осуществлена описанная выше схема Ланге. Автор этих строк был сторонником этой идеи и отстаивал ее в некоторых своих работах еще в 1960-х гг. (Меньшиков, 1967). К сожалению, она не нашла отклика у представителей наших руководящих кругов ни тогда, ни после.

Идея создания научно-производственных объединений была поддержана некоторыми авторами, но рассматривалась скорее как исключение, чем правило. Вместо этого большинство экономистов и практиков стояли на позициях всемерного развития самостоятельности отдельных предприятий. Это ошибочная идея, которая противоречит мировой практике концентрации и централизации производства, без которой ни в одной индустриально развитой стране не существует основная часть промышленности. Именно на уровне крупных корпораций и концернов планомерность находит свое высшее выражение в современной рыночной экономике. Тезис о самостоятельности отдельных предприятий игнорирует достигнутую ступень развития производительных сил и тянет от высших достижений планомерности назад, к анархии.

В конце концов уже в горбачевское время именно этот ошибочный тезис победил, послужив началом ликвидации отраслевого звена управления в целом. Тем самым был уничтожен и важнейший скрепляющий компонент общей народнохозяйственной планомерности и был сделан первый шаг к ликвидации социализма. Когда же началась массовая приватизация, главной организационной единицей опять-таки стало отдель-

ное предприятие. В результате и переход к рыночной экономике происходил при отсутствии отраслевых управляющих структур, т. е. в обстановке общей анархии. Но не будем забегать вперед.

Прогноз Н. А. Цаголова о неизбежном перерастании рыночного социализма в капитализм требует особого рассмотрения механизма появления негласного частного сектора в порах социализма. К анализу этого механизма мы и переходим.

5. Мятеж теневой экономики

К концу советского периода значительная часть ВВП приходилась на долю т. н. теневой экономики, т. е. нелегального частного сектора, который быстро рос — абсолютно и относительно. Наши собственные расчеты, сделанные в то время, показывают, что «невидимые доходы», не учтенные официальной статистикой, уже в 1975 г. составляли 13,8 процента к официальному фонду оплаты труда; к 1980 г. их доля выросла до 17,9 процента, к 1985 г. — до 21,1 процента и к 1989 г. — до 25,4 процента (Меньшиков, 1990, с. 112). Поскольку совокупные трудовые доходы составляли в среднем 47 процентов от ВВП, то, принимая данные о невидимых доходах за приблизительную оценку размеров теневого оборота в экономике, можно заключить , что доля негласного частного сектора в ВВП выросла в указанный период с 6,5 процента в 1975 г. до 9,9 процента в 1985 г. и до 11,9 процента в 1989 г.

Хотя размеры теневой экономики были достаточно велики, ее существование не признавалось официальной статистикой и ее анализ практически полностью игнорировался в теоретических работах советских авторов. В «модели Цаголова» места этому сектору не находилось. Капиталистическое перерождение товарных отношений рассматривалось в ней как потенциальная угроза, но не как уже существовавшая в то время реальность, причем не в условиях рыночного социализма, а при достаточно сильно централизованной плановой системе.

Между тем, корни ее зарождения и роста заключены в трех взаимосвязанных компонентах этой системы: 1) в особом характере отделения собственности от ее фактического распоряжения; 2) в преобладании товарных дефицитов вследствие систематического нарушения пропорциональности в экономике; и 3) в наличии товарно-денежных отношений, как канала реализации продукции нелегального сектора, присвоения им прибавочной стоимости и накопления частных богатств. Рассмотрим эти факторы сначала в отдельности, а затем в комплексе.

Н. А. Цаголов прав, когда пишет, что государственная собственность находит свою реализацию, как общенародная собственность, только в полной планомерности, причем подчиненной особой целевой функции. Если же такая планомерность не осуществляется, то государственная собственность может приобретать совсем другую сущность. Все зависит того, кто и как ею реально распоряжается. На макроэкономическом уровне она фактически становится владением узкого правящего слоя, который ее подчиняет осуществлению некоей политико-экономической стратегии. На отраслевом уровне она попадает во владение групп менеджеров, стремящихся к максимизации своего влияния и благополучия. На уровне предприятий реальные экономические активы попадают в распоряжение групп работников, которые могут использовать их не только в интересах государства, но и для собственного частного присвоения.

Юридически сохраняется собственность государства, как конечного владельца. Экономически собственность реализуется как государственная лишь в том случае, когда продукция и доход предприятия распределяются и используются строго по его предписанию (плану). Но контроль сверху никогда не может быть полным. В течение достаточно длительных периодов времени материальные и денежные активы предприятия фактически используются бесконтрольно в интересах тех лиц или групп, которые ими в это время реально распоряжаются. Важно, чтобы сходились данные формальной отчетности и чтобы активы были в наличии в моменты проверки, либо чтобы проверяющие контролеры получали свою долю выгоды от сокрытия проводимых частных операций.

Напомним лишь некоторые из наиболее распространенных форм частной наживы на государственных предприятиях:

доход от неучтенной продукции товаров и услуг;

перепродажа «налево» избыточных средств производства (сырья, топлива, материалов);

фиктивный сбыт продукции в счет плана при реальной ее поставке другим участникам теневого оборота.

Интересно, что в прессе и литературе того времени, в воспоминаниях хозяйственников имеется много иллюстраций таких и других подобных операций, о которых было широко известно, но которые в трудах политэкономов никак не отражались.

Часто считали, что теневая практика распространена главным образом в розничной торговле, сфере коммунальных и бытовых услуг, где непосредственным объектом обмана и спекуляций был массовый потребитель. Но в действительности частные операции широко практиковались и в промышленности, в том числе тяжелой, в строительстве,

на транспорте, в материально-техническом снабжении и т. д. Поскольку все это были отрасли, где безраздельно господствовала государственная собственность, а отрасли и предприятия подчинялись центральному плану, в теневой оборот неизбежно втягивалось не только руководство предприятий, но и аппарат министерств, плановых и распределительных инстанций и контрольных органов.

Разумеется, в этой системе были и свои инициаторы, которые видели в прорехах государственного контроля возможности для личного обогащения. Когда в распоряжении хозяйственника находятся на началах доверия чужие производственные и денежные активы, невольно возникает мысль, а не использовать ли их в своих интересах, если это не наносит ущерба собственнику. Например, шофер государственной машины подвозит случайного пассажира за вознаграждение. Или работник автосервиса обслужил посетителя вне очереди за оплату в руки, а не через кассу. Казалось бы, ни у кого не убыло, только у всех прибыло. Разумеется, при этом не учтено, что автомобиль, на котором подвозили, был государственным, как и оборудование станции техобслуживания. Но эти «мелочи» превращаются в миллионы и миллиарды, когда на государственных заводах создается «левая» продукция, когда бесплатно полученные ресурсы также продаются «налево». И все это — прямой убыток государства, т. к. и неучтенная продукция, и пущенные «налево» материалы могли бы стать источником дополнительного государственного дохода.

Но злой умысел вовсе не обязателен для втягивания в теневую деятельность. Часто к этому понуждала обстановка всеобщих дефицитов. Представьте себе честного директора завода, стремящегося обеспечить выполнение спущенного ему плана. При перекосах в центральном планировании он неизбежно сталкивается с ситуацией, когда плану выпуска не соответствует предусмотренное материально-техническое обеспечение. Чтобы обойти изначально заложенную диспропорцию, приходится либо скорректировать план, отказавшись от выпуска части предусмотренной продукции, заведомо пойти на ухудшение качества другой ее части, постараться поправить в сторону повышения план материально-технического снабжения. Все эти корректирующие операции зависят от решения одного или нескольких чиновников вышестоящей или распределительной организации. Такие чиновники, как бы честны они ни были изначально, рано или поздно поддадутся на соблазн получения взятки от многочисленного круга хозяйственников, которые от них так или иначе зависят. Источником взятки становятся, конечно, средства предприятий. Расходы на такие цели, разумеется, не

предусмотрены сметой расходов. Их приходится находить, прибегая либо к заведомо незаконному расходованию средств, либо создавая собственные «резервные» фонды за счет неучтенной продукции, продажи на сторону материалов и т. д.

Постепенно чиновники обнаруживают, что получаемые ими взятки находятся в прямой пропорции от дефицита на определенные виды продукции, планированием или распределением которых они занимаются. Они понимают, что ликвидация дефицита вовсе не в их интересах, и даже совсем наоборот, поэтому начинают стремиться к тому, чтобы способствовать созданию дефицитов там, где это от них зависит и не сопряжено с неоправданным риском разоблачения. Для этого требуется внести в плановые расчеты положения, делающие выполнение плана нереальным. Например, если запланировано заведомо завышенное задание по экономии материалов, то создание дефицита гарантировано.

Со своей стороны, и руководители предприятий начинают помогать образованию дефицитов, ибо это способствует и их собственному обогащению, и возможности влиять на чиновников. Обратите внимание — нетоварный характер распределения средств производства способствует образованию и дефицитов, и теневой экономики. Нерыночный характер распределения продукции делает армию бюрократов и чиновников соучастниками и соисполнителями операций теневой экономики. Происходит сращивание теневой экономики со значительной частью государственного аппарата, образование многочисленного слоя «тенекратии». И чем больше число бюрократических нахлебников, которых теневая экономика должна прокормить, тем больше и размеры товарных дефицитов.

Другим непременным условием функционирования теневой экономики является наличие достаточно широкой сферы товарно-денежных отношений. Это вытекает, прежде всего, из того, что накопление частного капитала в материально-вещественной форме имеет пределы и должно обязательно быть дополнено накоплением денежного или другого ликвидного, т. е. легко обратимого в деньги капитала. Сюда входит и накопление золота, других драгоценностей, иностранной валюты, коллекционирование предметов искусства и т. п.

Следовательно, реализация товаров и услуг теневого сектора должна осуществляться в денежной форме. Это нетрудно сделать в потребительской сфере, где абсолютно преобладал оборот за наличные деньги. Что касается первого подразделения общественного производства, где правилом было безналичное обращение, то очевидно, что здесь реализация теневых доходов могла происходить лишь опосредствованно, —

например, через неучтенную поставку продукции для потребительской сферы или внешнего рынка.

Особенно негативные последствия для экономики в целом несла реализация теневой прибыли через розничную торговлю. Эта прибыль складывалась из двух источников: продажи неучтенной продукции нелегального сектора через обычные каналы розничной торговли по государственным ценам и продажи учтенной продукции по завышенным ценам благодаря фактическому или искусственно создаваемому дефициту. В первом случае цена реализации включала всю прибыль продавца плюс оплату за поставку «левой» продукции, из которой, в свою очередь, черпалась прибыль нелегального производства. Во втором случае изымалась дополнительная прибыль, равная разнице между фиксированной государственной ценой и равновесной ценой рынка. В этом случае дополнительная прибыль целиком принадлежала торговцу.

Так или иначе, у торговой сети всегда были достаточные резервы наличных денег для приобретения продукции нелегального производственного сектора. Но продавать через этот канал можно было только потребительскую продукцию. Это предполагало, что неучтенная продукция средств производства должна была сначала проходить через второе подразделение, чтобы в конечном счете принести деньги в наличной форме. Неучтенные средства производства могли быть направлены и на экспорт через внешнеторговые организации, втянутые в теневой оборот. Необходимость обналичивать доход через другие сферы, разумеется, накладывала ограничения на развитие теневого сектора в первом подразделении.

Но главным ограничителем развития частного сектора в рамках социалистической экономики было сохранение государственной собственности на средства производства, планомерности, как главного приципа хозяйствования, централизованного планирования и распределения основной части продукции и жестких рамок для самостоятельной деятельности предприятий. Теневой сектор существовал и даже рос, но вплоть до начала горбачевской перестройки он все же занимал второстепенное место в общем объеме экономической активности. И Цаголов был прав: пока существовали эти ограничители, возможности для капиталистического перерождения были минимальные.

Но ситуация менялась принципиально при переходе к рыночному социализму, при котором отменялись или сводились к минимуму два главных ограничителя — центральное планирование и жесткие пределы самостоятельности предприятий. В отсутствие централизованных заданий по производству и капитальным вложениям, а также фиксиро-

ванных цен, при значительном расширении прав самостоятельно распоряжаться материальными и финансовыми активами предприятий многие операции, которые до того считались незаконными, легитимизировались и выходили из тени. А менеджмент предприятий превращался в подобие арендаторов у собственника-государства, которому они должны были платить лишь налоги за пользование его имуществом, но в остальном были свободны в пользовании им.

В упомянутом выше сочинении Я. Корнаи подвергается суровой критике эта система, с которой он был хорошо знаком, поскольку ее близкое подобие существовало в Венгрии. Но критика с его стороны заключалась не в том, что это был полупереход к капитализму, а как раз наоборот — что переход этот был недостаточен. Это было плодом разочарования в конкретных результатах рыночных реформ, инициаторами и теоретиками которых были Корнаи и его коллеги. Причем недостатки рыночного социализма проявились довольно рано.

Помню, как во время наших встреч в Венгрии в конце 1970-х гг. Корнаи жаловался на возникновение цикла капиталовложений, с которым государство с трудом справлялось. Рост автономности государственных предприятий породил у них стремление к необузданной трате средств, в том числе и для капиталовложений. Это приводило к такому росту инвестиций, для которого у страны не было ресурсов. Через два-три года после начала очередной волны капиталовложений государство вмешивалось, вводило ограничения, в результате которых возникал общий спад.

Но главными были по-прежнему низкие общие темпы роста и слабая конкурентоспособность на мировых рынках. Эти недостатки побудили реформаторов перейти к более радикальным вариантам рыночных экспериментов — отмене центрально-фиксируемых цен, введению свободного рынка капиталов, большей открытости к внешнему рынку. Но это не помогло радикально исправить экономическую ситуацию. Темпы роста оставались низкими, конкурентоспособность невысокой, платежный баланс стал дефицитным, росла внешняя задолженность.

Корнаи винил во всем этом непоследовательность рыночных реформ, которые, по его мнению, сводились к созданию лишь либерального варианта старой плановой системы. «Государство, — писал он, — даже отказавшись от командного планирования, сохранило множество иных формальных и неформальных способов держать предприятия в подчинении. Вследствие этого рыночные механизмы ограничены бюрократической координацией и не могут проявиться в полную силу. Государство продолжало ставить препятствия для свободного «входа»

частных предприятий в отрасли, где действовали государственные предприятия, и принимало меры для ограждения последних от нежелательной конкуренции». Все эти аргументы Корнаи обобщал в главном выводе: подлинный рынок несовместим с государственной собственностью. Это было отречение теоретика рыночного социализма от своего детища ввиду его несостоятельности и призыв к отказу от него в пользу полностью рыночной, т. е. капиталистической системы.

В СССР, в отличие от Венгрии, не было ни длительных экспериментов с рыночным социализмом, ни сколько-нибудь глубоких теоретических разработок в пользу его необходимости. Все происходило быстрее и проще. Вскоре после прихода М. Горбачева к власти среди директоров возникло движение за полную самостоятельность предприятий и ликвидацию отраслевых министерств, в которых видели главного врага этой самостоятельности. Нечто в этом духе отстаивал и пришедший к руководству экономической наукой С. Шаталин. И хотя у этой идеи были серьезные противники, именно такое направление реформ было принято на пленумах ЦК КПСС и 20-й партийной конференции в 1987–1988 гг. Параллельно принимались решения по ликвидации функций центральных плановых, распределительных и финансовых органов, а также фактическому введению частного предпринимательства под видом кооперативов. Планомерная модель экономики распадалась на глазах.

Теперь, по прошествии достаточного периода времени, можно обобщить эти процессы, как сознательное восстание теневого сектора против государственной собственности. Когда на 20-й партконференции директора предприятий один за другим требовали ликвидации министерств и Госплана, это было на деле призывом к передаче в полное распоряжение менеджмента той собственности, которой они до того распоряжались лишь частично. Управленческая элита реального социализма сама свергала тот строй, в котором она уже фактически была правящим классом, уничтожала те организационные и политические барьеры, которые ее отделяли от полного господства. Происходила, перефразируя В. Ленина, полнейшая материальная подготовка капитализма.

Дальнейшее известно. Уже при Б. Ельцине освобожденные от центрального контроля предприятия были превращены в акционерные общества, а затем приватизированы. «Красные» директора превратились в класс капиталистов. Вышедшие из тени частные финансисты, накопив первоначальный капитал на операциях по обворовыванию государства, затем скупили за бесценок как бы специально созданные для них

крупные объединения в высокоприбыльных экспортных отраслях промышленности. Почти без промежуточных ступеней страна перешла от цаголовской планомерности к финансово-монополистическому капитализму.

Можно ли было предотвратить такой ход событий? Или же система, основанная на государственной собственности, настолько нежизнеспособна, что ее распад был предопределен? На эти вопросы мы постараемся ответить в следующих разделах.

6. Хрупкость и неустойчивость системы

Начнем с вопроса о жизнеспособности полностью планомерной системы. Затем мы рассмотрим проблему устойчивости системы рыночного социализма. И наконец, ответим на тот же вопрос применительно к комбинации макроэкономической системы с элементами рыночного социализма и частного сектора.

Из сказанного выше вытекает, что полностью планомерная система может быть устойчивой как минимум при двух условиях: 1) она должна обязательно поддерживать пропорциональность на всех уровнях экономики; и 2) централизованный контроль за экономической деятельностью государственных хозяйственных учреждений и предприятий должен быть достаточно эффективным.

Поддержание всеобщего равновесия предполагает не только установление плановых заданий по производству в полном соответствии с потребностями, но и введение равновесных цен на все виды товаров и факторов производства. Если такое равновесие поддерживается благодаря правильному планированию и строгому контролю за действиями государственных агентов экономики, то теоретически можно исключить образование дефицитов, которые являются питательной средой для возникновения и существования теневого частного сектора.

Выполнение условия равновесных цен включает, разумеется, не только цены на товары и услуги, но и цену заемных средств, а также адекватную оплату труда — как рядовых работников, так и менеджеров, т. е. директоров предприятий, чиновников хозяйственных органов. Под адекватной оплатой менеджеров понимается не только оценка их высококвалифицированного труда, но и некоторая компенсация за отказ от неправомерного использования государственной собственности в частных интересах. И наоборот, премия за дополнительную прибыль, приносимую государству в результате инициативного использования госу-

дарственных активов за пределами плана, и строгое наказание (например, крупный штраф) за нарушение установленных правил.

Если в экономике не возникает дефицитов, то нет и побуждения давать взятки чиновникам или директорам других предприятий за приобретение недостающих ресурсов. Нет в этих условиях и побуждения выпускать неучтенную продукцию, т. к., с одной стороны, на нее не должно быть спроса, а с другой стороны, риск наказания за неоправданные действия не окупает возможного получения частной прибыли от этой операции. Конечно, никакая система не может быть идеальной, и в условиях всеобщей платности, т. е. товарно-денежных отношений всегда может возникнуть соблазн получить дополнительный доход. Например, как исключить обмер и обвес потребителя нечестными продавцами магазинов — практику, существующую повсюду и в капиталистических странах, где не только менеджеры, но и рядовые работники воруют не только у государства, но и у частных собственников. Однако весь вопрос в допустимых пределах. Экономика может пережить небольшое отклонение от нормы (быть может, в пределах 3–5 процентов), важно не допустить, чтобы в эти действия была в массовом порядке вовлечена элита общества.

Но достижима ли всеобщая пропорциональность при всеохватывающем планировании? Из предыдущих разделов следует, что планирование эффективно главным образом в сфере массовых однородных товаров и не может быть адекватным для большой массы индивидуальных товаров и услуг. Отсюда вытекает важный принципиальный вывод: макроэкономическая планомерность должна охватывать лишь те сферы, где планирование в состоянии обеспечить пропорциональность и гибкое приспособление производства к спросу. Там, где макроэкономическое планирование не может гарантировать пропорциональности и равновесия, там следует эту задачу передоверить на микроуровень, т. е. самим производителям.

К первой группе отраслей относится производство практически всех видов энергоносителей, топлива, сырья и материалов, грузовой и пассажирский транспорт, ко второй — производство многих видов средств потребления и значительная часть машиностроения и строительства. В первую группу входят и те отрасли, где государство является единственным покупателем и потребителем, например, военная промышленность. В отличие от рынка потребительских товаров, которые в значительной мере индивидуализированы и ориентированы на разные группы потребителей, спрос которых точно учесть трудно, особенно на перспективу, рынок вооружений (кроме экспорта) представлен одним покупателем —

вооруженными силами, которые заранее определяют свои потребности по количеству, ассортименту и стоимости. На этом, заранее известном и хорошо прогнозируемом рынке, нет необходимости в том, чтобы планы производства и цены определялись производителями.

Но и в тех отраслях, где централизованное планирование конкретных производственных показателей неэффективно, за государством остается функция прогнозирования агрегированных показателей, таких, как личное потребление и капитальные инвестиции, доходы населения и платежеспособный спрос, денежное обращение и кредитные ресурсы, доходы и расходы государства. Без этого невозможно поддержание общей пропорциональности и всеобщего равновесия экономической системы в целом. Централизованные макроэкономические прогнозы служат отправной ориентировкой для отраслей, в которых государство прямо не устанавливает плановых заданий по производству.

При такой системе организации макроэкономики отпадает необходимость в административном отраслевом звене. Все предприятия, работающие на национальный рынок в целом, могут быть объединены в крупные государственные концерны, которые, в зависимости от принадлежности к одной из двух указанных выше групп, либо конкурируют за свою долю рынка на основе устанавливаемых государством равновесных цен, либо сами устанавливают цены, ориентируясь на макроэкономические и отраслевые прогнозы спроса. Общим для концернов обеих групп является конкуренция за заемные ресурсы для финансирования капитальных инвестиций.

Кроме концернов могут существовать и самостоятельные предприятия, которые обслуживают либо локальные рынки, либо специализированные потребности крупных объединений. Главный принцип объединения или сохранения — экономический, соответствующий знаменитой теореме Коуза, согласно которой выгода объединения предприятий происходит от экономии на издержках взаимных сделок, заменяемых издержками общего управления. Объединение в концерны оправдано, когда издержки сделок самостоятельных предприятий больше издержек управления в объединенном концерне (Подробнее см. в Меньшиков, 1999, с. 91–92). В целом предполагается, что такая система функционирует при господстве государственной собственности на средства производства. Ее можно определить как смешанную планомерно-рыночную систему.

Против нее можно выдвинуть (и реально выдвигались) весомые возражения. Тезис Корнаи — государственные предприятия не могут работать эффективнее частных. Тезис американского экономиста П. Йоско-

ва — оптимальная организация экономики в фирмы или самостоятельные предприятия лучше всего определяется рынком, а не решением государства (Joskow, 1994). И еще одно важное сомнение — как при отсутствии плановых ограничений удержать предприятия второй группы от вырождения в теневой сектор?

Начнем с тезиса Корнаи.* В более развернутом виде он звучит так:

- В государственных предприятиях права собственности не могут быть определены так же строго, как в частных фирмах. Это ведет к недостаточным стимулам для менеджеров и постоянному вмешательству малоэффективной государственной бюрократии.
- Работая при мягких бюджетных ограничениях, государственные предприятия пользуются неправомерными привилегиями и льготами и потому менее эффективны, чем частные фирмы.
- Поскольку государственные предприятия принадлежат одному собственнику, между ними неизбежны сговоры, ограничивающие конкуренцию и экономическую эффективность.
- Менеджеры государственных предприятий — это часть бюрократии. Им не свойственен деловой риск, без которого невозможно шумпетеровское «творческое разрушение», присущее частным фирмам.**

По Корнаи, право собственности на предприятии включает право отчуждения, право контроля (или распоряжения) и право на остаточный доход, т. е. прибыль. На государственном предприятии юридический титул и, следовательно, право отчуждения бесспорно принадлежит государству, т. е. без его решения активы предприятия не могут быть проданы или переданы кому бы то ни было, в том числе и другому предприятию, принадлежащему государству. Формально ему же принадлежат и право распоряжения активами и продукцией, а также право на остаточный доход. Но фактически право распоряжения отделено от права отчуждения и зависит от конкретных обстоятельств. Если эти права плохо определены, менеджер либо чрезмерно скован в своей деятельности государственными ограничениями, либо, наоборот, пользуется чрезмер-

---

* Излагаемая далее аргументация автора впервые изложена им в опубликованной за рубежом полемике с Я. Корнаи, см. *S. Menshikov.* The Role of State Enterprises in the Transition from Command to Market Economies. — Journal of Evolutionary Economics. 1994, №4, p. 289–235. Дальнейшую разработку аргументации см. в С. Меньшиков. Экономика России: практические и теоретические вопросы перехода к рынку. М., Международные отношения, 1996, с. 254–272.

** Термин «творческое разрушение» был введен австрийским (затем американским) экономистом Джозефом Шумпетером для обозначения инновационной деятельности частных предпринимателей, которые, применяя новую технику и вводя новые виды товарной продукции, подрывают основы старых технических способов производства.

ной свободой, которая, если она плохо определена, делает его фактическим теневым, т. е. частным сособственником.

Строго говоря, точно такую же критику можно адресовать и частным предприятиям, особенно крупным акционерным обществам, где юридическое право собственности акционеров заведомо отделено от права распоряжения, находящегося у высшего менеджмента. Реальная сфера компетенции последнего, однако, регламентируется уставом и другими процедурными правилами данного акционерного общества, как и доля участия акционеров и менеджмента в разделе прибыли. Там, где эти права и доли четко определены и где за их соблюдением существует должный контроль, особых противоречий между разделенными правами не возникает. Там, где они плохо определены, точно так же происходит чрезмерное присвоение прибыли менеджментом, нелегальный увод активов в другие фирмы, а также совершаются другие операции, которые с точки зрения данного акционерного общества являются теневыми и нелегальными.

Итак, главное возражение против довода Корнаи состоит в том, что государство должно вести себя как хороший собственник, т. е. четко устанавливать «правила игры» со своими менеджерами и следить за их соблюдением.

Но способно ли на это государство, если и его менеджеры, и его чиновничество в центральном аппарате управления — это лишь звенья одной иерархической структуры, разные ступеньки одной бюрократической лестницы? Очевидно, что ответ на этот вопрос зависит прежде всего от того, к какой из двух ранее обозначенных групп принадлежит предприятие.

Менеджеры первой группы в большей мере ограничены в праве распоряжения, т. к. они, как и при полной планомерности, связаны государственным планом производства продукции и централизованно устанавливаемыми ценами. Но это — лишь формально, т. к. рациональный, обоснованный производственными возможностями план производства для отрасли не может быть составлен без их участия и без учета реальных хозяйственных связей с поставщиками сырья и покупателями готовой продукции, причем не только на ближайшее будущее, но и на более длительную перспективу. Поскольку менеджменту концернов первой группы тоже придется конкурировать за заемные финансовые ресурсы, они также должны иметь собственные взгляды на проекты капитальных вложений и наилучшие способы использования финансовых ресурсов своих предприятий. Предполагается также, что вознаграждение за их труд построено так, чтобы стимулировать их инициативу в создании дополнительной прибыль для

государства — как путем минимизации издержек, так и изысканием возможности производить больше.

Понятно, что для выполнения всех этих задач потребуется назначение достаточно высококвалифицированных самостоятельных работников, которые по своему призванию не являются узколобыми чиновниками, заинтересованными лишь в карьере. Если у государства таких кадров нет и если оно не заботится об их своевременном воспитании и пополнении, то надежды на успех предложенной схемы весьма малы.

Важно определить и характер государственного контроля за деятельностью менеджмента. Он по необходимости должен иметь двоякий характер: контроль за руководством самого предприятия и контроль за персональными делами членов менеджмента. Чтобы контроль был эффективным, его должны осуществлять люди, которые сами в прошлом накопили аналогичный опыт руководства. При дефиците квалифицированных кадров задача их оптимального распределения между собственно менеджментом и контролем за ним достаточно сложна. Есть и другие трудности, например, проблема соотношения между вознаграждением менеджеров и контролеров, от которого в немалой степени зависит характер их взаимоотношений. Менеджеры не должны быть чрезмерно заинтересованы в собственном продвижении в центральные органы управления. Лучшей гарантией против этого является их достаточное вознаграждение на уровне концернов. Но не будем углубляться в эти детали, лучшим ответом на которые является не теория, а практика.

Контроль за менеджментом концернов второй группы, очевидно, должен отличаться вследствие большей формальной самостоятельности этих руководителей. Поскольку они не ограничены планом по выпуску продукции, главным показателем их деятельности является прибыль, приносимая государству. Тем не менее и в этом случае возникает вопрос о границах, в которых дозволено добывать прибыль. Очевидно, что такие предприятия могут варьировать ассортимент своей продукции, но в каких рамках? В какой степени они могут прибегать к финансовым операциям для увеличения прибыли? И в чем конкретно должен состоять контроль государства за такими концернами? Можно ли предоставить им самую широкую самостоятельность, если они соблюдают все нормы, установленные для них государством? Опять же на все конкретные вопросы может ответить только практика. Но ясно, что в принципе четкое определение прав собственности в государственных концернах и предоставление им достаточной самостоятельности при отказе государства от повседневного бюрократического вмешательства в управление вполне возможны.

Наконец, рассмотрим и тезис Корнаи о неизбежном ограничении конкуренции как вследствие привилегий государственным предприятиям и спасения их государством от банкротства, так и из-за ограничения свободного входа на рынок новых предприятий. Заметим, что эти вопросы в рамках объединений предприятий решаются легче, чем в случае с отдельными самостоятельными предприятиями. Если убыточное или малоприбыльное предприятие входит в состав концерна, то в интересах последнего самому принять решение о его закрытии, оздоровлении, реконструкции и т. д. Для концернов первой группы при этом должна приниматься во внимание необходимость поддерживать заданный уровень производства либо на предприятиях того же концерна, либо на других предприятиях той же отрасли. Этот вопрос нужно решать координированно с центральной плановой инстанцией.

Для концернов второй группы, очевидно, это вопрос, решаемый самим концерном. Малая рентабельность или убыточность предприятия означает, что оно выпадает из условий равновесия для данной отрасли, или его продукция не пользуется достаточным спросом, что может говорить либо об объективном изменении общих условий рынка, либо о плохом управлении, либо о комбинации того и другого. В этом случае вопрос о том, может ли предприятие выжить и что для этого требуется, должен решать сам концерн. Он же должен нести и затраты, связанные с социальными и экономическими издержками закрытия предприятия.

Вопрос о вхождении на рынок более сложен. Тут возможны два варианта: а) уже существующие концерны решают создать новое производство в отраслях, где они в прошлом не работали; б) решение о создании нового предприятия принимает центральная инстанция. Первый путь наиболее естественный, т. к. он предполагает перелив излишних инвестиционных средств в отрасли, где есть перспективы их прибыльного использования. Во втором случае у существующих концернов для этого нет достаточных средств и стимулов, но они имеются у центральных организаций.

Корнаи прав в том, что у существующих концернов второй группы может возникнуть интерес в сговоре с целью повысить цены реализации путем ограничения производства и недопущения новых конкурентов. Но, во-первых, точно такие же мотивы свойственны частным предприятиям, в том числе принадлежащим разным владельцам. Государственная форма собственности не создает в этом смысле никаких новых преимуществ. Все зависит от экономической политики государства. Если оно заведомо исходит из принципа поддержания мак-

симально возможной конкуренции и противодействует образованию монопольных сговоров, то опасность последних не выше, чем в обычной рыночной экономике.

Разумеется, экономика, в которой главными производителями являются государственные концерны, по необходимости будет набором олигополистических рынков. В такой экономике значение антимонополистической политики особенно велико. В противном случае во второй группе предприятий возникнет сильная тенденция к неоправданному росту цен, что окажет дестабилизирующее влияние на всю экономику. Хотя концерны второй группы в принципе должны иметь право сами устанавливать цены реализации, государству следует внимательно следить за тем, чтобы эта свобода не превращалась в инфляционную инерцию.

Экономика государственных концернов и предприятий по определению не может быть экономикой свободной конкуренции, если заведомо ограничивается право собственности на средства производства и ведение экономической деятельности вообще. Но в обычной рыночной экономике свободная конкуренция также ограничена господством крупных компаний, так что этот экономический идеал, который в теории автоматически дает высшую эффективность, недостижим ни там, ни тут.

Существенен и аргумент Йоскова, который утверждает, что оптимальная организация предприятий в фирмы вряд ли может быть получена в результате административного решения государства. Рассматривая этот вопрос применительно к приватизации в России, он полагал, что правильное решение даст рынок, который сам объединит предприятия в концерны так, как нужно. Из практики приватизации мы знаем, однако, что последующая концентрация и централизация самостоятельных предприятий происходила при таком изобилии внерыночного насилия и прямой преступности, что довод Йоскова при всей его логической привлекательности оказался лишь благим пожеланием. Вместе с тем, создание крупных концернов в ряде отраслей, например, в нефтяной промышленности, происходило изначально в виде решения государства, причем только на последующем этапе созданные им вертикальные объединения предлагались к продаже на аукционах частным владельцам. Последующая практика подтвердила их жизнеспособность в условиях рынка. Более того, они стали примерами наиболее успешного функционирования, послужив основой для многомиллиардных состояний наших олигархов. Вероятно, не менее жизнеспособными были бы концерны, если бы они оставались в собственности государства и создавались государством в других отраслях.

Кстати говоря, практика работы государственных компаний в рыночных условиях современной России показывает, что они функционируют не хуже, чем частные предприятия. Примеры «Газпрома», «Роснефти», «РАО ЕЭС» об этом наглядно свидетельствуют. Например, рентабельность по продукции государственной «Роснефти» (около 25 процентов) мало отличается от показателей частного «ЮКОСа» или «Сибнефти». Отрицательные же примеры относятся, например, к государственным унитарным предприятиям (ГУП), работающим в заведомо неблагополучных отраслях, где судьба частных предприятий, скорее всего, была бы не лучше. Конечно, постоянно слышны призывы к окончательной приватизации даже успешных государственных концернов, но доводы в пользу этого звучат неубедительно.

Итак, в принципе можно создать систему государственных предприятий, которая в условиях неполной, но достаточно развитой макроэкономической планомерности функционировала бы довольно эффективно, без постоянных дефицитов и диспропорций и была бы вполне жизнеспособна. Но и в такой, казалось бы, идеальной системе остается открытым вопрос о ее возможном вырождении в частный капитализм. Почему? Объяснить это можно, только рассмотрев социальную структуру общества, соответствующего такой экономической системе.

Мы отмечали, что залогом устойчивости системы государственных концернов является, в частности, высокое вознаграждение менеджмента, которое должно не только возмещать свою высокую квалификацию, но и в какой-то мере компенсировать за отказ от использования государственной собственности в своих частных интересах. Это означает, что общество отчуждает в их пользу некоторую часть прибавочного продукта, который бы они у него в противном случае отчуждали нелегально, через теневые операции и в заведомо больших масштабах.

Первое сомнение, которое возникает, — а не легализация ли это теневой экономики, и если да, то допустимо ли это?

Да, в какой-то мере общество должно считаться с реальностью: если оно не готово откупиться от класса менеджеров достаточно высокими доходами, то появление теневой экономики, а затем и перерождение в капитализм неизбежны. Тем более, вполне возможно, что размеры откупа в количественном отношении будут скорее всего меньше того, что реально присвоили бы себе теневики, т. к. их доход должен включать плату за риск разоблачения и издержки подкупа большого числа участников теневого оборота. Кроме того, высокая оплата менеджеров оправдана результатом — пропорциональным развитием экономики, от которого выгадывает и общество в целом, и основная масса населения, даже если

она и не участвует в присвоении прибавочного продукта. Экономическая целесообразность такой системы, казалось бы, не вызывает сомнений.

Но возникает ряд вопросов. Прежде всего, кто может гарантировать, что менеджмент будет вести себя в установленных обществом рамках и действительно заботиться об общем благополучии, а не об умножении собственных доходов и личного богатства? Чтобы этого не произошло, они должны оставаться под контролем некоей высшей элиты, которой нужно быть независимой от экономически наиболее благополучного, образованного и влиятельного класса менеджеров. В свою очередь, встает вопрос о том, как организовать эффективный демократический контроль общества за этими двумя элитами — политической и экономической и как предотвратить их слияние и превращение в обществе в новый господствующий класс, стоящий над большинством населения и использующий свой контроль над экономикой в собственных интересах.

Начать с того, что установление доходов менеджмента на уровне, о котором говорилось выше, заведомо ведет к значительному увеличению неравенства в распределении личных доходов и богатства. Возникают два различных социальных слоя (или класса), один из которых — большинство — живет на заработную плату, которая покрывает их непосредственные материальные и духовные потребности, а другая — меньшинство, — кроме того, еще имеет право на присвоение части прибавочного продукта. Даже если доходы большинства действительно полностью удовлетворяют его потребности, весьма вероятно возникновение коллизии между стремлением меньшинства увеличить свою долю прибавочного продукта (в том числе и за счет доходов большинства) и стремлением большинства использовать большую часть прибавочного продукта для общественных нужд — социального страхования и пенсионного обеспечения, народного образования и здравоохранения, науки и культуры, отдыха и развлечений. Как бы ни решались эти насущные вопросы — демократическим путем или диктатом сверху, вероятность несправедливого решения в пользу богатого слоя остается весьма высокой.

Тенденция к росту социального неравенства возникает не только из различия в уровне текущего дохода, но и из неодинаковых возможностей для накопления личного имущества, поскольку норма сбережений у лиц, получающих часть прибавочного продукта, значительно выше, чем у большинства населения. Возникает и проблема использования личного богатства. Накопление потребительских благ имеет пределы (даже с учетом расходов на предметы роскоши), за которыми возникает заинтересованность в использовании личного богатства для усиления соб-

ственной власти или в целях дальнейшего обогащения. В обществе, где частная собственность на средства производства запрещена законом, эта проблема может стоять достаточно остро. Может возникнуть тенденция к бегству личных капиталов в страны, где частная собственность не ограничена. Но, скорее всего, очень быстро будет поставлен вопрос об отмене внутренних ограничений на частную собственность, а затем и о приватизации государственных предприятий. Для управленческой элиты эти требования будут естественными, т. к. к этому их будет толкать заинтересованность в отмене ограничений на их деятельность. Если такая тенденция возникла в советском обществе при наличии однопартийного режима, то тем более ее следует ожидать в обществах, устроенных на более демократических началах.

Отсюда вполне естественно следует вывод о внутренней неустойчивости даже самых идеально построенных схем планомерного государственного социализма и о присущей им тенденции к превращению в смешанную или полностью капиталистическую экономику. Причем логика этой неустойчивости состоит вовсе не в том, что частное предпринимательство и частные формы управления крупным производством более экономически эффективны, чем государственные, а в том, что в современном обществе может не оказаться достаточных внутренних сил для предотвращения прихода к власти богатого меньшинства. Иначе говоря, вопрос о выживаемости социализма лежит не только в сфере экономики, но также в сфере социальной и политической. Для того, чтобы удержать государственный социализм от превращения в капитализм, требуется не только жесткая экономическая планомерность (по Цаголову), но и сильная политическая власть, которая исповедует принципы социализма и способна держать менеджеристский класс в узде и противодействовать непомерному развитию частнособственнических тенденций в обществе.

Опыт Китая говорит, что это возможно, причем при значительном допущении частного капитализма. Но как долго продержится этот симбиоз диктатуры коммунистической партии с широким допущением капитализма и рынка, остается загадкой.

Что касается России, то в ней широкий переход к капитализму начался именно с ликвидацией политической монополии компартии. Власть, пришедшая ей на смену, не произносила открыто слова «капитализм», но сознательно строила именно его, т. к. ее программа покоилась на двух главных столпах этого строя — рынке и частной собственности. При такой власти было невозможно рассчитывать даже на сохранение смешанной экономики — с государственным сектором там, где

это экономически рационально. Минимизация участия государства в экономике была провозглашена, как основополагающий идеологический принцип, не подлежащий оспариванию. В таких условиях ни о каком честном соревновании «на равных» государственных и частных форм не могло быть и речи. Такое соперничество возможно лишь при наличии власти, которая настроена как минимум нейтрально к выбору наилучших форм хозяйствования. Забегая вперед, заметим, что в условиях России такой властью сегодня могло бы быть левоцентристское правительство, которое в своей программе исходило бы, например, не из идеологического признания заведомого приоритета частной или государственной собственности, а из практических соображений максимизации дохода государства, а также из рационального выбора в пользу наиболее экономически эффективной формы, доказанной на практике.

Но об этом чуть позже. Сейчас же вернемся к вопросу о внутренней неустойчивости планомерной системы при допущении идеального варианта ее пропорциональности. Как было отмечено, это не только вопрос об ее экономической эффективности, но и вопрос социального и политического равновесия.

Реальный социализм стал жертвой внутренних процессов перерождения главным образом по двум причинам. Во-первых, против социализма была использована неспособность руководства обеспечить достаточно высокий уровень жизни для большинства населения. В 1970-х и особенно в 1980-х гг. в СССР рост уровня жизни резко замедлился, а размеры товарных дефицитов не только стали хроническими, но еще и увеличились, достигнув критического предела в правление «либерала» М. Горбачева. Во-вторых, огромную роль сыграл внешний фактор, а именно существование индустриально развитых капиталистических государств с существенно более высоким уровнем жизни во многих отношениях. Наглядное сопоставление говорило в пользу доводов антисоциалистического меньшинства, уверявшего, что причиной более высокого уровня жизни являются именно капитализм и рынок. В этом особенно легко было убедить интеллигенцию, которая чаще всего выезжала за границу, не говоря уже об экономической элите, мечтавшей о собственном обогащении. Но главное — в это поверила и значительная часть народа.

Если бы планомерная пропорциональность была осуществлена на деле, то первая причина падения социализма отпала бы сама собой. В условиях постоянного и существенного роста уровня жизни большинства населения и при достаточно широком выборе и доступности самых различных потребительских товаров и услуг не было бы серьезных причин для всеобщего недовольства властью. Не могло бы послужить таким

поводом и социальное неравенство, вызванное более высокой оплатой слоя менеджеров.

В конце концов, развитый капитализм, стоявший на грани революционного преобразования в начале XX столетия, обрел затем социальную стабильность, обеспечив довольно сносный уровень жизни для большинства населения и позаимствовав у социализма некоторые несвойственные себе черты государства всеобщего благосостояния. Причем сделал это, не поступившись основами строя, в основе которого лежат вопиющее социальное неравенство и чудовищная роскошь капиталистического меньшинства. Строй, который в принципе обречен на гибель вследствие жесточайших классовых противоречий, оказался социально устойчивым благодаря способности делиться с массами в условиях высокого развития производительных сил.

По аналогии можно утверждать, что и планомерный социализм, обеспечивающий пропорциональность и достаточно высокий, растущий уровень жизни, может сохранить социальную устойчивость, несмотря на постоянно действующие в нем тенденции к капиталистическому перерождению. Даже если бы менеджеристская элита и захотела бы свергнуть такой социализм, она не нашла бы поддержки у большинства населения.

Единственным сильным фактором неустойчивости в этих условиях была бы внешняя среда, т. е. факт существования более благополучных капиталистических стран. Экономическое соревнование с ними стало бы решающей сферой, от которого зависело бы сохранение социальной стабильности. Причем соревнование не формальное — по производству на душу населения стали, нефти, электроэнергии и т. п., а по всей совокупности элементов, из которых складывается реальный уровень жизни. В данном случае у социализма, благодаря большему контролю над распределением национального продукта и дохода, были бы несомненные преимущества в сферах социального обслуживания населения. Пришлось бы принять специальные меры для развития производства широкого ассортимента товаров длительного пользования, строительства автострад и шоссейных дорог, вообще всей той потребительской инфраструктуры, которая присуща современному индустриальному и постиндустриальному обществу. Часть ресурсов пришлось бы выделить и на закупку импортных товаров для удовлетворения внутреннего спроса.

Разумеется, такое развитие экономики было бы возможно только при сохранении политической власти, преданной принципам социализма. При отсутствии такой власти перерождение социализма в капитализм

стало бы только вопросом времени, т. к. ее конкурентом могла бы стать власть, которая отрицает социализм.

Вопрос о политической надстройке — отнюдь не простой. С одной стороны, монополия одной партии неизбежно порождает тоталитаризм и бюрократическое загнивание. С другой стороны, наличие двух или больше партий социалистического направления кажется на первый взгляд неестественным, т. к. дробит просоциалистическое единство и ослабляет политическую власть, стоящую на защите социализма. С одной стороны, запрещение партий, стоящих за введение частной собственности на средства производства, казалось бы, противоречит демократическим принципам, которые входят в понятие социализма. С другой стороны, допущение таких партий намного усложнит поддержание политической стабильности, ибо даст негласное признание правомерности капитализма и легализирует попытки изменения основ существующего строя.

При решении этих дилемм следует исходить из реально существующего экономического строя, юридически закрепленного Конституцией. Если он основан на всеобщности государственной собственности и недопущении частной собственности на средства производства, то, соответственно, не следует допускать и политические партии, стремящиеся к другому строю. Если же Конституция допускает существование частных форм в каких-то ограниченных пределах, то естественно и допущение политических партий, которые защищают интересы частных собственников.

Признание возможности существования нескольких партий социалистического направления, как отмечалось, встречает естественные возражения. Исторически такой вопрос несколько раз ставился и каждый раз отвергался практикой. Точнее, такая ограниченная многопартийность формально допускалась, но при непременном условии о приоритете коммунистической партии. Известно также, что отказ от соответствующего пункта (5, 1-й статьи) советской Конституции послужил началом свержения социалистического строя.

Но все это соображения, относящиеся к перекошенному социализму, находящемуся в критическом состоянии. Сохранить его в таком состоянии при активных наскоках изнутри и извне в отсутствие монолитной политической структуры практически невозможно. Другое дело — преуспевающий сбалансированный социализм, лишенный негативных свойств непропорциональности и социально-политической нестабильности. В таком социализме сосуществование и соперничество нескольких партий социалистического направления в борьбе за власть на де-

мократических выборах представляется не только возможной, но и вполне привлекательной идеей. Ведь в рамках преуспевающего планомерного и пропорционального социализма могут реально соперничать различные концепции конкретной экономической и социальной политики. И вполне логично предоставить выбор между этими концепциями волеизъявлению большинства избирателей.

Но при этом за государством остается важнейшая функция поддержания планомерной пропорциональности, которая может быть только модифицирована исходом выборов, но не отменена, как основополагающий принцип хозяйствования. За этим должна следить совокупность специальных высших органов государственной власти, стоящих на страже неприкосновенности основ строя.

Другая важнейшая функция — поддержания социалистического сознания. Известно положение В. Ленина о том, что социалистическое сознание не рождается в рабочем классе автоматически, а вносится в него извне социалистически образованной интеллигенцией. Для массы работников, как он считал, более характерно стихийное развитие трэдюнионистского сознания, т. е. стремление организоваться для борьбы за наиболее высокую оплату рабочей силы и лучшие условия труда. Это означает, что в массе своей работники в принципе вовсе не отвергают институт частной собственности на средства производства. Более того, в современных рыночных экономиках под влиянием правящих капиталистических элит и посредством электронных средств массовой информации сознание населения воспитывается преимущественно в мещанском, потребительском и накопительском духе.

Корни аналогичной идеологии заложены и в обществе, где господствующей формой является государственная собственность на средства производства. Это происходит оттого, что уровень жизни и материальное благополучие работников выражается, в частности, в объеме принадлежащей индивидууму личной собственности на потребительские материальные блага. В этом смысле понятие уровня жизни практически ничем не отличается от аналогичного понятия в капиталистическом обществе. К тому же для работников физического труда естественным является стремление к приобретению определенного круга орудий и средств производства, которые ему, как минимум, помогают увеличивать свой доход благодаря труду своему и своей семьи в домашнем хозяйстве. С развитием информатики (компьютеров и индивидуальных средств связи) такая же возможность появляется и у работников умственного труда.

Кроме того, когда уровень жизни значительной части населения достигает отметки, превышающей удовлетворение обычного набора лич-

ных потребностей и дающей возможность копить сбережения в денежной форме, появляется и естественное стремление вкладывать эти средства в финансовые инструменты, приносящие дополнительный доход. Даже в социалистических обществах обычным становится получение дохода в виде ссудного процента от вкладов в банке или от владения государственными ценными бумагами. Делая такие вложения, работник становится (косвенно, конечно) совладельцем средств производства. А в рыночных экономиках значительная часть работающего населения — рабочих и служащих — становится также собственниками акций частных корпораций, т. е. и прямыми совладельцами фиктивного капитала. В кооперативных предприятиях, легализированных в социалистических странах, работники также являются прямыми совладельцами крупных средств производства.

Таким образом, представление, что средства производства не должны в принципе находиться в частной собственности, не является вполне естественным для основной массы работников. Если социалистическое государство хочет не просто навязать, но и упрочить всеобщее представление об исключительном праве государства на владение и распоряжение крупными средствами производства, то оно должно не только на деле продемонстрировать, что эта форма организации экономики приносит наивысший уровень жизни во всех отношениях, но и обеспечить соответствующее воспитание членов общества в этом духе.

Все это — непременные условия обеспечения экономической выживаемости планомерного социализма и его социально-политической устойчивости.

7. Капиталистический переворот

Н. А. Цаголов не рассматривал эти вопросы, но он предвидел их возникновение в связи с различными вариантами рыночного социализма и угрозами перерождения в капитализм, которые они с собой несут. Однако, по мере дальнейшего развития реального социализма, выход из противоречий фактически сложившейся системы центрального планирования (особенно хронических товарных дефицитов) экономисты и политики все больше стали видеть именно в развитии рынка, причем с допущением и капиталистических форм хозяйствования. Практически это выразилось сначала в проектах создания смешанной экономики, а затем и в реформах, носивших сугубо капиталистический характер. Причем переход от одного к другому произошел практичес-

ки без каких-либо пауз. Тезис о возможности использования смешанной экономики для того, чтобы на практике испытать сравнительную эффективность различных форм хозяйствования, всерьез не рассматривался. Причина была простая: с распадом СССР и фактическим запрещением КПСС власть перешла к части элиты, возглавляемой Б. Ельциным, которая ставила сознательной целью радикальную ликвидацию социализма и государственных форм хозяйствования под видом последовательных рыночных реформ. При такой политической надстройке даже промежуточный вариант смешанной экономики не имел шансов на существование.

Например, изначальный вопрос о том, надо ли продавать государственное предприятие частным собственникам, решался в порядке массовой приватизации, а не исходя из инвестиционных критериев, общепринятых даже в рыночной экономике. Согласно этим критериям, если государство ожидает, что данное предприятие (с учетом необходимой реорганизации и модернизации) будет приносить ему не меньший доход, чем потенциальному частному собственнику, и если государство не видит более прибыльного помещения капитала, равного его выручке от продажи данного предприятия за наличные, то, очевидно, в его интересах сохранить свою собственность по сугубо финансовым соображениям. Ибо в этом случае кумулятивная стоимость прибыли и налогов от такого предприятия в долговременном плане превзойдет суммарную величину дохода от его продажи плюс налоги от его последующей деятельности.

Если же имеются более выгодные альтернативные возможности для государственных инвестиций или долгосрочные перспективы предприятия предпочтительны в частном владении, тогда государство в финансовом отношении выиграет от приватизации, ибо его суммарные доходы от продажи и налогов превзойдут доходы от сохранения предприятия в государственной собственности.

И, конечно, никак не следовало продавать предприятия по цене ниже их рыночной стоимости. Между тем, именно так поступало государство в России в 1990-х гг. Например, группа нефтяных предприятий, объединенных в концерн «ЮКОС», была в 1995 г. продана частной группе за 300 миллионов долларов при том, что его рыночная капитализация уже через два года достигла 7,5 миллиарда. Эта сделка, как и ряд других аукционов того времени, была заведомо невыгодна для государства, исходя из чисто финансовых соображений. Если бы «ЮКОС» оставался в государственной собственности, он наверняка принес бы в бюджет значительно больший доход, чем первоначально уплаченные за него 300 мил-

лионов плюс последующие налоги. Подожди государство несколько лет, оно вполне смогло бы в случае надобности продать «ЮКОС» за намного большую сумму.

Разумеется, вопрос о пересмотре конкретных сделок по приватизации должно решать государство, исходя из своих текущих интересов. Но, реально рассуждая, решиться на такой шаг смогло бы только правительство, которое исходит из сугубо практических, а не идеологических соображений.

Мы уже говорили, что государственное планирование вполне в состоянии справиться с поддержанием рыночного равновесия в отраслях, выпускающих массовую однородную продукцию. Сохранение их в государственной собственности в системе смешанной экономики оправдано также с позиций более высокой экономической эффективности. Дело в том, что эти отрасли относятся либо к естественным монополям (электроэнергетика, природный газ, железнодорожный транспорт и т. д.), либо к добыче минерального сырья, где получается природная рента (нефть, цветные и редкие металлы), либо к другим массовым производствам с падающей кривой издержек по мере роста выпуска продукции.

Все эти отрасли в той или иной степени функционируют в условиях, близких к рыночной монополизации, и во всех них цены реализации существенно превышают теоретические равновесные цены, возникающие в точке пересечения кривой предельных издержек и кривой спроса. Таким образом, образуется монопольная сверхприбыль, размеры выпуска становятся заведомо ниже оптимальных, а цены явно завышены. Кроме того, в ресурсных монополиях образуется природная рента, которая должна поступать собственнику недр, т. е. государству. Если эти отрасли принадлежат государству, оно имеет возможность сдерживать цены на более низком уровне и использовать в общественных, а не частных интересах образующуюся сверхприбыль или ренту. Таким образом, сохранение этих отраслей в государственной собственности в большей степени соответствует принципам экономической эффективности, чем их приватизация.

Надо сказать, что первоначально рыночные реформы в России предполагали развитие альтернативной формы «кооперативного социализма», при котором предприятия принадлежат коллективам работников и управляются ими. Закон о приватизации, принятый в 1992 г., предполагал, что сами коллективы предприятий выбирают наиболее подходящую для себя форму распределения акций. Большинство высказалось в пользу схемы, при которой 50 процентов передавалось коллективу работников, 20–25 процентов оставалось в собственности государства и остальная

часть была продана на ваучерных аукционах простым гражданам, получившим эти бумаги от государства в равных количествах.

В реальной жизни контрольные пакеты были захвачены либо группами менеджеров, которые тем самым становились частными собственниками предприятий, либо внешними частными инвесторами, накопившими капиталы теневыми способами и скупавшими крупные пакеты акций на аукционах. Таким образом, идея коллективной собственности работников на предприятия была изначально извращена.

Но могла ли она при другой, социалистической власти, сохраниться и послужить основой альтернативной организации экономики на социалистических началах? Вряд ли. Об этом говорит и теория, и практика. На практике эта система применялась лишь в социалистической Югославии, где собственниками предприятий считались рабочие коллективы. В реальной жизни, однако, фактическое руководство осуществлялось директорами, формально избираемыми коллективами, которые чаще всего, однако, автоматически утверждали кандидатуры, предлагаемые сверху, т. е. государством.

В теоретической литературе отмечается, что целевая функция коллективных предприятий — максимизация валового дохода — в отличие от установки на максимизацию прибыли, противоречит потребности к накоплению, т. е. вложениям в модернизацию и расширение производства. Коллективное руководство было адекватным при малых размерах предприятий, но достаточно квалифицированное управление на больших предприятиях требовало специального штата профессиональных менеджеров. Наилучшие теоретические результаты показывала модель, в которой коллектив назначал наемного менеджера, с которым приходилось делиться прибылью. Возникало также противоречие между правами работника, как сособственника, и его фактическим положением наемного рабочего, который подлежал увольнению без наделения паем в общей собственности и от которого не требовался вступительный вклад при поступлении на работу. Это обстоятельство снижало эффект от единственного бесспорного преимущества — более непосредственного приближения работника к собственности и теоретической свободы от вмешательства государственной бюрократии.

С другой стороны, коллективные предприятия, если они становятся преобладающей формой хозяйствования, выпадают из макроэкономической планомерности, т. е. становятся в лучшем случае частью рыночного социализма. Вместе с тем они лишены тех преимуществ объединения управленческих и других служб, которыми обладают государственные концерны. В системе же смешанной экономики им было бы сложно

стать господствующей формой, т. к. они вряд ли способны выдержать конкуренцию с государственными и частными предприятиями.

Возникает также вопрос, возможно ли возвращение к планомерному социализму в той пропорциональной форме, о которой говорилось выше? Очевидно, что совершенно необходимой начальной предпосылкой для этого было бы установление власти левоцентристского правительства, которое поставило бы своей первоочередной задачей создание смешанной экономики, построенной на принципе оптимального выбора между государственной и частными формами хозяйствования.

На практике это означало бы, прежде всего, отказ от рыночной перестройки естественных монополий, приостановку приватизации нынешних государственных предприятий и пересмотр итогов существующих приватизационных сделок, при которых прежние государственные предприятия были проданы либо по заведомо заниженным ценам, либо в явное нарушение законодательства, либо, наконец, в случаях, когда частный владелец (как это было с компанией «Апатит») не выполнил условия контракта в ущерб государству.

Одновременно государство должно было бы ввести порядок, по которому именно ему доставалась в виде налога львиная доля текущей природной ренты от добычи минерального сырья и топлива. Следует также решить вопрос о справедливом делении между государством и частными собственниками дохода от прироста капитальной стоимости с момента приватизации и до настоящего времени. Например, тому же «ЮКОСу» пришлось бы уплатить государству налог на разницу между первоначальной покупной стоимостью концерна в 300 миллионов долларов и ее нынешней рыночной капитализацией (около 30 миллиардов долларов) за вычетом капитальных вложений, сделанных частными собственниками концерна. Точно так же налогу подлежали бы все дивиденды, полученные за это время собственниками и вывезенные за границу.

В результате таких мероприятий возник бы достаточно большой государственный сектор, нуждающийся в эффективном управлении на основе макроэкономической планомерности. Только при этом условии он мог бы выявить свои преимущества перед капиталистической формой хозяйствования, прежде всего, в обеспечении стабильности цен на базисные товары, существенном повышении реальных доходов работников, создании новых рабочих мест, улучшении сферы социального обслуживания. Государство должно было бы также обеспечить модернизацию обрабатывающей промышленности и создание конкурентоспособных наукоемких производств.

Только после некоторого достаточно длительного периода успешного функционирования смешанной экономики можно было бы поставить вопрос о дальнейшем расширении макроэкономической планомерности и государственной собственности на новые сферы экономики.

Еще один принципиальный вопрос возникает при обсуждении модели социалистической планомерности — о приемлемых рамках допущения мелкой частной собственности на средства производства. Известно, что в СССР она разрешалась при условии, что при этом не использовался наемный труд. Больше всего эта форма применялась в сельскохозяйственном производстве — в виде личного приусадебного хозяйства членов колхозов и садово-огородных участков других работников. В своих работах Н. А. Цаголов практически не рассматривает проблем, возникающих в связи с этой формой, хотя на ее долю приходилась немаловажная часть продукции этой отрасли. Например, в 1970 г. удельный вес личных хозяйств в общей продукции мяса составлял 35 процентов, молока — 36 процентов, яиц — 53 процента, шерсти — 20 процентов (Народное хозяйство СССР в 1988 г., с. 485).

Между тем реальная конкуренция между личным и общественным секторами в сельском хозяйстве была серьезной проблемой, которая существенно ослабляла социалистический сектор в этой отрасли, не говоря уже о негативных социальных последствиях относительного, а затем и абсолютного упадка колхозного строя. Эти проблемы не рассматривались в модели планомерного социализма, лишая ее важнейшего свойства, присущего адекватной теории, а именно отражения реальности.

Во второй половине 1980-х гг. появилась и другая, потенциально более важная форма — т. н. кооперативы в области торговли, производства и финансов. Считалось, что в таких кооперативах объединялись сами работники, но в на самом деле за ними скрывались плохо замаскированные частные партнерства, где действительными хозяевами были немногие, наиболее состоятельные и инициативные партнеры, а другие оставались практически наемными работниками. Такие кооперативы стали способом легализации части теневого сектора и первоначальным источником накопления капитала для новых предпринимателей.

В то время автор этих строк полагал, что легализация мелкого частного предпринимательства вполне допустима, т. к. при достаточном контроле со стороны государства оно не могло перерасти в действительно крупные капиталистические предприятия. Но действительность не оставила камня на камне от этого оптимизма. И не только потому, что государство, вместо того чтобы контролировать частный сектор, вся-

чески способствовало его развитию, позволяя использовать государственные средства и активы в частных интересах, но и потому, что частные предприниматели оказались весьма ловкими и изобретательными по части поиска и нахождения способов быстрого обогащения за счет наживы на всевозможных торговых и финансовых операциях.

В самом деле, именно тогда, еще до открытого перехода власти к прокапиталистически настроенной части элиты возникли ядра будущих олигархических групп Ходорковского, Гусинского, Березовского. В начале истории каждой из них стоит тот или иной «кооператив», позволивший накопить первоначальный капитал для последующих намного более крупных операций.

Теперь, постфактум, должен признать, что даже допущение мелкого частного производства чрезвычайно опасно, т. к. оно действительно способно, по выражению В. Ленина, «воспроизводить капитализм» постоянно и в массовом масштабе. Вместе с тем, очевидно, что мелкое предпринимательство имеет право на существование во всех случаях, когда крупные предприятия, будь то государственные или частные, не в состоянии обеспечить удовлетворение некоей потребности отдельных лиц, их групп или общества в целом.

Особенно это очевидно в сфере мелкой розничной торговли, общественного питания и бытовых услуг, где очень часто именно мелкий предприниматель лучше всего может отозваться на потребности местного рынка. Вместе с тем, как показывает практика развитых капиталистических стран, повсюду мелкое предпринимательство сосуществует с крупным и часто служит его ответвлением. При планомерном социализме и оно могло бы составлять полезное дополнение к крупным концернам.

Что перерастание мелкого частного сектора в крупный капитализм произошло столь быстро в России и других социалистических странах и приняло неуправляемый характер, можно объяснить недостатками, несбалансированностью, «дырами» в системе планомерности, создающими благоприятную питательную среду для такого антисоциалистического «взрыва», которого в условиях планомерной пропорциональности не должно было произойти. И при таких условиях, близких к общему равновесию, задача государственного контроля за пределами роста частного сектора была бы более реально осуществимой.

Конечно, никогда нельзя закрыть все «дыры» для капитализма, как нельзя полностью предотвратить и исключить преступность в самом идеальном обществе. Но если общество находится в состоянии экономической, социальной и политической стабильности, проблема защи-

ты от капитализма сводится к административному и полицейскому контролю за строгим соблюдением законов.

8. Безосновательные упреки

Некоторые авторы упрекали Н. А. Цаголова и его школу (т. е. коллег по кафедре политической экономии экономического факультета МГУ) в апологетике командной системы, как она сложилась при Сталине. Например, по мнению А. Д. Некипелова, сущностный подход, который отстаивал Цаголов, не позволял видеть «никаких различий между «реальным социализмом» и тем, который прогнозировался классиками марксизма». Такой подход позволял «снять противоречия между некоторыми "основополагающими" характеристиками (например, непосредственно общественным характером труда) и явлениями реальной жизни (массовый характер производства никому не нужной продукции, ориентация на максимизацию затрат и т. п.)... Максимум, о чем здесь могла идти речь, — так это лишь о неполной адекватности внешних форм сущности явлений, о несоответствиях, связанных с теми или иными ошибками в управлении общественным производством» (Некипелов, 1996, с. 51).

Мы уже отмечали выше, что хотя модель Н. А. Цаголова стремилась к отражению идеальных условий планомерного социализма, в ней немало места уделялось и противоречиям реальной социалистической экономики. Но Цаголов действительно видел причины этих противоречий в сложном сочетании нескольких групп производственных отношений, одна из которых отражала сущность коммунистической формации в целом, вторая относилась только к социалистической фазе этой формации, а третья — товарно-денежные отношения и личное подсобное хозяйство — отражала недостаточную развитость производительных сил (Цаголов, 1974, с. 28).

Думается, дело тут вовсе не в апологетике, а в принципиальном подходе ученого, убежденного в коренных преимуществах социализма и стремящегося раскрыть эти преимущества с точки зрения их глубокой сущности. Можно сколько угодно спорить относительно соответствия его концепции методологическим принципам Маркса, но остается фактом, что в каждой реально существующей экономической системе имеется подобное сочетание разных форм производственных отношений.

Возьмем, к примеру, современный капитализм. В нем легко различить особенности, присущие исключительно строю свободной конку-

ренции, черты монополистической и государственно-монополистической стадии, закономерности транснационального капитала, противостоящие традиционной роли национального государства в экономике, наконец, некоторые черты, заимствованные у социалистического общества. С точки зрения глубокой сущности закономерен анализ такой системы, восходя от элементарных свойств товарного производства и конкурентного рынка к более развитым современным формам.

Для анализа социалистической системы Н. А. Цаголов избрал другой путь, но также исходящий из ее глубокой сущности, которую он усматривал в идеальной планомерности и нетоварных принципах организации экономики. Это был взгляд, направленный в будущее, построенный на убеждении, что недостатки социализма, объясняемые его несовершенством, могут быть исправлены в будущем. Так думали коммунисты того времени, которые видели опасности капиталистического перерождения, но полагали, что их можно избежать, совершенствуя реальную систему. Считать такой подход апологетикой, на наш взгляд, можно только отрицая существование нормативного компонента в науке. Если современные «экономикс» исходят из безусловного превосходства рыночной экономики и капитализма, то вполне закономерно, что модель идеальной планомерности предполагает безусловное превосходство социализма. Такой нормативный подход в трудах Н. А. Цаголова вполне естественен.

Перед учеными цаголовского направления стояла насущная для того времени проблема избавления от противоречий реального социализма, но на путях совершенствования этой системы. Принципиально иной подход возник у ученых, которые видели выход из этих противоречий в переходе к рыночному социализму, а затем и к капитализму в его открытой форме. С точки зрения этой второй группы ученых планомерная модель никак не годилась для перехода к рынку и капитализму, поэтому для них отрицание цаголовской модели было естественным логическим шагом в развитии своей аргументации. А наиболее подходящей формой перехода к рынку и капитализму они считали модель государственного рыночного социализма, в которой предприятия, еще не имея частных собственников, уже максимизируют прибыль и подчиняются традиционной капиталистической логике.

А. Д. Некипелов называет эту систему государственным капитализмом: «Стремясь к получению наибольшей прибыли, менеджеры таких государственных предприятий точно так же, как и управляющие частных корпораций, добивались бы такой численности занятых, при которой предельный продукт труда в стоимостном выражении равнялся бы заработной плате... Иными словами, каких-либо принципиальных пре-

пятствий формированию на госкапиталистической основе не только рынка товаров и услуг, но и рынка труда не существует» (Некипелов, 1996, с. 117–118).

Разумеется, такая модель не оставляет места для социалистической планомерности. Раз система кладет в основу экономической деятельности следование критерию максимальной прибыли, то она даже без капиталистов превращается в полнейшее подобие капитализма. Но что может быть лучшим подтверждением правильности цаголовского тезиса о том, что именно в планомерности реализуется социалистическая сущность государственной собственности и что отход от планомерности есть уход от социализма?

Конечно, можно возразить А. Д. Некипелову, что в его рыночной модели государству вовсе нет необходимости исходить из максимизации прибыли. Известно, что рациональное распределение ресурсов и эффективная экономика возможны и при других критериях, например, при установке на сохранение достаточной (а не максимальной) рентабельности государственных предприятий, особенно в отраслях, работающих в условиях монополии и олигополии. Поэтому система самостоятельных государственных предприятий вовсе не становится автоматически капиталистической, если она ориентируется на рынок. Но что это — все же шаг в сторону от социализма, достаточно очевидно.

Сегодня, когда в России господствует капитализм, причем отнюдь не наилучшей марки, обсуждение каких-либо моделей социализма, а тем более модели идеальной планомерности, может показаться неуместным. Между тем в споре о достоинствах социализма и капитализма в сегодняшнем мире отнюдь не поставлена последняя точка. Одним из наглядных свидетельств этого является опыт смешанной экономики Китая, который, несмотря на неоднократные предсказания неминуемого провала, показывает чудеса быстрого роста. Утверждать, что своим успехом Китай обязан исключительно рынку, было бы неправильно. Вряд ли приходится сомневаться в том, что огромную, по-видимому, ключевую роль играет направляющая деятельность государства. Это не полная планомерность по Цаголову, но все же сохранение ее существенной части.

Рассуждения о бесспорных преимуществах капитализма обычно основываются на опыте определенного круга индустриальных государств и отдельных стран третьего мира, которые по ряду причин сумели быстро развиться в последние десятилетия. Надо сказать, что во всех случаях в этих достижениях существенную роль играло либо государственное перераспределение ВНП в пользу социальной сферы и беднейших

слоев населения, либо прямое стимулирование экономического роста государством известными мерами бюджетной и протекционистской политики. Все это — проявления ограниченной макроэкономической планомерности и частичное использование социалистических принципов распределения.

Но при этом ни одна из этих стран не смогла избежать присущей капитализму цикличности, т. е. периодических кризисов перепроизводства. Нынешний длительный застой в США, Западной Европе и Японии свидетельствует о вероятном проявлении также 50-летнего «кондратьевского» цикла. Неолиберализм, проявившийся, в частности, в отказе от государственного регулирования в сфере естественных монополий, уже вызвал существенные сбои в развитии этих отраслей. Недавно газета нью-йоркских финансистов «Уолл-стрит джорнэл», известная своей маниакальной приверженностью идеям свободного рынка, анализируя регулярные крупные аварии американской элекроэнергетики, вынуждена была признать: «Рынки — это великий способ организации экономической активности, но они нуждаются в руководстве со стороны взрослых», т. е. государства («Интернэшнл геральд трибюн», 2.09.2003, с. 6.).

Наконец, вопиющее отставание большинства стран третьего мира в условиях капиталистической глобализации — это факт, который никак не свидетельствует в пользу рынка как системы. Недавно опубликованы данные ООН, согласно которым разрыв в среднедушевом уровне ВВП в странах «первого» и «третьего» мира вырос с 20 раз в 1960-х гг. до 75 раз в настоящее время (Интернет-сайт rbk.ru, 30.08.2003.). В 1970-х гг. автор этих строк, работая в ООН, вместе с группой американских ученых разработал программу сокращения вдвое указанного 20-кратного разрыва к концу прошлого века. Эта программа предусматривала значительное перераспределение ресурсов из богатых стран в бедные, смягчение неэквивалентного обмена между ними в международной торговле, создание более благоприятного режима для экспорта продукции развивающихся стран на мировых рынках (Леонтьев, 1977). Такую программу тогда поддерживало большинство развивающихся и социалистических стран. Но ее саботировали США и их ближайшие союзники.

Итак, рост несправедливого распределения доходов и богатства в мире — не только наследие колониального прошлого, но и печальный итог современного капиталистического развития. Протест против этой несправедливости растет в разных формах. Одна из них, страшная — терроризм. Но есть и другие, конструктивные. В прошлом в странах третьего мира была актуальна проблема социалистической ориентации. Сегодня совместными силами международной реакции и местных элит

это движение задавлено, но не окончательно. При растущем относительном отставании большинства населения планеты вопрос о социалистической альтернативе неизбежно возникнет вновь.

В современной России развитие капитализма уже вызвало две крупнейшие макроэкономические диспропорции — неправомерный перекос в сторону экспортно ориентированных топливно-сырьевых отраслей и явно недостаточная доля трудовых доходов в ВВП. Эти перекосы сужают внутренний рынок, замедляют экономический рост, не дают возможности решительно сократить массовую бедность населения, препятствуют уменьшению разрыва в жизненном уровне и экономическом развитии с индустриальными странами Запада. Исправление этих структурных перекосов невозможно без активного вмешательства государства в экономические процессы, что требует отхода от неолиберальной модели экономической политики, которой придерживается нынешняя власть в России. В противном случае неизбежны кризисы пострашнее 1998 года.

Выработка альтернативного курса вновь делает актуальным вопрос о государственной планомерности. Отсюда и закономерный интерес к научному наследию ее великого барда — Николая Александровича Цаголова.

ЛИТЕРАТУРА

Леонтьев В. и др. Будущее мировой экономики. (1977). М., Прогресс.

Меньшиков С. (ред.). (1977). Динамические модели экономики. Новосибирск.

Меньшиков С. (ред.). (1967). Новые тенденции в управлении корпорациями США. М., Наука.

Меньшиков С. (1990). Советская экономика: катастрофа или катарсис? Интер-Версо. Москва.

Меньшиков С. (1996). Экономика России: практические и теоретические вопросы перехода к рынку. М., Международные отношения.

Меньшиков С. (1999). Новая экономика. Основы экономических знаний. М., Международные отношения.

Некипелов А. Д. (1996). Очерки по экономике посткоммунизма. М.

Фельдман Г. А. (1928). О теории темпов роста национального дохода. «Плановое хозяйство».

Цаголов Н. А. (1970). «Курс политической экономии». М., «Экономика». т. II.

Цаголов Н. А. (1968). К вопросу об оптимальном планировании. В книге *Н. А. Цаголов.* Вопросы теории производственных отношений социализма.

Цаголов Н. А. (1974). Методологические вопросы совершенствования общего курса политической экономии. — «Вестник МГУ», №1.

Burnham J. (1940). The Managerial Revolution, New York.

Djilas M. (1957). The New Class. An Analysis of the Communist System, New York, Praeger.

Hayek F. A. Socialist Calculation: The Competitive «Solution». Economica. New Series. — May 1940, vol. VIII — №26.

Joskow Paul L. (1994). Privatization in Russia: What Should Be a Firm? – Cambridge? Massachusetts.

Kornai J. (1992). The Socialist System. The Political Economy of Communism. — Princeton University Press, Princeton.

Lange O. (1938). On the Economic Theory of Socialism. *O. Lange & F. Taylor.* On the Economic Theory of Socialism. — University of Minnesota Press.

Menshikov S. (1994). The Role of State Enterprises in the Transition from Command to Market Economies. — Journal of Evolutionary Economics, №4.

Mises L. (1935). Economic Calculation in the Socialist Commonwealth. *In F. A.von Hayek* (ed.) Collective Economic Planning, Routledge & Keagan Paul. – L.

Глава V

ПРИБЛИЖАЯ БУДУЩЕЕ

Чем яснее становилась для меня невозможность моего сосуществования с государственным социализмом СССР, тем напряженнее я пытался всмотреться, понять и осмыслить опыт тех, кто казался мне похожим на меня, но сумел и работать, и жить в условиях нашего строя.

Естественно, я прежде всего думал о наиболее близких мне по работе и потому хорошо известных мне людях — руководителе моей кандидатской диссертации профессоре Сергее Кузьмиче Татуре, консультанте моей докторской диссертации профессоре Льве Яковлевиче Берри, декане факультета профессоре Михаиле Васильевиче Солодкове, ректоре университета академике Иване Георгиевиче Петровском, новом ректоре Рэме Викторовиче Хохлове и других. Среди тех, о ком я размышлял, был и профессор Николай Александрович Цаголов.

Я еще был студентом, когда он стал заведующим кафедрой. Им он оставался и в годы моей аспирантуры, и в годы работы — от ассистента до декана — почти три десятка лет. Н. А. Цаголов привлекал меня тем, что он работал не просто в общественной науке и не просто в экономической науке, а на наиболее остром, наиболее, по моим представлениям, скользком участке экономической теории — в области политэкономии социализма. В книге, посвященной столетию со дня его рождения, я хотел бы поделиться и впечатлениями тех лет, и размышлениями о последующих временах.

1. Поиск ниши

Анализируя жизнь тех, кого я уважал и ценил, я в конце концов выработал идею «**ниши**».

Само слово я взял из экологии. Но у меня оно означало, что и в советской жизни интеллигент обретает некоторую устойчивость, равно-

весие и какую-то перспективу, если он находит для себя приемлемое место и занятие, эту самую **нишу**.

У Н. А. Цаголова было три, как мне кажется, ниши. До репрессий тридцатых годов он, безусловно, готовился работать на самых передовых рубежах практики. Это вполне естественно. Человек выдающихся способностей, огромного темперамента и активности, безусловного и обоснованного честолюбия, он не мог не хотеть сделать карьеру в первых рядах. Он был настоящим сыном революции, она дала ему перспективы. Я думаю, он был бы прекрасным политическим лидером.

Сначала, казалось бы, все шло нормально. В тридцатые годы Цаголов занимал высокий серьезный стартовый пост и, что очень важно, уже начал входить — в свои тридцать лет — в ответственные комиссии. А работа в комиссиях — первый шаг к большому посту, к выдвижению. Именно в них — и я знаю это по своему опыту — вас замечают и начинают оценивать и другие «ключевые» работники, и, главное, руководство (в то время как на одном рабочем месте вас в лучшем случае ценит один непосредственный начальник).

Вот и Цаголов активно работал среди тех, кто готовил в Госплане СССР второй пятилетний план, а при председателе Госплана Межлауке Н. А. Цаголов уже входил в состав особой группы при председателе. Группу возглавлял В. П. Красовский, ее членами были С. А. Хейнман, Л. Я. Берри и другие.

Судьба и Межлауки, и этой группы оказалась трагичной. Межлауку расстреляли в годы репрессий. Красовский и Хейнман расстрела избежали, но на долгие годы отправились в лагеря. По каким-то поводам в узком кругу я слышал от них те или иные рассказы о лагерной жизни и никак не соберусь и не найду повода записать эти поразительные истории.

Цаголову и Берри повезло. Их не арестовали. Но, как умные люди, они должны были сделать вывод: ниша, которую они избрали, смертельно опасна. Из нее надо немедленно уходить. Но куда?

Немало в те годы было тех, кто радикально менял и сферу работы, и профессию. Немало переезжало в совершенно новые края. Цаголов оказался среди тех, кто решил уйти из практики в науку. Так поступил и Л. Я. Берри. И многие другие яркие люди ушли из аппарата власти.

Но в науке они старались отойти от «горящей» проблематики. Автор книги по советской экономике, глубоко мною уважаемый профессор И. Г. Блюмин занялся историей экономических учений и, в частности, современной буржуазной экономической теорией. Именно из его блестящих лекций я узнал и о Кейнсе, и о Мизисе, и о других великих ученых, о существовании которых даже не подозревали не то что прак-

тические лидеры советской экономики, но даже и многие тогдашние теоретики экономической науки.

Н. А. Цаголов тоже решил заняться историей экономических учений. От фактического помощника председателя Госплана СССР к историку науки — дистанция огромная. И если Цаголов решился ее преодолеть, то можно только представить весь тот ужас, который он пережил, когда каждую ночь «черные вороны» увозили его знакомых, друзей и родственников.

Докторская диссертация Н. А. Цаголова была посвящена Н. Г. Чернышевскому. Чернышевский был великим русским экономистом. Но не это, скорее всего, привлекло Цаголова. Он всегда умел хорошо улавливать «веяния». А «веяния» в те годы явно шли в направлении борьбы с преклонением перед Западом. Это были годы многотомной книги «Люди русской науки», из которой следовало, что мы все изобрели и открыли. Заниматься западными экономистами становилось небезопасно.

С книгой о Чернышевском, которую подготовил Н. А. Цаголов, связан такой забавный эпизод. Шло ее обсуждение в Институте экономики, и Н. А. Цаголову предоставили заключительное слово. Он начал его так: «Товарищ Сталин учит нас, что если в критике есть хотя бы 5% правды, за нее надо благодарить. Я не могу сказать, что все выступавшие здесь выполнили сталинский пятипроцентный норматив правды, но все же хотел бы поблагодарить всех...»

История русской экономической мысли стала второй «нишей» Николая Александровича. Она в наибольшей степени не соответствовала ни его характеру, ни всей его личности.

Третью нишу, как мне кажется, он решил занять после XX съезда КПСС. Критика Сталина, реабилитирующая ученых и целые науки, все то, что называют хрущевской оттепелью, могли бы подвести Н. А. Цаголова к решению вернуться в сферу руководства. Но ему уже было 50 лет. И он очень разумно принял другое решение: заняться политэкономией социализма.

Впрочем, я думаю, слово «заняться» не подходит. Скорее всего, он давно уже ею занимался — и как ученый, и как преподаватель. Не мог он не присутствовать при бурных дискуссиях вокруг нового учебника политэкономии, подготовленного Институтом экономики Академии наук СССР по заданию самого Сталина. Скорее всего, у него уже тогда возникли идеи принципиально иной концепции политэкономии социализма. Но в той, присталинской дискуссии, он обозначить себя не решился. Вполне разумно — судя по тому, как разносил любых «несоглас-

ных» с учебником экономистов Сталин в «Экономических проблемах социализма в СССР», и судя по судьбе одного из объектов сталинской критики — Ярошенко.

Ну а теперь, в хрущевскую оттепель, Цаголов решился выступить. Это был серьезный переход в новую, третью по моему счету, «нишу» — в наиболее политизированную, наиболее связанную со всей жизнью страны.

Но это не был возврат Цаголова к анализу практики планирования и всего хозяйственного руководства. Уроки тридцатых годов он учел. Вариант, избранный Цаголовым, отличается крайним своеобразием, которое состояло в том, что практики как таковой он касаться не хотел. В одном из наших разговоров он заметил: «Это практика. А на практике в наших условиях может твориться что угодно. К науке это не относится...»

Н. А. Цаголов решил абстрагироваться от практики, но без отрыва от ее социалистической сущности. Он решил построить абстрактную политэкономию социализма. Это позволяло сделать ее и логичной, и непротиворечивой.

Политэкономии социализма в СССР не было. То, что было, в принципе не выходило за пределы задач описания советской экономики и обслуживания экономической политики. Существовавшая политэкономия социализма во многом была апологетична и потому вульгарна.

Вспоминаю один наш разговор с Цаголовым. Когда я рассказывал ему о сути моей докторской диссертации, он спросил: «А Вы помните, как отрицательно Сталин отозвался о всеобщей организационной науке?» Я ответил: «Конечно, помню. И замечания Ленина о Богданове помню. Они по-своему логичны. И Ленин, и Сталин понимали, что строить социализм в неготовой к нему стране можно только с использованием ничем не ограниченной диктатуры. Мы с Вами видим, к чему все это привело. Поэтому, я думаю, Вы и хотите выявить объективные законы экономического строя социализма — как обязательные для партии и государства». Цаголов ответил: «Да, это так. А Ваша теория управления где будет?» Я сказал, что конкретная практика имеет два «пласта» — есть законы производственных отношений, но есть правила и законы самого управления: правила построения структуры управления, правила организации, методы реализации целей и т. д. Они как бы между абстракциями политэкономии и конкретными действиями практики. Они устойчивые. Это наука. Теория управления. Цаголов заметил: «Я сначала думал, что Вы хотите нашу практику руководства объявить наукой, то есть заняться чистой апологетикой. Или хотите дублировать политэкономию. Теперь я Вас понял. Защищайтесь».

Цаголов хотел создать политэкономию социализма, которая не только бы предшествовала практике, но и предопределяла ее.

Удалось ли ему найти нечто объективное, нечто обязательное для хозяйственной практики — об этом в следующем разделе.

2. Первая оппозиционная концепция

Цаголову, с его энергией, активностью, интересом к жизни было несвойственно заниматься в науке чем-то академическим и историческим. Но, наученный страшным опытом тридцатых годов, он не мог и не хотел быть частью командного механизма. Поэтому его наука, с одной стороны, не могла быть элементом командной экономики. А с другой стороны, он не мог и не хотел уйти от главных проблем жизни.

Поэтому первой исходной точкой концепции политэкономии социализма Цаголова стал поиск теоретических основ практики хозяйственного руководства. Работать для жизни, но непосредственно не участвовать в ней и оставаться вне ее — этот подход исключительно логичен для личности Цаголова. Его подход к концепции политической экономии социализма с абсолютной логичностью отразил ту нишу в социалистическом обществе, которую избрал для себя Николай Александрович.

Но надо отметить и то, что концепция Цаголова — создать теоретические основы для практики экономики — воплотила одну из особенностей всей политической экономии как науки в XX веке. Все главные ее направления были, в конечном счете, сугубо прикладными по конечным целям: будь то кейнсианство или монетаризм. XX век был столь бурным, что игнорировать эти бури не мог никто. И кейнсианство, и монетаризм, и цаголовская политэкономия — на главном направлении экономической теории XX века.

В этом смысле концепция Цаголова находилась в главном русле мировой политэкономии.

Цаголов выступил со своей концепцией в качестве первой официально допущенной оппозиции в советской экономической науке (если не вообще первой разрешенной оппозиции в советской общественной науке). Нужны были смелость и огромное мужество, чтобы решиться войти в тот «просвет», который давала, а вернее сказать, сулила хрущевская оттепель после XX съезда.

Из песни слов не выкинешь. Выступив с альтернативной официальной концепцией, Цаголов как бы утверждал право альтернативности в политэкономии социализма. Но он направил всю свою энергию не на

закрепление идеи нескольких концепций (то есть не на закрепление принципа демократии в науке), а на борьбу за утверждение своей концепции в качестве официальной и единственной. Демократия в науке оказалась у Цаголова всего лишь инструментом утверждения своих идей. Очень похоже на то, что мы видели в последние годы.

Можно, конечно, объяснить это желание Цаголова использовать первые же условия оттепели для превращения себя в официоз стремлением взять реванш за свой уход из системы власти в тридцатые годы. Но факт есть факт. Как ни печально, но на опасную ситуацию демократии в одной из общественных наук он мужественно пошел, а вот найти решимость оторваться от своей целевой установки — сделать свою политэкономию официальной наукой партии и власти — не смог.

Само появление концепции Цаголова, альтернативной официальной версии политэкономии, неразрывно связанной со Сталиным, с его участием в написании учебника политэкономии, было фактически свидетельством недовольства в руководстве партии уровнем экономической науки. Это было косвенное признание банкротства сталинской концепции политэкономии перед лицом бурной эпохи хрущевских преобразований. Политэкономия социализма, созданная для обслуживания экономического руководства, не справлялась с задачей хрущевских реорганизаций, поэтому само появление концепции Цаголова было свидетельством кризиса и политики, и официальной науки.

Тут полная аналогия с генетикой и кибернетикой, само «допущение» которых в советскую науку уже означало критику того, что в ней уже было. Помню, когда в 1959 году обсуждалась в «Комсомольской правде» наша с Игорем Гирсановым статья о кибернетике в экономике, кто-то сказал: статья не просто «**о**», это и, несомненно, «**против**». Статью опубликовали — все же была обстановка, внушавшая нам надежду, а редакторам — решимость публиковать. Надеялся и Цаголов.

Концепция Цаголова неразрывно связана с главной проблемой всего строя государственного социализма — с руководящей, командной ролью партии и власти, в конечном счете партийно-государственной бюрократии.

Это командование с самого начала, с решения Ленина **строить** социализм, а не установить его, сбросив оковы старых обветшавших отношений и приведя все в соответствие с давно созревшими в недрах капитализма социалистическими элементами, — было обременено неустранимой родовой болезнью субъективизма и волюнтаризма.

Цаголов участвовал сам в разработке планов второй пятилетки и хорошо знал, что такое субъективизм и волюнтаризм. Репрессии трид-

цатых были всего лишь одной из черт командной системы, присвоившей себе право навязать стране социализм. Уничтожение старой Волги, затопление миллионов гектаров плодородной земли по ходу ее течения, создание водохранилищ при строительстве ГЭС — все тот же произвол, все те же репрессии — но уже в отношении природы. Все это разные стороны одного и того же — волюнтаризма.

Цаголов, безусловно, хотел создать такую политэкономию социализма, которая дала бы руководству **объективные** основы. Планомерность, которую он выдвигал, означала не только «сознательное поддерживаемую», то есть нечто субъективное, но и нечто объективное — «пропорциональность».

Это объективное, нечто предшествовавшее сознательной воле, включало у Цаголова не только поиск исходной ячейки, фундамента науки, но и ее логику. Логичность в науке — и это понимал Цаголов — уже объективность. Ведь законы логики — отражение объективного мира.

Заслуга концепции Цаголова в том, что она **четко определила и главную болезнь советского социализма, и назвала способ лечения**. Другое дело, что этот способ был в принципе нереализуем.

Конечная установка концепции Цаголова «на практику» проявилась и в том, что она была тесно увязана с созданием **учебника**.

С одной стороны, ориентация на учебник прикрывала и защищала сугубо научный поиск. Я заведую кафедрой, мне надо учить будущих преподавателей, вот я и работаю над учебником политэкономии. Заяви Цаголов более амбициозные претензии — еще неизвестно, «вместился» бы он в далеко не просторные рамки хрущевской оттепели.

Но учебник в советской системе — и мне не раз приходилось объяснять это на Западе — нечто неизвестное там. Это ведь официально навязанный сотням и тысячам вузов и техникумов курс, обязательный и для преподавателей, и для студентов. Поэтому учебник — и Цаголов это хорошо понимал — становится и обязательной версией политэкономии. Через учебник эту версию должны усвоить будущие специалисты всех профилей.

Учебник имеет готовый механизм внедрения. Он — через Министерство высшего и среднего образования — сразу становится обязательным. Концепция, реализованная в учебнике, тут же внедряется — без того сложного этапа, который был бы неизбежен, готовь Цаголов какой-либо доклад и рекомендации в своем бывшем Институте экономики.

Должен честно сознаться, что когда я думал о формировании теории управления социалистическим производством, я выбрал путь Цаголова — организовать всю работу над теорией в рамках написания учебника. Мне удалось больше, чем Цаголову, — мои учебники утвердил и рас-

пространил по всей стране ЦК КПСС, который организовывал Систему Экономического Образования миллионов руководителей и специалистов и принял версию нашей кафедры для той части образования, которая касалась руководства. Так что мои представления о теории управления воплощались через учебник — и это было мое сознательное освоение блестящей идеи Цаголова о «науке через учебник». Конечно, учебник не только помогает, но и мешает разработке концепции науки. Его надо в срок представить, его надо немедленно опубликовать. Но все же преимуществ больше, чем негатива.

Я потом не раз думал, что Н. А. Цаголов что-то упустил, когда ЦК создавал Систему Экономического Образования в стране. Возможно — и это было вполне реально — надо было убедить ЦК КПСС утвердить в списке предметов СЭО и политэкономию. И тогда он взял бы Министерство образования «с тыла».

В концепции Цаголова был еще один существенный аспект. Цаголов настойчиво возрождал Маркса, который в «Капитале» утверждал идею «клеточки» в политэкономии. Цаголов перенес эту идею и в политэкономию социализма. Этот упор на «возрождение» исходного в марксизме, на «очищение» его от «наносов» — фактически тоже был критикой как официальной науки, так и практики «реального социализма».

Судьба концепции Цаголова оказалась предопределенной тремя фундаментальными обстоятельствами.

Первое связано с ее исходной основой. Она исходила из того базиса, который дала классическая политэкономия. Ведь Маркс — всего лишь одна из версий «классики». Этот базис — трудовая теория стоимости. А эта теория — продолжение вещного материализма XVIII века. Все в этом материализме — и собственно в классической политэкономии — связано с вещами, с собственностью на них, с возможностью их отчуждения от производителей.

А XX век превратил интеллигенцию — и по роли, и по численности — в главную часть общества. А умственный труд — в главный вид труда. Информационный продукт этого труда не может быть отчуждаем: сколько бы информации не уходило от меня к другим, у меня она остается, я ее не теряю. Поэтому все политэкономические теории, ориентированные на физический труд, на вещи, на собственность, оказались в XX веке недостаточными.

Экономические теории полезности уже пытались смягчить, преодолеть этот фундамент классической политэкономии.

Цаголов тоже сделал свой шаг от классика — у него собственность перестала быть основой. Опыт национализации в годы революции по-

казал, что от смены вывески «Морозовская ткацкая фабрика» на «государственная» мало что изменялось. И Цаголов на первую роль выдвигает уже не непосредственно вещное — не товар (как Маркс), не собственность (как официальная наука), — а нечто новое — планомерность. Но к пониманию устарелости всей трудовой теории стоимости концепция Цаголова не подошла.

В новой России собственность изменилась, вывески опять поменяли, но, как в свое время большевики после революции 1917, наши реформаторы только убедились, что всего этого совершенно недостаточно.

Когда я наблюдал тот упор на приватизацию, которую делали мадореформаторы, — я всегда вспоминал и преклонение советской науки перед собственностью, и Н. А. Цаголова с его критикой концепции ведущей роли собственности. Думаю, что в этом убедились и иные олигархи — собственность они захватили, а из страны пришлось бежать.

Фетишизацию собственности Цаголов преодолел — я принял эту его позицию. Но отойти от ограниченности трудовой теории стоимости он не смог.

Вторая неверная основа концепции Цаголова: она принимала как должное саму ленинско-сталинскую идею «строительства» социализма. Само право командовать Цаголов не отвергал, он искал научные основы для него.

Все главные ошибки Ленина — в отношении несовместимости мелкого производства с прогрессом производительных сил, в отношении готовности капитализма к социализму (за эту «готовность» Ленин принял вызванные империалистической войной формы огосударствления и государственного регулирования экономики) — концепция Цаголова тоже не оспаривала. Она молчаливо предполагала, как аксиому, не требующую доказательств, что из общего кризиса капитализма следует именно социализм, а не какой-то иной, более соответствующий уровню развития производительных сил, строй.

И, наконец, третье. Цаголов конструировал, то есть выдумывал социализм, как систему. Он не раз подчеркивал, что при этом абстрагируется от практики реального социализма. Это был — тут Цаголов прав — единственно возможный путь увести политэкономию социализма от волюнтаризма к логически непротиворечивой конструкции. Но если абстрагирование Маркса шло от реальности, то абстрагирование Цаголова было гегелевским: оно брало саму идею и развертывало ее по законам логики. При таком абстрагировании не могло появиться ничего иного, кроме **нового варианта утопического социализма**. Логичность

абстракции Цаголова достигнута переходом в нечто придуманное, то есть в сферу утопии.

В историю теории утопического социализма концепция политэкономии социализма Цаголова, безусловно, внесла свой вклад. Экономика всех социалистических утопий — всего лишь остров или город. А у Цаголова появляется утопичная модель для масштабов всей страны, со всей сложностью этого гиганта. Концепция Цаголова — это **первый вариант идей утопического социализма народнохозяйственного масштаба.** Поэтому все социалистические идеи XXI века обязательно будут учитывать народнохозяйственную концепцию социалистической утопии Цаголова.

Но в столкновении с реальным социализмом, абсолютно беспринципным и готовым менять взгляды чаще, чем перчатки, утопическая модель экономики Цаголова не могла не потерпеть поражения — несмотря на всю талантливость и всю энергию ее творца. Концепция Цаголова была побеждена не эпохой реформ — ее подавил реальный социализм. Обратимся к этой поучительной истории.

3. Во главе кафедры

Цаголов пришел в МГУ уже сложившимся ученым, перешедшим пятидесятилетний рубеж человеком. Кафедра политэкономии экономического факультета была создана задолго до него и имела сформировавшийся коллектив — в основном доцентов, выпускников самого факультета, воспитанных на изучении и преподавании «Капитала» Маркса. Профессоров почти не было — их приглашали в качестве совместителей.

Успех Цаголова на кафедре был связан с несколькими обстоятельствами. Во-первых, умением отобрать и сохранить лучшие традиции. Во-вторых, перемещением центра тяжести на современность, на политэкономию социализма. В-третьих, наличием у него концепции политэкономии социализма, оказавшейся близкой большинству коллектива кафедры. В-четвертых, талантом выдающегося организатора науки, умением создавать «команду».

Сначала о традициях. Политэкономия на нашем факультете изучалась не столько на лекциях, сколько на семинарах, в особенности на блестящей находке факультета — спецсеминарах по «Капиталу», которые и вели ведущие доценты кафедры. Традиция эта, думаю, перешла еще из Института красной профессуры, а в него — из подпольных, полулегальных и легальных кружков по изучению «Капитала» в дореволюционные времена. Кружки с самого начала исходили из принципов самообучения и добровольности участников и держались их увлеченностью. Вот

эти качества и удалось сохранить. К тому же факультет сберег «Комментарии к «"Капиталу" Маркса» эпохи тридцатых годов, созданные легендарным Розенбергом в основном на базе своего дореволюционного опыта изучения «Капитала» в кружках. Семинары давали главное: понимание того, что такое система и какова ее внутренняя логика. Этот навык мы сохранили на всю жизнь — чем бы мы ни занимались. Цаголов понял значение спецсеминаров и сохранил их как главную форму изучения политэкономии.

Второй фактор его успеха как заведующего кафедрой — перемещение центра тяжести на политэкономию социализма. До Цаголова основой считалось изучение «Капитала», дополненное изучением ленинского «Империализма, как высшей стадии капитализма». Политэкономия социализма — хотя уже вышел учебник, подготовленный по заданию Сталина и ориентированный на сталинские «Экономические проблемы социализма в СССР», — все же считалась чем-то сиюминутным, поверхностным, сферой скорее пропагандистской и агитационной, чем наукой.

Цаголов не стал уверять, что политэкономия социализма уже стала наукой. Он подчеркивал, что нет другого выхода, как создавать эту науку. Без своей политэкономии социализм обойтись не может.

Цаголов не просто сохранил традиции — он дал старт и указал пути новой работы. Это особенно было важно для доцентов средних лет. Они давно чувствовали, что, повторяя Розенберга, ни доктором, ни профессором не стать. А при ориентации на политэкономию социализма возникла перспектива: и научная, и личностная.

Третий фактор, думаю, был наиболее важным. Цаголов пришел на кафедру со сложившейся у него концепцией политэкономии социализма. Именно эту концепцию отверг Институт экономики Академии наук СССР, где раньше работал Цаголов. Именно тут предпочли назначить руководителем отдела политэкономии Я. А. Кронрода. И Цаголову ничего не оставалось, как перейти в МГУ. Но не просто из-за обиды (хотя обида осталась на всю жизнь), а для того, чтобы найти поле для реализации своей концепции.

Я думаю, что первое и главное для всякого лидера — иметь свою концепцию. Это может быть новая идея — как у Маркса. Это может быть идея исключительной верности уже имеющейся концепции — как у Сталина по отношению к Ленину. Но без концепции лидер практически не в состоянии ни найти сторонников, ни сплотить их.

Цаголов жил в стране, где не только для политического лидера, но и для ученого, выдвигавшего новую идею, наиболее вероятной перспективой была работа в лагерях.

Но идея для лидерства нужна. И Цаголов нашел, на мой взгляд, блестящее решение: с одной стороны, выразил в своей идее особую преданность существу марксизма и, с другой стороны, при этом обозначил свое понимание, дал свои интерпретации экономической теории социализма.

Сама возможность говорить об особой концепции могла возникнуть только после XX съезда, в те начальные времена эпохи Н. С. Хрущева, которые получили название «оттепель». Хрущевская оттепель сказалась на многих направлениях (скажем, начали публиковать А. И. Солженицына, появилась возможность заговорить о репрессиях и чистках и т. д.). В нашей сфере, в области экономической науки, одним из проявлений оттепели стало решение разрешить разработку трех вариантов нового учебника политэкономии. Один из них ориентировался на декларацию Цаголова о своей концепции и о желании ее реализовать.

Именно особая концепция, а не пост завкафедрой, чье-то покровительство или связи и **сделала Цаголова многолетним бессменным лидером** — именно лидером — кафедры политэкономии.

И, наконец, последнее. У Цаголова талант исследователя, теоретика, оказался тесно связан с талантом организатора вообще, организатора науки в частности и тогда еще абсолютно нового типа — организатора в сфере общественной науки.

Не знаю даже, чего в Цаголове было больше — теоретика или организатора. Вообще-то, как я уже писал, в других условиях из Цаголова скорее всего сформировался бы выдающийся политический лидер, практический деятель общенационального масштаба.

Во времена французской и русской революций низшие офицеры быстро становились генералами и маршалами. Не будь революции во Франции, мы никогда не узнали бы, что среди парикмахеров страны были маршалы. Один из умных деятелей царизма как-то заметил о Белинском, что он, за неимением в России возможности бунтовать на площадях, бунтовал в журналах. Так и в советское время. Советская эпоха рассовала по самым невероятным углам, в том числе и в науку, тысячи и тысячи потенциальных гениев политики, парламентаризма, бизнеса. А потом мы удивлялись, что звезды нашего бизнеса вырастали в самых неожиданных областях.

Так вот, у Цаголова было все, что нужно лидеру. Умение выделить свою концепцию — об этом я уже писал. Второе качество лидера — умение оценивать кадры и формировать для себя команду. Мы видели выдающихся творцов команды: и Сталина, и Брежнева. Но мы видели и тех, кто команды создавать не умел, — Хрущева, Горбачева, Ельцина.

Цаголов систематически, год за годом формировал команду. И критерием были не субъективные пристрастия, а главное — умение ученого разрабатывать концепцию, умение ее пропагандировать и — что существенно — умение грамотно ее защищать. Защищать и в науке, и во всех других «инстанциях».

Цаголов оставлял на кафедре безусловно одаренных и талантливых людей. Кафедра — это его фактический соавтор. Но с годами я все отчетливее понимал, что в отборе Цаголова присутствуют некоторые четкие тенденции.

Во-первых. Цаголов избегал людей, склонных к выдвижению целостных концепций. Их в своем узком кругу ученых называют демиургами. Цаголов таких «системосоздающих» легко распознавал и, видимо, считал, что в новых концепциях кафедра не нуждается.

Во-вторых, Цаголов избегал тех, у кого были явно выражены вождистские наклонности. Их Цаголов тоже легко идентифицировал и постоянно «сплавлял» на руководящие посты за пределы кафедры — вплоть до ЦК КПСС. И здесь, видимо, Цаголов считал, что во втором лидере кафедра не нуждается.

Цаголов долгие годы категорически замыкал на себя все внешние контакты кафедры. Да и потом, когда уже по состоянию здоровья ему неизбежно приходилось кого-то посылать вместо себя «наверх», — он делал это и редко, и неохотно. Он считал, что у его кафедры должно быть одно лицо — его собственное.

Но и те, кто уходил, — и это я тоже заметил — на новых местах в лучшем случае «держались». Они так привыкли жить под «крышей» Цаголова, что на самостоятельных постах отличиться не могли.

Эта кадровая линия Цаголова, думаю, коренилась в следующих двух обстоятельствах.

Первое. В советских структурах, где положение руководителя целиком зависело от «верха», было крайне опасно иметь в заместителях готового преемника. Всегда — а с годами тем более, — растет число и обиженных, и завистников, и врагов. Да и чем устойчивее и успешнее руководитель, тем с большей опаской смотрят на него «верхи» — как на потенциального конкурента. И если есть кем заменить — соблазн сделать это очень велик. Поэтому опытные советские руководители с большой «тонкостью» и «изяществом» вели дела так, что в любой момент их снятие ухудшило бы работу и на снявшего легла бы ответственность за это ухудшение.

Второе — это чисто кавказская ревность и нелюбовь к равным себе (не говоря уж о тех, кто умнее). Я не раз отмечал это у руководителей

«кавказского» менталитета. Казбек или Эльбрус должны стоять в одиночестве — тем больше впечатлений от их величия.

Сложным искусством выращивания равных себе — и даже более значительных — лидеров Цаголов или не владел, или не считал нужным его демонстрировать. Цаголов был далек от того типа лидеров, которые, как Христос, оставляют после себя когорту апостолов, фактически создающих (как Павел) его учение. Цаголов не достиг даже уровня Петра I, хотя бы взрастившего плеяду славных «птенцов гнезда Петрова» (правда, славных только при нем и оказавшихся совершенно неспособными вести дело после него, — о чем недавняя пьеса Горина «Шут Балакирев», талантливо поставленная Марком Захаровым).

Умение работать с самостоятельными людьми, умение видеть в них фактор укрепления дела в целом, умение выделить им «огород», где они могли бы быть хозяевами и проявить себя, умение вовремя передвигать их на новые участки, чтобы они не застаивались и не начали «копать» под своего лидера — это и многое другое Цаголов как руководитель кафедры не продемонстрировал.

Проводимая много лет, фактически десятилетиями, эта линия в конце концов, когда Цаголов стал стареть, начала выступать как фактор, ослабляющий кафедру.

Но как бы то ни было, теоретическая концепция Цаголова была подкреплена созданием творческого коллектива кафедры. Эта команда была готова и к научной, и к педагогической, и к организационной работе. Без Цаголова эта структура не могла эффективно работать — но при нем это была грозная сила.

Я пишу о недостатках Цаголова не для того, чтобы умалить его достоинства. Просто «так это было на земле», как говорил Твардовский.

Я не раз и не два восхищался Цаголовым-организатором, Цаголовым-лидером и поэтому с полным правом числю среди своих учителей по управлению — именно по управлению — и Николая Александровича. Тем более, что помимо кафедры, были и другие области, где блистал талант Цаголова-руководителя.

4. На факультете

Цаголов выбрал кафедру политэкономии экономического факультета МГУ в том числе и потому, что в то время наш факультет целиком был ориентирован на подготовку специалистов по этой учебной дисциплине. Именно в те годы в дипломе выпускника появилась и дополнительная запись, уточняющая нашу специальность, — «преподаватель поли-

тической экономии». За это уточнение пришлось долго воевать, в том числе и нам, тогдашним студентам.

Цаголов хотел — и вполне разумно, — чтобы не только кафедра политэкономии, но и весь факультет органически был бы единым ансамблем. Это придавало бы больший вес его кафедре.

В работе с факультетом Цаголов тоже продемонстрировал качества крупного руководителя.

Есть лидеры, которые пытаются сами контролировать значительные объемы работы и многих подчиненных. В ряде случаев этот подход оправдан.

Но есть и другие руководители — они ищут одного, ведущего человека, «второе я». Подбирают его очень тщательно. Проверяют. Убеждаются в его умении «держать в руках» весь участок. И ограничиваются контролем за этим единственным лидером.

Цаголов явно хотел идти по второму пути. Но трудность состояла в том, что естественный лидер факультета — декан — формально был его начальником. Поэтому надо было найти такого декана, который сочетал бы два качества: умел руководить факультетом и одновременно был «вторым я» самого Цаголова.

И надо отдать должное — Цаголов нашел такого декана. Это был Михаил Васильевич Солодков.

Один из крупных лидеров и факультета, и МГУ в целом, участник войны, инвалид, он имел огромный и жизненный опыт, и опыт руководства. В том числе и такого сложного, при котором работают совершенно разные по менталитету люди из разных наук — от физиков до филологов. На факультете Солодков был и секретарем партбюро, и заместителем декана. В МГУ он в конце концов стал секретарем всей многотысячной парторганизации. По влиятельности в Москве и стране это был очень важный пост. Работая в комитете комсомола МГУ, избираясь и членом бюро, и секретарем комитета, я могу сказать, что и ЦК ВЛКСМ, и МГК напрямую «выходили» на университет. Сходная картина была и с парткомом МГУ.

Сомнений в том, что Солодков будет эффективно руководить факультетом, не было. Проблема была в другом — как сделать его зависимым от Цаголова. Цаголов сумел решить эту проблему.

Прежде всего, Солодков не имел своей особой теоретической концепции политэкономии социализма. Но он был очень грамотным политэкономом. Я с огромным удовольствием работал в его семинарах. Правда, однажды произошел такой случай. Я пришел на семинар, не подготовившись, и сослался на перегрузки по комсомольской работе —

мы готовили первый выезд студентов на целину. На занятии Солодков ничего не сказал, а в перерыве отозвал меня и заметил: «Это твое дело. Многие активисты хотят уйти в партийный или комсомольский аппарат и забывают об учебе. Но я всегда считал иначе. Надо быть в своем деле первым или одним из первых — и только на такой основе можно быть настоящим лидером. Так я поступал в армии. Так поступаю в МГУ. Я на все занятия иду, прочитав все, что можно. Тебе не стоит идти по пути тех, кто избрал карьеру «общественника» и заменять ею учебу. Занимайся и занимайся...» Урок этот я усвоил и занимался так, что, когда пришло время делать выбор между работой в ЦК ВЛКСМ и аспирантурой, я выбрал аспирантуру (правда, при поддержке тогдашнего секретаря ЦК Лена Карпинского, уже осознавшего, что Хрущев заходит сам и заводит страну в тупик и что в аппарате делать нечего).

Эти два качества — научная грамотность и отсутствие своей концепции привели к тому, что Солодков мог стать — и стал — настоящим идейным союзником Цаголова.

Но потом Солодков в своей карьере вошел в стадию пробуксовки. Многие годы он явно хотел идти «вверх»: в аппарат горкома или ЦК, и имел на это все основания. Но и на нем сказался начавшийся тупик хрущевского десятилетия. Поэтому в партработе все больше заботились о «галочках», все чаще дело подменялось формализмом. Вот Хрущев — отбиваясь от нападок коллег по Политбюро по поводу Фурцевой — и провозгласил курс: везде среди секретарей надо иметь женщин. И когда освободился пост секретаря Московского горкома партии по идеологии, кандидатуру Солодкова не утвердили — нужна женщина. Но Солодков, как человек умный, понял, что дело не только в этом мотиве — видимо, те, кто его предлагал руководству КПСС, или сами не очень его хотели, или у этого руководства нашлись свои доводы против. И Солодков решил завершить парткарьеру, перейдя на пост декана нашего факультета. В чем нам повезло, хотя сам он в душе был очень обижен.

Пост декана его устраивал, но по традициям МГУ декан должен был быть если не доктором наук, то хотя бы «холодным» профессором (профессором, получившим свое звание, не имея степени доктора наук).

На этом «комплексе» и сыграл Цаголов. Он взял на себя всю работу по присвоению Солодкову звания профессора и по «пробиванию» этого вопроса через массу инстанций — и в МГУ, и в Министерстве высшего образования, при котором работала Высшая Аттестационная Комиссия (ВАК). Дело было очень непростое, так как Солодков был человек прямой и жесткий, и за время партработы заимел немало врагов или

просто недоброжелателей. За ряд лет с проблемой профессорства Солодкова Цаголов справился.

Потом он помогал Солодкову создать на факультете для себя кафедру. Затем все же защитить докторскую диссертацию.

В итоге не менее 5–8 лет Солодков видел в Цаголове прочного союзника. А Солодков умел быть благодарным и все свои связи в партаппарате использовал для укрепления позиции Цаголова.

Так Цаголов, практически занимаясь одним человеком, фактически взял под контроль весь факультет.

Другая область усилий Цаголова — руководители кафедр факультета.

Подход Цаголова к тому, кого факультет и МГУ будут назначать заведующими кафедрами, оказался неожиданным. Если на своей кафедре Цаголов тщательно избегал ярких «звезд», то в отношении других кафедр он думал именно о звездах. За исключением одного-двух постов, на кафедры факультета пришли — благодаря Солодкову и Цаголову, стоявшему за ним, — действительно яркие ученые.

Правда, определенные ограничения Цаголов соблюдал: новые заведующие должны были быть лично с ним «сочетаемы». Эту личную «стыковку» Цаголов настолько ценил, что порой шел на назначение ученых, не согласных с его концепцией, но лично к нему абсолютно лояльных.

Такая линия Цаголова была очень удачной еще и потому, что ректор МГУ, академик Иван Георгиевич Петровский, считал посты заведующих кафедрами своей «номенклатурой» и следил за тем, чтобы факультеты выдвигали на них действительно известных и при этом прогрессивно мыслящих ученых.

В итоге у нас на факультете появились в качестве заведующих Л. Я. Берри, В. С. Немчинов, Л. А. Костин, С. С. Шаталин, А. И. Анчишкин, Т. С. Хачатуров, Д. И. Валентей, Г. А. Егиазарян, А. Д. Шеремет.

Да и я сам стал заведующим кафедрой в качестве «итога» усилий трех сил: Солодкова (который, как я упоминал, был моим учителем), Цаголова, который всегда хорошо ко мне относился, и в значительной мере И. Г. Петровского. Сложность состояла в том, что саму кафедру управления надо было создавать впервые в МГУ. Другая проблема — возраст. Я был самым молодым доктором экономических наук в стране. И тридцатипятилетний заведующий — это было нечто нестандартное для МГУ. Тем не менее Солодков и Цаголов меня выдвинули. И тут решающей стала позиция И. Г. Петровского.

Давным-давно, еще на втором курсе, в Комитете комсомола МГУ мне поручили быть председателем комиссии, разбиравшей «дело биологов». Пользуясь XX съездом партии, генетики биофака начали брать реванш у

«мичуринцев». Все это захлестнуло и комсомол биофака. Поэтому наша разборка комсомольцев легко могла стать толчком для разборок и по партийной, и по административной линии. Видимо, поэтому на заседание бюро Комитета ВЛКСМ (наш Комитет имел права райкома) пришел и И. Г. Петровский, и секретарь парткома К. А. Салищев. Я во всем детально разобрался, сделал аргументированный доклад и завершил его выводом: ничего, лежащего в идейной и политической плоскости, нет, а в научные споры в области естественной науки комсомол вмешиваться не должен. Всегда дремавший Петровский вдруг открыл глаза и очень напряженно на меня посмотрел. Не менее напряженно посмотрел и профессор К. А. Салищев. Бюро согласилось со мной, никого из комсомола не исключили — ведь только что состоялся XX съезд. А Петровский и Салищев долгие годы — до конца своей жизни — следили за мной, помогали во всех делах: меня оставили в МГУ, дали московскую прописку и т. д. И идея о создании кафедры для меня получила поддержку ректора.

Но несмотря на контроль И. Г. Петровского, главный вклад в назначение на посты заведующих ярких ученых внесли именно Цаголов и Солодков. На них, конечно же, «давили» знакомые, толкали «своих». Но они в основном стойко вели свою линию.

Думаю, что и тут Цаголов был последователен. Чтобы факультет придавал вес кафедре политэкономии, этот факультет должен блистать.

Главную задачу — сделать экономический факультет МГУ уважаемым и авторитетным учебным и научным учреждением и тем самым существенно подкрепить и свою кафедру, и свою концепцию, Цаголов решил.

5. Победа над Институтом экономики

В МГУ помимо кафедры политэкономии экономического факультета, цаголовской, было еще три кафедры политэкономии: естественных факультетов, гуманитарных факультетов, Института повышения квалификации. По численности они были равны кафедре Цаголова, если не больше.

Цаголов, конечно же, попытался взять под контроль и эти кафедры. Но они искусно маневрировали между Цаголовым и теми программами курсов политэкономии, которые им утвердило Министерство высшего образования (т. е. ЦК КПСС). Отношения у них с Цаголовым были хорошие — но политэкономию они читали какую-то среднюю между цаголовской и минвузовской.

Цаголов понимал, что если даже в самом МГУ не удается победить, то надо добиться перелома «наверху».

Надо отдать должное Николаю Александровичу — он всегда умел определить и точку главного удара, и наиболее слабое звено противника.

Такой «точкой» был тот самый Институт экономики Академии наук СССР, из которого Цаголов ушел в МГУ. Этот центр оказался и наиболее слабым звеном.

Отдел политэкономии Института, возглавляемый Кронродом, не смог себя чем-то зарекомендовать. Желающих объяснять экономическую политику КПСС в стране хватало и без него. А вот весомых, теоретически обоснованных рекомендаций от Института не поступало.

Между тем дела в экономике страны шли все хуже, и надо было искать объяснения. Косыгинская экономическая реформа, обеспечив ситуационные улучшения, сошла на нет. И из-за своей внутренней непоследовательности и противоречивости, и из-за опасений руководства КПСС, что реформа приведет страну к тем же следствиям, которые имели место в Чехословакии.

Попытки что-то менять предпринимались. Был подготовлен комплекс мер по ускорению научно-технического прогресса. Но все осталось на бумаге: у Брежнева случился очередной инфаркт, и лидеры стали думать не о содержании политики, а о ее кадровом и лидерском аспектах.

Создалась ситуация, позволяющая Цаголову решить две взаимосвязанные задачи: сделать свою концепцию политэкономии социализма официально принятой и победить главного конкурента — Институт экономики.

Цаголов прекрасно знал законы партийно-государственный бюрократический машины. И он начал с выдвижения на важные посты в идеологических отделах, в отделах науки и вузов в московском горкоме партии, в Министерстве высшего образования, в ЦК КПСС работников, близких ему по взглядам или просто из своей школы.

Ориентируясь в аппаратных играх, Цаголов «выходил» и на вновь назначенных руководителей. Он понимал, что им нужно немедленно чем-то о себе заявить, доказать правильность своего назначения. Материалы с цаголовской критикой и цаголовскими предложениями оказывались очень кстати.

Помню, как все чаще и чаще в самых различных структурах я слышал добрые отзывы о Цаголове — как только там узнавали, что я с экономического факультета МГУ. Ну а когда в Совете по кибернетике АН СССР под председательством академика А. И. Берга от одного из его заместителей, хорошо известного в некоторых кругах контр-адмирала, я услышал,

что в таком-то вопросе прав Цаголов, а не экономисты из их же академии, то понял, что плацдарм у Николая Александровича подготовлен.

Все было оформлено как подготовка постановления ЦК КПСС о работе Института экономики.

В отделе науки ЦК КПСС создали новый сектор — сектор экономической науки. Его руководителем стал профессор П. А. Скипетров, близкий по взглядам Н. А. Цаголову.

Сектор должен был «обозначить» себя. А обозначить себя в партаппарате ЦК КПСС можно было наиболее испытанным способом: секретариат ЦК КПСС должен принять постановление по вопросу, который подготовил сектор. Это было признание сектора, и потом лет пять можно было «питаться» этим постановлением, организуя его реализацию.

Сектор хотел, чтобы Секретариат ЦК КПСС принял постановление, — это понятно. Но почему темой этого постановления сделали Институт экономики? Думаю, тут было два обстоятельства.

Первое — это неготовность Института экономики предложить что-то новое.

Помню, перед очередным съездом партии готовился доклад А. И. Косыгина по пятилетке. Оставалось один-два дня. Нас, тех, кто помогал, уже и домой не отпустили — спали мы на диванах в Кремле. И вот в самый разгар работы, когда руководивший «доводкой» председатель ЦСУ СССР Старовский шел по тексту со своей меркой — «вычеркнутая фраза ошибок не содержит», помощника А. И. Косыгина Карпова подозвали к телефону. Оказывается, работавшая на какой-то даче группа ученых Академии наук хотела задать несколько вопросов, чтобы завершить свою работу. Карпов еле сдержался, сказав «сейчас некогда», а потом разразился матом — весьма нетипичным для этого очень воспитанного и очень вежливого человека (у Косыгина работали такие кадры). Институт экономики со своими бумагами опоздал катастрофически. И так повторялось не раз.

Другое обстоятельство состояло в следующем. Болезнь Л. И. Брежнева обострила вопрос о его преемнике. Все готовились к схватке: сплачивались идейно, организационно, увязывались лично.

Разумеется, базой этих процессов не могли быть действительно важные аспекты. Борьба шла «под ковром». Нередко по совершенно третьестепенным вопросам. Я не раз удивлялся: вопрос яйца выеденного не стоит, а копья ломаются беспощадно. А потом понял: тут что-то не то. На деле идет какой-то другой процесс. Не решаясь прямо спрашивать, ты с кем, задавали другие, косвенные вопросы. Словом, как в популярной шутке тех лет: а вы против кого дружите?

Одной из «лакмусовых» бумажек стал еврейский вопрос. Брежнева и его группу считали украинской, точнее, днепропетровской с сильной еврейской составляющей. Поражение любимого союзника СССР — арабов — в войне с Израилем не могло не вызвать среди части лидеров антиеврейские настроения. К тому же кто-то в армии и военно-промышленном комплексе (где КБ и институты всегда грызлись, как собаки) попытался объяснить более худшие, чем у израильской армии, результаты не только тем, что арабы не умеют применять наше хорошее оружие, но и тем, что кто-то из евреев в нашем военно-промышленном комплексе и в армии (упоминали какую-то секретаршу генерала Павловского) передал Израилю технические данные нашего оружия.

Как бы то ни было, это было время очевидного всплеска антисемитизма. Захлестнул он и науку, и вузы. Так как схема везде была очень сходная, я склонен думать о наличии какого-то общего координационного центра.

Схема была такая. Сначала в организации — НИИ или вузе — возбуждали конфликт между ведущими, обычно конкурирующими друг с другом учеными-евреями. Затем партаппарат посылал комиссию. Она делала вывод, и в организацию направлялся новый начальник. Он сначала изгонял более слабую еврейскую группу (или тех, кого он называл группой), а спустя некоторое время вынуждал уйти уже и вроде бы победителей.

По этой нехитрой схеме действовали в Московском институте народного хозяйства имени Плеханова (где спорили А. М. Бирман и С. Е. Кампицер), во Всесоюзном заочном финансово-экономическом институте. По этой же схеме решили действовать и в Институте экономики.

В институте шла схватка действующего директора Л. М. Гатовского с противниками, которые, по их мнению, из-за него не могут пробиться ни в члены-корреспонденты, ни в действительные члены Академии. Л. М. Гатовский, как шутил один доктор, оказался великим организатором — в ненависти к себе он сплотил весь коллектив. Противники хотели заменить директора. Кандидатом был один из замов Гатовского. По документам он был русский, но его мама была еврейкой. Кстати, это была типичная форма сопротивлению антисемитизму: выдвигали на пост не еврея, по существу солидарного с евреями (по идеям, а то и по крови).

Вот ЦК и воспользовался атаками на Гатовского, чтобы послать в Институт экономики комиссию.

Цаголов очень умно сам в комиссию не вошел. Ее возглавил наш декан М. В. Солодков. И весь состав комиссии означал, что она будет «процаголовской».

Комиссия подготовила разгромную справку. Это было нетрудно. Институт экономики был типичным кооперативом «надомников». Известные ученые писали дома или в библиотеках книги. В Институт — где даже один стол приходился на двух человек — приходили в «явочные дни» пообщаться. Если у сотрудника раз в три года выходила книга — значит, у него все в порядке. Книги были в основном неплохие, порой даже отличные — но каких-либо проектов и рекомендаций при такой организации дела получить было трудно.

Я тоже входил в состав этой комиссии. У меня к Институту экономики были свои счеты. Он — как я считал — не давал должного отпора наступлению Центрального экономико-математического института. А ЦЭМИ сначала вообще чуть ли не солидаризировался с моделью полной «АСУнизации» страны академика В. М. Глушкова (модель предполагала замену всего аппарата управления экономикой сетью автоматизированных центров — АСУ). Потом ЦЭМИ перешел к другой модели — СОФЭ, — где все планирование и управление заменяла сложно взаимодействующая иерархия математических моделей. Я, как сторонник других взглядов на управление, считал СОФЭ и АСУ главными опасностями, чем-то вроде «электронного фашизма». И, естественно, негодовал на Институт экономики, который первым должен был бы со всем этим бороться.

В Институте экономики значительную часть ведущих ученых составляли евреи, и разбор института неизбежно принимал антисемитскую окраску.

В постановлении ЦК КПСС институт был резко раскритикован. Нового директора Е. И. Капустина назначили со стороны. Первым его заместителем и руководителем отдела политэкономии стал заместитель Цаголова по кафедре, — думаю, что лучший из его сотрудников и соавторов, профессор В. Н. Черковец.

В общем, Цаголов мог торжествовать. Реванш за его обиды состоялся. Появилась и стартовая площадка для победного наступления. Казалось бы, после такого разгрома будут естественные следствия — захват Минвуза, журналов, советов по защитам, принятие программы политэкономии для вузов «в духе Цаголова», — словом, все то, что происходило, скажем, после разгрома генетиков и победы лысенковцев в биологии.

Но ничего кардинального не произошло. Стратегическая победа Цаголова не была ни развернута в цепь тактических успехов, ни даже закреплена. Почему?

Думаю, главными были несколько факторов.

Первый — сам Цаголов. Он мог отпустить ту или иную антиеврейскую шутку. Но в целом он не был антисемитом. Да и не мог им быть — как настоящий интеллигент. Думаю, что ему не мог не претить «национальный аспект», которым кое-кто настойчиво пытался пронизать научную дискуссию. Далее, Цаголов относительно недавно женился, родилась дочь, и семья — очень, на мой взгляд, удачная — все же его отвлекала от той огромной организационной работы, которая была нужна для реализации успеха. Временами подводило здоровье.

Второй фактор — и нехватка кадров цаголовской школы, и, как я отмечал, их особенности. Выраставшие за спиной Цаголова, они, назначенные на самостоятельные посты, работали не на том уровне, которого требовали эти должности. К самостоятельному плаванию моряки с корабля Цаголова оказались не очень готовы, какой бы хорошей командой они ни были под крылом своего капитана.

Третье обстоятельство — научное. Рекомендации школы Цаголова касались во многом того, как преподавать политэкономию. Выводов о том, как руководить страной, было мало. Общие декларации и заявления. Когда дело дошло до ситуации — хорошо, слушаем вас, предлагайте, — начал сказываться абстрактно-теоретический подход. От вроде бы правильной «идеальной» схемы путей к реальной жизни не находили.

И все же главным я считаю четвертое обстоятельство.

На верхних этажах партии именно в эти годы отмобилизовалась и перешла к действиям по захвату власти группа, выступавшая против московско-уральско-ленинградской группы (центральнорусской). Опорой «центровиков» были военно-промышленный комплекс и армия. Но цепь непрерывных поражений наших союзников в арабо-израильских войнах уменьшали заслуги и авторитет этой группы. А когда начались провалы в афганской войне (я порой думаю, что ее и затеяли именно для дискредитации не столько армии и ВПК, сколько этой группировки) и нависла перспектива проигрыша «звездных войн» — судьба центральнорусской группировки в части ее претензий на руководство КПСС была предрешена.

Вот этот-то провал центральнорусских лидеров КПСС не мог не сказаться на отношении к Цаголову, которого причислили — частично обоснованно, частично необоснованно — к этому направлению.

Как бы то ни было — многолетняя осада Института экономики, штурм этой «крепости» и победа не стали для Н. А. Цаголова стартом для нового победного марша. Даже в самой узкой области — переиздания учебника Цаголова — не удалось добиться успеха.

6. Университетская карусель

Для судьбы концепции Цаголова оказались важными не только события на «внешних фронтах», но и изменения на экономическом факультете МГУ.

Развитие экономического факультета определялось спросом на преподавателей политэкономии. Этот спрос рано или поздно должен был стабилизироваться, в основном соответствуя числу мест преподавателей в стране и числу покинувших эти посты по возрасту.

С другой стороны, рос спрос на экономистов новых направлений. Их на факультете было два. Во-первых, специалисты по зарубежной экономике. Во-вторых, специалисты в области планирования, управления и экономико-математических методов.

Зарубежников готовил МГИМО. Качество обучения там было с точки зрения знания языка неплохим, а вот в области экономики уровень был несопоставим с тем, что давал экфак МГУ.

Влиял и состав студентов. Среди студентов МГИМО превалировали дети высокопоставленных сотрудников МИД и других органов. Все начальство видело будущее своих детей не в службе в армии (как было перед войной при Сталине) и вообще не в работе в СССР, а в зарубежных посольствах и представительствах, превращавшихся в кормушки для недорослей номенклатуры.

А на экфаке МГУ отбор шел более качественный, принимали лучших.

Так зарубежное отделение экфака МГУ все больше становилось мечтой «элиты».

В области планирования, управления и экономико-математических методов тоже были вузы, готовившие специалистов. Но опять-таки, теоретический уровень наших выпускников был существенно выше. Один руководитель Госплана СССР как-то сказал мне: «Первые три года у нас лучше работают выпускники экономических вузов — Плехановского, финансового и т. д. Но через три года карьеру быстрее делают ваши выпускники».

Уровень, выделявший наших выпускников, в значительной мере был связан с качеством преподавания экономической теории, за которую отвечала кафедра Цаголова. Влияли и высокий уровень преподавания математики в МГУ, а также быстро укрепляющиеся кафедры самого факультета.

Расширение приема на зарубежку и экономико-математические методы увеличивало число часов для кафедры политэкономии, вело к ее росту. Но, с другой стороны, на обоих отделениях объем курсов полит-

экономии неизбежно сокращался — надо было найти время для «своих» предметов. А через «свои» предметы студенты узнавали и о современных экономических теориях, и о концепциях менеджмента. Окна для веяний с Запада оказались приоткрыты.

Скажем, студент зарубежки Егор Гайдар, специализирующийся по Латинской Америке, мог, изучая Чили, при желании освоить и экономические концепции либерализма, принятые чилийской хунтой, которой руководил Пиночет. А студенты отделения матметодов, изучая эффективно зарекомендовавшие себя на Западе модели, усваивали и те теории, скажем, предельной полезности, которые были их основой.

Еще один фактор — развитие хоздоговорных работ. Их разрешали в силу необходимости дать дополнительный заработок преподавателям, жизненный уровень которых все время падал. Эти работы вели не только к росту числа сотрудников конкретных кафедр, но и, расширяя их знания реальной жизни, укрепляли их позиции в любых научных дискуссиях.

Так создавалась объективная основа для кризиса на факультете, считавшимся сугубо политэкономическим.

На эти объективные процессы наложились субъективные.

Сам Цаголов — по возрасту и по здоровью — все более и более переходил к дистанционно-явочному виду руководства. Неделю-две он отсутствовал, затем являлся на кафедру и учинял тотальный разнос. Все терпели, так как знали, что завтра его уже не будет и можно опять работать без напряжения. При этом число «явлений Христа народу» в течение учебного семестра неуклонно сокращалось. Учитывая уже упомянутый мной характер его заместителей, крупные вопросы без него не решались, а самого «Цаголова» становилось на кафедре и факультете все меньше. Его контроль над кафедрой и, тем более, над факультетом, ослабевал.

И тут стал влиятельным новый фактор — декан Солодков стал дистанцироваться от Цаголова. Он получил все — профессора, кафедру, защитил диссертацию. Солодков стал развивать свое научное направление — экономику непроизводственной сферы, создал лабораторию экономики образования. Появился круг молодых ученых, которые для Солодкова становились гораздо более близкими, чем Цаголов.

Еще сильнее стало следующее обстоятельство. Факультет, более половины студентов и преподавателей и сотрудников которого не были политэкономами, потребовал от Солодкова поиска кадров, в подборе которых ему Цаголов ничем не мог помочь.

К сожалению, среди окружения Солодкова стали появляться и люди сомнительной репутации. Они рвались на факультет, так как престиж

учебы на нем рос, конкурс при приеме становился все более высоким, чуть ли не самым высоким в МГУ. И стремление родителей обеспечить прием ребенка не могло — в рамках расширяющейся в стране коррупции и появления людей с большими деньгами — не вести к росту «цены приема» на факультет. В общем, было где погреть руки. Надо было только стать нужным или близким декану.

Думаю, что существенным был и внутренний «слом» самого Солодкова. Умный и грамотный руководитель, он не мог не видеть разворачивающегося кризиса советской системы. Отреагировал он вполне в духе Владимира Высоцкого: «мы тоже дети страшных лет России — безвременье вливало водку в нас». Начал работать и обычный спутник выпивок — женский фактор.

Цаголов не мог не видеть всего этого. Но думаю, не сразу осознал опасность и ее масштаб. Декан становился фигурой, компрометирующей имидж факультета, над созданием которого многие годы работал Цаголов вместе с тем же Солодковым. Другие члены Совета — а деканы в МГУ избирались (это были остатки университетской демократии дореволюционных времен, частично ожившие после XX съезда КПСС) — относились к сложившемуся положению еще жестче.

Формальным поводом для принятия решения стало переизбрание Солодкова на новый, третий срок. Новый ректор МГУ — академик Р. В. Хохлов — применил демократический принцип: ничего не обсуждая, он раздал всем членам Совета по два совершенно одинаковых листочка, на которых было написано «да» и «нет», и предложил вернуть ему один из них. Просмотрев, он сказал: «Все ясно. Верните мне и те бумажки, которые вы оставили у себя, — мне все понадобится на других факультетах, — и объявил: — Будем искать кандидатуру нового декана». Начались сложные переговоры с претендентами.

Меня в это время на факультете не было: я был в Вене, проходил двухмесячную стажировку на пост заместителя директора Международного института прикладного системного анализа (этот пост там закрепили за СССР). Искал дом для семьи, решал вопросы учебы сыновей и т. д. Поздно ночью раздался звонок. Это был Хохлов: «Тебе надо срочно вернуться в Москву. Нужен декан». Я попытался возразить, что столько сил — и Гвишиани, и Аганбегяна, и его самого было потрачено на организацию моего назначения. Но он ответил кратко: «Поверь, у меня нет выхода, возвращайся».

Хохлов был мой хороший знакомый и по комсомольской, и по партийной работе, и по увлечению горами (он был альпинистом, а я занимался горным туризмом). Когда он стал ректором, наши отноше-

ния укрепились. Хохлов был членом Центральной Ревизионной Комиссии КПСС, членом Президиума Верховного Совета, очень активно участвовал в обсуждениях проблем страны. Он начал привлекать меня сначала для консультаций, а затем все переросло в наши более чем откровенные дискуссии. Это совсем другая тема — Рэм Хохлов — но я уверен, что в его лице и партия, и страна потеряли возможного вождя. Он обладал всем, чего не было у А. Д. Сахарова и что мешало Сахарову занять место лидера страны. Хохлов был шансом для интеллигенции получить во главе страны интеллектуала высокого уровня. Но нашей стране в конце XX века катастрофически не везло: Хохлов погиб.

Рэму Викторовичу я отказать не мог. К тому же мне позвонили еще два близких человека — заведующие кафедрами А. И. Анчишкин и С. С. Шаталин. Они тоже считали: нужно немедленно приехать в Москву. 29 марта 1977 года я выехал из Вены. Перед выборами я долго беседовал и с Солодковым, и с Цаголовым. С Солодковым разговор был полуделовой, полуличный. Я заверил его, что, если меня изберут деканом, я ни при каких условиях не допущу «расследований» и «разборок».

Гораздо важнее была беседа Н. А. Цаголовым. Я открыто изложил Николаю Александровичу свою концепцию работы деканом. «Я глубоко ценю теоретический характер нашего факультета. Я буду добиваться переиздания Вашего учебника. Но я должен высказать свое откровенное мнение: в одиночку ни кафедра, ни учебник не победят. Возможность была несколько лет назад — не по Вашей вине ничего не получилось. Будущее политэкономии на нашем факультете — быть центром тройки. С одной стороны — зарубежники. С другой — отделение планирования и матметодов. И — я опять-таки откровенен — сначала я должен укрепить «пристяжных». Если такое видение будущего Вас устраивает — проблем нет. Если нет — дайте Ваше видение перспективы». Цаголов сказал, что ему надо подумать. На другое утро он позвонил и сказал, что идея «тройки» его устраивает. 31 марта тайным голосованием, чуть ли не единогласно, Совет избрал меня деканом.

Я разработал долгосрочную программу модернизации факультета. Кое-что удалось и сделать: мы получили возможность переехать в новое здание и расширить свою территорию. Создали кафедру экономики природопользования. С невероятными усилиями удалось приобрести — несмотря на все официальные запреты — в США (через две нейтральные страны) современный компьютер и создать вычислительный центр. За границу стали ежегодно выезжать на стажировки преподаватели и аспиранты в несопоставимых с прежним масштабах. Я постарался, чтобы ездили и молодые доктора с кафедры Цаголова.

Но в целом я проиграл. Летом 1977 года погиб на Памире Рэм Викторович. И я допустил первую стратегическую ошибку: решил, что можно попытаться сотрудничать с новым ректором. На деле можно работать — если, конечно, не отбывать время — только с единомышленником. В советской системе работать «без крыши» было еще более невозможно, чем в сегодняшней России. Крыши у меня не оказалось.

Вторая стратегическая ошибка состояла в попытке избраться в Академию наук СССР. Я хотел перед большими «боями» вокруг факультета все же чем-то компенсировать уход Хохлова. В тогдашней советской системе Академия была во многом независима и от власти, и даже от ЦК партии (достаточно сказать, что зав. отделом науки ЦК годами не мог «пробиться» даже в члены-корреспонденты Академии). Рассуждения мои абстрактно были верны, но конкретно сориентироваться я не смог, допускал ошибку за ошибкой. Понял, что проигрываю, но отойти вовремя не сумел.

Я не сумел разобщить и силы противников — прежде всего, тех, кто считал меня ревизионистом и даже антисоветчиком и видел во мне исключительную опасность для политэкономии, и тех, кто потерял контроль над приемом на факультет и выступал против меня по чисто шкурным соображениям.

К стратегическим добавилась масса тактических ошибок. Через три года мне пришлось принять решение — в перевыборах на новый срок не участвовать. Увешанный партвзысканиями, я ушел.

Мои планы создать факультет в варианте трех центров и на этой основе сохранять и развивать кафедру политэкономии не удались. Факультет вернулся к декану-политэконому.

Цаголов — надо прямо сказать — никакого участия ни в каких кампаниях против меня не принимал. Но, с другой стороны, он и не мешал части своих кадров организовывать наступление на меня.

Из реванша у политэкономов ничего не получилось. В стране начались новые времена — Андропов, Черненко, Горбачев. Политэкономы школы Цаголова оказались способны только на одно: выдвинуть группу молодых ученых, сторонников возрождения марксизма-ленинизма и очищения его от всех наслоений послесталинских времен. При поддержке помощника Черненко В. Печенева и под руководством главного редактора «Коммуниста» Р. Косолапова они попытались предложить партии и стране свою альтернативу. Но было уже поздно: дни Черненко, под сенью которого они надеялись сплотиться, промелькнули.

К началу перестройки школа политэкономии экономического факультета — за некоторыми персональными исключениями — оказалась

вне главных течений. И экономический факультет она снова «отдала» — как в 1977 году — но на этот раз не «конкретникам», а «зарубежникам». Политэкономы факультета оказались не в состоянии выдержать бури новой эпохи.

7. Приближая будущее

Н. А. Цаголов завершил свой жизненный путь в своеобразном сочетании «блеска и нищеты».

С одной стороны — заслуженный деятель науки, широко известный и глубоко уважаемый ученый и педагог. На груди — все высшие награды СССР: орден Ленина, орден Октябрьской революции, орден Трудового Красного знамени.

С другой — очевидное и наиболее ясное именно ему самому несомненное поражение разработанной им концепции политической экономии социализма. Эта концепция не сумела стать не только теоретической основой руководства государством, но и не завоевала даже права считаться официальной программой курса, преподаваемого в вузах и техникумах страны. Учебник Цаголова на многие годы безнадежно застрял в тупиках Министерства высшего образования.

По существу, дело всей жизни — после великих успехов и триумфов — вернулось к исходному: к расположенной в пяти-шести комнатах четвертого этажа корпуса гуманитарных факультетов МГУ одной из кафедр экономического факультета. То же случилось со старухой в сказке Пушкина о рыбаке и рыбке.

При этом поражение политэкономии Цаголова наступило не в годы перестройки и даже не в годы распада СССР, а значительно раньше. Как и поражение моей собственной науки — теории управления социалистическим производством, или экономико-математической концепции экономики социализма, беда к политэкономии Цаголова пришла от самого строя государственного социализма и была одним из признаков и составной частью **внутреннего разложения** базиса и надстройки советского строя, не соответствующих характеру производительных сил. Концепция Цаголова — опять-таки, говоря словами Пушкина, «приняла смерть от коня своего».

Она стала жертвой того самого разложения, которое обрекло на неудачу попытки организовать реформы при власти КПСС в период перестройки и предопределило гибель социализма в период революции 1989–1991 годов. Советская система к концу восьмидесятых пре-

вратилась в нечто, готовое рухнуть в результате самых незначительных потрясений.

На многих встречах и лекциях я не раз слышу заявления — иногда с похвалой, чаще в обвинительном духе: «Это вы развалили СССР и социализм».

На такие заявления — исходят ли они от восторгающихся или от негодующих — я всегда отвечаю одинаково: «Вы меня хвалите, вы меня поднимаете на небывало высокий пьедестал и приписываете мне чрезмерные силы и почти демонические возможности. Вспомните знаменитое заявление Сталина, когда ему сказали, что вожди оппозиции не признают обвинений. "Сколько миллионов тонн стали и чугуна производит наша страна? Сколько миллионов человек в Красной Армии? Разве может один человек перевесить все это?"»

Я никогда не скрывал, что приложил все свои силы и способности, чтобы устранить угрожающий самому будущему России, не оправдавший ни надежд, ни грандиозных усилий миллионов людей общественный строй, чтобы он был заменен той системой, которая доказала свое соответствие современному уровню цивилизации. Но я не считаю себя главным в реализации этой исторической идеи. Мне выпала судьба принять активное участие в похоронах, но смерть наступила от других причин. От каких?

Жизнь и судьба Николая Александровича Цаголова позволяет кратко обсудить причины гибели социализма.

Лишившиеся кресел и кормушек коммунистические начальники СССР охотно и с воодушевлением говорят, что они потерпели поражение в жесточайших схватках холодной войны с США.

Такая версия того, кто тебя выбил из седла, конечно, очень почетна. Я вовсе не бездарен и не сидел не в своем кресле. Напротив, я дрался славно, но противник оказался сильнее. Так что и ругать меня не за что. И в будущем я скорее всего буду власти нужен, я все же настоящий боец.

Вся эта версия «победы США» совершенно не вяжется ни с полной растерянностью Америки перед фактом распада СССР, ни с абсолютной неготовностью ее разведслужб что-то предсказать, ни с фактическим банкротством целого лагеря высококвалифицированных «советологов», которые оказались совершенно обескуражены. Странный победитель, на которого победа свалилась, как снег на голову.

На самом деле США, прилагая гигантские усилия, все же не победили, а просто вдруг оказались перед неожиданным для них падением противника. Кстати, и до сих пор они не могут найти правильного способа действий.

Другая версия гибели советского строя главную причину переносит уже «внутрь» страны. Конечно, это уже «теплее». Но в данном случае причина кроется в коварном замысле то ли масонов, то ли евреев, то ли кого-то еще. Так сказать, пригретая за пазухой змея укусила, и укус оказался смертельным.

В этой версии все красиво и логично, но никаких фактов за ней нет. Ни доказательств наличия заговора, ни признаков деятельности его членов. Тотальный контроль КПСС и КГБ над страной, чуть не над каждым вздохом любого гражданина полностью отвергает саму возможность создания и тем более функционирования такой группы заговорщиков.

Понимая это, иные «теоретики» переносят место действия мятежа в недра самого КГБ, даже приписывают лидерство начальству этого органа. Такое истолкование опять-таки льстит нашим охранителям: все же это мы, а никто другой, сами затопили свой корабль.

Я не буду перечислять прочие версии. Если стоять на почве марксизма, то есть только одна верная версия: строй, для утверждения которого создали мощную государственную машину, на строительство которого истратили грандиозные ресурсы, во имя которого разграбили природу и лишили наших потомков принадлежащих им богатств недр, и, самое главное, во имя которого уничтожили десятки миллионов жизней людей и почти всю элиту народов России, — оказался не соответствующим цивилизации XX века.

И с этой точки зрения, говоря о том, кто же внес главный вклад в поражение социализма, я отвечу: разумеется, те, кто больше всего на него работал, т. е. правящая бюрократия социализма. Это она, попробовав все, что можно, довела страну до полного краха.

Но неоценимую помощь правящей страной бюрократии оказали и те, кто напряженно искал рецепты лечения. Как безрезультатное (кроме первых успехов) применение их научных рекомендаций, так и неприменение этих рецептов сыграло исключительную роль в судьбе СССР.

Это касается всех естественных, технических и социальных наук, в том числе экономических, и в частности политэкономии. Именно повторяющиеся с неизменным постоянством первоначальные успехи от новых решений, временные достижения и конечные неудачи приводили всех, кто мыслил трезво и непредвзято, к мучительным выводам, что дело не в том, что поставляемый нами корм «не в коня», не в низком уровне руководителей, получающих от нас советы, а в чем-то гораздо более фундаментальном — в непригодности самой машины. Эта исходная непригодность предопределяет появление слабых лидеров, накла-

дывает неустранимые ограничения на наши предложения, приводит к краху всех попыток что-то реформировать.

Я уважаю личное мужество и вижу тяжелейшую судьбу многих, кто уехал или кого изгнали из СССР. Но я глубоко уверен, что они не были ни первым, ни вторым, ни даже третьим эшелоном наступающих на тоталитарный социализм колонн.

Первым было руководство СССР. Вторыми — те, кто, как Цаголов и я сам, непрерывно искали рецепты и непрерывно оказывались у разбитого корыта. Третьими были те, кто, наконец, сделали вывод, что рецептов вообще нет и надо отказаться от реального социализма и перейти, как пел Высоцкий, «красные флажки».

Н. А. Цаголов был среди тех писателей, ученых-естественников, деятелей культуры и техники, историков, экономистов, журналистов, — кто своей честностью, своей невероятной активностью, своей добросовестностью подготовил не подлежащий пересмотру приговор государственному социализму: вылечить этого смертельно больного невозможно.

И далеко неслучайно, что экономический факультет с его ведущей кафедрой политэкономии дал новой России и ее первого некоммунистического премьера — Егора Гайдара, и многих министров правительства, и бывшего лидера Госбанка России Дубинина, и нынешнего лидера Госбанка Игнатьева, и главу Внешэкономбанка Костина, ну и меня — первого свободно и альтернативно избранного москвичами мэра Москвы. Все мы связаны с Николаем Александровичем и тем, что следовали ему, и тем, что порвали с ним, когда это стало неизбежно.

В целом всей своей деятельностью Цаголов приближал то будущее, в котором мы теперь живем. Его научные усилия важны для развития социалистических идей.

Внести свой вклад в движение своего времени к будущему — что может быть достойнее для интеллигента?

Оставить для будущей социалистической идеологии непротиворечивую и логичную утопическую модель всей экономики — что может быть достойнее для социалиста?

Глава VI

СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПЕРЕМЕН

(авторский диалог)

Tempora mutantur, et nos mutamur in illis.
Времена меняются, и мы меняемся с ними

... неудивительно, что правые не попали в следующую Думу. Как можно объяснить, например, врачу, учителю, инженеру с доходом в 1,5 тысячи долларов в год, почему некий олигарх зарабатывает за тот же период времени 1,5 миллиарда долларов? Только потому, что олигарх ровно в 1 000 000 раз умнее, образованнее, трудолюбивее?.. Но любые другие объяснения, по мнению правых, — это призывы «все отнять и поделить».

Вадим Поэгли, «Московский комсомолец», 9.12.2003

1. Российская ситуация

Дзарасов С. С. — Начнем с вопроса: ***как оценить нынешнее состояние российского общества, прежде всего экономическое?***

Время — не только лекарь, но и прожектор. Прошло уже немало лет после горбачевской перестройки и ельцинских реформ. Полученные результаты избранного Россией вектора развития, мягко говоря, не вызывают оптимизма. Мы пережили развал экономики и угодили в такую трясину, из которой никак не можем выбраться. Объявленные властями темпы ежегодного роста в 5–7 процентов доверия не внушают, так как не видно его связи с другими показателями. Во-первых, с объемом инвестиций в реальный сектор экономики. Если нет увеличения вложений капитала, то откуда берутся цифры роста экономики? Во-вторых, с обновлением производственного аппарата. Средний возраст оборудования продолжает расти, оно стареет. В советское время этот показатель составлял 8–10 лет, что уже много, а теперь — вдвое больше. Если бы рост был реальным, а не фиктивным, то увеличивался бы и выпуск новой и новейшей техники, старое оборудование заменялось бы современ-

ным. В-третьих, негативная тенденция постсоветской экономики — увеличивающийся разрыв между нами и развитыми странами по производству ВВП на душу населения — полностью сохраняется.

Справедливости ради заметим, что рыночная экономика обеспечила некоторый прогресс в организации современной торговли и рост сферы услуг (банковских, маркетинговых, консалтинговых, в сфере рекреации и т. д.). Однако и здесь следует сказать, что, во-первых, все это приспособлено, прежде всего, к обслуживанию богатого меньшинства населения. Во-вторых, сфера услуг стала источником огромного роста транс-акционных издержек, взвинтивших и без того большие затраты обрабатывающей промышленности, что способствовало ее банкротству.

Несмотря на развал в экономике, мы все-таки пользуемся плодами относительной политической свободы. Демократия эта урезанная, часто формальная и даже криминальная. И все же мы можем говорить, что хотим, писать, что хотим, в отличие от Н. А. Цаголова, вынужденного в свое время идти на компромиссы, прибегать к эвфемизмам и эзоповскому языку.

Правда, сегодня нас не слушают, но все равно мы можем чувствовать себя свободными. У меня сложилось ощущение, что теперь я пользуюсь в России большей свободой, чем мои коллеги за рубежом. Впрочем, это не связано с ограничениями, накладываемыми политическим режимом. Просто, на мой взгляд, западные коллеги так же связаны со своими догмами, как и мы когда-то. По этой причине им порой неудобно сказать то, что они думают. Этим я объясняю господство неоклассической ортодоксии, которая не производит впечатления доктрины, имеющей решающее научное превосходство над альтернативной экономикой. Все дело в том, что открытое исповедование неортодоксальных взглядов затрудняет академическую карьеру на Западе. В современной же России ученые Академии наук получают так мало, что могут свободно говорить, не опасаясь лишиться своей мизерной зарплаты, — потеря будет невелика.

Думаю, что и оценка советского периода должна даваться с учетом современного положения в стране. Факты говорят о том, что попытка построить общество на основе антисоветских ценностей не удалась, несмотря на некоторые преимущества нынешней ситуации. В советский период мы приблизились к такому уровню производства продукции на душу населения, когда разрыв между нами и Соединенными Штатами составлял 2 раза, а сейчас он вырос до 5–6 раз. Другой важнейший показатель: образование и здравоохранение. Здоровье населения ухудшилось, смертность повысилась. Если в СССР она составляла 8–9 человек

на тыс. населения, то сегодня — 14–15. Это значит, что ежегодно преждевременная смертность в целом постигает 700–800 тыс. человек. Таких фактов можно привести много. Но решающее слово в этом споре, разумеется, принадлежит будущему.

В книге Гавриила Харитоновича сказано, что нашей мечтой всегда было и остается достижение западного уровня материальной и культурной жизни.* Русская революция была попыткой прорыва в этом направлении. Считалось, что она начинает мировую революцию, в результате которой социалистический Запад возьмет нас на буксир, и отсталая страна достигнет западного уровня развития, перескочив капиталистическую фазу. Эти надежды не оправдались. Строить социализм и соревноваться с капитализмом пришлось в одиночку. Хотя попытки преодолеть разрыв были, и Сталин именно с этой целью выдвигал «Основную экономическую задачу» в 39-м году, а Хрущев ставил ту же цель в 61-м. Большевики смогли повести за собой потому, что дали людям эту надежду. Народ разочаровался в коммунистах, не в последнюю очередь, именно потому, что к 80-м годам стало ясно, что мечте о западном уровне жизни не суждено сбыться.

Будущее новой социальной системы, в конечном счете, зависит от того, обеспечит ли она продвижение к этому уровню. А от самой этой идеи и надежды мы уже никогда не откажемся. Словом, можно сказать, от того, как сложится судьба страны при новом строе, во многом будет зависеть оценка и всего советского периода. Если наша ситуация будет оставаться такой же безрадостной — не дай Бог хуже, — как сейчас, то могу предсказать не только реабилитацию, но даже идеализацию советского режима в будущем.

Меньшиков С. М. — Не вполне согласен с мнением, что у нас в экономике развал, а в политике порядок. По-моему, и в политике не все ладно.

В постсоветской экономике различаются два этапа. Был действительно период развала, завершившийся финансовым кризисом 1998 года. Однако с тех пор налицо рост экономики, может, и неудовлетворительный. Есть два заметных структурных перекоса. Один — в сторону топливно-сырьевой зависимости, что правительство уже признало. Это даже больше, чем структурный перекос, — это ловушка, в которой находится экономика и из которой она не может выбраться сама по себе, без специальных мер со стороны государства. Второй пере-

* Речь идет о книге: Г.Х. Попов. «Будет ли у России второе тысячелетие». — М.: Экономика, 1998 г.

кос — чрезмерная доля того, что мы раньше называли прибавочной стоимостью, т. е. валовой прибыли в национальном продукте, и, соответственно, крайне малая доля оплаты труда в ВВП. У нас она намного меньше, чем в Соединенных Штатах, и это определяет узость внутреннего рынка.

Помимо этого, надо прямо сказать, что *у нас строится капитализм.* Причем не тот капитализм, который существует на Западе, и не тот, который мы бы хотели иметь. Я бы его определил, как капитализм олигархический, т. е., высококонцентрированный и монополистический, с ярко выраженным доминированием финансово-промышленных групп. И это произошло не случайно, ведь российский капитализм вырастал из советской экономики, т. е. из высококонцентрированного государственно-монополистического социализма. Как бы его не переводили в рынок, из него не может не получиться монополизированной экономики.

Поэтому я бы охарактеризовал нынешнюю экономику России как определенную капиталистическую структуру, в которой есть свои перекосы, ловушки, конфликты и противоречия, а из этой экономики вырастает то, что у нас есть в политике.

Недавно состоялась дискуссия с американскими учеными, в частности, о неравенстве и демократическом развитии. Спорили: когда у нас было больше демократии — в горбачевское время, ельцинские годы или сейчас. Пришли к выводу, что самым демократическим было время избрания парламента, впоследствии разогнанного Ельциным. Тогда действительно казалось, что создается демократическое общество. Правда, правительство тоже назначалось не на основе парламентского большинства. А что потом произошло и происходит чем дальше, тем больше? Парламент постепенно становится фикцией. Я имею в виду, прежде всего, Госдуму, но и Совет Федерации все больше превращается в рупор Кремля и олигархических кланов.

И такая политическая надстройка тормозит развитие. Как пойдет дело после выборов — неизвестно. Но хотелось бы, чтобы нынешний президент уже в свой второй срок повернул эту политическую надстройку от слепого следования идеологическим принципам неолиберализма в сторону более разумного реформирования. Чтобы он поставил все на более прагматическую основу, к которой временами стремится. Сегодня же невооруженным глазом видно, что научная основа экономической политики отсутствует.

Попов Г. Х. — По-моему, состояние в обществе и в экономике примерно одинаковое. Думаю, что здесь вообще не может быть больших разрывов. А. Д. Сахаров как-то справедливо заметил, что нельзя быть

одновременно прогрессивным в экономике и консервативным в политике. Ситуацию в обществе и политике я бы определил одним термином: *«неконструктивная стабилизация»*.

Сначала — почему *«стабилизация»*? Потому что борьба между разными группами российской бюрократии прекратилась. Достигнут определенный компромисс между оппозицией и правящими кругами. Бюрократическая стабилизация достигнута, налицо единый правящий слой. Они вовсе друг друга не подсиживают, тем более, не стреляют друг в друга.

Такая стабилизация *неконструктивна* по двум причинам: во-первых, в этом правящем слое не сформировался механизм выдвижения прогрессивных групп. Скорее наблюдается обратная картина. Во-вторых, демократия непрерывно изгоняется из общества, она урезается, становится все более управляемой.

Поскольку о прежней советской системе на последних ее этапах нельзя говорить как о диктаторской — это тоже был вариант управляемой демократии, — то с этой точки зрения мы быстро приближаемся к основным советским параметрам, хорошо нам знакомым.

Теперь об экономике, где признаки стабилизации также имеют место.

Впервые за сто лет Россия в последнее время стала устойчиво экспортировать хлеб, несмотря на урожайные или неурожайные годы. Совершенно неразрешимая проблема советских десятилетий разрешена. Это не тот случай, когда говорят: «Лучше не доедим, но вывезем». Мы едим хлеб и вывозим его. Есть и другие признаки стабилизации, в том числе и упомянутый экономический рост, так что стабилизация налицо.

В чем же *неконструктивность* этой экономической стабилизации?

Нет больших инвестиций. За счет чего же тогда можно расти? Стоял станок, а тут стал работать. Или работал смену, а теперь — две смены. Таким путем можно достичь и десятипроцентного роста, но это — неконструктивное развитие.

Далее, сохраняется перекошенная структура экономики. Раньше у нас был перекос в сторону военно-промышленного комплекса, сейчас — в сторону сырьевых, экспортных отраслей.

Главный же признак неконструктивности достигнутой стабилизации: отсутствие научно-технического прогресса и развития отраслей, делающих страну современной. Даже в военных областях, которые всегда были у нас сферами научно-технического прогресса, даже там, судя по тонущим подводным лодкам, падающим самолетам (которые со-

всем недавно объявлялись высшим достижением нашей науки и техники), вертолетам, которые своим хвостом сами себя срезают, — незавидная картина.

Итак, мы имеем дело со стабилизацией и в политике, и в экономике, но эта стабилизация неконструктивного характера и она недостаточна для нормальных перспектив развития страны.

Меньшиков С. М. — Получается, что взгляда вперед нет. Куда идти? Вот тут согласия не существует, и даже не предпринимаются попытки выдвинуть конструктивную программу.

Попов Г. Х. — Если бы на эту тему были дискуссии, то можно было бы говорить: споры есть, нет согласия. Но и полемики нет. Они вполне удовлетворены тем, что есть.

Меньшиков С. М. — Какое-то подобие спора бывает, но он каждый раз как-то гасится, а серьезного разговора не получается. Если Глазьев, скажем, выдвигает какую-то идею, его сразу начинают забивать. Нет никакого интереса к тому, чтобы разобраться по существу экономических вопросов, все идет как бы само по себе.

Дзарасов С. С. — Согласен, что есть определенный элемент стабилизации и найден какой-то компромисс в правящем слое страны. «Они» между собой договорились. Но мы ведь обсуждаем не только положение бюрократии и олигархов. Их-то сложившийся порядок вещей устраивает.

А большинство в обществе — нет. Но ведь Сталин, когда уничтожил всех оппонентов и установил вместе со своей кликой господство в стране, тоже был удовлетворен достигнутым. Да, это была стабилизация, но опасная, означавшая отказ от первоначальных идей социалистической революции. Не является ли нынешняя российская стабилизация отречением от первоначальных целей перестройки и реформ?

В 20–30-е годы прошлого века сталинисты утверждали, что в СССР будет построен социализм, и его решающие преимущества, недостижимые при капитализме, обеспечат победу нового строя во всем мире. Оппозиционеры, наоборот, доказывали, что социализм невозможен в одной стране, и поэтому советский строй в сталинском варианте обречен на перерождение в капитализм. Кто оказался прав — сегодня очевидно, хотя в то время власть бюрократии казалась вечной и незыблемой. Что будет с нашим обществом? Это решится в зависимости от того, чего мы достигнем. Если завтра станем Германией, то забудем свое прошлое, как немцы. Но если откатимся назад и станем страной третьего мира, к чему пока идет дело, то будем говорить: «Советская система была эффективнее, обеспечив многие важнейшие достижения». Поэтому неконструк-

тивная стабилизация, на мой взгляд, содержит в себе заряд будущей нестабильности огромной силы.

2. Невостребованная наука

Меньшиков С. М. — Переходим к следующему вопросу — о роли экономической науки.

Нельзя сказать, что у нас вовсе нет опоры на науку. Либеральные подходы основываются на том известном положении, что чем меньше ресурсов поглощает государство, тем больше их остается для частного сектора, а тем самым и для более эффективного развития экономики. Такой вывод на Западе имеет определенное обоснование. Но он дискуссионен. Есть и противоположное утверждение (и это началось с Кейнса): в определенных условиях государство может дать толчок к использованию незанятых ресурсов. Автоматизма тут нет. Требуются специальные меры со стороны государства, его активная роль в экономике. Речь идет не о том, чтобы все национализировать, а о том, чтобы верно направить свободные ресурсы с помощью определенных мер экономической политики. И хотя такая точка зрения имеет права гражданства в науке, либералы от нее всячески отмахиваются. Задача состоит в том, чтобы заставить власти прислушаться к тому, что она существует. Но у нас есть небезызвестный экономический советник при президенте, повторяющий одну экономическую нелепость за другой. Даже те, кто, будучи во власти, с ним не согласен, открыто не полемизируют. Нет серьезной дискуссии о том, почему в наших условиях роль государства должна быть активной.

Попов Г. Х. — Выделю три аспекта. Во-первых, я все-таки считаю, что наличие экономических советников еще не означает, что экономической наукой кто-то интересуется и, более того, — подозревает о ее существовании. Скорее наоборот. Большинство нынешних наших руководителей не изучали эту науку и в принципе ею не владеют. Второе: в современной экономической науке наблюдается кризис. Ни либеральный, ни кейнсианский подход не охватывает тех глобальных проблем, с которыми столкнулся мир в XXI веке, ведь эксплуатация внутри государств меркнет по сравнению с эксплуатацией между странами, между верхушкой пирамиды и третьим миром. Причем, как мне представляется, третий мир эксплуатирует «золотой миллиард», а вовсе не наоборот.

Это та же история, которая наблюдалась внутри Советского Союза, когда считалось, что Россия кого-то эксплуатирует. Дальнейшее разви-

тие событий показало, что все было наоборот: как только Россия освободилась, у нее появилась масса ресурсов. Что-то подобное сейчас происходит в глобальном масштабе. Ленин цитировал Дизраэли, утверждавшего, что «колонии — жернова на шее Англии». Вот сейчас третий мир — это жернова на шее прогресса. Те миллиарды, которые они получили от нефти и от всего прочего, они способны только проедать. Ни одного конструктивного вложения не было произведено ни в науку, ни в технику — ни в собственную, ни в европейскую. Никакого прогрессивного использования средств нет.

Далее, я считаю, что наш мир не ответил на самый главный вопрос: а зачем, собственно, нам нужно крестить Робинзона? Я понимаю, что христианское учение исходило из идеи, что если Пятница окрещен, то он становится человеком. На самом деле, жизнь показала, что так просто людоед и дикарь Пятница в человека не превратится. И с этой точки зрения мне представляется, что все современные проблемы мира наукой не охватываются. Наука не дает ответ на главный вопрос. Его можно сформулировать так. Теоретически мы исходим из принципа динамического развития нации, этносов. Гумилев его достаточно хорошо обосновал, создал теорию генезиса. А практически мы исходим из совсем другой идеи: мы хотим консервировать нынешнюю структуру наций в мире, и каждый народ, который есть сейчас, должен быть сохранен — как вымирающий вид какого-то там журавля. Это очень спорное положение. Развитие может идти только за счет выдвижения прогрессивного и отмирания чего-то уже отжившего. Когда-то, я помню, один блестящий филолог сказал — когда его спросили, куда делись половцы и печенеги, — что они никуда не делись, они ходят по улице Горького. Мы их ассимилировали, как более прогрессивная нация, т. е. впитали все, что можно было впитать.

И самое опасное состоит в том, что наиболее быстро растут народы, которые никакого участия ни в техническом прогрессе, ни в экономическом развитии не принимают. Растет потребляющая часть человечества, если так можно выразиться. Современная экономическая наука не отражает подобных реальностей мира.

И, наконец, третье. Я думаю, что кризис коснулся и собственно той дисциплины, с которой мы все имели дело, — марксистской науки. Она исходила из трудовой теории стоимости, а ее основой являлась, как известно, гегелевская концепция отчуждения. Мы сейчас переходим в информационное общество, где основная деятельность — информационная. Отчуждать нечего, потому что после того, как я что-то прочитал и рассказал всем, — это остается со мной. Следовательно, трудовая тео-

рия стоимости, трансформированная в марксистскую теорию прибавочной стоимости, не имеет отношения к тому виду труда, которым сейчас занято большинство людей в развитом обществе. Они не производят отчуждаемых продуктов, они заняты наукой, искусством, литературой. Неизбежен вывод, что трудовая теория стоимости относится только к одному из секторов современной жизни. И этот сектор все больше сужается. Поэтому я бы так охарактеризовал роль экономической науки: она незначительна. И это хорошо, потому что та экономическая наука, с которой мы сейчас имеем дело, ответа на главные практические вопросы не дает.

Дзарасов С. С. — Идеи, которые высказал Гавриил Харитонович, слишком новы и радикальны, и я не готов сейчас ни спорить, ни согласиться с ним. Я услышал это в первый раз на днях в фонде Плеханова, и для меня как-то шокирующе звучит то, что, оказывается, наоборот, третий мир эксплуатирует «золотой миллиард». Пока я не могу с этим согласиться.

Попов Г. Х. — Американцы скоро убедятся в том же.

Дзарасов С. С. — В советское время, в какую бы республику мы ни приезжали, все жаловались на то, что их эксплуатирует Россия. Но их опыт независимости этого не подтверждает. Сегодня ностальгия по Советскому Союзу господствует на всем пространстве СНГ. Стоит согласиться и с тем, что современная экономическая наука в ее марксистском и немарксистском варианте оказалась неподготовленной к тому, чтобы ответить на вопросы, которые поставила жизнь в начале третьего тысячелетия. Уже тривиальностью стало указание в этой связи на сохранение среды обитания человека и на проблемы развития. Осталось монопольное господство «золотого миллиарда», и так называемый новый экономический порядок, к установлению которого стремилась Организация Объединенных Наций, не был достигнут. И хотя я пока не готов признать, что эксплуатация обратная, но, несомненно, согласен с той частью ответа, что страны третьего мира не освоили западную рыночную культуру и им нужно что-то другое.

Капитализм развивается не только в результате изменения социальных институтов, но является и историко-культурным феноменом. Поэтому Макс Вебер и говорил, что в основе рационального предпринимательства лежит протестантская этика. Впрочем, множатся голоса в пользу более широкого списка социокультурных факторов этого общественного строя. Фернан Бродель, например, пишет о роли католичества в формировании средневековых городов, ставших колыбелью европейского капитализма. С другой стороны, опыт ряда азиатских стран

и, прежде всего, Китая, говорит о том, что и конфуцианство может стать важным источником предпринимательского поведения. Стоит отметить и то, что советский опыт индустриального развития был важным источником формирования азиатской модели. А ведь наш опыт черпал свои духовные предпосылки из совершенно иных, по сравнению с Европой, основ. Значит, картина более сложная, чем представлялось во времена Вебера. Индустриальная система требует и рынка, и плана, что следует из цаголовской постановки проблемы. По-видимому, одни культуры имеют большие предпосылки к одному, а другие — к другому. Успех приходит к тем, кто умеет их разумно сочетать. В основе цаголовских подходов к реформам лежал поиск именно этого баланса.

Но здесь есть одна тонкость — принадлежность к периферийному капитализму не позволяет реализовать такое равновесие. Периферийное положение страны через ценовой диспаритет, бегство капитала, утечку мозгов и т. д. искажает экономическую структуру государства, приспосабливая ее к потребностям транснационального капитала, и деформирует экономическое поведение людей. Это связано с тем, что в экономике периферийного типа не формируется рыночное равновесие, а значит, и не возникает предпосылок для рыночного поведения. Такая структура препятствует адаптации традиционных ценностей к рыночным. Массовая нищета способствует формированию антирыночного, традиционалистского менталитета масс.

Вот эту проблему экономическая наука ставит плохо, убедительного ответа не дает, и в этом смысле, действительно, кризис экономической мысли налицо. Без решения этих вопросов, на мой взгляд, все равно обойтись невозможно. Неоклассическая теория все сводит к тому, что чем меньше ресурсов у государства, тем больше у частного сектора. На Западе это, может быть, и так, но у нас другая культура и другие люди. С этой нашей традицией и менталитетом, по крайней мере, необходимо считаться.

Попов Г. Х. — И применительно к третьему миру это в целом не так.

Дзарасов С. С. — Конечно, потому что наличие ресурсов, как, например, в арабских странах, не означает, что их эффективно используют, т. е. к выгоде всего населения, его настоящего и будущего.

Меньшиков С. М. — Согласен, что в глобальном плане экономическая наука действительно не отвечает на эти масштабные вопросы. Но применительно к нашей конкретной обстановке все-таки в экономической науке есть определенные и весьма содержательные разработки.

При переходе к капитализму Россия пережила сначала глубокий кризис и длительный застой. Все выводы из этого экономическая наука еще не сделала. Сейчас существует не вполне стабильный рост. Его

причины недостаточно изучены, и неизвестно, будет он продолжаться или нет. И параллельно с этим у нас перекошенная экономика. У нас нищета, которая не сокращается. Решение этих проблем должна подсказать экономическая наука. Но беда в том, что правящие круги пытаются решить эти вопросы, не опираясь на то, что уже сделано и что предлагается. Либо же они хотят основываться на самой простейшей теории, что чем меньше государство вмешивается, тем лучше. Это означает, что ничего не надо делать, ни у кого не надо ничего спрашивать, ни к каким ученым не надо обращаться. Поэтому есть определенная опасность в утверждении Гавриила Харитоновича о несостоятельности экономической науки.

Но есть конкретные проблемы — как, например, реально сократить масштабы бедности в стране, где есть крайне высокая степень эксплуатации и нежелание повышать реальную заработную плату большинства народа. Как этого достичь при условии, что существует застойная нищета, охватывающая десятки миллионов людей? Ответы существуют. Есть опыт других стран, иллюстрирующий, как это делается, как перераспределить ресурсы из отраслей с избыточными капиталами в те отрасли, которые нуждаются в развитии, с тем, чтобы страна шла по линии завершения строительства индустриального общества, нормального с точки зрения Запада.

Почему огромная страна обходится без собственной автомобильной промышленности и живет на импорте подержанных автомобилей? У нас есть авиационная промышленность, которая неконкурентоспособна. Что нужно сделать, чтобы у нас и шоссейные дороги были построены, как в любой стране Запада, как создать всю ту инфраструктуру, которая есть в каждом нормальном развитом государстве? Как переходить к постиндустриальному развитию от обычного индустриального общества, обязательно достроив то, чего у нас не хватает? С этим связан вопрос о среднем классе. Тут экономическая наука может дать ответы, и нельзя сказать, что у нее нет конструктивных предложений.

Итак, все-таки есть какие-то элементарные основы экономической науки. Пусть это западная наука, пусть она недостаточна, в чем-то недоработана, но она позволяет хотя бы в этих пределах быть грамотными и отвечать на насущные экономические проблемы.

Не хочу с Вами, Гавриил Харитонович, полемизировать насчет трудовой теории стоимости. Замечу лишь, что я никогда, в том числе и в советское время, не считал, что так уж нужно противопоставлять трудовую теорию стоимости теории предельной полезности. Ведь предельная полезность объясняет спрос и отчасти предложение. У Маркса в ос-

новном предложенческая теория, у него нет теоретического объяснения спроса. Одно дополняет другое.

Попов Г. Х. — Вы правы в отношении того, что в России отчасти можно использовать нашу и вообще экономическую науку в целом. Теперь мы развиваемся в рамках западной системы, и, соответственно, наука, усовершенствованная для этой системы, может применяться и к нашим ситуациям. Если кого-то не устраивает нынешняя наука, то это не значит, что вообще надо держаться от нее подальше, скорее — нужна другая наука.

И последнее замечание — относительно нищеты. Нищета, на мой взгляд, тесно связана с производительностью труда. Если люди работают плохо, то они и живут в нищете. Они мало получают, так как не могут или не хотят работать.

Я вижу — сибирский город, который замерзает от холода. В полукилометре идет тайга. Казалось бы, летом сходи и заготовь дрова. Нет, будут замерзать, пока кто-то не привезет. Будут сидеть вместе с детьми, укрытые пятью одеялами, но за дровами не выйдут, потому что они вообще не связывают свою работу со своей жизнью. Нет понятия, что своими руками надо эту жизнь каким-то образом организовать.

И так на каждом шагу. Какую бы мелочь ни начнешь искать, на каждом шагу обнаруживаешь, что этого нет в Москве. Нет мелких услуг — никто этим не хочет заниматься, а получать желает больше. Весь наш народ вырос по схеме: если вышел на работу, то подавай все. Пусть сыплется со всех сторон изобилие. И предприниматель у нас такой же. Или подавай мне миллионы, или я не буду ничего делать.

Меньшиков С. М. — Вот это очень важная сторона.

Попов Г. Х. — Это все одни и те же принципы.

Меньшиков С. М. — Зачастую есть спрос, а предложение не рождается. Рынок не работает. Почему? Предпринимателю заведомо нужна высокая норма прибыли.

Попов Г. Х. — Наша рабочая сила привыкла работать в структурах, где все было предопределено. Пришел на завод — дали задание. Нужно это или не нужно, такого вопроса не существует вообще. А когда стало понятно, что необходимо самим принимать решения, люди оказались не готовы. У меня создалось впечатление, что значительную часть нашей нищеты следует преодолевать не на том пути, когда надо что-то давать. Это будет опять та же самая история, что и с третьим миром. Нужно предоставить место работы и убрать препятствия для эффективной работы.

Дзарасов С. С. — Согласен с тезисом о пассивности наших граждан и низком уровне предпринимательской инициативы. Но причины

этого, как мне кажется, неоднозначны. Вряд ли тут дело в биологической неполноценности наших людей. Есть историческое наследие, не способствовавшее выработке индивидуальной инициативы. Но существуют и проблемы, вытекающие из сложившейся экономической системы.

Мне кажется, что мы сталкиваемся с парадоксом: с одной стороны, тотальное огосударствление не предполагало предпринимательства, с другой — отсутствие государственного регулирования тоже ему препятствует. «Невидимая рука» рынка, по выражению одного экономиста, может превращаться в «невидимый сапог», давящий на предпринимателя. Именно так происходит при нарушении пропорциональности экономического роста.

В самом деле, только в условиях экономического равновесия, когда есть спрос на продукцию, можно эффективно реализовать свою инициативу. Если же все пропорции грубо искажены, а совокупный спрос низок, то нет того, что Кейнс называл основной предпосылкой предпринимательской инициативы. К сожалению, мы находимся именно в таком положении. К чисто экономическим проблемам добавляются криминальный рэкет и поборы чиновников. Все это и формирует пассивность. И тут решающее слово — за государством. Что именно можно предпринять, должна подсказать наука.

К Цаголову мы возвращаемся в связи с тем, что его концепция показывает, как это должно быть сделано.

Для меня несомненно, что она была определенным отражением нашей российской специфики, но не зеркальным, а активным, преобразующим. Я не считаю случайным и то, что революция произошла здесь, а не на Западе, и факт превращения социалистической идеи в тоталитарный строй был предопределен российской спецификой. Если бы социалистическая революция победила хотя бы в Германии, не говоря уже об Англии, то сталинизма бы не было. Вы скажете: там возник гитлеризм. Но гитлеризм был вскормлен крупным капиталом, а коммунизм не мог иметь такой опоры, и его развитие происходило бы иначе.

Попов Г. Х. — Совершенно иначе.

3. Императив обновленной планово-рыночной модели

Дзарасов С. С. — Скажу прямо, что нахожу большой смысл в той формуле Цаголова, которая звучала как «сочетание планомерного с товар-

но-денежными отношениями». Это был эвфемизм, обозначавший сочетание плана и рынка, при ведущей роли первого, разумеется. Тенденция к планомерности в капиталистических странах выражается, прежде всего, институтом государственного регулирования. В 1982 году я приехал в Японию и с удивлением обнаружил, что японская экономика более плановая, чем советская. Только там понимали план не так, как у нас. Но порядок существует такой, что вроде тебя никто и не принуждает, но ты выполняешь план по договору, который есть сумма заключенных контрактов. Я часто спрашивал: «А вы можете сделать больше?» «Да, — отвечали мне, — мы можем, но нам не следует этого делать, потому что нет контрактов на покупку этой продукции».

Советский опыт планирования распространился по всему миру, и плановость в той или иной степени и форме под названием государственного регулирования стала привычным атрибутом развитых стран. Между тем мы планирование при капитализме отрицали. Это было догматическим элементом и цаголовской школы, считавшей, что истинное планирование существует лишь в его директивной форме. Здесь у нас была неясность. Цаголов неоднократно говорил, что предприятие не может руководствоваться только планом, оно должно ориентироваться и на прибыль. В то же время, утверждала школа Цаголова, планирование со стороны государства должно быть директивным в отношении создания новых предприятий, иначе не будет достигаться полной занятости населения.

Тем не менее государственное регулирование утвердилось под влиянием советского опыта. Когда Кейнс приехал в 1934 году в Америку изучать американский опыт, то в числе многих других он разговаривал с Тагвеллом (Tugwell) — главным экономическим советником американского президента, который ему рассказывал о советском планировании. Советский опыт производил тогда колоссальное впечатление на весь мир. Кейнс и сам живо интересовался им и присылал советским властям свои предложения по улучшению планирования. Правда, его никто не слушал, но сам факт говорит о многом. Дальновидные мыслители понимали, что советский эксперимент представляет собой нечто значительное и его надо изучать и понимать.

Все это стало еще яснее во второй половине XX века. Позиция Цаголова может показаться противоречивой, поскольку он стоял, с одной стороны, за директивную экономику, а с другой — за использование рыночных отношений. Но он и говорил, что это противоречивое единство разрешается путем оптимального сочетания плановых и рыночных начал, централизма и самостоятельности.

Однако применительно к нашей сегодняшней ситуации я хочу сказать следующее. Полной иллюзией и историческим анахронизмом было и остается утверждение российских реформаторов о том, будто в современных условиях «невидимая рука» рынка может регулировать экономику и поднять ее к новым высотам. Такого нет в западных странах, и нам тоже ожидать не следует. Государственное регулирование экономики является неизбежным компонентом современной системы ведения хозяйства, и никакая страна от него отказаться не может.

Мы, с нашим менталитетом и традицией богатого опыта планирования, благодаря которому отсталая Россия превратилась во вторую сверхдержаву мира, тем более не можем его отвергать. Мы очутились в глубокой яме кризиса после того, как отказались от того, что умели, и полностью перешли к тому, чего не умеем по своей ментальности и культуре.

Давно наступило время спросить: где обещанный рост экономики и народного благосостояния? Их не только нет, но, возьму на себя смелость утверждать, что нужного нам качества роста, сопровождающегося модернизацией экономики и повышением ее технического уровня, в рамках существующей у нас модели рынка нет и не будет. Если бы это было не так, то оправдались бы те обещания, которые так щедро раздавались в начале реформ, и мы не находились бы в нынешнем тяжелом положении.

Чтобы меня правильно поняли, хочу еще раз подчеркнуть, что за широкое использование рыночных механизмов вслед за Цаголовым я выступал еще в советский период, когда это не было модно. На научной конференции кафедры, проведенной в мае 1965 г., т. е. до провозглашения сентябрьской хозяйственной реформы, я выступал с докладом на тему: «Роль прибыли в совершенствовании управления экономикой», где доказывал необходимость использования прибыли не только в качестве показателя деятельности предприятия, но источника инвестиций и расширения производства. Сейчас тем более не намерен от этого отказываться, но односторонняя ориентация на рынок в современных условиях, как я уже отмечал, мягко говоря, является анахронизмом. В рамках одних лишь рыночных правил мы и дальше будем откатываться в группу стран третьего мира, обретать свойства страны периферийного капитализма и становиться объектом неоколониальной эксплуатации мирового транснационального капитала. Вот почему я считаю, что ***планово-рыночная*** модель экономики Цаголова сейчас для нас не менее необходима, чем в советское время.

И последнее замечание по этому поводу. В упомянутой выше книге Гавриила Харитоновича отмечено, что будущая смешанная экономика

будет состоять из государственного, кооперативного и частного секторов. Возникает вопрос: как она будет регулироваться? Неужели только «невидимой рукой» рынка? Нет, конечно. Размышления о судьбе страны и выходе из кризиса опять же приводят к императиву государственного регулировании экономики методами индикативного планирования. Притом государство само должно подвергнуться существенному преобразованию с тем, чтобы его криминальная природа изменилась на подлинно демократическую.

Меньшиков С. М. — Сначала несколько замечаний по поводу того человека, который не желает заготавливать дрова. Конечно, есть и такое. Но стоит ли списывать на это наши экономические беды? Перестройка психологии общества выходит за рамки непосредственной задачи экономической науки. Вообще говоря, каждый гражданин, живущий в доме с центральным отоплением, ожидает, что будут нормально топить. Так устроено во всем развитом мире. Например, в Голландии не может создаться такое положение, что вдруг, ни с того ни с сего, перестают топить, и жители вынуждены куда-то бежать за дровами. Я вас уверяю, что если бы там перестали бы топить и отключили свет, то голландцы не стали бы этим вообще заниматься — поиском дров и свечей, при всей их предприимчивости.

Дзарасов С. С. — Это лишь пример.

Меньшиков С. М. — Да, но в нормальном, цивилизованном обществе никто этим не занимается. Правительство стран, допустим Швеции, которая является северной страной, вряд ли обсуждает на своих заседаниях подготовку к зиме. Это у нас осталось от советского прошлого — безрукость и неэффективность в управлении. Дело все же не в безынициативности людей.

Теперь о модели Цаголова, отчасти применимой и в требующейся нам смешанной экономике. Я вижу главный вклад Николая Александровича в экономическую науку именно в этом: в создании теоретической модели социализма.

Попов Г. Х. — Непротиворечивой.

Меньшиков С. М. — То, что она во многом противоречила жизни, — другой вопрос. Адам Смит, Маркс и Кейнс тоже немало расходились с реальностью. Тем не менее все их теории нельзя просто так отбросить. Цаголовская модель — это и обобщение практики реального строительства социализма в СССР, и последовательное продолжение идей, первоначально возникших у Маркса и Энгельса. Правда, их мысль состояла в том, что социалистическая экономика — это как бы один большой завод, в рамках и из одного центра которого все планомерно создается,

распределяется и обменивается. «Великий экономист» А. Н. Яковлев, исходя из такой посылки, глубокомысленно заключает, что все это и привело к ГУЛАГу. Но тогда к нему привели и Томазо Компанелло, и Томас Мор. Абсурд.

Уже отмеченный мной в соответствующей главе недостаток модели Цаголова — в отсутствии рассмотрения вопроса о целевой функции планомерности. Ведь одно дело, когда Сталин ставит планомерность на службу построения таких-то и таких-то отраслей, то ли потому, что он к войне готовится, то ли потому, что с Бухариным хочет разделаться. Я думаю, что у него была и та, и другая задача. Индустриализацию форсировать и Бухарина дискредитировать — все это одновременно. Но это уже другая целевая функция. Это не та целевая функция, о которой говорит Ленин в программе партии и на которую ссылается Цаголов, — всестороннее развитие личности, или основной закон, по Сталину. В реальности планомерность подчинена другой задаче — строительству тяжелой и военной индустрии. Это и вызвало к жизни ту дефицитную экономику, которая у нас была. Потому что в теории планомерность означает сбалансированность, пропорциональность, а на самом деле планомерность ломает пропорциональность, т.к. критерий подменен.

Цаголову можно лишь поставить в упрек то, что уже в послесталинский период он не обратил достаточного внимания на расхождение своей идеальной модели с реальной действительностью, а старался ее все время приспособить к тому, что было. Но я убежден в том, что он это делал совершенно сознательно, веря в конечное торжество идеального социализма.

Теперь о смешанной экономике. Я, как и вы, — за смешанную экономику, это лучший вариант. Пусть доминируют оптимальные формы, соответствующие каждому виду деятельности, каждому виду производства. Но в реальной жизни, к сожалению, один сектор душит другой. Сейчас частный сектор старается задушить государственный.

Дзарасов С. С. — Поэтому нужно государственное регулирование.

Меньшиков С. М. — Но частный сектор старается задушить и государство вместе с регулированием. При этом утверждают, что оно не может играть никакой позитивной роли в экономике, что, если отдать нефтяную промышленность в руки государства, она через два года развалится. Это, конечно, неправда. Ничего позитивного ходорковские не внесли в нефтяную промышленность, ничего хорошего не добавили. Качают себе нефть, получают свои сверхприбыли, изображая из себя великих людей.

Американский мультимиллиардер Билл Гейтс хотя бы помог осуществить техническую революцию в информационной экономике. А наши нефтяные магнаты не создали ничего, эксплуатируют оставленное советской властью и при этом ругают государственную собственность, без которой освоить северные территории было бы, наверное, просто невозможно.

Поэтому подчеркиваю: теоретически идеальный вариант — это смешанная экономика, сосуществование государственного и частного секторов. Но в реальной жизни у нас нет мирного соревнования между ними. Есть попытка одной части задавить другую — такова жизнь.

Дзарасов С. С. — Реальна ли тогда вообще смешанная экономика?

Меньшиков С. М. — Это означает, что смешанная экономика зависит от того, какая у нас политическая надстройка, от того, кто на деле руководит государством. Объективно — у нас сложился конфликт между олигархами и властью. То, что олигархи недовольны некоторыми путинскими мероприятиями, это факт. С другой стороны, Путин не так уж сильно их ограничивает, часто идет им навстречу. Но если так будет продолжаться и дальше, победит олигархический сектор, и сохранятся вышеперечисленные макроэкономические перекосы.

Попов Г. Х. — Первое замечание у меня по поводу смешанной экономики. Смешанная экономика, на мой взгляд, тем и замечательна, что в ней каждый раз силой надо проверять соотношения отдельных частей. Если бы это было не так, она бы быстро погибла. В этих условиях можно сделать только один вывод: надстройкой над смешанной экономикой может быть только демократия. Никакой другой механизм не сможет с ней справиться. Поэтому, если она у нас не работает, то одна из причин заключается в том, что не действует механизм демократии.

Теперь я хотел бы вернуться к Николаю Александровичу, которого я не раз вспоминал, когда шла приватизация. Почему? Потому что люди, проводившие приватизацию, исходили из той же идеологии, которой придерживались противники Цаголова в политэкономии, считавшие, что главная проблема — это собственность. Если собственность общественная, значит, уже все в порядке. Наши приватизаторы исходили из той же идеи, только наоборот: проведешь приватизацию — и все будет замечательно. А в годы революции считали: если проведешь обобществление, сменишь вывеску, вместо «Нобель» повесишь «государственное предприятие» — и тут же наступит счастье.

Николай Александрович говорил, что за собственностью стоит гигантский механизм реального обобществления, а за приватизацией — гигантский механизм реальной рыночности и конкуренции. В данном случае

понимание Николая Александровича было гораздо ближе к пониманию сути экономических процессов, нежели концепция собственности.

По поводу сути его концепции. Думаю, что он фактически развивал теорию постиндустриального кейнсианского варианта, но отталкиваясь от опыта социализма. На его основе Цаголов точно установил, что ни обобществление в промышленности, ни тем более коллективизация в сельском хозяйстве никаких чудес не породили, и надо искать нечто другое. Несколько раз, я уже не помню по какому поводу, но он мне это объяснял: «Я строю теорию, которая не интересуется тем, что делается в реальной экономике, потому что, если ее строить как реальную, ее не построишь непротиворечиво».

Слабость его концепции планомерности, на мой взгляд, заключалась в том, что в ее основе лежало неверное понимание директивности. Со времен своей работы в Госплане он все-таки воспринимал директивность как команду, и команду точечного характера. Между тем директивность может реализоваться и через *норматив*, а вовсе не через конкретную команду, или даже совершенно по другой линии — заинтересованности.

В США я поразился, как нью-йоркский Горплан регулирует обеспечение молоком. Каждый день объем свежего молока, которое поступает в магазины, соответствует многолетним, устойчивым показателям спроса. Для этого, как вы понимаете, телята должны рождаться по установленному графику, а для этого, в свою очередь, надо проводить искусственное осеменение коров. Никаких директив фермер в отношении сроков не получает. Но он знает, что если он не осеменит по той схеме, которая требуется, то у него не будет магазина, готового принять его молоко. В данном случае директивность реализуется через заинтересованность, и причем совершенно нормально.

Но самая главная проблема, конечно, состоит в ее внутренней противоречивости. Директивность предполагает идеальную бюрократию, которая создает эти директивы. Откуда может возникнуть эта идеальная бюрократия? А ниоткуда. Тут я начинаю думать. Хорошо, найду выход — создам демократическое общество, которое будет эту идеальную бюрократию формировать. Но если появится демократическое общество, оно не будет нуждаться в директивных указаниях по большинству проблем своей жизни. Оно захочет само в условиях демократии решать, что ему есть, пить, надевать.

Дзарасов С. С. — Верно, конечно, что многие директивы будут не нужны, но какие-то решения со стороны государства, в том числе по экономическим вопросам, всегда будут необходимы.

Попов Г. Х. — Вот с этой точки зрения, на мой взгляд, концепция всеобщей планомерности, реализуемая через директивность, даже в идеальном варианте оказывалась во внутреннем противоречии. Она предполагала демократию как инструмент устранения недостатков и нахождения эффективных решений, и в то же время демократия не нуждается в том, чтобы ей все расписывали сверху, как по нотам. Значит, здесь нужна была та самая смешанная экономика.

Дзарасов С. С. — Каждый из нас является отражением своей эпохи, и в этом смысле Николай Александрович не был исключением. Его личность и его роль были неоднозначными, сложными и противоречивыми. С одной стороны, он являлся горячим сторонником социализма, с другой — видел его пороки и не получал признание партийной верхушки. Об этом свидетельствует тот факт, что Московский университет более десяти раз выдвигал Цаголова в Академию наук, но он так и не был избран. О причинах неудач я узнал от бывшего первого секретаря Северо-Осетинского обкома КПСС Б. Е. Кабалоева, который по моей просьбе разговаривал на эту тему с тогдашним секретарем ЦК КПСС П. Н. Демичевым. Дело было в том, что в ЦК считали Цаголова «непредсказуемым» человеком, а академики не горели желанием видеть рядом конкурента.

И еще: его все время критиковали за абстрактность, а он не стыдился метода научной абстракции. И эту критику он не принимал и не принял, потому что, во-первых, считал этот метод неотъемлемой частью теории Маркса, без которой ее нельзя представить. А во-вторых, он полагал, что это действительно освобождало его от необходимости анализировать те конкретные процессы текущей экономической политики и практики — опасной сферы, в которой надо либо заниматься апологетикой, либо конфликтовать с властью. Ни того, ни другого он делать не хотел.

Попов Г. Х. — Когда в МГУ решали вопрос о кафедре управления — создавать или нет, — как раз и имели место все эти разговоры. Цаголов мне сказал: «Или Вы будете все время оправдывать последние постановления, или Вы обязательно придете в столкновение с этой самой практикой. Я не возражаю, пусть Ваша кафедра работает, но Ваша судьба будет висеть на волоске».

4. О цаголовском влиянии

Дзарасов С. С. — Какое влияние деятельность Цаголова оказывала на изменения, которые происходили в советском обществе?

Попов Г. Х. — У меня есть и были соображения, но абсолютно личные. Я считал, что если даже такому безусловно авторитетному, всесторонне образованному и знающему человеку, как Николай Александрович, не удается построить не противоречащую жизни модель социализма, то это для меня означает, что сам этот строй непротиворечивым быть не может. В данном случае для меня вывод был «от противного». Т. е. если не выходит, значит, поставлена нереальная задача. Это я для себя делал такие выводы.

Дзарасов С. С. — Я был более «правым», что ли, чем Николай Александрович, и много спорил с ним не только по экономическим, но и по политическим вопросам. Я всегда восхищался Сахаровым и рассказывал Цаголову то, что доводилось узнавать об этом человеке. Мне кажется, что Цаголов о Сахарове, кроме как со мной, ни с кем не говорил, и я высказывался на этот счет в таком духе, что социалистический идеал без демократии по-настоящему реализоваться не может.

Я такого мнения придерживаюсь не только сейчас, а всю жизнь именно так и считал. Он был согласен с этим, но ссылался на пример буржуазных революций, в которых демократия установилась не сразу, и считал, что демократия придет. Как французская революция породила диктатуру Наполеона, а потом произошли серии переворотов, и демократия все же восторжествовала, так и у нас обязательно должны установиться демократия и политический режим, адекватный требованиям социализма.

Цаголов верил в то, что будет социалистическая демократия, и, наверное, ожидал этого. И когда я возражал, например, против директивного планирования, то он говорил, что да, происходят те или иные глупости, но если установится демократический режим и эти планы не станут приниматься в явочном порядке, а будут демократически обсуждаться, то ошибки сведутся к минимуму. Во всяком случае, общество будет в состоянии их устранить. Поэтому-то я думаю, что он жил в этом ожидании. Не того, конечно, что произойдет отказ от социализма, а что со временем, когда геронтократия уйдет, новое поколение должно установить демократию, и тогда само планирование будет другим. Мне кажется, таковы были его мысли и надежды.

Меньшиков С. М. — Меня больше всего интересует то, о чем мы вроде бы уже говорили. Вот строит человек такую концепцию, которую кое-кто даже считает изощренной апологетикой существовавшего режима, а режим ее не воспринимает, т. е. его теория властью не востребована.

Дзарасов С. С. — Думаю, что это результат перерождения нашего режима. Его руководители не сознавали, что означает планомерность и как ее надо использовать в интересах общества.

Меньшиков С. М. — Она была востребована студентами, многие из которых впервые поняли, что политэкономия — это наука, заслуживающая внимания. Она оказывала влияние на умы людей, подготовку кадров, воспитывала логику теоретического мышления, а власти почему-то не пригодилась. И сейчас мы констатируем: нынешней властью экономическая наука также практически не востребована.

Дзарасов С. С. — Верно, а вот в Америке и Англии востребовали Кейнса. А у нас тоже был свой Кейнс, но нашему государству он оказался не нужен. Почему? Потому что западная буржуазия была умной, демократичной, шла на реорганизацию, и теоретик преобразований стал необходим. Советская бюрократия была ограниченной, косной, не шла на подлинные реформы, и теоретик преобразований ей был не нужен. Я еще скажу об этом.

Меньшиков С. М. — В Америке Кейнс был востребован буржуазным государством. В связи с новой тенденцией к стагфляции позже появилась потребность в неоклассической и монетаристской концепции, то есть в сужении активной роли государства, в которой видели главную причину инфляции. Там это было востребовано, а у нас нет, к примеру, тот же Канторович, который предлагал какую-то другую идею.

Дзарасов С. С. — У нас не был востребован межотраслевой баланс.

Меньшиков С. М. — Межотраслевой баланс у нас, наоборот, обругали, а за что, непонятно, ведь никакой идейной подоплеки в нем не было. Сталин критиковал его с точки зрения теории равновесия, кто-то ему подложил это дело, а при чем здесь теория равновесия, которая к балансу не имела никакого отношения?

Дзарасов С. С. — Баланс без равновесия быть не может.

Меньшиков С. М. — Теория равновесия тут ни при чем.

Дзарасов С. С. — Как ни при чем, баланс есть другое название равновесия. Сбалансировать экономику — значит привести ее в состояние равновесия. Сталин потому и критиковал межотраслевой баланс с позиции теории равновесия.

Меньшиков С. М. — Ну хорошо, Сталин умер, а концепция Цаголова все равно осталась невостребованной. Пришли новые люди: Хрущев относился точно так же, у Брежнева были совсем другие запросы. Затем появился Горбачев — стало еще хуже. Поначалу он пытается совершенствовать экономику, но тогда уже начинают пробиваться рыночные идеи, освобождение предприятий от центрального контроля, полный хозрасчет и т. п., поэтому можно понять его отношение к идеям Цаголова.

Хотелось бы знать корни этой невостребованности науки — не только Цаголова, а науки вообще, и тут Попов больше других знает об этом,

так как он сам не был востребован в результате демократических реформ. Крупный экономист, один из руководителей демократического движения, он занимал тогда видный государственный пост. Другой экономист, Хасбулатов, тоже что-то предлагал. Явлинский, наконец, со своей концепцией «500 дней». Все они оказались невостребованными, вместо их идей берут самую неподготовленную, неразработанную и авантюристическую концепцию — сменить собственность, отменить контроль над ценами и считают, что все будет в порядке. А отсюда потом, конечно, и наши беды. Не слушают никого. Хотя эти люди уже, казалось бы, разработали если не все, то многие из принципиальных положений перехода к рынку. Если бы их послушали, а я к ним отношу и Леонида Абалкина, и Станислава Шаталина, то, наверное, развитие страны пошло немножко по-другому. Всех их отбросили, и вместо них взяли Гайдара и Чубайса с их плохо продуманной, примитивной схемой. Беда нашего государства заключается в том, что власть игнорирует развивающуюся, несмотря на то, что она несовершенна, экономическую науку.

Дзарасов С. С. — Станислав Михайлович перечислил много людей разного типа. Я хочу конкретизировать то, что сказал выше.

Почему Цаголов не был востребован? Между Кейнсом и Цаголовым есть разница, но существует и сходство. Кейнс был таким же апологетом капитализма, каким защитником социализма был Цаголов. Но Кейнс стал востребован, а Цаголов — нет. Хотя Кейнс, например, в отличие от Маршалла, Пигу и многих других говорил нечто такое, что противоречило прежним традициям, что, может быть, даже неприятно, но необходимо для сохранения власти правящего класса на Западе. Последний дальновидно рассудил так: если мы не пойдем по пути Кейнса, то у нас будет такая же революция, как в России. Сигналом к этому послужил мировой кризис. Буржуазия смогла сделать то, чего не предполагали Маркс, Энгельс и Ленин, — совершенствовать ту систему, в которой она жила, и тем самым сохранить свое господство.

В отличие от нее, советская бюрократия оказалась на это неспособной. Не был востребован не только Цаголов. Как верно отметил Станислав Михайлович, не пришлись ко двору Абалкин, Хасбулатов и многие другие. Власти не заинтересовались даже проектами конвертируемости рубля в кризисном 1990 году, высоко оцененными мировыми авторитетами. Это результат того, что система прогнила. Правящая бюрократия не могла осознать ситуацию в стране и принять меры к спасению своей общественной системы. Западная буржуазия оказалась достаточно умной, чтобы, отвергая советский путь развития в целом, все же заимство-

вать определенные наши достижения. Она взяла у нас систему социальных гарантий, когда увидела, что социализм это практикует.

Меньшиков С. М. — Но следует пойти дальше и сказать, почему так происходит на Западе, но не у нас.

Попов Г. Х. — Центральный вопрос.

Меньшиков С. М. — Отчасти потому, что советский бюрократ, по идее менеджер, не владеющий собственностью, подспудно спрашивает: «А почему это не моя собственность? Я же ею распоряжаюсь, а не какое-то мифическое государство, общество». Значит, в нем уже изначально заложена тенденция превращения в собственника, и менеджер хочет приватизировать государственную собственность. Поэтому социалистический строй заведомо неустойчив, а капиталистический — устойчив. Там они знают, как защищать свою собственность.

Попов Г. Х. — Я, конечно, тоже много думал о невостребованности и пришел к таким логическим выводам. Первое: если я, как лидер, слушаю ученого, то должен признать, что он умнее и знает больше, чем я, потому что иначе — зачем я его слушаю, если сам умнее него. Если бы на месте ученого был врач, лидер был вынужден это терпеть, поскольку, чтобы лечиться лекарствами, их надо знать, но это по отношению к врачу, а вот к экономистам и политикам прислушиваться необязательно.

Второе: если есть наука, если разработаны рекомендации, то возникает ситуация, при которой я, как лидер, просто плохо их выполняю. Значит, может появиться потребность и возможность прихода другого лидера, который будет лучше эти рекомендации выполнять. До этого я был совершенно незаменимым, а тут, по самой логике рассуждения, возникает возможность появления человека, который будет работать лучше меня. Если есть моря, океаны и штормы, то может появиться штурман, который знает свое дело лучше, чем я. С этой точки зрения наука для меня неприемлема и мной не востребована, потому что создает теоретическую возможность для кого-то заявить, что он умеет лучше меня выполнять ее рекомендации.

Третье: при отсутствии науки я полностью остаюсь свободным, меня ничего не ограничивает, а следовательно, что бы я ни сделал, можно объявить последним достижением прогресса, самым мудрым, самым лучшим шагом, и это автоматически делает меня непогрешимым лидером.

Четвертое. Иногда науку не жалуют, чтобы снять с себя бремя. Почему так любят рынок, рыночную модель? Потому что рынок все проблемы с меня снимает. Он все регулирует, а я могу, как царь Додон, царствовать, лежа на боку. Потому что главной проблемы не осталось, а с

другими я справляюсь вполне эффективно. Главное, валите все на рынок, и я вполне пригоден как президент.

Есть еще один, пятый аспект: бюрократия. Наша бюрократия бесконтрольна и самовоспроизводима, а западная подконтрольна и определяется внешними механизмами. Отношение к науке у них абсолютно разное.

Подвожу итог — чтобы стала востребована экономическая наука, нужна иная, демократическая политическая система. Поэтому, рассуждая от обратного, можно утверждать: если не нужна наука, то это означает только одно — наша система по своей природе все еще мечтает о бесконтрольности.

Меньшиков С. М. — Последний тезис, тоже как бы от обратного, подтверждается и американской практикой. При президенте Трумэне, при всей нашей к нему нелюбви из-за той внешней политики, которую он проводил внутри страны, произошло больше социальных преобразований, чем при всех других президентах Соединенных Штатов после Рузвельта, и даже при самом Рузвельте. У него такой проблемы — игнорирование ведущих экономистов — не возникало, к тому же глубоких преобразований в обществе требовал и правящий класс.

Попов Г. Х. — Но ведь Трумэн же стал президентом не в результате комбинаций под «ковром», не благодаря президенту, который вдруг меня извлек из третьего этажа, поднял и назначил. Он был выбран народом.

Меньшиков С. М. — Правильно, он был избран президентом в 1948 году.

Дзарасов С. С. — Действовал механизм.

Попов Г. Х. — Поэтому его не пугали никакие конкуренты. Он знал, что пришел и уйдет, но на этот период будет у власти. Это демократия.

Меньшиков С. М. — Да, это развитие идей демократии, но подлинной, настоящей. Хотя, конечно, у нас много претензий к американской демократии.

Попов Г. Х. — Но полной она может и не быть. Все относительно.

Меньшиков С. М. — По крайней мере, там есть борьба равных сил, которые заставляют правящий слой заботиться о самосохранении.

Попов Г. Х. — Вы правы, Станислав Михайлович. Там же еще как? Армия и полиция фактически выведены из системы власти. Там может смениться министр, но экономика на 4/5 находится вне его компетенции. Он собирает налоги. Это лишь 5-я часть жизни страны, а 4/5 населения живет своей жизнью. К тому же есть много объективных факторов, которые его отрезвляют.

Меньшиков С. М. — Да, и Трумэн, хотя, казалось бы, экономика вне его власти, идет на большие социальные преобразования, в результате

которых государство становится очень серьезным фактором развития экономики. Другой американский президент, Линдон Джонсон, тоже не бог весть какой гений, впервые принимает программу борьбы с бедностью, и многие существовавшие тогда в Америке социальные дыры начинают зашиваться. Приходит Рейган, хочет эту социальную систему отменить и не может, потому что она уже укрепилась и пользуется широкой поддержкой. А у нас все это происходит как-то очень легко: захотели и отменили социальную систему.

Попов Г. Х. — Возможно, сама система была такова, что ее было легко отменить.

Дзарасов С. С. — Мы приходим к выводу, что невостребованность науки объясняется характером политического режима в стране. Там, где не действует демократический механизм, мы имеем то, о чем говорил Гавриил Харитонович, а там, где работают демократические механизмы, происходит то, о чем рассказал Станислав Михайлович.

Меньшиков С. М. — Может быть.

Попов Г. Х. — Но в истории бывали случаи, когда забота о науке, о теории проявлялась в условиях совершенно недемократических, монархических даже. Наполеон, Петр I, Екатерина II к ученым относились с любовью. Значит, может возникнуть ситуация, при которой недемократический режим нуждается в науке, ценит ее и т. д.

Меньшиков С. М. — Да тот же Дэн Сяопин.

Попов Г. Х. — Дэн Сяопин в какой-то степени. Так что все гораздо сложнее, чем просто демократия.

Дзарасов С. С. — Да, но там это просто дело случая, в то время как здесь — закономерно.

Попов Г. Х. — Там тоже должен возникнуть большой кризис.

Дзарасов С. С. — В обществе.

Попов Г. Х. — В обществе и системе, когда руководитель сознает себя ответственным за преодоление кризиса и ищет выходы.

Дзарасов С. С. — Да, но у нас случалось много кризисов, а осознания того, что надо что-то предпринимать, не возникало.

Попов Г. Х. — Не было человека, ответственного за него.

Дзарасов С. С. — После коллективизации у нас был глубокий кризис, массовый голод, но это ничего не изменило. Сталин на XVII съезде партии говорил не о голоде и страданиях народа, а об успехах сельского хозяйства и «победе социализма».

Меньшиков С. М. — После коллективизации что-то все-таки начало меняться. Но, допустим, кризис, который возник в результате действий Гайдара, — что он родил? Ничего позитивного.

Попов Г. Х. — Нет, в определенном смысле, я считаю, мы прошли этот процесс. После всех кровавых реформ наступили перемены в политической сфере. Вылетело ближайшее окружение Ельцина: Коржаков и т. д. Ельцин лишился опоры, стал метаться и в поисках прочной структуры дошел до ФСБ.

Хотел бы все же дополнительно сказать о влиянии Цаголова на развитие экономического образования и профессиональную подготовку экономистов. Было два аспекта влияния. Подходы Николая Александровича повлияли, и причем существенно, на подготовку специалистов в элитных вузах страны. Здесь его схема нашла применение. Но за этими пределами наша доблестная система, по большому счету, полностью отвергла всю цаголовскую концепцию политэкономии, его учебники. Крупная тактическая победа — постановление ЦК КПСС об Институте экономики — обернулась стратегическим поражением. Мобилизовались все контрсилы. Я, как декан, всячески пытался помочь с новым изданием учебника. Нельзя сказать, что я не умел «толкать», но не получалось, причем на самых высших уровнях.

Надо признать, как это ни горестно, что Николай Александрович успел в основном повлиять на подготовку большой группы элитных экономистов. Мы все в какой-то мере его ученики, правда, иногда не очень удачные, типа Гайдара, но все же. Каждый из нас ушел в своем направлении, потому что Цаголов учил размышлять, а не навязывал лишь один вариант концепции, он освобождал от оков. Гайдар тоже обязан ему избавлением от каких-то догм.

Почему проиграл Цаголов? Все готовились к послебрежневской эпохе, и уже началась схватка за власть, в которой потерпели поражение две группы. Первая — московско-уральско-ленинградская (центральнорусская), куда входили Романов, Гришин. Вторая — группа идеологов, возглавляемая Косолаповым, которые выступали за чистый марксизм. Был момент при Черненко, когда они фактически стали захватывать власть. Эта группа уже контролировала журнал «Коммунист», ею были взяты все пункты для начала наступления.

Эти две группы проиграли схватку, а в какой-то мере Николая Александровича ассоциировали с этими направлениями. Поэтому фактически на отношении к теории якобы сказалось отношение к его политическим патронам.

Это мое представление, я тогда пришел к такому выводу. У меня был последний козырь — пойти к Косыгину. Но Алексей Николаевич умер в декабре, и буквально через неделю начались необратимые изменения по всем линиям идеологии. Суслов перешел в наступление, но потом и его убрали.

Дзарасов С. С. — Но Суслов-то умер.

Попов Г. Х. — Говорят, что его отравили.

Меньшиков С. М. — Хотел бы еще кое-что добавить из своих личных наблюдений. Когда я работал в ЦК, приходилось довольно часто общаться с заместителями Б. Н. Пономарева. Впоследствии некоторые из них в мемуарах изображали себя как скрытых противников советского режима.

Попов Г. Х. — Ну, это и Александр Николаевич Яковлев такой. Представляют себя так, словно втайне они всегда были против власти.

Меньшиков С. М. — Интересны некоторые оценки, которые я неоднократно слышал от таких людей. Например, они утверждали, что никакой политэкономии социализма не существует, это все одни описания. Я приводил в пример Цаголова, но они отмахивались. Для них цаголовская концепция — наиболее логичная антирыночная теория — была абсолютно неприемлема, потому-то они и доводили дело до отрицания самого существования какой бы то ни было политэкономии социализма.

Дзарасов С. С. — Было бы хорошо, если бы они еще ее знали.

Меньшиков С. М. — Это другой вопрос, что они были невежественны. Гавриил Харитонович вспомнил о Косолапове и его журнале в период пребывания у власти Черненко. Тогда, кстати, обсуждался один из вариантов программы партии, и я написал в «Коммунист» статью, где решительно протестовал против того, чтобы выкидывать вводную, ленинскую часть старой программы. Там, в частности, содержались важнейшие положения о том, что мелкое товарное производство неизбежно рождает капитализм в массовом масштабе. А я видел в существовании подпольной экономики, которую тогда мало изучали, корни перерастания в открытый капитализм. Так вот, Косолапов опубликовал мою статью, а Бовин, Черняев и другие за это на меня навалились. Косолапов не экономист, но разделял мои взгляды.

Попов Г. Х. — Косолапов охотно поддерживал такое.

Меньшиков С. М. — Да, поддерживал. Тем более в пику другой группе.

Попов Г. Х. — Уже шла борьба.

Меньшиков С. М. — Статья была опубликована в «Коммунисте», а значит, вроде как давалась партийная оценка деятельности той группы, которая разрабатывала программу вместе с А. Н. Яковлевым. Они хотели ленинские идеи выбросить из программы, превратить ее в пустышку. Обрушились на меня основательно, в конечном счете, саботировали мои предложения, и ленинская часть программы все-таки была изъята.

5. Что и как строить: премудрости смешанной экономики

Попов Г. Х. — Действительно, принципиальнейший вопрос — ***что мы строим?***

Если мы отступаем к капитализму, то это совершенно иной вариант жизни, развития страны и всего остального. Тогда можно рассуждать о том, что победили США. Но я думаю, что эта концепция малоприемлема, она неконструктивна и отбрасывает нас на задворки Европы и Америки, к тому, что они прошли 50 или 100 лет назад. Грубо говоря, к ситуации дикого капитализма, ковбойства и прочего.

Если же мы понимаем, что строим общество, которое должно преодолеть недостатки всех предшествующих формаций — и капитализма, и государственного социализма, то у нас есть два пути. Первый — следовать моделям постиндустриализма Западной Европы. Второй, который я считаю более приемлемым для нас, — думать над российским вариантом, который бы соответствовал особенностям нашей страны, ее истории, всему предшествующему опыту. Так же, как, например, китайцы строят общество с учетом своей специфики.

В отношении экономики надо понять, что хотя это смешанная экономика, все основные блоки в ней уже новые. Мы имеем дело с новым частным и новым государственным секторами. Не просто смешались старые куски — преображается каждая часть экономики.

И в этом плане государственный сектор, на мой взгляд, формируется по совершенно новым критериям. В него входит то, что общество считает опасным оставить в частных руках, например, атомная промышленность, атомная энергетика, или то, что эффективнее делать государству, допустим, регулировать климат или что-то еще; сохранение государством природных богатств — самый лучший вариант их использования и т. д. Здесь оно выступает как победитель в конкурсе, оказывается лучше в тех или иных областях.

Беру близкую мне сферу: образование. Что тут государственного? Если я буду пытаться свой университет, обучение бизнесу сделать государственным, это нелепо, потому что я готовлю кадры для бизнеса и предпринимателей. Но если я попытаюсь на такой же основе, за собственные деньги, развивать теоретическую фундаментальную физику, или классическую филологию, или древнюю историю, или что-то еще, то ничего не получится. Следует отделить те виды образования, которые нужно содержать за государственный счет и под руководством государства, прежде всего, фундаментальную теоретическую науку и фундаментальную гуманитар-

ную науку: историю, филологию и пр., и выделить области, которые ориентированы на рыночный спрос. Сколько медиков нужно, какого профиля — задачи, типичные для частного сектора. С бизнесом то же самое. Сколько бухгалтеров нужно? Сколько готовить аудиторов? То же самое я могу сказать в отношении сельского хозяйства и других отраслей, где все должно быть ориентировано на спрос.

Поэтому государственный сектор должен быть построен на совершенно новых основах. Это непросто. В России в переходный период могут возникать специфические ситуации, когда нужно сохранить в руках государства и то, что еще не дозрело для частного сектора.

На мой взгляд, совершенно определенно надо сказать, что частный сектор — это не монополия. Монополия — это, по всем классическим теориям, выход из частного сектора. Антимонополистический частный сектор и, прежде всего, сектор малого бизнеса — это то, что даст миллионам людей возможность, имея свое небольшое дело, обеспечивать такой же небольшой спрос. Это то, чем мы сейчас в России не занимаемся, — не создаем настоящий частный сектор. Нам говорят, что мы строим капитализм, а в итоге выясняется, что мы строим олигархическую структуру, которая гораздо ближе к государственной, нежели к частной.

В области смешанной экономики главная проблема — определить новую компетенцию государственного и частного секторов. Для частного сектора главный критерий таков: он возникнет не в результате приватизации, а тогда, когда будет рынок и появится свободная конкуренция. Если мы создали свободную конкуренцию, значит, создали настоящий частный сектор. Иначе он не нужен, поскольку у него нет преимуществ.

Будучи мэром, я решал вопросы приватизации булочных. Приходят ко мне представители коллектива и говорят: «Мы хотим приватизироваться». Депутаты — за коллектив. Я говорю: «Простите, мне нужна совершенно другая информация: сколько еще булочных в вашем микрорайоне? Ни одной? Значит, после того, как приватизируетесь, вы выйдете из-под государственного контроля, но не подпадете под законы конкуренции и спроса. Скорее всего, станете монополистами, и очень много шансов, что вы или цены взвинтите, или вместо булочной начнете торговать ювелирными изделиями или чем-то еще. Поэтому у вас два варианта: мы можем разрешить приватизацию, когда возникнет конкурентная ситуация, то есть рядом откроются еще три булочные. Или мы сделаем иначе: тридцать процентов вашей собственности сохраним за городом, потому что должны пресечь монополистические тенденции, которые у вас обязательно появятся, так как их не будет ограничивать

рынок». Вот такие все время шли споры, пока Ельцин не подписал наше право на особую приватизацию. Все продержалось два месяца, потом нас этого права лишили.

Таким образом, в экономике главная проблема — формирование малого бизнеса, которым во всех странах, которые продвинулись по пути постиндустриализма, занимаются примерно 60% населения. Это люди, имеющие какую-то собственность, которым дана самостоятельность. Раз их много, они составляют базу свободной конкуренции, что имеет огромнейшее значение для второго вопроса — какая политическая система возникнет?

Демократия как политическая система может играть существенную роль, если, по меньшей мере, половина членов общества живет не на государственные деньги, не при кассе государства, а своим собственным, независимым трудом и, соответственно, голосует, как ей нужно. Сейчас мы имеем дело с совершенно другой ситуацией.

База демократии — это самостоятельные люди, которые действуют, исходя из своих интересов. В Америке фермеры были решающим фактором при выборах демократических президентов. Именно фермерство, а вовсе никакой другой класс, предопределило победу Рузвельта после Великой депрессии.

Качественный выход за пределы старой демократии может идти по двум линиям.

Первая — это создание нормальной самостоятельной системы третьей власти. У нас она полностью зависима. Надо, к примеру, хотя бы законы Керенского о третьей власти иметь. У него народ избирает народных судей, которые затем избирают районных судей, в свою очередь избирающих следующих, и, таким образом, судебная система функционирует абсолютно независимо. Может, это и не лучший вариант, но зато мне здесь все понятно. Должен быть свой налог, свой бюджет, и не должно возникать никаких проблем во взаимоотношениях с другими ветвями власти. Тогда мы будем иметь нормальную судебную власть, которая не смотрит в рот тому или другому. Это будет существенное отличие от предыдущего общества. К сожалению, такого положения по-настоящему не существует даже в развитых странах.

И, наконец, проблема четвертой власти — средств массовой информации и т. д. Эта система тоже должна быть абсолютно отделена от всех остальных. Должно быть так: люди платят налог, потом посредством голосования определяют выборщиков, которые, в свою очередь, выберут советы телевизионных каналов, будут формировать всю эту систему и ее состав, менять ее, и т. д. и т. п.

Если к нашей нормальной старой демократии, состоящей из двух систем разделения власти, добавить полную материальную независимость третьей и четвертой ветвей власти, то, я думаю, мы получим качественно новую демократию, которая будет существенно отличаться от прошлой.

Меньшиков С. М. — В основном согласен с этой схемой, хотя кое-что из сказанного было для меня новостью, и я пока не представляю себе, как может действовать предложенная схема в области средств массовой информации, хотя сочувствую самой идее.

Попов Г. Х. — Попытки есть, в Финляндии, в Британии, но это начало.

Меньшиков С. М. — Это надо обсуждать. Главное — как можно отгородить СМИ от частного капитала? Это сложно, и тут я возвращаюсь к вопросу о государстве. Видите ли, у Вас такая совершенная схема, в которой государство будет все делать так, как надо. На самом деле это идеальное допущение.

Вернемся к экономике. Мы находимся сейчас в такой ситуации, когда отчасти властью, отчасти олигархическим капиталом поставлена задача окончательно завершить приватизацию и полностью убрать государство из экономики. Если мы еще некоторое время будем двигаться в этом направлении, то через несколько лет, к концу следующего президентского срока Путина, никакого государственного сектора, а значит, и никакой смешанной экономики у нас не останется. И тогда уже возвращаться назад можно будет только через какой-нибудь новый вариант: революции или необольшевизм.

Поэтому мне, во-первых, непонятно, как и кто может остановить это всеобщее движение к полной приватизации. Путин старается удержать остатки госсектора под своим контролем, остальное уже принадлежит олигархии. Это президент поставил крест на попытках протолкнуть скоропалительное решение реформировать «Газпром». Может быть, еще все-таки не поздно остановить распродажу в частные руки электроэнергии, алмазов, «Сбербанка» и других банковских учреждений. Если прибавить железные дороги и собрать это все воедино, то получится довольно значительный государственный сектор. Если его уничтожить, то через несколько лет пути возврата к смешанной экономике не будет. Поэтому вопрос №1 — как политически остановить этот процесс?

Во-вторых, я согласен с принципом, по которому государство должно заниматься только тем, с чем оно может справиться. Собственно говоря, из полемики Хайека с Ланге явствует, что есть отрасли, где государство может действовать достаточно продуктивно. Хайек признавал,

правда, с натяжкой, что в эту сферу попадает массовое производство однородных товаров. Не так давно Шафраник, бывший министр топливной промышленности, говорил, что после приватизации эффективность отрасли по сравнению с советским периодом упала чуть ли не в два раза. Или возьмем, к примеру, нефтяную промышленность. Я вовсе не убежден в том, что эта отрасль может быть только в частном управлении и это единственный способ эффективности ее работы. Несмотря на все разговоры Ходорковского о том, что у него лучшая компания, добыча нефти не достигает даже дореформенного уровня. Ничего созидательного они не делают, потому что их функция очень проста: качай нефть, получай прибыль. На разведку они тратят очень мало. Металлургия — еще одна отрасль, в которой вполне может участвовать государство. Я не говорю, что это обязательно, нет. Но это отрасли, в которых государство вполне может составить конкуренцию частникам. Нужно ли было, например, приватизировать «Славнефть», я не знаю. Кто-то недавно говорил, что если отдать «ЮКОС» в руки государства, то он развалится через два года.

Попов Г. Х. — Я и так уже уверен, что развалится.

Меньшиков С. М. — Я посмотрел финансовые отчеты «Роснефти» и сравнил их с отчетами «ЮКОСа». Составленные по американской системе, проверенные американскими аудиторами, они существует в Интернете. Что выясняется? Оказывается, «Роснефть», т. е. государственное предприятие, имеет показатели эффективности и прибыльности точно такие же, что и «ЮКОС». Работает, не разваливается. Так что это демагогия, никакой серьезной дискуссии вокруг этого в обществе нет, хотя должна быть. Государство, как мне представляется, не может руководить там, где нужно ориентироваться на постоянное обновление индивидуализированной продукции потребительского или даже производственного назначения.

Но и здесь есть свои проблемы, возможно, переходного периода. Взять, к примеру, автомобилестроение или самолетостроение. Александр Лебедев из НРБ пытается создать авиационный концерн, чтобы способствовать развитию самостоятельного, конкурентоспособного самолетостроения, но жалуется, что ему мешает правительство. Но ведь НРБ, частный банк, не может это сделать без определенной поддержки государства, которое, на мой взгляд, должно участвовать в создании крупных концернов в тех отраслях, где нужно строить конкурентоспособное производство, например, в автомобильной промышленности.

Нельзя же делать ставку только на то, что «Форд» и «Дженерал моторс» начнут производить у нас автомобили. Надо вкладывать и госу-

дарственный капитал. За счет чего? Это вопрос перераспределения природной ренты, и он связан с нашей темой. Вы правильно сказали: природные и минеральные ресурсы у нас пока принадлежат государству, но их экономическая реализация, то есть получение ренты и сверхприбыли, у нас остается в значительной мере в руках частного капитала.

Вы говорите, главное — это создание конкурентной среды. Но как вы создадите конкурентную среду, когда фактически наш капитализм является монополистическим, олигархическим, и причем он сразу вошел в эту стадию из советского монополизма? Как это можно сделать? С одной стороны, конечно, развивать мелкий и средний бизнес.

Попов Г. Х. — В Москве очень просто: я разрешаю частнику открыть аптеку, потом устанавливаю на ее прибыль прогрессивный налог. И весь доход, которую получил, трачу на то, чтобы создать вторую аптеку.

Меньшиков С. М. — Уже три года говорят на эти темы, съезды собираются. Но разве что-нибудь за это время сдвинулось с места? По статистике, доля мелкого бизнеса не выросла. Нужны какие-то принципиальные решения. Я с Вами абсолютно согласен, но вместе с тем остается вопрос, от которого не уйти, потому что он навис над нашим обществом и экономикой: как быть с олигархическим и монополистическим капиталом? Государство должно помогать развивать частный бизнес даже там, где это не делает олигархический капитализм. Например, у нас рынок ценных бумаг сейчас практически не выполняет функции перераспределения капитала из капитало-избыточных в капитало-недостаточные отрасли, совершенно неразвита сфера инвестиционных банков. Первичный, да и вторичный рынок акций очень узок. Но ведь могущественный Морганновский банкирский дом начинался именно как инвестиционный банк, активно участвовал в учреждении крупных концернов, размещал их акции среди инвесторов. Это была огромная организаторская работа по созданию конкурентоспособной индустрии, по привлечению капитала в ведущие отрасли промышленности. У нас этого механизма не существует. Поэтому, раз наш частный капитализм не может решить эту задачу, ее выполнение и те функции, которые не осуществляет частный сектор, должно взять на себя государство.

Попов Г. Х. — Это, по сути, уже два совершенно разных государства. Одно — собственник своего сектора, а второе — только регулятор.

Меньшиков С. М. — Государство должно развивать рыночную инфраструктуру там, где ее нет. Сейчас идет много разговоров насчет ипотечного кредита, но дело развивается плохо. Кто же будет его брать, если надо платить 20% в год, при этом рискуя и вовсе лишиться квартиры?

Очевидно, что без помощи государства не обойтись. Оно должно совершенствовать не только государственный сектор, но и способствовать развитию частного с тем, чтобы он работал более эффективно.

Попов Г. Х. — Я беру свое министерство высшего образования. Оно отвечает за государственные и частные университеты, но государственными интересуется, а нас рассматривает как систему подкормки, и не более того. Мне совершенно ясно, какой должна быть правильная организация. Нужно создать, во-первых, два министерства образования: одно будет курировать частные, другое — государственные вузы, и, во-вторых, сформировать какой-то комитет в правительстве, который бы координировал их действия. Тогда я бы имел начальство, которое думает обо мне.

Дзарасов С. С. — Ну да, государство должно ведь платить всем стипендии — и студентам государственных вузов, и вашим тоже?

Попов Г. Х. — По идее, да, так как налоги родители платят одинаково.

Меньшиков С. М. — Формально существует государственный орган, который регулирует рынок капитала. Но этого недостаточно. Необходимо нечто большее, нужна специальная государственная программа по развитию рыночной инфраструктуры с четкими установками — что и как надо делать. Без этого не может быть нормального развития рынка и экономического роста.

Дзарасов С. С. — Но ведь есть какие-то зачатки в тех областях, о которых вы говорили?

Меньшиков С. М. — Зачатки есть, но, кроме них, ничего нет. Допустим, человеку нужна автомашина, и он интересуется в Сбербанке, на каких условиях можно взять кредит. Оказывается, надо платить 20% плюс отдать под залог свою квартиру. Спасибо.

Попов Г. Х. — У нас та же самая ситуация. Студент имеет право взять государственный кредит на учебу и поступить в частный вуз, но практически ни одного человека, который бы этим воспользовался, за 10 лет не появилось, потому что возникает вопрос о залоге квартиры, о 20%-ной выплате за кредит, и прочем и прочем.

Меньшиков С. М. — В целом, нужна хорошо разработанная, составленная квалифицированными специалистами и опубликованная для широкого обсуждения программа того, как мы видим смешанную экономику. И по поводу кооперативного сектора. Я сомневаюсь в его жизнеспособности. Кроме Италии, я не знаю, где кооперативы получили большое развитие.

Попов Г. Х. — В Голландии, в Дании.

Меньшиков С. М. — Согласен, некоторое развитие получили, но небольшое. У нас тоже поначалу пытались приватизировать предприятия на основе коллективного владения, но вы сами знаете, что из этого получилось на практике. В этом вопросе надо еще разобраться — в какой форме у нас может реально существовать кооперативная форма собственности.

Попов Г. Х. — По поводу кооперативов сложности, конечно, есть. Например, мы в свое время приняли в нашем городе важное решение: разрешили 5–6 молодым женщинам объединиться, чтобы создать детский сад. Малыши по очереди проводили день на квартире у одной, затем у другой и т. д. В результате молодые мамы получили возможность работать, правда, не пять, а четыре раза в неделю. Из этой затеи в 1991 году, к сожалению, ничего не вышло, потому что, создавая подобную организацию, мы сразу подпадали под законодательство о частном бизнесе.

И одно замечание относительно монополизма. Я думаю, что он — во многом искусственный. На чем, к примеру, держится банковский монополизм? На том, что иностранным банкам запрещено открывать у нас филиалы и принимать взносы. Если же им это разрешить, монополизм рухнет в один день. По сравнению с ресурсами тех банков наши структуры — совершенно нищие.

Еще пример. Когда я работал в совнархозе, мне поручили важное дело, за которое никто не хотел браться. Мы упразднили в Москве около 50 мелких предприятий, которые занимались обслуживанием машиностроения, — делали метизы, резцы, всякие другие инструменты. Их ликвидировали потому, что «Калибр» и «Фрезер» производили ту же продукцию, только в два-три раза дешевле. Но заводы-потребители за эти мелкие предприятия держались, чтобы быть независимыми от поставок извне, — даже ценой высокой себестоимости. В результате ликвидации произошло удешевление машиностроительной продукции, чему я очень радовался. Но что было сделано? Мы насадили монополизм не только в самом машиностроении, но и в сфере его обслуживания, потому что в Москве осталось всего два завода — «Калибр» и «Фрезер».

Так вот, во всех других отраслях точно такой же монополизм. Если в районе было четыре аптеки, а по нормативам, рассчитанным Академией коммунального хозяйства, полагалась одна, то остальные упразднялись. У нас везде монополизм насажен, он непрочный, он не возник в конкурентной борьбе, подавил, победил, т. е. продемонстрировал динамизм. Это не монополизм Форда, а скорее, плод, который, при соответствующем желании, легко разбить.

Меньшиков С. М. — При соответствующей политической надстройке.

Дзарасов С. С. — В данном вопросе я бы еще акцентировал внимание на понятии — российская специфика.

Говоря о капитализме и рынке, мы находимся под влиянием той модели, которая сложилась в развитых странах Запада. И мы — одни сознательно, другие подсознательно — исходим из того, что если будем следовать их примеру, то у нас будет так же, как у них. На самом деле это не так, потому что мы можем принимать их модель, но на российской почве вырастет нечто совсем непохожее. И вот в этой связи у меня есть опасения. Прежде всего, я хотел бы выделить вопрос о роли государства, на чем сделал акцент Станислав Михайлович. Какое государство у нас должно быть, каковы его функции? Допустим, я скажу, что нам нужен такой же тип государства, как на Западе. Он скажет, все верно, государство должно выполнять свои основополагающие законы и т. д. И в этом смысле я бы не согласился делать механические переносы. Ведь государство западного типа в наших кризисных условиях эффективно не сработает, оно должно выполнять больше функций и играть большую роль в обществе. Так у нас традиционно сложилось, и никуда от этого не денешься.

С другой стороны, мы еще не имеем того цивилизованного частного предпринимателя, который есть на Западе. Наш предприниматель не будет выполнять все те социальные функции, которые на него возлагаются в смешанной экономике. Бизнес уйдет во взяточничество, грубое стяжательство, криминал. Именно поэтому у нас нет настоящего эффективного предпринимательства, банковской системы, обслуживающей производство, вместо конкурентного перелива капитала идет насильственный передел и т. д.

Поэтому нужна такая модель государства, которая бы компенсировала дефекты российского варварского частного предпринимательства.

Попов Г. Х. — Солтан Сафарбиевич, как получить сверхпрогрессивное государство при отсталой азиатчине?

Дзарасов С. С. — А оно не будет сверхпрогрессивным.

Попов Г. Х. — Вы же хотите, чтобы оно стало идеальным.

Дзарасов С. С. — Оно не будет идеальным, но, по крайней мере, его необходимо сделать не криминальным. Я не могу ответить на вопрос, как этого достичь, но беру в качестве модели для рассуждения пример Японии, потому что определенные регулирующие функции государства должны быть закреплены. Необходим даже Госплан в каком-то новом виде с тем, чтобы он обеспечил условия макроэкономического равновесия. На Западе частник, предоставленный самому себе, работает хоть и

не идеально, но все равно более или менее законно. У нас же действует, в основном, криминал. Наш частник — это пират, у него пиратское сознание, стремление отхватить от общества все, что только можно.

Причем это не только сегодняшняя проблема. Почему революции произошли не на Западе, а у нас? Потому что у нас дикий капитализм, хотя и не криминальный, существовал и до революции. Был такой жандарм — Спиридович, который оставил замечательные мемуары, где пишет, что вмешивался в отношения рабочих и хозяев, пытаясь снизить накал революционного движения. Он знал, что рабочим надо давать зарплату. Жандарм пришел к тому, о чем говорят нынешние социал-демократы. Однако представители крупного капитала жестко ответили, что в его функции входит только защита их интересов. Он их уверил: «Я не могу защищать ваши интересы, если вы сами о себе не заботитесь». Парадокс русской жизни состоит в том, что жандарм уговаривал промышленников быть социальными.

Попов Г. Х. — И царь уговаривал помещиков быть мягче.

Дзарасов С. С. — Закончу на этом. Роль государства надо рассматривать в связи с дефицитом правосознания наших граждан вообще и криминальным характером нашего бизнеса, в частности.

Меньшиков С. М. — Одно небольшое добавление насчет индикативного планирования, которое тоже должно быть частью смешанной экономики. Мы должны понимать, что без социального партнерства в хорошем смысле, не в виде деклараций, а в виде определенного института, который на Западе, в том числе и в ряде социал-демократических стран, успешно работал, индикативное планирование невозможно.

Многие вопросы, в том числе выбор макроэкономических, структурных пропорций, определение приоритетных отраслей для направления капиталовложений, — решались треугольником социального партнерства: государство — бизнес — профсоюзы. Можно поделить предпринимателей на крупных и мелких, но сделать так, чтобы и те, и другие участвовали в выработке решений. У нас что-то в этом духе начиналось, но не развилось. Пропорции должны определяться не у Грефа в министерстве, а путем консенсуса основных социальных групп. Только так можно шаг за шагом увеличить долю оплаты труда в валовом внутреннем продукте, развить внутренний рынок, ликвидировать нищету. Надо, чтобы это было государственной политикой на основе социального консенсуса.

Попов Г. Х. — Это правильно.

Меньшиков С. М. — Когда Гавриил Харитонович говорит о том, чтобы не возвращаться назад, к капитализму, а идти вперед, к постиндустриальному обществу, я согласен с такой постановкой вопроса, но надо

все-таки придать этому постиндустриальному обществу в российском варианте более конкретный облик, например, подчеркнуть, что это означает упор на развитие определенной группы отраслей. У нас, в России, еще не закончено построение современного индустриального общества, нет достаточно развитой дорожной сети, нет завершенной массовой автомобилизации, всеобщей телефонизации, не развиты система водопроводов и домохозяйственная инфраструктура.

Все еще надо достраивать, и это задачи индустриального, а не постиндустриального общества. Не следует забывать о том, что не завершено на предыдущем этапе, иначе у нас так и останется гнилая деревня, которая хватает за фалды всю нашу экономику, тянет ее назад.

6. Контуры грядущего

Дзарасов С. С. — Как же все-таки мы видим экономику и политическое устройство будущего постиндустриального общества?

С одной стороны, это общество будущего, но, с другой, оно отчасти уже существует на Западе. Так, по крайней мере, считается. В первую очередь, меня интересует, нет ли здесь попытки уйти от прежних понятий и почему, например, не мог бы подойти термин «новый социализм»? Мы же открыто не отрекаемся от попыток строить новый социализм на демократических началах, тогда почему нужно вводить какой-то дополнительный термин, позаимствованный на Западе, который характеризует в первую очередь производительные силы. Не так ли?

Меньшиков С. М. — У меня вопрос об отраслевом разрезе постиндустриального общества, о том, как его видят на Западе. Это, прежде всего, информатика и всеобщая компьютеризация. Это общество, где подавляющую часть экономики составляет сфера услуг. Хотя мы еще очень далеки от такого уровня, но, тем не менее, разработка этой идеи должна быть конкретизирована с тем, чтобы люди понимали ее не как общую декларацию, а как нечто конкретное, куда мы уже сегодня должны направлять наши долговременные капиталовложения.

Попов Г. Х. — Согласен, что это трудные вопросы. Надо искать на них разумные ответы. Но я все же не могу назвать такое общество новым социализмом. Дело в том, что, начиная с утопического социализма, имелась историческая идея обобществления: у людей все отнимается, вплоть до детей. И это была единственная логичная социалистическая структура, потому что, если у меня остаются дети, я рано или поздно начинаю что-то тащить у государства, чтобы своих детей обес-

печить больше, чем других. Я считаю, что социализм при Ленине погиб с той минуты, как приняли решение сохранить семью и отдельное жилье для нее, закрепленное постановлением 1931 года об архитектуре. Поэтому я думаю, что у нас в новом обществе вся социалистическая составляющая во всех ее позитивных характеристиках будет реализована. Все теории социализма станут одним из фундаментов постиндустриального общества. Это будет новое общество, совершенно новое по отношению к прошлому. Я бы очень опасался называть его социалистическим уже хотя бы потому, что в нем одну треть составляет частный сектор.

Теперь второй вопрос. В чем российская специфика постиндустриализма? Во-первых, налицо полное несоответствие между сложностью и важностью возникающих задач и возможностями нашей бюрократии. Механизм ее формирования таков, что мы никогда не получим хорошую бюрократию. Нам нужны сверхобразованные, перспективно мыслящие люди, способные в какой-то мере жертвовать своими личными интересами ради общественных и т. д. Но я не вижу сейчас никаких условий, позволяющих этим людям даже приблизиться к аппарату, не то что занять в нем ключевые позиции.

Значит, если говорить о российской специфике, надо признать, что нагрузка ложится на бюрократию, и следует думать о каких-то нестандартных методах ее формирования и развития.

Для меня этот нестандартный метод заключается в отказе от примитивной демократии: один человек — один голос. Я думаю, что мы должны думать о каких-то других механизмах, прежний же нужно сохранить внизу, на уровне общины, улицы, двора, где человек во всем разбирается. Дальше уже нужны какие-то другие механизмы выбора представителей масс. Мне гораздо ближе съезд Горбачева, где 1/3 мест сразу получила интеллигенция, чем нынешняя Дума. Сейчас у интеллектуалов нет никаких перспектив пробиться в депутаты. А России нужно, чтобы интеллигенция несколько десятилетий целенаправленно вела дела. В этом отношении мне гораздо интереснее китайская модель: там компартия отбирает элиту, и этой элитой уже формируется задача. И китайцы могут сказать, что им делать в ближайшие 50 лет. Можно спорить, конечно, что там нет демократии, но эффективность развития КНР подтверждает, что западная модель демократии ей не подходит.

Вторая особенность состоит в том, что для нашей страны вообще неприемлем принцип большинства. Да и какое большинство может быть в стране, где так много наций? И ни одна из наций — даже русская — не может на него рассчитывать. Следовательно, мы должны

иметь какой-то другой механизм, где роль нации чем-то обеспечена. Пусть не во всех вопросах, но в том, что касается жизни, культуры и национальной автономии, нации должны иметь равные голоса, независимо от численности.

Или вот принцип социального партнерства — важнейший для постиндустриального общества. Нам нужно добиваться определенного согласия, или, как в русской истории говорили, соборности, и реализовывать ее с учетом всех наших особенностей. Соборность была на Новгородском вече. Соборность была вначале и при московских царях. В общем, в этом направлении надо что-то делать. Основная, главная мысль — страну должна вести интеллектуальная элита. Сейчас эта элита во власть попасть не может.

Дзарасов С. С. — При нынешнем режиме.

Попов Г. Х. — При нынешних механизмах.

Меньшиков С. М. — И при западных.

Попов Г. Х. — И при западных тоже. Вот эту проблему я бы очень четко и жестко поставил.

Меньшиков С. М. — Ленин тоже говорил, что сознание должно вноситься извне, причем не только социалистическое, но и иное прогрессивное. Важен сам принцип: передовое сознание должен вырабатывать и нести мозг общества — интеллигенция.

Попов Г. Х. — Тогда мы должны вернуться к вопросу неравенства.

Меньшиков С. М. — Что?

Попов Г. Х. — Есть идеи всеобщего равенства. Последние социал-демократические разработки Блэра и Шредера фактически меняют подход к этой проблеме: при сохранении равенства стартовых позиций они не требуют равенства в распределительных отношениях. В общем, у них есть попытка, по крайней мере, начать размышлять на эту тему.

Меньшиков С. М. — Один американский автор объясняет, почему Кейнсу удалось провести свои революционные идеи. Одна из причин заключалась в том, что он был частью правящей элиты, своим человеком, ему доверяли. Под всем, что говорил Гавриил Харитонович, я готов подписаться, но весь вопрос в том, как это осуществить, каким образом в среде бюрократии вдруг появится свой человек, который начнет мыслить революционно, вроде Кейнса или еще кого-нибудь.

Попов Г. Х. — То есть родится Петр I.

Меньшиков С. М. — Одно время думалось, что Горбачев и есть такой человек, но жизнь показала, что это не так. Затем появился Путин, который, в отличие от Ельцина, говорит грамотными, законченными фразами. Но это совсем не означает, что такие деятели и есть носители

необходимой революционной идеи или готовы ее воспринять и пробить. Например, Дмитрий Львов подсказал Путину идею перераспределения природной ренты. Путин поддержал ее два года назад, но с тех пор мало что изменилось, а ведь президент наделен властью.

Дзарасов С. С. — Да, но я все-таки хочу привести пример того, как элита может быть привлечена к управлению. В разгар Великой депрессии правительством Англии был создан так называемый «комитет Макмиллана», который должен был найти выход из кризиса. Этот орган состоял из правящей элиты страны. Брат председателя этого комитета стал впоследствии премьер-министром, так что это был высший правящий круг, в который входили знатные люди, управляющий Английским банком и т. д. Так вот, они слушали специальный доклад Кейнса в течение 5–6 дней. Мы находимся в состоянии острейшего кризиса, но возможно ли что-либо подобное у нас? Вы скажете, что у нас нет Кейнса. Возможно. Но даже если он появится, у него нет никаких шансов быть настолько внимательно выслушанным. Для этого нужна другая культура, которая в Англии есть, а у нас ее нет.

Меньшиков С. М. — Я книгу свою, помню, дал советнику Зюганова, он ее взял, пошел к нему и говорит: «Геннадий Андреевич, вот посмотрите, тут книжка новая вышла, можно кое-что использовать, по-моему, это интересно». А Зюганов отвечает: «Вот в отпуск пойду, тогда и полистаю». Когда нет потребности в новых идеях, и вносить их в массовое сознание некому.

Дзарасов С. С. — Вот вам наша культура и так называемая «элита».

Меньшиков С. М. — Это касается не только Зюганова, там все такие.

Дзарасов С. С. — И все же термин «постиндустриальное общество» не кажется мне удачным. Думаю, что название общественной системы должно выражать социальный идеал. Вот термин «капитализм», например, выражает определенный тип социальной системы — господство капитала. И есть целые теории — либеральные и социал-демократические, которые считают, что на основе свободного рынка, свободы частного предпринимательства можно добиться наиболее эффективного использования ресурсов. Термин «социализм» тоже отражает социальный идеал, согласно которому путем обобществления и планирования мы достигнем наибольшей эффективности — и экономической, и социальной.

Хотя я не являюсь сторонником такого чрезмерного уровня обобществления, но не считаю социализм такой уж несбыточной утопией. Элемент утопии есть в каждой великой социальной идее. Хотя у социализма был свой утопический период, он познал не только горечь пора-

жения, но и моменты триумфа. Не могу согласиться, что цаголовская система является логической утопией, поскольку начинается с идеи планомерности.

Как я пишу в основном тексте этой книги, цаголовская школа находила элементы планомерности уже при капитализме, и, как мы уже отмечали в нашей дискуссии, эти элементы превратились в развернутую систему государственного регулирования современной рыночной экономики. Как можно планомерность считать утопией, если под ее знаменем мы из отсталой страны превратились в сверхдержаву и достигли показателей здоровья, культурного развития и т. д., сравнявших нас с развитыми странами мира? Если социализм был всего лишь утопией, то как же объяснить тот факт, что, отказавшись от «утопизма», т. е. попытавшись построить свою жизнь на принципах отрицания социализма, мы впали в невиданный в нашей истории кризис?

Скорее сегодня, взяв на вооружение рыночный идеал позапрошлого века, мы руководствуемся утопией, но только не прогрессивной, а глубоко *реакционной*, зовущей нас не вперед, а назад. Думаю, что, как показал реальный исторический опыт, наша страна имела шанс на движение к цивилизованному обществу только под знаменем социализма (разумеется, демократического, а не тоталитарного) и лишилась его при капитализме.

В связи с этим я думаю, что термин «постиндустриальное общество» характеризует скорее уровень производительных сил, а не тип социальной системы. Он не решает главную задачу нашего развития — проблему создания современного эффективного общества.

Попов Г. Х. — Этот термин носит сравнительный характер.

Дзарасов С. С. — Что касается термина «новый социализм», то всегда есть опасность, что у нас новое получится, как старое. Есть сложность и с понятием смешанной экономики. Для Г. Х. Попова это не социалистическая экономика, потому что в ней сохраняется частное предпринимательство, а для Хайека — не капиталистическая, потому что она включает государственное регулирование. Поэтому нужен более точный термин. Какой? В обозначении «социально ориентированная рыночная экономика» мы ушли от прямого названия, но, по-моему, это уже рыночная экономика. Поэтому я говорю о **модели планово-рыночной экономики.** Она чем-то похожа на модель НЭПа, хотя это не вполне НЭП, потому что новая экономическая политика исходила из того, что рынок — явление временное, а мы считаем, что постоянное.

Китайцы называют свою модель планово-товарной. Мне кажется, что на данном этапе пока, за неимением лучшего, нам нужно принять мо-

дель планово-рыночной экономики. Правда, сразу возникает вопрос, в каком соотношении находятся план и рынок. По Цаголову, рынок является подчиненным элементом планового хозяйства. Допустим, по концепции европейских социал-демократов, рынок является главным, а план применяется там, где не действует рынок. Приняв формулу планово-рыночной модели, вопрос о соотношении ее начал можно оставить открытым для будущего решения методом проб и ошибок. Думаю, что на него должны ответить не теоретики, а сама жизнь. Могут быть разные модели, в которых в разных странах и в разных ситуациях соотношение между этими двумя компонентами будет различным. Давайте теоретически не предрешать это соотношение, пусть оно выявится на основании опыта.

Попов Г. Х. — Я, естественно, тоже много над этим думал. Европейские социал-демократы вводят термин «социально ориентированная рыночная экономика», и наш президент стал недавно его повторять. Но я с вами согласен, что, судя по названию, здесь превалирующей, основной является рыночная экономика и не находит отражения идея смешанной экономики. Это, наоборот, рыночная экономика, только социально ориентированная, а значит, термин нуждается в уточнениях. Я бы согласился с названием «социально ориентированная планово-рыночная экономика».

Но в связи с этим возникает вопрос о названии общества, строя. Вот здесь я не нашел ничего лучше термина Шарля Фурье — «строй социального гарантирования», или «строй социального гарантизма». Фурье считал, что за рыночным анархическим хозяйством, до перехода к коммунизму, будет длительная эпоха социального гарантизма. Т. е. когда все гарантировано, отрегулировано.

Дзарасов С. С. — Неплохое название.

Попов Г. Х. — Фурье был хоть и сумасшедшим, но гением, поэтому термин «строй **социального гарантизма**», на мой взгляд, представляет интерес.

Меньшиков С. М. — Ясно, что если у вас есть определенное сочетание плана и рынка, то они оба играют какую-то роль. Н. А. Цаголов считал, что решающим может быть только один фактор: либо план, либо рынок. Я же полагаю, что возможна такая ситуация, при которой планомерность охватывает одну часть общества, а другая регулируется рынком, причем одно помогает другому: рынок укрепляет планомерность, а планомерность укрепляет рынок. Можно себе представить, насколько оптимально это сочетание, но оно достижимо только при определенной политической надстройке, контуры которой в общих чертах обри-

совал Гавриил Харитонович. Только все это надо еще развивать, конкретизировать, представить себе пути перехода к системе, в которой интеллигенция будет иметь треть мест в парламенте. Это целая эпоха, причем в этом случае вы уходите от идей парламентской демократии, чем немедленно превращаете западную демократию в своего врага.

Попов Г. Х. — 9/10 мира не живет по законам демократии.

Меньшиков С. М. — Я это понимаю, но Запад сразу становится вашим противником, поэтому надо заранее думать и о каких-то новых формах внешней политики для такой системы.

Попов Г. Х. — Я говорил с некоторыми политиками в Соединенных Штатах. Они уже находятся в кризисе. Еще 10 лет — и на выборах в Америке начнут побеждать латиноамериканцы, причем не в отдельных штатах, а в массовом порядке, поэтому для них кризис демократического принципа: «один человек — один голос» — не абстракция, они подошли к этому вплотную.

Меньшиков С. М. — Да, это понятно, но многих устраивает. Вот мы живем в Голландии и видим масштабы косности и мещанства.

Попов Г. Х. — Ну, Голландия, Швейцария... Мещанство всегда было в западной демократии, это практически торжество мещанства.

Меньшиков С. М. — Почему Рейган и Буш смогли прийти к власти? Потому, что это общество выдвигает середняков. Если не хуже.

7. Возвращение политической экономии

Дзарасов С. С. — Успешное поступательное движение общества во многом зависит, в том числе, и от состояния, места и роли экономических наук вообще, и политической экономии в частности. Между тем, как все мы, к сожалению, уже не раз констатировали, их положение незавидное, и в особенности это касается политической экономии.

Меньшиков С. М. — Некоторые отрицают само понятие политэкономии. У Вас, Гавриил Харитонович, есть такой предмет — политэкономия — в Международном университете?

Попов Г. Х. — Нет, она не предусмотрена Минвузом. У нас есть предмет — экономическая теория.

Дзарасов С. С. — Прежнее название «политическая экономия» заменил на «экономикс» А. Маршалл в своей работе 1890 года, и это означало изменение угла зрения в рассмотрении проблем экономических наук. Социальный аспект был затушеван, и внимание переключено на техни-

ко-экономические зависимости, выступающие в экономической действительности. Именно в таком виде экономикс воспринят нами.

На этом пути есть значительные достижения. Математизация, функциональные зависимости и множество других инструментов более точного количественного анализа вошли в арсенал науки. Это полезные и нужные новации, которые мы в свое время в политической экономии не изучали, что было глубоким пороком, связанным с догматической стороной нашей политической экономии, которой отдавал определенную дань и Цаголов. Но с отрицанием социального подхода к экономическим процессам в пользу функциональных зависимостей, что характерно для экономикс, никак нельзя согласиться.

Справедливости ради следует сказать, что на Западе существуют не только неоклассический мейнстрим, но и другие направления экономической мысли. Возьмите кейнсианство и посткейнсианство. Эти течения не отрицают политическую экономию, не соглашаясь в этом смысле с Маршаллом, и уделяют большое внимание социальному аспекту экономических отношений, отдавая ему приоритет по сравнению с технико-экономическим. Я лично считаю, что при правильном подборе угла зрения наука должна охватывать как технико-экономические, так и социально-экономические аспекты, и тогда это будет политическая экономия. Если же вы исключаете социальную сторону экономических проблем и концентрируете внимание на их техническом аспекте, тогда это экономикс.

Меньшиков С. М. — Вообще говоря, слово «политэкономия» имеет определенное происхождение, причем слово «политическая» в этом термине отражает то понимание, которое вкладывал в него Маркс, т. е. производственные, общественные отношения по поводу производства.

Дзарасов С. С. — Рикардо тоже.

Меньшиков С. М. — Но сегодня на Западе, когда говорят «политэкономия», зачастую подразумевают, что речь идет об экономической политике или о том, как политика взаимодействует с экономикой. Я вообще не склонен преувеличивать деление на технико-экономический и социально-экономический подходы. У Маркса такого четкого разграничения нет. У Маркса отсутствует теория спроса. Этот раздел дополнили другие. Есть у него зачатки теории роста. Производственные отношения у него больше всего присутствуют в первом томе «Капитала», а дальше преобладают экономическая динамика и теория конкуренции. Строго говоря, все это и есть производственные отношения между людьми, ведь переливом капитала тоже люди занимаются.

Огромная познавательная ценность Маркса состоит в том, что он проникает в самую суть процесса экономической динамики. Взять, к

примеру, данные им схемы воспроизводства. От них он пошел к межотраслевому балансу — самой основе экономического процесса.

Дзарасов С. С. — А проблема распределения прибавочного продукта на прибыль и заработную плату?

Меньшиков С. М. — То же самое. Проблема распределения первичных доходов существует в любом обществе, но сила политэкономии Маркса в том, что в ней говорится не только об одной, единственно возможной системе, а рассматриваются законы эволюции разных систем. И надо, конечно, чтобы социально-эволюционные процессы входили в предмет науки. Если они не являются предметом изучения, например, экономикс, тогда его видение ограничено. Но и эта наука, конечно, имеет свою ценность.

Дзарасов С. С. — Я могу назвать множество вещей, которые не входят в экономикс: теории капитала, допустим, в нем нет. Вся теория капитала в экономикс — это производственная функция. Принципиальный вопрос состоит в том, рассматриваем ли мы общество или Робинзона Крузо на необитаемом острове. Если последнее, то вопрос о социальных отношениях и не встает. Если же человек является общественным существом, тогда есть общественный аспект. Сегодняшний экономикс это обстоятельство игнорирует. Капитал трактуется исключительно как имущество, приносящее доход. Общественными отношениями по этому поводу пренебрегают. Дается чисто технологическое объяснение обратной зависимости между нормой прибыли и ставкой заработной платы. Что является центральной проблемой не только у Маркса, но и у Рикардо? А у Кейнса? Я не могу сказать, что Кейнс был представителем экономикс, хотя он и воспитанник Маршалла. Кейнс был политэкономом, потому что рассматривал проблему труда в том же аспекте, что и Маркс, т. е. по существу. Кейнс не любил и не признавал Маркса, но он анализировал реальные отношения, и ему был нужен социальный аспект, без чего у него не получилось бы Общей теории. Вот это для меня красноречивое доказательство того, что он отказался от Маршалла, от маршаллианства и создал другую концепцию — Общую теорию. Кейнс сам так считал, и по своему содержанию это тоже есть политическая экономия. А в рамках маршаллианских зависимостей он не мог объяснить Великую депрессию.

Меньшиков С. М. — Заголовок моей предыдущей книги — «Новая экономика». Я бы мог назвать ее «Новая политэкономия», но назвал иначе, почему?

Дзарасов С. С. — Наверное, в силу конъюнктурных обстоятельств.

Меньшиков С. М. — Да. Приходилось подстраиваться под официальную программу. Хотя, по существу, это и есть политэкономия.

Дзарасов С. С. — Признаюсь также: я был инициатором переименования своей кафедры политической экономии в кафедру экономической теории. Почему? Потому, что теперь так принято. Но то, что я преподаю, — это синтез экономикс и политической экономии, ведь речь идет о социальных аспектах экономических вопросов.

Меньшиков С. М. — Получается, что нынешнее невосприятие официальными российскими властями термина «политическая экономия» — это как бы расплата за прежнюю заидеологизированность и заполитизированность науки, отождествляемой с марксизмом. А марксизм подчас рассматривают как какое-то пугало. Это что-то неприличное, его надо перечеркнуть, от него надо отказаться. Если вы марксист — до свиданья, с вами не имеем дело.

Это совершенно недопустимо. Люди не понимают позитивного вклада марксизма в экономическую науку. А он состоит не только в анализе социального аспекта, но и в разработке экономической динамики, конкретного механизма функционирования капиталистической экономики. На марксизме в значительной мере основывается современная экономическая наука. Без таблиц Кенэ, а потом и марксовых таблиц просто не было бы и межотраслевого баланса, и многих других достижений.

Попов Г. Х. — Во-первых, об отрицании марксизма. Думаю, что здесь есть две ошибки. Первая: и в социальной области ни одна из теорий не может зачеркиваться. Это не математика. Но даже и в этой области, если вы дошли до высшей математики, теорема Пифагора не исчезает и на каких-то участках продолжает работать. Поэтому такой подход к науке, к теории неприемлем в принципе.

Кроме того, марксизм — комплексное учение. В нем есть три части: философия, политэкономия, научный социализм. Поэтому в данном случае ограничиваться дискуссией о политэкономии совершенно недостаточно, и тем, кто говорит о марксизме, надо сразу брать все три его компонента и после этого решать вопрос о том, что остается, а что надо менять.

Теперь к вопросу о понимании политэкономии. Ведь, как известно из первоначальных планов Маркса, схема его работ включала гораздо более широкую тематику по сравнению с той, что попала в «Капитал». Если вспомнить, то там был перечень из шести томов, в состав которых входили очень многие вопросы. Значит, сам Маркс не понимал политэкономию узко. Сохранилось то, что он успел написать. Это тоже очень важное соображение для понимания. А если взять все, что он там перечислил, то, на мой взгляд, марксистская политэкономия по своему предмету не очень-то будет отличаться от многих нынешних экономических теорий.

Я всегда считал: отличие политэкономии от той науки, которой я занимаюсь (от управления), в том, что она — наука на уровне абстрактного анализа. С этой точки зрения мне представляется, что сравнивать ее с «экономикс» — значит отождествлять совершенно разноплановые теории. Это все равно, что сопоставлять теоретическую биологию с какими-то предметами по медицине. Это связанные, но разноплановые науки. На мой взгляд, как ценность, так и слабость политэкономии состоит как раз в высоком уровне абстракции и возможности получить на этой основе исключительно ценные обобщения. Требуется очень сложная система опосредствованных форм, с помощью которых от них можно приблизиться к обществу.

Теперь относительно политической, социальной и классовой направленности. В данном случае, скорее всего Маркс, а может быть, и Энгельс, гипертрофировали эту сторону науки. В принципе, она должна была понять экономическую жизнь общества, а вовсе не обосновать восстание пролетариата, или классовую борьбу за сокращение рабочего дня, или что-то еще, под что ее подгоняли. Здесь, по-моему, заложено определенное противоречие Маркса и всех его учеников. Они занимались абстрактной наукой, а потом вдруг делали выводы о совершенно конкретной забастовочной борьбе.

Еще одно, существенное для меня соображение. Политэкономия — наука о производственных отношениях, т. е. отношениях, связанных с производством. Должен сказать, что самое характерное в развитии современного общества за последние 100 лет — это непрерывное сокращение роли и значения сферы производства.

Меньшиков С. М. — Материальных благ, вы имеете в виду?

Попов Г. Х. — Да. Косвенный показатель: в обществе процент работников физического труда среди всех занятых составляет 20%.

Для меня очевидно, что часть экономической науки должна на известном уровне абстракции анализировать определенную группу отношений. Обозначить ее просто как экономикс, думаю, нельзя. Следует назвать ее политической экономией. В любом случае очевидно, что люди, занимавшиеся политэкономией, — и Смит, и Рикардо, и Маркс, и Цаголов, и все остальные — они все работали в области науки, и разговоры о том, чтобы что-то вычеркивать, неприемлемы.

Было бы печально, если бы мы остались без экономической теории, только в области практики, эластичности, движения цен, конкуренции и т. д. У нас сейчас, например, проводят политику ценообразования, забывая о самых элементарных вещах, например, о том, что ценообразование определяется не только своими издержками, но и всей структу-

рой экономики. Этот фактор почему-то выпадает. Как можно определить цены на нефть и газ, исходя из издержек? Нужно брать всю сумму экономических отношений общества и делать какие-то выводы.

Дзарасов С. С. — Я хотел, чтобы мы в заключение коснулись личности Цаголова. Какие черты его характера больше всего запомнились?

Попов Г. Х. — Я бы выделил, как фундамент всего: стремление к независимости. Во всех областях, в том числе и в деловых. Пожалуй, это определило потом и успехи, и беды жизни Николая Александровича.

Дзарасов С. С. — Я бы тоже отметил эту черту. Он вообще был очень свободолюбивый человек.

Попов Г. Х. — И из-за этого стал неудобным.

Дзарасов С. С. — Он вообще никакие оковы, никакой власти над собой не признавал.

Попов Г. Х. — Все-таки это был сын революции, а не сталинского социализма.

Дзарасов С. С. — Вспоминаю один момент из его жизни. Надвигались выборы. Они его страшно раздражали, т. к. это были выборы без выбора, и он не желал голосовать. Мы начали его уговаривать: «Николай Александрович, проголосуйте, пожалуйста, своевременно». Он нарочно уезжал в воскресенье с утра на дачу, но все же приезжал и, выражая свое неуважение к выборам, голосовал последним, чем приводил в ужас партком и всех организаторов. Или, например, когда мы выбирали парторга кафедры, кандидатуру нам все время рекомендовали сверху. Цаголов страшно этим возмущался, ведь, к примеру, еще вчера Солодков был секретарем парткома, и мы к нему ходили с поклоном, спрашивая, кого нам выбрать парторгом, а теперь Солодков вернулся на кафедру, и ему не доверяют самостоятельное решение вопросов.

Но, помимо независимости, Николаю Александровичу была присуща ответственность. Когда он отстаивал свои позиции, то чувствовалось, что он болеет за свою науку и несет за нее ответственность. Ни к кому он не хотел приспосабливаться. Цаголов внутренне считал себя лучшим политэкономом, хотя никогда этого не говорил.

Меньшиков С. М. — В Цаголове меня всегда поражала яркость. Яркий был человек, не стесняющийся своей яркости, наслаждающийся своей яркостью, не кичащийся своей яркостью, не навязывающий свою яркость. Думал я об этом его качестве и вспомнил: идем мы как-то по коридору с одним цекистом, одним из зав. сектором международного отдела и он говорит: «Знаете, почему меня больше всего устраивает социализм? Потому что ни при каком другом строе, я, совершенно неяркий человек, не имел бы того, что имею сейчас».

Попов Г. Х. — Это был, безусловно, яркий человек, раз он это хорошо знал.

Меньшиков С. М. — Цаголов действительно был яркой личностью, но не единственной. Моего отца, тогда министра внешней торговли, сняли за то, что на стол к товарищу Сталину попали бананы, на которых были темные пятна. Считалось, что министр внешней торговли отвечает за весь импорт, но в действительности...

Попов Г. Х. — Его сняли потому, что он кого-то не устраивал, а бананы были поводом.

Меньшиков С. М. — Началось все с того, что ему позвонил помощник Берии и потребовал выделить шубы для кого-то. Отец ответил, что это валютные ценности и он не может ими распоряжаться без специального разрешения правительства. В другой раз позвонил сам Берия, начал материться, обвиняя его в том, что отец делал доклад на партконференции и не сразу подошел к телефону. Отец ответил в тон и положил трубку. Иначе говоря, проявил независимость. И Николай Александрович тоже был таким.

Попов Г. Х. — Человеческое общество изначально питает неприязнь к людям ярким и выдающимся.

Меньшиков С. М. — В условиях западной демократии бывает почти то же самое. Нет тоталитаризма, но есть торжество посредственности и мещанства, неприязни к яркости. Кажется немножко странным, противоречивым тот факт, что такой яркий человек, блестящий тамада, великолепный оратор, занимается чистой теорией, создает абстрактную схему.

Попов Г. Х. — В этом, по-моему, как раз и проявился его выбор ниши для жизни.

Меньшиков С. М. —Я не думаю, что он прятался в нишу. Николай Александрович верил в то дело, которое отстаивал.

Попов Г. Х. — Тут надо себя убедить.

Дзарасов С. С. — Цаголов не только верил, он был влюблен в свое дело и в эту науку — политэкономию. Конечно, от стереотипов своего времени никто не свободен, и Цаголов не мог быть исключением из этого правила. Нельзя прожить безгрешно, и ему тоже были присущи заблуждения. Но ведь главное не в том, в чем ученый ошибался, а в том, что он видел лучше других и в чем преуспел больше остальных. По этому критерию Цаголов был выдающейся личностью. Его жизнь и деятельность являются еще одним подтверждением верности слов поэта, что большое видится на расстоянии. Чем дальше уходит время, тем величественнее выступает его исполинская фигура как мыслителя, полнее

и глубже других объяснившего своеобразие общества, в котором он жил. Цаголов смог это сделать не только в силу своего интеллектуального дарования, но и того, что стоял на недоступной другим нравственной высоте. Превыше всего он ставил служение общему благу, что, кажется, теперь не в моде. Но без известного количества бескорыстных исполнителей долга, подобных капитану Тушину и профессору Цаголову, нельзя выиграть сражение на поле битвы — ни военной, ни духовной.

Николай Александрович Цаголов не только оставил нам в наследство научные труды, создал стройную концепцию планомерности, но и сформировал школу, объединившую целую плеяду талантливых экономистов. Надеюсь, что, прочитав книгу о столь незаурядной, яркой личности, читатель придет к выводу, что лишь общественное служение является достойным настоящего Человека. Не всегда вознаграждаемое признанием современников, только оно способно принести благодарность потомков.

Именной указатель

А

Абаев Ш. 44, 51, 54
Абакумов В. С. 90, 171
Абалкин Л. И. 417
Адамс В. 266, 284
Айтматов Ч. 191
Александров Г. Ф. 94, 133
Альбац Е. 84, 85, 193
Андерсен Г. Х. 163
Андриянов В. 263, 284
Андропов Ю. В. 390
Анчишкин И. А. 144, 147, 162, 379, 389
Аракелян А. А. 270
Арбатов Г. А. 238
Ардасенов Н. М. 32, 77

Б

Бадури О. 18
Баев Ч. 38
Базаров В. А. 100-102
Байрон Дж. Г. 16
Бальзак О. 174
Баумоль Э. 207, 212, 284
Бем-Баверк Е. 71
Бентам И. 248, 272
Берг А. И. 381
Березовский Б. А. 355
Берия Л. П. 84, 89-91, 93, 171, 445
Бернхэм Дж. 315
Берри Л. Я. 122, 363-364, 379
Биншток Ф. И. 72
Бирман А. М. 233, 383
Блант А. 111
Блюмин И. Г. 254, 364
Бовин А. Е. 422
Богданов А. А. 74, 102, 366
Боланд Л. 228
Боярский В. А. 85
Брегель Э. Я. 80, 86, 88
Брежнев Л. И. 151, 191, 264, 374, 381-382, 416
Брехт Б. 104, 193, 215
Бритаев Е. 31
Бродель Ф. 403
Брок Дж. 266, 284
Буденный С. М. 65
Бутаев К. 83
Бухарин Н. И. 65, 74, 98, 107, 411
Буш Дж. 439
Бязырова В. 38, 77

В

Вадьбольский 59
Вазюлин В. А. 222, 284
Валентей Д. И. 379
Вальрас Л. 71, 222
Варга Е. С. 162, 163
Вахтангов Е. 38
Вебб Б. 111, 258
Вебб С. 111, 258
Вебер М. 403

Венжер В. Г. 162, 166
Вернадский И. В. 137, 160
Визер Ф. 71
Виксель К. 18
Вознесенский Н. А. 122-125, 153, 164-165
Волков Ф. М. 233
Высоцкий В. С. 388, 394

Г

Газдаров М. Ц. 185
Гайдар Е. Т. 387, 394, 417, 420
Галактионов М. Р. 94
Галилей Г. 98, 104, 111, 215
Гарданов В. М. 25
Гарданов М. 28, 32, 33, 35, 44, 55, 77
Гатовский Л. М. 200, 383
Гвишиани Д. М. 388
Гезел С. 177
Гегель Г. В. 219, 271, 284
Гейтс Б. 412
Герцен А. И. 117
Гибизов Д. 54
Гирсанов И. 368
Гитлер А. 110-111
Гладков И. 144, 162
Глазьев С. Ю. 400
Глушков В. М. 384
Гоконаева К. 55
Горбачев М. С. 18, 303, 313, 333, 345, 374, 390, 416, 434, 435
Горин Г. 376
Городецкий Е. 233
Гостиев А. 51, 54
Гостиев Г. В. 81–83, 85, 107
Гостиев К. И. 186
Греф Г. 432
Гришин В. В. 191, 421
Громан В. Г. 79, 100-102
Громыко А. А. 124, 126
Гумилев Л. Н. 25-29, 77, 402
Гусаков А. Д. 155, 159
Гусинский В. 355
Гэлбрейт Дж. К. 210-211, 246

Д

Датукишвили В. И. 184, 270
Деборин А. И. 253
Деникин А. И. 54
Джевонс У. 71
Джилас М. 315
Джонсон Л. 420
Дзарасов С. С. 233, 247, 284, 395
Дзокаев К. Х. 145-146
Дизраэли Б. 402
Диккенс Ч. 27
Диллард Д. 177, 197
Дмитришвили Т. 270
Домар Е. 281
Дубинин К. С. 394
Дуглас 177
Дунаев Э. 233
Дьяченко В. П. 155
Дэвидсон П. 281
Дэн Сяопин 420
Дюринг Е. 296, 297

Е

Евтушенко Е. 46
Егиазарян Г. А. 379
Екатерина II 420
Ельцин Б. Н. 18, 333, 350, 374, 398, 421, 425, 435

Ж

Желтухин А. Д. 137

З

Засулич В. И. 139

Захаров М. А. 376
Зибер Н. И. 227
Зиновьев Г. Е. 65, 69, 99
Зюганов Г. А. 436

И

Иванов Л. Д. 163
Игнатьев С. М. 394
Ильенков Э. В. 222, 284
Иноземцев Н. Н. 19, 238
Итуэлл Дж. 222

Й

Йосков П. 336, 341, 361

К

Кабалоев Б. Е. 414
Каверин К. Д. 137
Кадоган А. 96
Калецкий М. 278, 280
Кальдор Н. 222, 281, 284
Каменев Л. Б. 65, 69, 156
Каменицер С. Е. 383
Канторович Л. 304, 416
Капустин Е. И. 384
Караева-Цаголова Н. В. 126
Каратаев Н. К. 156, 158
Карпинский Л. В. 378
Карпов А. Г. 382
Карр Э. 22
Кац А. 232
Кейнс Дж. М. 17, 18, 109, 110, 150, 174, 176, 207-219, 247-258, 261, 266, 272, 284, 401, 407-408, 416-417, 435, 441
Кенэ Ф. 133, 442
Керенский А. Ф. 425
Кесаев Г. М. 25
Кесаев Н. 25, 38, 44, 51, 54
Кириленко А. П. 191
Киров С. М. 50, 65
Ковалевский 105
Козлов Г. А. 162
Козодоев И. 232
Кокиев Г. А. 25
Коллонтай А. М. 64
Компанелло Т. 411
Кондратьев Н. Г. 79, 100, 260, 274
Коперник Н. 220
Коржаков А. В. 421
Корнаи Я. 307, 312, 332, 336, 337, 361
Косолапов Р. 390, 421-422
Костин А. Л. 379, 394
Косыгин А. Н. 262, 263, 264, 284, 382, 421
Коуз Р. Г. 230, 336
Красовский В. П. 364
Кржижановский Г. М. 122, 320
Кромвель О. 206, 251
Кронрод Я. А. 162-165, 233, 235, 242, 373, 381
Кружков В. С. 94
Кудрявцев А. 232
Кулиев Р. 270
Кунявский М. С. 270

Л

Лавров П. 47
Ланге О. 303-305, 307, 322, 426
Лапидус Б. М. 240
Лебедев А. 427
Ленин В. И. 31, 64, 69, 71, 74, 77, 82, 113, 114, 123, 135, 158, 170, 188, 193, 233, 243, 260, 316, 320, 333, 348, 355, 366, 368, 371, 411, 434, 435
Леонтьев В. В. 79, 104, 121, 200, 233, 272, 284, 304, 359, 360
Лермонтов М. В. 45, 273, 284

Либерман Е. 233
Лисициан П. 38
Лисичкин Г. 233
Лист Ф. 71
Литошенко Л. Н. 79, 100
Ллойд-Джордж Д. 260
Луначарский А. В. 38
Львов Д. С. 436
Люксембург Р. 73, 74, 210

М

Макмиллан Г. 260, 436
Маленков Г. М. 83, 84, 148
Малиев Г. Г. 44, 45, 68
Малити Г. 46, 77
Малышев И. 232
Мальтус Т. Р. 138
Маркс К. 15, 22, 72, 92, 99, 113-117, 134, 136, 177, 180, 195-197, 203, 207, 214, 219-221, 226, 228, 230, 241, 255-256, 272-278, 282, 284, 288, 290, 296, 316, 321, 356, 370, 372, 373, 405, 410, 414, 417, 440, 441-443
Маркус Л. Б. 126
Марр Н. Я. 253
Маршалл А. 207, 208, 212, 219, 248, 284, 417, 439, 441
Маслова Н. 162
Маяковский В. В. 205
Мегрелешвили Г. И. 157-159, 270
Межлаук В. И. 122
Мелентьев Ю. 178
Менгер К. 71
Меньшиков С. М. 324, 326, 327, 336, 337, 361, 397
Мизес Л. 243, 298, 302-304, 309, 361
Милль Дж. С. 194, 208, 249
Минский Х. 281
Митин М. Б. 94
Молотов В. М. 96, 123, 124
Мор Т. 411
Морозов Ф. М. 153-158, 159-161
Мохов Н. И. 201
Моцарт В.-А. 62
Мочалов В. Д. 94
Мур Дж. 248, 272

Н

Наполеон Б. 206, 251, 273, 415, 420
Некипелов А. Д. 356-358, 360
Немчинов В. С. 188, 238, 379
Нина Иосифовна 126, 128, 129
Нолан П. 269, 284
Нордхаус 209, 217, 284
Ноткин А. И. 80, 88, 97, 98, 103, 108, 112-113, 117-122, 162
Ньютон И. 16, 17

О

Орджоникидзе С. 65
Оруэлл Дж. 160
Осадько М. П. 232
Островитянов К. В. 163, 165-167, 169, 188, 200, 233, 238-241

П

Пахомов Ю. Н. 20, 270
Пашков А. И 155, 200
Петр I 420, 435
Петровский И. Г. 363, 379-380
Печенев В. 390
Пигу А. 207, 417
Пиночет А. 387
Плеханов Г. В. 67, 383, 403
Плотников К. Н. 238
Покровский М. Н. 253

Покровский С. А. 156-157
Полянский Ф. Я. 159
Пономарев Б. Н. 422
Попов Г. Х. 397, 416
Поршнев Б. 158, 159
Поскребышев А. Н. 95, 124
Поспелов П. Н. 94, 151
Поэгли В. 395
Преображенский Е. А. 65, 79, 123
Птолемей К. 229
Путин В. В. 18, 412, 426, 435
Пушкин А. С. 45, 174, 391
Пятаков Г. Е. 320

Р

Резакова Т. М. 50
Рейган Р. 420, 439
Рикардо Д. 71, 102, 138, 208, 210, 440, 441, 443
Роббинс Л. 208
Робинсон Дж. 254, 255, 276, 280-281
Розенбаум С. 249
Романов Г. И. 421
Рошер В. 71
Рубин Б. Г. 253
Рузвельт Ф. Д. 95, 111, 258, 419, 425
Румянцев А. М. 152, 238
Рыков А. И. 107
Рюмин М. Д. 90

С

Салищев К. А. 380
Сальери 62
Самохвалов Ф. В. 147, 165
Самуэльсон П. 18, 195, 209, 211, 216, 217, 223, 284
Санина А. В. 166-167
Сахаров А. Д. 389, 398, 415
Сисмонди Ж. 210
Скидельский Р. 16, 109
Скипетров П. А. 382
Смирнов Ю. И. 246
Смит А. 71, 102, 138, 168, 180, 208, 266, 304, 410, 443
Собиев И. Т. 33
Соболь В. 232
Созаев Т. 51, 54
Солодков М. В. 363, 377-379, 383, 387, 389, 444
Спульбер Н. 123, 194
Сраффа П. 208, 222, 278-279, 281, 284
Сталин И. В. 64-66, 69, 77, 85, 90, 91, 94-99, 98, 100, 101, 113, 121, 133, 147, 149, 150, 152, 156, 157, 161-165, 168-170, 193, 199, 200, 233, 240, 253, 259, 287, 312, 320, 356, 365, 366, 373, 374, 392, 397, 411, 416, 420, 445
Старовский В.Н. 382
Струков Д. Н. 137
Струмилин С. Г. 121, 188, 238
Суслов М. А. 94, 151, 152, 191, 421
Суханов Н. Н. 102
Сухаревский Б. М. 262-263

Т

Тавасиев С. 54
Тагвелл Р. Г. 408
Такоев С. 34, 44
Татур С. К. 363
Тито И. Б. 315
Тихонов Н. 63, 78
Тогоев Д. 44, 54, 58
Тотоев М. С. 34, 78
Толстой Л. Н. 36, 37, 78
Толыпин Ю. М. 233

Троцкий Л. Д. 64, 69, 98, 102, 113, 115-118, 169, 193
Трумэн Г. 95, 133, 419

У

Уайльд О. 173
Успенский Гл. 31

Ф

Федоренко Н. П. 238, 304, 310
Федосеев П. Н. 153
Фельдман Г. А. 79, 100, 123, 281, 320, 360
Форд Г. 427, 430
Фрейд З. 22
Фридмен М. 195, 243, 266
Фрунзе М .В. 65
Фурцева Е. А. 378
Фурье Ш 438

Х

Хабаев 59, 61
Хасбулатов Р. И. 417
Хайек Ф. 243, 266, 305-309, 361, 426, 437
Харкорт Дж. 17-18, 22
Харрод Р. 109, 207, 249, 281
Хачатуров Т. С. 379
Хейнман С. А. 364
Хессин Н. В. 233, 238, 242, 243, 284
Хетагуров К. Л. 30, 45, 46, 49, 78, 173
Ходорковский М. Б. 355, 427
Хоранов 44
Хохлов Р. В. 363, 388-390
Храпченко М. Б. 80, 83
Хрущев Н. С. 94, 171, 173, 199, 374, 378, 397, 416

Ц

Цаголов А. Г. 40
Цаголов А. С. 80, 81, 86-89, 143
Цаголов Ал. Х. 22, 34, 35, 37, 39, 40, 57, 59, 61, 62, 69
Цаголов Ам. Х. 39, 41, 48, 57, 84
Цаголов Б. А. 34, 60, 182-185
Цаголов Баса 25
Цаголов Г. А. 34, 39, 48, 50-54, 57, 58, 60, 63
Цаголов Г. М. 33, 41, 44
Цаголов Г. Н. 128, 289, 290
Цаголов Дзандар 32
Цаголов Михаил 32
Цаголов Савва (Дафа) 53
Цаголов Слангерий 32, 33
Цаголов Хаджимет 58
Цаголов Хуасдзау 23, 25, 32, 186
Цаголова А. А. 34, 60, 182
Цаголова Н. А. 34, 60, 182-185
Цаголова Н. И. 127-130
Цаголова Н. Н. 187
Цаголова П. З. 34, 60, 61, 63, 91
Цаголова Р. С. 40, 182, 183, 184, 186, 192
Цветков 131-132

Ч

Чаянов А. В. 100, 101, 274
Черковец В. Н. 233, 238, 242, 243, 244, 245, 275, 284, 384
Черненко К. У. 390, 421, 422
Чернышевский Г. Н. 136-139, 180, 208, 365
Черняев 422
Черчилль У. 95
Чесноков Д. 152
Чехов А. П. 174
Чичерин Б. Н. 137
Чубайс А. Б. 417

Ш

Шанин Т. 42, 78
Шария П. А. 80, 84, 89-97, 148, 171
Шаталин С. С. 333, 379, 389, 417
Шаумян С. 53
Шафраник Ю. 427
Шеремет А. Д. 379
Шкредов В. П.э189-190, 233
Шкуро А. Г. 55, 56
Шмоллер Г. 71
Шолохов М. А. 56
Шпенглер О. 29
Шумпетер И. 177, 208, 214, 227, 284, 337

Э

Эйхнер А. 196, 281
Энгельс Ф. 92, 113, 114, 117, 133, 199, 220, 221, 228, 284, 296, 297, 410, 417, 443
Этингер Я. Я. 171, 194
Эттли К. 95

Ю

Юдин П. Ф. 151, 200
Юровский Л. Н. 100

Я

Ягодкин В. Н. 189-191, 233
Яковлев А. Н. 411, 422
Яременко Ю. В. 281
Ярошенко 366
Ясперс К. 51, 193

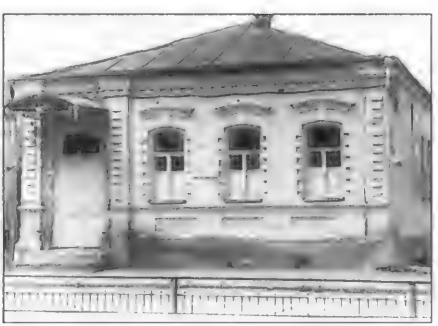
Харитон (Хуасдзау) Цаголов — дед Николая Александровича

Отец — Александр Харитонович

Мать — Пелагея Зурабовна

Семья Цаголовых (1911 г.); слева направо: Коля, старшая сестра Надя, отец, младший брат Борис, старший брат Георгий, мать, младшая сестра Аня

Н. Цаголов в возрасте полутора, четырех и семнадцати лет



Дом в г. Дигора, в котором родился Н. А. Цаголов

Гимназия во Владикавказе, где он учился

Старший брат —
Георгий Александрович

Писатель и поэт
Г. М. Цаголов

Дядя — Амурхан
Харитонович

Часто посещавшие дом Цаголовых революционные деятели Осетии; слева направо: Андрей Гостиев, Николай (Колка) Кесаев, неустановленное лицо, Тарас Созаев, Георгий Цаголов, неустановленное лицо, Шамиль Абаев (1917 г.)

Н. А. Цаголов с родственниками в начале 30-х годов; слева направо: двоюродный брат Георгий Гостиев, Николай Цаголов, его отец, брат Борис и двоюродный брат Афанасий

Семья Цаголовых в конце 30-х годов; слева направо: Пелагея Зурабовна, жена Н. А. Цаголова — Нина Иосифовна, Николай, Александр Харитонович, Анна, Надежда, Борис

Аспирант РАНИОНа Н. Цаголов (1929 г.)

Н. А. Цаголов в 40-е...

... и 50-е годы

Вторая жена Н. А. Цаголова — Руфь Сергеевна

Н. А. Цаголов с учеными и аспирантами Института экономики АН СССР

Константин Васильевич Островитянов

Яков Абрамович Кронрод

Николай Владимирович Хессин

Александр Ильич Ноткин

Михаил Васильевич Солодков

Владимир Николаевич Ягодкин

Г. Х. Попов и Н. А. Цаголов

С аспирантами экономического факультета МГУ (1972 г.)

Главные труды Н. А. Цаголова

Его работы были переведены на многие иностранные языки

Н. А. Цаголов и президент Университета Соха в Токио Таккай Икэдо в Японии (1976 г.)

И поздний Цаголов был непревзойденным оратором и лектором, искусно доносившим до слушателей глубину и все оттенки мысли

Чествование 80-летнего юбиляра Н. А. Цаголова в Праге (на чешский язык был переведен «Курс политической экономии»)...

... и в Москве. Слева — декан экономического факультета МГУ профессор В. Н. Черковец

Дзарасов Солтан Сафарбиевич
Меньшиков Станислав Михайлович
Попов Гавриил Харитонович

Судьба политической экономии
и ее советского классика

Технический редактор А. Бохенек
Компьютерная верстка А. Абрамов, А. Фоминов
Корректор П. Суворова
Художник обложки М. Соколова

Подписано в печать 5.04.04. Формат 70×100/16. Печать офсетная.
Объем 28,5 п. л. Тираж 3000 экз. Заказ № 3024.

Альпина Бизнес Букс
123060, Москва, а/я 28.
Тел. (095) 105-77-16, www.alpina.ru, e-mail: info@alpina.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.